

ББК 63.3(2)

? ??

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348 Москва, ул. Красной сосны, 24,
издательство «Вече».
Телефоны: 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74;
т/факс: 188-89-59, 188-00-73.
E-mail: veche@mail.sitek.net

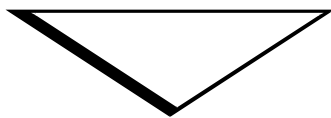
ISBN 5-7838-0776-1

© Перевод с англ. Н. Ю. Лихачева, 2000.

© Перевод с япон. Г. Ю. Ветров, С. В. Коврижкин, А. А. Прокожев, И. Л. Тимонин, 2000.

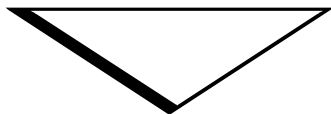
© «Вече», 2000.

ЧАРЛЬЗ УАЙТОН

ЗНАМЕНИТЫЕ ШПИОНЫ
XX ВЕКА

ГЛАВА 1

ШПИОНАЖ СКВОЗЬ МГЛУ ВЕКОВ

Шпионаж, конечно же, вторая древнейшая профессия. Возможно, он даже старше торговли, которую все единодушно признают первой древнейшей и которую шпионаж так часто использовал в своих собственных интересах.

С тех давних пор, когда человек впервые пошел войной на человека, когда семьи, племена, народы, нации и, наконец, империи стали сражаться друг против друга, шпионаж был их главным оружием. Он также занял свое место в дипломатии, которая всегда предшествует активным действиям. Поскольку шпионаж и дипломатия — есть не что иное, как две стороны одной медали. И не случайно все иностранцы прекрасно знают, что Британская разведывательная служба — филиал Форин Офис на Уайтхолле, и что во главе ЦРУ в США стоял поначалу человек, чей брат, мистер Джон Фостер Даллес, был в то время американским госсекретарем, и что в самых секретных организациях есть как легальный аппарат, действующий под прикрытием советского посольства, так и нелегальный, с которым советские дипломаты не поддерживают, по крайней мере официально, никаких связей.

В древние времена демаркационная линия между дипломатией и шпионажем была еще менее заметной. Послы в древности всегда выполняли двойную миссию. На сцене они были дипломатами, за сценой — шпионами. Им вменялось в обязанность получать и передавать информацию любыми способами — как честными, так и не очень. И когда информация приобреталась первым способом — это была дипломатия, а когда вторым — шпионаж.

Вот почему история и литература последних трех тысяч лет полны шпионских историй, начиная от греческих и римских клас-

сиков и Библии и кончая историями атомных шпионов второй половины XX века. Детали разнятся, но факты, в огромном своем большинстве, остаются весьма похожими.

Были люди, шпионившие из патриотизма. Были и такие, у кого не было иных причин, кроме выгоды, желания денег или чего-то другого. Хотя были и такие, кто в великие революционные периоды человеческой истории шпионили по причинам, которые сегодня трактуются как «идеологические». Каким бы ни был, однако, мотив, в основе своей шпионаж, как важнейшее стратегическое оружие, почти не меняется. Лишь тактика его меняется со временем, большей частью благодаря использованию изобретений и открытий последующих веков. Но принцип остается неизменным.

Изобретение некоторых основных приемов шпионажа и контршпионажа приписывают в основном Александру Великому. Так, именно он изобрел и цензуру, и то, что сейчас называют мониторингом, то есть методы зондирования намерений врагов. На некотором расстоянии от своей штаб-квартиры он устраивал тайный наблюдательный пункт, куда стекались все данные, собираемые бродячими группами его агентов. Из донесений на пергаменте и сообщений, которые перехватывали разведывательные команды Александра, руководители его разведслужбы получали возможность проникнуть в замыслы противника. Поистине забавный момент в истории шпионажа: победы Александра Великого в огромной степени основывались на том же типе разведки, который способствовал триумфу Тихоокеанского флота США под командованием адмирала Нимица в решающей битве при Мидуэе в 1942 году.

Во все века способы передачи информации были главной проблемой всех шпионов. И несмотря на то, что изобретение радио в начале нынешнего века революционизировало всю практику шпионажа, все же это по-прежнему такой метод связи, применения который шпион крупно рискует быть обнаруженным.

Медея и Язон для передачи сигналов пользовались древним китайским и персидским приспособлением для зажигания огня на холме. Согласно Эсхилу, этот же метод использовал и Агамемнон, чтобы сообщить о падении Трои. А несколько веков спустя, в эпоху Пунических войн, шпионы Ганнибала в Сицилии использовали похожие устройства, чтобы передать разведдонесения войскам Сципиона Африканского, великого римского полководца. Подобные устройства в форме гелиографа несомненно использовались шпионами и в начале XX века, в ходе Бурской войны.

Шпионы классических времен имели также в своем распоряжении и эквивалент невидимых чернил и современной микро-

фотографии, дающей возможность написать целую страницу печатного текста и скрыть его за точками на почтовой карточке. Древние формы этих приспособлений использовались греком, живущим при дворе персидского царя Ксеркса и желавшим предупредить своих соотечественников о грозящем им персидском нашествии. Свое предупреждение он изложил на дощечках, густо намазанных воском. Другой греческий шпион писал свои донесения на листьях, которые использовались в качестве повязки для гноящихся ран раба, выступавшего в роли курьера. В другом случае, в ходе Персидских войн, раба обрили и на голом черепе а-ля Юл Бриннер накололи послание. Волосам дали отрасти, прежде чем отправить раба к получателю, которому раб должен был сказать: «Обрей мою голову и прочти».

Коды и шифры столь же стары, как и сам шпионаж. Возможно, еще до появления краснокожих в Северной Америке, шпионы, действовавшие в странах Востока, уже использовали клубы дыма разных размеров, чтобы с их помощью передавать сообщения из тыла врага. Юлию Цезарю приписывают изобретение первого простого шифра, основанного на перестановке букв алфавита. В этом простом, но эффективном шифре Цезаря буква А заменялась буквой Е, В на F, С на G и так далее.

Многим из этих хитростей и уловок не менее четырех тысяч лет, поскольку известно, что уже у древних египтян была хорошо организованная система шпионажа для наблюдения за завоеванными провинциями, расположенными на месте нынешнего Ливана. Уже во времена Восемнадцатой династии (с 1580 по 1350 год до н. э.) здесь существовала эффективная шпионско-дипломатическая служба, регулярно рассылавшая курьеров между Египтом и государствами Среднего Востока.

Примерно в это же время Моисей, которого фельдмаршал Монтгомери назвал величайшим полководцем всех времен и народов, отправил своих знаменитых двенадцать посланцев, чтобы исследовать землю Ханаанскую и как можно больше разузнать о ней. История эта изложена в Книге Чисел:

«И сказал Господь Моисею, говоря:

Пошли от себя людей, чтобы они высмотрели землю Ханаанскую, которую я даю сынам Израилевым:

И послал их Моисей высмотреть землю Ханаанскую, и сказал

им: пойдите в эту южную страну и взойдите на гору,

и осмотрите землю, какова она, и народ, живущий на ней,

силен ли он или слаб, малочислен ли он или многочислен?

И какова земля, тучна ли она или тоща?

Есть ли на ней деревья или нет?

Будьте смелы и возьмите от плодов земли.

Было же это ко времени созревания винограда.
Они пошли и осмотрели землю».

Вряд ли знаменитые немецкие шпионских дел мастера — или же руководители разведсети Советского Союза — могли бы придумать более эффективный инструктаж. Двенадцать шпионов Моисея — по одному из каждого колена Израилева — вел еврей по имени Осия, сын Навина, известный в английском языке как Иисус. Много лет спустя Иисус — к тому времени уже во главе всех еврейских сил — оказался участником других знаменитых библейских шпионских историй. Сказание о том, как Раав из Харлота предала город Иерихон — первое из письменных свидетельств о блуднице, которая была также и шпионкой, ставшей классической предшественницей Мата Хари и других дам подобного рода.

В Библии повествуется о том, как прежде чем выступить в поход против города Иерихона, Иисус Навин выслал впереди себя двух шпионов. Подобно другим своим собратьям, они нашли убежище в борделе, хозяйкой которого была Раав. Царь иерихонский, контрразведчики которого, без сомнения, также были частыми гостями ее заведения, прослышал о появившихся еврейских шпионах. Был объявлен розыск. Раав спрятала еврейских агентов на крыше под кипами льна, сушившихся там, а обыскивающим сказала, что евреи уже ушли. Заручившись обещанием, что в обмен на ее услуги она и ее семья будут защищены евреями, когда они возьмут город, Раав, чей дом располагался как раз на городской стене, позволила шпионам убежать, спустив их на веревке из окна.

История падения Иерихона — одна из наиболее известных историй Ветхого Завета. Иисус Навин взял город и предал его огню и мечу. Но Иисус выполнил обещания, данные своему тайному агенту, и потому Раав и ее семья уцелели. Считается, что она вышла замуж за одного из шпионов и оказалась среди предков царя Давида — и, следовательно, Иисуса из Назарета.

Есть и другие шпионские истории в Библии, самая известная из которых — история о Самсоне и Далиле.

Римляне были, пожалуй, наиболее ловкими и сведушими среди древних в применении методов шпионажа. Так, Сципиону Африканскому, противнику Ганнибала, приписывают изобретение устройства, которым наиболее часто пользовались советские тайные организации — отправку за границу опытных разведывательных агентов в качестве посольской прислуги.

В ходе римской кампании против Сифаксов нумидийский король Сципион направил посланника по имени Лаелиус во вражескую штаб-квартиру для ведения переговоров. Вместе с по-

слом он отправил «трибунов и центурионов» — иными словами, офицеров разведки — переодетых рабами. Перед ними была поставлена задача осмотреть и описать укрепления нумидийского лагеря. В лагере случился скверный момент, когда нумидийский генерал опознал одного из шпионов и окликнул его: «Вы полководец, а не раб».

Тогда Лаелиус, не теряя присутствия духа, обернулся к переодетому римскому разведчику и закатил ему пощечину, а потом плюнул на него и закричал: «Ты, собака, как ты осмелился позволить себе быть похожим на римлянина!» Уверенные, что гордость римского генерала не позволит ему снести подобное оскорбление, нумидийцы были обмануты тем, как кротко тот принял удар, и поверили, что он действительно раб, а не офицер.

Римские шпионы приступили к работе и выполнили задание весьма хитроумным способом. Они отвязали множество своих лошадей, которые стали метаться по всему лагерю, а переодетые «рабы» гонялись за ними. Затем лошадей собрали, наконец, вместе близ лагерных укреплений, получив, таким образом, удобную возможность внимательно осмотреть их. Вскоре римские эмиссары вернулись к Сципиону, который, узнав о слабых укреплениях вражеского лагеря, немедленно предпринял массированное наступление, приведшее к полному и сокрушительному поражению нумидийцев, разгрому их штаб-квартиры и окончанию войны.

У всех правителей всегда были и свои шпионы, и контршпионы. Со временем группы разрозненных агентов и их деятельность окончательно оформились в хорошо развитые разведслужбы. К VI веку н. э. тайная служба Византийской империи в Константинополе превратилась в главный орган государства. Агентов под видом торговцев посылали в зарубежные страны, чтобы они докладывали о планах врага — прием, который, похоже, имеет сильное фамильное сходство с экспортно-импортными фирмами, используемыми в качестве прикрытия очень многими разведслужбами в XX веке.

Мусульмане также создали высокоорганизованные секретные службы в ходе своих стремительных рейдов по Африке, Азии и Восточной Европе. У одного из мусульманских халифов XI века была своя система тайной полиции, включающая и женщин-шпионок, которая вполне могла бы выдержать сравнение с подобными службами современного полицейского государства.

В средние века, когда многие государства были охвачены феодальными войнами, предательство и шпионаж стали чем-то банальным. В ходе франко-английских войн в конце XIII века один из знатных вельмож при дворе короля Эдуарда I, сэр Томас Турбевилль, стал главным шпионом французского короля Фи-

липпа IV. Подобно многим другим своим последователям в более поздние века, Турбевилль был пленен на поле боя и заключен в крепость города Реймса. О его знатности было прекрасно известно французам, и они не преминули сделать ему выгодное предложение. Очевидно, в обмен на пожалованный земельный участок стоимостью сто фунтов — значительная по тем временам сумма — Турбевилль согласился вернуться в Англию в качестве французского шпиона. Его главной задачей стало поднять Уэллс и особенно Шотландию против Эдуарда I — победителя шотландцев.

Летом 1296 года Турбевилль вернулся в Англию, рассказывая всем, что ему удалось бежать из французского плена. Король Эдуард принял его милостиво и даже произвел в члены Совета — правительства тех дней. И, находясь в столь привилегированном положении, Турбевилль в течение длительного времени докладывал Филиппу IV об английских планах. В конце концов его поймали — и обошлись в традиционной манере, — когда несколько его секретных донесений попали в руки предшественников нынешней МИ-5 — департамента контрразведки в Англии тех времен.

Во времена Возрождения шпионаж, уже включавший в себя к тому времени и перехваты вражеских донесений, и подкуп, и самое неприкрытое воровство, превратился в признанное всеми приложение к дипломатическому ремеслу. В 1515 году посол Венеции при дворе короля Генриха VIII горько жаловался всемогущему тогда кардиналу Уолси на «королевских офицеров» в Кентербери, которые регулярно перехватывали его официальные донесения. Некоторые из этих донесений поступали из Венеции в зашифрованном виде, и посол был очень осторожен, беседуя с Уолси, боясь ненароком выдать ключ к содержимому шифрованных посланий и дать англичанам возможность расшифровать их.

К тому времени шпионы уже использовались на самом высоком уровне, и даже сам папа римский был не свободен от шпионажа высокого уровня: молодой секретарь из личного офиса папы Адриана VI был шпионом великого императора Чарльза V — постоянного политического противника святого отца. Через этого секретаря секреты Ватикана попадали непосредственно к Чарльзу V.

Приход Реформации оживил давно бездействовавшие элементы шпионажа — то, что сейчас называется идеологическим шпионажем. Люди добровольно и безжалостно предавали свои родные страны в интересах одной из двух жестоко противоборствующих ветвей христианской веры.

Император Чарльз V, который, еще будучи молодым человеком, лично встречался с Лютером в Уормсе, сам был величай-

шим мастером шпионажа своего времени. Шпионы играли весьма значительную роль в нескончаемых войнах, которые наполняли его царствование до тех самых пор, пока король не ушел в монастырь.

Роль величайшего европейского мастера шпионажа с энтузиазмом принял на себя его сын, хитрый и фанатично нетерпимый король Филипп II Испанский, ставший мужем английской королевы, вошедшей в историю под именем «кровавая Мэри». После ее смерти и вступления на престол ее сводной сестры, протестантки королевы Елизаветы I Англия превратилась в главную мишень секретных служб Филиппа.

Английские священники, получившие образование в европейских семинариях, засылались в Англию, чтобы докладывать о политических и военных событиях в этой стране. Но самым значительным шпионом Филиппа был посол Англии в Париже сэр Эдвард Стаффорд – первый двойной шпион, упоминание о котором встречается в истории. Стаффорд начал свою деятельность с установления контактов с испанским послом в Париже Бернардино де Мендосой, используя для этого своих друзей-католиков, а также родственников, живущих во Франции, королевы Марии Шотландской, сидевшей в то время в тюрьме. Испанцы знали, что Стаффорд постоянно нуждался, и потому предлагали ему деньги и драгоценности в обмен на секретную информацию. Мендоса докладывал Филиппу, что Стаффорд был «достаточно готов к тому, чтобы давать информацию», и король Испании одобрил выплату последнему «2000 крон или тех драгоценностей, которые вы укажете». Впоследствии в испанских секретных донесениях Стаффорд упоминался не иначе, как «наш новый друг».

Когда сэр Фрэнсис Дрейк готовился к отплытию в свою знаменитую экспедицию с целью «подпалить бороду испанскому королю», Стаффорд регулярно снабжал Мендосу подробными сведениями о кораблях Дрейка, их снаряжении и вероятных датах отплытия. Но несмотря на предательство, Дрейк сумел добиться блестящего успеха в своей отважной миссии.

Когда в июне 1588 года испанская армада отплыла к берегам Англии, она располагала подробными сведениями о всех английских эскадрах, которые могли бы противостоять ей в Ла-Манше – а именно о кораблях лорда Хоурда Эффингемского и сэра Фрэнсиса Дрейка.

В Лондоне за Стаффордом следил блестящий сэр Фрэнсис Уолсингэм, человек, которому единодушно приписывается честь основания британской секретной службы. Уолсингэм, правая рука королевы Елизаветы, премьер-министр Роберт Сэзил и лорд Бургли были образцовыми представителями славной когорты масте-

ров шпионажа и контршпионажа. Как бывший посол в Париже он был осведомлен о той паутине международных интриг, что покрывала все французскую столицу, и знал также, как это можно было использовать в своих интересах.

Уолсингэм взял курс, который впоследствии будет признан классическим в развитии техники шпионажа. Он решил не предпринимать никаких действий в течение некоторого времени — разве что послать шпиона следить за послом Стаффордом. Его агент, человек по имени Роджерс, или иначе Николас Верден, вскоре подтвердил подозрения Уолсингэма. Посол использовал свое положение, чтобы передавать католические письма в Англию и прикрывать папистских агентов. Более того, он выдавал весьма ценные секреты врагам протестантской Англии. Кроме того, Стаффорд возглавлял широкую сеть агентов во Франции; через своих связников, среди которых были и католики, он посылал важную разведывательную информацию в Лондон.

Уолсингэм придерживался «золотого правила» тайных операций, действовавшего во все времена: он ничего не делал открыто, и в 1586 году хитрость Уолсингэма стала приносить плоды.

Стаффорд не только продал секреты английской обороны Филиппу II, но и использовал те же самые испанские контакты для получения информации для Уолсингэма... и еще за два года предупредил английское правительство о готовящемся отплытии Армады.

«Испанская партия здесь, — писал он Уолсингэму из Парижа летом 1586 года, — похвально, что не пройдет и трех месяцев, как на Ее Величество нападут в ее собственном королевстве и что великая армия уже готовится для этой цели».

Уолсингэм, однако, не до конца поверил Стаффорду, и другие агенты непременно перепроверяли все разведданные, поступавшие от посла. Так, несколько месяцев спустя один из этих шпионов докладывал:

«У короля Филиппа явно есть какой-то великий замысел против нас, поскольку он заключил соглашение с Фатгерсами (крупные международные банкиры из Аугсбурга) о деньгах, подлежащих уплате здесь, в специальном месте».

Уолсингэму требовалось подтверждение, и он отправил в Испанию одного из своих лучших шпионов по имени Ричард Гиббс. Переодевшись шотландцем, Гиббс своими глазами увидел в испанских гаванях около 150 кораблей, готовящихся к отплытию, и доложил, что испанцы говорят еще о 300 галерах, также включенных в подготовку к походу. Тогда английский шпион, до сих пор представлявшийся шотландцем, отправился в Лиссабон, где был хорошо принят испанскими морскими властями. Испанцы расспрашивали его об удобных якорных стоянках на восточ-

ном побережье Шотландии и особенно о заливе Ферт-оф-Форт. Потом офицеры испанской военно-морской разведки расспросили Гиббса о Темзе и есть ли в ней якорные стоянки для флота.

Гиббс был человеком находчивым и изобретательным, не только шпионом, но и кем-то вроде контрпропагандиста. Он заверил испанцев, что на Темзе нет никаких подходящих гаваней для их армады. Ибо Темза, сказал он им, «дурная река, забитая песком и илом — и у кораблей нет возможности зайти в нее».

Уолсингэм тем временем продолжал осторожно следить за Стаффордом. Существуют некоторые свидетельства, дающие основания предположить, что он прибегал к тактике, не являвшейся секретом для глав шпионских ведомств гораздо более поздних времен, а именно — он снабжал Стаффорда тщательно фальсифицированной полуправдой, не без оснований полагая, что она будет вовремя передана испанцам. На фоне его достаточно двусмысленных, если не сказать сомнительных, отношений со Стаффордом, Уолсингэм, подобно всем великим разведчикам, столкнулся с фундаментальной дилеммой: или вызвать посла в Лондон и казнить его за измену, или оставить его в роли двойного агента и использовать его предательство в английских интересах.

Уолсингэм выбрал последнее.

После заключения в 1603 году Унии между коронами Англии и Шотландии, в царствование Джеймсов I и VI, Уолсингэм создал инструмент, который и превратился в британскую разведывательную службу. В царствование первого из королей династии Стюартов ее самым блестящим шпионом был посол, сэр Генри Вуттон, британский посланник в Венецианской республике. По его собственному признанию, он использовал «приемы своих врагов, хотя и с другими целями». В его посольстве, расположенном на одном из каналов, всегда можно было найти множество самых разных венецианских шпионов, убийц, головорезов и интриганов, готовых за деньги сделать что угодно. Негодяи, которых приветал посол, были совершенно необходимы ему для дел тайной дипломатии, но уж очень дорого обходились. Его шпионская сеть выросла так, что теперь покрывала всю Италию, однако основные его усилия были направлены против иезуитов. Письма, пересылаемые из одного итальянского города в другой, часто перехватывались, чтобы «вскрыть заговоры».

После копирования (копии отправлялись королю Джеймсу) письма возвращались в обычную иезуитскую службу доставки.

У Вуттона было хорошо развито чувство юмора, и он часто говорил:

«Должен признать, что у меня был особый аппетит на пакеты, которые отправляли друг другу святые отцы».

Несмотря на свой высокий дипломатический ранг, Вуттон не гнушался получением денег за работу, выполняемую им сверх его посольских обязанностей. Так, время от времени он передавал некоторые пикантные подробности, «лакомые кусочки» из тайной переписки иезуитов венецианскому правительству — за плату наличными.

Но какие бы поражения ни переживал орден иезуитов от рук британской секретной службы, однако жили в первой половине XVII века два священника — ни один из них не был иезуитом, которые зарекомендовали себя как большие мастера шпионажа и тайных операций. Один из них — молодой монах-капуцинец, аристократ и эрудит по имени Франсуа ле Клерк дю Трембли, известный в истории как отец Жозеф, а другой — человек, которого отец Жозеф привел к власти — Арман Жан дю Плесси, кардинал Ришелье, величайший из государственных деятелей Франции.

С того дня в 1624 году, когда Ришелье достиг высшей власти во Франции Людовика XIII, он вел непрерывную борьбу с одной-единственной целью — превратить Францию в величайшую державу Европы. Приключения нескольких его шпионов и их противников обессмертил Александр Дюма в романе «Три мушкетера». Когда, после восемнадцати лет правления, Ришелье умер, цель, поставленная им, была достигнута.

Главным мастером шпионажа у Ришелье был его друг и советник, капucinский монах отец Жозеф. Босой, одетый в серую сутану, этот скромный монах почти двадцать лет неслышно бродил по коридорам и гостиным ришельевского дворца. Он приложил руку почти ко всем основным дипломатическим событиям в Европе и был настоящим серым кардиналом, стоявшим за спиной властей предрежащих. Временами он и сам не гнушался выступить в роли шпиона, хотя в основном руководил всеми тайными операциями в великой борьбе Ришелье против власти империи Габсбургов и Испании.

Отец Жозеф использовал своих тайных агентов, то интригуя со сторонником протестантизма шведским королем Густавом Адольфом против дома Габсбургов, то инспирируя восстание чешских протестантов против империалистической Австрии после их поражения в битве при Белой Горе, то для того, чтобы воспрепятствовать донкихотству и зачастую абсурдным желаниям герцога Букингемского, то чтобы замышлять заговоры с обитателями Северной Африки маврами-мусульманами против католической Испании. В итоге можно сказать, что многие его действия изменили политическое лицо Европы. К тому времени, когда Ришелье и его серый кардинал исчезли с европейской сцены, они сумели низвести Испанию с уровня величайшей державы

Европы до уровня третьестепенного государства. Тогда как Франция стала главнейшей державой на континенте.

Но там, где Ришелье и отец Жозеф кончили, агенты короля Людовика XIV продолжили и очень скоро стали непревзойденными в своем мастерстве. И заслуга здесь принадлежала Оливеру Кромвелю. Сам лично очень набожный, он тем не менее последовал примеру Ришелье и никогда не позволял религии влиять на внешнюю политику государства. Подобно всем диктатурам, Англия под властью лорда-протектора была полицейским государством, и если у Сталина был Берия, а у Гитлера — Гейдрих, то у Кромвеля — Турло.

Турло стал государственным секретарем у Кромвеля в 1652 году и фактически заменил собою главных членов Кабинета. Так, был он одновременно и министром иностранных дел, и военным министром, и министром внутренних дел, и главой британской секретной службы.

Согласно обнародованным позднее данным, Турло тратил на разведку до 70 000 фунтов стерлингов в год — огромная сумма по тем временам. И неудивительно, что его агенты проникли во все поры британской политической и религиозной жизни. За границей он держал своих эмиссаров при всех европейских дворах. Некоторые историки свидетельствуют, что «Кромвель носил секреты всех европейских принцев в своем поясе».

Бдительность и подозрительность Турло «были общеизвестны». Он был блестящим начальником секретной службы, уверенным, что за важные секреты следует платить настоящую цену, и действовал соответственно. Так, он писал своему главному шпиону в Италию:

«Этих людей можно купить только за деньги. За деньги они сделают все, что угодно, заложат тело и душу. Подобные разведданные необходимо достать у Монсиньора, у Секретаря — или у кардинала».

За интересующую его информацию он был готов платить по тысяче фунтов в год, плюс 500 фунтов пенсioen, да еще и по 100 фунтов одновременно. Для середины XVII века это были большие деньги, однако методы Турло вполне себя оправдывали. От агента из Вест-Индии он получил сообщение об испанском корабле, груженном сокровищами и готовым к отплытию на родину в Испанию. Испанцы, судя по всему, подозревали, что дата отплытия корабля уже стала известна многим, и потому отплытие было отложено. Однако отсрочка оказалась напрасной. Почти шесть месяцев военный корабль под началом адмирала Блейка провел в ожидании, пока наконец у берегов острова Тенерифе испанские корабли — и те сокровища, что они перевозили, — не попали в руки британского адмирала.

После смерти Кромвеля британская разведывательная служба впала в нищету, о чем Пепис весьма сожалеет в своем дневнике. И в результате в течение каких-то десяти лет Мата Хари семнадцатого века проникла непосредственно в спальню короля Чарльза II.

Луиза Керуали, бретонская красавица из рода Генриха Наваррского, была замечательно талантливой во многих отношениях. Избранная Людовиком XIV в качестве шпионки самого высокого ранга, она была послана в Лондон, где за очень короткое время добилась большого успеха в обольщении короля Чарльза — если этот термин можно применить, говоря о Веселом Монархе. Луиза была не только выдающейся куртизанкой, но и весьма искусным мастером шпионажа. Именно она фактически уговорила Чарльза «продаться» Франции.

Эта выдающаяся женщина, которой предназначено было стать прапрабабушкой Чарльза Джеймса Фокса, помогла уговорить короля Чарльза подписать Доверский договор, согласно которому король стал пенсионером Франции. За субсидию в размере почти четверти миллиона фунтов стерлингов, Чарльз обязался вступить в замышляемую Людовиком XIV войну против датских протестантов на стороне Франции. Он также согласился воспользоваться помощью французской армии в случае, если британцы выступят против этого договора или крайне непопулярной среди них Луизы.

Но хотя Чарльз и согласился обратиться в римскую католическую веру, ни хитрости, ни уловки, ни аргументы куртизанки-шпионки не могли заставить его практически выполнить эту часть договора, во всяком случае, публично.

Луиза была дважды вознаграждена: за ее службу в королевской спальне Чарльз сделал ее герцогиней Портсмутской, а за услуги в качестве секретного агента король Людовик произвел ее в герцогини Обиньи. С обоих титулов она, как утверждалось, собрала не менее миллиона фунтов стерлингов — сумму, которая в наши дни примерно приближается к национальному долгу Великобритании.

После бегства Джеймса II в 1688 году главной целью британской секретной службы на следующие полвека стал шпионаж за якобитами. Некоторое время британскую сеть в Париже возглавлял поэт-дипломат Мэтью Прайор. Официально он числился секретарем британского посольства при французском дворе. Прайор был британским тайным агентом, которого контрабандой доставили в сады Версаля для встречи с любовницей Людовика XIV мадам де Ментенон. Переговоры, столь интересно начавшиеся, стали прелюдией к подписанию Утрехтского договора, принесшего мир Европе.

Восемнадцатый век стал эпохой расцвета дипломатических авантюристов всех мастей — от Казановы до Вольтера. За деньги можно было купить все и всех — и все зарубежные посольства располагали огромными суммами, предназначенными на подкуп нужных людей. Век этот стал поистине «золотым» и для шпионов высокого класса: не было никаких ограничений на степень знатности, и любой человек, вне зависимости от происхождения, мог стать тайным агентом.

В начале века самым блестящим шпионом был аббат, позднее кардинал, Дюбо, правая рука регента Франции герцога Орлеанского. Пытаясь достичь согласия с британцами, Дюбо отправился в Англию под видом кальвинистского пастора. В таковом качестве он присоединился к свите короля Георга I во время одного из визитов последнего в его родной город Ганновер. Позднее Дюбо вернулся в Вестминстер уже как посол Франции, но, как он сам признавался позднее, являясь при этом также и главой французской шпионской сети в Соединенном Королевстве, и если его официальным адресом была Дюк-стрит, Вестминстер, то его тайная штаб-квартира располагалась на Трафальгарской площади.

А его агенты посылали свои донесения:

«Мистеру Дюбюссону, Maitre a Danser, chez M. Hamton, Maitre a Charpentier a St. Martin, derriere l'eglise proche Cherincross». Из этого легко вывести, что в своей тайной деятельности он изображал из себя французского учителя танцев, нашедшего приют у плотника, живущего в переулке Сан-Мартин-ин-Филдс близ Черринг-кросс.

А через несколько лет британская секретная служба уже использовала еще более выдающихся шпионов. И среди них — находившийся на оплате у британского посла в Санкт-Петербурге не кто иной, как сам канцлер Российской империи Бестужев собственной персоной. Он получал по 10 000 фунтов стерлингов в год. Такая же сумма была дана «взаимы за службу королю» молодой германской принцессе, которая под именем Великой княгини Екатерины стала женой наследника российского престола, другими словами, эта грозная, внушительная леди, известная в истории как Императрица Екатерина Великая, БЫЛА ВЫСОКООПЛАЧИВАЕМЫМ АГЕНТОМ БРИТАНСКОЙ СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЫ.

У прусского короля Фридриха Великого, другой столь же внушительной фигуры середины восемнадцатого века, также были свои шпионы высокого ранга. И среди них самым выдающимся был его близкий друг, последний граф-маршал Шотландии — прусский посол в Испании, где его задача, как главного шпиона Фридриха, была значительно облегчена тем фактом, что испан-

ский министр иностранных дел того времени, ирландец по имени Уолл, был его близким другом. Однако наследственный граф-маршал Шотландии не забыл и родную землю, ибо посылал также донесения и британскому премьер-министру Уильяму Питту-старшему.

С началом американской войны за независимость в 1776 году целые стаи шпионов, включая и множество женщин, объявились в расположении обеих воюющих сторон. И среди них самым знаменитым был пресловутый Бенедикт Арнольд, происходивший из старой и уважаемой аристократической семьи. Он уже был в чине бригадного генерала в армии Джорджа Вашингтона, когда поссорился с пенсильванскими квакерами из-за выпивки, распутства и азартных игр. В результате он был предан военному суду, но фактически оправдан. Случай, однако, не прошел даром для генерала, и когда Арнольда назначили командующим Вест Пойнта – ключевым пунктом в долине Гудзона, он сделал секретные предложения англичанам. В течение некоторого времени он действовал как своего рода двойной агент, передавая врагам описания агентов Вашингтона, а потом вступил в тайные переговоры с английским главнокомандующим сэром Генри Клинтоном и за 20 000 фунтов стерлингов согласился сдать Вест Пойнт в ходе имитированного нападения англичан. Его замысел увенчался успехом, что, вероятно, изменило весь дальнейший ход войны за независимость.

Но вскоре компрометирующие его бумаги попали в руки американцев. Поначалу офицеры Вашингтона не сразу оценили происшедшее. А Арнольд понял: дни его в качестве агента британской разведки сочтены. И бежал, ухитрившись пробраться на борт английского военного корабля. В Лондоне он был вновь принят на службу в британскую армию. Он не получил обещанные 20 000 фунтов, но был награжден 6000 в качестве возмещения за потери, понесенные им на американской территории. В последующие годы он нажил крупное состояние, занимаясь снабжением каперов, и умер в Лондоне в 1801 году.

За американской войной за независимость скоро последовала французская революция, которая в последнее десятилетие восемнадцатого века достигла своей кульминации. После казни Людовика XVI коронованные головы Европы стали смертельными врагами революционной Франции, а Британия возглавила поход Европы против Французского конвента. Военные действия оказались неудачными, и тогда англичане сменили тактику. Британская секретная служба приступила к организации контр-революционного заговора против Франции.

В нейтральной Швейцарии англичане организовали шпионский центр, руководителем которого и главным шпионом стал

33-летний Уильям Виххэм. Из своей штаб-квартиры, расположенной во франкоговорящем районе Швейцарии, он координировал интриги французских эмигрантов с деятельностью сети британских шпионов. Его главной задачей было поднять роялистское восстание во Франции и, говоря словами британского министра иностранных дел тех дней, установить повсюду «устойчивое спокойствие».

Британский премьер-министр Уильям Питт-младший выделил Виххэму щедрые средства на выполнение его миссии. Так, в один из месяцев Виххэм потратил около 30 000 фунтов стерлингов.

Сначала Виххэм планировал осуществить вторжение во Францию со стороны Савойских Альп одновременно с согласованным выступлением австрийцев через Пьемонт. Проект, однако, провалился. Тогда Виххэм нашел подход к французскому республиканскому генералу Пишегрю. Пишегрю согласился предать революцию ради английских денег. Четыре раза колеблющийся, нерешительный генерал пытался совершить измену, и все неудачно. А там и контрразведка Французской республики многое узнала о маневрах Виххэма. Очень важные документы, касающиеся этого вопроса, были выкрадены у британских шпионов, что помогло подготовить весомое доказательство незаконной активности Виххэма в западных кантонах Швейцарии. Республиканский Конвент в Париже выразил энергичный протест швейцарским властям, и в результате Швейцария была вынуждена выслать британского агента из страны. В первый, но далеко не в последний раз.

Устраивая новый шпионский центр в Аугсбурге, Виххэм вложил не менее 50 000 фунтов стерлингов в организацию заговоров, направленных на убийство Наполеона, однако все эти заговоры провалились. Один успех все же был достигнут: французский диктатор не на шутку встревожился, следствием чего стало назначение 40-летнего Жозефа Фуше министром французской полиции.

Фуше, которому суждено было стать *bete noire* (предметом ненависти) французского народа, создал самую эффективную систему внутреннего шпионажа в Европе. Один из знатоков утверждал, что он превратил наполеоновскую Францию в настоящее полицейско-шпионское государство, в котором было не менее шести полностью организованных полиций, а также тайная полиция. Все они подчинялись и передавали информацию непосредственно Фуше. Впоследствии разведка стала напрямую подчиняться самому Наполеону, который, уже будучи императором, проводил долгие часы за чтением донесений агентов.

Наполеон, обладая ненасытным, жадным любопытством корсиканского крестьянина, постоянно боялся пропустить что-

нибудь интересное и важное, пусть даже самую малость. Ему нравилось знать о любом деле все, и никто не был застрахован от его любопытства и стремления сунуть нос в чужие дела, даже собственная семья. Однажды он написал весьма резкое письмо своему пасынку, сыну Жозефины, предупреждая, что одна из подружек последнего является полицейской шпионкой!

Однако не Фуше, а сменивший его Савари откопал для Наполеона знаменитого шпиона Карла Шульмейстера. Человек этот стал одним из величайших двойных агентов в истории.

Сын германского лютеранского пастора, Шульмейстер родился в 1770 году в немецкоговорящей провинции Эльзасе, которая в течение столь многих веков металась, словно политический вола́н, между Францией и Германией. Подобно многим другим эльзасцам, живущим по обеим сторонам границы вдоль Рейна, Шульмейстер к семнадцати годам стал законченным контрабандистом. Он постоянно ходил через границу из Франции в Германию и обратно, и был он настолько хорошо известным в среде контрабандистов, что в 1799 году его приметил сам Савари, и постепенно контрабанда плавно перешла в другие формы тайных операций. К 1804 году Шульмейстер стал одним из самых доверенных агентов Савари, к тому времени уже генерала и близкого друга Наполеона.

В те времена молодой бурбонский принц, герцог Энгиенский, последний из представителей знаменитой семьи Конде, беззаботно жил в германской провинции Баден, к востоку от Рейна, получая скудный пенсioen от англичан. Вскоре прошел слух, на самом деле совершенно безосновательный, что герцог связан с человеком, о котором знали, что он замышляет заговор против Франции, и тогда Наполеон отдал приказ, что герцог должен быть «ликвидирован».

В столичном городе Страсбурге, что на западном берегу Рейна, у герцога была хорошенькая любовница-эльзаска. Герцог часто навещал ее, пересекая Рейн, подобно заправскому контрабандисту, у того места, где ныне огромный мост служит границей между Францией и Германией.

Шульмейстер знал все о любовных прогулках молодого герцога, а потому заверил Савари, что сумеет без труда похитить принца дома Бурбонов.

Первым делом он похитил любовницу принца и изолировал ее в небольшом домике близ Белфорта, который был французской собственностью, после чего или заставил девушку написать герцогу письмо с призывом о помощи, или же попросту подделал его. Бурбон отреагировал так, как и ожидал Шульмейстер. Герцог договорился, что его люди попытаются подкупить тюремщиков девушки, чтобы те позволили ей бежать на террито-

рию покровителя принца — маркграфа земли Баден. Однако в ходе этой спасательной операции герцог Энгийенский был захвачен на германской территории и переправлен в Страсбург, откуда его перевезли в крепость Винсенн, в окрестностях Парижа.

Вскоре он предстал перед военным судом, судопроизводство в котором дало бы фору даже суду гестапо, и был приговорен к смертной казни за измену.

Получив приговор, герцог стал ходатайствовать о том, чтобы ему выдали ручку и бумагу, после чего написал любовнице письмо, в котором просил прощения за неудавшуюся попытку освободить ее. К тому времени циничный Шульмейстер уже освободил девушку из заключения и отправил обратно в Страсбург, посоветовав на прощание держать язык за зубами. В ту же ночь герцог Энгийенский был расстрелян, причем осужденного заставили самому держать фонарь, чтобы шульмейстеровские стрелки видели, куда стрелять.

За организацию этого похищения и убийства Шульмейстер был вознагражден крупной суммой, эквивалентной 10 000 фунтов стерлингов. Событие, однако, шокировало всю Европу. Наполеоновский министр иностранных дел Талейран, вошедший в историю как величайший политический флюгер всех времен, подвел итог случившемуся, цинично заметив:

«Убийство Энгийенского — это хуже, чем преступление... Это ошибка».

Каковы бы ни были его политические последствия, сам инцидент привлек внимание Наполеона к Шульмейстеру, и хотя император любил повторять, что все шпионы — предатели по натуре, он был в восторге от этого контрабандиста-похитителя: Шульмейстер пришелся ему по душе. Наполеон нашел умеющего внушать доверие эльзасца сущим сорвиголовой. Он был не только прекрасным тайным агентом — он был смешным и забавным. Широкоплечий и не очень высокий, Шульмейстер, казалось, излучал спокойную уверенность, которая покоряла всех и каждого — от парижской красавицы до габсбургского генерала. Восхищенный личностью этого человека и его способностями, Наполеон решил поручить эльзасцу весьма важное поручение. Император решил нанести смертельный удар по империи Габсбургов. А чтобы сделать это, надлежало проникнуть в среду австрийского верховного главнокомандования и узнать его намерения. Столь трудное задание и было поручено Шульмейстеру.

В начале 1805 года австрийским главнокомандующим был маршал Мак, добившийся столь высокого поста скорее благодаря связям своей семьи, нежели присущему ему лично тактическому и стратегическому блеску. Он очень переживал всякий раз, когда французы наносили удар за ударом по его престижу и ре-

путации, и жаждал мести. В один из таких моментов Шульмейстер и предпринял свой первый, весьма характерный для него подход к маршалу. Указав на конверте адрес на Рейне, французский мастер шпионажа написал австрийскому главнокомандующему, утверждая, что он, Шульмейстер, молодой мадьярский дворянин, проживший большую часть своей жизни во Франции. Однако теперь он озлоблен, поскольку Наполеон заподозрил в нем австрийского шпиона и выслал из Франции. И вот потому он хочет отомстить и предлагает маршалу Маку свои услуги.

Человек, путешествующий по Европе в те дни, наталкивался на куда меньшее количество бюрократических препон, чем в наше время, а потому Шульмейстер без особых трудностей достиг Вены. Сняв апартаменты, соответствующие его вымышленному рангу, он нанес визит главнокомандующему. На маршала произвел глубокое впечатление тот факт, что столь молодой человек прекрасно разбирается в военной и политической обстановке во Франции. Мак спросил, не желает ли он рассказать все, что знает. Шульмейстер согласился, и Мак с радостью занялся этим свалившимся на его голову источником информации. Маршал Мак, подобно многим до него, был «покорен правдивостью» и шармом Шульмейстера. Он устроил его избрание в лучшие военные клубы Вены и даже добился у Габсбурга должности для Шульмейстера и зачислил его в свой личный штат в качестве ШЕФА РАЗВЕДКИ.

Шульмейстер по-прежнему поддерживал постоянную связь с Наполеоном. Сменяемые друг друга тайные курьеры доставляли добытые им разведанные в Париж, привозя обратно вводящую в заблуждение полуправду, которую Шульмейстер успешно скармливал австрийскому главнокомандующему.

Хотя он превосходно говорил по-французски, немецкий все-таки был родным языком Шульмейстера, что, естественно, могло ему снискать расположение снобистского венского высшего общества тех дней. Он успешно подкупил двух штаб-офицеров Мака, и в обмен на осторожно предложенный подкуп оба с готовностью согласились подтверждать подлинность ложной информации, получаемой Шульмейстером от «секретных связников» во Франции.

Маршал Мак не был престарелым и немощным консерватором, а скорее типичным ортодоксальным, лишенным воображения генералом пятидесяти лет. У него было мало причин сомневаться в той информации, что сообщил ему Шульмейстер, и вскоре он убедился, что Франция стоит на пороге второй революции. В докладах, поставляемых Шульмейстером, говорилось об армейских мятежах, гражданских волнениях и заговорах роялистов. Все это, естественно, было придумано Талейраном, Савари

и Фуше. Чтобы добавить правдоподобия этой информации, Наполеон начал уводить свои армии с Рейна, тем самым давая понять, что он сталкивается с проявлениями внутренней смуты во Франции. «Правильно» оценивать информацию Маку помогали и экземпляры газет, специально написанные и напечатанные в Париже и якобы контрабандой привезенные из Франции одним из связников Шульмейстера.

И вот, наконец, во главе тридцатитысячной армии Мак вторгся в долину Данубе в Германии, будучи при этом уверен, что он идет по следам маршала Нея, войска которого были спешно выведены из Германии, чтобы пресечь роялистский мятеж во Франции.

В середине октября, на подступах к городу Ульму на Верхней Данубе в юго-западной Германии, Мак лицом к лицу столкнулся с великолепными, вышколенными войсками под командованием французского маршала Нея, построенными в боевые порядки и готовыми к битве. Спустя несколько часов главнокомандующий армией Габсбургов с ужасом обнаружил на флангах своей армии войска под командованием великих капитанов Мармонта, Ланне и Сульта. 20 октября все еще озадаченный австриец признал поражение и изъявил готовность капитулировать. Австрийская армия попала в умно подготовленную ловушку.

Несмотря на значительность поражения, роль в этом Шульмейстера осталась незамеченной. Он вернулся в Вену вместе с побежденным Маком. Все были согласны, что налицо измена. Незадачливый главнокомандующий был смещен со своего поста, лишен звания и с позором заключен в тюрьму, а находящийся по-прежнему вне подозрений Шульмейстер принял участие в чрезвычайной встрече императора Габсбурга с русским царем, цель которой состояла в том, чтобы попытаться выработать общую стратегию противостояния Наполеону. Фактически Шульмейстеру было позволено продолжить играть свою роль двойного агента. С помощью фальсифицированных французских документов он внес главный вклад в одну из величайших наполеоновских побед — при Аустерлице, одержанной 2 декабря 1805 года.

К этому времени, однако, некоторые члены австрийского штаба начали подозревать Шульмейстера. Был дан приказ о его аресте и казни. И спас Шульмейстера сам Наполеон, чье молниеносное наступление на столицу Габсбургской империи застало город врасплох.

В качестве награды за решающий вклад в победу при Аустерлице и Ульме Наполеон одарил Шульмейстера небольшим состоянием. Плюс к этому ловкий эльзасец получал и щедрую плату от австрийцев, отказ от которой мог бы возбудить подозрения.

На протяжении нескольких лет Шульмейстер по-прежнему

оставался шпионом Наполеона и выполнял секретные миссии в Англии и Ирландии, а также нес активную службу, командуя отрядом кавалеристов при Ландшуте. Во время второй оккупации Вены Наполеоном Шульмейстер был назначен главным цензором. На этом посту он уговорил австрийских издателей выпустить стандартное издание французской классики, которая до этого долго находилась в списке запрещенных в империи Габсбургов книг по политическим и религиозным мотивам.

Шульмейстер, несомненно, родился шпионом. Он скучал и томился без активной подпольной деятельности, и вскоре Наполеон вновь назначил его на пост шефа разведки. На Эрфуртском конгрессе он возглавлял французскую шпионскую сеть, следившую за всеми важными персонами, включая и русского царя, и даже самого Гете, приехавшего из окрестностей Веймара.

Наполеон восхитил великого германского мудреца и писателя. Но и Гете стал одним из немногих людей, к которым Наполеон относился как к равному. Император настойчиво желал знать подробности всего, чем занимался величайший из немцев своего времени. Каждое утро Шульмейстер должен был докладывать императору, с кем Гете встречался и что сказал. Кроме того, Шульмейстер продолжал следить за русским царем и его отношениями с прекрасной королевой Луизой Прусской, которой русский император помогал и которой восхищался.

Наполеон поддерживал близкие, дружеские отношения с Шульмейстером, обращаясь к нему фамильярно «Карл». Однако несмотря на это, у императора сохранялась профессиональная солдатская неприязнь к профессиональному шпиону. И хотя Шульмейстер явно давно заслужил и весьма жаждал получить французский орден Почетного легиона, Наполеон провел четкую линию в отношении знаков отличия. Был предел, который император никогда бы не переступил. В конце царствования император как-то сказал Шульмейстеру: «Я давал тебе огромные суммы денег за твою службу в прошлом. У тебя, наверное, около полумиллиона франков... но уважать шпионов я не могу».

Шульмейстер утешил свое уязвленное самолюбие покупкой огромной собственности, соответствующей тому титулу, который Наполеон вполне мог бы ему пожаловать. В своем родном Эльзасе, где он был популярной и очень уважаемой фигурой, он купил великолепное шато Le Meinau, а близ Парижа приобрел другую недвижимость. Вместе эти покупки потянули бы в ценах нашего времени ни много ни мало на 500 000 франков.

Австрийцы, конечно, ничего не забыли и не простили Шульмейстеру. После битвы при Лейпциге, когда австрийские армии вторглись в Эльзас, полк габсбургской артиллерии получил особое задание превратить шато Шульмейстера в груды развалин.

Шульмейстер был среди первых, сплотившихся вокруг Наполеона во времена Ста дней — после бегства императора с Эльбы в 1815 году. А после поражения Наполеона при Ватерлоо Шульмейстер был среди первых, кто подлежал аресту по решению союзников. Однако он вернул себе свободу, заплатив огромный выкуп. Остаток своего состояния великий шпион потерял на спекуляциях.

Его неоценимые услуги, оказанные Бонапарту, не были забыты. Он стал владельцем табачного ларька в Страсбурге. В 1850 году, когда другой Бонапарт, Наполеон III, посетил с визитом столицу Эльзаса, шпион был среди тех, кого должны были представить императору. А через три года он умер. Его личная преданность Наполеону была исключительной. Слабостью императорской шпионской сети была ее продажность. И Фуше, и Талейран были всем известны своей страстью к коррупции. А вот Шульмейстер оставался верен своему хозяину.

Британская разведслужба была неплохо осведомлена о тайной деятельности Наполеона. Она никогда не доверяла его почте, предпочитая пользоваться для передачи информации частной почтовой системой одного из крупнейших банковских домов Европы. В Лондоне также действовала эффективная антинаполеоновская система, возглавляемая дипломатическим авантюристом графом Д'Антрепье, который в свою очередь продавал секретную информацию из Франции британским властям, а также Австрии и России. В течение нескольких лет двое из его агентов — чиновники высокого ранга из талейрановского министерства иностранных дел, ежедневно докладывали о содержании деловых бумаг Наполеона.

Величайший британский успех того периода — и один из крупнейших в истории британских тайных операций — открытие секретов Тильзитского договора.

Царя Александра I, разрывавшегося между чувством огромного восхищения личностью Наполеона и дружбой с Пруссией, в конце концов уговорили встретиться с Наполеоном на границе Восточной Пруссии и Польши 25 июня 1807 года. Двое мужчин встретились в шатре на середине реки Неман. Шатер состоял из двух прекрасно обставленных апартаментов для обоих правителей. Следствием бесед наедине стало подписание договора, который в течение нескольких лет волновал Европу и о содержании которого ничего не было официально объявлено в течение более трех четвертей века. И все же британский министр иностранных дел Джордж Каннинг уже через месяц после подписания договора знал о содержании основных статей договора. Тильзитский договор был направлен против Англии. Самыми важными статьями соглашения планировалось закрыть Балтийское море для бри-

танцев, после чего Австрия вынуждена была бы вступить в общий союз, направленный против британского врага.

Данные о содержании положений договора попали к Каннингу от молодого русского штабного офицера Михаила Воронцова, сына графа Воронцова, присутствовавшего на плоту и вскоре снятого с поста посла России в Лондоне скорее всего из-за своих пробританских взглядов.

14 июля Воронцов получил письмо от сына, переданное британским авантюристом, который работал на Россию за плату и, возможно, был двойным агентом. Это письмо и приоткрывало тайну встречи в шатре на Немане.

Через два дня и Каннинг, бывший близким другом русского экс-посла, также знал секрет. И стал действовать незамедлительно. Ясно, что ключевым моментом договора было установление военно-морского контроля в Балтийском море. И вскоре британский флот в составе более ста военных кораблей появился на рейде Копенгагена. А британский посол в датской столице передал ультиматум датскому правительству, который был отвергнут. Тогда британский флот открыл огонь по Копенгагену.

Бомбардировка столицы продолжалась несколько дней и унесла жизни более двух тысяч гражданских лиц и разрушила огромную часть города, где полыхали пожары. И хотя вся про-французски настроенная Европа была возмущена действиями англичан и даже полоумный король Георг III не удержался от протеста, Каннинг оставался безучастным и вынудил-таки датчан уступить: они отказались контролировать жизненно важные для Франции и России воды Балтийского моря.

Спустя некоторое время Дания стала сценой другого удачного хода, предпринятого британским тайным агентом. В результате наполеоновской интриги испанская армия в 15 000 человек под командованием маркиза де Ла Романа отправилась на север, где была окружена и попала в ловушку в Дании. В это же время герцог Веллингтон был занят кампанией на Испанском полуострове. Его брат, граф Уэллсли, служил в Форин Офисе. С помощью Каннинга он решил попытаться спасти испанцев, которые к тому же обеспечили бы весомое подкрепление испанским силам, воевавшим в союзе с Веллингтоном на Испанском полуострове.

Уэллсли отыскал невысокого, крепкого шотландца с добродушным лицом, по имени Джеймс Робертсон, известного своим последователям-экклезианцам как «брат Джеймс» из ордена Св. Бенедикта. Он получил образование в шотландском монастыре бенедиктинцев в Регенсбурге, в Германии, и не только говорил по-немецки с сильным баварским акцентом, но и знал немецкий лучше многих немцев.

Каннингс не увидел в нем ничего особенного, но решил воспользоваться услугами «добровольца».

«Брату Джеймсу» был дан пароль — одна неясная поэтическая строка, в отношении смысла которой Фрери, первый секретарь британской дипломатической миссии в Мадриде, однажды спорил с Ла Романа, и шотландец отправился в путь. Первым его местом назначения стал скалистый остров Гельголанд, принадлежавший в то время Англии. Отсюда британской секретной службой, действовавшей в Северной Германии, управлял человек по имени Маккензи.

Маккензи договорился, что контрабандисты переправят шотландца за сорок миль, к северному побережью Германии. Сразу на выходе из устья Везера ял контрабандистов был перехвачен французским пограничным катером, и контрабандисты решили было выбросить «брата Джеймса» за борт. Однако язык у шотландца был неплохо подвешен, и ему удалось уговорить контрабандистов высадить его на берег в том месте, где сейчас высятся огромный океанский терминал Бременхавена.

Оттуда «брат Джеймс» пешком отправился в Бремен, где сменил свою церковную одежду на пальто неопределенного цвета и отправился в Гамбург под видом Адама Роха — бродячего торговца табаком.

Он добрался до огромного ганзейского города на Эльбе и начал осторожно расспрашивать местных жителей о точном местонахождении генерала Ла Романа. Случайно он услышал, что в госпитале в Альтоне, ныне часть Гамбурга, лежат раненные испанские солдаты. После некоторых расспросов он напал на их след. Говоря по латыни, он дал о себе знать испанскому капеллану, и священник привел «брата Джеймса» к больному офицеру, который сообщил, что Ла Романа фактически находится в заключении на острове Фунен.

«Брат Джеймс» отправился на север и через Копенгаген добрался до Фунена. Он поселился в лучшей гостинице в родном городе Ганса Христиана Андерсена Оденсе и начал продавать сигары и шоколад испанским солдатам. Когда в конце концов он смог добраться до испанского генерала, его ждал весьма прохладный прием. Шотландец тихо процитировал поэтическую строчку Фрери. И сдержанность испанца моментально исчезла. Главная проблема теперь состояла в том, чтобы договориться о транспорте, чтобы доставить испанского генерала на родину.

«Брату Джеймсу» сообщили, что британский фрегат будет патрулировать в Балтийском море, ожидая сигнала от него, и тогда шотландец попытался связаться с британским кораблем, подавая сигналы носовым платком. Во время этого занятия он был арестован датским часовым и предстал перед полковником,

возглавлявшим охрану побережья. К счастью, полковник говорил по-немецки, и вскоре бойкий язык «брата Джеймса» вывел его из тюрьмы. Он сразу же предупредил Ла Роману, чтобы испанец ожидал дальнейших распоряжений, а сам отправился обратно в Гамбург.

Из Гамбурга он дал знать о себе Маккензи на Гельголанд, прося прислать британский балтийский флот, чтобы забрать испанца у Ниборга в оговоренный заранее день. План прошел без сучка и задоринки. В условленное время Романа появился со своими людьми, хотя ему удалось собрать лишь 10 000 человек из первоначальных 15 000. Испанские войска были перевезены в Испанию, где сразу же пошли в бой на стороне герцога Веллингтона.

«Брат Джеймс» вновь обрядился в свою одежду монаха и снова пустился бродить по всей Германии. После битвы при Ватерлоо он вернулся в свой монастырь в Регенсбурге, где и умер несколько лет спустя.

Герцог Веллингтон обязан британской секретной службе многим больше, нежели только спасением 10 000 испанских солдат. Его шпионская служба во время Испанской войны работала безупречно. Герцогу даже добыли ключ к шифру Наполеона, и через несколько лет после Ватерлоо он признавался: «Я знал все». Его также неплохо снабжали разведывательной информацией добровольные помощники из числа испанских крестьян, которые часто ловили и убивали курьеров Наполеона, выкрадывая у них донесения. Еще более важная информация приходила из его собственного филиала британской разведывательной службы, возглавляемого искусными офицерами, которые были одинаково блестящими лингвистами и первоклассными наездниками. Самым отважным и смелым из них был офицер по имени майор Кольхаун Грант. Когда маршал Мармонт в 1812 году вторгся в Португалию, Веллингтон отправил Гранта оценить обстановку на месте. Грант был схвачен и предстал перед главнокомандующим французов.

Подобно всем наполеоновским маршалам, Мармонт много слышал о робингудовских подвигах Гранта. Он попросил шотландского офицера дать честное слово, что тот не будет предпринимать попыток бежать.

Грант такое слово дал. Когда об этом прослышал Веллингтон, то был удивлен и расстроен: он предполагал предложить крупное вознаграждение испанским партизанам за освобождение Гранта. А через несколько дней испанцы передали ему несколько клочков бумаги, содержащих информацию о намерениях Мармонта. Даже находясь в заключении, Грант продолжал работать.

«Что за исключительный парень, — сказал герцог. — Что прикажете думать о нем, если и из заключения он присылает мне информацию».

Но Мармонт стал подозревать Гранта, и пленника переправили в Париж. И вскоре в руках у Гранта уже оказалась информация о его британских коллегах, работавших во французской столице. Он связался с ними и даже ухитрился получить американский паспорт. Под видом американского гражданина он какое-то время ходил по Парижу и даже сумел отправить Веллингтону информацию о готовящемся нападении Наполеона на Россию. Когда французы заинтересовались подозрительным «американцем», Грант исчез. Добравшись до побережья Ла-Манша, он приобрел рыбацью лодку и вскоре высадился на побережье Англии. Спустя некоторое время он вновь вернулся к Веллингтону в Испанию. Герцог присвоил ему звание полковника и назначил на должность, которая в современной английской армии звучит так: «полк. GSI» — полковник генерального штаба разведки.

После окончательного разгрома Наполеона при Ватерлоо короли и императоры, министры и послы (включая и ренегата Талейрана) вновь собрались в конце лета 1815 года на Конгресс в Вене. Австрийская столица в тот момент приютила самую огромную армию шпионов, когда-либо собиравшихся в одном городе. Пока Конгресс заседал, шпионы следили за королями и министрами. Следили и за второстепенными чиновниками, поскольку именно они выполняли всю реальную работу на встрече. А если выдавалась свободная минута, то, чтобы не скучать, следили и друг за другом.

Венчала вершину этого помешательства на подпольной работе зловещая фигура графа Меттерниха, германского аристократа и истинного правителя империи Габсбургов, главного мастера шпионажа в течение трех последних десятилетий. К его услугам была разветвленная сеть бродяг и проституток, прокуроров и политических информаторов — все они состояли на службе в секретной полиции Меттерниха. Именно они поставляли любовниц для сексуально озабоченного русского царя, собутыльников для пьющего короля Дании и слуг для всех остальных посольств. Слуги эти рылись в корзинах для бумаг в поисках скомканных и смятых клочков бумаги, из которых можно было извлечь какую-нибудь информацию.

Один лишь британский посланник Кастльриг, не хуже Меттерниха знакомый с методами работы секретных служб, мог состязаться с австрийским канцлером на равных. Кастльриг отказался от каких-либо слуг — и потому Меттерниху почти ничего не было известно об истинных намерениях и политике Его британского Величества короля Георга III.

В течение десятилетий европейского мира, последовавшего после устранения Наполеона с политической сцены, шпионы были чем-то вроде хлама на рынке. И лишь в начале второй половины девятнадцатого века и начала Крымской войны тайные агенты вновь стали главным инструментом международной политики. А спустя несколько лет во время американской войны за независимость уже целые полчища шпионов будут сражаться как с той, так и с другой стороны.

Самым знаменитым шпионом во время американской гражданской войны была женщина — уроженка Канады Эмма Эдмондс, которая в качестве шпиона северян не менее одиннадцати раз пробиралась на территорию, контролируемую южанами. Хрупкая, с мальчишеской фигурой, с широкоскулым, решительным лицом, острым взглядом голубых глаз и растрепанными волосами — трудно было бы вообразить нечто менее похожее на одну из лучших в истории женщин-шпионок. И брала она вовсе не шармом куртизанки.

Свое первое задание она выполняла под видом негра-раба. Мужчины! Ей удалось благополучно пройти через линию фронта на сторону конфедератов и сделать тщательные наброски и заметки об укрепленных сооружениях Йорктауна. Однако краска, которой она мазала лицо, оказалась нестойкой, и «негр-раб» неуклонно превращался в белого человека. Офицеры-южане заметили перемену. И тогда, бормоча что-то о том, что она полукровка, шпионка бежала, спрятав свои заметки во внутренней подметке туфель.

Следующую вылазку она совершила под видом женщины-ирландки, занимающейся торговлей вразнос, причем говорила она с таким ирландским акцентом, который можно было приобрести только в самом Типперери. Торгуя кексами, пирогами и всякой всячиной, необходимой в солдатском быту, она прошла через всю конфедератскую армию, собирая информацию. Вскоре Эмма вернулась на север, чтобы отчитаться о выполненном задании. Впоследствии она еще девять раз выходила на шпионские задания — и каждый раз в новом облике.

К этому времени о ее деятельности стало известно конфедератам, и ей пришлось остаться на Севере и заняться контрразведывательной работой. В этой роли ей удалось накрыть шпионскую сеть южан, один из членов которой был схвачен и расстрелян. После этого Эмма заболела лихорадкой. Доставленная в госпиталь, она совершенно расклеилась и расхворалась и уже никогда больше не смогла восстановить свою нервную систему. Вскоре она вернулась домой в Новую Англию, где, всеми забытая, стала писать книгу о своих приключениях.

Величайшим шпионом второй половины девятнадцатого века был, как и многие другие агенты, немец. А именно Вильгельм Иоганн Карл Эдуард Штюбер, родившийся в 1818 году в маленьком городке Мессебург в Прусской Саксонии, где его отец служил мелким правительственным чиновником. Спустя несколько лет после рождения сына семья переехала в Берлин, куда был переведен отец, и в Берлине молодой Вильгельм Штюбер сначала учился на лютеранского священника, но потом намерения его изменились и он стал юристом.

Как только Штюбер приобрел квалификацию, он тут же окунулся в полицейско-судебную работу и вскоре уже стал хорошо известен как защитник в берлинских криминальных кругах, что неизбежно привело его к близкому контакту с берлинским департаментом полиции, где он стал числиться в списке полицейских информаторов. Когда ему стукнуло 27 лет, он был уже процветающим полицейским шпином. С характерной тевтонской бесчувственностью, о которой так сожалел Шопенгауэр, Штюбер хладнокровно донес на дядю своей жены в прусскую политическую полицию за его радикальную политическую деятельность.

К середине сороковых годов девятнадцатого века в Европе вовсю шли процессы политического брожения, и Штюбер под видом либерального адвоката и защитника германского рабочего класса стал одним из ведущих агентов-провокаторов в Берлине.

В то время Пруссией правил один из слабоумных Гогенцоллернов, Фридрих Вильгельм, который поддерживал в стране непрерывный, безостановочный террор, действуя руками толпы. Во время волнений в «Год революции» в 1848 году Фридрих Вильгельм неожиданно столкнулся на улице с шумной и буйствующей толпой, гнев которой искал выхода. Во главе одной из самых шумных и грубых группировок был Вильгельм Штюбер. Вытолкнутый вперед под давлением демонстрантов, стоявших за ним, Штюбер неожиданно столкнулся нос к носу с панически испуганным королем, уверенным, что пробил его последний час.

Штюбер выступил вперед, стараясь выглядеть как можно свирепее, но, улучив момент, наклонился к уху Фридриха Вильгельма и зашептал, что на самом деле он полицейский агент, и сказал полусумасшедшему монарху, что никакая опасность ему не грозит, если он сохранит спокойствие и постарается выплянуть как можно дружелюбнее.

Каким-то образом Фридрих Вильгельм ухитрился последовать совету Штюбера и, как оказалось, не забыл шептуна, и вскоре в возрасте тридцати лет Штюбер, с одобрения короля, становит-

ся ответственным чиновником прусской политической полиции, не прекращая при этом расширять весьма прибыльную адвокатскую практику. Вскоре после 1848 года у него было уже не менее трех тысяч клиентов из криминального мира, из чего нетрудно заключить, что он, как адвокат, обслуживал большую часть берлинских подонков. У него была репутация защитника, гарантирующего оправдательный приговор.

Сотрудничая с политической полицией, он имел возможность узнавать о секретах департамента уголовных расследований и использовать их в интересах своих клиентов. Однако данные относительно истинной подоплеки его удивительных побед привели к скандалу. В конце концов его положение стабилизировалось, когда в 1850 году он был назначен полицейским комиссаром Берлина. Назначение, однако, не афишировалось, поскольку Штюбер фактически официально приступил к делу, которому посвятил всю оставшуюся жизнь — шпионажу.

Власти Пруссии поручили ему заняться проблемой, которая вызывала у них все растущую тревогу — и которая станет еще большей заботой для европейских разведывательных организаций в следующем веке. Короче, Штюбер должен был следить за деятельностью одного из отцов-основателей международного коммунизма.

Германский агитатор еврейского происхождения по имени Карл Маркс поселился в Хайгете, в Лондоне, и отсюда с помощью другого прусского эмигранта, дворянина Фридриха Энгельса, выливал устойчивый поток революционной пропаганды левых толков. Маркс уже пользовался значительным влиянием среди германских левых и рабочих движений, и потому Штюберу поручили поехать в Лондон и побольше разузнать о Марксе.

Как прусский полицейский комиссар Штюбер сделал осторожные запросы в соответствующий департамент Скотленд-Ярда, позднее ставшего известным как Особый отдел.

В викторианской Англии ни лорд Пальмерстон, ни другие политики не очень-то тревожились относительно деятельности группы германских памфлетистов, которые, похоже, почерпнули большую часть своих идей в читальных залах Британского музея. Англичане просто не видели в этом никакой угрозы своим интересам, а потому первые попытки создать англо-германский антикоммунистический фронт не увенчались успехом.

Штюбер вернулся в Париж. Под видом политического ссыльного он обратился за помощью к германским социалистам и радикалам, живущим в городе, и получил ее. У них он сумел выудить список их друзей и единомышленников на родине, и когда Штюбер вернулся в Берлин, последовала волна арестов по политическим мотивам.

Где-то между 1850 и 1858 годами Штюбер спровоцировал начало великого исхода германских либералов, таких как Шурц, Якоби и Зигель, потомки которых стали одними из самых выдающихся граждан Америки.

В 1858 году высокородный патрон Штюбера, Фридрих Вильгельм, окончательно свихнулся и был помещен в аристократическую психбольницу. Место регента занял его брат, тоже Вильгельм, который больше известен в истории как Вильгельм I Германский. Он не одобрял ни самого Штюбера, ни его тайной деятельности, и потому Штюбер вынужден был отказаться от планов баллотироваться — в качестве либерала — в прусский парламент, и вскоре многие из его врагов получили возможность совместно выступить против него.

Штюбера арестовали и предали суду, но несмотря на это он по-прежнему оставался классным адвокатом и потому сумел блестяще организовать свою защиту. В суде он сумел доказать, что все, что он делал, он делал с одобрения короля. Он доказал, что никогда не был ни предателем, ни непатриотичным, ни лично мстительным. Все, что он делал, было лишь верной службой прусской короне. И потому осудить Штюбера фактически означало обвинить Фридриха Вильгельма и прусское государство. Вот почему суду не оставалось ничего другого, как оправдать его. Однако должности он был лишен.

Столь способный шпион недолго оставался без работы. Как-то раз ему удалось замять скандал, в который оказалась замешана жена русского дипломата в Берлине, после чего был приближен русским правительством. Штюберу было поручено создание в Санкт-Петербурге службы внешней разведки. Таким образом он фактически стал отцом иностранного отдела царской тайной полиции — «охранки», предшественницы Чека, ГПУ, НКВД и КГБ.

Как настоящий германец, все время, пока он занимался организацией русской секретной службы, Штюбер оставался прусским шпионом. Не во время ли своей русской ссылки встретился он с блестящим молодым прусским дипломатом графом фон Бисмарком, который некоторое время был прусским послом в Санкт-Петербурге, доподлинно неизвестно. В 1863 году, когда Бисмарк уже взял под эффективный контроль всю Пруссию, эти двое были представлены друг другу владельцем газеты «Nord-deutsche Allgemeine Zeitung». Оба нашли друг друга близкими по духу, и эта встреча стала началом грозного партнерства, продолжавшегося до самой смерти Штюбера. Будучи бисмарковским «королем ищеек», Штюбер играл ключевую роль во всех последующих триумфах Бисмарка.

Бисмарк уже решил на первые изменения в международной политической стратегии, на которую этот величайший госу-

дарственный деятель Германии оказывал глубокое воздействие в течение последующей четверти века.

Главной его целью, остававшейся предметом постоянной озабоченности для Бисмарка, была мощь Австрийской империи. Если, как планировал Бисмарк, Пруссии суждено стать доминантой в германском государстве, историческая мощь империи Габсбургов должна быть сокрушена. Реорганизованная и перевооруженная под руководством Бисмарка, прусская армия была почти готова к активным действиям, и Бисмарку необходимы были точные данные о состоянии военной готовности Австрии. И Штюбер был тем человеком, который мог такие данные раздобыть. Когда Бисмарк предложил ему выполнить эту миссию, Штюмер заверил канцлера, что он сможет сделать это один.

Нарядившись торговцем дешевых религиозных статуэток и картинок, Штюбер «вторгся» в Австрию на повозке, запряженной одной лошадью. Он был деловым человеком, равно как и общительным. В течение нескольких месяцев он путешествовал по всей Австрийской империи, примечая и записывая все, имеющее хоть какое-то значение с военной точки зрения. И так точны были добытые им разведданные, что даже прусский главнокомандующий фон Мольтке поражался их достоверности.

Прусская кампания 1866 года была одной из самых коротких в военной истории — она продолжалась сорок пять дней. Благодаря Штюберу, она оказалась также и одной из самых решающих. Одержав победу при Садове, Бисмарк обеспечил господствующее положение Пруссии над всеми германскими государствами.

В ходе кампании Бисмарк поручил Штюберу заняться созданием контрразведывательной организации, на которую среди прочего планировалось возложить и охрану императора Вильгельма I и военной верхушки в лице фон Мольтке, Руна и самого Бисмарка. Штюбер взял за образец систему контрразведки наполеоновской Франции, созданную в свое время Фуше. С типичной прусской основательностью он создал разведывательную машину, эффективность которой заставила бы наполеоновского министра полиции позеленеть от зависти.

Как руководитель контрразведки, Штюбер общался с юнкерами из прусского генерального штаба, и подобно другим немцам, имевшим сходное происхождение, он был нахален и обидчив. Вышколенные, прекрасно воспитанные офицеры прусского генштаба, самая замкнутая военная каста в Европе, отказывались терпеть шпиона в своей компании. В ответ Бисмарк публично пригласил Штюбера на обед, а также уговорил сопротивлявшегося изо всех сил фон Мольтке дать Штюберу орден. Однако Мольтке разделял взгляды Наполеона на медали для шпионов, а

потому исполнил просьбу Бисмарка лишь после того, как извинился перед своим персоналом.

Штюбера также можно назвать отцом пропагандистской техники двадцатого века, известной под названием «большая ложь». Он уговорил Бисмарка позволить ему основать по виду совершенно безвредную организацию, известную как Центральное разведывательное бюро, откуда шел поток односторонней и в высшей степени тенденциозной военной и политической пропаганды. После окончания войны Штюбер продолжил эту деятельность из Берлина, однако обнаружил, что его усилия серьезно подрываются сообщениями новостей, распространяемых берлинским отделением агентства Рейтер — британского агентства новостей. Используя средства, тайно предоставленные Бисмарком, Штюбер вынудил Рейтер свернуть свою деятельность, а сам впоследствии создал всемирно известное Телеграфное бюро Вольф, дожившее до нацистских времен.

Важная роль, которую сыграл Штюбер в победе над Австрией вкупе с растущим доминированием Бисмарка над прусским монархом, радикально изменило до сих пор враждебное отношение Вильгельма к шпиону. Утверждая, что пятилетняя ссылка Штюбера была следствием недопонимания и что этот мастер шпионажа поистине незаменим, король произвел его в члены Тайного совета Пруссии, а также даровал Штюберу и другие почести. На самом деле Штюбер и без всяких званий был к тому времени одним из самых значительных людей в Пруссии. И, главное, он был близким другом самого канцлера. Этот мастер дипломатии начал советоваться с мастером шпионажа по поводу дальнейших шагов, которые следовало бы предпринять. Оба сошлись во мнении, что их следующей целью должна стать Франция.

Характеристика Бисмарка как «железного канцлера» вызывает в воображении образ твердого, бескомпромиссного человека, однако в действительности, особенно на ранних этапах своей деятельности, он часто был подвержен сомнениям и неуверенности. И теперь Штюбер мог помочь своему хозяину в организации дипломатической изоляции Франции. Накануне официального визита в Париж русского царя Александра II Штюбер узнал от одного из своих прежних русских шпионов о планируемом покушении на жизнь царя. Это должно было случиться во время военного парада в Париже. Обычный путь в подобных случаях — сразу проинформировать французов. Вместо этого Штюбер придержал открытие заговора до самого дня парада.

Французы, как и ожидали Штюбер с Бисмарком, были в панике. Они арестовали заговорщиков и рассказали все Александру и его свите. Царь потребовал смертной казни для заговорщи-

ков, однако фактически никакого преступления не было совершено, и потому, согласно французским законам, заговорщиков могло ожидать лишь минимальное наказание. Александр был взбешен и покинул Париж в сильном негодовании. И впоследствии отношения Франции и России были явно прохладными. А ведь Россия была наиболее вероятным союзником Франции в ее будущем конфликте с Пруссией.

К 1868 году Бисмарк уже решил напасть на Францию. Наполеон III уже переоснастил свою армию, вооружив ее новыми винтовками и митральезами — первыми прообразами пулемета, установленными на колеса, подобно пушке, в качестве ответа на прусские заряжающиеся с казенной части ружья, которые по мнению военных экспертов обеспечили победу Бисмарка над Австрией. И Штюбера посылают во Францию, чтобы он на месте оценил технические достоинства нового оружия.

Каковы бы ни были относительные достоинства немецкого и французского вооружений, у Штюбера сложилось мнение, что Франция Наполеона III была раздираема внутренней борьбой и потому фактически безвластна. Его отчет разрешил сомнения Бисмарка, и вопрос о нападении на Францию был решен. Чтобы подготовить поход, Штюбер организовал шпионскую сеть, в которую входило около 40 000 агентов в Эльзасе и Лотарингии, откуда, где, как ему было известно, фон Мольтке и Рун планировали начать атаку. И в итоге мало что оставалось в восточной Франции такого, что было бы неизвестно Бисмарку и Штюберу за несколько месяцев до начала франко-прусской войны 1870 года. Когда военные действия начались, шпионы Штюбера немедленно докладывали фон Мольтке о каждом передвижении французских войск. Последовавшая победа под Седаном была неизбежной.

В ходе боевых действий Штюбер принял на себя командование полевыми полицейскими силами безопасности в количестве тридцати офицеров и 150 людей других званий и был безжалостен по отношению к французским шпионам. Когда во время осады Парижа Версаль стал штаб-квартирой немцев, Штюбер казнил жениха-француза, который вернулся в город после медового месяца, проведенного в Париже. А когда юнкера и штабные офицеры выразили протест, говоря о невинности молодого человека и указывая, что он только что женился, Штюбер лишь заметил: «Это делает мою задачу еще более мучительной». Устроившись во дворце герцога де Персине, Штюбер становился все более свирепым и наглым на фоне продолжающейся осады Парижа. В конце концов он отказался повиноваться даже приказам фон Мольтке и Руна. Он соглашался принимать лишь указания Вильгельма Прусского, который вскоре будет коронован в Версале

как император Вильгельм I, и своего хозяина Бисмарка. Естественно, вскоре Штюбера стали равно ненавидеть как французы, так и сами немцы.

Когда начались переговоры о капитуляции Парижа, Бисмарк разместил главу французской делегации на переговорах Жюля Февре в штаб-квартире тайной службы Штюбера, и чтобы постоянно информировать Бисмарка, Штюбер и двое его ближайших заместителей добровольно взялись исполнять роль личных слуг Февре. Так Штюбер стал камердинером французского посланника, и впоследствии француз очень хвалил его за то усердие, с каким он исполнял свои обязанности. Штюберу доставляла какое-то странное удовольствие роль слуги, и он пользовался каждой возможностью, чтобы порыться в вещах Февре. Каждый французский документ, каждая депеша и телеграмма были скопированы и переправлены Бисмарку. По словам самого шпиона, пункты соглашения, которые позднее Бисмарк диктовал французам, основывались исключительно на информации, которую он добыл для канцлера германской империи.

Когда немцы ушли из Франции, Штюбер оставил после себя обширную сеть тайных агентов — большинство из которых не были немцами, разбросанных по всей стране.

Несмотря на проблемы, порожденные после 1871 года сидевшими в Берлине правительствами-близнецами — правительством рейха и правительством Пруссии, Штюбер успешно строил национальную службу тайной полиции. Ее особой задачей стало следить за германскими государствами, такими как, например, Ганновер, который, учитывая его исторические связи с Англией, находил прусское иго особо утомительным. Как составная часть этой политики Штюбером в Берлине был открыт «Зеленый Дом», где иностранные и германские особо важные персоны могли предаваться порокам в роскошных условиях, ну а о содержании их бесед уже на следующее утро становилось известно министру полиции Штюберу. Этот дом был своего рода прототипом столь же пресловутого «Салона Китти», организованного нацистским последователем Штюбера — Гейдрихом за несколько лет до начала Второй мировой войны.

После победы над Францией и созданием империи Гогенцоллернов, Штюбер по-прежнему остается самым доверенным личным советником Бисмарка. Но даже при этом и несмотря на огромное богатство, накопленное им за долгие годы, он так никогда и не был принят в свете. Юнкера ничего не забыли, и его высокомерие, проявленное в Версале, закрыло Штюберу путь в берлинский свет. Однако его место в истории как главного шпиона Бисмарка останется за ним. Но когда он умрет, в 1882 году, на похороны придет не только Бисмарк, но и представители

германского императора, равно как и других европейских коронованных особ.

Именно Вильгельм Штюбер создал германскую систему шпионажа и контршпионажа, которая послужила основой для создания германской секретной службы под началом ее прославленного шефа — полковника Николаи, с которой Германия Вильгельма II и вступила в Первую мировую войну.

Последние годы девятнадцатого века стали свидетелем и реорганизации британских секретных служб. Были разделены разведслужбы армии и флота, и таким образом британская и германская разведки развивались, все более отдаляясь друг от друга, в организации противоположных типов. И обе послужили моделью для создания секретных служб других держав в двадцатом веке.

С тевтонским стремлением к все большему централизму, немцы в итоге создали централизованную разведслужбу, развивавшуюся по пути, намеченному Штюбером. Германскую систему взяли за основу Соединенные Штаты, когда после 1945 года из разных соперничающих между собой секретных систем создавали свое Центральное разведывательное управление.

Британцы со свойственным им бесподобным политическим чутьем всегда сознавали, что глава британской секретной службы неизбежно становился бы самым могущественным человеком в государстве. Политический результат ясен: не следует подчинять все разведывательные службы одному человеку.

Различные ветви британской разведывательной системы стали, и остаются до сих пор, независимыми. Разведывательные управления Адмиралтейства, министерства обороны, а позднее и министерства авиации не поддерживали оперативных контактов с секретными службами, которые действовали, например, под эгидой Форин Офис. Информация, которую добывала каждая из этих служб, сходилась воедино лишь в одной точке — на Уайтхолле.

Эта система существовала на протяжении всей Второй мировой войны. Так называемые «любители» из Отдела особых операций (SOE), которые оперативно подчинялись министру военной экономики, были не осведомлены о деятельности «профессионалов» из секретной службы и не зависели от них. Этим объясняются некоторые трудности, возникавшие у этой отважной группы британских агентов под командованием полковника Мориса Бакмастера из знаменитого отдела «F», куда входили «Одетта», Петер Черчилль, «Мадлен» и другие герои и героини Сопротивления во Франции и в других оккупированных странах.

Независимость различных ветвей британской разведки может приводить к некоторой путанице, особенно среди союзников, которые не понимают, как эта система вообще может рабо-

тать. Так, осенью 1945 года во время охоты за Гитлером, в которой автор участвовал в качестве иностранного корреспондента, некие офицеры американской разведки пришли к убеждению, что фюрер пережил падение Берлина и что британцам было известно, где он скрывается.

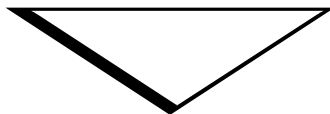
Потребовались значительные усилия британских офицеров и довольно много времени, чтобы обнаружить источник этих все-речь воспринимаемых слухов. И тогда выяснилось, что офицеры британской разведки несколько раз посетили генерала Риттера фон Грейма, который был назначен преемником Геринга на посту руководителя люфтваффе на случай чрезвычайных обстоятельств, когда тот умирал в Зальцбургском госпитале. Грейм был одним из последних среди покинувших бункер Гитлера в развалинах Имперской канцелярии и был вывезен на небольшом спортивном самолете летчиком-испытателем Ханной Райч.

Американцы решили, что Грейм открыл англичанам правду о Гитлере. И потребовалось некоторое время, чтобы офицеры британской военной разведки выяснили, что «агенты британской секретной службы», которых видели в Зальцбурге, были одеты в... авиационную форму. Это были офицеры технических служб авиационной разведки, которые пытались выудить секреты новых изобретений люфтваффе у умирающего Грейма.

Британская разведывательная система, состоящая из независимых и временами конкурирующих сетей, централизованная лишь на самой вершине, в одной точке, заслужила всеобщее одобрение и была заимствована крупнейшими шпионами двадцатого века — Политбюро или Президиумом Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Сталин быстро понял и оценил выгоду для себя в роли единственного руководителя всей системы советского шпионажа. Мистер Хрущев, конечно же, постарался сохранить за собой этот пост, хотя его полномочия, возможно, были несколько урезаны в результате событий, последовавших после 1953 года.

Вопреки всеобщей уверенности, существует по крайней мере полдюжины советских разведывательных сетей за рубежом. Некоторые из них сугубо технические и занимаются такими вопросами, как торговля. Одна — личная шпионская сеть Советского Президиума. Но, как станет ясно из этой книги в дальнейшем, двумя крупнейшими организациями советского шпионажа, часто жестоко конфликтующими между собой, являются ГРУ — внешняя разведслужба советского верховного командования, иногда известная как 4-е Управление, и зарубежный отдел советской полиции государственной безопасности, известной в разные времена как Чека, ГПУ, НКВД, МВД и в более близкие времена как КГБ, но которую профессионалы из стран Запада знают как ГВ.

ГЛАВА 2

АДМИРАЛ ХОЛЛ ПО ПРОЗВИЩУ «МОРГУН»

Через три месяца после начала Первой мировой войны небольшое торнадо в обличье Петрушки-моряка вихрем пронеслось по коридорам Британского Адмиралтейства. Это был новый директор разведслужбы военно-морского флота Великобритании. Он пришел на новую должность прямо с мостика одного из крейсеров, из эскадры, которой командовал адмирал Битти, и звали его капитан Уильям Реджинальд Холл, больше известный морякам как «Моргун» Холл, прозванный так из-за приступов нервного тика, во время которых судорожно подергивалось веко, зачаровывая всех моряков, с которыми он когда-либо служил.

Маленького роста, полный, с торчащими пучками седых волос на розовой лысине, Холл всем своим видом напоминал традиционного доброго дядюшку. За исключением глаз. Никто из тех, кто когда-либо встречался с Холлом, уже не мог забыть этих блестящих голубых глаз, сквозь которые, казалось, просвечивал характер этого человека. Именно в глазах крылся ключ к личности адмирала. Поскольку «Моргун» Холл — это было нечто ужасное. Год назад он заставил страшно огорчиться мандаринов военно-морского флота — официально именуемых Их Светлости Адмиралтейства, — укомплектовав свой боевой крейсер оружием. Объяснения у него при этом были простые: он, видите ли, был уверен, что война с немцами может начаться в любую минуту.

Впоследствии капитан Холл имел репутацию человека, не уважающего ни личности, ни старшинство, которую делил с другим *enfant terrible* ВМФ — первым лордом Адмиралтейства, молодым политиком по имени Уинстон Черчилль.

И сам Черчилль, и тогдашний профессиональный руководитель военно-морского флота, адмирал принц Луи Баттенберг —

отец адмирала лорда Маунтбеттена и дедушка Его Королевского Высочества принца Филиппа, считали Холла одним из самых блестящих офицеров английского королевского флота. И потому его назначение на ключевую должность стало практически неизбежным сразу, как только в августе 1914 года было объявлено о начале войны. Вот почему в начале ноября, когда в результате важных перемен в Адмиралтействе руководитель разведки адмирал Оливер стал начальником штаба, капитан Холл был назначен директором разведки военно-морского флота (DNT).

Холлу было суждено стать самым знаменитым английским мастером шпионажа в годы Первой мировой войны, хотя едва ли когда его нога ступала на землю хотя бы одной страны за рубежами Англии. Величайший успех был достигнут им в его собственной цитадели в Адмиралтействе — знаменитой Комнате 40, откуда Холл и его персонал день и ночь шпионили за немцами, выведывая их секреты. И именно Холлу удалось добиться вступления Соединенных Штатов Америки в Первую мировую войну в тот самый момент, когда успехи союзников находились на точке замерзания.

Можно сказать, что Холл частично унаследовал свой огромный успех, когда в ноябре 1914 года появился в Адмиралтействе, поскольку несколько первых месяцев войны стали свидетелями грандиозного успеха британской военно-морской разведки, ибо в сентябре 1914 года сел на мель германский крейсер «Магдебург». Случилось это в туманную погоду близ острова Оденсхольм, когда крейсер сопровождал отряд минных заградителей, пытавшихся запереть российский флот там, где потом была основана русская военно-морская база — близ города Петрограда.

Неожиданно туман рассеялся, и стали ясно видны два русских крейсера, направлявшиеся к сидевшему на мели германскому кораблю. Страшась плена, германский капитан предпринял немедленные шаги к спасению секретных шифров военно-морского флота Германской империи. Одному из сигнальщиков, толковому моряку, давно служившему на флоте, вручили шифровальные книги из капитанского сейфа и приказали выгresti на корабельной шлюпке на глубину и утопить их в море.

Как только шлюпка была спущена на воду, оба русских военных корабля открыли огонь. Снаряд попал в шлюпку, и германский «годен к военной службе» упал в воду, по-прежнему сжимая в руках драгоценные шифрокнижки. Сам «Магдебург» был разрушен орудийным огнем, после чего в те дни еще сравнительно цивилизованных методов ведения военных действий русские перешли к спасению германских моряков, плававших в холодных водах Балтики.

Один из русских офицеров заметил сигнальщика. Несчаст-ного немца втянули на борт русского корабля, однако он был уже мертв. И мертвые руки по-прежнему крепко сжимали шиф-ровальные книги с кодами военно-морского флота Германской империи.

Российское Адмиралтейство было создано по образу и подо-бию английского, и отношения между двумя службами были вполне сердечными. Русский царь был британским адмиралом и кузеном короля Георга V, а Первый морской лорд, принц Луи был близким родственником царицы. И потому русские решили, что шифровальные книги принесли бы наибольшую пользу, ока-жись они в руках англичан, ибо Англия была главной военно-морской державой среди союзников.

6 сентября 1914 года военно-морской атташе Российской империи в Лондоне нанес визит Черчиллю, доложил ему о про-исшедшем инциденте и добавил, что с помощью полученных книг русские уже в состоянии дешифровывать некоторые сооб-щения германского флота. И если Британия пришлет свой ко-рабль, русские доставят на нем шифровальные коды в Лондон.

Черчилль и Первый морской лорд сразу оценили этот пода-рок, и британский эскадренный миноносец немедленно был на-правлен в русский порт в Арктике. 13 октября Черчиллю вручили просоленные от долгого пребывания в морской воде шифроваль-ные книги военно-морского флота Германской империи.

Черчилль передал книги главе разведки, адмиралу Оливеру, а уже от него они попали к спокойному, говорившему тихим голосом бывшему профессору инженерного дела из Данди Альф-реду Эвингу, директору образовательных учреждений военно-мор-ского флота. Будучи математиком по образованию, он давно уже интересовался шифрами и кодами и, как только началась война, автоматически был назначен руководителем шифровального де-партаментa разведслужбы ВМФ Великобритании. В качестве по-мощника, владеющего немецким языком, он выбрал себе пре-подобного Уильяма Монтгомери из пресвитерианских священ-ников. Монтгомери был шотландским богословом, чьи переводы работ Альберта Швейцера получили широкое признание.

Эвинг и Монтгомери принялись за работу над шифроваль-ными книгами с «Магдебурга». Спустя три недели, когда Холл был назначен главой разведки Адмиралтейства, они с помощью прослушивающих станций, построенных перед началом войны, уже начали дешифровывать радиосигналы, поступающие с двух главных германских военно-морских баз в Киле и Вильгельмсха-фене. Холл ничего не знал о криптографии, но со своим обыч-ным блеском сумел быстро оценить все потенциальные возмож-ности того дела, которым занимался Альфред Эвинг.

Холл реорганизовал департамент разведки военно-морского флота. Он переселил его из главного здания Адмиралтейства. С помощью некоторых методов — вероятно, тех, что последующие поколения назовут обманом, — он добился передачи ему во владение офисов в смежном старом здании Адмиралтейства, которые и стали известны как Комната 40. Холл перевел свой штат в Комнату 40 и больше уже никогда и никуда не переезжал, даже когда у него работало уже более тысячи человек — радистов, криптографов и других.

Через несколько недель Холл и Эвинг — позднее сэр Альфред Эвинг, ректор Эдинбургского университета — начали читать приказы гранд-адмирала Тирпица и других командующих кайзеровского военно-морского флота. Рано утром 14 декабря один доклад стал причиной кризиса в Адмиралтействе. Из расшифрованного немецкого сообщения Холл и Эвинг пришли к убеждению, что боевые крейсера германского флота, находившиеся в открытом море, «выступают» в поход.

Холл и Эвинг сделали вывод, что крейсерная эскадра выйдет из Вильгельмсхафена 15 декабря и будет у берегов Британии на рассвете следующего дня. Был отдан приказ тщательно следить за всеми передвижениями флота, с целью перехвата германских ударных сил, в то время как Черчилль и Холл в Адмиралтействе напряженно ожидали дальнейшего развития событий.

16 декабря, в 8.30 утра, когда Черчилль принимал утреннюю ванну, в комнату ворвался штаб-офицер с сообщением: «Немецкие крейсера обстреливают Хартлепул». Через несколько минут пришло второе сообщение о том, что Скарборо также подвергся обстрелу из тяжелых корабельных орудий.

Весь цивилизованный мир пришел в ужас от этих известий, быстро облетевших весь земной шар. Это были первые обстрелы открытых городов из тяжелых корабельных орудий. Из Адмиралтейства в последнюю минуту последовал приказ на ответные действия. Контрудар не заставил себя ждать.

В 10.30 утра Холл доложил Черчиллю, что германские крейсера покинули британские воды и направляются домой. Восточнее их курса, по прямой на Гельголанд находился адмирал Битти со своими знаменитыми крейсерами, поддержанными шестью новейшими британскими боевыми кораблями. В Королевском флоте не сомневались, что близится момент возмездия, который может оказаться смертельным ударом для германских военно-морских сил.

Дождь и туман окутывали Северное море. Видимость — менее мили. Лишь небольшое расстояние отделяло два флота друг от друга. И все-таки германцы сумели скрыться. Немедленно поднялся страшный крик обвинений в адрес ВМФ. Как это стало

возможным — бомбардировка прибрежных городов? Где был флот? Почему немцам удалось уйти безнаказанными? Человек с улицы никак не мог понять, насколько сильно в те дни, до изобретения радара и развития навигационного оборудования, зависел флот от погоды в Северном море.

Да и в самом Адмиралтействе военно-морской штаб также не испытывал радости. Однако в Комнате 40 царило мрачное удовлетворение. «Моргун» Холл доказал, что он был британским шпионом номер 1. С помощью Эвинга и остальных работников департамента криптографии он смог проникнуть в самый мозг германского штаба ВМФ, и отныне можно будет точно предсказывать все передвижения германского флота в открытом море.

Успех ободрил Холла. Принимая во внимание то, что уже было достигнуто с помощью шифров германского флота, можно было только догадываться, чего можно было бы достичь, заполучив в руки другие коды — и особенно германский дипломатический шифр, используемый для связи с германскими тайными агентами за границей. И потому Холл расширил свои операции. Выходя далеко за рамки строго очерченной юрисдикции службы разведки ВМФ, Холл организовал собственные шпионские сети за границей и инициировал антидиверсионные расследования в Англии. Он даже начал действовать на поле политического шпионажа и контршпионажа. Вскоре он уже следил за Матой Хари, противостоял ИРА и шел по следу немецких агентов, провоцировавших волнения в промышленности.

Прямой, безжалостный, одаренный богатым воображением и временами откровенно грубый, «Моргун» Холл вскоре стал причиной страшного шума на Уайтхолле. В свою очередь он столкнулся с министерством обороны Китчинера, департаментом цензуры, блокадным отделом Управления торговли и, наконец, Форин Офиса. Джентльмены из обычной британской секретной службы в самых сильных выражениях возражали против зарубежных операций Холла.

Страсть Холла к коллекционированию шифров и кодов была поистине ненасытной. Он был уверен, что именно в них таится ключ ко всем по-настоящему успешным тайным операциям. И события последующих нескольких лет не раз подтверждали эту его уверенность. В начале своей работы в Адмиралтействе ему подарили обитый железом дубовый сундук, попавший в сеть британского траулера и, как все были уверены, принадлежавший кому-то из немцев, служивших на одном из четырех германских миноносцев, потопленных в Северном море два месяца назад. В сундуке этом были обнаружены книги шифров германского морского флота, большая часть которых уже была известна англичанам еще по книгам с захваченного русскими «Магдебурга». Но вот один

из кодов потребовал больших усилий от Эвинга и его экспертов. В конечном итоге, изучив множество перехваченных немецких радиосигналов, Эвинг пришел к выводу, что это код, используемый для связи с германским военно-морским атташе в зарубежных странах.

Сразу, как только коды были расшифрованы и Холл принялся читать полуполитические послания, скрывающиеся за ними, он начал носиться с идеей заполучить в свои руки германский дипломатический код. И события, происходившие в то время в оккупированной немцами Бельгии и далекой Персии, помогли ему в этом.

Вскоре после того, как войска кайзера изнасиловали «маленькую Бельгию», осенью немцы обнаружили в Брюсселе радиопередатчик — очень мощный для того времени, но который был или взорван, или сломан. Поиски привели к молодому радиоинженеру, знакомому с подобной техникой. Инженер знал, как обращаться с передатчиком. Этот молодой человек был полуавстрийского-полуанглийского происхождения и еще до войны приехал в Брюссель с отцом-австрийцем, тогда как все остальные члены семьи остались в Англии. Однако немцы предпочли считать этого молодого человека, которого звали Александр Жек, гражданином Австро-Венгрии и поставили его перед выбором: или быть призванным в австрийскую армию, или работать с передатчиком на немцев. Молодой человек выбрал последнее, и вскоре он уже выстукивал на передатчике длинные зашифрованные послания.

В какой-то момент радиоперехваты сигналов этой мощной брюссельской станции легли на стол Холлу, однако ни Эвинг, ни его эксперты не смогли их расшифровать. Очевидно, перед ними были послания, зашифрованные дипломатическим или консульским кодами. Призвали на помощь тайные организации всевозможных союзников, и, наконец, один из агентов, работавший в нейтральной Голландии, обнаружил, что передатчик находится на рю де Луи в Брюсселе.

А вскоре после этого Холл получил сенсационное известие о том, что радист этого таинственного передатчика родом из Кройдона и, возможно, продолжает оставаться британским гражданином. Холл связался с членами семьи Жек, находившихся в Англии, и попросил близких родственников написать Александру письмо, чтобы убедить его послужить стране, в которой он родился. После этого британский агент в Голландии попытался оказать давление на молодого человека, но поначалу тот или не захотел помогать англичанам, или боялся немцев. И лишь в начале 1915 года он, наконец, согласился выкрасть коды. Но при этом выразил желание бежать вместе с ними в Англию. Такой оборот

событий не устраивал Холла: коды в этом случае становились бесполезными, немцы бы сразу узнали, что секрет их раскрыт и сменили бы шифры.

В конце концов Жек согласился красть их постепенно, копируя по полколонки зараз и передавая их агенту из Голландии. Весь процесс занял три месяца. К концу работы радист был в панике и перед тем, как передать последнюю партию кодов, настаивал, чтобы ему позволили убежать вместе с агентом. Никто не знал, что произошло потом. Молодого человека никто и никогда больше не видел живым. В некоторых версиях этой истории утверждалось, что Жек был схвачен и расстрелян немцами. Однако его отец настаивал на том, что сына убили англичане, чтобы немцы никогда не смогли узнать, что их коды украдены. С точки же зрения Холла главное, что здесь имело значение — это то, что коды были теперь у него, а немцы об этом и не догадывались.

Примерно в это же время бывший германский вице-консул в Бушире, что расположена на берегу Персидского залива, принял попытку втянуть Персию в войну на стороне центральноевропейских держав.

В начале февраля 1915 года он объявился на юге Персии, и почти сразу же был перерезан нефтепровод англо-персидской нефтяной компании (ныне Бритиш Петролеум), ведущий к Абаданскому нефтеперерабатывающему заводу. Имел ли экс-консул, которого звали Вильгельм Вассмусс, какое-либо отношение к этим подвигам или нет, неизвестно, но весть о его присутствии на юге Персии и предпринимаемых им попытках раздуть джихад или священную войну против англичан распространилась подобно лесному пожару. Англичане в Бушире предлагали огромные суммы за поимку Вассмусса.

В одном из небольших городков, где остановился немец, местный хан решил разбогатеть. Он отправил послание англичанам, сообщая о местонахождении Вассмусса, а сам тем временем взял его под стражу. Англичане отправили команду, чтобы забрать Вассмусса. Но из-за приверженности хана соблюдению всех тонкостей восточного протокола, Вассмуссу удалось бежать, но при этом он вынужден был бросить свой пестрый багаж. Очень скоро Вассмусс добрался до Шираза, где поднял восстание, которое привело к убийству британского консула. И повсюду, где бы он ни появлялся, он поднимал великий шум, заявляя, что англичане «украли его вещи», и требовал вернуть ему багаж. Англичане предварительно обыскали его бывшее консульство в Бушире и обнаружили там множество планов, касающихся миссии этого бойкого немца в Персии, однако ни британцы, ни персы не могли понять, в чем причина шума, поднятого Вассмуссом в отношении его багажа.

В Комнате 40 офицер британского флота, прибывший из Персидского залива, рассказал Холлу забавную историю о Вас-смусе и его багаже. После ухода посетителя Холл начал разду-мывать, почему это немец так печется о своих чемоданах? И при-казал немедленно провести расследование. Багаж был отправлен в Лондон, но, похоже, никто толком не знал, где он находится. Путем настойчивых запросов удалось установить, что багаж нем-ца свален в подвале министерства по делам Индии, которое в то время отвечало и за британскую деятельность в Персидском за-ливе. Багаж был найден — неоткрытым. Его доставили в Комнату 40, и Холл лично наблюдал за вскрытием. В одном из ящиков находилась немецкая шифровальная книга. Это был код номер 13040 — ГЕРМАНСКИЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ КОД.

Имея в руках дипломатические шифры, Эвинг со своими экспертами сразу приступил к работе над стопкой радиоперехва-тов, скопившихся за время поисков. В течение одного дня было установлено, что код номер 13040 был одним из двух, использу-емых для передачи сообщений между германским министерством иностранных дел в Берлине и германским посольством в Вашин-гтоне. Поскольку Соединенные Штаты в то время по-прежнему сохраняли нейтралитет в войне, посольство в Вашингтоне ис-пользовало тот же код для передачи сообщений, полученных из Берлина, во все германские дипломатические миссии, распо-ложенные в западном полушарии. Таким образом, Холл открыл ключ — а к чему, даже он не сумел догадаться в то время.

Еще до того, как этот германский дипломатический код по-пал к нему в руки, Холл обнаружил в сообщениях, которые его команда сумела расшифровать, нечто о совершенно секретном немецком шпионе, работающем в Соединенных Штатах. Звали этого шпиона капитан Франц фон Ринтелен.

Высокий, элегантный, с аристократической внешностью, фон Ринтелен после службы в германском военно-морском фло-те в течение нескольких лет работал представителем одного из ведущих германских банков в Нью-Йорке. Красивый холостяк, он стал весьма популярной фигурой в нью-йоркском свете, и к тому времени, когда перед войной он уезжал из Соединенных Штатов, круг его знакомых, состоявший из людей известных, был очень широк.

В Германии он женился на богатой леди и с началом войны вернулся на службу в имперский военный флот в качестве фи-нансового советника в ранге капитана. Его светские и финансо-вые связи помогли ему войти в круг самого кайзера, и вскоре Его Величество пришел к выводу, что фон Ринтелен является иде-альным человеком для выполнения особой миссии в Соединен-ных Штатах. В течение долгого времени кайзер интересовался

мексиканскими делами, хотя и весьма поверхностно, и как только началась война, его главной заботой стало удержать Соединенные Штаты от вступления в европейскую войну. И с этой целью Германия начала вести интригу, призванную привести к восстанию мексиканцев вдоль южной границы Соединенных Штатов и оттянуть таким образом войска США на границу с Мексикой.

В феврале 1915 года фон Ринтелен был отправлен в Барселону, где нашел убежище ссыльный президент Мексики Гуэрта — смертельный враг президента Соединенных Штатов Вудро Вильсона, поскольку именно козни американцев заставили Гуэрта покинуть страну. И вот теперь фон Ринтелен предложил Гуэрте вернуться в Мексику, с помощью немецких денег и оружия взять власть и назначить антиамериканское правительство, которое надолго могло бы избавить Соединенные Штаты от европейских хлопот. Гуэрта был совсем не против.

Германское высшее командование поручило Ринтелену вторую миссию. Он должен был организовать подпольную сеть, перед которой стояли бы следующие задачи:

1. Устанавливать бомбы на кораблях, отплывающих из портов американского восточного побережья и груженных военным снаряжением для союзников в Европе.

2. Устраивать диверсии на американских заводах, производящих вооружения для западных держав.

3. Способствовать возникновению волнений и беспорядков в промышленных районах с немецко-американским и ирландским населением и особенно среди докеров восточного побережья.

О выполнении этой второй миссии фон Ринтелен позднее подготовил весьма красноречивый отчет, который принес ему титул «Тайный оккупант».

Чтобы преодолеть английскую морскую блокаду, фон Ринтелен отправился в Осло, столицу нейтральной Норвегии, где сел на борт норвежского лайнера. В его фальшивом швейцарском паспорте стояли подлинные визы Америки и Англии. Однако в Соединенных Штатах его не очень-то ждали. И германский военноморской атташе капитан Бой-Эд, и его военный коллега — капитан Франц фон Папен, лихой кавалерийский офицер и обладатель молодой жены, весьма не одобряли его миссию, которую они рассматривали как вмешательство в их сферу деятельности. И потребовался весь дипломатический такт и учтивость выдающегося германского посла графа фон Бернсдорфа, чтобы ликвидировать возникшую было брешь в отношениях тайного шпиона и разведчиков-атташе.

Внимательно читая сообщения, отправляемые из Берлина в Вашингтон, Холл был прекрасно осведомлен о миссии Ринтеле-

на. Его способный помощник в Соединенных Штатах, капитан Гай Гаунт, тоже офицер флота и британский военно-морской аташе, пустил агентов по следу Ринтелена.

С помощью бывшего германского консула в Нью-Йорке фон Ринтелен связался с капитанами германских судов, находившихся в американских гаванях, а также с немецким химиком по имени доктор Шееле. Используя машинное отделение одного из германских судов в качестве лаборатории, фон Ринтелен приступил к производству бомб, которые докеры ирландцы могли легко поставить на корабли, перевозящие военные грузы.

Вскоре страховая компания Ллойда получила известие, что судно «Фобус», вышедшее из Нью-Йорка, загорелось в море и было доставлено в Ливерпуль кораблем Ее Величества «Аякс».

Пожары на кораблях стали стремительно следовать один за другим.

Фон Ринтелен открыл также экспортно-импортную фирму на имя Е.В. Гиббонса и с помощью дипломатов добился успеха в получении контрактов на снабжение товарами военного назначения вооруженных сил Российской империи. Товары были погружены на корабли, направлявшиеся в Россию. Немцы, которым платил фон Ринтелен, изобрели первый вариант устройства, которое позднее стало известно как плоские мины, и прежде чем груженые товарами для России суда покидали Нью-Йорк, агенты фон Ринтелена ставили на них эти мины. И снова Ллойд докладывали о серии таинственных происшествий и пожаров на море. Некоторые из судов затонули. А русские так и не получили никаких военных товаров.

Из перехваченных германских сообщений и из докладов своих агентов в Америке Холл, сидя в Комнате 40, не колеблясь сделал вывод об истинной природе таинственных случаев, происшедших в Северной Атлантике.

В начале июля 1915 года американцы, следившие за Гуэртой столь же плотно, как англичане следили за фон Ринтеленом, перешли к действиям. Гуэрта был арестован, похоже, в тот самый момент, когда он пересек границу Мексики. Впоследствии он умер — был отравлен, согласно некоторым заявлениям американских спецслужб.

Через два дня после ареста Гуэрты, о котором широко сообщалось, фон Ринтелен получил телеграмму. Она была подписана руководством германского Адмиралтейства и предписывала ему вернуться на родину. Причина отзыва фон Ринтелена состояла в том, что после ареста Гуэрты и сам Ринтелен оказался в опасности. 3 августа под именем швейцарского гражданина Эмиля Геше фон Ринтелен отплыл из Нью-Йорка на датском лайнере «Ноордам». Через неделю лайнер пришвартовался в Фальмуте, чтобы

благополучно миновать английскую блокаду. На борт судна поднялась вооруженная поисковая группа. Несмотря на яростные протесты, «Эмиль Геше» был снят с судна и переправлен в Лондон, где швейцарского посланника уговорили поручиться за него. Скотленд-Ярд уже почти согласился выпустить фон Ринтелена, когда сообщили, что некий офицер желает задать ему несколько вопросов.

В соседней комнате псевдошвейцарца приветствовал невысокий, полный военный в адмиральском мундире — Холла недавно повысили. Пристально взглядевшись в человека, за которым он шпионил в течение нескольких месяцев, Холл быстро перешел к сути дела. С иронической любезностью он предположил, что все сомнения исчезнут сразу, стоит лишь попросить английского посланника в Берне проверить, может ли герр Геше в данный момент находиться в Лондоне. Не будет ли у герра Геше — спросил Холл через переводчика — возражений против такого оборота событий? Фон Ринтелен понял, что перед ним достойный противник. Слегка поклонившись, он назвал свое настоящее имя. Некоторые специалисты высказывают предположение, что это лишь подтверждает тот факт, что адмирал Холл уже знал, с кем имеет дело, поскольку САМ СОСТАВЛЯЛ ТЕЛЕГРАММУ О ВЫЗОВЕ ФОН РИНТЕЛЕНА В БЕРЛИН.

Фон Ринтелен был на два года интернирован в Англии в качестве военнопленного. Адмирал Холл особо настаивал, чтобы с ним обращались соответственно его званию германского офицера высокого ранга. Когда Соединенные Штаты вступили в войну, фон Ринтелен был отправлен в Америку, где его судили и приговорили к годичному тюремному заключению. Впоследствии его судили по другому обвинению и вынесли еще один приговор. В ноябре 1920 года фон Ринтелен был освобожден и депортирован из страны.

Оказавшись в Германии, фон Ринтелен обнаружил, что Веймарскую республику не интересуют бывшие шпионы кайзера. Обиженный и озлобленный, фон Ринтелен осел в Англии, где пользовался помощью и поддержкой адмирала Холла. В 1939 году, после начала Второй мировой войны, фон Ринтелен вновь был временно интернирован. Он умер в Лондоне в 1939 году в возрасте 72 лет.

После того как фон Ринтелен был интернирован, аппарат, следивший за ним, добился еще одного крупного успеха, благодаря которому Холл узнал, что обычный американский гражданин совершал неоднократные поездки через Атлантику на датских лайнерах, действуя как немецкий дипломатический курьер.

Когда датский лайнер «Роттердам», отплыв из Нью-Йорка, достиг Плимута, Холл снял с корабля курьера и его багаж. Последовали немедленные протесты от американцев немецкого происхождения, но адмирал оставался глух — ибо в багаже курьера было найдено более сотни дипломатических документов, некоторые из них — сенсационные.

Среди бумаг находилось множество отчетов о диверсиях, организованных в Соединенных Штатах фон Папеном и Бой-Эдом. Более того, там находились и личные письма фон Папена жене, в которых он упоминал «этих идиотов янки». Из других документов становилось ясно, что австрийский посол в Вашингтоне был замешан в подстрекательстве живущих на Среднем Западе рабочих австро-венгерского происхождения к забастовкам.

Адмирал Холл был решительно настроен использовать все возможности для того, чтобы добиться вступления Соединенных Штатов в войну на стороне западных союзников. Против него выступала такая внушительная фигура, как президент Вудро Вильсон, считавший себя человеком, принесшим стране мир и никогда не устававшим говорить на тему о «почетном мире».

Холл перешел в наступление против нейтралистски настроенного американского общественного мнения.

Как только бумаги из багажа арестованного курьера были изучены, Холл передал доказательства весьма пробритански настроенному послу Соединенных Штатов в Лондоне Волтеру Хайнсу Пейджу. Хотя документы, конечно, следовало бы переправить в Вашингтон, адмирал Холл посчитал, что Вильсон может просто замолчать их.

Впоследствии, осенью 1915 года, он договорился, что документы будут официально опубликованы в виде Белой Книги британского правительства.

Американское общественное мнение, к тому времени уже достаточно возмущенное потоплением «Лузитании», вдруг неожиданно узнало, что немцы — опасный народ. Война между Германией и Соединенными Штатами казалась неминуемой. Однако Вильсон отказался сменить придуманную им самим для себя роль арбитра между воюющими сторонами, и потому ничего не было предпринято против главных источников германских интриг и диверсий — фон Папена и Бой-Эда.

Интерес адмирала Холла к международному шпионажу нельзя считать производным от пренебрежения им чисто военно-морской стороной его должностных обязанностей. Раз за разом он выдавал предупреждения о передвижениях германских военных кораблей. И готовность англичан к этим передвижениям была столь постоянна, что это, наконец, вызвало подозрения у высшего командования германского флота. Куда бы ни направлялись герман-

ские военно-морские силы из своих гаваней, британская эскадра, похоже, уже стояла готовой к их перехвату. И случилось это слишком часто, чтобы быть простым совпадением.

Немцы стали предпринимать меры предосторожности. Не входя в технические различия между кодами и шифрами, можно объяснить, что высшее командование германского флота начало зашифровывать сами коды, получая в результате двойной шифр. На какое-то время Эвинг и его коллеги оказались в тупике. Но затем Монтгомери, неплохо разбиравшийся в особенностях германского образа мыслей, нашел ответ. Изучая тексты перехватов, он обнаружил, что германское Адмиралтейство меняло ключ к коду РЕГУЛЯРНО ПО РАСПИСАНИЮ.

Эвингу не потребовалось много времени, чтобы обнаружить, что ключ менялся ежедневно. И вновь стол Холла был засыпан перехватами приказов по германскому флоту. Как пишет Черчилль, во время центрального периода войны разведка Адмиралтейства снабжала британский флот огромным количеством ценной информации.

Шла последняя неделя мая 1916 года, когда Холл доложил в штаб Военно-морского флота на Уайтхолле о том, что германский флот подает особые признаки предстоящей активности. Донесения агентов в Германии о назначении адмирала Шеера главнокомандующим были призваны подтвердить предположения о растущей агрессивности германских намерений.

30 мая в пять часов вечера Холл предупредил Адмиралтейство о том, что появились признаки того, что германский флот выходит в море. Информация Холла была немедленно доведена до сведения главнокомандующего флота, адмирала сэра Джона Джелликоу, находившегося на корабле «Железный герцог» в заливе Скапа Флоу. И вскоре британский флот тоже вышел в море. Адмирал Битти со своими крейсерами уже был в море, однако много южнее.

Вечером 31 мая корабли Битти столкнулись с германскими разведывательными силами, после чего, среди мглы и тумана вечернего Северного моря, разыгралась последняя великая битва флотов — битва у Ютланда или, как называют ее немцы, у Скагеррака. На протяжении всей битвы Холл продолжал расшифровывать приказы и распоряжения, передаваемые с флагмана немецкой эскадры и германского Адмиралтейства в Берлине. Расшифрованные приказы тут же переправлялись Джелликоу. Именно Холл стоит за переданным поздно ночью сообщением: «Германскому флоту приказано вернуться домой в 9.14 пополудни». Далее следовали курс и скорость германских кораблей. Джелликоу по каким-то своим собственным соображениям отказался поверить этому сообщению, в результате чего германскому флоту удалось

сбежать к своим базам на Северном море, откуда он никогда уже больше не появлялся в полной силе.

Хотя сам ход и результаты битвы при Ютланде навсегда останутся вопросами спорными, вряд ли кто станет спорить, что именно Холлу удалось свести в море два флота.

К осени 1916 года ситуация для обеих враждующих сторон стала весьма серьезной. У Англии кончались финансовые средства, выделенные ей в качестве кредита Соединенными Штатами, и вскоре страна вполне могла оказаться в положении, когда она больше не сможет закупать военное снаряжение американского производства, от которого так зависела ее армия. Многим осведомленным людям по обеим сторонам Атлантики казалось, что победа союзников в войне может быть обеспечена лишь вступлением Соединенных Штатов в войну на стороне союзников. Однако, несмотря на продолжающиеся немецкие провокации, президент Вильсон по-прежнему формально сохранял нейтралитет Америки. Тем не менее к концу 1916 года и фон Папен, и Бой-Эд были высланы из США за свою подрывную деятельность.

Предполагаемое вступление Соединенных Штатов в войну стало личным кошмаром и для самого германского кайзера, и для его правительства. Поскольку из тупика, в который зашли военные действия на фронте, выхода не предвиделось, немцы решили возобновить свои попытки стравить Мексику с Соединенными Штатами. И если бы только удалось заставить мексиканских правителей пойти в атаку на Техас, американская армия оказалась бы надежно скованной вдоль всей протяженной американской границы с Мексикой, что сделало бы невозможным для США вступление в войну.

Германские адмиралы, однако, во главе с грозным и решительным гранд-адмиралом фон Тирпицем, давно склонялись к проведению куда более радикальной политики. Они были уверены, что сумеют выиграть войну, стоит только начать неограниченную подводную войну против кораблей, везущих американское военное снаряжение на поля сражений европейской войны. С другой стороны, сам кайзер, его канцлер Бехман-Хольвиг и министр иностранных дел фон Ягов были уверены, что даже просто декларация об объявлении неограниченной войны приведет к немедленному вступлению Америки в войну.

В начале осени 1916 года в Германии установился режим, который можно было назвать военной диктатурой фельдмаршала фон Гинденбурга и его способного начальника Генштаба генерала Людендорфа.

К этому времени германское Адмиралтейство сумело построить значительное количество подводных лодок, способных — с его точки зрения — обеспечить непреременный успех в случае

неограниченной подводной войны. Людендорф пока не имел достаточно полномочий для того, чтобы устранить имперского канцлера Бехмана-Хольвига, находившегося в оппозиции политике военных, однако добился успеха в отстранении от должности германского министра иностранных дел фон Ягова, разделявшего опасения графа фон Бернсдорфа в Вашингтоне относительно того, что Германия не должна предпринимать никаких шагов, способных усилить вражду американцев к Германии.

В ноябре фон Ягова сменил на посту министра иностранных дел Артур Циммерман. Голубоглазый, рыжеволосый, с пушистыми усами, Циммерман был провинциальным прусским бюрократом, типичным представителем германского среднего класса. Двадцать лет назад он недолго прожил в Соединенных Штатах, чего в глазах немцев оказалось вполне достаточно, чтобы обеспечить ему репутацию эксперта по американским делам, а многим американцам ошибочно считать его поклонником Америки. Будучи простым «аутсайдером» из среднего класса, оказавшимся среди «фонов» и «зюсов», которыми кишело германское высшее военное командование, Циммерман стал воском в руках штабных офицеров-аристократов. Заискивая перед ними, он быстро связал себя с политикой поддержки идеи проведения неограниченной подводной войны.

Соединенные Штаты уже пребывали в достаточно обиженном состоянии, вызванном происшедшими инцидентами, касающимися американских кораблей, и Циммерман был достаточно дипломат и достаточно реалист, чтобы оценить тот факт, что новая германская стратегия легко может спровоцировать появление американской декларации о вступлении в войну. А потому он решает приступить к выполнению плана своего предшественника на посту министра относительно инициируемого немцами нападения Мексики на южную границу Соединенных Штатов. Из информации, полученной от фон Эрхарда, немецкого посла в Мехико, вкупе с намеками, брошенными японскими дипломатами в Европе, Циммерман пришел к твердому убеждению, что Япония, которая в поисках добычи вступила в войну на стороне западных союзников, вполне могла бы захотеть изменить свою позицию и перейти на другую сторону. И тогда Циммерман задумался над идеей германо-мексиканского военного союза, направленного против Соединенных Штатов и ставящего своей целью возвращение Мексики трех штатов — Техаса, Аризоны и Нью-Мексико. А окончательным ударом по Соединенным Штатам должно было стать откровенное заявление Японии о присоединении к этому союзу.

Начало неограниченной подводной войны было намечено на 1 февраля 1917 года. Соединенные Штаты, как и другие мор-

ские державы, которых могла бы затронуть такая война, должны были получить предупреждения о начале кампании лишь за несколько часов — где-то 31 января.

К началу года план Циммермана в общих чертах был завершен, и в первые дни января министр подготовил набросок сообщения для германского посла в Мехико фон Эрхарда:

«МЫ НАМЕРЕНЫ НАЧАТЬ НЕОГРАНИЧЕННУЮ ПОДВОДНУЮ ВОЙНУ ПЕРВОГО ФЕВРАЛЯ ТОЧКА НЕСМОТРИ НА ЭТО МЫ ПОПЫТАЕМСЯ УДЕРЖАТЬ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ОТ ВСТУПЛЕНИЯ В ВОЙНУ ТОЧКА В СЛУЧАЕ ЕСЛИ ЭТО НЕ УДАСТСЯ МЫ СДЕЛАЕМ МЕХИКО ПРЕДЛОЖЕНИЕ О СОЮЗЕ НА СЛЕДУЮЩИХ ОСНОВАНИЯХ: ВОЕВАТЬ ВМЕСТЕ ДОБИВАТЬСЯ МИРА ВМЕСТЕ ВСЕОБЪЕМЛЯЮЩАЯ ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА И ПОНИМАНИЕ С НАШЕЙ СТОРОНЫ ЧТО МЕКСИКЕ СЛЕДУЕТ ВЕРНУТЬ УТРАЧЕННЫЕ ТЕРРИТОРИИ В ТЕХАСЕ НЬЮ-МЕХИКО И АРИЗОНЕ ТОЧКА ПОДРОБНОСТИ СОГЛАШЕНИЯ ОСТАЮТСЯ ЗА ВАМИ ТОЧКА ВЫ ПРОИНФОРМИРУЕТЕ ПРЕЗИДЕНТА (МЕКСИКИ) О ВЫШЕИЗЛОЖЕННОМ В ОБСТАНОВКЕ СТРОГОЙ СЕКРЕТНОСТИ СРАЗУ КАК ТОЛЬКО ВОЙНА С СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ СТАНЕТ НЕИЗБЕЖНОЙ И ДОБАВИТЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЧТО ЕМУ СЛЕДУЕТ ПО СОВЕСТЕННОЙ ИНИЦИАТИВЕ ПРИГЛАСИТЬ ЯПОНИЮ НЕМЕДЛЕННО ПРИСОЕДИНИТЬСЯ И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ВЫСТУПИТЬ ПОСРЕДНИКОМ МЕЖДУ ЯПОНИЕЙ И НАМИ ТОЧКА ПОЖАЛУЙСТА ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА НА ТОТ ФАКТ ЧТО НЕОГРАНИЧЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАШИХ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК СТАВИТ ЦЕЛЬЮ ВЫНУДИТЬ АНГЛИЮ ЗАКЛЮЧИТЬ МИР В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШИХ МЕСЯЦЕВ ТОЧКА ПОЛУЧЕНИЕ ПОДТВЕРДИТЕ ЦИММЕРМАН»

Вследствие помех, чинимых англичанами развитию международных телеграфных линий, не было прямой связи между Германией и Мексикой и все сообщения приходилось отправлять круглым путем через германского посла в Вашингтоне графа фон Бернсдорфа, который и передавал депеши фон Эрхарду.

Сначала Циммерман намеревался отправить свое послание фон Эрхарду в форме письма, которое должен был передать получателю курьер с германской подводной лодки «Дейчланд», которая уже сделала один успешный рейс в Нью-Йорк, сумев преодолеть английскую блокаду. Однако в последнюю минуту по техническим причинам от этого плана пришлось отказаться. Шла вторая неделя января. Время истекало.

Тогда Циммерман решил, что должен отправить свою телеграмму «самым безопасным и быстрым маршрутом». И тут он вспомнил, что президент Вильсон позволил фон Бернсдорфу

пользоваться американским секретным дипломатическим каналом, связывавшим Берлин и Вашингтон. Канал этот призван был содействовать передаче мирных предложений Вильсона, поскольку американский президент по-прежнему настаивал на «почетном мире» между двумя воюющими сторонами. Фон Бернсдорф дал личные заверения американцам, что этот секретный канал не будет использоваться ни с какими другими целями, кроме как для передачи мирных предложений. Подобно всем другим германским министрам до и после него, Циммерман не намерен был обращать ни малейшего внимания на такую малость, как честное слово посла.

Его телеграмма фон Эрхарду в Мехико была зашифрована — И ОТПРАВЛЕНА ПО АМЕРИКАНСКИМ СЕКРЕТНЫМ КАНАЛАМ. Сначала по наземной линии, связывавшей Берлин с Копенгагеном, а затем по трансатлантическому кабелю, ПРОХОДИВШЕМУ ПО ТЕРРИТОРИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ. Волновался ли Циммерман, брал ли на себя труд удостовериться в надежности канала — доподлинно неизвестно, но чтобы защититься от любой возможности, что это послание не попадет по адресу, Циммерман дважды продублировал телеграмму по двум другим каналам:

1. По обычному радиоканалу между Nauen и Соединенными Штатами, который был подвержен американской цензуре.

2. Тем маршрутом, который был известен в Комнате 40 как «шведский окольный». Это, конечно, было колоссальным злоупотреблением шведским нейтралитетом, но германские послания шли через Стокгольм в Берлин при молчаливом согласии прогермански настроенного шведского МИДа.

Телеграмма Циммермана, отправленная по секретным американским каналам, попала в американский Госдепартамент 17 января. Несмотря на дурные предчувствия тогдашнего госсекретаря мистера Роберта Лэнсинга (дяди своего знаменитого преемника Джона Фостера Даллеса), она все же была передана фон Бернсдорфу в германское посольство. Германский посол заменил берлинский регистрационный номер телеграммы на свой собственный, поместив в самом начале гриф «Телеграф министерства иностранных дел 16 января № 1, совершенно секретно, расшифровать лично» и передал зашифрованную телеграмму через американскую телеграфную систему фон Эрхарду в Мехико-сити.

Американский Госдепартамент был не единственным местом, где 17 января была получена телеграмма Циммермана. За несколько часов до того, как она прошла через руки м-ра Лэнсинга, который не смог прочитать закодированный немецкий текст, телеграмму перехватили люди адмирала Холла из Комна-

ты 40. Текст состоял из огромного числа необычных четырехбуквенных групп плюс нескольких трехбуквенных групп. К этому времени уже сотни перехваченных германских текстов прошли через криптографический департамент, и потому поначалу эта телеграмма не вызвала никакого волнения. Монтгомери и его коллега, молодой издатель по имени Нигель де Грей, завербованный в фирме Уильяма Хейнемана, предположили, что это еще одна из серии длинных и довольно скучных телеграмм с обсуждением мирных предложений президента Вильсона. Вот уже несколько недель Холл читал эти послания — перехваченные по секретному американскому каналу — с растущим чувством разочарования.

Однако два дешифровщика обратили внимание на цифры 13042, стоявшие в начале телеграммы. Они определили их как разновидность германского дипломатического кода, который достался Холлу вместе с багажом Вассмуса. Зная этот код, британские эксперты сначала обратились к подписи, которая обычно дает ключ к содержанию всего послания. Цифры 97536 прочли как «Циммерман». И хотя это означало, что сообщение пришло из германского министерства иностранных дел, Монтгомери по-прежнему считал, что перед ним обычная рутинная телеграмма. Однако слова, появившиеся в начале послания, были не именем получателя, как обычно, но предупреждением «Совершенно секретно». Быстро дешифровав разрозненные слова, которые, видимо, не представляли особых трудностей, Монтгомери получил последовательность: «Мехико»... «союз»... и затем самое, пожалуй, сенсационное: «Япония».

Теперь Монтгомери и де Грей знали, что перед ними не обычная дипломатическая телеграмма, а нечто сенсационное. Все другие работы были отложены, и два эксперта принялись работать, чтобы поскорее дешифровать послание. Через два часа они сделали достаточно, чтобы прочесть:

1. Что неограниченная подводная война с использованием германских подводных лодок начнется через две недели.

2. В общих чертах почти невероятный план Циммермана по созданию германо-мексиканского альянса, направленного против Соединенных Штатов — с предложением Японии поменять союзников в войне.

Некоторые места в телеграмме оказались трудны для расшифровки, и потребовалось некоторое время, чтобы два эксперта раскрыли смысл того отрывка текста, который и обеспечил взрыв дипломатической бомбы в Вашингтоне, — предложение Мексике захватить южные штаты Америки — Техас, Нью-Мексико и Аризону.

Как только неприкрашенная суть телеграммы Циммермана проглянула сквозь шифр, Монтгомери послал за Холлом, и ад-

миралу потребовалась лишь несколько секунд, чтобы понять, что он держит в руках. Он достиг своего высочайшего успеха — успеха из числа тех, что имеют не просто мимолетные последствия для западных держав, но могут быть отнесены к величайшим достижениям в истории шпионажа.

Несколько мгновений адмирал молчал, погруженный в размышления. Как моряк он слишком хорошо понимал, что могла бы означать для союзников неограниченная подводная война, но знал он также и то, что держит в руках ключ, который при правильном использовании почти наверняка вынудит Соединенные Штаты Америки вступить в войну на стороне Англии и Франции.

Холл столкнулся лицом к лицу с самой страшной дилеммой в своей карьере — как использовать попавший в его руки приз, обманув при этом немцев. Официально он обязан был передать телеграмму государственному секретарю лорду Бальфуру. Форин Офис передал бы ее американскому правительству в Вашингтоне, и вкуче с заявлением о начале неограниченной подводной войны события наверняка привели бы к вступлению Соединенных Штатов в войну. Однако какой ценой?

У немцев, как показало циничное использование Циммерманом американского дипломатического канала, не было ни малейших подозрений, что англичанам известны их шифры, — и меньше всего совершенно секретный дипломатический код. И если правда о перехвате телеграммы Циммермана станет известна, это будет означать мгновенное прекращение основного занятия сотрудников 40-й Комнаты — прослушивания врага.

Холл был человеком почти гениальным. И когда он тщательно обдумывал, как он мог бы воспользоваться тем, что узнал, не делая при этом достоянием гласности, как именно ему удалось это узнать, его неожиданно осенило. Он понял, что фон Бернсдорф должен был продублировать телеграмму фон Эрхарду в Мехико-сити. Конечно, Холл знал, что в тексте дублирующего варианта телеграммы должны быть какие-то изменения и добавления, но ключевые, несущие основной смысл, слова, добавленные фон Бернсдорфом, уже были процитированы. Холл понял, что он должен заполучить тот вариант текста, что был отправлен фон Бернсдорфом в Мехико-сити в зашифрованном виде по обычным телеграфным каналам компании Вестерн Юнион. Если бы это удалось, немцы скорее всего подумали бы, что утечка информации, изложенной в телеграмме, произошла в Мехико-сити — ПОСЛЕ ТОГО, КАК ТЕКСТ БЫЛ РАСШИФРОВАН. В таком случае Холл мог предъявить американцам «мексиканский» вариант телеграммы — и тогда германская проверка источника утечки информации привела бы немцев в расставленную Холлом ловушку.

Холл тут же обратился к английскому военно-морскому атташе в Мехико с просьбой не откладывая предложить своим агентам любую цену за копию телеграммы Циммермана, когда она попадет в Мехико.

31 января, за восемь часов до начала неограниченной подводной войны, фон Бернсдорф официально уведомил об этом американского госсекретаря Лэнсинга. Американцы были поражены. Игнорируя все предупреждения, Вильсон и его коллеги обманывали самих себя, веря, что германские субмарины не смогут успешно действовать в Северной Атлантике зимой. Весь американский народ — как и его западные союзники — напряженно ждали декларации о вступлении Соединенных Штатов в войну. И снова Вильсон заколебался. В течение трех дней в Белом доме тщательно обдумывали ситуацию, после чего американский президент объявил, что немцам не удастся спровоцировать его на отказ от принятой им на себя роли посредника между воюющими сторонами.

Его кабинет министров был ошеломлен. Как, собственно, и весь американский народ. И Вильсон вынужден был хоть что-то предпринять. С февраля он неохотно принимает решение, что, к сожалению, фон Бернсдорфа следует лишить паспорта, а дипломатические отношения с Германией — разорвать.

В Берлине Циммерман ожидал немедленного объявления войны и потому впал в панику. В его телеграмме немецкому послу в Мехико говорилось, что предложение об альянсе с Мексикой и Японией следует сделать только в случае войны. Но в тот день, когда Вильсон решил вернуть паспорта фон Бернсдорфу, Циммерман отправил в Мехико-сити вторую телеграмму, в которой велел фон Эрхарду предложить союз с Германией президенту Мексики «сейчас».

«При условии, что нет опасности, что секрет будет продан Соединенным Штатам, Вашему Превосходительству поручается поднять вопрос о союзе не откладывая, — телеграфировал министр. — Если президент (Мексики) отклонит его из страха перед последующей местью, вы уполномочены предложить ему конкретный альянс... при условии, что Мексика добьется успеха в привлечении Японии в союз».

Эта вторая телеграмма также была озаглавлена «совершенно секретно», как и все остальные телеграммы. И вновь германскому послу предписывалось лично расшифровать эту телеграмму. Она была отправлена «шведским окольным путем» — единственным каналом, оставшимся у Германии после образовавшейся брешии в отношениях с Соединенными Штатами. Но как и ее предшественница, телеграмма тем же путем попала в Комнату 40 — к адмиралу Холлу.

Узнав об отказе Вильсона объявить о вступлении в войну, Холл понял, что больше не может скрывать существование первоначальной телеграммы Циммермана. В тот же день, 5 февраля, он сообщил о ее содержании министру иностранных дел лорду Бальфуру. Однако при этом настаивал, что не нужно предпринимать никаких действий, пока он не получит сообщения от своего агента в Мексике, которому велено было достать вариант телеграммы, переданный в Мехико-сити. 10 февраля Холл получил копию телеграммы Циммерману, которую фон Эрхард получил от фон Бернсдорфа. В ней как раз и были те небольшие текстуальные различия, которые призваны были послужить целям Холла. Бальфур был в восторге. Он хотел использовать великий успех Холла, однако волновался, опасаясь, что американцы могут заявить, что все это дело — очередная хитрость англичан. Через несколько дней, 19 февраля, Монтгомери и де Грей закончили дешифровку первоначального текста телеграммы Циммермана, и Бальфур решил, что Холлу следует лично довести ее содержание до сведения американского посла в Лондоне.

В тот же вечер мистер Эдвард Белл, американский посланник в Лондоне, выполнявший и функции офицера связи с британскими департаментами безопасности, был приглашен в Комнату 40. Белл был старым другом Холла. Американцу показали телеграмму Циммермана — в том виде, как она была передана фон Бернсдорфом фон Эрхарду в Мексику. Белл отнесся к тексту весьма скептически. Он просто не поверил Холлу. Он не мог даже подумать, что кто-то может быть столь сумасшедшим, чтобы послать телеграмму с предложением отрезать огромный ломоть земли от Соединенных Штатов. Белл решил, что все это не более чем английский трюк.

Холл торжественно заверил посла, что телеграмма подлинная, дав честное слово британского офицера, и тогда подозрения Белла перешли в ужасный гнев, поскольку, как и посол Пейдж, он тоже был настроен пробритански. Беллу потребовалось несколько секунд, чтобы оценить потенциальные возможности той дипломатической бомбы, которую передал ему Холл.

Холл и Белл вместе отправились с Уайтхолла в американское посольство. Вместе ознакомили Пейджа с телеграммой Циммермана и убедили посла в ее подлинности. Но и англичане, и американцы опасались, что Вильсон сочтет телеграмму британским заговором, а потому выработали план дальнейшей передачи телеграммы. На следующий день м-р Бальфур должен был официально вручить ее расшифрованный текст американскому послу. Послу следовало при этом сообщить, что американцы могут подтвердить факт наличия телеграммы, обратившись к протоколам компании Вестерн Юнион. И если текст зашифрован-

ной телеграммы будет найден, ее следует отправить в Лондон, где, как сказали англичане, адмирал Холл «поможет» Беллу расшифровать ее — в американском посольстве. С помощью всех этих уверток и отговорок американцы получат возможность заявить, что именно они обнаружили телеграмму — и что она была расшифрована самими американцами на американской территории.

Лорд Бальфур торжественно передал телеграмму Циммермана послу Пейджу, который в два часа ночи 24 февраля отправил срочную депешу в госдепартамент в Вашингтон, в которой говорилось, что вскоре прибудет сообщение огромной важности для президента и госсекретаря.

В час дня Пейдж телеграфом передал текст телеграммы Циммермана в Вашингтон, сопроводив его совершенно секретным меморандумом, в котором президенту Вильсону сообщалось, что англичане владеют немецкими шифрами. Он попросил президента сохранить эту информацию в секрете — но утверждал, что англичане не возражают против публикации телеграммы Циммермана. Пейдж также передал и текст второй телеграммы Циммермана. В Вашингтоне Вильсон зашел так далеко, что выразил «сильное негодование», когда ему показали телеграмму Циммермана. В тот момент он не сомневался в ее подлинности.

Государственный секретарь Роберт Лэнсинг в то время отсутствовал в Вашингтоне, но его заместитель сразу же стал оказывать давление на компанию Вестерн Юнион, чтобы заполучить копию телеграммы, отправленную фон Бернсдорфом фон Эрхарду. Телеграфная компания явно пребывала в затруднительном положении, и тогда чиновник госдепартамента вспомнил о длинной телеграмме, отправленной из Берлина Бернсдорфу примерно в то же самое время по американскому секретному телеграфному каналу. Мгновенная проверка — и сомнений больше не оставалось: это была телеграмма Циммермана.

«Боже мой! Боже мой!» — воскликнул Вильсон, когда ему представили исчерпывающие подтверждения германского двуличия, и это оказалось самым резким из всех высказываний президента в адрес немцев, которые он когда-либо произносил вслух. Тут и компанию Вестерн Юнион, наконец, удалось уговорить дать копию шифрованной телеграммы, отправленной в Мехикосити. Копию эту переправили в Лондон для расшифровки.

Через четыре дня после того, как в Вашингтоне стало известно о существовании телеграммы Циммермана, ее текст был продемонстрирован высокопоставленному сенатору, известному своими прогерманскими взглядами. Сенатор был в шоке — как и большинство американцев в последующие несколько дней. Ибо Лэнсинг понял, что факт этот больше нельзя скрывать, и тайно

поведал о содержании циммермановской телеграммы корреспонденту Ассошиэйтед Пресс. На другой день, 1 марта, все газеты в Соединенных Штатах напечатали статью под заголовком «Германия создает союз против Соединенных Штатов».

Несмотря на общенациональное требование о немедленном объявлении войны Германии, Вильсон продолжал пребывать в смятении.

Тогда вступил в игру Циммерман. На пресс-конференции в Берлине он ПРИЗНАЛ, ЧТО ТЕЛЕГРАММА ПОДЛИННАЯ. Однако утверждал при этом, что она была адресована не мексиканцам, хотя это утверждение американские власти легко могли опровергнуть как явную ложь.

Адмирал Холл не мог бы сделать большего для того, чтобы пинком загнать Вильсона в войну, однако он по-прежнему продолжал обманывать немцев. Фон Бернсдорф в тот момент находился на пути домой, плывя на датском лайнере. Корабль был приведен в Галифакс, и пока скандал, вызванный телеграммой Циммермана, разгорался по всему миру, судно продержали несколько дней в канадском порту. Холл очень уважал фон Бернсдорфа, и потому постарался подстраховаться, чтобы бывший посол не смог вовремя попасть в Берлин, дабы попытаться хоть как-то спасти ситуацию.

Фон Бернсдорф оказался достаточно неблагоразумен, чтобы послать свой личный багаж со шведской дипломатической почтой. Почта была перехвачена англичанами, и наличие в ней чужого багажа стало считаться нарушением шведского нейтралитета. И хотя ничего больше в этом багаже найдено не было, Холл старательно проинформировал Нью-Йорк, что копия телеграммы Циммермана была найдена среди личных бумаг Бернсдорфа. И кайзер с Циммерманом, отчаянно ища козла отпущения во всей этой истории, заглотили наживку, заброшенную Холлом.

В течение последующих двух недель Вильсон продолжал медлить. Однако гнев американского народа все рос.

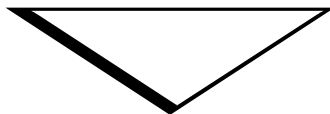
18 марта три американских корабля были без всякого предупреждения потоплены германскими подводными лодками в Северной Атлантике. И тут же произошло важное событие: Россия сбросила царя и перестала существовать как союзник.

20 марта Вильсон оказался один на один с единодушным и враждебно настроенным Кабинетом, все члены которого, даже пацифисты, заявили, что выступают за вступление Америки в войну. Решение этого вопроса фактически больше не зависело от воли Вильсона. 21 марта он созывает специальную сессию Конгресса, где сообщает, что недавние действия германского правительства «не что иное, как война против Соединенных Штатов». Отвечая на вопрос о телеграмме Циммермана, президент заявля-

ет: «Мы принимаем вызов враждебной нам силы». Таким образом, Соединенные Штаты вступили, наконец, в войну. Но как прямо заявил лорд-канцлер Великобритании лорд Биркенхед: «Соединенные Штаты пинками под зад загнали в войну, несмотря на сильное, можно сказать, яростное сопротивление президента Вильсона».

Те же по обеим сторонам Атлантики, кто был посвящен в секретную подоплеку этих событий, нисколько не сомневались, что последний, решающий, пинок принадлежал адмиралу сэру Реджинальду Холлу.

ГЛАВА 3

ДРУГИЕ МАТА ХАРИ

Три женщины — одна француженка и две немки, чьи подвиги переплелись с легендой о Мата Хари, были главными фигурами в мире шпионажа в годы Первой мировой войны. Но их реальные приключения и успехи далеко превосходили те, что сделали Мата Хари столь популярной, хотя и были ей ошибочно приписаны.

Мадам Марта Ришар, или Ришард, по прозвищу Алуэтта, занимает не последнее место среди величайших женщин-шпионов всех времен. Ее даже прозвали «французская Мата Хари», что можно считать серьезной клеветой на очень храбрую, прекрасную женщину, которая пройдя через редчайшее личное самопожертвование, неохотное признание и долгую ненависть в своем родном отечестве, служила тем не менее на благо Франции. Родившаяся в семье Беттенфельдов, она была уроженкой провинции Лотарингия, где, судя по ее фамилии, одновременно училась говорить как по-немецки, так и по-французски. Семья ее принадлежала к состоятельным кругам среднего класса Лотарингии, в традициях которого и была воспитана Марта. Умная, образованная и эрудированная, она стала одной из первых женщин-пилотов — редкое достижение в довоенной Европе 1914 года.

Марта Ришар сполна была одарена тем шиком и элегантно-стью, что являются неотъемлемой чертой настоящей француженки. А кроме того, была она еще и красивой — в отличие от Мата Хари, которая никогда настоящей красотой не отличалась.

Незадолго до войны Алуэтта, как прозвали ее парижские газетчики из-за ее летных подвигов, вышла замуж за офицера французской армии. Супруги страстно любили друг друга, однако в 1916 году муж погиб в бою. Марта Ришар была не из тех женщин, что способны тихо горевать, сидя дома. Нет, она была

женщиной действия — и была решительно настроена отомстить. Однако выбрала необычный путь для достижения этой цели.

Среди военных знакомых ее мужа был и капитан Жорж Леду из Второго бюро (именно он вел дело Мата Хари). Леду распознал потенциальные возможности элегантной и талантливой молодой вдовы и предложил ей внести свой вклад в дело разгрома немцев — хотя и несколько своеобразным способом. В разведшколе бюро она прошла ускоренный курс обучения основам шпионажа и была направлена в Испанию в качестве агента.

Двор короля Альфонсо XIII и его жены-англичанки королевы Эны на жаркие летние дни перебирался на курорт Сан-Себастьян, что на северном побережье Испании. Соответственно, на это время Сан-Себастьян становился центром дипломатической и шпионской активности. И французы, и англичане были неплохо осведомлены о действующих при дворе немецких агентах.

Алуэтта отправилась в Сан-Себастьян, чтобы попытаться внедриться в германскую шпионскую организацию. Она поселилась в одном из самых известных и роскошных отелей, выдавая себя за богатую француженку, страстно желающую сбежать от ужасов войны. Ее туалеты, сшитые по последним парижским модам, возбуждали зависть женщин, а купальные костюмы, несколько откровенные для тех дней, — восхищение мужчин. Она была очаровательно нескромной. И кроме того, она была известной личностью в международных кругах. Подчеркивая свою девичью фамилию — Беттенфельд, — она выдавала себя за швейцарку и говорила при этом на приграничном немецком диалекте, намекая тем самым на свои, якобы далеко не профранцузские, настроения.

Естественно, что такая женщина не могла не привлечь внимания немцев, и через одну-две недели некий герр Доктор представился ей. Они пообедали вместе и посетили казино, после чего Марта сдержанно призналась в затруднениях материального характера. Она-де крупно проиграла в казино и теперь, увы, была вынуждена вернуться в семью своего мужа в Лотарингию. В семью, которую она ненавидела.

Герр Доктор оказался понимающим человеком, и во время следующей встречи он тихо предположил, что, возможно, если бы она согласилась работать на Германию, то ее финансовые проблемы были бы решены. Что за работа, поинтересовалась Марта. Доктор самым джентльменским образом намекнул на шпионаж. Немец попался на крючок, леску и грузило разработанной во Втором бюро легенды для Марты.

Однако мадам Ришар, похоже, еще сомневалась. Конечно, ее симпатии, как «немецкой швейцарки», были на стороне фатерланда, но... ее необходимо было убедить. Она была невероят-

ной снобкой. И кроме того, она не простая женщина, а очень важная персона... Подобные вопросы она могла бы обсуждать лишь непосредственно с главой германской шпионской организации. Но, возразил герр Доктор, его шеф сейчас в Мадриде. Мадам Ришар лишь ответила, что никогда не имела никаких дел с мелкой сошкой, и если его шеф желает с ней встретиться, пусть приезжает в Сан-Себастьян.

Через несколько дней на курорте появился очень видный джентльмен средних лет, в котором можно было безошибочно распознать германского офицера безусловно аристократического происхождения. Герр Доктор представил его Марте, и незнакомец, склонившись, поцеловал леди ручку. А затем пригласил мадам в свою машину, где признался, что является старшим офицером германского имперского военно-морского флота и служит в германском посольстве в Мадриде. Человек он был явно опытный и вскоре дал понять очаровательной «франко-швейцарской» вдове, что питает к ней ДВОЙНОЙ интерес.

Алуэтта тоже была в жизни не новичок и прекрасно понимала, что шпионаж и целомудрие — особенно для вдовы — есть вещи несовместимые. Сначала она казалась шокированной его предложением, однако дала понять, что офицер ей нравится. И после нескольких встреч Алуэтта с холодной расчетливостью стала его любовницей... и его шпионкой.

Немец уговорил ее вернуться в Мадрид! Он был женат на хорошенькой молодой женщине и с некоторым умыслом представил ей свою новую любовницу как еще одного члена германской шпионской службы. Однако обмануть жену не удалось. Она попыталась поймать соперницу в ловушку, но потерпела поражение, и офицер продолжил — подобно всем любовникам Мата Хари — заносить фамилию Алуэтты в платежную ведомость имперской германской секретной службы. Алуэтта стала шпионкой — и при этом двойной.

Она выполнила возложенную на нее французским Вторым бюро миссию — успешно внедрилась в германскую секретную службу, и сейчас должна была продолжать игру, и потому, не раздумывая, согласилась выполнить первое шпионское задание.

Германскому Адмиралтейству очень хотелось бы иметь информацию из первых рук о том, что происходит в Гавре, крупном французском порту на Ла-Манше. Немцы подозревали, что гавань готовят к возможному использованию ее американскими войсками в случае, если Америка вступит в войну. Кроме того, в Германии были уверены, что на верфях Гавра строятся подводные лодки и другие изделия для военно-морского флота.

Алуэтте велели вернуться во Францию в качестве немецкой шпионки, чтобы попытаться заполучить всю необходимую ин-

формацию, для чего ее подробно проинструктировали. В качестве средства связи она должна была использовать «невидимые чернила», упакованные в крошечные таблетки и спрятанные под длинными модными ногтями на руках.

Мадам Ришар вернулась во Францию как будто после отпуска и из Парижа отправилась в Гавр.

Во Втором бюро очень обрадовались ее успеху, а технические эксперты с большим интересом принялись изучать новые невидимые чернила немцев.

На Алуэтту смотрели как на героиню, пока не узнали, что она СТАЛА ТАКЖЕ ЛЮБОВНИЦЕЙ НЕМЕЦКОГО ОФИЦЕРА. Циничные и привыкшие ко всему спецы из разведки просто не могли этому поверить. Некоторые из старших офицеров также не казались очень счастливыми: уж не перешла ли Алуэтта на сторону бошей, желали они знать. Вопрос этот так и оставался для них без ответа во все последующие месяцы и годы.

Как заметила много лет спустя мадам Ришар:

«Это был обманный, хитрый бизнес. И я запросто могла бы кончить в тюремной камере в Винсенне... и так же просто стать кавалером ордена Почетного легиона».

И только капитан Леду, позднее написавший книгу о ее замечательных приключениях, верил ей безоговорочно. Он знал, что она была полна решимости отомстить за гибель мужа, и, чего бы это ни стоило ее личным чувствам, она блестяще служила Франции. Она не сделала ничего, что могло бы вызвать подозрения немцев, и капитан велел ей отправиться в Гавр и действовать, как и положено немецкой шпионке. Он тайно договорился, что ее снабдят секретной, но неопасной информацией о деятельности французского и союзных флотов.

Через несколько недель Алуэтта вернулась в Мадрид. Ее хозяин — и любовник — был в восторге.

Отныне она находилась в самых интимных отношениях с руководителем германской разведки военно-морского флота в Испании (военно-морской аспект был самым главным в тайных операциях немцев на Иберийском полуострове). Вопреки международному праву, немецкие подводные лодки заплывали в испанские воды и ремонтировались в гаванях Испании.

Из случайной беседы мадам Ришар узнала, что германская подводная лодка вот-вот должна войти в док испанского порта. Через секретные каналы, по которым она поддерживала связь с Леду, Марта предупредила капитана Леду о грядущем событии. Однако в высших правительственных кругах Парижа по-прежнему царил сомнение — там не желали верить женщине, спавшей с германским военно-морским атташе. И никаких действий со стороны Франции не последовало. Ни французские, ни британ-

ские флотилии не поджидали подводную лодку на границе нейтральных вод, и субмарина ускользнула. Хотя позднее союзники убедились, что сообщение Алуэтты не было ложным.

К тому времени в Берлине уже узнали о ее успешной работе в Гавре, и Алуэтте приказали отправиться в Южную Америку, получив подробные указания об организации новой волны диверсий германской шпионской сетью в Бразилии и Аргентине. С собой она везла планы, написанные новыми немецкими невидимыми чернилами на чистой бумаге.

И снова она смогла предупредить Леду, и по маршруту ее следования агент из Deuxieme бюро оказался вместе с ней на борту лайнера, направлявшегося в Южную Америку. В ее каюте он получил возможность прочитать инструкции, не засвечивая чернила. Мало того, каким-то образом Алуэтте удалось уговорить немцев по телеграфу взять этого французского оперативника на работу в ГЕРМАНСКУЮ СЕКРЕТНУЮ СЛУЖБУ.

Когда мадам Ришар вернулась из Южной Америки в Мадрид, она получила крупную сумму денег за свои услуги. Но Марта была патриоткой Франции: она могла спать с немцем, исполняя свой долг, но она не приняла бы ни пфеннига немецких денег. И потому все, что она получала, она передавала на нужды Второго бюро.

Весь следующий год жизнь Алуэтты была так наполнена приключениями, что пересказать их все не представляется возможным, однако самым крупным ее успехом было дело с раскрытием маршрута, по которому немцы контрабандой доставляли во Францию взрывчатку для проведения диверсий на французских предприятиях.

Однажды, находясь в Мадриде со своим любовником-немцем, Марта получила телеграмму, в которой говорилось, что ее мать, живущая во Франции, больна. Марта разрыдалась, а потом сказала немцу, что уверена в том, что французская контрразведка ее в чем-то подозревает, а потому, если она решит отправиться во Францию обычным путем, ее непременно арестуют. Он должен помочь ей нелегально перейти границу. К тому времени немецкий атташе окончательно попал под каблук своей прекрасной любовницы и потому тут же согласился помочь ей. Был подготовлен нелегальный маршрут через горы. До границы Алуэтта доехала на поезде, а затем германские агенты провели ее через Пиренеи по тайным горным тропам во Францию. И попав в Париж, она смогла рассказать о маршруте, по которому взрывчатка контрабандой доставлялась во Францию.

Когда она окончательно вернулась во Францию, во Втором бюро уже были уверены, что она — самая выдающаяся женщина-шпионка среди всех, участвовавших в войне, и потому выра-

зили пожелание, чтобы Марту наградили высшим французским знаком отличия. Однако в Елисейском дворце до сих пор придерживались старого наполеоновского пренебрежительного отношения к заслугам шпионов и не спешили раздавать им ордена и медали. Более того, французские чиновники оскорбительно высказывались в том духе, что «эта женщина спала с немцем во время войны». Такова была официальная реакция на огромные услуги, оказанные Мартой родной стране. На каком-то этапе дело застопорилось и все очень усложнилось: стоило фортуне не так повернуться, как Марту могли бы обвинить в измене Франции, однако Париж времен окончания Первой мировой войны был куда менее жестоким, чем это будет в 1945-м, когда некоторые из так называемых судов Сопротивления, проводившихся над бывшими чиновниками режима Виши, были пародией на правосудие. Однако лишь в 1933 году перевелись, наконец, ее противники, и Марта Ришар стала кавалером ордена Почетного легиона.

В промежутке между окончанием войны и признанием своих заслуг Марта успела уехать в Лондон и выйти замуж в Манчестере за человека, с которым она очень счастливо прожила более десяти лет до самой его смерти. В те годы она сумела внести выдающийся вклад в прояснение фактов об истинной роли Мата Хари. Марта категорически утверждала, что, имея возможность познакомиться с бумагами своего любовника-немца, она пришла к выводу, что Мата Хари никогда не была одним из его агентов, каковы бы ни были связи великой куртизанки с другими отделениями германской секретной службы.

Преданность и личное самопожертвование Алуэтты — редкая вещь в анналах шпионажа. Их можно сравнить, пожалуй, лишь с поступком японской аристократки, ставшей танцовщицей кабаре и разоблачившей в 1941 году советского супершпиона Рихарда Зорге, о чем будет рассказано ниже.

Следующей женщиной, чья история переплетается с легендой о Мата Хари, была некая таинственная немка, известная в годы войны как Мадемуазель Доктор. Имя по-французски звучало неверно, поскольку леди эта не была врачом. Это была искаженная форма немецкого официального обращения — фрейлейн Доктор, — используемая теми шпионами, которых эта зловещая женщина обучала в немецкой школе в Антверпе.

Первое упоминание о существовании фрейлейн Доктор достигло британской секретной службы в 1915 году, когда некий мужчина высадился в Тильбюри с датского парохода, все еще курсирующего через Ла-Манш между Голландией и Объединенным Королевством. Его послали в Англию в качестве немецкого шпиона, однако не преуспев в своей роли и впад в состояние паники, он почти сразу сдался английским властям, не успев

прошпионить ни минуты. Его единственным преступлением стало нелегальное проникновение в страну, и он был счастлив покинуть шпионское поприще, получив пять лет каторжных работ.

Вполне вероятно, что он был большим негодяем. Как только его начали допрашивать, он говорил и говорил безостановочно, поведав всю историю своего обучения. О том, как его послали в школу шпионажа в Антверпе, где всем заправляла женщина, которая явно терроризировала его и о которой он отзывался по-разному: «фрейлейн доктор Элизабет»... «эта ужасная женщина»... и «тигриные глаза». Он выдал все свои связи и коды, которые были несколько необычными. Немцы проинструктировали его, как вести переписку с другим агентом в Голландии, выдававшим себя за филателиста. Различные типы марок, вложенные им в конверт, указывали на типы и номера британских кораблей, находившихся на особых военно-морских базах на дату, указанную на почтовом штемпеле. Система эта, утверждал незадачливый агент, была придумана «фрейлейн Доктор».

В последующие месяцы британская секретная служба еще больше узнала о таинственной леди. Британским агентам удалось обнаружить местоположение ее школы на рю де ля Пепиньер в оккупированном немцами Брюсселе. О ее методах им рассказывали еще два шпиона, посланные ею в Англию под видом коммивояжеров датской табачной фирмы. Датчане переезжали с одной военной базы на другую, якобы торгуя сигарами. Свои сообщения они телеграфом передавали в Амстердам: «Отправьте немедленно 3000 Короны и 8000 Гаван», что на шифре, придуманном фрейлейн Доктор, означало, что три британских военных корабля и восемь крейсеров находятся на базе в той гавани, из которой была отправлена телеграмма.

Подобно многим другим шпионам, эти тоже попались на мелочи. Фрейлейн Доктор не предусмотрела, что, в отличие от своих коллег в Германии и Голландии, английские моряки и докеры не имеют привычки курить сигары.

Двое «коммивояжеров» были арестованы и расстреляны в лондонском Тауэре.

В ходе войны британцам так и не удалось добиться успеха в установлении личности фрейлейн Доктор. Официально она была известна как фрау гауптман Христиансен, поскольку было известно, что она работает с капитаном с такой же фамилией в Антверпе. После 1918 года имя мадемуазель Доктор столь же стремительно обрастает легендами, как и имя Мата Хари, и зачастую трудно было разделить обе эти истории — одна фантастичнее другой. Ей приписывали самые невероятные подвиги. Говорили, что она была казнена русскими в 1914 году, а следом утверждали, что она была секретным немецким агентом во Франции год или два спустя.

В некоторых рассказах утверждалось, что мадемуазель Доктор была очаровательной немецкой блондинкой; в других — что она была совсем невзрачной. Но, конечно же, все были едины во мнении, что она любовница европейского наследного принца — менялись только страны. Утверждали, что она и есть тот самый «Красный тигр» — глава террористической организации, действовавшей по всей Европе и сеявшей страх и разрушения, что она освобождалась от нежелательных агентов, посылая их в качестве «шпионов-дураков», которых неизбежно захватывали в плен и расстреливали.

Говорили, что она следила за Мата Хари, с которой она МОГЛА иметь какие-то контакты в 1914–1915 годах в Кельне. Ей же приписывают и смелые подвиги другой немецкой шпионки во Франции, чьи приключения, вероятно, теснее всех переплелись с легендой о Мата Хари.

Истина же, ставшая доступной лишь после Второй мировой войны, была куда более драматичной.

Фрейлейн доктор Элизабет Шрагмюллер родилась в небольшой вестфальской деревушке на востоке Рура в 1888 году. Отец ее был главой небольшого церковного прихода. Девочка оказалась необыкновенно одаренной. Она решает заняться изучением языков и экономики и в конце концов получает степень доктора философии в древнем университете Фрейбурга на юго-западе Германии, защитив докторскую диссертацию, темой которой были старые германские торговые гильдии.

Она была блондинкой того строгого, холодного тевтонского типа, который пропагандировался в качестве типичного руководительницами женских молодежных организаций во времена Гитлера. Это была одна из тех сильных, серьезных и в чем-то фанатичных немецких девушек, которых можно найти в любом тевтонском университете. Ко всему прочему, она была страстной патриоткой.

Когда в 1914 году разразилась война, фрейлейн доктор Шрагмюллер сразу же добровольно записалась на службу, отказавшись, однако, идти в медсестры или заниматься какими-то другими традиционными женскими делами на войне. Она желала быть мотоциклистом-связником — занятие весьма сенсационное в 1914 году, и даже придумала для себя мундир. Фрейлейн Доктор была явно одной из тех женщин, которые своим упорством могли одолеть любого мужчину. В конечном итоге немецкие офицеры, с которыми она была связана, позволили ей отправиться в оккупированную Бельгию, без сомнения, с целью избавиться от нее. Однако так получилось, что в поезде она знакомится с майором германской разведки, на которого произвели огромное впечатление ее инициативность, ум и знание языков, особенно французского и английского.

Майор помог ей получить работу в департаменте гражданской цензуры в Брюсселе, где она скоро обратила на себя внимание высоких властей своей способностью извлекать важную военную информацию из гражданских писем и готовить отчеты в департамент германской разведки.

Ее отчеты попали на стол главы контрразведки, который вскоре поинтересовался: «Кто этот человек?» Ее друг-майор пообещал генералу, что пришлет «его». И вскоре генерал был потрясен, увидев перед собой блондинку двадцати с небольшим лет. Женщина действия и инициативы была ранее неизвестным явлением в германском генеральном штабе тех дней, однако фрейлейн сумела произвести впечатление и была назначена следователем, ведущим допросы подозреваемых в шпионаже.

Ее работа в контрразведке была замечена и на нее обратил внимание шеф кайзеровской секретной службы в Берлине полковник Николаи. Спустя несколько лет он напишет:

«Она была... необычайно хорошо образованной женщиной, которая лучше всех знала, как обращаться с агентами, даже с самыми трудными и хитрыми из них».

Полковнику Николаи удалось достичь почти невозможного: кайзер пожаловал фрейлейн Доктор званием лейтенанта. ОНА СТАЛА ЕДИНСТВЕННОЙ ЖЕНЩИНОЙ-ОФИЦЕРОМ В ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ. Ее направили в шпионскую школу, что располагалась в старом университете во Фрейбурге, где она прошла обычный полный тевтонский курс обучения сотрудника разведки, с особым упором на изучение вооруженных сил западных держав, а также обучалась шифрованию, средствам секретной связи и так далее.

Однако фрейлейн Доктор не суждено было стать шпионкой: у нее не было ни очарования, ни способностей, необходимых, чтобы стать секретным агентом.

Не будь войны, фрейлейн Доктор Элизабет непременно стала бы Schuldirektorin в одной из крупных немецких школ для девочек. Перейдя в мир шпионажа, она столь же неизбежно стала учительницей шпионов. Ученики ненавидели ее за то, что она обращалась с ними, как со сверстными детьми. Хотя многие из них таковыми и были. Германские власти прислали в школу близ Антверпа множество старых каторжников и молодых преступников, чьи приговоры были пересмотрены в обмен на согласие шпионить в пользу Германии.

Она далеко не всегда была столь удачливой, как утверждает легенда. Ее провалы, возможно, частично, случались из-за того, что за ней непрерывно следили. Британская секретная служба не знала ее настоящего имени, однако была прекрасно осведомлена о ее местонахождении. Лояльные бельгийцы из британской сети —

дорожные рабочие, почтальоны, газовики и даже школьники поддерживали постоянное наблюдение за шпионской школой. Скрытой камерой они фотографировали студентов, а это оказывалось роковым для некоторых из них, когда они приступали к выполнению своей миссии за границей.

В германской секретной службе высоко ценили работу фрейлейн — она была награждена несколькими орденами, а с 1918 года ей была назначена пенсия.

В первые послевоенные годы она читала лекции по политической экономии в различных университетах Южной Германии, а также приобрела широкую известность своими выступлениями перед самыми разными аудиториями — от женских клубов до собраний отставников-военных, в которых делилась опытом своей богатой событиями жизни. Но через несколько лет фрейлейн Доктор заразилась туберкулезом, и германские специалисты удалили ей пораженную часть позвоночника, заменив костной тканью, взятой с лодыжки. Отныне Элизабет была калекой, выглядевшей вдвое старше своих лет.

В 30-е годы ее брат, такой же националист, как и сама Элизабет, стал нацистом и погиб в Ночь Длинных Ножей, ознаменовавшую путч Рэма в конце июня 1934 года.

С началом Второй мировой войны фрейлейн Доктор Шрагмюллер была вынуждена принимать наркотики, чтобы уменьшить терзавшую ее боль. Именно отсюда берет свое начало другая легенда — о том, что она была наркоманкой. Умерла фрейлейн Доктор в 1940 году в Мюнхене в возрасте 52 лет. На другой день после ее смерти гестапо забрало все ее бумаги.

Мало кто был столь хорошо информирован о делах этой женщины, как гестапо. Когда в 1935 году в швейцарском санатории умерла женщина, называвшая себя Анна-Мария Лессер, некоторые газетчики утверждали, что на смертном одре она якобы призналась в том, что она и есть настоящая фрейлейн Доктор. Но если бы виновники этого переплетения фантазии и свержупрошения были мастерами своего дела, они, возможно, сумели бы установить, что жизнь умершей женщины была куда более волнующей и интересной, чем жизнь женщины, имя которой ей приписывали.

Анна-Мария действительно БЫЛА шпионкой — и, вероятно, самой удачливой из всех женщин-агентов, действовавших на Западном фронте в годы Первой мировой войны.

За несколько лет до начала этой войны очень привлекательная молодая берлинка фрейлейн Лессер стала любовницей благовоспитанного, но неимущего офицера прусской кавалерии. Офицер этот погряз в безнадежных долгах и потому обратился с просьбой о переводе в менее дорогой полк. Молодой человек, кос-

мополит и хороший лингвист, получил назначение в департамент полковника Николаи. Ему было велено явиться в один из офисов совершенно неприметной фирмы на Бюловштрассе в Берлине, где размещался преуспевающий бизнесмен, торгующий запчастями для автомобилей. Торговых агентов фирмы можно было встретить в любой из европейских стран — в Бельгии, Голландии и Франции. Классический пример шпионажа под маркой бизнеса.

Молодой офицер сообщил Анне-Марии, что он занялся бизнесом и теперь должен уехать за границу, и девушка настояла на том, чтобы отправиться с ним. После некоторых колебаний руководство германской разведки согласилось на такой вариант — в конце концов, присутствие девушки могло обеспечить дополнительное прикрытие для истинной деятельности молодого человека.

Очень скоро Анна-Мария догадалась об истинной деятельности своего любовника, который получил задание обосноваться в одном из городов в долине реки Маас на юге Бельгии.

В то время как он усердно трудился, продавая шины и запчасти, Анна-Мария занималась рисованием, предпочитая для своих этюдов район Намюра. И вскоре холст ее оказался покрыт набросками важных намюрских укреплений. Она закрасила эти наброски тончайшим слоем белой краски, а сверху поместила любительское изображение намюрской цитадели. Готовая картина была отправлена «берлинским друзьям», и эксперты полковника Николаи пришли к выводу, что наброски Анны-Марии имеют огромную военную ценность.

Паре было велено вернуться в германскую столицу. В дороге молодой человек заболел — врачи диагностировали аппендицит. Его сняли с поезда в Кельне, где он и умер в местном госпитале несколько часов спустя.

Сердце Анны-Марии было разбито, она хотела лишь одного — умереть. Однако офицеры германской разведслужбы, демонстрируя присущее им сочетание искренней симпатии и профессиональной практичности, отговорили ее от этого шага. Ее долг, сказали они девушке, конечно же состоит в том, чтобы вернуться в Бельгию и продолжить свои наброски. В ведомстве полковника Николаи решили, что она будет куда более подходящим работником, нежели ее покойный любовник.

На этот раз она сосредоточилась на Льеже, укрепленном бастионе, стоявшем на пути германского наступления в долине Мааса. Изображая художника-любителя, Анна-Мария располагалась со своим мольбертом на холмах, окружавших этот бельгийский индустриальный город, и вскоре уже прекрасно разбиралась в слабых местах обороны города. Так, между крепостями находились пространства, не простреливаемые ружейным огнем из

городских укреплений. Этот факт был замечен в оперативном отделе германского генерального штаба. В первые дни августа 1914 года генерал Эрих Людендорф выиграл сражение, используя эти пространства, недостижимые для огня бельгийцев.

В 1911 году Анну-Марию послали на регату, которую регулярно посещал его Императорское Величество германский император. Девушка появилась на регате в образе тихой и незаметной школьной наставницы из Швейцарии. Однако вопросы, которые она задавала военным морякам, вызвали подозрения, и она была вынуждена поспешно уехать. Вернувшись в Бельгию, она стала любовницей молодого бельгийского офицера, сотрудника генерального штаба. Потеряв свою единственную настоящую любовь, она отныне желала пожертвовать своим телом ради будущего страны.

Однажды, когда она со своим любовником ехала в открытом автомобиле, ее сумочка открылась и бумаги рассыпались по дороге. Несмотря на уверения Анны-Марии, что в них нет ничего важного, бельгиец остановил машину и вышел, чтобы собрать бумаги. Вернувшись, он выглядел необычно сдержанным, и Анна-Мария не сомневалась, что он увидел листок, на котором она набросала информацию, подготовленную для передачи в Берлин. В следующем городе бельгиец неожиданно остановился рядом с полицейским участком, и Анна-Мария уже знала, что он собирается сделать, а потому села за руль, включила скорость и мгновенно исчезла.

Незадолго до начала войны Анну-Марию командировали в Россию, где она, однако, оказалась менее удачлива, чем на Западе. Сама она горела желанием пойти добровольцем на французский фронт и долгое время действовала в тылу Западного фронта. Она никогда не была шпионом высокого уровня, работая в основном с полковыми офицерами и штабными работниками, занимающими не слишком важные должности. Но при этом ей удалось получать важную информацию военного характера, зачастую весьма ценную для германского генерального штаба.

Согласно сообщениям, которые можно рассматривать как легенду, ей пришлось бежать с Западного фронта, едва избежав при этом смертельной опасности, последней из многих в ее сенсационной карьере. Анна-Мария выступала в роли «переводчика с французского» для многих гостей из Южной Америки, интересующихся работой Красного Креста. В ходе поездки по станциям приема пострадавших, расположенных на французском фронте, делегация вошла в хижину, где лежал раненый, приходивший в себя после неотложной операции. И когда находившийся в полубессознательном состоянии человек увидел Анну-Марию, он закричал докторам: «Арестуйте эту женщину... она немецкая шпион-

ка». Это был тот самый молодой бельгийский офицер, любовницей которого она была когда-то и который пытался арестовать ее после случая с открывшейся сумочкой. Доктора, однако, сочли, что у молодого офицера послеоперационный бред, а потому просто сделали ему успокаивающий укол. Делегация из Южной Америки вернулась в парижский отель, но «переводчика с французского» с ними уже не было.

Есть сведения, что Анна-Мария впоследствии работала в контрразведывательной службе в Бельгии, где и могла так или иначе сталкиваться с фрейлейн Доктор. Ей приписывают разгадку трюка, придуманного британской секретной службой, которая использовала гробы и трупы для передачи секретной информации из оккупированной Бельгии в нейтральную Голландию. Анна-Мария якобы заметила, что число похорон выше обычного, и оказалась права в своих подозрениях.

Жизнь Анны-Марии, конечно, наиболее близка к популярной легенде о Мата Хари. Но, как показывают карьеры трех женщин, описанные в этой главе, легенда о Мата Хари едва ли не целиком заимствована из жизни всех трех — Анны-Марии, фрейлейн Доктор и Алуэтты.

* * *

В качестве примечания, возможно, уместно привести здесь краткий очерк о жизни агента времен Второй мировой и корейской войн, известной как «Дочь Мата Хари».

Если Банда, красавица шпионка с Дальнего Востока, и была дочерью Мата Хари, то уж конечно же не от ее мужа Маклеода. Типичная евразийская красавица, хрупкая, изящная, с раскосыми малайскими глазами, Банда воспитывалась у «родственников» в городе, ставшем впоследствии известным как Батавия. Родственниками, вероятно, была семья ее отца-индонезийца, поскольку у самой Мата Хари не было в Восточной Индии никаких родных. Еще подростком Банда стала любовницей чиновника-датчанина, мужчины средних лет, одного из самых высокопоставленных членов администрации Восточной Индии. Это был джентльмен, исповедовавший замечательные традиции великих датских колониальных администраций, и он стал не только любовником девушки, но и заменил ей отца, которого она никогда не знала. Он был глубоко привязан к девочке, бывшей на сорок лет моложе его, и не раз предлагал ей выйти за него замуж, на что она всегда отвечала отказом, ссылаясь на большую разницу в возрасте. Однако он обращался с ней как с женой и своей постоянной компаньонкой, и благодаря ему она получила доступ в самое высокое общество Восточной Индии. Он послал ее учиться

в колледж, из которого она вышла образованной и культурной молодой женщиной, обладавшей огромным обаянием. Чтобы она не скучала, этот покровитель всячески поощрял ее желание учиться, чтобы стать школьной учительницей.

До самой смерти, в 1935 году, своего датского отца-любовника Банда жила очень счастливо, и сердце ее было разбито понесенной утратой, однако, благодаря состоянию, оставленному ей датчанином, она продолжала оставаться заметной фигурой в светских кругах довоенной Явы, и столь приятная жизнь продолжалась до 1941 года, когда японцы сначала напали на Пёрл-Харбор, потом на Малайзию, а следом ударили по Яве. Один из ее индонезийских родственников стал сотрудничать с японцами, и под его давлением Банда согласилась устраивать вечеринки с коктейлями, на которых старшие японские офицеры могли общаться с членами космополитической группы людей, по-прежнему толпившихся в Батавии.

Выступая в роли хозяйки на вечеринках для сотрудников японской разведслужбы, Банда познакомилась с индонезийцем, который был намного моложе ее и якобы сотрудничал с японцами. Он был членом индонезийского движения за независимость и, подобно многим, приветствовал японцев как освободителей. Однако, как и многие другие, он вскоре утратил какие бы то ни было иллюзии в отношении японцев из-за грубой эксплуатации и мании величия, продемонстрированных японцами в ходе выполнения ими «Плана процветания Юго-Восточной Азии». Первоначально прояпонское, освободительное движение оказалось в подполье и наладило связи с американцами через шпионов, которых у янки на Яве хватало.

Банда стала двойной шпионкой. Она продолжала устраивать очаровательные вечеринки, на которых ухитрялась вытягивать информацию из потерявших голову от прелестей хозяйки поклонников-японцев. Считается, что именно она снабжала командование американского тихоокеанского флота важнейшей информацией, имевшей огромное значение в ходе боевых операций на Соломоновых островах, Филиппинах, а также в других местах.

В 1945 году вернулись датчане. Однако и индонезийцы больше не могли тянуть с обретением независимости. Банда продолжала шпионить — теперь уже за датчанами. Для офицеров Сукарно она добыла планы датских наступательных операций, направленных на удушение индонезийской оппозиции в наступившем году — так называемых «полицейских акций» конца 1948 года.

Однако трагедия вновь постигла Банду, теперь уже зрелую сорокалетнюю женщину — любовник бросил ее ради двадцатилетней девушки. Банда была на грани душевного расстройства и, чтобы избежать этого, отправилась в Соединенные Штаты со

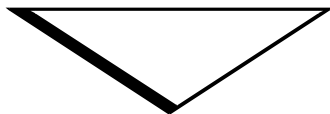
специальной миссией. Находясь в Калифорнии, она собирала деньги и оружие для борющихся за свободу индонезийцев. И после провозглашения Индонезийской республики она вернулась в Батавию — к тому времени уже известную как Джакарта.

Американцы знали о Банде все и прекрасно сознавали, что это была великая шпионка. Они уговорили ее отправиться в коммунистический Китай в качестве американского агента. Говорят, что именно она в марте 1950 года предупредила американцев о коммунистическом нападении из Северной Кореи, которое началось три месяца спустя.

Банда вошла в Северную Корею с коммунистическими войсками. Один из коминтерновских агентов был индонезийским коммунистом, который работал на нее на Яве. Он узнал свою старую знакомую и донес на нее властям. Банду расстреляли.

Знакомство с этими фактами не оставляет сомнений в том, что «дочь Мата Хари» была, безусловно, куда более великой шпионкой, чем женщина, которую молва упорно считает ее матерью.

ГЛАВА 4

ЭРНСТ ВОЛЬВЕБЕР

Невысокий, полный человек лет шестидесяти с небольшим, живший за Стеной в Восточном Берлине, около полувека числился личностью легендарной среди офицеров контрразведки Запада.

Но хотя Эрнст Вольвебер и был выдающимся мастером шпионажа и диверсий двадцатого века, широкая публика мало что слышала о нем, кроме, возможно, неясных слухов.

Подробная история жизни может быть рассказана лишь самим человеком, однако и известные факты столь сенсационны, что автор этой книги, будучи недавно в Восточном Берлине, отправил личное письмо Вольвеберу, предлагая помочь сделать ему состояние — если он расскажет все.

Ответа не последовало... Как и предполагал автор, поскольку Эрнст Вольвебер был офицером организации, которая в разные периоды его карьеры называлась то ГПУ, то НКВД, то МВД, потом МГБ и, наконец, сейчас называется КГБ. Чтобы избежать путаницы, будем называть Русскую службу безопасности так, как именуют ее профессионалы — ГБ, что означает Государственная Безопасность.

Вольвебер — ветеран подпольного мира Европы. Кайзеровский флот стоял на якорной стоянке на своей самой крупной военно-морской базе в Киле, когда в 1917 году девятнадцатилетний Вольвебер поступил на службу на один из кораблей в качестве кочегара. Сын бедного рурского шахтера, он рано оставил школу и в конце концов оказался в одном из портовых городов севера Германии, где и устроился портовым грузчиком. Его семья придерживалась крайне левых взглядов, и еще до того, как Вольвебера призвали во флот, он стал членом молодежного социалистического движения, к которому терпимо относились в Германии Гогенцоллернов.

К тому времени, когда Вольвебер поступил на военно-морской флот, мораль империи переживала период упадка. Кайзер, испуганный за свой флот после безрезультатного столкновения у острова Ютланд, фактически отказался позволить флоту покинуть гавань. И офицеры, и матросы пребывали в состоянии усиливающейся растерянности. И когда в октябре 1917 года весть об успешной большевистской революции облетела Германию, сдерживаемое ранее недовольство вылилось в революцию.

Со своим юношеским социалистическим прошлым Вольвебер стал естественным центром притяжения для всех диссидентов с нижней палубы, и к осени 1918 года молодой кочегар стал одним из признанных лидеров подпольного движения. К этому времени он перешел в Союз Спартака — зародыш будущей Германской коммунистической партии, во главе которого стояли известные всему миру лидеры левого движения Карл Либкнехт и Роза Люксембург.

К концу октября 1918 года стало ясно, что война проиграна.

И потребовалась лишь небольшая искра, чтобы зажечь пламя германской революции. И революционный комитет в Киле, в котором первую скрипку играл Вольвебер, высек эту искру. В начале ноября начался мятеж на флоте. Сигналом к революции стало поднятие красного флага на крейсере «Гельголанд», стоявшем у входа в Кильский канал. Флаг был поднят Эрнстом Вольвебером.

9 ноября кайзер отрекся от престола. Революция ширилась по всему рейху — и в качестве противовеса красной революции доктор Конрад Аденауэр, мэр Кельна, созвал встречу членов комитета Рейнландских сепаратистов. Революция вышла из-под контроля, и скоро «красная» волна захлестнула и Рейнланд, и Рур, Берлин и «красную» Саксонию. Посланники революции, разосланные Вольвебером и его друзьями — лидерами революции — по всем городам и весям Германии, находились в авангарде всех восстаний.

Именно в те волнующие дни Вольвебер впервые встретил в Киле другого молодого революционного зачинщика по имени Рихард Зорге, которому также суждено было стать одним из величайших шпионов мира.

Похоже, есть что-то бодрящее в свежем климате Балтики, способствующее подпольной деятельности. Адмирал Канарис из германского абвера, Гейдрих из гестапо, Шульце-Бойзен из «красной капеллы» и Клаус Фукс, атомный шпион, — все провели по несколько лет в приморских городах Шлезвиг-Гольштейна.

С установлением Веймарской республики Вольвебер, как и Зорге, переселился в Гамбург, который вскоре превратился в северную штаб-квартиру коммунистической партии. В портовом

районе Сан-Паули и вдоль пресловутой Реепербан всем хорошо была знакома фигура небольшого, толстоватого молодого коммуниста, отличавшегося неутомимостью во всем, что касалось вина и женщин.

В начале двадцатых годов немецкие коммунисты были одной из влиятельнейших групп в Коммунистическом Интернационале — Коминтерне — в Москве. Чувствовалась острая нужда в людях, пригодных для выполнения особых задач, которые советские и коминтерновские лидеры ставили перед движением, имея в виду грядущие битвы против враждебного мирового капитала, а в Коминтерне были прекрасно осведомлены о роли Вольвебера в Кильском мятеже. И потому он стал естественным кандидатом на роль добровольца. В ходе своих частых визитов в Германию Мануильский, отвечавший в Коминтерне в том числе и за поиск талантов, уговорил Вольвебера отправиться в Советскую Россию на учебу. Так Вольвебер сделал первый шаг на пути к профессии, которой он посвятит всю свою жизнь.

В Москве Вольвебер провел два года, обучаясь в так называемом Институте марксизма-ленинизма, где его готовили на роль ключевой фигуры в Германском советском государстве, в неизбежности установления которого в Коминтерне не сомневались. Однако в те дни зачастую трудно было отличить, где кончался Коминтерн и начинались иностранные службы советской тайной полиции, и вышло так, что в какой-то момент Вольвебер был завербован ГБ. Он прошел курс обучения подпольной деятельности за рубежом в качестве руководителя будущей диверсионной группы, которая должна была начать действовать в случае войны между Советским Союзом и капиталистическим Западом.

Его политическое и практическое обучение подошло к концу, и во второй половине двадцатых годов Вольвебер вновь объявился в Германии в качестве видного члена ГКП — Германской коммунистической партии. К 1928 году он стал членом парламента Пруссии, в котором у социалистов было большинство, а через четыре года был избран депутатом от коммунистов в последний германский рейхстаг, где коммунистов еще терпели.

В те годы главное поле деятельности Вольвебера находилось на севере Германии, в портовых городах, которые он очень хорошо знал. Там, под крышей находившегося под влиянием Москвы Международного союза моряков и портовых рабочих, Вольвебер не спеша начал организовывать морскую диверсионную группу, которая в конце концов стала носить его имя. Однако теперь Вольвебер был уже другим человеком: исчез пьющий и веселый молодой левый хулиган и бабник первых дней гамбургской революционной смуты. А его место занял грубый, угрю-

мый и безжалостный коммунистический начальник тридцатипятилетнего возраста. Но кроме грубости и цинизма, его отличала неумеренность в выпивке, зачастую кончавшаяся алкогольными эксцессами.

Постепенно он стал отходить от активной деятельности в Германской коммунистической партии и все больше склоняться к подпольной работе. В течение двадцати лет его имя не фигурировало среди коммунистических политических деятелей, и когда впоследствии, в начале 1933 года, Гитлер взял власть в Германии, Вольвебер уже был очень хорошо устроен для продолжения подпольной деятельности. В то время как выдающиеся лидеры партии, такие, как Тельман, были арестованы, Вольвебер продолжал действовать. В течение нескольких месяцев он имел возможность ездить по Третьему рейху, освобождая, где возможно, партийных товарищей и формируя ядро подпольного коммунистического движения, которое будет действовать в течение следующих двенадцати лет.

В этот период Вольвебер выполнял двойную функцию: как члена Западно-Европейского бюро Коминтерна, так и сотрудника советской тайной полиции, и за те месяцы, что он оставался в гитлеровской Германии, он сумел организовать шпионско-диверсионную группу, направленную против нацистов. В эти месяцы его таланты стремительно раскрылись в полной мере. Он оказался проницательным, осторожным, не склонным к неоправданному риску, немногословным и избегавшим публичных собраний — качества, характеризующие хорошего сотрудника секретной службы. В конце 1933 года Вольвебер все в меньшей степени становился политическим лидером и все в большей — советским шпионом.

Вскоре после прихода нацистов к власти в Германии Западно-Европейское бюро Коминтерна, членом которого, как известно, был Вольвебер, организовало легальную штаб-квартиру в Копенгагене. ГБ приказало Вольвеберу, прикрываясь этим фасадом, объединить небольшие группы моряков-диверсантов, уже действовавших под крышей Международного союза моряков, в единую крупную организацию. Деятельность этой группы, начиная с 1932 года, уже вызывала подозрения в западных контрразведывательных службах.

К этому времени Вольвебер работал только на ГБ. В соответствии с неизбежными правилами советской тайной полиции, он знал, что его главная сеть должна была действовать в тайне от его товарищей по Коминтерну. Ни одному из его диверсантов, невзирая на политическое прошлое, не разрешалось иметь партийный билет коммунистической партии. Необходимые финансовые средства поступали из Москвы от ГБ. Это была превосходная двой-

ная «крыша» — использовать подозрительный для властей Коминтерн в качестве крыши для чего-то куда более зловещего. Вся эта операция носила следы гениальности — однако неизвестно, разрабатывал ли ее сам Вольвебер или кто-то безликий в штаб-квартире ГВ.

Но кто бы ни был творцом этого плана, выполняя его, Вольвебер быстро построил серию комфортабельных, хорошо оборудованных международных клубов моряков, которые были разбросаны по главным портам Западной Европы, а также Северной и Южной Америки. Казалось, не было ничего, что связывало бы благополучные, процветающие клубы с советской шпионской сетью. Клубы привлекали всяких моряков — некоторые из них, с помощью дешевой выпивки и еще более дешевых женщин, были завербованы для работы в организации, которой суждено было стать известной западным контрразведкам на протяжении трех десятилетий, как Лига Вольвебера.

Международные клубы моряков обеспечивали крышу куда более серьезному занятию, нежели вербовка будущих агентов. В дальних комнатах и подвалах всех этих заведений, раскинувшихся от Роттердама до Рио, были скрыты тайные оперативные штаб-квартиры вольвеберовской сети, где планировались диверсии, инструктировались агенты, изготавливались фальшивые паспорта и самодельные взрывные устройства. Кроме того, все они служили своего рода почтовыми ящиками, куда советские агенты «сбрасывали» информацию для последующей передачи в Москву.

Контролировала сеть группа из двадцати пяти мастеров на все руки, отобранных самим Вольвебером. Некоторые из них были немцами, многие из которых, такие как Вальдемар Вернер, стали очень известными людьми в Восточной Германии в послевоенные годы. Были и датчане, и шведы, бельгийцы и французы — и по крайней мере один англичанин, о котором говорили, что он был очень удачливым агентом. Сам Вольвебер ездил из Копенгагена в Гамбург и обратно, из Антверпена в Марсель, лично руководя проведением главных операций.

Впервые на след Лиги Вольвебера западные власти вышли в конце 1933 года, когда в Роттердаме был арестован один из агентов Вольвебера, пытавшийся доставить груз взрывчатки на борт судна. В последующие годы контрразведка уже точно знала, что потопление итальянского корабля «Фелчи» в заливе Таранто и разрушение японского судна «Тачима Мару» на пути из Роттердама на Дальний Восток — дело рук диверсантов Вольвебера.

Меньше уверенности относительно истины о случившемся в мае 1932 года пожаре, который уничтожил новый французский

роскошный лайнер «Джордж Филлипар» в заливе Адена в мае 1932 года. Один из главных членов Лиги Вольвебера находился в Марселе как раз накануне отплытия лайнера в его первое плавание — набитого якобы оружием для японских армий в Маньчжурии.

На борту находился индокитайский диверсант из ранней группы Вольвебера, и, вероятно, именно он несет ответственность за небольшие пожары, случившиеся как во время путешествия, так и во время стоянки лайнера в Шанхае. Причина окончательной вспышки, однако, остается тайной — агент Вольвебера погиб в огне. Некоторые специалисты уверены, что инцидент вполне мог быть делом его рук.

Другие пожары, случившиеся в начале тридцатых годов, тоже якобы были делом рук диверсантов Вольвебера — что, однако, ничем не доказано. Сюда можно отнести и два пожара на борту британского лайнера «Бермуда», сожженного на верфи в Белфасте; пожар на «Герцоге Ланкастере» в Хейстэме и пожары на борту нового лайнера на заправках в Горланде и Вольфе в Белфасте. А также пожары на многочисленных французских судах, включая и огромный лайнер «Иль де Франс». С началом гражданской войны в Испании в 1936 году деятельность Лиги Вольвебера приобрела еще более широкий размах. Огромное число кораблей, некоторые из них британские, с военным снаряжением для Франко на борту, были, как утверждалось, серьезно повреждены, если не потоплены. Операции распространились до самой Швеции, где агенты Вольвебера устроили диверсию на электрических сетях рудников, от которых зависели поставки железной руды в нацистскую Германию.

Несмотря на все операции, проводившиеся против западных стран, главной мишенью Вольвебера была нацистская Германия. В Гамбурге он создал высокоэффективную шпионскую группу, которая информировала его о передвижениях кораблей и сообщала подробности о грузе, скопившемся в гавани.

К середине 1937 года Вольвебер стал одной из основных целей гестапо, и все же ему удавалось не раз пересекать датско-германскую границу. И именно в одной из таких поездок он оказался на волосок от гибели. Он только что встретился со своим главным шпионом в Гамбурге, доктором Михаэлисом, когда нагрянуло гестапо Гейдриха, и все мужчины и женщины из шпионской группы, работавшей в Гамбургских доках, были арестованы. Однако самому Вольвеберу удалось бежать и даже успешно пересечь датскую границу, несмотря на организованную гестапо погоню. Двенадцать его шпионов позднее были повешены.

Несмотря на эту заминку, Вольвебер реорганизовал свою группу в Германии, и вскоре его диверсанты вновь оказались от-

ветственны за ущерб, причиненный растущему числу кораблей. В годы перед началом Второй мировой войны его агенты поместили взрывчатку с часовым механизмом в грузе следующих кораблей, все из которых получили повреждения: датское грузовое судно «Вестплайн», японский грузовой пароход «Казу Мару», германское фрахтовое судно «Клаус Беге», румынский сухогруз «Бессарабия» и знаменитый польский лайнер «Баторий», который год или два спустя участвовал в норвежской и других кампаниях в качестве военно-транспортного судна.

Гестапо, а также и контрразведки других западных держав были не единственным источником беспокойства для Вольвебера в довоенные годы. Это было время великих сталинских чисток в России, которые практически разрушили Лигу Вольвебера.

На протяжении почти шести месяцев Вольвебер не имел никакой связи с Москвой. В отчаянии он отправляет специально-го курьера к своему старому другу, главе Коминтерна, болгарскому коммунистическому лидеру, а позднее премьер-министру Болгарии Димитрову, но лишь для того, чтобы узнать, что тот ничем не может ему помочь. Вольвебер приходит к выводу, что ему остается одно — ликвидировать сеть, и уже начинает разрабатывать подробный план действий, когда неожиданно — как это потом не раз происходило в подобных случаях в годы войны, штаб-квартира ГВ в Москве вновь выходит на связь с Вольвебером так, словно их контакты никогда не прерывались.

К этому времени шпионская сеть Вольвебера была уже полностью изолированной и совершенно самостоятельной. Поначалу Вольвебер еще поддерживал контакты с парижской штаб-квартирой ГВ, снабжавшей его фальшивыми документами, взрывчаткой и другими необходимыми вещами, однако считал это опасным. И вскоре прервал всякие связи со всеми другими советскими сетями. Столь же осторожным он был и в отношениях внутри своей собственной сети. Так, о подробностях планируемой операции всегда знал лишь один из его помощников. Вольвебер настаивал, чтобы легенды курьеров и агентов тщательно продумывались и были безупречными, а следовательно, не разваливались, как это часто бывало в других организациях, на первом же серьезном допросе.

Возражал он и против письменных отчетов, и всегда, когда это было возможно, курьеры передавали информацию устно. А когда все-таки необходимо было передать письменное сообщение, их писали невидимыми чернилами — лимонным или луковым соком.

У каждого члена Лиги было по крайней мере по одному псевдониму, и действовали агенты через многочисленных связников и «предохранителей», которые ничего не знали ни о Вольвебере,

ни о его непосредственных подчиненных. По всей Европе были разбросаны тщательно скрытые тайники с взрывчаткой и другими материалами, которые могли бы понадобиться в нужный момент. Большинство оперативников Вольвебера были профессионалами высокого класса, многие из них впервые доказали свою преданность делу Советов еще в начале гражданской войны в Испании. Все они пользовались тайным кодом Вольвебера, в котором слово «мясо» означало динамит, а слово «нож» — бомбу с часовым механизмом.

По оперативной деятельности Лиги Вольвебера был нанесен серьезный удар, когда весной 1940 года немцы оккупировали Норвегию и Данию. Многие члены сети были арестованы в датской столице и к концу концов предстали перед судом по обвинению в проведении более двадцати диверсий.

Швеция оставалась единственным убежищем, и потому в начале мая Вольвебер, скрывавшийся с тех пор, как немцы заняли Данию, бежал через узкий пролив в Швецию. Но едва он ступил на шведскую землю, имея при себе фальшивый паспорт на имя гражданина Дании Фритца Келлера, как был арестован и вскоре приговорен к шести месяцам тюремного заключения.

Несмотря на отсутствие самого Вольвебера, его сеть продолжала функционировать, и факт подписания пакта Молотова–Риббентропа не стал для Лиги сигналом к приостановке нападения на корабли стран «оси». К концу 1940 года действия Лиги превратились в одну из главных проблем для нацистских властей, и Рейнхард Гейдрих, руководитель Главной службы безопасности рейха, сделал специальный доклад, посвященный Лиге Вольвебера.

Лига, заявил Гейдрих, считавший ее одним из звеньев коммунистической террористической сети, разбросанной по всей Европе, ответственна за диверсии в отношении 16 германских, 3 итальянских и одного японского кораблей. При этом основным приемом, используемым диверсантами Вольвебера, является организация пожаров в грузовых отсеках судна. Два из упомянутых в докладе Гейдриха кораблей были полностью разрушены, однако в остальных случаях диверсанты оказались не столь удачливы.

Основные центры шпионско-диверсионной сети Вольвебера находились в Гамбурге, Бремене, Данциге, Роттердаме, Амстердаме, Копенгагене, Осло, Риге и Ревеле. В Голландии диверсантами руководил коммунист, содержавший Интер-клуб в портовом районе Роттердама. Взрывчатку доставляли из северной Скандинавии — очевидно, из железорудных районов Швеции, и транспортировалась она обычно как «скобяной товар».

Гейдрих также сообщил, что его шпионам удалось установить, что Лига Вольвебера основала секретные базы на островах

Балтики Даго и Озель. Базы эти будут задействованы в случае германской оккупации островов — или начала советско-германской войны!

Из материалов допросов в гестапо, продолжал Гейдрих, многих членов сети, арестованных в Дании, можно сделать вывод, что в будущем операции вольвеберских диверсантов будут направлены против баз германских подводных лодок, расположенных по всему побережью северо-запада Европы, танкеров, находящихся в гаванях и морских портов, используемых для снабжения люфтваффе. Есть данные, дающие основание предположить, что некоторые сети пошли на контакт с коммунистическими частями французского и других движений Сопротивления и оказывали ценную помощь союзникам после нападения Германии на Россию в 1941 году.

Диверсия на финском судне в одном из шведских портов в 1941 году дала понять, что сеть Вольвебера отнюдь не сидит сложа руки. Сам Вольвебер и его главные немецкие и шведские сообщники были арестованы. Суд приговорил их к трем годам тюремного заключения, однако сразу же после приговора началась яростная борьба между гестапо и ГБ за обладание Эрнстом Вольвебером.

Нацистские власти, с изрядной долей справедливости, требовали передачи им Вольвебера на том основании, что он — гражданин Германии, разыскиваемый за совершение многочисленных актов саботажа и диверсий против немецких кораблей. Германия требовала передать ей Вольвебера, когда тот отсидит свой срок в шведской тюрьме.

Но и ГБ не испытывала никакого желания позволить руководителю крупнейшей шпионской сети попасть в лапы нацистов. Кремль призвал на помощь внушительную и грозную фигуру — советского посла в Стокгольме мадам Александру Коллонтай, царскую гран-даму, ставшую одной из ближайших сподвижниц Ленина в 1917 году.

Коллонтай поставила в известность шведского министра иностранных дел о том, что Вольвебер разыскивается советскими властями за совершение очень серьезного преступления — незаконное присвоение крупной суммы советских государственных средств. Однако на шведов это откровение не произвело никакого впечатления.

Тогда мадам Коллонтай пошла дальше и заявила, что Вольвебер — советский гражданин. И это действительно было так.

Происходило это в 1944 году. Осторожные шведы сумели, наконец, решить, какая из сторон одерживает верх в войне, и в ноябре 1944 года освобожденный из шведской тюрьмы Вольвебер был доставлен в Стокгольмский аэропорт, где сел на борт

советского самолета, который тут же поднялся в воздух. Весть об освобождении Вольвебера была передана в Москву неким шифровальщиком, называвшим себя Петровым, который спустя десять лет прославился на весь мир, будучи в Австралии. В Москве Вольвебера встречали как дорогого и высокого гостя.

Спустя шесть месяцев Вольвебер, в форме русского офицера, вошел в Берлин с армиями маршала Жукова.

Согласно решениям Потсдамской конференции, состоявшейся летом 1945 года, был официально признан раздел Германии на четыре оккупационные зоны. Руководство ГБ отправляет Вольвебера со «специальной миссией» в оккупированный англичанами Рур. Каково было его истинное задание — неизвестно, однако мало сомнений, что целью его были англичане. Но в последний момент Москва отменила приказ. Маршал Берия, руководивший советской службой безопасности, и его помощники почувствовали, что Вольвебер слишком много знает, и будет плохо, если он попадет в руки британской секретной службы, а потому было решено, что безопаснее держать его в Восточной Германии.

Вольвебер был назначен шефом дирекции морского флота Восточной зоны Германии в ранге государственного секретаря. Однако коммунистическое судоходство мало занимало его: как всегда, он интересовался в основном судоходством западных держав.

Предоставив подчиненным бюрократам руководить судоходством Восточной зоны, Вольвебер вернулся к своему давнему занятию — возглавил тайные операции. Именно он создал разведслужбу Восточной Германии, и столь велико было доверие Москвы к Вольвеберу, что ему было позволено работать почти независимо от своих хозяев в ГБ и их соперников из ГРУ — разведслужбы советского верховного командования.

Русские поставили перед Вольвебером две задачи:

1. Воскрешение Лиги Вольвебера под крышей навигационной школы в Вустрове, Восточная зона оккупации.

2. Создание широкой сети организаций «черного рынка» для обеспечения и контрабанды жизненно необходимых коммунистическому блоку стратегических товаров с Западной Европы через «железный занавес».

В течение семи лет, с 1946 по 1953 год, Вольвебер блестяще выполнил оба поручения.

Однако диверсии по-прежнему оставались близки сердцу Вольвебера, и потому почти одновременно с созданием подпольной организации он устраивает тайную штаб-квартиру среди своих старых притонов в районе гамбургского порта. И вскоре агенты Вольвебера вновь появились во всех главных портах по обеим сторонам Атлантики.

Постепенно агенты западных контрдиверсионных организаций узнали, что их старый противник вновь появился на сцене — Лига Вольвебера снова приступила к работе. К началу 1950 года французская DST была уверена, что Вольвебер вот-вот запустит кампанию диверсий и саботажа. Однако никто на Западе не подозревал, что она явится своего рода прелюдией к коммунистическому выступлению в Корее, осуществленному шесть месяцев спустя. Французское правительство было столь обеспокоено, что невзирая на сопротивление коммунистической оппозиции, парламент был вынужден принять антидиверсионное законодательство.

И почти сразу же последовала цепь таинственных событий в Соединенном Королевстве. В апреле в топливных танках 23 000-тонного британского авианосца «Иллюстриос» была обнаружена вода. Через неделю или две этот же корабль следовал из Девонпорта в Мерси с важными персонами на борту, включая Первого Лорда Адмиралтейства и Главнокомандующего, когда в Плимуте под котлами корабля были обнаружены три магниевых бомбы. Их явно поместили туда с тем расчетом, чтобы они воспламенились, когда температура котлов повысится, и в результате на авианосце начнется большой пожар.

В середине июня, за несколько дней до начала коммунистического выступления в Корее, в моторах британской подводной лодки «Таллихо», стоявшей на ремонте в Девонпорте, был обнаружен песок.

В июле, после начала Корейской войны, когда корабли были готовы приступить к несению службы в дальневосточных водах, караван из девяти барж, наполненных артиллерийскими снарядами и другим военным снаряжением, был взорван близ Беденхэмского пирса в гавани Портсмута, что повлекло за собой огромное число жертв и крупные разрушения в близлежащих районах. К счастью, соседние склады с вооружениями не пострадали. А через две недели близ Ферт-о-Форт потерпел аварию британский миноносец «Кавендиш»: в машинном отделении были обнаружены «посторонние предметы».

Но ни один британский агент так никогда и не признал, что столь блестящая диверсия была делом рук Лиги Вольвебера.

Однако другие контрдиверсионные организации не сомневались, что странная цепочка событий в Объединенном Королевстве была частью куда более широкой кампании, начатой Вольвебером с целью помешать действиям союзников в Корее.

Одним из самых серьезных инцидентов стал взрыв термитной бомбы в машинном отделении французского лайнера «Оран»

в бухте Марселя в мае 1950 года. Корабль должен был отправить-
ся в Сайгон с грузом военного снаряжения и оборудования для
французских войск, сражавшихся против коммунистов в Индо-
китае. Французская разведслужба установила, что бомбу подло-
жил один из вольвеберских оперативников. Последующим рас-
следованием, проведенным офицерами безопасности, было ус-
тановлено, что бомба изготовлена в мастерских Вольвебера в
Карлсхорсте, в Восточном Берлине, и в Висмаре, на Балтий-
ском побережье. Бомба, найденная на «Оране», была идентична
найденной ранее в машинном отделении танкера, строящегося в
Гамбурге.

В сентябре следующего года сотрудники французской служ-
бы безопасности раскрыли диверсионную организацию, состо-
явшую главным образом из немецких и испанских коммунистиче-
ских беженцев. Организация была связана с Вольвебером. Рас-
крытие группы последовало вслед за уничтожением французского
миноносца «Лалас», взорванного на якорной стоянке близ Сен-
Мало. В результате диверсии погиб 51 человек из команды мино-
носца.

С окончанием затянувшихся корейских мирных переговоров
диверсии на кораблях союзников временно прекратились, одна-
ко к середине 1952 года вновь стали появляться свидетельства
того, что готовится новая серия нападений на корабли. Стало
известно, что организация Вольвебера пополнилась новыми чле-
нами, завербованными в странах Запада. Среди этих новичков,
обучающихся диверсионному делу, было много англичан, сим-
патизирующих левым, и даже две женщины. Все они тренирова-
лись в диверсионной школе Вольвебера в Богензее, в Восточной
Германии, постигая основы операций, которые должны были
стать частью «не-очень-холодной войны». Агенты шпионских се-
тей Западной Германии, глубоко проникшие в Восточную зону,
предсказывали, что начало расширению диверсионной деятель-
ности практически положено и новых инцидентов следует скорее
всего ожидать в британских гаванях.

25 января 1953 года был полностью разрушен 20 000-тонный
канадский тихоокеанский лайнер «Канадский экспресс», на ко-
тором вспыхнул пожар, когда корабль стоял на ремонте в доке
Ливерпуля. Через три дня пожар разразился и на борту «Куин
Элизабет», также проходившем осмотр в доке Саутгемптона, хотя
огонь и был погашен до того, как для судна возникла реальная
опасность. На другой день при таинственных обстоятельствах за-
горелся еще один атлантический гигант. К счастью, пожар уда-
лось быстро потушить.

Пожары на «Канадском экспрессе» и «Куин Элизабет» были поразительно похожи: оба корабля являлись крупными поставщиками долларов для британской экономики. Официальное расследование пожара на «Канадском экспрессе» позволило сделать вывод об отсутствии явных свидетельств диверсии. Столь же неопределенными оказались выводы следственной группы, расследовавшей пожары на гиганте «Кьюнардере» в доке Саутгемптона. Однако каковы бы ни были частные выводы британских властей, другие западные страны были уверены, что оба инцидента — дело рук агентов Вольвебера, среди которых, без сомнения, много англичан. На Западе были уверены, что в своем офисе директора пароходства в Восточном Берлине и в оперативных штаб-квартирах в Вустроу и Богензее Вольвебер продолжал планировать диверсии, направленные против всего капиталистического мира. 17 июня 1953 года, на фоне политических событий, последовавших после смерти Сталина, началось восстание рабочих в Восточном Берлине и Советской зоне оккупации. Мятеж, однако, был жестоко подавлен советским танками, а через десять дней маршал Берия, верховный глава ГБ с начала войны, был арестован и расстрелян по приказу Хрущева. В конце июля представитель Берии в Восточной Германии, бывший немецкий генерал Вильгельм Зайцер, был снят со своего поста министра госбезопасности Восточной зоны. Следуя инструкциям из Москвы, босс Восточной зоны Вальтер Ульбрихт назначил на этот пост ветерана ГБ Эрнста Вольвебера.

Вольвебер возненавидел свою новую должность. Во время своего первого публичного появления в качестве министра в Восточном Берлине он моргал, словно крот, вытащенный из-под земли волею независящих от него обстоятельств. Никто, однако, не сомневался в его способности делать дело. И он продолжил реорганизацию всей системы государственной безопасности Восточной Германии.

Смерть Берии нанесла тяжелый удар по всевластию ГБ в Советском Союзе — по крайней мере так казалось со стороны. Сменилась вся администрация тайной полиции, а ее власть над советским народом была, по всей видимости, утрачена и худшие аспекты сталинско-бериевского террора остались позади.

В Восточной же Германии Вольвеберу было велено все оставить, как прежде. Перед ним поставили две задачи на ближайшую перспективу:

1. Выкорчевать многочисленные шпионские сети, разбросанные по всему Востоку и подчинявшиеся приказам бывшего гитлеровского генерала Рейнхарда Гелена, который, опираясь на

американскую финансовую поддержку, создал обширную и эффективную секретную службу Западной Германии.

2. Усилить шпионаж и диверсии против Боннской республики со стороны Восточной Германии. Главные цели – зарождающееся министерство обороны в Бонне и заводы Гура, участвующие в реализации западной программы производства вооружений.

Последовавшие как в Восточной, так и в Западной Германии суды над шпионами дают основания предположить, что Вольвебер добился значительных успехов в выполнении обоих заданий. Он почти наверняка участвовал в операциях, проводимых с участием британского двойного шпиона Блейка, который был сотрудником британской службы безопасности как раз в то время, когда Вольвебер был министром государственной безопасности ГДР.

Несмотря на свои официальные обязанности главы министерства безопасности Восточной зоны, Вольвебер никогда не забывал о своих интернациональных обязательствах и продолжал возглавлять Лигу Вольвебера. Специалисты уверены, что именно он стоял за диверсией на британском крейсере «Кумберленд» – исследовательской станции королевского флота, занимавшейся разработкой защитных мер против водородной бомбы и стоившей 20 миллионов фунтов стерлингов.

Нет сомнения также в том, что Вольвебер поддерживал тесные связи с египетской тайной полицией, возглавляемой бывшим сотрудником гейдриховской Службы безопасности (СД) и разыскиваемым как военный преступник Леопольдом Глеймом, который наверняка докладывал Вольвеберу в Восточный Берлин еще со времен Суэцкого кризиса.

Но несмотря на мощную поддержку Москвы, Вольвебер находился в незавидном положении. Его отношения с секретарем Коммунистической партии Восточной зоны Вальтером Ульбрихтом никак нельзя было назвать дружескими, ибо Вольвебер, безусловно, знал о предательстве Ульбрихтом довоенных немецких коммунистов во время сталинских чисток тридцатых годов и многое мог бы добавить к многотомному досье на Ульбрихта, годами собираемому в ГБ.

Отношения между двумя этими людьми неизбежно обострились. Ульбрихт снял Вольвебера с поста министра госбезопасности. Однако Москва настояла на том, чтобы Ульбрихт не вмешивался в деятельность Вольвебера на посту главы Лиги Вольвебера. Вражда между Ульбрихтом и опальным министром становилась все ожесточеннее. Согласно секретной информации, с которой

автор имел возможность лично ознакомиться, в 1960 или 1961 году Ульбрихт несколько раз пытался отделаться от Вольвебера. И вскоре коммунистический босс Восточной зоны издал приказ об аресте Вольвебера. Последний, однако, как всегда, оказался неплохо информирован и воспользовался убежищем в советской штаб-квартире Карлсхорсте, в Восточном Берлине, твердо отказавшись ее покинуть.

Ульбрихт был в ярости, однако и ГБ стояла на своем. Спустя десять дней Ульбрихт получил послание, которое гласило: «Оставьте герра Вольвебера в покое — он мой друг», подпись — Хрущев.

Вольвебер возобновил свою прежнюю деятельность. Последний раз, когда о нем слышали, он по-прежнему находился в Восточном Берлине.

ГЛАВА 5

ГЕРМАН ЛАНГ — ЧЕЛОВЕК, УКРАВШИЙ НОРДЕНОВСКИЙ ПРИЦЕЛ

Глава любой секретной службы, и особенно той, в чьи обязанности входит сбор информации в зарубежных странах, должен всегда планировать на годы вперед. И при этом постоянно быть готовым к неожиданностям. С того момента, когда он в начале 1935 года занял должность шефа германской секретной военной службы, адмирал Вильгельм Канарис уже знал, что война между нацистской Германией, с одной стороны, и Великобританией и Соединенными Штатами, с другой, не есть дело невозможное. О действиях адмирала в Британии в довоенные и военные годы будет рассказано в следующей главе, а здесь мы коснемся вопроса о германской шпионской сети в Соединенных Штатах.

Канарис, высокопрофессиональный разведчик, пробыв лишь несколько месяцев в штаб-квартире абвера на Тирпицзуфер в Берлине, когда стало ясно, что германская шпионская сеть в Америке пребывает в состоянии хаоса и управляют ею все, кому не лень.

В течение двух лет после прихода нацистов к власти лидеры нацистской партии всячески старались объединить как можно больше немцев, живущих за границей, в различные организации — такие, как Заграничный отдел нацистской партии, во главе которого стоял гаулейтер Боль; нацистский трудовой фронт; Министерство авиации и даже нью-йоркский офис германских государственных железных дорог. Все они активно шпионили за мирными жителями Соединенных Штатов. Кроме того, почти все члены недавно основанного «Bund der Freudes des Neuen

Deutschlands» (Общество друзей новой Германии), похоже, считали себя шпионами-любителями. И в результате вся германская шпионская сеть оказалась сильно скомпрометирована и, в чем Канарис был совершенно уверен, буквально кишела агентами мистера Эдгара Гувера из Федерального бюро расследований. Как выяснилось впоследствии, Канарис был прав.

И тогда хитрый и коварный маленький адмирал создал новую, совершенно независимую сеть в Соединенных Штатах, не связанную ни с какими отделениями нацистской партии. В 1936 году Канарис отправляет в Соединенные Штаты одного из наиболее доверенных и знающих английский язык исполнителей, обладателя многих псевдонимов, которого здесь назовем «герр Доктор» — имя, под которым он был известен шпионам абвера в Соединенных Штатах. На самом деле этот человек был майором абверовского Департамента 1 — зарубежной разведки, и в начале 30-х годов провел несколько лет в Соединенных Штатах под видом бизнесмена.

Оказавшись в США, герр Доктор связался с давнишним сотрудником германской секретной службы — жителем Южной Африки Фредериком Жубером Дюкусне, которого англичане впервые арестовали за шпионаж во время Бурской войны и который с тех пор стал фанатичным противником англичан. Во время Первой мировой войны он был германским шпионом в Соединенном Королевстве, где жил под видом австралийского офицера, капитана Фредерика Стоттона и впоследствии утверждал, что именно он был человеком, организовавшим диверсию против британского крейсера «Хэмпшир», взорванного севернее Оркни, когда он вез фельдмаршала Китченера в Россию в 1916 году. Дюкусне по-прежнему оставался секретным агентом немцев, и когда в 1936 году герр Доктор прибыл в Нью-Йорк, они вдвоем принялись за решение задачи по созданию новой шпионской сети.

Постепенно они составили своего рода ядро сети, которая включала в себя в основном членов громадной немецкой общины Америки. Для поддержания связи они пользовались услугами моряков и стюардов, плававших на роскошных лайнерах, курсировавших между Нью-Йорком и германскими северными портами.

В начале 1937 года герр Доктор вернулся в гамбургскую штаб-квартиру абвера и отсюда стал управлять всеми шпионско-диверсионными операциями против Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и стран Западной Европы. Именно герр Доктор возглавлял британско-американский департамент абвера. Большая часть его операций проводилась под «крышами» экспортно-импортных фирм с офисами в Баллиндаме, в которых герр Доктор был якобы директором. И именно здесь летом

1937 года появился стюард с обладателя голубой ленты Ордена Подвязки роскошного лайнера «Бремен», неся в руках прогулочную трость. Из углубления, выдолбленного в трости, он достал свернутые в трубочку послания от Джукуне.

«Здесь кое-что есть для вас, герр Доктор», — объяснил стюард, кладя на стол перед герром Доктором нечто, по виду напоминающее авиационный пропеллер в миниатюре.

«Что это и где вы его взяли?» — спросил абверовец.

Стюард объяснил, что несколько месяцев назад в одном из нью-йоркских баров, часто посещаемым американцами немецкого происхождения, он подружился со старым немцем, которого все звали «Папа». Старик буквально горел желанием помочь новой Германии Адольфа Гитлера и в последнюю встречу принес пропеллер, который, по его словам, взял на фирме, где он работает мастером.

Герр Доктор был инженером по профессии, однако пропеллер, на его взгляд, не представлял большой ценности. И все же он отправил его в техническую штаб-квартиру люфтваффе в Берлине, специалисты которой вскоре подтвердили его мнение. Но герр Доктор, как обычно, велел стюарду связаться со стариком, чтобы узнать, не может ли он дать совет, как лучше приобретать информацию технического характера о новых американских разработках.

Спустя три недели стюард вновь появился у Доктора. На этот раз он извлек из своей трости «синьки» каких-то чертежей.

«Какого дьявола ты притащил на этот раз? — поинтересовался герр Доктор. — Где ты взял это?»

Стюард объяснил, что через «Папу» он познакомился с другим американцем немецкого происхождения, работавшим на том же заводе. Этот человек назвался Полем и сообщил, что он является инспектором по сборке на заводе Нордена. На следующую встречу Поль пришел с двумя «синьками», сказав, что они представляют собой большую ценность.

Реакция абверовца была характерной для него.

«Сколько он хочет?» — спросил он.

«Нисколько, абсолютно нисколько, — ответил стюард. — Я навалился на него и спросил, сколько он хочет за эти чертежи, если в Берлине сочтут их интересными. Он оскорбился и сказал, что хочет лишь помочь Фатерланду».

На этот раз герр Доктор почувствовал себя в замешательстве. Прекрасно знакомый с изнанкой шпионажа и не раз сталкивавшийся со всеми его темными сторонами, герр Доктор впервые познакомился с тем, что в последующие годы превратилось в один из классических источников разведывательной информации — шпионажем из идеологических соображений.

«Синьки» оказались слишком сложны для Доктора, и он переправил их в Берлин экспертам люфтваффе, которые вновь вынесли вердикт: «Ничего ценного. Кто-то просто пытается подзаработать». Однако герра Доктора такой ответ не удовлетворил. Ему не верилось, что человек мог бескорыстно предлагать какие-то бесполезные чертежи.

К концу 1937 года под видом бизнесмена, имеющего интересы в Соединенных Штатах, он сел на лайнер, направлявшийся в Нью-Йорк, и через несколько дней уже высадился в Америке. И хотя в то время он еще нигде не «засветился», ФБР сделало отличную фотографию герра Доктора, сходящего по трапу корабля. В первые дни своего визита герр Доктор был занят встречами с Дюкусне и другими агентами, но вскоре у него появилось немного свободного времени, и он решил встретиться с человеком, который послал ему чертежи.

И как-то вечером, после встречи с одним из информаторов абвера Эвереттом Рудером, герр Доктор отправился в бар, где, как ему рассказывали, он мог найти Папу. Информация оказалась точной, и после того как герр Доктор откомендовался другом Германии, он повернул беседу к вопросу о «Поле».

Старик объяснил, что это ненастоящее имя этого человека, на самом деле его звали Герман Ланг, и пригласил герра Доктора к себе домой, где он на следующий же вечер сможет познакомиться с Лангом.

Когда на следующий день герр Доктор пришел на квартиру Папы, его представили худому, смуглому человеку, внимательно разглядывавшему его через стекла очков в металлической оправе.

«Герр Доктор, это Герман», — сказал старик, указывая на Ланга.

Поначалу Ланг был сдержан и молчалив, и герр Доктор решил, что это простой рабочий, который, благодаря своему трудолюбию и эффективной работе, был назначен инспектором на заводе Нордена. Подобно всем немцам, он страстно любил Фатерланд и питал маниакальное желание истинного тевтона вернуться на родину. Когда его сдержанность прошла — как это почти неизбежно случается, когда немец начинает говорить по-немецки в иностранной стране, Ланг пустился в описания своей работы.

Герр Доктор довольно равнодушно внимал ему, пока вдруг не понял, что Ланг описывает ему технологию производства секретного устройства для прицельного бомбометания, которую фирма Нордена производила для военно-воздушных сил армии США.

«Синьки», которые я послал вам, — лишь часть чертежей, — продолжал Ланг. — Таких прицелов раньше никогда не было, и

мне бы хотелось, чтобы и у Германии такие были. Америка была добра ко мне, но я люблю Фатерланд и никогда не смогу забыть его».

Абверовец был изумлен: не часто приходилось ему сталкиваться со столь детским подходом к шпионажу. А Ланг тем временем достал из портфеля чертежи, похожие на те, которые он посылал в Гамбург, и объяснил, что как инспектор, отвечающий за качество конечной сборки прицелов, он имеет доступ к чертежам. Время от времени он берет часть из них домой и, дождавшись, когда жена уснет, снимает с них копии, а утром возвращает оригиналы на завод.

«Я передал вам две части. Здесь еще две», — сказал Ланг.

Герр Доктор по-прежнему не мог прийти в себя от изумления. Любые сомнения, которые он раньше питал в отношении Ланга, исчезли. Сидящий перед ним человек был столь по-детски наивен, что никогда даже не слышал о микрофотографии и лист за листом вручную копировал чертежи, при этом ничего не прося за них.

Официально, от имени Третьего рейха, герр Доктор поклонился Лангу и поблагодарил его. Затем они вновь перешли к делу, и Ланг сообщил, что три четверти чертежей устройства находится сейчас у него дома. На следующий вечер Ланг передал их абверовцу.

Стюард, который первый раз передавал чертежи в Гамбург, по случаю оказался в Нью-Йорке, и герр Доктор решил отправить первую партию «синек» с постоянным курьером, а поскольку Ланг обещал скопировать остальные через две недели, остаток решил забрать с собой, когда отправится домой в Гамбург.

Через несколько дней после того, как в начале 1938 года герр Доктор вернулся в Гамбург, весь комплект чертежей к устройству прицельного бомбометания лежал у него на столе.

Высказав нескольких крепких выражений в адрес специалистов люфтваффе, столь равнодушно отнесшихся к чертежам Ланга, герр Доктор решил отправиться в Берлин и лично доложить о деле адмиралу Канарису. Выслушав Доктора, Канарис пообещал, что специалисты абвера в двадцать четыре часа произведут экспертизу устройства.

Когда на следующий день герр Доктор явился к Канарису, тот встретил его восклицанием: «Бог мой! Да знаете ли вы, что вы достали?!»

Технические эксперты абвера доложили, что Ланг предоставил секретные чертежи нового американского устройства для прицельного бомбометания, за которыми немцы охотились не один месяц. Это устройство способно революционизировать технику немецкого бомбометания.

Канарис, отношения которого с фельдмаршалом Герингом были несколько двусмысленными, тщательно обдумал свой следующий шаг и решил связаться с генералом Удетом, одним из ближайших и самых толковых помощников Геринга. Через неделю Удет сообщил Канарису, что Ланг подарил им «бесценную жемчужину».

Канарис, знакомый с бюрократами-специалистами германских вооруженных сил, приказал герру Доктору поддерживать связь с Лангом. И оказался прав: через несколько недель эксперты люфтваффе выдали длинный список вопросов, на которые потребовали у Ланга ответов. Канарис предложил генералу Удету: пусть специалисты люфтваффе позвонят Лангу по Трансатлантической телефонной линии и зададут все свои вопросы, если они хотят привлечь внимание ФБР!

Немцы не сомневались, что смогут сами сделать прицел. Но — в единичном экземпляре. А вот американские методы массового производства сильно отличались от таковых в Третьем рейхе, и потому Ланг оказался единственным человеком, который мог бы сообщить необходимые ноу-хау. И вскоре стюард-курьер уже вез послание Лангу от герра Доктора, в котором Доктор сообщал, что был бы весьма рад, если бы мистер и миссис Ланг приехали бы в гости в Германию, чтобы провести здесь несколько летних недель.

У Ланга возникли сложности с получением отпуска, однако в конце концов он смог принять приглашение герра Доктора.

К началу лета все приготовления были закончены, и через несколько недель Герман Ланг и его жена Бетти отплыли из Нью-Йорка на германском лайнере «Америка», при этом все расходы оплачивал благодарный абвер.

Через неделю супружеская чета высадилась в Куксхавене, где ее приветствовал сотрудник абвера — в обстоятельствах, несколько отличающихся от мелодраматической истории, рассказанной Лангом в Вашингтоне три года спустя.

В сопровождении людей из абвера Ланг и его жена отправились в Берлин, где поселились на комфортабельной, хотя с виду и неприметной, вилле на Курфюрстендам — своего рода Пикадилли германской столицы. А на другой день Ланга привезли в министерство авиации, где его приветствовали представители Канариса и Удета.

После обмена любезностями технический эксперт обратился к гостю: «Я хочу кое-что показать вам, герр Ланг».

В другой комнате он продемонстрировал своему удивленному собеседнику образец германского варианта норденовского устройства для прицельного бомбометания. Ланг успел забыть немецкую изобретательность и техническое мастерство, а потому

не мог поверить, что они так быстро сумели сделать образец. А затем в течение более двух недель Ланг день за днем встречался со специалистами люфтваффе, рассказывая им о производственных секретах завода Нордена, пока, наконец, супругам не разрешили поехать на несколько недель к родственникам.

Тем временем адмирал Канарис в своем офисе на Тирпиц-зуфер, который и друзья, и враги называли не иначе, как «лисыя нора», размышлял о будущем Ланга. Адмирал был верным христианином и бесконечно гуманным человеком, для которого и нацисты, и их методы очень скоро стали настоящим проклятием.

Когда Ланг и его жена вернулись в Гамбург, их ждало послание от шефа абвера.

«Мой шеф попросил меня передать вам, — сказал герр Доктор, — что, учитывая великую услугу, оказанную вами Германии, он считает, что вам не следует возвращаться в Соединенные Штаты, и особенно на вашу работу на заводе Нордена. А потому он предлагает вам остаться в Германии. Жизнь ваша будет обеспеченной, с гарантированным доходом. Вам предоставят работу или в техническом отделе люфтваффе, или на одном из германских оборонных заводов, где ваши знания могут быть очень полезны».

Ланг был поражен и сказал, что даст ответ через сутки. Однако миссис Ланг явно предпочитала жить в США, и потому супругов вскоре с почетом посадили на борт германского лайнера, отплывающего в Нью-Йорк. Для абвера дело Ланга было закрыто.

Находясь в Гамбурге, герр Доктор неустанно расширял свою шпионскую сеть в Соединенных Штатах, а когда в 1939 году война уже казалась неизбежной, во весь рост встала проблема обеспечения связи с Соединенными Штатами. С началом британской военно-морской блокады стало ясно, что на курьерской службе, которую несли стюарды германских лайнеров, можно ставить крест. К лету 1939 года, когда война между Англией и Германией стала вопросом нескольких недель, проблема поддержания связей с Соединенными Штатами потребовала безотлагательного решения.

Герра Доктора уже достаточно серьезно критиковали в штаб-квартире абвера в Берлине за провал в организации радиосвязи с Соединенными Штатами, когда из Мюнстера ему позвонил коллега по абверу и сообщил, что только что столкнулся с человеком, который может оказаться весьма полезным — американцем немецкого происхождения по имени Гарри Себолд, работающим инженером на Объединенном авиационном заводе в Сан-Диего, штат Калифорния. Себолд приехал в Германию, чтобы навестить мать, живущую в Рейнланде, и теперь у него неприятности из-за

каких-то мелочей в паспорте. Местная полиция передала его абверу III — отделу контрразведки абвера, где на допросе Себолд намекнул, что готов сделать что-нибудь для Германии в Соединенных Штатах, после чего его переправили в Гамбург, где с ним подробно поговорил герр Доктор.

Согласно обычным правилам, принятым в абвере, Себолда нельзя было брать в качестве шпиона без проведения предварительной тщательной проверки в Соединенных Штатах. Однако, учитывая текущие трудности с организацией связи с агентами, работающими в США, герр Доктор решил воспользоваться случаем и предложил Себолду приличную плату, если тот согласится стать радистом и работать на тайном радиопередатчике в США. Себолд согласился. Ему нужно было еще на несколько недель остаться в Гамбурге, чтобы пройти инструктаж, и потому он отправился в местное американское консульство, чтобы продлить срок действия своего паспорта.

К концу 1939 года Себолда обучили азбуке Морзе и работе на коротковолновом радиопередатчике, а также преподали курс микрофильмирования — метода, широко применявшегося немцами в довоенные годы. В январе 1940 года Себолд вернулся в Соединенные Штаты через по-прежнему нейтральную Швецию. Чтобы не привлекать к себе внимания ФБР, он не вез с собой никаких радиодеталей. Вместо этого ему было велено собрать необходимые приемник и передатчик непосредственно в США, где можно было легко купить в магазинах все недостающие компоненты.

Связь с Германией Себолд должен был поддерживать только через Дюкусне, которого абвер считал достаточно опытным для того, чтобы успешно иметь дело со столь неопытным агентом, как Себолд. Но поскольку Себолд был единственным звеном в системе радиосвязи с Германией, ему неизбежно приходилось общаться и с другими членами шпионской группы абвера — например, с человеком, сообщавшим о передвижениях английских кораблей, или с молодым евреем, которому после самоубийства его родителей в захваченной Гитлером Австрии Канарис помог бежать в Америку, где он стал шпионом абвера.

В 1940 году, спустя какое-то время после начала бомбардировок Лондона самолетами люфтваффе, Канарис неожиданно вспомнил о Ланге. Несколько немецких бомбардировщиков, оборудованных германской версией устройства для прицельного бомбометания, украденного Лангом с фирмы Нордена, были сбиты в английском небе. Канарис был неплохо осведомлен о состоянии англо-американских отношений, а потому понимал, что очень скоро американцам станет известно, что кто-то украл их секрет. И потому Канарис приказал, чтобы Ланга с женой доставили в

Германию через Южную Америку, и договорился о переводе средств на имя Ланга в германское консульство в Нью-Йорке. Однако абвер давно не поддерживал связь с Лангом, и потому сообщение о необходимости срочного отъезда в Германию решили передать через Себолда, которому было велено встретиться с Лангом, по-прежнему, как сообщили Себолду, работавшему на фирме Нордена. Вскоре Ланг в ответ на приглашение Себолда явился в офис консалтинговой инженерной фирмы, которую на имя некоего Сэвъера Себолд открыл на 52-й улице в Нью-Йорке. Когда Ланг уселся напротив Себолда, он был удивлен сильным освещением в комнате. Себолд ничего не знал о Ланге и после нескольких ничего не значащих фраз сделал вид, что ему только что пришла в голову блестящая мысль.

«Вы работаете на заводе Нордена, — сказал Себолд. — Почему бы вам не выкрасть там бомбовый прицел и не передать его Германии?»

Ланг удивленно взглянул на него.

«Украсть прицел? Но зачем? Я уже передал его Германии».

Себолд бросил взгляд на лист бумаги, лежавший перед ним, и торопливо сказал: «Да, да, я знаю, вы передавали важную информацию в Берлин. Прошу прощения. Но может быть, вы что-нибудь знаете о каких-то новых разработках?»

В этот момент сверкнула яркая вспышка, как если бы вспыхнула и погасла электрическая лампочка.

Себолд встал и сказал: «Прошу прощения, мистер Ланг. Должен сказать, что вы хороший солдат фюрера».

«Я? — переспросил Ланг. — Конечно да. Я давний сторонник der Führer. Я — Alte Kämpfer».

Это означало, что он был одним из тех нацистов, кто принимал участие в знаменитом Мюнхенском марше Гитлера в ноябре 1923 года.

Собеседники пожали друг другу руки. Себолд усмехнулся. Он был очень доволен: два агента ФБР, расположившиеся в соседней комнате, записали каждое слово, сказанное Лангом, а яркая вспышка, удивившая Ланга, была не чем иным, как вспышкой скрытой фотокамеры, объектив которой был спрятан в отверстии, сделанном в стене. ФБР получило превосходную фотографию Ланга.

Однако до сих пор фэбээровцы ничего не предпринимали ни в отношении Ланга, ни в отношении других членов германской шпионской сети, раскрытой Себолдом, и длилось такое бездействие довольно долго. Но к лету 1941 года Германия и Америка оказались столь близки к объявлению войны, что директор ФБР мистер Гувер решил нанести удар по группе агентов абвера.

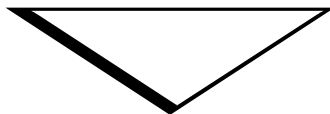
Рано утром 30 июля начались аресты. Ланга взяли в небольшом летнем бунгало, который он снимал в пригороде. Его доставили для допроса в штаб-квартиру ФБР на Лафайет-стрит, а через три недели он был найден в своей камере в полубессознательном состоянии. Тогда Ланга перевели в психиатрическое отделение местного госпиталя, а 2 сентября в помещении Федерального суда в Бруклине начался суд на Лангом и тридцатью другими агентами абвера.

И на допросах, и в суде Ланг упорно твердил, что был вынужден действовать под давлением нацистов, однако его версия лопнула, когда два агента ФБР, следившие за Лангом во время его визита в офис Себолда, представили свои доказательства. Суд продолжался три месяца. Ланг, как и остальные агенты, был приговорен к четырнадцати годам тюремного заключения. Пять лет он провел в огромной тюрьме в Форт Ливенворт, в штате Канзас, а затем был переведен в тюрьму в Милане, штат Мичиган, где в августе 1950 года его пригласили в офис губернатора, чтобы сообщить, что в результате амнистии, объявленной президентом Трумэном, он будет освобожден и депортирован в новую Германию доктора Аденауэра. Затем его доставили в Нью-Йорк, где Ланга уже ожидала жена. Спустя несколько недель супруги на американском военно-транспортном корабле добрались до Бременхавена. Ланги были совершенно без средств к существованию, однако им удалось найти приют у родственников, живших в Хофе, что на баварско-чешской границе.

Ланг устроился на работу на баварскую фабрику, где его и нашли несколько старших офицеров абвера, всегда чувствовавших себя виноватыми перед Лангом. Несмотря на благоприятное впечатление, которое он произвел на адмирала Канариса и его подчиненных, Ланг даже тогда отказался признать, что был шпионом.

В качестве заключения приведем слова, сказанные заместителем Канариса, генералом Эрвином фон Лахузенем, который давал показания перед союзниками в отношении членов нацистской верхушки на суде в Нюрнберге. Незадолго до своей смерти он сказал:

«Ланг, конечно же, не был шпионом в обычном смысле этого слова, которое подразумевает продажу информации за деньги. Он был просто германским патриотом».

«ДЖОННИ» — ВАЛЛИЙСКИЙ ШПИОН

Как и когда Артур Оуэнс связался с германской разведслужбой, остается неясным. Возможно, немцы впервые узнали о его крайних антианглийских взглядах от одного из многих агентов, засланных в Британию до войны с заданием завербовать англичан, готовых сотрудничать с немецкой разведкой.

В Уэльсе таковых в 1939 году было предостаточно. И одним из них стал сотрудник гейдриховской Sicherheitsdienst (СД), работавший в Южном Уэльсе под видом менеджера одной из технических фирм и скрывшийся из своего дома в Кардиффе лишь за несколько часов до начала боевых действий между Англией и Германией. Был и профессор — время от времени читавший лекции в университете. Был менеджер с фабрики в Барри. Был немец из Ливерпуля, поддерживавший националистических фанатиков Северного Уэльса. А еще была медсестра, которая хотела попасть в Пемброкеншир и чье тело было позднее найдено при таинственных обстоятельствах близ Уонтиджа в Беркшире в 1943 году.

Кто впервые вышел на контакт с Артуром Оуэнсом, можно только догадываться. Одно время он жил в Хэмпстедском районе Лондона, и известно, что встреча произошла в Немецком клубе в Бейсуотере, который в довоенные годы был одним из главных центров германской активности в Англии. Оуэнсу дали адрес агента абвера, с которым он и встретился в отеле «Метрополь» в Брюсселе во время деловой поездки в Бельгию в 1937 году. В то время Оуэнс занимался продажей английского электрооборудования зарубежным фирмам. Он дал понять связнику из абвера, что отчаянно нуждается в деньгах для личных целей, а также заявил, что является «пламенным патриотом Уэльса и противником всего английского».

Абверовец был осторожен, однако в конце концов решил высказать предположение, что Оуэнс может счесть достаточным выгодным для себя иметь дело «с друзьями из Гамбурга». Оуэнс согласился. И вскоре получил письмо от доктора Рейнгольда, якобы управляющего экспортно-импортной фирмы «Рейнгольд ГМБХ, Герхоффштрассе, Гамбург», в котором выражалась уверенность в том, что они «будут сотрудничать ко взаимной выгоде».

Через несколько недель Оуэнс прибыл в Гамбург и отправился на Герхоффштрассе — по адресу, указанному в письме д-ра Рейнгольда. Здесь находилась явочная квартира абвера.

Встретили его тепло, и доктор Рейнгольд пригласил Оуэнса пообедать с ним в ресторане роскошного отеля «Vier Jahreszeiten», находившегося в самом центре города на берегу знаменитого озера Альстер. Затем новые знакомые отправились в широкоизвестный паб под названием «Munchener Kindl», который потом долгое время оставался любимым питейным заведением Оуэнса в Гамбурге. Здесь, за кружкой доброго баварского пива, Рейнгольд осторожно намекнул на характер своей истинной деятельности. Поначалу уэльсец выглядел слегка смущенным, но потом решил, что готов «получать дополнительную сумму денег, кроме того, что он зарабатывает продажей электрооборудования».

Рейнгольд сказал ему, что если бы он вернулся в Англию и поставлял бы Рейнгольду информацию по некоторым, интересующим последнего, вопросам, он, Рейнгольд, смог бы немедленно выдать ему аванс на покрытие расходов. Оуэнс согласился и взял деньги, после чего Рейнгольд попросил его собрать информацию, касающуюся склада вооружений в Вулвише. Операция носила контрольный характер, поскольку в абвере уже знали ответы на поставленные перед Оуэнсом вопросы и желали лишь выяснить, какого рода информацию удастся собрать Оуэнсу.

На следующий день Оуэнс отправился обратно в Англию, сев на поезд, идущий до голландского города Хука, а через месяц он вновь объявился в Гамбурге — с весьма точной и подробной информацией об арсенале в Вулвише. Отчитавшись, он получает новое задание, на этот раз касающееся аэродромов, которые, как стало известно абверу, строились на востоке Англии. Рейнгольд при этом сказал, что Оуэнс будет получать по сто фунтов стерлингов плюс оплата всех расходов за каждое выполненное задание, а также велел Оуэнсу не бросать торговлю электрооборудованием и продолжать ездить в другие города, такие, как Брюссель, и вообще вести себя как обычно.

Так продолжалось почти два года: Артур Оуэнс регулярно, раз в месяц посещал Гамбург, отчитываясь перед Рейнгольдом о

выполненных заданиях. Он оказался способным шпионом. Для обеспечения его личной безопасности он числился в штаб-квартирах абвера в Берлине и в Гамбурге под номером 3054 и кличкой «Джонни». Его деятельность была столь успешной, что к лету 1939 года адмирал Канарис в шутку величал его «Джонни — великий мастер шпионажа».

За эти два года Оуэнс стал близким другом Рейнгольда и его жены и в конце концов стал останавливаться у них на квартире во время своих визитов в Гамбург. Оуэнс почти каждый вечер ходил в свой любимый «Munchener Kindl», а также частенько посещал известный гамбургский район ночных клубов Реепербан, нанося визиты в любимое заведение — кабаре «Валь-халла». Его привела в восторг система настольных телефонов, которая давала возможность звонить любой привлекательной девушке, сидевшей за одним из других столиков. Агенты абвера не спускали с Оуэнса глаз во время этих ночных походов, и как-то раз одна из блондинок, к которой Оуэнс начал проявлять излишнюю доверчивость, была тихо «арестована» и выслана из Гамбурга.

Чтобы исключить подобные случаи в будущем, в абвере решили принять меры предосторожности, и на следующий вечер Оуэнс уже был очарован высокой, красивой блондинкой по имени Ингрид, позвонившей ему с соседнего столика. И с этого времени и впредь он хранил верность прекрасной Ингрид, чем гарантировал себе полную безопасность: блондинка была одной из самых проверенных агентов абвера.

После Мюнхенского кризиса 1938 года Канарис и его подчиненные поняли, что война с Англией может начаться в любой момент, и Оуэнс становится в Соединенном Королевстве германским шпионом номер один. Руководство абвера приказывает Рейнгольду провести для Оуэнса курс радиодела, с тем, чтобы он смог поддерживать связь в случае войны. Оуэнсу было сказано, что в следующий приезд он должен будет задержаться в Гамбурге, и Рейнгольд предложил ему захватить с собой жену. Оуэнс так и сделал, и миссис Оуэнс, наконец, познакомилась с фрау Рейнгольд.

Оуэнс прошел интенсивный курс обучения в радиошколе абвера на окраине Гамбурга, проводя вечера в квартире Рейнгольда и поражая гостеприимных хозяев своими музыкальными дарованиями, собственными его народу. Обладая приятным тенором, он вызывал восхищение немцев, исполняя уэльские народные песни.

Оуэнс продолжал бывать в Гамбурге каждые шесть месяцев, и весной 1939 года он сказал Рейнгольду, что на родине у него неприятности. Словно желая подчеркнуть домашние труд-

ности, свой следующий визит в Германию он совершил в обществе молодой подружки. Именно в ходе этой поездки Оуэнс передал Рейнгольду подробности производства новой британской бронированной обшивки для танков, а также сообщил сенсационную новость о том, что на одном из аэродромов Англии базируются бомбардировщики с отравляющими бомбами на борту и построено газовое хранилище. Высшее командование люфтваффе восприняло этот доклад с ледяным спокойствием, однако после начала войны Оуэнс вновь вернулся к этому вопросу, заявив, что англичане разработали планы применения газов над городами Рура. Информация эта почти наверняка соответствовала истине.

К этому времени Оуэнсу уже платили в соответствии с результатами его работы, и к лету 1939 года он получал в качестве не облагаемого налогом дохода более 2000 фунтов в год. Деньги выплачивались в фунтовых банкнотах в Гамбурге.

В сентябре 1939 года, после начала войны, Оуэнс больше не мог совершать свои регулярные поездки в Гамбург, и потому в октябре этого же года Рейнгольд встретился с уэльсцем в Брюсселе и помог ему «нелегально» пересечь германскую границу.

Хотя он и был британцем, но Оуэнс вновь рискнул посетить «Munchener Kindl» и кабаре «Вальхалла». Он плохо говорил по-немецки, но выучил и в ходе своих ночных визитов мастерски произносил одну фразу: «Ein Bier». Именно по этой причине абверовцы решили сделать эту фразу его позывными. В свою очередь Оуэнс в своих шифрованных сообщениях, передаваемых с помощью подпольного передатчика, расположенного в подвале одного из домов в Хэмпстед, на северо-востоке Лондона, называл Рейнгольда не иначе, как «Biermann».

Однако Оуэнс недостаточно владел «морзянкой», чтобы позволить себе передавать по-настоящему длинные сообщения. Более того, любые планы и чертежи приходилось отправлять с курьером, и потому в конце 1939 года Рейнгольд предложил фантастический и в высшей степени любительский план поддержания связи с Германией. Оуэнсу было велено купить моторную лодку и держать ее на каком-нибудь из курортов Восточного побережья Англии. Немцы, похоже, не догадывались, что с самого начала боевых действий между двумя странами британское Адмиралтейство установило жесткий контроль над любыми передвижениями вдоль всего побережья Соединенного Королевства. По плану Рейнгольда Оуэнс должен был встретиться с курьером из абвера где-нибудь в районе Доггер Банка, куда курьера, как предполагалось, доставит подводная лодка. Однако германское военно-морское руководство встретило идею в штыки, и тогда Рейнгольд отправился к командованию люф-

тваффе. Люди Геринга согласились воспользоваться летающей лодкой Дорнье, чтобы доставить курьера к месту встречи.

Однако в назначенный срок Оуэнс не появился, а на другой день Рейнгольд получил от него сообщение:

«К сожалению невозможно покинуть английское побережье которое находится под строгим контролем».

Не нужно иметь богатое воображение, чтобы с самого начала понять, что столь безумный план невозможно претворить в жизнь.

Радиосвязь поддерживалась до весны 1940 года, и Оуэнс регулярно снабжал немцев ценнейшей информацией о состоянии британских вооруженных сил. Когда Германия оккупировала некоторые европейские страны, а также Францию, личные встречи между Оуэнсом и Рейнгольдом стали еще более затруднены, и потому где-то в мае Рейнгольд сообщил Оуэнсу, что тот должен попытаться попасть в Лиссабон, куда Рейнгольд мог ездить без особых трудностей под видом немецкого бизнесмена.

И наконец, в начале июня, когда последние британские войска оставили побережье Дюнкерка, Оуэнс посылает радиосообщение из Лондона:

«Согласен на встречу в Лиссабоне. Все приготовления завершены. Встречусь с вами в Лиссабоне как предполагалось 12–17 июня».

В абвере приуныли, когда копия этого сообщения оказалась на Тирпицзуфер в Берлине, ибо Канарис и его люди знали то, чего, очевидно, не знал Рейнгольд: в высшей степени маловероятно, чтобы торговцу британским электрооборудованием позволили бы поехать в Лиссабон без достаточных на то оснований. Как же Оуэнсу удалось пересечь границу Англии в момент наивысшего кризиса в войне, когда англичане со дня на день ожидали вторжения немцев на острова? Когда Рейнгольд под видом дипломатического курьера летел на юго-запад Европы, он вспомнил свой собственный совет, однажды данный им Оуэнсу в Гамбурге:

«Если когда-нибудь в Англии ты столкнешься с трудностями в своем деле, самое лучшее, что ты можешь сделать, это действовать максимально открыто. Иди в M15 и расскажи все. Это может спасти тебя».

Совет был очень личным и дан профессионалом секретной службы, и Рейнгольд принял за размышлять, уж не воспользовался ли Оуэнс его советом.

Каждый день с 12 по 17 июня, после полудня Оуэнс сидел на террасе одного из самых известных кафе португальской столицы. В руках он держал номер «Таймс» и, как и было условлено, потягивал из стакана лимонный сок. После нескольких пус-

тых дней на него, наконец, вышел португалец, бывший немецким агентом. А спустя несколько часов Оуэнса уже приветствовал сам Рейнгольд. Встреча старых друзей состоялась в квартире, расположенной на одной из тихих улочек португальской столицы.

Когда они остались одни, Рейнгольд спросил: «Как тебе удалось выбраться из Англии? Ты приехал не как обычный путешественник».

Оуэнс согласился. Да, сказал он, сначала он попытался нелегально покинуть страну со стороны Уэльса, договорившись с одним капитаном в Свонси, однако после вторжения немцев во Францию договоренность была расторгнута. Тогда Оуэнс обратился за официальным разрешением на поездку в Португалию, где, как он утверждал, собирался заняться продажей английского электрооборудования. Оуэнса пригласили на беседу к офицеру полиции, который подробно его расспросил. Во время этого разговора Оуэнс сказал, что у него есть дела в Гамбурге, однако заверил Рейнгольда, что не назвал ни настоящих имен, ни адресов своих связников в Гамбурге. Далее Оуэнс сообщил допрашивавшему его офицеру, что у него также есть дела и в Швейцарии и что единственная возможность встретиться со швейцарцами — отправиться в нейтральный Лиссабон. На следующий день, продолжал Оуэнс, его допрашивал уже британский полковник-штабист, который после нескольких возражений, кажется, все-таки поверил Оуэнсу и сказал, что распорядится, чтобы Оуэнсу выдали необходимые проездные документы для поездки в Португалию.

Рейнгольд насмешливо смотрел на Оуэнса, и уэльсец почувствовал в воздухе холодок недоверия. Он пустился в пространные рассуждения о своей ненависти к Англии и преданности германскому делу, после чего предложил Рейнгольду подробную информацию об аэродромах Военно-воздушных сил Ее Величества в родной стране и взрывающейся авторучке, образцы которой британские летчики уже забросили в оккупированные Германией страны. И наконец достал из портфеля главное — технический отчет о новой британской радарной установке, достаточно малой, чтобы ее можно было установить в кабине двухместного ночного истребителя. К отчету были приложены чертежи для изготовления этого прибора.

Рейнгольд подумал было, каким образом Оуэнс смог заполучить столь секретную информацию, однако, прежде, чем он успел задать хотя бы один вопрос, Оуэнс уже пустился в объяснения.

«У меня теперь новый агент, — сообщил он. — Уэльсец, которого выкинули из авиации за что-то подозрительное — я не

понял, за что именно. Он в некотором роде техник и хотел бы рассказать все, что знает, за твердую валюту. Он на самом деле хотел бы приехать в Лиссабон в следующий раз».

Рейнгольд по-прежнему скептически воспринимал то, о чем ему говорил Оуэнс. Трудно поверить, сказал он, что на этой стадии войны из Королевской авиации могли бы выкинуть старшего офицера. Оуэнс объяснил, что он уверен, что уэльсец был коммунистом и из авиации его уволили из-за политической неблагонадежности.

«Он отчаянно нуждается в деньгах, а поскольку вы заключили Пакт с Советским Союзом (Советско-нацистский пакт 1939 года), то он готов все рассказать вам за соответствующую плату».

Рейнгольд не мог избавиться от подозрений. Однако история казалась достаточно правдивой. В абвере были неплохо информированы о деятельности русской секретной службы, и Рейнгольд понимал, что этот новый человек вполне мог быть советским агентом. Решение пришло само собой, и Рейнгольд велел Оуэнсу привезти бывшего летчика в Лиссабон на их следующую встречу. Однако продолжал расспрашивать Оуэнса об этом офицере — майоре авиации Брауне, который якобы раньше работал в техническом отделе министерства авиации в Лондоне. Оуэнс добавил также, что уже заплатил этому человеку из тех денег, что ранее получил от абвера.

Рейнгольд передал Оуэнсу 500 фунтов стерлингов в английских купюрах и предложил вновь встретиться в Лиссабоне в октябре. Конечно, сказал он, возможно, что встреча и не понадобится, поскольку к тому времени вермахт уже вполне может войти в Лондон. В случае такого исхода он пообещал Оуэнсу должность в абвере за его верную службу Германии.

На другой день Рейнгольд улетел обратно в Германию, где специалисты люфтваффе по радарам подтвердили ценность предоставленного Оуэнсом материала.

А через несколько дней Оуэнс вернулся в Соединенное Королевство, и радиосвязь с Гамбургом вновь была восстановлена. Оуэнс продолжал функционировать как главный шпион абвера в Англии и летом 1940 года, когда Гитлер и его штаб уже вовсю были заняты приготовлениями к вторжению в Британию согласно плану операции, известной как «Операция Морской лев».

К концу августа 1940 года Оуэнс получил послание из Гамбурга, в котором Рейнгольд настоятельно приказывал ему приехать в Винчестер и быть рядом с вокзалом в 2.30 дня. Оуэнс был в коричневом костюме и коричневой шляпе, а в руках держал номер газеты «Манчестер гардиан». К нему подошел стройный белокурый молодой человек с голубыми глазами и спро-

сил Оуэнса, не он ли «Доктор Робертс». Оуэнс подтвердил, что да, доктор, и они вместе пошли прочь от вокзала. Блондин представился как «Шмидт» и сказал, что он приехал от герра доктора Рейнгольда. Оуэнс же назвался «Джонни». Рейнгольд сообщил Оуэнсу по радио, что этот молодой человек был одним из двух немецких парашютистов, заброшенных в Англию. Сейчас оба находились в затруднительном положении и нуждались в помощи.

Рейнгольд очень неохотно отправлял это сообщение, ибо оно противоречило основополагающим принципам абвера, как и вообще любой другой секретной службы: не допускать каких-либо контактов между двумя несвязанными между собой шпионскими группами.

Однако первые немецкие парашютисты, сброшенные над Англией, находились в трудном положении и им следовало помочь. Рейнгольд находился в затруднительном положении. Помочь парашютистам мог лишь Оуэнс, и штаб Канариса, пусть неохотно, но дал согласие на встречу.

Парашютистами оказались двадцатилетний Ганс Шмидт и чуть более молодой Йорген Бьернсон — датский нацист-фанатик, завербованный абвером после оккупации Дании немцами весной прошлого года. После интенсивного курса обучения у Рейнгольда в Гамбурге их послали в оккупированную Францию, откуда они были отправлены в Англию. Приземлились они неподалеку от Солсбери, однако при приземлении Бьернсон получил серьезную травму ноги.

На следующий день Рейнгольд был встревожен, получив сообщение с просьбой о помощи. Это был ответ на сообщение Оуэнса о встрече со Шмидтом у Винчестерского вокзала. Оба шпиона вновь встретились, как было договорено, и после обычных предосторожностей Оуэнс спросил: «Где ваш раненый друг?»

«Он лежит в лесу, в миле или двух от Солсбери», — ответил парашютист.

Оуэнс сказал, что, возможно, ему удастся договориться с друзьями о том, чтобы присмотреть за вторым парашютистом, однако он сразу предупредил Шмидта, что за ним самим, похоже, следят и потому им опасно встречаться. Оуэнс дал Шмидту адрес близ Солсбери, и они расстались, чтобы в тот же вечер встретиться вновь в доме одного фанатичного уэльского националиста.

На следующее утро Шмидт помог своему другу Бьернсону добраться через поле к главной дороге на окраине Солсбери. Они спрятались за изгородью и ждали, пока не подъехала машина Оуэнса. Бьернсону помогли забраться в машину и отвезли к врачу.

Шмидт никогда больше не видел ни Бьернсона, ни Оуэнса. По словам абверовцев, он подготовил обширный отчет о британских приготовлениях к отражению германского вторжения и других важных событиях, случившихся в последующие годы. Насколько известно, Шмидт оказался одним из немногих немецких шпионов в Англии, которого так никогда и не поймали. Среди его последних донесений Рейнгольду было сообщение о его браке с дочерью английского фермера и о рождении сына.

Что касается Бьернсона, то нет сомнения, что он попал в руки британской службы безопасности, которая почти наверняка следила за Оуэнсом.

Однако и после инцидента с парашютистами Оуэнс продолжал поддерживать связь с абвером в Гамбурге и в сентябре сообщил, что надеется быть в Лиссабоне к концу месяца. Спустя несколько дней в следующем сообщении дата была передвинута на начало октября.

К этому времени в абвере уже очень беспокоились об Оуэнсе, однако Рейнгольду было велено согласиться на встречу в Лиссабоне. Германский офицер, прибывший на встречу, прождал несколько дней — никаких признаков Оуэнса. Абверовец уже отчаялся было увидеть своего британского коллегу, когда услышал, что ожидается прибытие многих английских кораблей. В конце концов, через португальского агента абвера он узнал, что Оуэнс прибыл, но так болен морской болезнью, что не может встать с постели.

Агент отправился навестить Оуэнса, который рассказал ему об ужасном путешествии в конвое судов, из которых первые восемнадцать были потоплены, а оставшиеся разметал по всему морю ужасный шторм.

«А где ваш друг, экс-офицер авиации?» — спросил Рейнгольд.

Оуэнс объяснил, что тот нелегально пересек границу на другом судне, которое, даст бог, избежит встречи с германской подводной лодкой. Оуэнсу практически нечего было сообщить Рейнгольду, и абверовец выразил некоторое недовольство малым количеством информации.

«Вам недостаточно, — парировал Оуэнс, — что я привел вам этого малого из авиации? Он может дать вам совершенно секретную информацию».

У Рейнгольда сложилось впечатление, что дни Оуэнса в качестве абверовского шпиона в Англии сочтены, однако он ничего не сказал.

Через сорок восемь часов в гавань Лиссабона вошло несколько английских кораблей, а еще через несколько часов Оуэнс представил Рейнгольду коренастого смуглого человека лет тридцати.

«Это мистер Браун», — сказал Оуэнс, и Рейнгольд отметил жесткий пронизательный взгляд экс-офицера авиации Ее Величества и решил, что у этого малого куда более серьезный характер, нежели у эмоционального уэльского националиста.

Браун подтвердил, что он был командиром эскадрильи технического отдела авиации, и сказал, что в данном случае его интересуют только деньги. Он попросил 250 фунтов стерлингов в месяц за то, что он будет немецким шпионом в Англии, и 2000 фунтов наличными за передачу всех технических секретов, которыми он владеет, германской технической комиссии, которая может проверить его.

Он говорил прямо и открыто: «У вас уже есть информация от меня. Вы знаете ее ценность, и мне нет нужды распространяться об этом дальше».

Рейнгольда проинструктировали в штаб-квартире абвера относительно линии поведения, которой он должен придерживаться в отношении Брауна, и потому он немедленно пригласил «мистера Брауна» отправиться с ним в Германию, где они смогут совершенно свободно обсудить эти вопросы. Рейнгольд дал «честное слово германского офицера», что Браун беспрепятственно вернется в Лиссабон и никто не будет пытаться его удерживать.

Оуэнс был очень рад и хотел сопровождать Брауна в Гамбург. Однако Рейнгольд быстро развеял его иллюзии. Будет достаточно трудно договориться о перевозке одного британского гражданина через оккупированную Европу, чтобы осложнять ситуацию вторым. Оуэнс расстроился чуть не до слез. Он явно не горел желанием возвращаться в Соединенное Королевство и был бы рад провести остаток войны в своих любимых зланных местах Гамбурга.

Браун принял предложение Рейнгольда и почти неделю жил в отеле «Vier Jahreszeiten» в Гамбурге. Его проверили эксперты люфтваффе, специально присланные из Берлина, и хотя Брауна заверили, что он совершенно свободен и может ходить, куда пожелает, агенты абвера следовали за ним по пятам, чтобы узнать, не попытается ли он выйти на связь с каким-нибудь английским шпионом.

Рейнгольд считал Брауна своим гостем и по вечерам водил его в фешенебельные рестораны и частные дома богатых гамбургских торговцев, на которых Браун производил самое благоприятное впечатление.

Как-то раз на вечеринке в баре отеля фрау Рейнгольд заметила крупную камю, которую в виде кольца носил на пальце Браун. Когда она поинтересовалась, что это за камя, Браун открыл ее и показал скрытую в кольце фотографию красивой девушки.

«Это ваша жена?» — спросила фрау Рейнгольд.

«Пока нет», — засмеялся Браун.

Однако Рейнгольд, как профессиональный разведчик, сразу оценил возможности, скрытые в этом кольце — за фотографией мог скрываться шифр. Он встал и попросил позволения отлучиться, чтобы позвонить по телефону, а через некоторое время к их столику подсел старый друг Рейнгольда. Он приказал официанту принести выпивку. Браун выбрал виски — и вскоре начал зевать и в конце концов задремал прямо за столом. Незнакомец быстро снял кольцо с пальца Брауна и исчез. Через два часа он вновь появился за столиком Рейнгольда, и кольцо снова заняло свое место на пальце Брауна. Вскоре Браун проснулся и стал оправдываться за свою неожиданную сонливость, однако Рейнгольд свел дело к шутке, заметив, что шотландское виски в Германии куда крепче, чем у него на родине.

На следующее утро Рейнгольд обнаружил на своем столе увеличенную фотографию оборотной стороны фото, находившегося в кольце Брауна. Она была покрыта бессмысленным набором букв и цифр, похожих на шифр. Через несколько недель криптографам абвера в Берлине удалось прочитать адрес в одной из столиц нейтральных стран, который уже был известен абверу как «почтовый ящик» британских секретных организаций.

Рейнгольда вызвали в Берлин, и Канарис подробно расспросил его о Брауне. Чего не знал Рейнгольд, это что один из «технических специалистов», допрашивавших Брауна в Гамбурге, был прислан вовсе не из штаб-квартиры люфтваффе, а лично от адмирала Канариса. И потому неудивительно, что когда Рейнгольд сказал, что он дал Брауну честное слово германского офицера, что тому будет позволено вернуться в Лиссабон, Канарис искренне согласился.

Курьер абвера сопровождал Брауна до Мадрида, и во время пересадки на одном из аэродромов Браун исчез, и больше никто и никогда его не видел. Когда весть об этом достигла Оуэнса в Лиссабоне, он был страшно расстроен и умолял абверовского курьера взять его с собой в Германию. Однако строгие приказы, данные Рейнгольдом, гласили, что Оуэнсу ни при каких обстоятельствах не будет позволено отправиться в Третий рейх. И потому через несколько недель Оуэнс вновь передавал по радио сообщения в штаб-квартиру абвера в Гамбурге, в которых, однако, не содержалось ни грамма сколько-нибудь ценной информации. Незадолго до Рождества 1940 года Оуэнс обратился к Рейнгольду с просьбой о деньгах. Проконсультировавшись со штаб-квартирой абвера в Берлине, Рейнгольд отправил Оуэнсу 500 фунтов стерлингов через японское посольство в Лондоне.

Оуэнс продолжал поддерживать связь с Гамбургом, пока весной 1941 года Рейнгольд не получил сообщение, гласившее:

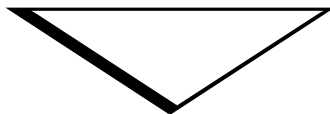
«Помогите, я в опасности».

Абвер не ответил.

Спустя несколько лет одному из бывших старших офицеров абвера, переживших войну, вернувшийся из-за границы агент абвера рассказывал, что в конце войны он встретил в Дартмуре человека, в котором узнал Оуэнса. В послевоенные годы бывшие сотрудники абвера получили по «буш-телеграфу», который по-прежнему связывает их с безумным крылом ИРА в Дублине, сообщение, в котором можно было прочесть:

«Джонни сейчас живет в Ирландии. Он сменил имя».

ГЛАВА 7

«РОБИН» — ШПИОН — ЛЮБИТЕЛЬ

Все секретные службы в мире избегают публичности, и должно случиться из ряда вон выходящее событие, чтобы заставить, например, британскую разведывательную службу хоть что-то сообщить о деятельности кого-нибудь из своих тайных агентов. Историю «Робина», швейцарского еврея и крупного бизнесмена, которую мы здесь изложим, именно к таковым редким случаям и можно отнести. На территории оккупированной немцами Франции он действовал и как агент британской разведслужбы, и как офицер движения Сопротивления, которым руководил британский Отдел особых операций. А иногда был и тем, и другим одновременно, несмотря на категорический запрет Лондона.

Этому выдающемуся агенту британской разведки удалось внести огромный вклад в дело победы союзников. И тем не менее, даже когда ему уже было далеко за шестьдесят, «Робин» по-прежнему настаивал на анонимности и, пожалуй, возразил бы против использования определения «великий шпион» по отношению к собственной персоне. По его мнению, это можно было бы расценивать, как занятие шпионажем и диверсиями из корыстных побуждений, а «Робин», в конце концов, был прежде всего «великим любителем». Он не только работал бесплатно, но, служа интересам Британии и ее союзников, потратил огромную часть своего далеко не маленького состояния, не делая при этом попыток получить компенсацию. Для «Робина» это не имело никакого значения. Он выполнял свой долг, как он его понимал, и как демократ, и как еврей.

Этот великий джентльмен родился в Берне и был сыном отца-швейцарца и матери-эльзаски. Он получил образование в

Монтре, и, будучи подростком, переехал с родителями в Париж, ставший для него вторым домом на протяжении большей части его жизни. В 1940 году, в возрасте сорока семи лет, он по-прежнему оставался холостяком и, что больше всего ненавидел Адольф Гитлер, международным еврейским бизнесменом.

«Робин» находился во Франции, когда в июне 1940 года ее правительство капитулировало перед Германией. Эта катастрофа угрожала личной безопасности всех евреев Франции, о чем «Робин» был прекрасно осведомлен. Более того, создавшееся положение поставило перед ним несколько животрепещущих проблем, как личных, так и семейных. Перед ним были открыты три возможности:

1. Он мог отправиться на родину в Швейцарию и с его связями, простиравшимися от Москвы и Берлина до Нью-Йорка, мог заново сделать себе состояние.

2. Он мог отправиться в Англию — в Лондоне у него было много друзей по бизнесу.

3. Он мог остаться в Париже — и сражаться.

Он выбрал последнее — и уже через день или два, при содействии своего старого знакомого, полковника из французского Второго бюро, вышел на людей из британской разведывательной службы. Его связником оказался пожилой человек — по виду французский торговец бакалеей из северо-западного пригорода Парижа, который был оставлен с радиопередатчиком во французской столице, когда две недели назад британская армия эвакуировалась из Франции. «Робин» сказал ему: «Я буду работать с вами, а не НА вас».

После многих приключений, включая и совещание с офицерами британской разведки на Нормандских островах, «Робин» к середине 1942 года стал одним из основных агентов англичан в оккупированной Франции. Высокий и элегантный, он выдавал себя за эльзасца, демонстрирующего свои явные пронацистские симпатии и имеющего доступ в высшие слои германского общества. Один германский офицер, восхищенный его белокурыми волосами и пронзительными голубыми глазами, заверил «Робина», что он представляет из себя идеал столь любимого фюрером «настоящего арийца».

Так случилось, что в начале лета 1942 года он уже тесно сотрудничал с неким капитаном Даннекером, о котором лишь немногие знали как о представителе оберштурмбанфюрера Адольфа Эйхмана в Париже и которому несколько месяцев назад обергруппенфюрер Рейнхард Гейдрих отдал приказ на уничтожение европейских евреев. Именно с Даннекером «Робин» под видом Жака Вальтера из Страсбурга начал переговоры о цене за спасение общины евреев-сефардов, живущих во Франции.

Культурные, космополитично настроенные и зачастую богатые, члены сефардской общины были потомками испанских и португальских евреев, бежавших во Францию во времена испанской инквизиции. Многие из них давно утратили все характерные еврейские черты, другие не только не исповедовали веры своих отцов, но и не имели ничего общего с другими евреями. И на этом основании лидеры общины умоляли «Робина», о связях которого с немцами им было известно, начать переговоры с тем, чтобы исключить сефардских евреев из списка подлежащих преследованиям и депортации.

До этого времени «Робин» ограничивал, насколько это было возможно, свои контакты с германскими оккупационными властями, однако поддерживал светские связи с некоторыми немцами через членов русской белогвардейской общины в Париже, с которыми он давно поддерживал самые дружеские отношения. Одна из бывших подружек «Робина» была французской актрисой, незадолго до войны вышедшая замуж за одного из белогвардейцев. Через этих русских «Жак Вальтер» и вышел на представителей Эйхмана.

Поначалу немцы были неумолимы в отношении евреев-сефардов, однако «Робин» был первоклассным торговцем международного класса, а потому намекнул, что в конце концов всего лишь одно маленькое административное решение может принести крупное вознаграждение. Как один добрый нацист другому, он предложил представителям Эйхмана и Розенберга учесть, что многие из этих «verdammte Juden» обладают крупными суммами денег. Так почему бы, спросил «Робин», и не отрезать себе кусочек, тем более что это ничего не будет стоить — один лишь росчерк пера? И никто в Берлине ничего не узнает.

Немцы, служившие в антиеврейской службе, слушали уговоры Робина со все большим и большим интересом. Ясно же, соглашались они, что эти сефарды совсем не евреи! Начались переговоры, которые шли заведенным немецким порядком: долгие заседания с отчаянной торговлей перемежались столь же долгими псевдофилософскими рассуждениями со ссылками на Канта и Гете и прикладыванием к бутылке коньяка, стоявшей на столе.

«Робин» прекрасно сознавал, что перед ним — упорные дельцы, у которых на протяжении всех переговоров были все козыри на руках. Но наконец-то было согласовано, что за сумму в один миллион долларов, помещенных на секретный и цифровой счет в швейцарском банке в Лозанне, немцы оставят свои колебания и постараются обуздать свои антисемитские чувства. Они заверят всех евреев-сефардов, проживающих во Франции, что будут считать их обычными французами, и выдадут им обычные француз-

ские документы, в которых не будет никакого упоминания об их еврейских предках.

Ну а потом кто-то проговорился, СД проникла о деле, и переговоры были внезапно прекращены. Однако к тому времени «Meine lieber Herr Walter» из Страсбурга уже стал персоной грата в небезызвестной СС и других германских кругах и был единодушно признан человеком, с которым полезно вести знакомство.

Он по-прежнему продолжал получать приглашения от самых важных людей — как немцев, так и в особенности русских белогвардейцев, вращаясь в тех кругах, где представители германских оккупационных сил были почетными гостями. В одном из роскошных домов, располагавшихся близ авеню Фош, которую непочтительные парижане обозвали «авеню Бош», в начале сентября «Робин» встретился с одним из своих самых важных «друзей-оккупантов».

Когда «Робин», одетый в костюм от Сэвиля Роу, купленный еще до войны, вошел в гостиную, он сразу оценил, сколь блестящая компания собралась здесь. Геррен Оберг, Кнохен, генерал Штульпнагель — военный комендант, а также старшие офицеры из штаба фон Рундштедта, располагавшегося в Сен-Жермен-ан-Ло, — все были здесь. Хозяйка предложила «Робину» превосходный коктейль из шампанского — у немцев и их друзей был выбор старых марочных вин, — а затем они вместе стали переходить от одной группы гостей к другой. Разговор в основном шел на немецком, и подходя к каждой группе, хозяйка, питавшая некие подозрения в отношении деятельности «Робина», поскольку знала его настоящее имя, представляла «Робина» гостям как «герра Вальтера» из Страсбурга.

Постепенно, как это бывает на вечеринках, переходя от одного маленького кружка к другому, «Робин» разговорился с плотного сложения немцем средних лет в хорошо сшитом гражданском костюме. По всему было видно, что немец — новичок в Париже. Этого человека с короткой стрижкой и бычьей шеей истинного пруссака, представили «Робину» как «высокопоставленного представителя рейхсминистра Шпеера», и вскоре двое мужчин уже были увлечены беседой. Немец, ничем не выдавший своего звания, был явно еще не знаком со всеми удовольствиями, которые мог дать оккупированный Париж, и потому когда он понял, что «Робин», превосходно говоривший по-немецки, уже давно живет во французской столице, он попросил своего нового знакомого показать ему все «самые лучшие места», которые бы ему понравились. Со смехом немец признался, что для него «удовольствие — это когда много выпивки и много хороших девушек». Вскоре он уже расспрашивал «Робина», когда

они отправятся в поход. Видный и элегантный, «Робин» разбил не одно дамское сердце, а потому был тем самым человеком, который мог приобщить немца к удовольствиям Парижа. Немец был явно человеком высокого ранга, и потому «Робин» ответил: «А почему бы и не сегодня, *mein Herr*? Я свободен — и после вечеринки идем».

Немец был в восторге, и вскоре двое мужчин тихонько улизнули с белогвардейской вечеринки и пустились в путешествие по кабаре и барам, расположенным по соседству Елисейских полей. И когда они сидели в третьем по счету баре, немец признался «Робину»: «Это именно то, чего мне хотелось. Примите мою самую сердечную благодарность, *mein Herr* Вальтер. Вы можете сделать мое пребывание в Париже сплошным удовольствием».

И хотя немец был явно осторожен в присутствии незнакомца, «Робин» заметил, что он плохо переносит выпивку. И тут немец спросил, не проводит ли «Робин» его домой. До сих пор они передвигались из бара в кабаре, и из кабаре в ночной клуб на огромном «мерседесе» с шофером в форме СС, и именно на этой машине германского штаба они и подкатили к отелю «Рой-аль Монсо», где остановился немец.

Когда «Робин» помог немцу войти в фойе, тот сказал: «Ну, мой дорогой герр Вальтер, вечер был просто превосходный. Как вы думаете, сможете вы составить мне компанию на следующую вылазку?»

Отдавая себе отчет в том, что этого человека следует всячески обхаживать, «Робин» немедленно согласился. Они договорились встретиться через два дня здесь же, в отеле. Немец предложил подвезти «Робина» домой, однако «Робин» был не так прост, чтобы соглашаться, — у него не было никакого желания, чтобы кто-нибудь из немцев узнал, где он живет. И потому он ответил, что «предпочитает пройтись по свежему воздуху». Когда он вышел из отеля и направился домой, мысли его были заняты одним: как лучше использовать новое знакомство.

«Робин» знал, что рейхсминистр Шпеер был блестящим молодым архитектором, который обратил на себя внимание Гитлера проектом здания новой Имперской канцелярии и который в конечном итоге, уже в военное время, стал министром промышленности и вооружений. «Герр профессор», занимая высокий пост в подобном министерстве, был несомненно специалистом в своей области с определенным доступом к широкому кругу информации — той самой информации, которая могла бы оказаться весьма интересной для «Робина» как британского агента и одного из руководителей подполья.

Как же подобраться к этому немцу?

Возможностей было по крайней мере две: или «найти» немцу подружку, или же действовать самому. «Робин» был уверен, что ему не составит труда найти очаровательную французскую девушку, патриотку своей страны и участницу подполья, которая пожелала бы пожертвовать собой в качестве «подружки» герра профессора. С другой стороны, информация, к которой имел отношение немец, могла быть сугубо технической и, без сомнения, сложной для понимания. А потому использование девушки в данном случае означало бы получение информации из вторых рук. И кроме того, «Робин», как и большинство других известных сотрудников секретных служб, в душе не доверял женщинам.

Провал или даже какой-то промах в его общении с немцем могли поставить под удар всю созданную им подпольную сеть. С другой стороны, если ему удастся войти в доверие к немцу, награда может быть достаточно велика. И потому «Робин» решил пойти на риск, но при этом «Жака Вальтера из Страсбурга» должен держать строго отдельно от других его псевдонимов, которыми он пользовался в своей подпольной работе. Точно так же, как никто из его телохранителей, ни Фернан ле Кед, ни Тони де Чех, ни остальные, не должны знать о его общении с немцем.

Вечером герр Вальтер, как элегантно пронацистски настроенный знаток Парижа, прибыл в отель «Ройаль Монсо», где его уже ждал и радостно приветствовал герр Профессор, на этот раз одетый, к удивлению «Робина», в прекрасно сшитый мундир старшего офицера СС. От немца не ускользнуло удивление «Робина», и он поспешил объяснить: «Мой дорогой герр Вальтер, я действительно человек гражданский, я профессор технических наук. Однако мой пост в министерстве соответствует званию штандартенфюрера СС. По положению я обязан носить этот мундир, однако я ненавижу его. И если вы извините меня, я переоденусь в гражданскую одежду, в которой чувствую себя намного свободнее».

«Прекрасно, mein Fuhrer, — усмехнулся «Робин». — Если вы — штандартенфюрер, то отныне вы для меня «mein Fuhrer». Так он впоследствии и обращался к своему компаньону.

Через несколько минут немец вновь вышел, на этот раз в гражданской одежде, и пара отправилась в свой обычный обход. Последовала бурная ночь, и когда в три часа ночи они сидели в одном из кабаре Монмартра, «Робин», который старался не пить много, с радостью заметил, что немец не в лучшей форме. Оттащив штандартенфюрера подальше от компании девушек, пытавшихся уговорить двух явно небедных клиентов остаться подольше, «Робин» усадил немца в машину, в которой уже несколько часов их ожидал сонный шофер. Через несколько минут они были в отеле «Ройаль Монсо».

На этот раз немец был совсем плох, и «Робин» сказал встревоженному шоферу: «Не волнуйся, парень, я подниму его наверх и уложу в постель». Обхватив своего коренастого собутыльника за талию, «Робин» с помощью ночного портье дотащил немца до лифта и, наконец, до номера на четвертом этаже, в котором тот обитал.

Бросив портье: «Я присмотрю за ним», «Робин» вошел в номер, таща на себе немца, находившегося в бессознательном состоянии, и бросил его на кровать. Было четыре часа утра, однако «Робин», которому тоже волей-неволей пришлось накачаться спиртным, понимал, что у него есть работа, которую надо выполнить. Перво-наперво он быстро раздел немца, после чего обратил внимание на толстый портфель, лежавший на письменном столе в гостиной. И пока его друг храпел и ворочался, «Робин» в соседней комнате внимательно просмотрел содержимое портфеля.

Из этих документов, многие из которых носили отметку «Geheim» (секретно), он понял, что его новый знакомый на самом деле был специальным посланником рейхсминистра Шпеера во Франции. И хотя информация, содержавшаяся в этих бумагах, вряд ли могла бы потрясти мир, «Робин» отметил детали важных немецких контрактов на производство вооружений на французских предприятиях, которые, без сомнения, представляли бы огромный интерес для ВВС Великобритании.

«Робин» старался не тянуть время, вовсе не желая возбуждать какие-либо подозрения. Более того, он не был уверен, как долго еще проспит немец под воздействием спиртного. «Робину» в руки свалился бесценный источник информации, и было бы глупо подвергать его опасности. И потому, устроив немца поудобнее, он ушел, оставив записку с обещанием снова прийти через два дня.

На следующее утро «Робин» зашифровал весь добытый им материал и договорился о передаче его в Лондон.

Как он и пообещал в своей записке, «Жак Вальтер» вовремя прибыл в номер отеля на четвертом этаже, где его вновь ожидали сердечные приветствия.

«Благодарю вас... благодарю, mein lieber герр Вальтер, — говорил немец, хватая «Робина» за руку. — Вы настоящий друг — вы не только показываете мне город, но и когда я выпил слишком много, вы привели меня домой... и уложили в постель. Это и есть настоящая дружба». Потом, пристально глядя на «Робина», продолжал: «Знаете, вы больше похожи на немца, чем на француза. Эти ваши голубые глаза и белокурые волосы, высокая, стройная фигура — да ведь вы подтверждаете слова фюрера, который сказал, что такие эльзасцы, как вы... настоящие немцы».

«Робин» поклонился и подумал, что сказал бы этот эсэсовец, если бы узнал, что «настоящий ариец из Страсбурга» на самом деле был... евреем. И снова они отправились в поход по кабаре и барам.

Когда они сидели в одном из баров, эсэсовец стал вести себя очень экспансивно и принялся что-то рассказывать «Робину» о себе. «Робин» к тому времени уже знал, что фамилия его кончается на польский лад на «ский», и потому не удивился, когда немец сказал, что на самом деле он уроженец Восточной Пруссии. Был он профессором, из тех, кого немцы называют *Diplomingenieur*. Смеясь, немец поведал «Робину», что его полный титул звучит как «герр штандартенфюрер СС, профессор доктор доктор». Он был высококвалифицированным инженером, которого перевели в министерство промышленности и вооружений. Рейхсминистр Шпеер отправил его в Париж в качестве своего личного посланника.

И вновь коньяк, потом шампанское, «зарезервированное для оккупационных сил», оказались слишком крепкими для немца, и как и в предыдущем случае, «Робин» вновь привез его домой и тщательно просмотрел его бумаги.

«Робин» и его немецкий собутыльник стали отныне закадычными друзьями. Два или три раза в неделю они кутили — и всякий раз с результатами, приносившими глубокое удовлетворение как парижскому подполью, так и руководителям британской разведки в Лондоне. В последующие месяцы имели место бесчисленные случаи саботажа и диверсий на важных французских заводах, работающих на Германию, причину которых так и не удалось установить немецкой службе безопасности. А кроме диверсий были еще и налеты английской авиации, поражавшие всех как точностью своих ударов, так и выбранных для этого моментов.

К середине октября «Робин» уже чувствовал себя как дома в номере на четвертом этаже отеля «Ройяль Монсо», прекрасно зная, что персонал отеля уверен, что он — немец из числа сотрудников герра профессора.

Однажды вечером «Робин» заметил, что его компаньон кажется чем-то озабоченным: вопреки своей обыкновенной практике, он принялся говорить о войне. Когда они сидели в одном из ночных клубов Монпарнаса с парой девушек за компанию, немец принялся рассуждать о Роммеле и африканском корпусе, об операциях, которые, похоже, предстоят вскоре в Средиземноморье.

«Робин» внешне не выказал явного интереса, однако, когда немец повернулся к девушке, сидевшей рядом с ним, задумался, что же так обеспокоило его германского друга? И в этот

вечер, снова уложив немца в постель, «Робин» внимательнее чем обычно просмотрел содержимое стола штандартенфюрера. И вот наконец, в одной из папок обнаружил сообщение, присланное из Берлина. Отправителем был явно кто-то из числа высших сановников министра Шпеера — а может быть, и сам Шпеер. Речь в нем шла об операциях в Северной Африке. Запасные части к германским танкам, производившиеся во Франции, должны быть в первую очередь отправлены на североафриканский фронт, говорилось в сообщении. Все должно быть отправлено в Бриндизи для последующей перевозки Роммелю на судах итальянского конвоя, вышедшего из одного из южных портов Италии несколько дней назад. «Робин» не сомневался в ценности прочитанного и в то же утро отправил в Лондон сообщение, которое гласило: «Весьма срочно! Конвой выходит из Бриндизи на Бенгази около 20 октября».

А 23 октября, тогда еще генерал-лейтенант, сэр Бернард Лоу Монтгомери, недавно назначенный командующим британской восьмой армией, ударил по Эль-Аламейну. Роммель был болен и находился в госпитале близ Вены, однако по личному приказу Гитлера он вылетел на самолете на поле боя, после того как его заместитель, фон Тома, был захвачен в плен англичанами. День за днем продолжалась эта борьба с переменным успехом, когда, наконец, Монтгомери попытался прорвать немецкий фронт.

Для Роммеля все зависело от снабжения, и особенно снабжения топливом. Между 26 и 28 октября, когда исход битвы был еще неясен, самолеты английских ВВС, базировавшиеся на измученной Мальте, ударили по итальянскому конвою. Конвою «Робина». Три танкера были потоплены, и у Роммеля не осталось выбора, кроме как начать долгое отступление, в конечном счете приведшее семь месяцев спустя к Кэйп Бон и массовой капитуляции трехсоттысячного германского войска перед фельдмаршалом Александером.

О потоплении танкеров «Робин», по-прежнему часто посещавший бары и ночные клубы Парижа, ничего не знал. И только после войны узнал о последствиях своих ночных поисков в столе штандартенфюрера.

Немцам, конечно, и в голову не могло прийти, что информация от высокопоставленного офицера СС в Париже с завидной регулярностью отправлялась прямиком в британскую разведку в Лондон. А этот крепко пьющий и шумно веселящийся офицер СС признавался «Робину», что он в жизни никогда так хорошо не проводил время и ничего, кроме похвал, не может сказать о своем веселом компаньоне, дорогом герре Вальтере из Страсбурга. Столь бурные ночи продолжались до осени 1942 года,

пока «Робин» не стал походить на привидение — сказались недостаток сна и переизбыток крепкого спиртного, которое он вынужден был потреблять, чтобы не отстать от герра Профессора.

Уже 8 ноября началось вторжение союзников во Французскую Северную Африку, и войска Эйзенхауэра двигались по направлению к Тунису, когда как-то вечером штандартенфюрер признался ожидавшему его в номере «Робину»:

«Не волнуйся, друг мой... относительно всех этих неудач в Северной Африке. Эти чертовы янки — чепуха. Мы, немцы, слишком умны для них со всем их бахвальством. Подожди, еще увидишь... у нас кое-что есть для них». При этих словах немец хлопнул себя по нагрудному карману мундира и продолжал: «У меня здесь кое-что есть. Не могу сказать тебе, что именно, — нечто, придуманное нашим превосходным германским гением. Подождите несколько месяцев и узнаете, что я имел в виду».

Немец дал понять «Робину», что в кармане у него нечто столь секретное, что он не осмеливается даже оставить эту вещь в номере и вынужден носить ее с собой, а потому на этот раз вынужден будет отправиться в турне по барам и кабаре в мундире. «Робин» как обычно улыбнулся и ничего не сказал. Сегодня он решил не пить много: он должен уложить немца как всегда в постель и выяснить, что же находится у него в кармане. Так что в тот вечер «Жак Вальтер», сопровождавший немца из одного ночного клуба в другой, старался почти не пить. Своему компаньону он объяснил, что у него неприятности с внутренностями, и потому сегодня он не может пить так много, как обычно.

«Какой позор, мой бедный друг, а я как раз собирался отметить то, что у меня в кармане, — воскликнул эсэсовец. — Не беспокойся, я выпью за тебя то, что ты не сможешь...» И немец так напился, что его затошнило. Это совсем не устраивало «Робина». Прочистив желудок, человек вскоре может стать трезвым, и потому «Робину» пришлось начать все сначала — и час за часом он накачивал немца спиртным. Но лишь в шесть часов этого холодного и туманного декабрьского утра «Робин» почувствовал, что немецкий офицер достаточно пьян, чтобы везти его домой.

Как обычно, у клуба их поджидал «мерседес», с сонным и бледным шофером, а когда они подъехали к отелю, персонал отеля в очередной раз увидел хорошо знакомое им представление. В номере «Робин» осторожно свалил компаньона на постель. Однако немец вел себя беспокойно. Вместо того, чтобы храпеть как свинья, как он это обычно делал, он стал метаться по кровати, бормоча что-то непонятное. Потребовалось немало времени, чтобы он, наконец, задремал.

На этот раз вопрос состоял не в том, чтобы обыскать его стол. «Робину» пришлось доставать то, что находилось у немца в нагрудном кармане мундира. И когда он попытался снять мундир с немца, тот неожиданно пробормотал спросонья: «Оставь, оставь его. Я буду спать одетый».

Похоже было на то, что безнадежно пьяный офицер инстинктивно почувствовал, что у «Робина» есть какие-то намерения относительно содержимого его кармана. Но, наконец, немец забылся в пьяном сне и «Робин», затаив дыхание, осторожно просунул пальцы в карман полурастегнутого мундира немца. Немец зашевелился. Казалось, он вот-вот проснется.

И в этот момент герр профессор захрапел и перевернулся набок, по-прежнему пребывая в оцепенении. Рука «Робина» уже до половины находилась в кармане немца, когда тот, перевернувшись, навалился на нее. Однако «Робину» удалось добраться пальцами до конверта, находившегося в кармане мундира герра профессора — и он медленно стал тянуть его наружу.

Немец по-прежнему спал. «Робин» проскользнул в соседнюю комнату. Там он достал из конверта несколько листов бумаги и в заголовке одного из них прочел важнейшую из германских служебных пометок: «STRENG GEHEIM... REICHSSACHE» (совершенно секретно — государственная тайна рейха). Это было нечто, о чем могли знать лишь Гитлер и небольшая группа его приближенных. Бумаги были подписаны самим Шпеером. Рейхсминистр Шпеер информировал штандартенфюрера о том, что: «После успешных испытаний двух секретных изделий в Пенемюнде фюрер приказал начать приготовления к строительным работам в прибрежных районах Северной Франции».

Конструкция, говорилось в письме, должна быть по крепости подобна укрытию для подводных лодок и «должны быть сделаны заготовки для убежища с очень тяжелой бетонной крышей».

До получения результатов дальнейших исследований в Пенемюнде — о которых штандартенфюреру было известно — не устанавливалось никакой конкретной даты начала строительства в Северной Франции. Однако все подготовительные работы должны быть завершены сразу: «с тем, чтобы совершенно секретные строительные работы могли начаться сразу, как только фюрер отдаст приказ».

Не говорилось, что это были за эксперименты, равно как и зачем нужны тяжелые бетонные строения вдоль всего побережья Ла-Манша. Тем не менее «Робину» было ясно, что он столкнулся с информацией огромной важности. Он постарался запомнить как можно больше из письма Шпеера, а затем вернулся в спальню.

Немец по-прежнему спал беспокойно, но несмотря на его постоянную возню, «Робину» удалось осторожно положить кон-верт на место. Сделав это, усталый и взволнованный, он вы-сользнул из отеля «Ройаль Монсо».

Так что же попало ему в руки? Было ясно, что нечто столь секретное, о чем знали лишь сам Гитлер и горстка его ближай-ших помощников. «Прибрежные районы Северной Франции» — это могло говорить лишь о каких-то секретных приготовлениях к удару по Англии... вероятно, и по Лондону тоже. Из немецкого атласа «Робин» узнал, что есть небольшая речка Пене, впадаю-щая в Балтийское море на побережье Мекленбурга неподалеку от Штеттина. Пенемюнде находился в устье Пене. Что-то здесь про-изошло такое, что потребовало проведения крупных строитель-ных работ вдоль всего побережья Ла-Манша!

Чтобы закончить рассказ, необходимо перенестись почти на шесть лет вперед, к публикации официального отчета маршала авиации сэра Родерика Хилла о военно-воздушных операциях, проведенных авиацией Великобритании в связи с появлением германских летающих бомб и наступательных ракет. В этом при-ложении к правительственному сообщению, опубликованному в октябре 1948 года, говорилось:

«Первый намек на то, что враг намерен использовать ракеты дальнего радиуса действия для военных целей, содержался в от-чете, полученном в этой стране вскоре после начала войны. К концу 1942 года об этом проекте стало известно несколько боль-ше, когда агенты докладывали, что пробные стрельбы подобны-ми реактивными снарядами были проведены совсем недавно на балтийском побережье. В начале 1943 года была установлена связь между этой деятельностью и германским испытательным поли-гоном в Пенемюнде».

Однако британские власти впервые узнали о германском реактивном проекте из так называемого «Осло» — отчета, по-павшего в британскую секретную службу в 1939 году. В мае 1942 года «москиты» авиационного разведывательного соедине-ния в ходе обычного полета по наблюдению за военными ко-раблями в Киле и военно-морской базой в Швайнемюнде в ус-тье Одера, пролетели вдоль низменного балтийского побережья Мекленбурга. «Москиты» сфотографировали то, что можно было описать, как «большие круги» вокруг точки, которая была оп-ределена как Пенемюнде. И хотя отчет пилота был разослан во все заинтересованные департаменты, ничего особенного, похо-же, не было сделано.

Первые V2 — до того, как Гитлер придумал называть его Vergeltungswaffen (оружие возмездия), — известные, как A4, были

запущены с Пенемюнде генералом Дорнбергером и Вернером фон Брауном в октябре 1942 года. Примерно в то же самое время первые V1, тогда известные как Модель F103, были закончены в Пенемюнде. В конце осени 1942 года британские шпионы по обеим сторонам Балтики начали регулярно сообщать об оружии дальнего радиуса действия.

Эксперты разведки в министерстве обороны в Лондоне, специализирующиеся на технических вопросах, давно знали о существовании немецкого исследовательского учреждения на побережье Балтики. Все считали, что это был полигон для испытания тяжелой артиллерии. Впоследствии от своих друзей в Лондоне «Робин» узнал, что только после его сообщения, связавшего Пенемюнде с немецкими планами строительства тяжелых бетонных конструкций вдоль побережья Ла-Манша, Пенемюнде отождествили с ракетами, предназначенными для бомбардировки Лондона. Таким образом, «Робин» дал ключ к пониманию германских намерений.

Это привело к внимательному изучению донесений и других агентов за последние несколько месяцев, что, как водится, привело к фотографиям аэрофотосъемки, полученным в мае прошлого года. Немедленно были отданы приказы возобновить аэрофотосъемку Пенемюнде. Фото, полученные день за днем и неделю за неделей, были тщательно изучены, и спустя какое-то время, после одного из таких разведывательных полетов, кто-то из офицеров заметил крошечный самолет — V1 — на том месте, которое было определено, как взлетно-посадочная полоса Пенемюнде. Примерно в то же самое время члены подполья вдоль всего побережья Ла-Манша, которые были приведены в боевую готовность после получения сообщения «Робина», обнаружили строительство близ Ваттена огромных таинственных сооружений.

Сам «Робин» в начале 1943 года по-прежнему был в состоянии оказывать разведке дальнейшую помощь. Естественно, его интерес был возбужден, и он предупредил все группы, входящие в его сеть, сделать необходимые запросы. Из Восточной Франции пришло сообщение от недавно завербованного члена группы. Это был бельгиец, житель небольшого городка Юпен, расположенного на германо-бельгийской границе. Как немца его призвали на службу в вермахт, и в 1942 году его подразделение было расквартировано на балтийском побережье, где он действительно видел ракетные стрельбы. Вскоре его перевели во Францию, где он сразу же дезертировал, присоединившись к подполью.

* * *

Через два дня после того, как «Робин» почистил карманы немца, его вновь позвали в отель «Ройаль Монсо». Однако на этот раз его приветствовали «плохими новостями».

«Mein lieber Freund, — обратился немец к «Робину», — я говорил вам, что работаю над очень важным делом. Только что получен приказ из Берлина. Я должен немедленно выехать на север Франции и рассчитываю вернуться через неделю или две, и надеюсь, что после моего возвращения вы придете повидаться со мной».

«Робин» никогда больше не видел этого штандартенфюрера. В начале 1943 года, когда он был уверен, что немец уже вернулся в Париж, у «Робина» возникли подозрения, что служба СД с авеню Фош проявляет повышенный интерес к «Жаку Вальтеру из Страсбурга».

Достигнув столь многого за последнее время, он, естественно, предпочел не засовывать голову в пасть льва, и потому больше об этом деле никто ничего не слышал, пока спустя несколько лет в одной из многих статей о храбрости «Робина» не написали: «Он завоевал доверие офицера германских вооруженных сил, в результате чего смог проникнуть к врагу и заполучить документы огромной ценности».

К этому времени «Робин», в дополнение к тому, что он был агентом британской разведывательной службы, связался с группой французского Сопротивления, которым руководил из Лондона полковник Морис Бакмастер. В начале 1943 года именно он отвечал за возникновение страшного хаоса в германской транспортной системе на севере Франции. Хаос стал результатом смелой операции, когда бойцы Сопротивления похитили сейф из офиса германского военно-транспортного ведомства в Шалон-сюр-Марне. В сейфе они нашли и сфотографировали расписание германских военных перевозок по всем железным дорогам Бельгии и Северной Франции.

Попав в руки командования английских ВВС, этот документ дал возможность точно планировать авиаудары по германским военным составам на железных дорогах Бельгии и Франции. И «Робин» продолжал красть расписания движения военных поездов всякий раз после того, как немцы составляли новое. Как ему это удавалось, до сих пор никто не знает, однако известно лишь, что вскоре германская контрразведка напала на след «Робина». К лету 1943 года немцы уже шли за ним по пятам, и «Робину» пришлось бежать в свою родную Швейцарию. Впоследствии он поступил на службу в британскую дипломатическую миссию в своем родном Берне и закончил войну в звании подполковника,

командира группы бойцов Сопротивления в Юре, не раз переходившего через границу из своего дома в Лозанне.

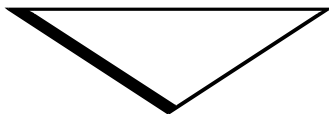
К концу 1944 года он был арестован швейцарскими детективами и обвинен в различных преступлениях против швейцарского нейтралитета. После допросов его выпустили на свободу, и он продолжал служить в качестве офицера союзных войск. Формально нейтральная, но очень просоюзнически настроенная Швейцария осторожно откладывала суд над «Робином» до самого конца войны. И лишь тогда он был вновь обвинен в нарушении швейцарского нейтралитета — без сомнения, справедливо. Однако обвинение в причинении вреда Швейцарии было с него снято.

Чтобы продемонстрировать свои истинные чувства, пять швейцарских полковников, судивших «Робина» — он настаивал на том, чтобы судили его военные не ниже его рангом, — в конце суда поднялись со скамьи и промаршировали перед «Робином», после чего торжественно пожали ему руку. А один даже прошептал: «Вы должны понять, монсеньор, мы всего лишь выполнили свой долг швейцарских офицеров, но как свободные швейцарцы мы гордимся вами».

После войны «Робин» снова руководил крупной экспортно-импортной фирмой, офис которой был расположен в центре Парижа. В 1957 году, когда Ее Величество королева Елизавета посетила Париж, «Робин» оказался в числе горстки лидеров Сопротивления, которые были представлены королеве.

Последнее, что стало известно о «Робине», это слова другого героя Сопротивления — капитана Питера Черчилля, который писал:

«Мало кто мог надеяться превзойти удивительные подвиги «Робина». Это была схватка Давида и Голиафа XX века, в котором он противопоставил свои мозги и решимость победить мощи такого колосса, как нацистская Германия. Генерал Эйзенхауэр сказал, что деятельность французского Сопротивления способствовала ускорению окончания войны в Европе примерно месяцев на шесть... Я склонен думать, что Робин имеет право требовать для себя и своей отважной маленькой группы людей порядочную часть из этих шести месяцев».

ФРЕЙЛЕЙН, КОТОРАЯ БЫЛА ЯПОНСКОЙ ШПИОНКОЙ

Имя Рут Куэн даже сегодня не значится в списках великих мастеров шпионажа. Спустя два десятилетия после ее самого значительного достижения по-прежнему мало что известно о ней самой. Однако если бы ее место в истории шпионажа можно было бы определить согласно значимости ее достижений, то ее следовало бы рассматривать как одну из величайших женщин-шпионов всех времен и народов. Немецкая фрейлейн была шпионкой, проложившей японцам путь к разгрому американского тихоокеанского флота в Пёрл-Харборе 7 декабря 1941 года.

Как симпатичная немецкая девушка из благополучной семьи стала самой удачливой японской шпионкой времен Второй мировой войны — трудно сказать определенно. Широко распространенная легенда приписывает вину — или честь — доктору Паулю-Жозефу Геббельсу, колченогому министру пропаганды в нацистском рейхе.

Отчим Рут, доктор Бернард Джулиус Отто Куэн, сам был сотрудником гейдриховской СД (Sicherheitsdienst) — нацистской службы безопасности. У него была несколько пестрая биография до того момента, пока он не нашел, наконец, прибежища в СД. В годы Первой мировой войны он служил в качестве гардемарина, до того, как крейсер, на котором он плавал, был потоплен британским военным кораблем. Куэна подобрали, и оставшиеся дни войны он провел в лагере для военнопленных в Англии, где выучился очень хорошо говорить по-английски. В 1919 году он был репатрирован, однако к этому времени германский флот уже мало что мог предложить бывшему гардемарину.

Куэн был отправлен в запас и решил изучать медицину. Подобно многим другим, утратившим иллюзии молодым герман-

ским офицерам, он прибил к одному из добровольческих корпусов, ставших характерной чертой постверсальской Германии. И, подобно многим, он оказался в числе самых первых последователей Адольфа Гитлера.

Куэн закончил медицинский факультет, получил диплом доктора, однако не добился особых успехов на этом поприще, и в конце концов в начале тридцатых оказался в нацистской партии. Позднее Куэн говорил американским следователям из ФБР, что ему обещали пост шефа полиции в одном из крупных германских городов, однако Гиммлер и Гейдрих обманули его. Более вероятным представляется то, что Куэн, бегло говоривший по-английски, был направлен Гейдрихом в 6-е бюро СД, которое Гейдрих уже начал формировать как службу зарубежной разведки, которая должна была составить конкуренцию абверу адмирала Канариса.

Но каковы бы ни были внутренние противоречия в нацистских службах безопасности, доктор Куэн, его интеллигентная жена Фридель, сын и очень привлекательная падчерица Рут высадились в Гонолулу в середине августа 1935 года. Доктор Куэн представлялся профессором антропологии, который прибыл на Гавайские острова для изучения влияния японской культуры на полинезийское население этих островов. Он предполагал пробыть на Гавайях несколько лет, чтобы успеть выполнить необходимые исследования. Куэн был человеком явно не бедным, и американские власти приветствовали его приезд.

Сомнительно, чтобы Куэн имел в то время какие-либо связи с департаментом разведки японского военно-морского флота. Более вероятным представляется, то что он был послан на Гавайи как германский шпион. Гейдрих очень хорошо знал, что Пёрл-Харбор была в то время главной оперативной базой тихоокеанского флота США.

Позднее Куэн признал, что он отправлял разведывательную информацию и в Берлин, и в Токио. Когда именно на его горизонте появились японцы — остается неизвестным. В конце тридцатых годов и СД Гейдриха, и абвер Канариса ковали тесные связи с японским военным атташе в Берлине полковником Осимой, позднее назначенным послом императорской Японии в Германии. Осима конечно же участвовал в секретных переговорах между германскими секретными службами и организациями безопасности в Токио, достигая определенных договоренностей. И вербовка Куэна японцами была, несомненно, результатом растущего военного взаимопонимания между Берлином и Токио, достигшим своей кульминации к моменту заключения Пакта между государствами — членами оси. Японские секретные службы постоянно сталкивались с серьезными трудностями в использо-

вании шпионов японской национальности. В некоторых странах достаточно было только появиться японскому лицу, чтобы возбудить подозрения у местной контрразведки.

Как только семья Куэнов прибыла на Гавайи, «герр профессор» купил прекрасную виллу в Гонолулу, обставленную антикварной мебелью и полную ценного серебра. И вскоре приобрел среди американцев репутацию солидного гражданина, обладающего достаточными финансовыми средствами. Сам Куэн дал понять своим новым знакомым, что имеет значительные вложения в Германии и Голландии. Как бы в подтверждение этих слов за те три года, что семья прожила на Гавайях, Роттердамский банк в Голландии перевел не менее 75 000 долларов – более 15 000 фунтов стерлингов – на счет Куэна в банке Гонолулу. Последующее расследование, проведенное сотрудниками американского ФБР, установило, что все эти годы доход Куэна составлял не менее пяти тысяч фунтов стерлингов в год.

В ходе проведения научных исследований «профессор» и его дочь, которую все считали его помощницей, много ездили по всем островам и вскоре уже знали Гавайи лучше, чем многие уроженцы здешних мест.

Сколько они на шпионили – так и останется неизвестным. Поначалу Куэн и Рут были решительно настроены выдать себя за людей культурных и богатых и завести нужные связи. Рут была особенно привлекательной для офицеров американского военно-морского флота. Она превосходно танцевала и вскоре стала постоянной гостьей на всех светских мероприятиях, которые были характерной чертой жизни гавайского высшего света.

Жена профессора была, похоже, совершенно обыкновенной *hausfrau*, однако и у нее было свое место в этой семейной шпионской сети. Дважды на протяжении пяти лет до Пёрл-Харбора она совершала «развлекательные поездки» в Японию, пересекая Тихий океан на одном из роскошных канадских океанских лайнеров, которые в те дни были королями Тихого океана. Из одной такой поездки фрау Фридель привезла около 20 000 долларов наличными.

В первые несколько месяцев 1939 года семья Куэнов вдруг стала очень беспокойной. «Герр профессор» сказал своим друзьям, что он находит туристские центры на Гавайях слишком шумными и многолюдными и что он должен подыскать себе для работы что-нибудь более тихое. После долгих поисков Куэн с дочерью наконец нашли то, что искали – жилье на острове Оаху.

Каковы бы ни были факты о сложных отношениях в треугольнике Куэны–Берлин–Токио в предыдущие три года, ясно, что с начала лета 1939 года Куэны стали главными агентами разведывательной службы японского военно-морского флота. Токио

передавала некоторые копии их донесений в штаб-квартиру СД в Берлине, где, учитывая многолетнюю кровную вражду Гейдриха с германским военно-морским флотом, они скорее всего оставались непрочитанными.

Сведения о передвижениях кораблей американского флота в Тихом океане не представляли большого интереса для Германии. Однако в Токио летом 1939 года можно было наблюдать конфликт между генералами армии и адмиралами флота. Следует ли Японии вступать в войну на стороне Германии? Японскую армию, сражавшуюся в Китае, интересовал только Советский Союз. Для японских адмиралов, которые были куда более крупными стратегами, чем генералы, уже в течение двух десятилетий было очевидно, что единственной реальной опасностью для японской империи являются Соединенные Штаты. С этой точки зрения целью номер один для разведки японского военно-морского флота стал тихоокеанский флот Соединенных Штатов и его главная оперативная база в Пёрл-Харборе на острове Оаху, входившем в состав Гавайского архипелага.

Японский генеральный консул в Гонолулу конечно же обеспечивал прикрытия для более или менее открытой шпионской сети, о чем было прекрасно известно американцам. И стоило ситуации в тихоокеанском регионе ухудшиться, как деятельность офицеров разведки японского военно-морского флота, замаскированных под простых дипломатов, была бы серьезно ограничена: они моментально попали бы под постоянное американское наблюдение. Вот почему для японского командования было так важно иметь агентов непосредственно в самом Пёрл-Харборе. Забравшись обещанием щедрой финансовой поддержки, Куэны переехали на Оаху, и Рут взяла в свои руки управление семейной шпионской сетью.

В Гонолулу у нее было много друзей среди американских морских и армейских офицеров, а также среди деловых людей. И поэтому когда она переезжала на Оаху, ей надавали массу рекомендательных писем, которые гарантировали ей немедленный прием в куда более замкнутую американскую общину в Пёрл-Харборе.

Матросы романтичны как никто, и очаровательная фрейлейн казалась им явлением необыкновенным — даже на Гавайях. А кроме того, у Рут был еще один необычный плюс — ею также восхищались и женщины. Американские жены в Пёрл-Харборе нашли ее образцом немецкого шарма.

Рут тщательно продумала план своих действий. Имея в своем распоряжении значительные финансовые средства, предоставленные им японцами, она решила открыть супермодный салон красоты, где могли бы собираться жены американских моряков. Она

пришла к выводу, что было бы прекрасно, если бы ей удалось привлечь в салон жен офицеров высшего командного состава. Из Нью-Йорка были выписаны парикмахеры, из Голливуда – косметологи, и вскоре о салоне «У Рут» стали говорить в Пёрл-Харборе. Люди, как правило, многое рассказывают своим парикмахерам, и удивительно, как много могут рассказать женщины в уединении салона красоты. Рут и ее мать Фридель неслышно передвигались среди посетителей, прислушиваясь к болтовне адмиральских жен и командирских подружек. Из несвязных обрывков разговоров, которые Рут могла через тайного курьера передать японскому генеральному консулу Кита в Гонолулу, разведка военно-морского флота Японии могла составить картину американских намерений.

Красивая и талантливая, Рут с большой выгодой использовала свои светские связи в Пёрл-Харборе. Она даже согласилась на помолвку с американским офицером. Как сильно она любила своего американского жениха – неизвестно, но благодаря этой помолвке она фактически сумела проникнуть в круги высшего американского командования.

С началом русско-германской войны в июне 1941 года японское высшее командование приступило к переоценке положения Японии и пришло к выводу о возможности войны между Японией и Соединенными Штатами в ближайшие несколько месяцев. А потому японский генеральный консул получил указание ежедневно докладывать о передвижениях американских военных кораблей – и особенно американского тихоокеанского флота. Генеральный консул отправил почтовую открытку, подписанную «Джимми», указав адрес: «Почтовый ящик 1476, почта Гонолулу», через который поддерживалась его связь с Куэнами. В открытке шла речь о встрече между японским вице-консулом Окудой, с одной стороны, и Рут и ее отчимом – с другой.

Встреча состоялась на одном из малопосещаемых островов. При встрече Окуда сказал Куэнам, что штаб военно-морского флота в Токио желает иметь не только ежедневные доклады о передвижениях американских военных кораблей, но и желает знать О БУДУЩИХ ПЕРЕДВИЖЕНИЯХ основных американских военно-морских соединений.

Рут прекрасно сознавала выгоды своего положения. Она не была японкой, как и члены ее семьи. У Куэнов, естественно, не было присущего всем японцам чувства верности Стране восходящего солнца, и потому Рут сказала Окуде, что если в Токио желают иметь такую информацию, они должны платить высшую цену. Здесь ее отчим перепугался до смерти. Однако Рут ничего не боялась, ибо знала себе цену. Она запросила 50 000 долларов. Японский дипломат зароптал. Ведь это же около 10 000 фунтов стер-

лингвов по довоенному курсу! В конце концов японец согласился заплатить 15 000 долларов сразу, а остальное — в Токио, когда семья Куэзов переберется туда в случае войны.

Рут имела доступ к огромному количеству информации, однако для того, чтобы выполнить все требования японцев, ей необходимо было знать еще больше. Она призвала на помощь своего младшего сводного брата. Отцу было велено брать мальчика с собой на прогулку в порт. Подобно всем мальчикам брат Рут был в восторге от кораблей и быстро завел друзей среди веселых американских моряков, которые с готовностью рассказывали мальчишке о своих кораблях. А вскоре его уже пригласили подняться на борт корабля — совершенно неофициально, разумеется. Матросы познакомились и с самим доктором Куэном и очень откровенно рассказывали ему о том, где были, что делали и куда собираются.

Окуда предупредил Рут, что война прервет связь по обычным каналам, и в этом случае необходимо придумать какое-то средство, чтобы иметь возможность выходить на связь с японской подводной лодкой, находящейся близ побережья. Рут очень любила плавать и ходить под парусом. Она купила себе домик на побережье в селенье Калама в Ланикаи Вей, а также небольшую парусную лодку с легко узнаваемой звездой на главном парусе.

Достижения семьи Куэзов в период между 1939 и 1941 годами не прошли совершенно незамеченными. Впервые внимание американского Федерального бюро расследований к «профессору» и его семье привлекли слухи о его необыкновенно крупных доходах при отсутствии какого-либо явно доходного занятия. Осторожные расспросы показали, что крупные суммы денег переводятся на его имя банком Голландии, однако ничего криминального в этом не было. И потому ФБР не стало предпринимать никаких шагов.

В последующие два года американская разведка расшифровала некоторые из японских шифров — один из них был дипломатическим. И пока шли долгие японо-американские переговоры в Вашингтоне, Госдепартамент США читал все конфиденциальные сообщения, передаваемые двумя специальными посланниками из Вашингтона в Токио. В ходе этих перехватов американцы засекли необычное сообщение от Киты — генерального консула Японии на Гавайях, переданное им в Токио. В нем говорилось о надежности живущей на Гавайях супружеской пары по фамилии «Фридель».

ФБР не смогло найти никого под таким именем на Гавайях, однако спустя некоторое время один из агентов ФБР вспомнил, что имя фрау Куэн было уменьшительным от немецкого «Фридл».

В тот же самый момент американцы с интересом узнали, что фрау Куэн только что вернулась из увеселительной поездки в Японию. Собранные воедино, все эти факты давали профессиональному контрразведчику основания предположить, что за семьей Куэн стоит проследить. Тогда же в ФБР отметили и факт личного знакомства Рут со многими офицерами американского военно-морского флота. Однако, подобно многим другим вещам, контршпионаж в довоенном Пёрл-Харборе был ничьим дитятей. В штате отделения ФБР в Гонолулу состояло семь агентов и горстка секретарей. И контршпионаж отнюдь не был их основной функцией. Военно-морская разведка в Пёрл-Харборе тем временем имела в штате не более ста офицеров, переводчиков и технических помощников. В тех обстоятельствах глава ФБР мистер Эдгар Гувер в 1940 году отказался «взять на себя главную ответственность за расследования дел о шпионаже, диверсиях и подрывной деятельности на Гавайях».

На совещании руководителей департаментов военной разведки и разведки военно-морского флота было решено, что ответственность за это по-прежнему останется на разведке военно-морского флота, пока ФБР не будет в состоянии взять ее на себя. В декабре этого же года, ровно за двенадцать месяцев до нападения на Пёрл-Харбор, Гувер писал руководителю отделения ФБР на Гавайях: «Было бы неразумно с вашей стороны в настоящее время взять на себя ответственность за наблюдение за всей японской шпионской деятельностью на Гавайях».

Главная ответственность за провал в обнаружении шпионской сети Куэнов, похоже, лежит на разведке тихоокеанского флота США и ее отделении на самой базе Пёрл-Харбор. Да и какой офицер разведки в Пёрл-Харборе осенью 1941 года был бы готов засомневаться в благонадежности очаровательной невесты одного из офицеров базы?

Японские власти в основном признают, что адмиралу Ямамото, главнокомандующему японского флота, первому пришла мысль об ударе с воздуха по американскому флоту в Пёрл-Харборе. В начале 1941 года, когда японские стратеги принялись обдумывать свой поход в Юго-Восточную Азию, главнокомандующий флота понял, что сначала должна быть нейтрализована американская военно-морская мощь. Однако этот план столкнулся с сильным противодействием со стороны японских военно-морских экспертов, которые считали, что нападение на Пёрл-Харбор стало бы игрой, ставки в которой были бы слишком высоки.

Конфликт был по-прежнему далек от разрешения, когда в октябре 1941 года Ямамото пригрозил подать в отставку, если его план не будет принят. 5 ноября штаб японского военно-мор-

ского флота пошел на попятную, а еще через два дня японский кабинет принимает решение, что если ведущиеся ныне дипломатические переговоры с Соединенными Штатами не приведут до конца месяца к взаимоприемлемому решению, Японии следует начать войну. 7 ноября Ямамото издал приказ по флоту, в котором 7 декабря (8 часов по токийскому времени) устанавливалась как предварительная дата нападения на Пёрл-Харбор.

До первых чисел ноября деятельность сети Куэнов была сосредоточена в основном на сборе, в сущности, рутинной информации об американском флоте. Тогда Кита послал Рут сообщение, что Токио должно знать о маршрутах движения каждого корабля, о времени его прибытия и отплытия и о датах будущих прибытий и отплывов. Что-де от этой информации будет зависеть японская стратегия.

22 ноября оперативные соединения Пёрл-Харбора, состоящие из 31 корабля, собрались на тайную встречу среди туманов островов Куриле, далеко к северу от Гавайев. 26 ноября оперативная группировка направилась на юг. А 1 декабря японский кабинет в присутствии императора принимает решение о вступлении в войну. Шифрованное сообщение от Ямамото устанавливало для оперативной группировки дату нанесения удара — 1 декабря.

Предупреждение о скорой войне было отправлено и Китае в Гонолулу. А на следующий день посол Окуда и офицер разведки флота тайно встретились в здании консульства с Рут и ее отцом и выработали систему световых сигналов для японской подводной лодки, которая в тот момент уже подходила к Гавайским островам.

На другой день, 3 декабря, генеральный консул Кита отправил сообщение, зашифровав его своим личным кодом, начальнику разведки японского военно-морского флота, в котором объяснил, как именно следует поддерживать связь с Рут Куэн.

Коды, которые следует использовать:

1 — означает ударное соединение, включая и разведывательные силы, выходящие в море;

2 — несколько авианосцев, готовых к выходу в море;

3 — все боевые силы ушли из гавани, с 1 по 3 дату включительно;

4 — несколько авианосцев ушли в море (с 1-го по 3-е);

5 — все авианосцы ушли в море (с 1-го по 3-е);

6 — все ударные силы ушли в море, с 4-го по 6-е включительно;

7 — все авианосцы ушли в море (с 4-го по 6-е).

Сигналы, которые следует использовать:

1. Свет в доме на Ланикаи-бич ночью:
Один свет с 8–9 вечера — означает № 1, описанный выше.
Один свет с 9–10 вечера — означает № 2, описанный выше.
В последующие два часа — означает № 3 и 4, описанные выше.
Два света в той же последовательности, что выше, означает
№ 5, 6, 7, 8.

Альтернативно, когда вышеперечисленный свет не используется:

1. Одна постоянно горящая автомобильная фара и одна мигающая — означает № 1, 2, 3, 4.

Две постоянно горящие автомобильные фары — означают
№ 5, 6, 7, 8.

2. Одна вещь из льняной ткани, висящая на побережье Ланикаи в дневное время с 8 утра до полудня, — означает № 1, 2, 3, 4. Две вещи — № 5, 6, 7, 8.

3. Лодка в дневное время в те же часы в заливе Ланикаи с одной звездой на парусе — означает № 1, 2, 3, 4; на парусе одна звезда и три в те же часы — означает № 5, 6, 7, 8.

4. Свет в чердачном окне в доме в селении Калам от 7 вечера до 11 дня каждый час — означает № 3, 4, 5, 6, 7, 8.

В ту же ночь Рут и ее отчим начали подавать сигналы японской подводной лодки из чердачного окна в домике на побережье. На протяжении следующих суток они поминутно сигналили о всех военных кораблях, входивших в бухту Пёрл-Харбор.

Радиосигналы с японской подводной лодки, уходящие в эфир почти у самого входа в бухту, должны были услышать в Пёрл-Харборе. Однако никаких действий со стороны американцев не последовало. Даже вечером 5 декабря генеральный консул Кита по-прежнему поддерживал коротковолновую связь с Токио. В тот вечер он передал самую последнюю информацию, полученную от Рут Куэн.

В своих сообщениях он утверждал:

1. Три военных корабля, упомянутые в вашем X239, вошли в порт. Ожидается, что они выйдут в море 8-го.

2. «Лексингтон» (авианосец) и пять тяжелых крейсеров ушли из гавани.

3. Следующие корабли стояли на якоре вечером: 8 боевых кораблей, 3 крейсера, 16 миноносцев.

Сообщения Киты, в которых говорилось об отплытии «Лексингтона» И ПРИСУТСТВИИ БОЕВЫХ КОРАБЛЕЙ В ГАВАНИ, среди которых не осталось ни одного авианосца, вызвали озабоченность на борту флагмана японской ударной группировки, поскольку именно американские авианосцы были главными целями для японских бомбардировщиков. Некоторые офицеры на борту флагмана задумались, стоит ли начинать операцию,

однако вице-адмирал Нагумо решил, что следует атаковать, как и было запланировано.

Штаб военно-морского флота в Токио также был обеспокоен. За двенадцать часов до часа «Х» генеральный консул Кита получил личное послание от министра иностранных дел Японии Того, в котором тот требовал точных данных «о слухах относительно передвижений американских кораблей после 4-го». В Токио были уверены, что четыре авианосца Соединенных Штатов «Хорнет», «Йорктаун», «Лексингтон» и «Энтерпрайз» по-прежнему находятся в Пёрл-Харборе. Да, все четыре авианосца действительно были в Пёрл-Харборе за несколько недель до декабря, однако лишь «Лексингтон» и «Энтерпрайз» действительно базировались на Гавайях, а два остальных на момент японского нападения прошли через Панамский канал и находились теперь в Атлантике.

На рассвете 7 декабря силы адмирала Нагумо оказались на расстоянии двухсот миль к северу от Пёрл-Харбора. В 6 часов утра 350-тонные бомбардировщики взлетели с японских авианосцев. Утверждают, что Рут Куэн вела атакующие бомбардировщики с помощью световых сигналов, подаваемых ею из чердачного окна домика на побережье. Однако это представляется в высшей степени маловероятным, поскольку налет на гавань состоялся в дневное время и в японских специальных отчетах об этой акции ничего не говорилось о подобной помощи. Во главе атакующих находились лучшие пилоты и штурманы японского ВМФ, и потому не было никакой нужды в каких-то случайных сигналах, подаваемых из окна прибрежного домика.

Через сто минут после вылета с авианосцев бомбардировщики пересекли северную береговую линию острова Оаху. Пилот головного бомбардировщика увидел перед собой восемь кораблей, как и сообщала Рут Куэн. А уже через несколько минут три из них оказались разбиты или потоплены, один опрокинут, а пять получили смертельные повреждения. Другие корабли также были потоплены. За несколько минут большая часть кораблей тихоокеанского флота США была разбита.

Черные клубы горячей нефти с погибших кораблей окутали Пёрл-Харбор. Однако это был не единственный костер, горевший в то утро на Гавайях. В тот момент, когда началась атака, генеральный консул Кита и его заместитель Окуда принялись сжигать шифровальные книги и секретные сообщения. Документы еще догорали, когда старший агент ФБР на острове Роберт Шиверс обратился к полиции Гонолулу с просьбой окружить здание консульства. И именно Шиверсу удалось найти директора ФБР Гувера на футбольном матче в Нью-Йорке и рассказать ему по транстихоокеанской телефонной линии о нападении японцев.

Когда полиция Гонолулу ворвалась в сад японского консульства, она увидела лишь пепел от сожженных бумаг. Старший инспектор ринулся в огонь и выхватил шифровальные книги и пачку сообщений, многие из которых были здесь процитированы.

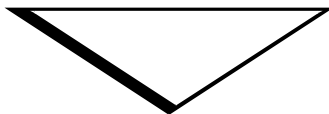
Спасенные из огня бумаги прямоком вывели на Куэнов, и когда агенты ФБР явились к ним в дом, семья уже была готова к отъезду. Кита договорился, что подводная лодка, находившаяся с ними на связи, возьмет на борт персонал консульства и главных шпионов, которые подплывут к субмарине на парусной лодке Рут.

В ходе допросов доктор Куэн отчаянно пытался защитить женскую половину своей семьи. Он утверждал, что шпионом был только он, а Рут и его жена — ни о чем не подозревающими помощниками. Рут, однако, не приняла помощи отчима. Она призналась, что сама была шпионкой, а ее отчим лишь выполнял то, что она ему говорила. Ее мать благоразумно подтвердила слова дочери.

В феврале 1942 года доктор Куэн предстал перед американским военным трибуналом и был приговорен к смертной казни «через расстрел» за шпионаж против Соединенных Штатов. Рут, сидя в камере, сохраняла стоическое спокойствие и казалась равнодушной к происходящим событиям.

Вскоре доктор Куэн заговорил. Есть основания верить, что он неплохо был осведомлен о японских шпионских сетях, разбросанных по всему тихоокеанскому региону. Учитывая чисто-сердечное раскаяние обвиняемого, судьи заменили смертный приговор на пятидесятилетние каторжные работы. Рут и его жена были просто интернированы.

После окончания войны обе женщины были освобождены и депортированы, насколько это известно, в Германию. Приговор доктору Куэну также пересмотрели и каторгу заменили депортацией. Однако «герр профессор» не желал возвращаться в Германию. В течение первых двух лет после освобождения из тюрьмы Ливенворт он оставался интернированным на острове Эллис в нью-йоркской гавани, пока, наконец, в декабре 1948 года добровольно не уехал в Аргентину президента Хуана Перона.

«КРАСНАЯ КАПЕЛЛА»

Во второй половине 1937 года в Западной Европе практически не существовало каких-либо советских секретных служб. За время великих чисток 1936 года и в последующие месяцы Сталин нанес смертельный удар по сетям тайной агентуры, с таким трудом созданных во Франции, Германии и других западноевропейских странах силами ГРУ, ГБ и Коминтерна. Все тайные агенты, большая часть из которых были ветеранами коммунистического движения, были отозваны в Москву. В массе своей они были расстреляны как предатели, и лишь несколько счастливчиков были сосланы в арктические пустыни северной Сибири, где и дожидались лучших дней. Более хитрые отказались покинуть безопасные Париж, Цюрих или даже контролируемый гестапо Берлин. Некоторые были убиты киллерами ГБ, другие просто исчезли.

В ходе великой чистки ГРУ безвинно страдало от рук своих соперников из тайной полиции ГБ. Суд над маршалом Тухачевским и его казнь в начале лета 1937 года неизбежно затронули военную секретную службу и ее шефа – ветеран революции Ян Берзин и все старшие офицеры разведки были ликвидированы.

Однако угроза со стороны нацистской Германии никуда не исчезла, и даже появились признаки ее усиления. И тогда Сталин приказал горстке опытных людей, оставшихся в штаб-квартире ГРУ, как можно быстрее воссоздать шпионскую сеть в Западной Европе. Среди этих людей оказался старый коммунист, имевший большой опыт работы в качестве советского шпиона за рубежом, польский еврей по имени Леопольд Треппер, показавший себя верным сталинистом. ГБ, которую прибрал к рукам земляк Сталина Лаврентий Берия, считал Треппера надежным человеком. Вот почему Трепперу было поручено важное задание: отправиться в Париж и разработать план восстановления всей нелегальной структуры ГРУ в Западной Европе.

Треппер, известный западным контрразведывательным службам под дюжиной псевдонимов, из которых, пожалуй, самым точным был «Большой шеф», блестяще выполнил поручение. Как резидент ГРУ в Западной Европе, он был и главным советским шпионом в Западной Европе большую часть Второй мировой войны.

Находясь на вершине своей карьеры, он контролировал по крайней мере семь основных советских сетей в четырех странах. Наряду с Рихардом Зорге и Рудольфом Росслером — другими знаменитыми советским шпионами, с которыми он поддерживал связь, Треппер — один из горстки тех агентов, которым Советский Союз обязан своим сегодняшним существованием. Сын польского торговца-еврея, он стал коммунистом, еще учась в школе, и впоследствии не сумел получить степень в древнем краковском университете. Сначала он работал кузнецом, затем на сталелитейном заводе в Катовице, однако был арестован политической полицией за коммунистическую агитацию на промышленных предприятиях Силезского бассейна. Он был приговорен к восьми месяцам тюремного заключения, отбыв которое решает эмигрировать в страну, называвшуюся тогда подмандатной территорией — Палестину.

К этому времени он уже был связан с Коминтерном. Вскоре на него обратила внимание британская полиция в Палестине, и Треппер был депортирован. Теперь это был опытный агент Коминтерна, и выполняя указание Москвы, он вернулся обратно в Европу, где наладил связь с организациями Коминтерна в Париже.

В 1932 году французский поход против советских агентов привел к аресту многих шпионов. Фамилия Треппера находилась в списках французской контрразведки, однако ему удалось убежать, прихватив жену, и в конце концов он оказался в России.

Его деятельность в Польше, Палестине и Франции заставила коминтерновских руководителей осознать, что Треппер — шпион, обладающий огромными возможностями. И вскоре, подобно Зорге, он был переведен в ГРУ.

Сначала его послали в университет, а затем в школу ГРУ для иностранных шпионов. Его обучили всему, что требовалось знать тайному агенту: радиodelу, микрофотографии, шифрам и элементам диверсионного дела. Он также прошел курс интенсивного обучения западноевропейским языкам — немецкому, французскому и английскому, — начальные сведения по которому он приобрел еще в Палестине.

За короткое время Треппер превратился в первоклассного офицера ГРУ. Он был не только умным и интеллигентным человеком, но и обладал страстью к приключениям и желанием рис-

ковать в игре, что иногда становится величайшим плюсом для шпиона. Но был он также холодным и циничным. Он получил задание сделать исчерпывающий анализ ситуации в Западной Европе, а где-то в конце 1939 года он принял участие в совещании в штаб-квартире ГРУ в Москве, на котором в присутствии самых высокопоставленных советских руководителей была разработана стратегия борьбы против нацистской Германии, которая по-прежнему оставалась, и вполне обоснованно, целью номер один для русских шпионов.

К этому времени гестапо уже успело ликвидировать большую часть агентов находящейся в подполье Германской коммунистической партии, и потому на совещании в ГРУ было решено, что операциями против нацистов следует руководить находясь в одной из стран, расположенных по периметру границ Третьего рейха. Резидент в южно-европейских странах, Дании и Швейцарии должен был отвечать за шпионаж. Треппер, с учетом его предыдущего опыта, был назначен резидентом в Брюсселе, с резервной штаб-квартирой, расположенной в Париже. Ему также велено было поддерживать тесную связь с двумя другими резидентами советской разведки в Дании и Женеве.

Треппер прибыл в Брюссель в начале марта 1939 года и вскоре уже поселился в просторной, комфортабельной вилле на рю де Аттребейтс, 101, принадлежавшей пожилой фламандке, которая никогда не задумывалась над тем, кем был ее жилец. В июле к нему присоединился офицер Красной армии Виктор Сукулов, который должен был стать его первым заместителем, или, как называли его агенты сети, «Маленьким шефом».

Будучи на несколько лет моложе Треппера, Сукулов был стройным и хрупким. Временами он выглядел сильно утомленным. Казалось, ему бесконечно надоело то, чем он занимался. Но как только что-то вызывало его интерес, его темные глаза начинали сиять и весь он, казалось, расцветал. Еще будучи студентом, он прочитал шпионский триллер под названием «Дневник шпиона», герой которого был вымышленный агент британской секретной службы по имени Эдвард Кент. Сукулов не забыл этой книги и впоследствии в качестве псевдонима выбрал себе имя «Кент». Имя это стало кошмаром для сотрудников немецкого абвера.

Сукулов прибыл в Брюссель, имея на руках поддельный уругвайский паспорт на имя Винсенте Антонио Сьерра. Под этим именем он в течение нескольких лет был очень хорошо известен в германских деловых кругах в оккупированных Париже и Брюсселе. Проведя в Париже несколько недель, Сукулов тут же обзавелся любовницей — молодой, красивой чешкой, вдовой венгерского миллионера. Вдова эта была владелицей роскошной виллы.

Они были страстно привязаны друг к другу: вдова со своим шестилетним сыном на протяжении нескольких лет сопровождала Сукулова во всех его поездках, что вызывало постоянную тревогу Треппера.

В 1939 году, через несколько месяцев после начала войны, Треппер и Сукулов встретились с тремя офицерами ГРУ: майором Константином Ефремовым, инженером, специалистом по военным и техническим вопросам; шифровальщиком русских военно-воздушных сил лейтенантом Михаилом Макаровым — племянником премьер-министра Молотова, и лейтенантом Антоном Даниловым, чья задача состояла в том, чтобы быть связным с агентурными сетями, действовавшими в Бельгии и Голландии.

Были в Брюсселе и две женщины из ГРУ. Одна — несчастная, слабовольная и одновременно восторженная немецкая коммунистка, а другая — польская еврейка, работавшая шифровальщицей и отвечавшая также и за неизбежные в шпионском деле вещи — фальшивые паспорта, печати и т. д., которые она держала в потайном шкафчике за кроватью.

Москва приказала Трепперу расширить свою сеть, включив в нее уже существующие агентурные сети Коминтерна в южно-европейских странах и Франции. Это объединение принесло Трепперу двух новых важных помощников: старого германского коммуниста, давно разыскиваемого гестапо Иоганна Венцеля, который в составе небольшой сети Коминтерна действовал в Брюсселе с 1937 года, и еще более важного — члена Коминтерна во Франции, немецкого еврея Лео Гроссфогеля, бывшего закадычным другом Треппера в течение многих лет. Они вместе уезжали в Палестину в 1929–1930 годах и вместе вернулись во Францию.

Треппер и Гроссфогель организовали несколько фирм, которые служили «крышей» для их сети и которые агенты сети могли использовать в своих собственных целях. Так, с капиталом в 10 000 долларов они основали фирму «Превосходные заграничные плащи» с филиалами в Брюсселе и Остенде. Директорами этих фирм были респектабельные бельгийские буржуа, однако штаб-квартира фирмы в Остенде, например, обеспечивала прикрытие для радиопередатчика, на котором работал «музыкант» из Остенда.

К весне 1940 года Треппер уже контролировал целую цепь, состоящую из нескольких шпионских сетей и протянувшуюся от Рейна до Пиренеев и от Северного моря до Средиземного. В мае и июне, после успешного блицкрига вермахта в Голландии, Бельгии и Северной Франции и захвата немцами Парижа, шпионы Треппера были готовы действовать по первому сигналу.

Однако Советский Союз пока не вступил в войну. И хотя советские дипломаты вынуждены были в конце концов покинуть Париж и страны Бенилюкса, в Виши по-прежнему оставалось советское посольство с шифровальным отделом и мощным радиопередатчиком.

«Большой шеф» получил категорический приказ сохранять спокойствие и целостность своей сети. Главной целью его деятельности становились вопросы подготовки к советско-нацистской войне. Не следовало предпринимать ничего, что могло бы поставить под удар тот инструмент, который Треппер создавал на случай советско-нацистского конфликта.

Сам Треппер, с его любовью к дерзости и отваге, что представляло собой одно из самых привлекательных его качеств, не мог устоять перед соблазном лично заняться шпионажем. В его коминтерновской сети, действовавшей в Париже и во Франции, было много русских эмигрантов из числа белогвардейцев, которым нацисты безмятежно верили, считая их антисоветчиками. С помощью некоторых из этих агентов из числа белогвардейцев Треппер как-то организовал прием, который летом 1940 года был дан в Париже в ознаменование германской победы над Францией. Все новоиспеченные германские фельдмаршалы, «профранцузски» настроенные дипломаты из риббентроповского министерства иностранных дел, а также весь остальной нацистский сброд, заполонивший Париж, были на этом приеме.

Треппер бегло говорил по-немецки. В течение нескольких часов он находился среди гостей, переходя от одной группы к другой и демонстрируя все свое обаяние. Он болтал с немецкими генералами, перемежая обмен слухами с осторожными, но точными вопросами. Генералы были рады встретить человека, который явно мог по достоинству оценить их победу, и говорили предельно откровенно. Через два дня Треппер отправил в советское посольство в Виши восьмистраничный отчет, посвященный вопросам германской тактики на ближайшее время.

В самом Третьем рейхе, несмотря на показную дружбу, якобы последовавшую после заключения в августе 1939 года пакта Молотова-Риббентропа, Советы отчаянно пытались создать шпионские группы, стараясь успеть до того черного дня, когда Гитлер нападет на Советский Союз. И здесь главную роль играли люди из ГБ.

После поражения люфтваффе в битве за Англию осенью 1940 года, мысли Гитлера обратились к России. Нацистско-советские трения стали усиливаться. И какие бы иллюзии по-прежнему ни питал Сталин в отношении сроков советско-германской войны, глава ГБ Берия не сомневался, что она на пороге. Он послал в Берлин двух своих самых близких и доверенных лиц —

Владимира Деканозова, назначенного ради такого случая советским послом в Берлине, и Богдана Кобулова, ставшего в одночасье заместителем Деканозова на дипломатическом поприще. Их основная работа заключалась в организации шпионских сетей, в то время как более привычные функции дипломатии были оставлены на попечение молодого блестящего советского дипломата Владимира Семенова, который в 1962 году в качестве заместителя министра иностранных дел сопровождал мистера Громыко в Женеvu на конференцию по разоружению, поскольку был ведущим российским специалистом по Германии.

Под давлением обстоятельств старые соперники — ГРУ и ГБ — объединили свои ресурсы за рубежом, и сотрудничество это продолжалось всю войну. Поэтому Деканозов и Кобулов из ГБ согласились сотрудничать с шефом берлинской сети ГРУ, известном тогда под именем «Александр Эрдберг».

За несколько месяцев до этого замечательного события Трепперу и его другу Гроссфогелю удалось успешно внедриться в представительства германского оккупационного режима в Париже и других странах Европы, и уже в начале лета 1941 года они посылали в Москву информацию о германских приготовлениях к военным действиям на Востоке.

Треппер узнал, что директорат обширного германского строительства тяжелых сооружений, Организация Тодта, отвечал за строительство железнодорожных линий, автомобильных дорог и аэродромов не только в оккупированных западных странах, но также и в Польше, особенно вдоль нацистско-советской границы. Поэтому в начале 1941 года он с помощью советских денег основал в Брюсселе строительно-снабженческую организацию, назвав ее «Симекоко». Как и в случае с «плащевой» компанией, во главе новой фирмы «Симекоко» номинально стояли бельгийские директора. Опытные бизнесмены, они не склонны были терзаться мыслями о происхождении капиталов компании, довольствуясь весьма приличным жалованием, которое выплачивала им эта фирма.

Цены в «Симекоко» были весьма привлекательными на фоне цен других компаний подобного профиля, и потому нет ничего удивительного в том, что Организация Тодта заглотила приманку, и вскоре «Симекоко» уже поставляла огромные количества материалов для строительных работ, ведущихся вдоль советской границы. Через несколько недель Треппер решил расширить свою деловую активность.

Была создана дочерняя компания по снабжению строительными материалами, названная «Симекс». Шикарный офис компании располагался совсем неподалеку от Елисейских полей. Директорами были поставлены два агента из группы Гроссфогеля.

Менеджером фирмы был «месье Жан Гильберт», иначе Леопольд Треппер. Организация Тодта основала несколько французских строительных компаний, которые действовали весьма не-согласованно. Треппер обнаружил, что нет ничего сложного в том, чтобы начать делать бизнес с немцами, попутно собирая информацию об их действиях на советской границе. Его положение в отношениях с германскими властями в оккупированных немцами странах было прочным и устойчивым. У него был документ, дававший ему полную свободу передвижений. Он мог свободно передвигаться между Бельгией и Голландией, равно как и по территории, контролируемой правительством Виши на юге Франции.

На его фирме работал обычный французский персонал, никоим образом не связанный с ГРУ. Однако за огромной комнатой менеджеров находились небольшие апартаменты, куда имели доступ лишь сам Треппер и его секретарь – месье «Рене Дюбо», который на самом деле был агентом ГРУ Гиллелем Катцем.

В этой комнате был спрятан в тайнике секретный радиопередатчик Треппера и шифровальные книги. Там также хранился и список всех агентов вместе с их псевдонимами и адресами. На столе стояло одно из самых блестящих изобретений техников ГРУ в Москве – радиопередатчик, объединенный с часами. В определенные промежутки времени он посылал сигнал, и заводить его полагалось каждые сутки. Если сигнал в определенное время не поступал, все сети Треппера, действовавшие в значительном радиусе, знали, что с «Большим шефом» что-то случилось.

Треппер не мог заниматься бизнесом одновременно в Париже и Брюсселе. Своим немецким знакомым он объяснил, что ему необходим заместитель. И он назначил своего друга «сеньора Винсенте Сьерра», иначе Сукулова, присматривать за брюссельским отделением концерна «Симекоко-Симекс», пока он, Треппер, находится в Париже.

Действуя из брюссельского офиса компании, Сукулов сумел получить разрешение на посещение главных офисов «Организации Тодта» в Берлине, ибо Треппер должен был взять на себя руководство русской сетью в Берлине в тот момент, когда офицеры из советского посольства были вынуждены уехать.

К весне 1941 года у Треппера в Париже и Сукулова в Брюсселе уже не оставалось сомнений в том, что война, к которой они так долго готовились, на пороге. В начале июня Треппер объявил мобилизацию во всех семи сетях, контролируемых им. Было велено подготовить к работе секретные передатчики в Бельгии и Голландии, а всем шпионским сетям отдали приказ быть готовыми к передаче разведывательной информации. Треп-

пер установил два резервных передатчика в Париже, причем один — в густонаселенном пригороде, а другой — недалеко от столицы. Он также предупредил агентов швейцарской сети, с которой поддерживал связь, о необходимости быть в боевой готовности.

21 июня 1941 года, когда по предсказанию Треппера должно было начаться германское нападение на Россию, система шпионских сетей — крупнейшая из когда-либо управляемых одним советским резидентом, была готова к действиям. На рассвете следующего дня вермахт перешел советские границы, уничтожая на своем пути застигнутые врасплох передовые соединения Красной армии и авиации. Наступил звездный час «Большого шефа».

Через три дня, когда над небольшой деревушкой Кранц в Восточной Пруссии только светало, сонный радист абверовской пеленгаторной установки услышал сигналы, принадлежность которых он не сумел определить. Ему были знакомы сигналы всех шпионских радиопередатчиков по всей Европе, однако этот передатчик, несколько раз повторивший позывные «РТХ», он слышал впервые. Радист продолжал слушать. Вскоре таинственный передатчик начал передавать длинное сообщение, состоявшее из пятизначных групп чисел. Работал высокопрофессиональный радист на современном оборудовании. Сообщения были зашифрованы. Весь этот день и следующий спецы из абвера следили за «РТХ», однако так ничего и не смогли понять, кроме того, что передающая станция находится где-то к юго-западу от германо-советской границы.

Но вскоре абверовские специалисты сделали важное открытие: кто-то отвечал «РТХ». Местонахождение отвечающей станции не вызывало сомнений: где-то рядом с Москвой. Через несколько дней в эфире заработал другой радиопередатчик, передающий такие же пятизначные группы сигналов. И ему также ответила станция, расположенная под Москвой. Всем абверовским радиопостам в Южной Германии было приказано держать пеленг. В результате было установлено следующее: 1. Одна станция с позывными «РТХ» находится в Брюсселе. 2. Другая — в Париже.

В последующие две недели в эфир один за другим выходили другие передатчики, использующие те же самые пятизначные группы чисел. И всем им отвечала Москва. В абвере все эти станции окрестили «Die Rote Kapelle», что в переводе означает «Красная капелла».

В начале июля еще один передатчик присоединился к этому оркестру в эфире. Его передачи были неровными, прерывающимися. Создавалось впечатление, что работал любитель. И этот пе-

редатчик использовал совсем другой код. Ему также ответила та же станция в Москве, и когда специалисты абвера запеленговали станцию, оказалось, что передатчик этот находится В САМОМ ЦЕНТРЕ БЕРЛИНА.

Сети «Большого шефа», включая и берлинскую, докладывали ныне «Центру», располагавшемуся в ГРУ, в Москве.

Известие об обнаруженной советской шпионской сети быстро достигло ушей главы абвера адмирала Вильгельма Канариса. Его соперник Гейдрих, возглавлявший службу безопасности Третьего рейха, также узнал об этом. А через несколько дней о «Красной капелле» знал уже и сам Гитлер. Фюрер был разгневан, особенно тем фактом, что шпионы действуют в самом Берлине. Абверу и СД в оккупированных странах Западной Европы, так же, как и гестапо в Германии, было приказано любой ценой выйти на след «Красной капеллы».

За несколько первых месяцев советско-нацистской войны «Красная капелла» передала в Москву несколько сотен сообщений. Почти все они были подписаны псевдонимами Треппера или Сукулова — «Гильберт» и «Кент». Многие из этих сообщений, которые спустя много месяцев были, наконец, расшифрованы немцами, содержали совершенно секретную информацию, которая включала в себя следующее:

1. Стратегические планы германского верховного командования (ОКВ), включая цели и задачи наступлений трех главных армейских группировок вермахта — группы «Север» фон Либа, группы «Центр» фон Бока и группы «Юг» фон Рундштедта.

2. Оперативные планы люфтваффе, включая цели для бомбардировки.

3. Расположение топливных хранилищ на территории Третьего рейха и оккупированной Европы.

4. Местонахождение Гитлера и точное расположение его различных полевых штаб-квартир.

5. Сообщения о растущих трениях между Гитлером и армейской верхушкой.

Кроме того, шпионские сети снабжали Москву обширной информацией об обстановке во всех оккупированных странах Западной Европы, о Швейцарии и ее мобилизационных планах, и даже о Ватикане. (Этой информацией снабжала Треппера одна из эмигрантских групп, поддерживавшая тесные связи с кардиналом — архиепископом Парижа.)

Вся система в целом работала как некое огромное международное агентство новостей. Московский руководитель мог послать Трепперу срочное сообщения, требуя: «Выясните, находится ли генерал Гудериан на Восточном фронте. Ушла ли 7-я танковая дивизия из Франции и где она?» Организация Треппе-

ра могла дать ответы практически на все вопросы и столь же быстро, как это мог сделать журналист-международник в довоенное время.

Ночь за ночью и день за днем пеленгационные станции абвера ловили зашифрованные пятизначные сигналы, однако самые опытные немецкие шифровальщики не могли разгадать советский шифр.

В первые несколько недель советско-германской войны меньше всего информации поступало из Берлина. Это объяснялось тем, что в момент нападения Гитлера на Советский Союз подготовительные мероприятия «Эрдберга» и Кобулова были далеки от завершения. Не было в Берлине и профессионала из ГРУ, способного возглавить сеть, как не было и опытного радиста для работы с передатчиком.

В Берлине было несколько русских шпионов-любителей, работавших под руководством двух высокопоставленных служащих нацистских министерств — Арвида Харнака и Харро Шульце-Бойзена. Харнак происходил из известной германской семьи. Будучи в ранней молодости настроенным ультранационалистически, он к тридцати годам стал марксистом. В 1927 году, получив стипендию Ротшильда, он отправляется в Соединенные Штаты, где встречает свою будущую жену Милдред Фиш, студентку литературного отделения, исповедовавшую весьма левые взгляды. Поворотным моментом в его жизни стало начало тридцатых годов, когда он совершил познавательный тур в Советский Союз. Он встречался с друзьями Зорге Куусиненом и Пятницким и после беседы с ними согласился стать агентом Коминтерна в Германии. Харнак был высокопоставленный германский чиновник, принадлежавший к высшему классу, и как убежденный коммунист он отверг все предложения о плате. Когда в 1933 году нацисты пришли к власти, Харнак сумел превратить свою работу на Коминтерн в священный патриотический долг в великой борьбе за антинацистское, левое будущее Германии.

В этот момент он получил пост в министерстве экономики Третьего рейха, где стал отвечать за американские и русские дела. Он стремительно поднимался по служебной лестнице и вскоре стал одной из самых заметных фигур в министерстве. Когда после подписания в августе 1939 года пакта Молотова-Риббентропа наступил период советско-германского экономического сотрудничества, Харнака послали в Россию в качестве одного из руководителей германской торговой делегации. В Москве он возобновил свои личные дружеские отношения с лидерами Коминтерна, и когда в конце 1940 года ГРУ и ГБ начали готовиться к войне, Харнак почти автоматически становится одним из ключевых советских агентов в Германии.

Другой руководитель берлинской группы, офицер люфтваффе Харро Шульце-Бойзен был полной противоположностью Харнаку. Происходивший из консервативной монархической семьи, самым ярким представителем которой был адмирал фон Тирпиц, Шульце-Бойзен уже в семнадцатилетнем возрасте был убежденным традиционалистом. «Шубо», как звали его друзья, в своих взглядах упорно шел влево, пока тревожные дни уличных боев, случившихся накануне взятия власти нацистами, не вынудили Харро отказаться от любых крайних воззрений — как левых, так и правых. Он стал писать статьи для прогрессивного еженедельника, и за одну из этих статей гестапо его арестовало и крепко избило. И когда Харро вышел из тюрьмы, он был ярым антинацистом.

С помощью могущественных друзей семьи он без труда стал офицером-курсантом в люфтваффе, а вскоре его направляют в колледж военно-воздушных сил, где он приобретает квалификацию офицера разведки. В это время он встречается очаровательную, жизнерадостную и романтически настроенную Либертас Гааз-Хейе, внучатую племянницу принца Филиппа зу Зуленберга. Среди близких друзей семьи девушки значился и маршал Геринг. В 1936 году молодые люди поженились, и с помощью родственников жены будущее молодого офицера в геринговской люфтваффе было обеспечено.

Где-то в это же время «Шубо» выходит на связь с подпольной коммунистической группой, состоявшей из представителей высшего общества Германии и не связанной со старой Германской коммунистической партией (КППГ). Был ли «Шубо» когда-либо убежденным коммунистом — вопрос открытый, однако он был одним из настроенных резко антинацистски либеральных радикалов тридцатых годов, из рядов которых вышло множество людей, завербованных советскими шпионскими службами. В 1937 году Харро уже снабжал информацией человека из ГРУ, с которым встречался в Берлине, а в годы испанской гражданской войны он стал основным источником информации о пресловутом нацистском «легионе Кондор». Когда в 1939 году Германия вступила в войну, «Шубо» глубоко окунулся в подпольную деятельность, поскольку лишь в Советском Союзе видел единственную возможность спасения от нацизма.

На «Александра Эрдберга» произвела большое впечатление неординарная личность «Шубо», в котором он сумел разглядеть будущего лидера подпольной группы. Именно «Эрдберг» предоставил «Шубо» возможность выхода в эфир и выделил запасной выход на радиопередатчик весной 1941 года, пока сам он обучал Харнака шифровальному делу.

И если с передатчиком «Шубо» обращался как любитель, то в собственно разведке он таковым не был. Шульце-Бойзен, занимавший пост офицера контрразведки в министерстве авиации, имел доступ к совершенно секретной информации, касавшейся не только своего ведомства, но и всей немецкой армии.

В трех сообщениях, которые Харро пробно настучал в первые недели июля, содержалась важная информация о целях и задачах, стоявших перед тремя ударными группировками немецкого вермахта в России, а также называлась общее количество самолетов люфтваффе, как находившихся в резерве, так и воюющих на передовой — 21 500 штук.

В конце июля «Александр Эрдберг» побывал в Москве. Он предупредил руководство ГРУ, что зарождающаяся в Берлине шпионская сеть, от связи с которой он был вынужден отказаться, нуждается в опытном руководстве. Московские радисты также докладывали, что радиопередатчик «Хоро» — псевдоним Шульце-Бойзена, нуждается в починке. В августе руководитель ГРУ отправил сообщение Трепперу, как резиденту в Западной Европе, в которой приказал отправить Сукулова в Берлин сразу, как только будет достигнута договоренность.

«Маленький шеф» получил следующие инструкции:

1. Связаться со вспомогательными агентами, пользуясь именем «Александра Эрдберга», которое им известно.

2. Через них выйти на контакт с Харнаком и Шульце-Бойзенном.

3. Выяснить, что случилось с остальными членами группы.

4. Отправить через курьера подробный отчет в советское посольство в Стокгольме, используя для этого регулярное авиасообщение по линии Берлин—Стокгольм.

5. Подготовиться к приему советских агентов-парашютистов в Германии.

6. Починить радиооборудование «Хоро» и организовать удовлетворительную радиосвязь со станцией ГРУ в Москве.

Сукулову, игравшему роль уругвайского бизнесмена, потребовалось время, чтобы получить необходимые разрешения, и потому только в октябре «Маленький шеф» добрался, наконец, до германской столицы. Через второстепенных агентов он договорился о встрече и с Харнаком, и с Шульце-Бойзенном в парке Тиргартен, после чего Сукулова представили женам высокопоставленных агентов — Милдред и Либертас. «Маленький шеф» починил радиопередатчик, а также договорился, что когда кто-либо из агентов будет посещать своих родственников в Аахене, близ германо-бельгийской столицы, пусть они берут с собой секретные документы, которые у них будет забирать один

из агентов Треппера. Таким образом, берлинская группа получила возможность поддерживать связь с Брюсселем, отправляя Трепперу добытую ею информацию.

Неудача, постигшая германскую контрразведку в пресечении деятельности «Красной капеллы», заставила Гитлера потребовать от служб безопасности самых решительных действий. Гейдрих получил приказ координировать операции своей службы СД и гестапо с Канарисом и его абвером.

Тщательная слежка и внимательнейшее изучение зашифрованных сообщений убедили германскую разведку в том, что брюссельские радиопередатчики были главным инструментом «Красной капеллы». В брюссельской столице начались тщательные поиски — агенты ходили по всем магазинам, кафе и паркам, прислушиваясь к разговорам, надеясь услышать хоть малейший намек на существование подпольной организации. В Брюссель свезли пеленгаторные установки абвера со всей оккупированной Европы. И постепенно район поиска сужался. К началу декабря немцы уже были уверены, что передатчик находится в районе Эттербик.

И тогда абвер решил прибегнуть к своему старому трюку. В Брюсселе стали по очереди отключать электричество то на одной улице, то на другой. И когда передатчик вдруг замолчал на полуслове, немцы уже знали улицу, где следует его искать. Через неделю район поиска сузился до группы из трех домов на улице рю де Аттребас.

Операцию по захвату передатчика было решено провести на следующий день. И вот вечером 13 декабря 1941 года три дома были окружены подразделениями абвера и агентами СД. Все участвующие в операции надели носки поверх обуви, чтобы производить как можно меньше шума. На близлежащих улицах расположился батальон СС в полной форме. Обыску подверглись все три дома, и на втором этаже дома № 101 немцы и обнаружили действующий передатчик ГРУ. Племянник Молотова — Макаров — передавал очередное сообщение, когда немцы ворвались в его комнату. Радиста арестовали, так же, как и двух женщин, находившихся в квартире. Дальнейшие поиски убедили немцев, что им действительно удалось захватить главный передатчик. Кроме того, за деревянной обшивкой одной из комнат они обнаружили фальшивые паспорта, украденные печати немецких учреждений и другие необходимые в шпионском деле вещи.

Расследование еще продолжалось, когда Треппер прибыл в Брюссель из Парижа. Увидев полицейских, этот великий мастер шпионажа ни на мгновение не растерялся. На своем превосходном немецком он учтиво извинился и сказал, что является «торговцем кроликами» и слышал, что в этом доме есть кролики, за

шкурки которых в эти тяжелые дни можно получить хорошую цену. Однако теперь ему ясно, что его неправильно информировали, и ему остается только извиниться за беспокойство. Поскольку он не вызвал никаких подозрений, ему было позволено удалиться.

Треппер «лег на дно», однако сумел предупредить Сукулова. И они оба решили покинуть Бельгию. Однако, будучи великим профессионалом, Треппер, прежде чем уехать, успел реорганизовать свою агентурную сеть. Руководство ею он передал старшему офицеру ГРУ, работавшему в Брюсселе, высокому блондину с добродушным выражением лица Константину Ефремову. Радиостом на запасном передатчике, спрятанном на окраине города, стал Иоганн Венцель, старый германский коммунист и специалист по радио. Через несколько дней германские службы контрразведки пришли в ярость, услышав, что брюссельский передатчик работает в эфире как ни в чем не бывало.

На допросах племянник Молотова ничего не сказал, и поскольку он относился к категории «очень важных персон», ему удалось выжить в концлагере Дахау, откуда он и был репатрирован на родину в конце войны. Арестованные женщины знали очень мало. А шифровальные книги немцам захватить не удалось. Однако в мусорном ящике в доме на рю де Аттребас они обнаружили обрывки бумаги, исписанные буквами и цифрами. После шестинедельной работы специалистам абвера удалось выделить из этой мешанины слово «Проктор». Кто такой «Проктор»?

Офицеры германской контрразведки вновь допросили одну из женщин, по-прежнему сидевшую в тюрьме со времени декабрьского налета полиции на дома на рю де Аттребас. «Как назывался роман, который лежал на столе в комнате, где работал передатчик?» — был задан вопрос. Женщина перебрала несколько названий — все они были на английском. Немцы доставили экземпляры этих книг и в одной из них нашли героя по имени «Проктор». Имея в руках такой ключ, специалисты по дешифровке разгадали шифр ГРУ, однако особой пользы им это не принесло: получив в тот же день от Треппера предупреждение о налете на брюссельскую квартиру, Москва мгновенно сменила шифр.

Немцы перепечатывали все перехваченные с июня по декабрь радиосообщения «Красной капеллы», и когда все они были расшифрованы, нацисты, наконец, получили весомое доказательство существования разветвленной сети Треппера и исключительной важности информации, отсылаемой ею в Москву.

Стало абсолютно ясно, что следует предпринять все возможное, чтобы разгромить «Красную капеллу», и немцы с удвоен-

ной энергией взялись за дело. 30 июня с помощью пеленгующих станций они вышли на след нового брюссельского передатчика и арестовали Венцеля. Венцель отказался давать показания. Однако у абвера, захватившего Венцеля, были на руках козырные карты в игре с бывшими членами Германской коммунистической партии, а именно — бывшие полицейские архивы, и потому Венцеля предупредили, что если он откажется сотрудничать, его передадут в гестапо, откуда одна дорога — смерть в концентрационном лагере.

Оказавшись перед столь угрожающей перспективой — пытки в гестапо и смерть в лагере, старый коммунист сдался. Шлюзы были открыты: Венцель раз за разом предавал всех, кого знал, рассказал о «Вольшом» и «Маленьком» шефах, об их псевдонимах, организациях прикрытия, местонахождении передатчиков, а также продиктовал длинный список шпионов, работавших во Франции, Бельгии, Голландии и Германии.

Потребовалось время, чтобы выудить из него все, однако в течение месяца в Брюсселе был захвачен его руководитель, лейтенант ГРУ Константин Ефремов. Как русский офицер, он называл лишь свое имя и личный номер. К несчастью, семья его проживала на территории России, оккупированной немцами, и, пригрозив Ефремову расправиться с семьей, немцы заставили и его заговорить.

Вскоре были схвачены почти все второстепенные агенты сети по всей Западной Европе. Некоторые из них отказались давать какие-либо показания, другие не выдержали пыток и сломались. Волна арестов все нарастала.

Благодаря шифрам, выданным Венцелем, немцы в августе сумели прочесть сообщение, посланное из ГРУ Трепперу с приказом отправить Сукулова в Берлин.

Из этого сообщения немцы узнали адреса связников, а также сумели «вычислить» тех, кто скрывался за псевдонимами «Арвид» и «Хоро» — Харнака и Шульце-Бойзена. И с этого момента за обоими стали следить день и ночь.

30 августа 1941 года Шульце-Бойзен был арестован, когда он поднимался по лестнице министерства авиации в Берлине. Его жену, Либertas, взяли день или два спустя. Харнак и его американская жена Милдред находились в это время на отдыхе. Их арестовали на вокзале, сразу после возвращения в Германию. Прошло несколько месяцев, прежде чем министр экономики Вальтер Функ и коллеги Харнака узнали, кем он был на самом деле. Даже для пропитанного слухами официального Берлина арест «Красной капеллы» оставался тайной за семью печатями.

Вскоре все главные члены берлинской группы предстали перед нацистским судом. Никакой защиты обвиняемым не по-

лагалось. Все они были обвинены в измене и казнены. «Мелкая сошка» была приговорена к длительным срокам тюремного заключения.

В послевоенные годы коммунистический режим в Восточной Германии заявил, что члены берлинской группы были «борцами за свободу в германском Сопротивлении», и в качестве таковых они получили все причитающиеся им почести. Конечно, все они были антинацистами — это бесспорно. И они отдали свои жизни, сражаясь против Гитлера.

Долгие и пристрастные допросы захваченных в Бельгии и Германии агентов убедили немецких контрразведчиков в том, что главная штаб-квартира советского шпионажа в то время находилась в Париже. В октябре 1942 года сотрудники СД и абвера, разгромившие брюссельскую группу, были переведены в Париж.

Венцель на допросе показал, что «Большой шеф» живет в Париже, однако адреса назвать не смог. В конце концов один из старых русских белогвардейцев-эмигрантов, работавший у Треппера в качестве переводчика, рассказал о компании по снабжению строительными материалами. Гестаповцы, как им казалось, придумали великую хитрость: через немецкую закупочную компанию в Париже они предложили фирме Треппера сделку на миллион долларов по торговле промышленными алмазами. Треппер раньше никогда не продавал алмазы немцам, и потому, когда закупочная компания выразила желание встретиться с ним лично, «Большой шеф» догадался, что убежище его «накрылось». Не теряя времени, он переехал.

16 ноября 1942 года немцы ворвались в офис фирмы Треппера. Никаких следов хозяина. И только на столе лежал дневник деловых встреч Треппера. Ознакомившись с ним, немцы узнали, что через несколько дней у Треппера назначен прием к одному из лучших дантистов Парижа. Агенты германской контрразведки пришли в клинику этого дантиста. Действительно, на следующий день Треппер в два часа дня должен явиться на прием.

В назначенный час люди из абвера и СД окружили здание клиники, готовые схватить Треппера сразу, как только он появится. С ними был и один из арестованных ранее агентов Треппера, который мог опознать его.

Часы показывали два. Десять минут третьего. Никаких признаков «Большого шефа». Неужели пронюхал о налете? Два абверовских офицера тихо вошли в квартиру дантиста. Они вполголоса расспрашивали медсестру, когда из кабинета дантиста послышались голоса ДВУХ беседующих мужчин. Абверовцы вломилась в кабинет. В зубо врачебном кресле сидел советский шпион собственной персоной, а рядом стоял дантист с бором в руках.

Треппер не оказал ни малейшего сопротивления и отправился вместе с немцами в следственный центр на авеню Фош. Поначалу он отказывался давать какие-либо показания. Однако абверовцы, дав Трепперу понять, сколь много им уже известно, оставили его на несколько часов одного, чтобы он мог обдумать сей факт. И когда он снова предстал перед следователями, было видно, что он решился. Он назвал свое имя, псевдонимы, рассказал свою биографию и отметил, что готов рассказать все о своих агентурных сетях.

Офицеры абвера были поражены. Но Треппер рассуждал просто: сеть была «накрыта». Необходимо было срочно заменить ее другой, ибо прежняя организация уже не внушала доверия и становилась ненадежным инструментом в работе. Так к чему скрывать что-либо от немцев? Лучше заставить их заниматься старой сетью, отвлекая таким образом их силы и внимание от новой. И здесь Треппер применил принцип, о котором часто слышал во время обучения в школе ГРУ в Москве и который гласил: «Шпионаж всегда предполагает наличие жертв и жертвоприношений».

Установив со своими следователями хорошие отношения и сотрудничая с ними, Треппер вскоре узнал куда больше, чем готовы были сообщить ему немцы. Так, в частности, он обнаружил, что передатчик Венцеля в Брюсселе, так же, как и несколько других, были «выключены», однако немцы до сих пор выходят на связь с ГРУ, используя захваченных радистов.

Треппер выразил желание присоединиться к «двойной игре». Он предоставил все свои передатчики в распоряжение абвера и приказал арестованным радистам продолжать работу по выходу в эфир. Однако абверовцы тоже были не лыком шиты и вели себя крайне осторожно. Им было прекрасно известно, что шпионы часто используют секретный код — пропущенный знак препинания и т. п., чтобы сообщить о своем провале.

В качестве меры предосторожности немцы решили записывать все тексты, подготовленные к передаче в Москву, на пленку, которую потом тщательно изучали, прежде чем выпустить текст в эфир. Однако ничего подозрительного найти не смогли. Несмотря на все эти меры, немцы по-прежнему подозревали, что Треппер дурит их и что ему все-таки удалось предупредить ГРУ о том, что и он сам, и его передатчики вынуждены теперь работать под диктовку немцев.

Однако Треппер по-прежнему хладнокровно продолжал давать информацию, которая позволяла немцам проводить широкие аресты во Франции, Германии и других оккупированных странах Европы. И хотя несколько из этих арестованных шпионов выжили, пройдя через концентрационные лагеря, большая их часть была обречена на смерть.

Треппер был не единственным, кто сотрудничал с немцами. «Маленький шеф», Сукулов, укrywшийся на территории, контролируемой правительством Виши, был схвачен в Марселе вскоре после того, как немцы оккупировали юг Франции. Арестована была и его любовница. Обоих отправили в штаб-квартиру гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе в Берлине.

Был отдан строгий приказ об исключении каких-либо контактов между Сукуловым и его любовницей, но однажды, когда его вели в кабинет следователя на допрос, из камеры вывели и девушку. Вырвавшись из рук тюремщиков, Сукулов схватил ее в свои объятия и зарыдал. Упав на колени, он предложил немцам свое сотрудничество при условии, что девушку выпустят на свободу.

Воссоединившись с благословения гестапо, «Маленький шеф» и его любовница вернулись обратно в Париж. Они сняли квартиру в административном районе Френ Призон и именно оттуда оба выполняли контрразведывательные задания, которые поручали им немцы.

Летом 1944 года, когда англичане и американцы высадились в Нормандии, Сукулов вместе с несколькими помощниками из немецкой контрразведки отправился на север. А через несколько недель вновь соединился со своей очаровательной любовницей-чешкой в Брюсселе. Однако вскоре бельгийской столице стало угрожать наступление войск Монтгомери, и Сукулов вернулся в Берлин. Встретились ли они с чешкой вновь — неизвестно.

В конце войны Сукулов, опасаясь мести со стороны ГРУ и ГБ, исчез где-то на Балканах. Возможно, и чешка отправилась за ним.

В Париже Сукулов вновь встретился с Треппером, сидевшим под домашним арестом в одном из реквизированных немцами особняков на авеню Фош. Он находился в очень хороших отношениях с немцами и особенно с двумя офицерами СД, постоянно сопровождавших его. Немцы по-прежнему опасались полностью доверять ему, однако никогда не запрещали Трепперу время от времени выходить на улицу, с немецкой охраной, разумеется.

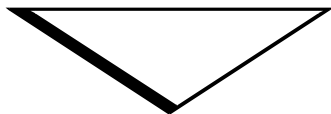
В начале июня Треппер решил, что ему нужно посетить аптеку близ вокзала Сег-Лазар, поскольку, по его словам, это было единственное место, где он мог приобрести лекарство от застарелой болезни. В сопровождении одного из своих охранников Треппер отправился в аптеку. Немец, бывший в очень хороших отношениях с Треппером, сказал, что подождет его на улице. Вскоре охраннику стало казаться, что Треппер слишком уж долго покупает свое лекарство. Немец вошел внутрь, чтобы узнать, что случилось. Треппер исчез. Однако немец смог ответить себе на вопрос, почему ему пришлось столь долго ждать своего спутника: в магазине было два выхода.

Через несколько минут Треппер был в квартире своей любовницы. Они спешно обсудили ситуацию и исчезли. Немцы подняли тревогу. Сотрудники абера, СД и гестапо буквально прочесали Париж. Никаких следов «Большого шефа».

Несколько недель Треппер с любовницей скрывались у одного из бельгийских связников, а в октябре 1943 года любовница «Большого шефа» была схвачена немцами и остаток войны провела в концентрационном лагере Равенсбрюк.

Треппер, без сомнения, сражался в одной из коммунистических групп французских партизан маки. Однако чем он занимался между сентябрем 1944 года и маем 1945-го — неизвестно. Конечно же, он поддерживал связь с ГРУ, возможно, он даже организовал новую сеть в послевоенной Франции. Летом 1945 года его вызвали в Москву.

ГЛАВА 10

«ЛЮСИ» ИЗ ЛЮЦЕРНЫ

Вряд ли Рудольф Росслер когда-либо лично за кем-то шпионил. И тем не менее Росслер — или «Люси», как звали его в советской шпионской сети, действовавшей в годы войны в Швейцарии, был самым необычным шпионом из всех. Его усилия были направлены против Германии, хотя он никогда не бывал ни в Третьем рейхе, ни в какой-либо из оккупированных нацистами стран в период между 1939 и 1945 годами. В отличие от почти всех других знаменитых шпионов, его удивительные шпионские подвиги совершались не только при попустительстве, но и при АКТИВНОМ СОДЕЙСТВИИ по крайней мере нескольких сотрудников секретных служб той страны, в которой Росслер был резидентом.

Несмотря на подобные странности, именно «Люси» поставлял Москве совершенно секретную информацию, действуя в самом центре штаб-квартиры Гитлера, во времена всех великих битв и сражений 1943 года.

С июня 1941 года и до начала 1944-го Сталин и начальник его генерального штаба маршал Шапошников буквально ежедневно получали сообщения от Росслера, в которых излагались все планы германского верховного командования.

В течение всех этих лет Росслер был хорошо известной фигурой в Швейцарии. Он писал комментарии по военным вопросам в швейцарские газеты, и его статьи неизменно вызывали живейший интерес как со стороны простых читателей, так и у профессионалов. Он был одним из совладельцев издательского дома в Люцерне, в котором он же оставался исполнительным директором в течение почти четверти века. Два вопроса и по сию пору остаются без ответа:

1. Кем был Рудольф Росслер?
2. Кем был тот предатель — или супершпион — из гитлеровской штаб-квартиры, который и обеспечивал Росслера по радио секретами, известными лишь горстке людей из ближайшего окружения Гитлера?

Согласно официальной швейцарской информации Рудольф Росслер родился в Баварии, близ чешской границы, в небольшой деревушке Кауфберен. Был он сыном германского чиновника, и по его собственным словам, получил образование в школе в Аугсбурге, близ Мюнхена. Он говорил, что в годы Первой мировой войны служил в кайзеровской армии, после чего отправился в Берлин, где занимался журналистикой и выступал на сцене.

Офицеры контрразведки западных стран, изучавшие дело Росслера, уверены, что правда о нем еще более волнущая, нежели легенда. Они считают, что Рудольф Росслер был выходцем из богатой богемской семьи, жившей в Судетенланде, который поначалу принадлежал судетским немцам, а затем стал частью Австро-Венгрии, и позднее — Чехословакии.

Росслер вступил в армию Австро-Венгерской империи и в годы Первой мировой войны служил штабным офицером на русском фронте. Возможно, он даже находился в составе знаменитого чешского легиона, действовавшего в революционной России. После войны, когда недавно провозглашенная Чехословацкая республика Томаса Масарика была атакована венгерскими коммунистами под руководством Бела Куна и Матиаса Ракоши, Росслер блестяще сражался, защищая свою родную Богемию.

В конце двадцатых годов он вновь оказался в Берлине, где снова занялся журналистикой и театром. Накануне прихода Адольфа Гитлера к власти чешская секретная служба считалась лучшей в Центральной Европе, и Росслер почти наверняка был одним из ее агентов.

В германской столице он познакомился с молодым швейцарским журналистом доктором Хавьером Шнипером, изучавшим славянскую литературу в различных тевтонских университетах. Росслер тоже интересовался как славянской культурой, так и католическим радикальными идеями Шнипера. Возникла крепкая дружба. Шнипер, сын важного швейцарского чиновника в Люцерне, был на десять лет моложе Росслера. Когда в 1933 году оба решили покинуть нацистскую Германию, друг уговорил Росслера обосноваться на знаменитом швейцарском курорте близ озера. Там, с помощью Шнипера, Росслер основал издательство «Вита Нова». Оба друга были фанатичными антинацистами и с самого начала своей издательской деятель-

ности повели борьбу с пропагандой доктора Геббельса. В последующие шесть лет их издательский дом приобрел заслуженную репутацию прогрессивного издательства за публикации различных интересных работ, которые сразу же попадали в «черный список» нацистов.

В издательстве Росслера печатались и работы многих знаменитых католических авторов левого толка, а также политические работы таких разных авторов, как Стэнли Болдуин и Чан Кайши. Издательство «Вита Нова» питало и заметный интерес к работам о панславизме, а также книгам, в которых затрагивались вопросы теории и практики революции. И панславизм, и революционность вполне можно было объяснить божеским происхождением Росслера.

Росслер не ограничивал себя издательской деятельностью. Вскоре после начала абиссинской войны он стал писать статьи на военные темы в ведущие швейцарские газеты, а когда разразилась гражданская война в Испании, каждая его статья становилась событием. Без сомнения, он был самым выдающимся военным журналистом в Швейцарии. Некоторые специалисты склонны считать, что это может служить подтверждением того факта, что Росслер — выпускник военной академии Габсбургов, расположенной в Wiener Neustadt. Кроме того, содержание статей наводило на мысль, что Росслер имел доступ к военной информации такого рода, что была доступна далеко не каждому издателю из Люцерны. Знаменитый английский шпион Александр Фут, который был связником между Росслером и штаб-квартирой ГРУ в Москве в годы войны, категорически утверждал, что до «киснашивания Чехословакии» в марте 1939 года Росслер служил в чешском генеральном штабе.

Это многое объясняет, поскольку именно в качестве чешского агента Росслер почти наверняка впервые установил связи с высокопоставленными нацистами в Берлине, которые позднее и помогли ему добиться столь выдающихся результатов в его разведывательной деятельности. Однако прекрасное знание Росслером военных вопросов не помешало ему стать почти воинствующим пацифистом, что также могло внести свою лепту в его последующие действия.

Росслер был не единственным человеком в нейтральной Люцерне, поддерживавшим тайные связи со столицей рейха. Швейцарской секретной службы в то время фактически не существовало. Один из так называемых «воскресных солдат» швейцарской гражданской армии, майор Ганс Хаусман из Теуфена, решил, что следует что-то предпринять, чтобы защитить Швейцарию от опасности неожиданного нападения с северо-востока. Хаусман был человеком состоятельным, и используя свои соб-

ственные средства, он основал небольшую получастную разведывательную организацию со штаб-квартирой на вилле близ Триче. Ему удалось завербовать множество бывших офицеров и друзей по военной службе в швейцарских вооруженных силах. Постепенно им удалось создать сеть агентов, работавших в Германии, Италии и Франции.

Разведывательная сеть — игрушка дорогостоящая. А содержание частной шпионской группы не по карману никому, даже Крезу. «Бюро Ха» майора Хаусмана — так он назвал свою организацию — требовало все больше средств для расширения своей деятельности. Откуда брались деньги — вопрос до сих пор неясный. Некоторые финансовые эксперты полагают, что Хаусман получал значительную материальную помощь от британской секретной службы. Англичане, конечно же, находились в тесном контакте с виллой Штейт, где в годы войны располагалась штаб-квартира «Бюро Ха». И сеть стремительно расширялась. К середине 1939 года майор Хаусман уже имел прямой доступ к высшим эшелонам *Oberkommando der Wehrmacht* — гитлеровской штаб-квартире.

Люцерн небольшой город, и неудивительно, что Хаусман был знаком с доктором Хавьером Шнипером, редактором католического еженедельника левого толка. Знал он и герра Росслера — известного журналиста, специализирующегося на военных вопросах. За несколько месяцев до начала войны Шнипер представил Росслера Хаусману.

В конце августа 1939 года самый заслуженный из оставшихся в живых швейцарских солдат, полковник Генри Гьюсан был назначен главнокомандующим швейцарской армией, став ее единственным генералом. В критическом положении, вызванном войной, Хаусман получил пост в официальной швейцарской секретной службе, которую возглавлял полковник Роджер Мэссон, после чего Хаусман предоставил свою частную шпионскую сеть в распоряжение своей страны.

«Генерал», как на протяжении более дюжины лет звали Гьюсана по всей Швейцарии, был очень доволен, заполучив готовую и хорошо организованную секретную службу. И решил оставить эту секретную организацию по-прежнему наполовину частной, однако уже в своей собственности.

Хаусман по-прежнему руководил ею. Однако, чтобы ублажить военных ортодоксов, Гьюсан координировал деятельность «Бюро Ха» с филиалом официальной швейцарской секретной службы и велел Хаусману расширить свое «Бюро». К Хаусману пришел работать Шнипер — сержант швейцарской армии, очень полезный для дела благодаря своему знанию славянских языков.

Точную цепь событий, последовавших после этого, восстановить невозможно. Согласно одной версии, когда «Бюро Ха» искало потенциальных сотрудников, Шнипер предложил Хаусману взять своего друга Рудольфа Росслера. Однако это представляется слишком наивным.

Неизвестно, при каких обстоятельствах, но Хаусман и Росслер все-таки были представлены друг другу. Возможно, Хаусман знал больше, чем мог предположить Росслер. Хаусман наверняка не задавал нескромных вопросов, а Росслер, проинструктированный Шнипером, предположил, что у Хаусмана тоже есть высокопоставленные связники в Берлине. Он согласился предоставить свою информацию в распоряжение «Бюро Ха» и лично вступить в нее.

Что дала эта сделка Росслеру — неясно. Вероятно, ему платили, и нет сомнений, что ему обещали давать информацию из источников швейцарского генерального штаба для еженедельных комментариев, которые Росслер публиковал в швейцарских газетах. Однако в целом отношения Росслера с Хаусманом не поддаются простому объяснению.

В течение восемнадцати месяцев, до самой весны 1941 года, Росслер находился в контакте со многими секретными службами, заполонившими в годы войны Швейцарию — с французской, чешской и английской.

Хаусман не только получал информацию, которой его снабжал Росслер, но и использовал военного комментатора в качестве офицера связи для службы «Бюро Ха». В начале войны Росслер находился в тесном контакте с неофициальными сотрудниками британской разведывательной службы, базировавшимися в Цюрихе.

Одним из ближайших друзей Росслера был «Дядя Том», выдававший себя за канадского родственника фрау Хаусман. Как выяснилось впоследствии, его настоящее имя было полковник Седлачек и был он сотрудником чешской секретной службы. Двенадцать лет спустя после описываемых событий он вновь объявился в жизни Росслера.

В 1940 году «Дядя Том» выполнял какую-то неопределенную миссию, представляя находившееся в эмиграции чешское правительство доктора Бенеша в Швейцарии. Он также поддерживал тесные связи с британской разведкой в Цюрихе и был одним из каналов, посредством которого информация, собранная «Бюро Ха», попадала в Лондон.

Чешская секретная служба еще со времен большевистской революции поддерживала тесные связи с ГРУ, и «Дядя Том», вероятно, знал о существовании советской сети в Швейцарии

или, по крайней мере, мог опознать некоторых из ее членов. В начале 1941 года Росслер установил контакт с чиновником из Международной организации труда, который был агентом ГРУ и действовал под псевдонимом «Тейлор».

Весной 1941 года генерал Гюсан уже знал о передвижениях германских войск, направлявшихся к советской границе. Согласно информации, полученной им из Берлина, немцы должны были напасть на Советский Союз 15 июня, а благодаря «Бюро Ха» Гюсан располагал подробностями стратегических и тактических целей и задач операции, которую германское верховное командование называло «Операция Барбаросса».

Симпатии генерала однозначно находились на стороне союзников, однако он старался увязать свои личные пристрастия с требованиями швейцарского нейтралитета. Он пришел к выводу, что вопреки мнению некоторых членов швейцарского правительства, исторически швейцарский нейтралитет никогда не был ни пассивным, ни оборонительным и позволить господствовать в Европе одной державе – значило бы пойти против интересов Швейцарии. Отсюда уже недалеко было и до вывода о возрастании роли Советского Союза в самом ближайшем будущем.

Некоторые специалисты предполагали, что генерал Гюсан, бывший, судя по некоторым предположениям, противником коммунизма, тем не менее не желал видеть Советскую Россию под пятой нацистской Германии. И его политические воззрения подкреплялись стратегическими фактами. Ведь если немцы победят русских в ходе успешного блицкрига, руки вермахта будут развязаны для дальнейших авантур. И тогда вторжение в Швейцарию, которого едва удалось избежать в 1940 году, вполне может стать свершившимся фактом.

Последовавшие вскоре угрозы независимости Швейцарии со стороны нацистов лишь подчеркнули здравомыслие и военную грамотность Гюсана. С точки зрения «генерала» идеальным решением проблемы стала бы затяжная борьба немцев с русскими, в ходе которой оба противника были бы столь истощены, что уже не могли бы угрожать кому-либо в будущем.

Поэтому «Бюро Ха» решило прозондировать почву в отношении русских, и знал ли об этом Гюсан – неизвестно.

Русская сеть в Женеве контролировалась венгром по имени Александр Радольфи, или Радо, работавшим под кличками «Алекс» или «Дора» и ставшим русским агентом еще во времена Бела Куна. На русские деньги он получил образование на географическом факультете Берлинского университета, а в тридцатые годы основал пресс-агентство в Париже, известное как

Геопресс, которое специализировалось на подготовке карт для газет. Радо был выдающимся картографом и вскоре стал членом-корреспондентом Королевского географического общества в Лондоне.

Радо, как его всегда звали, перебравшись в Женеву, открыл филиал своего картографического агентства. Его слава и известность росли, и начиная с 1939 года и далее на протяжении всех военных лет у его фирмы не было недостатка в заказах на карты, необходимые для иллюстрации военных комментариев, печатавшихся в газетах. В том числе и комментариев, написанных Рудольфом Росслером.

В начале войны, хотя он и организовал передающую станцию в Западной Швейцарии, Радо начал несколько уставать от полной стрессов и опасностей шпионской жизни, а успех его женевского бизнеса заставил его задуматься над тем, что на жаргоне ГРУ обозначалось как «обуржуазивание». И лишь решительность его хладнокровной, фанатически преданной коммунизму жены Хелен, а также возможность, находясь на посту резидента, использовать по своему усмотрению финансовые средства ГРУ, глубоко запуская руку в государственный карман, удерживали его на советской секретной службе.

К 1941 году реальной движущей и направляющей силой в швейцарской шпионской сети стал англичанин Александр Фут. В прошлом британский торг, «Алан», как звали его друзья, сражался против Франко в Интербригадах во время гражданской войны в Испании, а после войны стал агентом ГРУ сначала в Германии, а затем в Швейцарии. Фут играл роль слегка эксцентричного англичанина, вынужденного жить в Швейцарии «по состоянию здоровья». Чтобы выглядеть в этой роли как можно более убедительно, он постоянно слегка покашливал.

В начале 1941 года он был заместителем резидента ГРУ в Швейцарии и носил звание капитана Красной армии. В нарушение швейцарских законов он основал мощную радиостанцию на верхнем этаже своей квартиры на рю Лантере на Лозанских холмах близ Женевского озера. Ночь за ночью он передавал информацию в Москву и получал прямые инструкции от руководства ГРУ.

Днем «Алан» был всем известным завсегдатаем Центрального кафе в Лозанне, которое — конечно же, простое совпадение — было также любимым местом отдыха генерала Гюсана и других франкоговорящих швейцарских офицеров. Фут много пил, однако друзья замечали, что он никогда не пьянел и не был пьяным. Был он также до некоторой степени гурман и не скрывал удовольствия, получаемого им от хорошо приготовленной и тщательно выбранной еды.

Как завидный жених, он очень нравился тем леди, что толпились в Центральном кафе после обеда. Они шутили упрекали его в том, что он слишком ленив, и считали, что он живет в Швейцарии, чтобы избежать призыва на английскую военную службу. Фут энергично отметал эти обвинения, однако всегда очень веселился, когда его подружки обвиняли его в том, что он — «английский шпион». Когда его спрашивали о причинах его исчезновений по вечерам, он добродушно заверял их, что он «караулит свои невидимые чернила».

Богатые леди Лозанны были недалеко от истины в своих подозрениях. Сотрудники швейцарской секретной службы в частных разговорах никогда не скрывали своего убеждения, что «Алан Фут», хотя и дорос до звания майора ГРУ, БЫЛ СОТРУДНИКОМ БРИТАНСКОЙ СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЫ. Это предположение, однако, так никогда и не получило какого-либо официального подтверждения — ни со стороны англичан, ни со стороны кого-либо другого.

Москве было прекрасно известно, что Фут представлял собою реальную силу в швейцарской сети, и одно время ГРУ было решительно настроено разделить деятельность Фута и Радо. Весной 1941 года ситуация сложилась такая, что от этого плана пришлось отказаться, и хотя их контакты были ограничены, Росслер имел дело все-таки с объединенной организацией Радо-Фута. Он вышел на связь с нею через второстепенного агента «Тейлора», и, по словам американского источника, англичане об этом знали. Росслер запретил «Тейлору» называть русским агентам его настоящее имя, и потому ни Радо, ни Фут никогда не знали его настоящего имени. По крайней мере, официально.

Для них он был «Люси», человек из Люцерны. Именно этот псевдоним использовал Фут в своих зашифрованных сообщениях, которые он, всегда на английском, передавал в Москву.

Первая информация, полученная от «Люси», сообщала о предполагаемой дате — 15 июня — нападения немцев на Советский Союз. В последующие несколько дней вновь поступила информация от «Люси», содержащая подробные сведения, касающиеся передвижений германских войск к границам России от Балтики и до Балкан.

Когда Радо получил первое сообщение от «Тейлора» — через «предохранителя» в Международной организации труда, известного под кличкой «Сисси», — он воспринял его крайне скептически. Он был уверен, что это не более, чем германская «утка», и что абвер просто пытается внедрить своего человека в советскую шпионскую сеть. Фут, однако, оказался куда большим прагматиком. И как обычно, оказался прав. Сообщение Росслера было передано в Москву, как оно того и заслуживало.

Центр и ГРУ также одолевали сомнения и подозрения. Последовала масса вопросов, адресованных Футу: «Кто такая «Люси»?... «Где он берет информацию?»... «Почему «Тейлор» не может открыть его настоящее имя?» После чего следовал поток предупреждений. Разведданные от «Люси» продолжали поступать: информация из германского высшего военного командования, под кодовым названием «Вертер», сообщения из Главного штаба люфтваффе, подписанные именем «Ольга». Вся эта информация носила сугубо документальный характер и читалась как копии германских оперативных планов и приказов. На Фута произвело большое впечатление ее качество, и он продолжал «корпеть» над сообщениями «Люси» и даже уговорил Радо заплатить «Люси».

В середине июня 1941 года Футу позвонил Радо, что было редкостным явлением, и предложил немедленно встретиться. И при встрече Радо передал Футу листок бумаги. Записка от «Люси», в которой говорилось: «Вертер докладывает, что генеральное наступление немцев на Россию начнется на рассвете 22 июня».

Во втором сообщении подробно излагались цели и задачи, поставленные перед тремя основными ударными группировками немцев — армиями «Север», «Центр» и «Юг». Радо не знал, что делать. Он был убежден, что московский центр уже проверил предыдущие сообщения и удостоверился, что все они — блеф.

Фут, однако, настаивал, что они должны немедленно передать полученную от «Люси» информацию. Если даже она окажется ложной, Центр, имея на руках сведения из других источников, сумеет разобраться, соответствуют ли эти данные действительности. Если не сможет — вреда тоже не будет. И в тот же вечер Фут зашифровал сообщения «Люси» и в полночь передал их в Москву.

Спустя несколько лет Фут узнал, что это была первая информация от «Люси», к которой в ГРУ отнеслись всерьез, поскольку она точно совпадала с данными, полученными от Зорге, Треппера и других агентов в Европе.

В ночь с субботы на воскресенье, с 21 на 22 июня, Фут чуть не до утра сидел за радиопередатчиком, передавая сообщения в Москву. Закончив, он попытался уснуть, однако не смог: из головы не шло предупреждение, полученное от «Люси». В Швейцарии было еще темно, хотя над Польшей уже светало, когда Фут включил свой мощный радиоприемник и поймал немецкую радиостанцию. И на рассвете Фут услышал, что «Люси» был прав.

В этот субботний вечер московская радиостанция, согласно расписанию, не должна была выходить на связь с Футом, однако, как только тьма опустилась над Лозанной, Фут вышел в эфир

со своими позывными. И неожиданно услышал, что Москва отвечает ему. В ГРУ ждали его! Ему передали, что радиостанция ГРУ отныне будет работать в режиме круглосуточного дежурства и потому он сможет передавать информацию, полученную от «Люси», в любое время. В Москве отбросили все подозрения в том, что «Люси» — обыкновенный агент-provokator, и его сообщения были крайне необходимы советскому верховному командованию. Каждый день из московского Центра шли все новые и новые требования о передаче информации, касающейся германского вермахта.

Ночь за ночью Фут передавал в Москву секреты гитлеровской ставки, полученные от «Люси» и, предположительно, через «Бюро Ха». Сколько именно информации поступило из личных источников Росслера, а сколько — от швейцарских агентов, — Фут так никогда и не узнал.

Каждый день он докладывал о передвижениях германских войск. Фут был так загружен переводом текстов сообщений с немецкого на английский и их последующей шифровкой, что едва ли у него оставалась какая-то возможность вникнуть в их содержание. Через несколько дней, благодаря информации, полученной от «Люси», в которой тот сообщал о решениях, принятых на состоявшемся два дня назад военном совете у фюрера, Сталин и его маршалы получили полное представление о боевых порядках германских войск.

Вскоре советское командование стало рассматривать «Люси» как своего личного представителя в ставке Гитлера и засыпать его вопросами типа: «Где дивизия X?», «Где генерал Y?», словно обращались к обыкновенному советскому военному атташе. И спустя несколько дней «Люси» уже давал точный ответ и о местонахождении пропавшей дивизии, и о местопребывании армейского командира.

И вот однажды, в эти первые недели войны в России, Фут закончил свою обычную ночную передачу и уже собирался было выключить передатчик, когда Москва вдруг приказала: «Ждите». И вскоре радист ГРУ сообщил, что у него есть длинное сообщение для швейцарской сети, и начал передачу. Сообщение имело гриф «Весьма срочно». В качестве источника на нем был указан код VY RDO, которого Фут никогда ранее не встречал. Записывая сообщение, уставший человек вдруг осознал, что написано оно не на обычном кратком и правильном языке, как это всегда бывало в случае с сообщениями ГРУ, а на каком-то пиджин-инглиш (англо-китайский гибридный язык с искажениями в морфологическом и фонетическом облике слов: используется в странах Дальнего Востока и Западной Африки). И скоро Фут понял, что в сообщении речь идет не более чем об обычных уста-

новках и правилах предосторожности, принятых в ГРУ, но применительно к столь особому случаю, как «Люси». Фут страшно устал. Три раза он порывался вмешаться, чтобы попросить Москву прекратить передачу и продолжить ее в следующий вечер. И всякий раз радист ГРУ кратко отвечал: «Продолжаю». Объяснение этому Фут получил только много лет спустя, уже будучи в Москве: буквы VY RDO означали... ЛИЧНО СТАЛИНА.

На совещании в Ставке верховного главнокомандующего под председательством Сталина был рассмотрен вопрос об информации «Люси». Сейчас, когда немцы уже столь глубоко вторглись в пределы Советского Союза, похоже, один «Люси» оставался поставщиком точной информации о нацистских планах. Сталин принял решение, которому фактически давно следовало верховное командование: «Люси» следует использовать в качестве основного источника информации при подготовке советских оборонительных операций!

После чего Сталин собственноручно написал инструкцию для агентов швейцарской сети относительно того, как следует обращаться с «Люси» и какие меры предосторожности необходимо соблюдать. Переводчики из ГРУ были так напуганы при виде текста, написанного рукой Сталина, что перевели написанное едва ли не дословно, а значит плохо.

Информация, поступающая от «Люси», касалась не только состояния германской армии. Он равно хорошо был информирован и о положении дел в люфтваффе, и на военно-морском флоте. В первые дни войны «Люси» передал подробные планы предстоящих операций люфтваффе по обеспечению авиapoддержки действий трех главных ударных сил вермахта на Восточном фронте.

Временами, особенно в последующие месяцы и недели, «Люси» передавал информацию, казалось, не имевшую прямого отношения к России. Так, он сообщал о планах нападений «волчьих стай» германских подводных лодок на британские конвои. Осенью 1941 года «Люси» передал подробный план строительства летающих бомб и 10-тонных ракет — будущих V-1 и V-2. Сомнительно, однако, чтобы советское военное командование передало эти сведения своим британским союзникам. Однако они вполне могли стать известны в Уайтхолле, если подозрения швейцарцев относительно Фута были не беспочвенны.

Когда поток информации от «Люси» достиг своего пика, московский Центр отправил Росслеру сообщение, в котором говорилось, что ему будет выплачиваться ежемесячно по 7000 швейцарских франков — около 350 фунтов стерлингов, плюс премия за особые задания и плюс оплата всех расходов. Таким образом, Росслер стал самым высокооплачиваемым русским шпионом за всю историю советской разведки!

В последующие два года, до октября 1943 года, Фут продолжал практически каждую ночь передавать информацию, полученную от «Люси», в Москву, с одним-единственным перерывом — осенью 1941 года, когда немцы оказались на ближних подступах к Москве и ГРУ прервало прием сообщений на полуслове. Спустя несколько недель, однако, оно возобновило прием точно на том же самом месте, однако на этот раз из Куйбышева, расположенного далеко к востоку от Москвы.

Единственный раз «Люси» и его информатор «Вернер» дезинформировали советское верховное командование. При подготовке наступления армии маршала Тимошенко близ Харькова в 1942 году советский план полностью основывался на информации, полученной от «Люси». Тимошенко попал в ловушку, и Футу позднее сообщили в Москве, что Красная армия потеряла 10 000 человек. В течение нескольких последующих недель Сталин питал сильные подозрения в отношении «Люси», и случай этот — единственное доказательство в поддержку теории о том, что вся история с «Люси» — не более, чем гигантская германская двойная игра. Однако все остальные свидетельства полностью опровергают подобную гипотезу.

Где брал Росслер свою информацию, на основе которой советское командование строило свои планы на протяжении большей части войны? Насколько велик был вклад берлинских агентов «Бюро Ха» и швейцарской разведслужбы в сообщения, которые Росслер передавал Футу?

В своей книге «Настольная книга для шпионов» Фут утверждал: «В действительности, в том, что касается Кремля, наличие такого агента, как «Люси», в качестве источника информации, было равносильно наличию хорошо осведомленных агентов в трех (германских) разведывательных штабах плюс в германском генеральном штабе плюс в (гитлеровском) военном кабинете министров.

Однако позднее, когда подобная информация была получена из этих источников, стала очевидной ее огромная ценность. И ценность эту увеличивала та скорость, с которой эта информация попадала к нам... ВО МНОГИХ СЛУЧАЯХ МЫ ПОЛУЧАЛИ ЕЕ СПУСТЯ ВСЕГО СУТКИ ПОСЛЕ ТОГО, КАК ОНА СТАНОВИЛАСЬ ИЗВЕСТНОЙ В БЕРЛИНЕ. Вопрос о курьере или безопасном ручном маршруте даже не вставал. Информацию «Люси» получал по радио, и его источники, кто бы они ни были, должны были едва ли не бегом бежать от служебных телетайпов к радиопередатчикам, чтобы отправить информацию нам».

После этого остается мало сомнений в том, что за информацией из Берлина следила какая-то швейцарская организация — и

тогда становится ясно, что генерал Гьюсан получал информацию от «Люси» по крайней мере не позже Фута.

Сколько информации поступило от секретных контактов Росслера в столице Третьего рейха, а сколько от швейцарских агентов — этого мы никогда не узнаем. Сообщения, которые Фут получал от «Люси», уже содержали объединенную информацию.

По-прежнему остается без ответа и вопрос, который американцы называют «вопросом стоимостью 64 000 долларов»: кто был предателем — поскольку ясно, что им должен был быть немец — в штаб-квартире Гитлера, имевший доступ к совершенно секретной информации и, главное, возможности для ее передачи?

Сами немцы полагают, что информация приходила от одной из берлинских групп «Красной капеллы». Однако это представляется маловероятным, и Фут эти сомнения разделяет. Каковы же другие возможности?

Наиболее вероятным, однако, представляется то, что информация поступала к «Люси» из двух источников:

1. От католической шпионской сети, агенты которой находились в тесном общении с ведущими лицами в гитлеровской штаб-квартире.

2. От коммуниста, окопавшегося в высших эшелонах нацистской партии.

Вероятность первой возможности проистекает из того факта, что некоторые из франкоговорящих офицеров швейцарского генерального штаба и в особенности службы разведки были верными последователями учения римской католической церкви и имели личных друзей среди высших иерархов церкви. Известно, что у швейцарской разведки была по крайней мере одна шпионская линия, конечной станцией которой в Германии был монастырь близ Фрейбурга в Черном Лесу. Были также и другие католические сети, работавшие вдоль всей австрийской границы. Из личных бесед автору стало известно, что швейцарские чиновники, находившиеся на службе у Ватикана в военное время в различных странах, включая и нацистскую Германию, поддерживали неофициальные контакты с представителями разведывательных служб родной страны. Более того, что бы там ни заявлялось официально, многие члены нацистской партии, придерживавшиеся католической веры, не отказались от своей религии. Это относится и к некоторым из старших офицеров СС. Знаменательно, что Росслер продолжал получать германскую секретную информацию и после 1945 года, когда нацисты исчезли из преимущественно католической Западной Германии.

Вторая возможность — поступление информации к «Люси» от коммунистических источников в Берлине, возможно, связана

с именем Рихарда Зорге. Не был ли тот нацистский чиновник, который на протяжении многих лет покровительствовал Зорге, источником для «Люси»? После первого шквала вопросов относительно личности «Люси», ГРУ больше никогда не предпринимало попыток выяснить у Фута, кто скрывается за псевдонимом «Люси» — случай беспрецедентный в истории советского шпионажа. Некоторые полагали, что к началу июля 1941 года ГРУ в Москве, вероятно, уже знало — из других источников информации, о реальном человеке, информировавшем «Люси». Если Мартин Ворман, глава нацистской бюрократии и гитлеровского секретариата, был, как утверждал адмирал Канарис, членом Коммунистической партии, то ответ на этот вопрос лежит на поверхности.

В январе 1943 года немцы были атакованы русскими не только у Сталинграда, но и на нефтяных полях Кавказа, и для советского командования было весьма существенным знать относительную важность двух этих ударов. Точная оценка роли, которую играл «Люси», можно найти в сообщении, отправленном из центра Футу 16 января 1943 года:

«Немедленно дайте первоочередной приоритет разведанным «Люси» и «Вертера», касающимся Кавказского фронта, а также другим важным сообщениям, касающимся Восточного фронта. Это касается и перемещения новых дивизий на Восточный фронт».

Спустя две недели русские выиграли битву у Сталинграда, и Центр сообщал:

«Передайте «Люси» нашу признательность за блестящую работу. Самая последняя информация, полученная от вас, была очень важной и имела огромную ценность».

Однако к началу лета 1944 года, как писал сам Фут позднее, «стервятники принялись кружить над нами». Германская контрразведка, в результате арестов Треппера и «Красной капеллы», вышла на след швейцарской сети. Несколько ранее Фут, по приказу из Москвы, вышел на контакт с русской супружеской парой, жившей на одной из роскошных вилл в Лозанне. Это были старые агенты ГРУ, которые втайне от Москвы еще до войны перешли на службу в абвер. Во время одной из встреч женщина тайно сфотографировала Фута и передала фото в отделение абвера во Франции.

В июне Москва велела Футу, бывшему тогда ответственным за финансы группы, встретить русского курьера и передать ему деньги для агентов, работавших во Франции. Курьер пытался уговорить Фута устроить свидание близ французской границы неподалеку от Женевы. Попытка явно напоминала похищение, о чем Фут не замедлил предупредить Москву. Через несколько дней ГРУ подтвердило, что настоящий курьер был схвачен немцами, а его

место занял человек из абвера. Позднее Фут узнал, что во время его следующего визита на виллу в Лозанне была предпринята еще одна попытка похитить его, поскольку немцы были уверены, что именно он стоит во главе швейцарской сети.

Вскоре после этих событий абвер также напал на след Радо, воспользовавшись как невезением, так и крайне неосторожным поведением последнего. Вопреки строжайшим запретам ГРУ, Радо завел страстный роман с молодой швейцарской девушкой, которая была второстепенным членом шпионской группы и действовала под псевдонимом «Рози». И как-то раз, когда они вместе обедали в одном из женеvских ресторанов, их заметил бывший сотрудник ГРУ, перешедший на службу в абвер.

Фут предупредил Москву, что и он сам, и Радо скомпрометированы. Однако единственно, что имело значение для русских, это чтобы ничто не мешало свободному прохождению потока информации, получаемой от «Люси», и потому «директор» в Москве приказал Футу порвать все связи с Радо, а Радо в свою очередь было велено вывести Фута непосредственно на связь с «предохранителем» «Сисси», который забирал материалы у «Тейлора» для передачи их Росслеру. Отныне, вместо того, чтобы передавать информацию через Радо, «Сисси» следовало вручать ее непосредственно Футу.

Однако Радо не собирался выпускать из своих рук информацию, поставляемую «Люси». На самом деле приказ Москвы означал, что Фут и формально, и фактически становился главой швейцарской сети. Радо же никогда не любил Фута, равно как и не доверял ему. Он был уверен, что Фут является сотрудником британской разведки.

Более того, Фут был казначеем сети, и если он непосредственно выйдет на связь с «Сисси», то непременно вскроется тот факт, что Радо присваивал казенные деньги.

Германская контрразведка пришла к выводу, что «Рози» — самое слабое звено в организации, а потому в Женеву был отправлен красивый блондин, агент абвера, который постарался познакомиться с девушкой. Вскоре она влюбилась в него без памяти и бросила Радо, став любовницей красивого немца.

Независимо от этих событий, у швейцарской Bundespolizei, отвечающей за контрразведку, возникли свои подозрения. Около года назад радист женеvского аэропорта случайно услышал, как мощный радиопередатчик работает в эфире. Радист записал длину волны и позывные и сообщил об этом представителям армии и полиции. А вскоре швейцарские пеленгаторные установки засекли и вторую станцию, работавшую на той же волне. Это был запасной радиопередатчик, установленный у Радо в Женеве. Однако только тогда, когда абвер заподозрил наличие советской

шпионской сети в Женеве, швейцарская полиция стала предпринимать активные действия. И результаты не замедлили сказаться.

В начале октября Фут случайно прочел в газете, что в Женеве обнаружен тайный радиопередатчик. На следующий день Радо воспользовался беспрецедентным и строжайше запрещенным способом встречи — приехал к Футу в Лозанну. На встрече Радо сообщил, что арестованы несколько второстепенных агентов его сети, а также захвачен радиопередатчик.

Фут немедленно поставил об этом в известность Москву. Центр был обеспокоен, однако приказал не прерывать передачи материалов, полученных от «Люси». А вскоре последовал захват второго передатчика в Женеве и арест радиста.

Радо ушел в подполье. Он по-прежнему отказывался вывести Фута на прямой контакт с «Сисси». Вопреки всем инструкциям ГРУ, регламентирующим правила безопасности, он регулярно подвергал риску себя и других, встречаясь с Футом, чтобы передать ему информацию от «Люси».

Через надзирателя женевской тюрьмы Футу удалось связаться с одним из арестованных шпионов, и тот предупредил Фута, что швейцарцам известно о существовании еще одного передатчика в Лозанне и что пеленгаторные установки охотятся за ним. Фут подозревал, что швейцарцы знают, кто он такой, поскольку швейцарской контрразведке «Виро», благодаря неосторожности и беспечности Радо, удалось захватить архивы сети. И вновь Фут сообщает в Москву о своих опасениях. И снова Центр отвечает, что информация, получаемая от «Люси», столь важна для Москвы, что Фут должен пойти на любой риск, чтобы обеспечить ее передачу. Чтобы уменьшить опасность провала, Футу было сказано передавать только материал, получаемый от «Люси».

В ночь с 19 на 20 ноября 1943 года, когда Фут только что закончил передачу очередного, на этот раз короткого, сообщения от «Люси» в Москву, раздался громкий стук в дверь, и через мгновение полиция ворвалась в дом. Футу, однако, удалось сжечь документы с помощью горячего, которое он держал под рукой для этих целей, а также вывести из строя передатчик.

Следователи из швейцарской контрразведки внимательно изучали документы, захваченные ими в доме одного из арестованных шпионов. Среди материалов, переданных «Люси», которые, кстати, Радо обязан был уничтожить, они обнаружили подробное описание нового оружия, производимого на заводе Эрликон близ Цюриха. А это означало, что сеть Радо ШПИОНИЛА ЗА ШВЕЙЦАРИЕЙ, что, естественно, сразу же сказалось на интенсивности действий полиции.

Перепроверка материалов по Эрликону в конце концов привела к Росслеру, который к этому времени, независимо от его работы на «Бюро Ха», возглавлял группы военных экспертов швейцарского генерального штаба. Дальнейшая проверка показала, что отчет об Эрликоне был напечатан на той же машинке, которой пользовались эксперты генерального штаба.

В начале 1944 года Росслер был арестован вместе с офицером из «Бюро Ха». Швейцарскому генеральному штабу потребовалось три месяца, чтобы вырвать Росслера из когтей контрразведки. Оказавшись на свободе, Росслер старательно собрал все сообщения, поступившие из Берлина в его отсутствие. Он продолжал собирать материалы, полученные от «Люси», хотя у него не было никакой возможности передать их в Москву.

Фут просидел в тюрьме до 1944 года, и лишь осенью его самолетом переправили в Москву. Радо тоже находился на том же самолете, однако ухитрился сбежать в Каире. Нет сомнения, что позднее он был арестован и отправлен в Россию отбывать наказание. Однако летом 1952 года коммунистические источники сообщили автору, что Радо служит профессором географии в Будапеште.

В октябре 1945 года, после окончания войны, Росслер вместе с другими членами своей сети предстал перед швейцарским военным судом. Он был признан виновным, однако никакого приговора не получил, поскольку суд пришел к выводу, что «ОБВИНЯЕМЫЙ СЛУЖИЛ НА БЛАГО ШВЕЙЦАРИИ»!

Фута же интенсивно допрашивали в России, поскольку поначалу русские решили, что это он, а не Радо, виновен в разгроме сети. В конце следствия выяснилось, что Фут ни в чем не виновен, и тогда он получил новое назначение — на этот раз в Южную Америку.

2 августа 1947 года Александр Фут перешел через Бранденбургские ворота из советского сектора Берлина в британский и сказал, что желает видеть представителя британской секретной службы. Он вернулся в Объединенное Королевство и, проработав несколько лет в правительственной организации, умер.

Здесь, кажется, вполне можно было поставить точку в истории Рудольфа Росслера по кличке «Люси».

Однако в начале 1947 года его старый знакомый «Дядя Том», закадычный друг Росслера еще со времен совместной работы в «Бюро Ха», навестил Росслера в Люцерне. На этот раз «Дядя Том» пользовался своим собственным именем — полковник Седлачек. Ныне он был чешским военным атташе в Берне. Он приехал посмотреть, не сможет ли он уговорить Росслера поставлять информацию для чешской секретной службы.

Росслер и его друг доктор Шнипер были рады вновь увидеть своего старого знакомого. Издательство «Вита Нова» переживало финансовые трудности, ибо в связи с постепенным возобновлением нормальной издательской деятельности в Западной Германии положение фирмы Росслера, как одного из немногих либеральных немецкоязычных издательств, пошатнулось. Он нуждался в деньгах.

Росслер и Шнипер приняли предложение Седлачека, и на протяжении последующих шести лет они были составной частью одной из ключевых шпионских групп, работавших на разведывательные службы стран Восточного блока на территории стран Западной Европы.

На протяжении всех этих лет Росслер и Шнипер отправили в Прагу около ста пятидесяти длинных сообщений. В обмен они получили где-то от трех до четырех тысяч фунтов стерлингов, большая часть из которых досталась Росслеру. Почти вся информация отправлялась в виде микроплёнок, спрятанных в продуктовых посылках, отправляемых на адреса подставных лиц в Германию. Шнипер совершил множество поездок в Прагу в качестве представителя швейцарской благотворительной организации. На протяжении всего этого периода высокопоставленные информаторы Росслера в Германии по-прежнему продолжали снабжать его информацией, содержащей секреты не только новой Боннской республики, но и всех трех западных держав-победительниц.

В декабре 1952 года Росслер отправил один из своих отчетов в обычной продуктовой посылке по некоему адресу в Дюссельдорфе. На посылке в качестве отправителя был указан вымышленный «Герман Шварц из Цюриха». По некоторым причинам германская федеральная почтовая служба не смогла доставить посылку и вернула ее в Швейцарию. При этом выяснилось, что никакого Шварца по указанному адресу в Цюрихе нет, и тогда швейцарская почта вскрыла посылку, чтобы, возможно, внутри попытаться найти следы получателя. Адреса не нашли, но в банке меда обнаружили пленку с микрофильмом, содержавшим совершенно секретную информацию о британских королевских военно-воздушных силах, базировавшихся на севере Германии, отчет об операциях американской авиации, находившейся на базах в Объединенном Королевстве, информация об уровне американской военной мощи в Корее, а также планы военных приготовлений Запада на Рейне.

Немедленно последовал арест Росслера и Шнипера. Их обвинили в нарушении того раздела швейцарского уголовного кодекса, где говорится о швейцарском нейтралитете. В суде Росслер доказывал, что в его отчетах содержалось не больше секретной

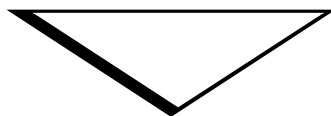
информации, чем может добыть любой иностранный корреспондент, читая открытую прессу. Он предъявил фантастический список, состоявший из 20 000 наименований статей, чтобы подтвердить свое утверждение. Однако вряд ли это хоть как-то могло бы объяснить наличие микрофильма в банке с медом.

И Росслер, и Шнипер были признаны виновными и приговорены к годичному тюремному заключению.

Росслер, как иностранец, подлежал депортации из Швейцарии, однако он заявил протест, и суд в последовавшем решении указал, что нельзя настаивать на депортации «из-за огромных заслуг Росслера перед Швейцарией в военное время и из-за того серьезного положения, в котором может оказаться Росслер, как лицо без гражданства, в случае, ежели распоряжение о депортации будет вынесено».

Рудольф Росслер умер в Люцерне несколько лет назад.

ГЛАВА 11

«ЦИЦЕРОН»

Это рассказ о самом удачливом немецком агенте времен Второй мировой войны, который в то же время был самым неудачливым шпионом в современной истории. Благодаря соединению нацистской тупости с нацистским же двуличием «Цицерон» мало чего добился и для своих немецких хозяев, и для себя.

Его самый большой успех, один из наиболее смелых в истории шпионажа, был фактически сведен на нет. Причины таковы:

1. Из-за личной вражды между нацистским министром иностранных дел Риббентропом и шефом германской секретной полиции Кальтенбруннером, которая подрывала почти все попытки использовать в полной мере сенсационное проникновение «Цицерона» в британские секреты.

2. Большая часть нацистских выплат «Цицерону» — около 250 000 фунтов стерлингов — была произведена поддельными банкнотами Банка Англии, изготовленными нацистами.

«Цицерон» — это псевдоним, под которым нацисты числили личного слугу сэра Хью Кнетчбулл-Хьюгессена — посла Великобритании в Турции в годы Второй мировой войны. На протяжении шести месяцев в 1943–1944 годах «Цицерон» крал у посла совершенно секретные британские документы и продавал их немцам. Его настоящее имя было Элиса Базна, и не было у него ни опыта, ни умения, чтобы стать настоящим мастером шпионажа. Скорее, нацистским агентом он стал до некоторой степени случайно.

По словам его непосредственного начальника в Анкаре тех дней, сотрудника австрийской СД (нацистская служба безопасности) Людвига Мойша, впервые «Цицерон» появился в резиденции первого секретаря германского посольства Альберта Йенке 26 октября 1943 года. Его провели к атташе секретной полиции

Мойишу, которому «Цицерон» и предложил совершенно секретные документы из расположенного неподалеку британского посольства за 20 000 фунтов стерлингов наличными.

Широко разрекламированная версия самого «Цицерона» заставляет усомниться в словах полицейского атташе. Конечно же, немцы его знали и раньше, ибо незадолго до этого он служил личным шофером у Йенке, однако был уволен, поскольку «действительно сунул нос в их личные бумаги и даже сфотографировал некоторые из них». После этого, по его собственным словам, «Цицерон» и решил стать шпионом. Он откликнулся на весьма кстати появившееся объявление в турецкой газете, в котором говорилось, что первому секретарю британского посольства требуется шофер.

«Цицерон» не упомянул о том, что после того, как он был пойман на шпионаже за Йенке (для кого?), его просто поставили перед выбором: или понести наказание, или стать немецким шпионом. И потому вполне возможно, что «Цицерон» был нацистским агентом в британском посольстве.

Факт, что «Цицерон» согласился на зарплату в сто фунтов стерлингов — самую низкую из всех, получаемых им впоследствии за работу в британском посольстве. На собеседовании в английском посольстве он объяснил, что родился на территории нынешней Югославии, однако еще ребенком был увезен в Турцию. Он-де может говорить по-турецки, по-французски, немного по-немецки и гречески, а также читает и понимает по-английски, однако испытывает трудности при разговоре.

Похоже, что служба безопасности британского посольства на пятом году войны несколько небрежно относилась к своим обязанностям. Ведь одного факта, что человек некоторое время работал в германском посольстве, было достаточно, чтобы возбудить подозрения. Однако никаких проверок не проводилось, и летом 1943 года «Цицерон» был принят на должность личного шофера первого секретаря британского посольства. По его собственному признанию, по прошествии очень небольшого отрезка времени он уже начал читать папки с секретными бумагами, которые первый секретарь приносил домой, чтобы заняться ими вечером.

Однако «Цицерон» быстро понял, что если он хочет быть настоящим шпионом, он должен проникнуть непосредственно в британское посольство. Осенью 1943 года у него «появился шанс, который нельзя было упустить». Он узнал, что британскому послу нужен личный слуга. Имея опыт работы у Йенке в той же должности, «Цицерон» считал, что у него достаточная квалификация для того, чтобы стать «джентльменом у джентльмена».

«Цицерон» был человек изобретательный. Он с растущим интересом наблюдал за очаровательной няней, служившей в се-

мье первого секретаря, Марой, которая недавно пережила неудачный любовный роман. Он намекнул тоскующей Маре, что влюбился в нее. И даже пошел дальше, рассказав, что у него есть жена, с которой он давно не живет, и четверо детей, и что он считает, что лучше ему уйти с этой работы шофера первого секретаря, чтобы избежать большого несчастья. Мара, которая не возражала против ухаживаний «Цицерона», запротестовала. Зачем уходить? Он лукаво высказал предположение, что, возможно, неплохо было бы, если бы он сумел стать слугой у посла. Тогда они смогли бы и дальше встречаться, однако не работать в одном и том же доме. Он высказал предположение, что она могла бы замолвить о нем словечко перед своей хозяйкой. Мара так и сделала.

Во второй половине октября «Цицерона» пригласили на разговор к сэру Хью Кнетчбуллу-Хьюгессену. Сэр Хью был сама любезность. Задав несколько вопросов, он сказал «Цицерону», что тот принят и может немедленно приступить к работе. Затем, игнорируя присутствие «Цицерона», посол продолжил обсуждение с первым секретарем важных депеш, только что поступивших из Лондона.

В тот вечер «Цицерон» увидел, как первый секретарь взял из посольства только что поступившие документы, чтобы заняться ими дома. Однако у первого секретаря на вечер была назначена какая-то встреча. И через несколько часов «Цицерон» сфотографировал документы «лейкой», одолженной у знакомых. Первый же документ показал, что риск его был оправдан: в нем приводились подробные цифры о поставках материалов из Соединенных Штатов в Россию в первые два года после заключения соглашения о ленд-лизе. Второй документ оказался протоколом первой встречи конференции министров иностранных дел союзников, которую Молотов, Иден и Корделл Холл провели в Москве.

«Цицерон» обдумал следующий шаг. Он решил подождать следующего утра, когда он переедет в британское посольство. Он обнаружил, что хотя секретные документы надежно охранялись в канцелярии посольства, каждый вечер посол тоже брал самые важные телеграммы, депеши и меморандумы в свою спальню в закрытом портфеле министерства иностранных дел. Поздно вечером или рано утром посол знакомился с этими совершенно секретными документами в постели.

Все, что «Цицерону» было нужно, — это ключ к портфелю сэра Хью. И через несколько дней ему необыкновенно повезло. Сэр Хью, прекрасно сознающий важность этих ключей, обычно носил их в кармане своего халата. Но однажды утром случайно оставил их на прикроватном столике. «Цицерон» не зевал и

успел с помощью воска снять слепок с ключей до того, как посол вернулся за ними.

Через несколько часов у «Цицерона» уже были дубликаты всех ключей, и с этого момента он начал систематически шпионить за англичанами. Почти каждый вечер он брал английские документы с грифом «секретно», фотографировал их и возвращал на место, не вызывая у посла ни малейших подозрений относительно того, что происходит. К концу октября у «Цицерона» было уже более пятидесяти фотографий секретных британских телеграмм, меморандумов и депеш, касающихся многих аспектов войны. 26 октября он вышел на контакт с немцами.

Был ли атташе тайной полиции Мойиш так удивлен этим, как он об этом говорил позднее, вопрос открытый, однако нет сомнений, что его поразила сумма, запрошенная «Цицероном» — 20 000 фунтов стерлингов наличными. Мойиш стал было возражать. «Цицерон» тут же прекратил торговлю и показал пальцем на расположенное поблизости советское посольство. Русские были бы только рады заплатить ему любую цену, чтобы иметь возможность читать секретные английские документы.

«Цицерон» принял уверения Мойиша, что деньги могут быть выплачены только по распоряжению Берлина, и новая встреча была назначена через четыре дня у сторожки в саду германского посольства. Роль шпиона необыкновенно понравилась «Цицерону».

На следующее утро послу фон Папену рассказали о предложении «Цицерона». Он немедленно отправил сообщение нацистскому министру иностранных дел фон Риббентропу, кратко извещая, что слуга британского посла предложил секретные английские документы за 20 000 фунтов стерлингов. В дальнейшем за каждую пленку нужно будет платить по 15 000 фунтов стерлингов. Фон Папен запросил инструкции. Риббентропу понадобилось три дня, чтобы ответить. И вскоре фон Папен получил указание согласиться... «приняв все меры предосторожности». В сообщении также говорилось, что через несколько часов прибудет курьер с 20 000 фунтов стерлингов.

На следующий вечер «Цицерон» проскользнул в сад германского посольства. Мойиш ждал его. «Цицерон» передал ему две пленки микрофильмов и потребовал деньги. Однако немцы — осторожная нация, и Мойиш сначала пересчитал банкноты на глазах у «Цицерона», а потом сказал, что не может отдать деньги, пока пленки не будут проявлены. «Цицерон» принял условие. В темной комнате посольского подвала уже ждал фотограф, и вскоре Мойиш получил первые снимки британских документов. Они были подлинными, исполненными в характерном английском стиле британской дипломатической службы: «От го-

сударственного секретаря — Е.П. Послу, Ангора». Никто, кроме англичан, не пользовался этим устаревшим, англизированным названием Анкары!

Мойиш поднялся наверх и молча протянул «Цицерону» 20 000 фунтов стерлингов. «Цицерон» беспечно взял их. И выходя из германского посольства, он лишь прошептал: «Завтра в это же время».

В ту ночь немцы проявили все пленки, полученные от «Цицерона», и утром Мойиш держал в руках более пятидесяти совершенно секретных английских документов, ни один из которых не был более чем двухнедельной давности. Большую часть из них составляли телеграммы из министерства иностранных дел в Лондоне в английское посольство в Анкаре. Самыми сенсационными оказались телеграммы, которыми обменивались Лондон, Вашингтон и Москва по вопросам отношений союзников.

Однако самой неожиданной для немецких дипломатов в Анкаре оказалась телеграмма, вскрывающая степень проникновения авиации Его Величества на территорию официально нейтральной Турции. До этого момента немцам почти ничего не было известно по этому вопросу.

Когда фон Папен сам прочитал британские документы, он мог лишь пробормотать: «Фантастика... невероятно», и отдал приказ проверить всех слуг-турок, работавших в германском посольстве.

В тот же день, в десять часов вечера «Цицерон» снова вошел в сад германского посольства. Пользуясь другими ключами, дубликаты которых у него были, он начал фотографировать документы из красного ящика, хранившегося в кабинете английского посла, и подготовил еще один ролик микрофильма. Мойиш смущенно признался, что у него не хватает денег, чтобы заплатить за фильм — Берлин больше ничего не присылал. Однако «Цицерон» не стал делать проблему из такой мелочи: германский кредит — дело хорошее, заверил он Мойиша. Пусть Мойиш подготовит 30 000 фунтов стерлингов, когда он принесет ему следующую пленку.

На этот раз содержание британских документов оказалось еще более сенсационным. В одной из телеграмм говорилось о серьезных трудностях в отношениях с русскими на конференции министров иностранных дел в Москве, о чем Уинстон Черчилль сообщил лишь на закрытом заседании Палаты общин.

Сразу, как только документы, переданные «Цицероном», были проявлены, они были в закодированном виде отправлены в Берлин. Фотографии же последовали обычным дипломатическим багажом. И едва они достигли нацистской столицы, как фон Папен и Мойиш были засыпаны вопросами. Все мыслимые

организации в Берлине, от министерства иностранных дел до офиса шефа безопасности рейха, к которому относился по службе Мойиш, желали получить ответы на множество вопросов. Как удалось «Цицерону» сфотографировать эти документы? Как он получает эти документы? Есть ли у него помощник?

Чаще всего встречался вопрос: «Требуем точной информации, кто такой «Цицерон». В Берлине было известно, что он — слуга британского посла. В конце концов раздраженный Мойиш предложил, что он отправится сам в британское посольство и все узнает, если ему позволят сделать это! Вопрос отпал сам собой.

В Берлине фон Риббентроп был уверен, что вся эта история с «Цицероном» — не более, чем британская ловушка. И хотя он всячески старался продемонстрировать свое презрение к англичанам, но сам жил в постоянном страхе, что англичане его обманут. Он категорически отказался поверить в подлинность «цицероновских» документов, как отказался и пользоваться этими документами в работе.

В конце концов Мойиш получил приказ вылететь в Берлин и доложить о деле. Полет проходил с посадкой в Софии, Болгария, куда шеф Мойиша, Кальтенбруннер, прислал за ним личный самолет. Кальтенбруннер спорил с Риббентропом относительно подлинности документов «Цицерона» и был полон решимости заполучить все факты о деле «Цицерона» раньше Риббентропа. Поэтому Мойиша сразу после прибытия в Берлин доставили в личный офис Кальтенбруннера, где его ждала группа гестаповских специалистов, занимавшихся изучением британских документов. Они подробно расспрашивали Мойиша относительно того, не может ли «Цицерон» быть двойным агентом англичан, на что Мойиш мог лишь ответить, что на документах есть все признаки, подтверждающие их подлинность.

Кальтенбруннер прямо признал, что использование информации от «Цицерона» оказалось фактически невозможным из-за противодействия Риббентропа. Министр иностранных дел был уверен, что все это дело — британская уловка, однако это не помешало ему убеждать Гитлера поверить ему!

Один важный результат все же был получен. Абверовские станции радиослежения в течение долгого времени как обычно записывали на пленку все передачи британского министерства иностранных дел, хотя и не могли их расшифровать и прочитать. Телеграммы, добытые «Цицероном», показывали время передач, дату, а также другие служебные пометки, принятые у англичан, и пользуясь ими, немцы смогли сопоставить тексты радиоперехватов, записанных на пленку, с текстами телеграмм, и в результате им удалось расшифровать один из главных британских шифров.

Как и положено, Мойиш предстал перед нацистским министром иностранных дел. У него еще раньше бывали расхождения с Риббентропом, и потому прием его ожидал весьма прохладный. Отношение Риббентропа к этому делу выразилось в его фразе: «Это слишком хорошо, чтобы быть правдой». Он велел Мойишу остаться в Берлине. И в то время как «Цицерон» безуспешно пытался связаться со своим единственным знакомым контактом среди немцев, Мойиш две недели просидел в Берлине, пока 22 ноября 1943 года ему, наконец, не разрешили вернуться в Анкару.

В тот день американский президент Рузвельт прибыл в Каир для встречи с Черчиллем и китайским генералиссимусом Чан Кайши. За этой встречей через две недели последовала историческая конференция в Тегеране с участием Рузвельта, Черчилля и Сталина. Позднее «Цицерон» сообщил немцам подробности этой встречи.

Как только Мойиш добрался до Анкары, секретарь доложил, что ему неоднократно звонил какой-то таинственный незнакомец, которому срочно необходимо было встретиться с полицейским атташе. Вскоре действительно последовал звонок от «Цицерона». Перед отъездом в Берлин Мойиш передал ему 15 000 фунтов стерлингов за полученный микрофильм. В Берлине Кальтенбруннер заверил Мойиша, что 200 000 фунтов стерлингов будут высланы ему в Анкару, и потому он может продолжить платить «Цицерону» за микро пленки.

«Цицерон» подготовил еще одну пленку с секретными британским документами и спросил Мойиша, не окажет ли тот ему услугу: из тех 15 000 фунтов стерлингов, что причитались ему за пленку, пять тысяч «Цицерон» желал бы получить в американских долларах. Мойиш с радостью согласился со шпионом. На следующий день, взяв пять тысяч фунтов стерлингов из двухсот тысяч, полученных от Кальтенбруннера, он приобрел на них доллары, которые вечером передал «Цицерону».

Однако спустя некоторое время управляющий банком, услугами которого пользовалось германское посольство в Анкаре, позвонил в посольство и в состоянии крайнего волнения поведал следующее: те пять тысяч фунтов стерлингов, который Мойиш уплатил за доллары, банк продал швейцарскому покупателю. Вскоре деньги оказались в Лондоне, где Банк Англии заявил, что БАНКНОТЫ ПОДДЕЛЬНЫЕ. Мойиш телеграфировал в Берлин. Последовал возмущенный ответ: банкноты подлинные, однако Мойишу БЫЛО ПРЕДЛОЖЕНО КОМПЕНСИРОВАТЬ ТУРЕЦКОМУ БАНКУ ЭТИ ДЕНЬГИ, ВЗЯВ НУЖНУЮ СУММУ ИЗ ДРУГИХ ФОНДОВ ПОСОЛЬСТВА. Полицейский атташе был озадачен, «Цицерон» же по-прежнему ни о чем не подозревал.

До самого декабря, ставшего для «Цицерона» «звездным» месяцем, он почти каждый вечер встречался с Мойишем. К этому времени «Цицерон» превратился в своего рода постоянного курьера, доставлявшего самые последние телеграммы английского министерства иностранных дел из британского посольства в германское. Однако в интересах безопасности «Цицерон» больше не ходил сам в германское посольство. Мойиш приобрел «опель адмирал» с гражданскими номерами и каждый вечер подбирал «Цицерона» в разных, заранее оговоренных местах Анкары. Сидя на заднем сиденье, «Цицерон» в темноте машины передавал ролики микрофильма человеку из СД, который взамен давал ему деньги — обычно в однофунтовых банкнотах. «Цицерон» заверил Мойиша, хотя он и притворялся перед немцами, что не знает английского, что документы все — первостепенной важности. И так оно и было.

Мойиш теперь сам проявлял все микрофильмы, и когда после полуночи он взял их в темную комнату посольства и проявил, то оказалось, что у него в руках — полный набор протоколов Каирской и Тегеранской конференций, переданных из Лондона лично сэру Хью Кнетчбулл-Хьюгессену для ознакомления.

Когда спустя несколько часов Мойиш и фон Папен изучили документы, они буквально лишились дара речи, ибо из переданных «Цицероном» документов ясно поняли, что решения Тегеранской конференции означали смертный приговор нацистской Германии. Это был пик шпионской карьеры «Цицерона».

На следующий вечер, 6 декабря, «Цицерон» принес ролик микроплёнки, которая еще больше потрясла фон Папена. Из документов следовало, что в предыдущие три дня, в полной тайне от немецкого посольства в Анкаре, турецкий президент Исмет Инону и его министр иностранных дел Нуман Менемениоглу встречались в Каире с Рузвельтом и Черчиллем. Западным лидерам, однако, не удалось уговорить турок вступить в войну.

Подробности Каирской и Тегеранской конференций, а также турецкого визита в Каир были отправлены в Берлин. Однако Риббентроп по-прежнему был уверен, что это британская ловушка!

Через несколько вечеров Мойиш, как обычно, подобрал «Цицерона» в условленном месте. Они ехали по городу, когда сидевший за рулем немец был на мгновение ослеплен мощным светом фар, отразившимся от бокового зеркала. Он смог лишь заметить, что за ними следует длинная черная американская машина. Мойиш поехал медленнее. Преследователи сделали то же самое. Он поехал быстрее — американцы тоже. Мойиш попытался было быстро свернуть за угол. Водитель у «американки», по-видимому, был мастером своего дела и тут же вновь сел «на хвост»

Мойишу. Через заднее стекло «Цицерон» смог разглядеть худое, длинное лицо водителя. Он достал из кармана оружие и бросился на пол машины, чтобы его не успели опознать. В конце концов Мойишу удалось оторваться от преследователей, однако и он сам, и «Цицерон» были потрясены случившимся. Кто пытался выследить их?

Нет данных, дающих основание предположить, что до этого момента у английской службы безопасности были какие-либо подозрения относительно утечки информации из посольства в Анкаре.

Однако у их американских коллег из Отдела стратегических служб в военное время был свой шпион в Берлине, и слухи о том, что происходит, похоже, достигли офиса м-ра Аллена Даллеса в Берне. Есть основание верить, что именно американский агент в Турции и преследовал Мойиша и «Цицерона». Американцы, без сомнения, уже давно слышали о псевдониме «Цицерон», хотя и не знали, кто скрывается за ним.

Открытие секретов Каирской и Тегеранской конференций, столь поразивших немецких дипломатов в Анкаре, не произвело никакого впечатления на Риббентропа. И когда один из немецких экспертов по неосторожности оставил свой отпечаток пальца на одной из фотографий, переданных «Цицероном», подозрения Риббентропа достигли пика. Немцы были уверены, что у «Цицерона» был помощник. На Мойиша обрушилась новая волна вопросов. И хотя ни один умный немецкий специалист никогда не поверил бы в это, но большую часть своих фотографий «Цицерон» делал, просто прижимая документ к оконному стеклу и фотографируя его «лейкой».

Риббентроп по-прежнему упорствовал в своих подозрениях. Он отправил в Анкару знающего французский язык немца, который стоял за занавеской, слушая, как Мойиш терзает «Цицерона» вопросами из анкеты, составленной техническими специалистами в Берлине. В конце эксперт вынужден был признать, что вполне возможно, что «Цицерон» действительно делал фотографии таким способом, как он утверждает.

Незадолго до Рождества 1943 года «Цицерон» вновь подготовил ролик микрофильма с совершенно секретными британскими документами, касающимися британского проникновения в нейтральную Турцию. Из этих документов становилось ясно, что турки, сознавая, что военная ситуация для Германии неуклонно ухудшается, начали уступать давлению союзников и что значительное число британских моряков, солдат и военных уже находилось в Турции под видом гражданских служащих!

Фон Папен был встревожен. Он упорно боролся за сохранение турецкого нейтралитета и решил немедленно действовать,

даже не проконсультировавшись с Риббентропом, который все равно ненавидел посла.

Германский посол попросил аудиенции у турецкого министра иностранных дел Менеменсиоглу. Ни словом не намекнув на источник информации, фон Папен выразил турецкому министру протест относительно серьезного нарушения турецкого нейтралитета, имевшего место в недавнем прошлом. В ответ фон Папен услышал заверения, что его подозрения весьма преувеличены. Но как только фон Папен ушел, Менеменсиоглу послал за британским послом и рассказал ему о разговоре с немцем.

Теперь уже встревожился и сэр Хью Кнетчбул-Хьюгессен. Он отправил срочную депешу в министерство иностранных дел в Лондон, в котором ключевым предложением было следующее: «Фон Папен, очевидно, знает больше, чем следует». Спустя сутки «Цицерон» уже привычным способом передал фотокопию этого послания немцам.

Сегодня можно утверждать, что действия фон Папена были необдуманными, поскольку информация, которую британский посол получил от турецкого министра иностранных дел, без сомнения, заставила англичан впервые задуматься над тем, что здесь, в Турции, могут происходить серьезные утечки информации.

Все устройства безопасности в британском посольстве подверглись самой дотошной проверке. Были проверены все окна и замки. Тщательно разработанные специальные устройства были установлены в сейфах. В посольстве были введены дополнительные меры безопасности. Никто, однако, не мог даже помыслить, что каждый вечер совершенно секретные документы часами оставались фактически неохраняемыми на прикроватном столике посла, в то время когда слуга гладил посольские брюки и чистил его туфли. Не обыскали и квартиру слуги, где под ковром лежала сумма, превышающая сто тысяч фунтов стерлингов.

«Цицерон» стал несколько осторожнее в своих действиях, однако ролики с микропленкой по-прежнему попадали к Мойишу.

В конце 1943 года «Цицерон» снял копии военных планов, одобренных месяцем ранее британскими, американскими и русскими штабами на Тегеранской конференции. Они включали в себя и программу массированных воздушных ударов по удерживаемым немцами целям на Балканах, и столица Болгарии София была первой в этом списке. Налет авиации союзников был назначен на 14 января 1944 года. В Берлине решили, что если налет действительно состоится, значит, документы «Цицерона» подлинные, и потому никаких предупреждений болгарам не после-

довало, и четыре тысячи человек, в основном женщины и дети, погибли в результате налета. Теперь и Риббентроп почти поверил «Цицерону».

Болгарской столице суждено было еще раз сыграть важную роль в истории с «Цицероном». За несколько дней до налета к Мойишу из Софии прибыл новый помощник — восхитительная двадцатидвухлетняя блондинка, дочь немецкого дипломата, которую, по словам «Цицерона», звали Корнелия Кнапп. Большую часть своей жизни она провела в Соединенных Штатах и в Париже и именно в качестве переводчика с английского и французского она и была направлена в штат Мойиша. Когда она впервые оказалась в Анкаре, все сведения о «Цицероне» держались от нее в секрете. И тем не менее спустя несколько недель она сыграла ключевую роль в истории с «Цицероном».

В течение первых недель 1944 года Мойиш начал отмечать появление в британских документах кодового названия «Операция Оверлорд». Никто не знал, что это означает. Название привлекло внимание Берлина. Во все германские посольства и всем секретным агентам были разосланы срочные послания с просьбой немедленно выяснить, что скрывается за названием «Оверлорд».

Однажды, изучая новый, полученный от «Цицерона» микрофильм, Мойиш отметил, что к концу мая должны быть закончены некие переговоры между Турцией и западными державами. Это возбудило его любопытство. Он обратился к своим архивам и просмотрел протоколы Тегеранской конференции, после чего пришел к выводу, что «Операция Оверлорд» почти наверняка означает открытие второго фронта в Европе. Мойиш сообщил о своих предположениях в Берлин, снабдив их очевидными доказательствами. Риббентроп не обратил на них никакого внимания. В Анкару отправился ответ: «Возможно, но крайне маловероятно».

Правильность сделанных Мойишем выводов была доказана 6 июня, когда британские, канадские и американские войска под командованием генерала Эйзенхауэра обрушились на побережье Нормандии.

На протяжении первых недель 1944 года поведение нового переводчика Мойиша становилось все более неудовлетворительным. Девушка была истеричной и абсолютно не работоспособной. Только что находясь на вершине блаженства, она могла через минуту сидеть за своим столом и плакать. Иногда она казалась очень интеллигентной и умной, а через день, переводя английские газеты и документы, могла допустить массу ошибок и неточностей. Мойиш стал задумываться, как бы от нее избавиться. Однако ее первоначальное назначение уже вызвало много труд-

ностей в Берлине, и посол фон Папен, знавший ее отца, не хотел предпринимать каких-либо действий.

Девушка не имела доступа к секретным документам, однако знала о «Цицероне», услышав это имя, когда замещала временно отсутствующего секретаря Мойиша. На следующий день она прямо спросила: «Кто такой «Цицерон»?» И когда Мойиш отказался отвечать на ее вопрос, она лишь рассмеялась.

Через несколько дней случилось так, что Мойиш подвез девушку в центр Анкары, где она хотела кое-что купить. Девушка не умела говорить по-турецки. Мойиш согласился пойти с ней в магазин готовой одежды. Зайдя в магазин, они обнаружили там «Цицерона», покупающего дамское белье для своей любовницы. Ни «Цицерон», ни Мойиш ни словом, ни взглядом не дали понять, что они знакомы. Однако когда хорошенькая блондинка, казалось, попала в затруднительное положение, «Цицерон» подошел к ней и талантливо предложил помочь ей с переводом на турецкий. В течение нескольких минут он служил ей манекеном, которого она драпировала в выбранные ею ткани, чтобы посмотреть, подходят ли они ей. Они расстались, обменявшись обычными любезностями, в которых принял участие и весьма смущенный Мойиш.

А спустя несколько дней «Цицерон» пережил шок. В гостинице отеля «Анкара Палас» он снова увидел эту блондинку в сопровождении высокого, симпатичного молодого американца. «Цицерон» взглянул на его лицо и обомлел: это был водитель длинной черной машины, преследовавшей «Цицерона» и Мойиша по всей Анкаре!

Во второй половине марта истеричное поведение и постоянные ошибки в работе — как в переводах, так и при печатании текстов, переполнили чашу терпения посольских служащих. Посол фон Папен написал отцу девицы, в то время служившему в Будапеште, и предложил забрать ее домой... по причине слабого здоровья. С каждым днем она, похоже, становилась все более нервной. Так, однажды у нее состоялась серьезная беседа с Мойишем о перспективах войны, в которой она, похоже, выразила сомнение в отношении германской победы. В начале апреля она попросила Мойиша, не отпустит ли он ее провести Пасху с семьей в Будапеште.

Это была посланная богом возможность раз и навсегда избавиться от нее! Однако Мойиш сделал вид, что весьма неохотно дает свое согласие. Она должна была уехать из Анкары поездом в Стамбул за несколько дней до Пасхи. Мойиш сказал, что проводит ее, однако переводчица заверила его, что в этом нет никакой необходимости. Мойиш настаивал. Он хотел просто удостовериться, что она действительно уехала. Но когда поезд ушел,

блондинки на нем не оказалось. И до этого случались побег из германской дипломатической колонии в Турции. Немедленно были поставлены в известность турецкие власти, однако им так и не удалось найти блондинку. Об ее исчезновении сообщили в Берлин.

В течение нескольких дней Мойиша преследовали таинственные телефонные звонки. Звонили агенты разведки союзников, которые настаивали, что ему тоже следует сдать. Они ясно дали ему понять, что блондинка по-прежнему в Анкаре и находится у союзников. В связи с исчезновением блондинки было предпринято официальное расследование, и Мойиш принимал в нем участие, когда неожиданно получил письмо с почтовым штампом Анкары. В конверте находился листок белой бумаги, на котором было напечатано по-немецки: «В британском посольстве все известно про «Цицерона». В одном предложении было сделано две ошибки!

Блондинка была секретным агентом американского Отдела стратегических служб. В начале войны она вернулась в Германию из Соединенных Штатов, однако ее симпатии по-прежнему оставались на стороне Америки. И когда Мойишу понадобился помощник, она ухитрилась получить эту работу.

Много лет спустя, живя с семьей и мужем-американцем в Калифорнии, она призналась:

«Я не сомневалась, что шпион «Цицерон» работал в британском посольстве. И я действительно несколько раз говорила с ним по телефону».

В течение всего периода работы в офисе Мойиша она регулярно снабжала информацией американцев, находившихся в Турции. Однако нервное напряжение было столь велико, что она была вынуждена принимать наркотики, факт, которым и можно объяснить ее странное поведение.

В конце марта у нее было достаточно информации, чтобы «вычислить» «Цицерона», и следуя американским инструкциям, она попросила разрешения навестить родителей. Она не могла больше выносить напряжения, связанного с ее шпионской деятельностью. Через день или два она вылетела на самолете в Каир, где и рассказала людям из британской секретной службы о существовании «Цицерона». По ее собственным словам: «Для англичан это была ужасная пощечина».

Это был конец «Цицерона», большого мастера шпионажа. Мойиш предупредил «Цицерона», что блондинке известна его кличка, хотя у нее нет каких-либо компрометирующих его документов. Ее исчезновение означало, что было бы благоразумно со стороны «Цицерона» быстренько покинуть Анкару. Партнеры по одному из самых сенсационных дел пожали друг другу руки, и

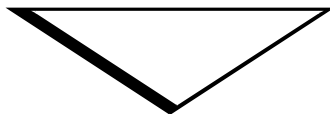
«Цицерон» исчез.

Мойиш утверждал, что «Цицерон» получил от немцев более трехсот тысяч фунтов стерлингов, из которых сорок тысяч составляли настоящие деньги и драгоценности.

Мойиша вызвали в Берлин. Его тайно предупредили, что гестапо следит за ним. И тогда он стал откладывать свой отъезд то под одним, то под другим предлогом до тех пор, пока Турция не вступила в войну на стороне союзников. После чего Мойиш был интернирован, а после войны репатрирован в свою родную Австрию. В последний раз, когда автор слышал о нем, он тихо и мирно жил недалеко от Инсбрука.

«Цицерон» вновь всплыл на поверхность, объявившись с грандиозными планами строительства шикарного отеля на одном из турецких курортов на средства, полученные им от шпионажа. И лишь когда его проект стал воплощаться в жизнь, «Цицерон» узнал, что большая часть денег, полученных им от нацистов, — фальшивки. Он был разорен.

Долгое время он жил на одной из окраинных улочек Стамбула. В 1961 году он ездил в Германию, чтобы потребовать от федерального германского правительства в Бонне компенсировать ему те суммы денег, на которые их нацистские предшественники обманули его. Но безуспешно!

«АТОМНЫЕ» ШПИОНЫ

На рассвете 16 июля 1945 года, когда Черчилль, Трумэн и Сталин собрались в Берлине на Потсдамскую конференцию, в пустыне Аламогордо, штат Нью-Мексико, была взорвана первая атомная бомба. На холмах, в двадцати милях от места взрыва, располагалась избранная группа ученых из стран-союзниц, чья работа и сделала возможным этот взрыв, она впервые наблюдала грибовидный столб и огненный смерч, сопровождавшие взрыв. Среди них был и британский физик немецкого происхождения доктор Клаус Фукс, чей вклад в проведение столь успешного эксперимента был весьма значительным.

Ровно через неделю после этого события президент Трумэн, после долгих сомнений и дискуссий с Черчиллем, сообщил Сталину о взрыве бомбы в неофициальной обстановке на Потсдамской конференции. Русский выслушал вежливо, но, похоже, не выразил особого удивления. Трумэн решил, что Сталин просто не смог оценить значение нового оружия. Однако представляется куда более вероятным, что Сталин уже знал о готовящемся взрыве, и лишь его дата была для него новостью, поскольку руководитель ГРУ в Москве постоянно информировал Сталина и его Политбюро о прогрессе в западных ядерных исследованиях. И мало было такого в фундаментальных принципах строения бомбы, чего не знали бы русские. Но ни Черчилль, ни Трумэн в тот июльский день 1945 года не имели ни малейшего представления о том, насколько хорошо осведомлены их русские союзники о самом секретном англо-американском военном проекте.

И прошло два месяца, прежде чем президент Трумэн в Вашингтоне и премьер-министр Эттли, сменивший Черчилля, в Лондоне узнали от взволнованного канадского премьер-министра, мистера Маккензи-Кинга о том, что советским шпионам удалось узнать по крайней мере несколько секретов атомной бомбы.

И прошло еще пять лет, прежде чем правительства Великобритании и Америки в полной мере оценили степень проникновения секретных советских служб в их главные секреты летом и осенью 1945 года.

Возможно, что западным союзникам просто повезло, что они осенью 1945 года узнали хотя бы то, что узнали. Поскольку канадский кабинет министров и журналисты едва не упустили величайшее признание, когда-либо сделанное сотрудником советской военной секретной службы.

Вечером 5 сентября 1945 года один из второстепенных сотрудников ГРУ, шифровальщик, лейтенант Игорь Гузенко в последний раз вышел из здания советского посольства в Оттаве, где он служил уже в течение двух лет. Из стального сейфа своего шефа — официально военного атташе, а фактически руководителя резидентуры ГРУ в Канаде, полковника Николая Заботина, он взял папку с более чем сотней секретных документов и телеграмм, которые он тщательно отбирал в течение предыдущих нескольких недель. Некоторое время назад Гузенко, дитя послереволюционной России, решил, что ему куда больше нравится жизнь на капиталистическом Западе. И когда пришло сообщение о вызове его в Москву, в Центр, он решил вместе с женой и маленьким сыном просить убежища в Канаде.

Покинув посольство, Гузенко сразу же отправился в редакцию газеты «Ottawa Journal», не без оснований полагая, что может предложить журналистам одну из величайших сенсаций в истории журналистики.

Хотя Оттава и столица Канадской Федерации, но, по словам дипломатов, работавших в то время в Канаде, она была в те годы довольно провинциальным городом. И подавляющее большинство оттавских журналистов осени 1945 года вполне можно было отнести к этой же категории. Гузенко, ожидавшего распростертых объятий, встретили с плохо скрываемым подозрением. Документы, представленные им, были на русском языке, тогда как никто из журналистов редакции ни сам не мог читать по-русски, ни счел нужным поискать кого-либо, умеющего это делать. И потому Гузенко просто посоветовали: «Это дело нас не касается. Идите в Королевскую полицию Канады».

Из редакции Гузенко отправился в министерство юстиции. Время приближалось к полуночи, и ему было велено прийти утром.

К этому времени Гузенко, прекрасно знавший правила советских секретных служб, уже не сомневался, что его шеф из ГБ идет за ним по пятам. Ночь он провел в страхе и тревоге, и на следующее утро, в сопровождении беременной жены и маленького ребенка, Гузенко вновь появился в министерстве юстиции.

Он попросил позволения видеть министра, которым оказался мистер Луи Сен-Лоран, позднее ставший одним из самых выдающихся премьер-министров Канады. Гузенко провели к секретарию министра. Последовал телефонный разговор на французском, которого Гузенко не понимал. Ему сказали, что министр не может принять его.

Гузенко вновь вернулся в редакцию «Ottawa Journal». На этот раз он получил категорический отказ в помощи, однако добрая девушка-репортер высказала предположение, что, может, Гузенко пытается получить канадское гражданство.

Семья Гузенко, в состоянии, близком к истерии, бродила по всей Оттаве. Дружески настроенная к ним женщина из адвокатской конторы пригласила репортера из другой газеты, который оказался столь же провинциальным, как и его коллеги из «Ottawa Journal», и его единственной реакцией были слова, что все это дело — слишком крупное для канадской прессы, которая всегда славилась своей честностью. Совершенно подавленная, семья Гузенко вернулась к себе на квартиру, уверенная, что люди из ГБ уже ждут их дома. Гузенко боялся за свою жизнь, равно как и за жизнь жены и ребенка.

В отчаянии он вышел на балкон своей квартиры, думая насладиться прекрасным осенним вечером. В это время на соседнем балконе находились его сосед, сержант канадских военно-воздушных сил Гарольд Мейн, и его жена. Гузенко рассказал соседу, что ему грозит страшная опасность, и попросил сержанта позаботиться о его жене и сыне. Какой бы осторожной ни была реакция канадского должностного лица, каковым был Гарольд Мейн, он, однако, недолго сомневался относительно того, что следует предпринять. Он пригласил семью Гузенко перейти в его квартиру, а сам отправился в полицию. Он не боялся русской ГБ. Он был у себя в Канаде. Вскоре в квартире появились два констебля, и Гузенко как умел объяснил им свое положение. Полицейские пообещали не спускать глаз с квартиры в течение всей ночи.

Вскоре Гузенко заметил двоих мужчин, сидевших на скамейке и внимательно наблюдавших за окнами его квартиры. Сомнений у него не осталось — это были агенты ГБ.

В полночь Гузенко, уже находившегося в квартире другого соседа, разбудил громкий стук в дверь. Сквозь щель в почтовом ящике он увидел Павлова, шефа ГБ, и трех сотрудников посольства, колотивших в дверь его квартиры. Канадские законы не остановили Павлова, и он отмычкой открыл дверь, и все четверо вошли в пустую квартиру. Сосед Гузенко тут же позвонил в полицию, чтобы сообщить, что в квартиру ворвались незнакомые люди. Двое полицейских, которых Гузенко видел ранее, прибыли на

место и попросили Павлова объяснить причину взлома чужой квартиры. Павлов разозлился. Он предупредил полицейских, что они находятся на территории, являющейся советской дипломатической собственностью. Тогда один из полицейских отправился за инспектором. Шеф ГБ, в чине как минимум подполковника советской секретной службы, был вне себя от ярости. Его еще никогда в жизни не допрашивали. В сопровождении трех компаньонов он шумно покинул квартиру.

Павлову удалось добиться успеха там, где с блеском провалился Гузенко: своими действиями ему удалось убедить канадские власти в том, что ПРОИСХОДИТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕЧТО ВАЖНОЕ. И на следующее же утро в квартире Гузенко появился старший офицер канадской королевской полиции. Он пригласил Гузенко и его семью проехать с ним вместе в министерство юстиции, где Гузенко подробно допрашивали в течение пяти часов сотрудники канадской разведывательной службы МИ5. И чем больше информации сообщал Гузенко, тем больше канадские контрразведчики убеждались в ее ценности.

Гузенко и его жене была обещана защита, а самому Гузенко было предложено рассказать все, что ему известно. Чувствуя, что наконец-то он находится среди друзей, Гузенко пожаловался на свои трудности в общении с департаментом контрразведки, на что ему ответили, что независимо от того, как он оценивает сложившуюся ситуацию, канадские власти далеки от того, чтобы не испытывать интереса к его делу. О прибытии Гузенко в министерство юстиции мистер Сен-Лоран, тогдашний министр юстиции, а позднее премьер-министр, немедленно сообщил в полицию и департамент внутренних дел. В министерстве немедленно затрепыхались, и о деле было доложено лично премьер-министру. С шотландской осторожностью мистер Маккензи-Кинг приказал, чтобы Гузенко немедленно взяли под наблюдение, а решение по его делу отложили на сутки. Павлов снабдил мистера Маккензи-Кинга доказательствами, на которые тот очень надеялся: люди, сидевшие ночью на скамье у дома Гузенко, не были советскими шпионами. Это были детективы из канадской королевской полиции.

С секретного канадского аэродрома Гузенко с семьей самолетом переправили в их новое тайное убежище. Жену, ожидавшую рождения второго ребенка, поместили в госпиталь, где бравый сержант из королевской полиции выступил в роли отца.

Гузенко добровольно согласился на почти безостановочные допросы, и через две недели на секретном совещании мистеру Маккензи-Кингу подробно доложили о сенсационных откровениях советского перебежчика.

Премьер-министру поведали, что «получены доказательства существования подпольной сети агентов, целью которой являет-

ся сбор и получение секретной и конфиденциальной информации у служащих канадского правительства, а также из офиса Верховного комиссара Соединенного Королевства в Канаде мистера Малкольма Макдональда. Эти операции проводились некоторыми сотрудниками советского посольства в Оттаве по прямым указаниям Москвы».

Мистера Маккензи-Кинга информировали о том, что главой сети был советский военный атташе, полковник Заботин, чей псевдоним в сообщениях, полученных из Москвы и отправляемых в Москву, указывается как «Грант».

Длинный список целей и задач советской шпионской сети включал и канадский атомный завод в Чок-ривер, Онтарио.

«Насколько я понял, некоторые подробности производства атомного оружия оказались раскрыты?!» — спросил м-р Маккензи-Кинг. Офицер контрразведки протянул премьер-министру копии двух зашифрованных телеграмм. Первая была получена в советском посольстве в Оттаве не далее, как два месяца назад, 30 июля 1945 года, и была адресована «Гранту»:

«Постарайтесь получить у Алека до его отъезда подробную информацию о развитии работ по урану. Обсудите с ним: считает ли он, что целесообразнее для нашего дела оставаться на месте; сможет ли он сделать это или ему нужнее и полезнее уехать в Лондон». Подписано — Директор.

Телеграмма была отправлена из Москвы 28 июля, через четыре дня после того, как Трумэн сообщил Сталину о взрыве первой бомбы, и менее чем через две недели после взрыва в пустыне Аламогордо.

Вторая телеграмма была датирована 9 августа и помечена «Грант — Директору»:

«Факты, предоставленные Алеком: (1) испытание атомной бомбы было проведено в Нью-Мексико с «49» и «94-239» [типы изотопов урана]. Бомба, сброшенная на Японию [6 августа, два дня назад], была изготовлена из урана 235. Известно, что производится выпуск урана 235 в количестве 400 грамм ежедневно на заводе магнитного разделения в Клинтоне. Выпуск «49» предположительно в два раза больше... Научно-исследовательские работы в этой области готовятся к публикации, однако без указания технических подробностей. Американцы уже опубликовали книгу на эту тему. (2) Алек передал нам платину со 162 микрограммами урана 233 в форме оксида в виде тонкой пластинки».

«Кто этот шпион «Алек»? — спросил м-р Маккензи-Кинг. Контрразведчик не знал. От Гузенко они узнали, что уран 235 был отправлен в Москву со специальным курьером, майором ГРУ, возвращающимся в Россию.

Ключ к установлению личности таинственного «Алека», похоже, был в сообщении, отправленном Заботиным «Директору» в Москву буквально за несколько дней до бегства Гузенко. В нем говорилось о том, что «Алек» возвращается из Канады в Лондон в начале декабря, чтобы приступить к работе в Королевском колледже в Стрэнде. Связь с ним можно будет поддерживать по телефону из Лондона. Он согласился встретиться с агентом ГРУ, который должен ждать его перед входом в Британский музей 7, 17 или 27 октября. Время — 11 часов вечера. Если свидание не состоится, оно переносится на те же дни в ноябре. В качестве опознавательного знака — газета в левой руке. Пароль — «Привет Мителю».

Маккензи-Кинг был напуган. Главные секреты всего англо-канадско-американского проекта создания атомной бомбы явно стали известны врагу. А кроме того, политические осложнения на будущих переговорах с русскими обеспечены. М-р Маккензи-Кинг больше не доверял даже шифрованным телеграммам, передаваемым по дипломатическим каналам, и потому решил лично отправиться в Лондон и Вашингтон. 28 сентября, через несколько дней после секретного совещания, он отбыл в Вашингтон в сопровождении м-ра Нормана Робертсона из департамента внутренних дел и Верховного комиссара Канады из Лондона. Прибыв на место, он отправился напрямик в Белый дом, где выложил откровения Гузенко перед м-ром Трумэнном, главой госдепартамента Джеймсом Бирнсом и директором ФБР м-ром Эдгаром Гувером. Маккензи-Кинг не стал надолго задерживаться в Вашингтоне и вскоре уже вылетел в Нью-Йорк, где сел на борт лайнера «Куин Мэри». 6 октября он прибыл в Саутгемптон и направился в Чекерс на встречу с м-ром Эттли.

М-р Эттли был потрясен показаниями Гузенко не меньше, чем канадский премьер-министр или американский президент. Спустя несколько часов полковник Леонард Барт, руководитель Особого отдела Скотленд-Ярда, уже получил приказ найти ответ на вопрос: «Кто такой Алек?»

На руках у полковника были два ключа: 1. Сообщение Заботина в Москву о том, что «Алек» будет работать в Королевском колледже в Стрэнде. 2. Информация, что «Алек» вернулся в Соединенное Королевство через несколько дней после окончания работ над атомным проектом в Канаде и был предположительно британским ученым. Последовали немедленные проверки факультетских регистрационных журналов Королевского колледжа, а также ученых, работавших на протяжении трех предыдущих лет по другую сторону Атлантики над проектом «Tube Alloys» — как англичане называли проект создания атомной бомбы.

Оба направления расследования неизбежно вывели на тридцатитрехлетнего доктора Аллана Нанн Мей, маленького, лысеющего человека в очках в металлической оправе и с усами «а ля Гитлер», недавно назначенного лектором Королевского колледжа. Был отдан приказ об установлении круглосуточного наблюдения за его квартирой в Стаффорд-Террасе, в Кенсингтоне.

Вскоре было установлено, что доктор Мей вернулся в Соединенное Королевство в середине сентября, через несколько дней после посещения атомного завода в Чок-ривер – второго за последние несколько недель. Сомнений почти не оставалось – доктор Нанн Мей и был «Алеком». Однако никаких действий в отношении него пока решено было не предпринимать. Вместо этого использовали все возможности для полного раскрытия шпионской сети Заботина. Было также установлено длительное сотрудничество д-ра Мей с международным коммунизмом.

Сын обеспеченного меднолитейщика из Бирмингема Аллан Нанн Мей сделал блестящую карьеру в Кембридже, где он в конце концов в 1936 году стал доктором философии. В те бурные дни середины тридцатых годов, когда ненависть к Гитлеру и нацистам была неременным атрибутом мировоззрения большинства молодых интеллектуалов, юный д-р Мей не делал секрета из своих ярко выраженных левых взглядов. Вскоре после защиты докторской диссертации он посетил Советский Союз и провел несколько недель в Ленинграде. Представляется вполне вероятным, что когда осенью 1936 года молодой кембриджский преподаватель покидал Советский Союз, его имя уже значилось в «анналах» одной из советских секретных служб.

Косвенным подтверждением этому могут служить его последующие политические пристрастия. Сразу после своего возвращения из Советского Союза д-р Мей становится членом редакционного совета газеты «Scientific Worker» – органа национальной ассоциации научных работников, организации, среди членов которой было много известных коммунистов.

Незадолго до войны он получил место преподавателя в Лондонском университете и, соответственно, не был призван на военную службу. В мае 1942 года сэр Уолес Эйкерс из британской разведслужбы выбрал его для работы над проектом «Tube Alloys», и Мей присоединился к группе физиков, работавших в Кавендишской лаборатории в Кембридже. В январе 1943 года он вошел в первую группу британских ученых, отправившихся в Северную Америку для совместной работы с американцами над проектом создания атомной бомбы. В документах Канадской королевской Комиссии по атомному шпионажу есть свидетельства того, что д-р Нанн Мей вышел на связь с русской подпольной организацией в Северной Америке «вскоре после своего прибытия в США».

В начале 1945 года Нанн Мей провел больше времени и узнал много больше о том, что происходит в Аргоннской лаборатории, чем любой из британских ученых. С тех пор было официально подтверждено, что чикагская лаборатория внесла куда больший вклад в создание конечного варианта бомбы, чем любое другое учреждение США. Так что можно сказать, что ГРУ имело своего шпиона в самом сердце атомных исследований союзных стран.

В мае 1945 года Нанн Мей, безусловно с одобрения Советов, вновь обратился за разрешением посетить Аргонн. Однако у генерала Лесли Гроувса, шефа атомного проекта США, неожиданно возникли подозрения.

«И хотя у меня не было причин подозревать его — он прошел проверку на благонадежность еще в Британии, — мне не хотелось, чтобы он так много знал о самых последних разработках, — писал впоследствии генерал Гроувс. — Именно по этой причине весной 1945 года я не дал ему разрешения посетить лабораторию в пятый раз за месяц».

Однако у доктора Мея по-прежнему оставались собственные источники информации в Канаде. Предположительно из Монреалья или с канадского завода Чок-ривер он получил жизненно важный образец, который он передал Заботину для последующей отправки в Москву со спецкурьером.

К концу октября 1945 года большая часть этих фактов из жизни д-ра Мея уже стала известна, однако контрразведка не спешила «будить собаку» и торопить события. В контрразведке, в отличие от следствия по уголовному делу, арест — совсем не обязательно наиболее желательная и ближайшая цель. М15 была уверена, что д-р Мей может стать источником куда более важной информации. Согласно данным, полученным из документов Гузенко, д-р Мей должен был в октябре или ноябре встретиться с советским агентом.

День и ночь сотрудники Особого отдела продолжали наблюдения за Меем. Однако в назначенные даты д-р Мей спокойно оставался дома. Не было также никаких признаков появления советского агента у Британского музея. Ноябрь также оказался для контрразведчиков пустым. Ясно, что д-ра Мея предупредили!

Несмотря на международную тревогу, поднятую на самом высоком уровне отравлениями Гузенко, до самого начала 1946 года в западную прессу не просочилось ни словечка о разоблачении советской шпионской группы, и, следовательно, Нанн Мей получил тайное предупреждение воздержаться от встречи с неизвестными агентами ГРУ в Лондоне.

Советскому правительству было известно, что сеть Заботина раскрыта. Через два дня после побега Гузенко канадскому прави-

тельству были переданы две ноты с просьбой выдать Гузенко, обвиненного, как обычно, в растрате советских государственных средств. А спустя еще несколько недель Заботин и его персонал в Оттаве уже знали, что все члены разветвленной канадской сети находятся под подозрением.

Заботин, безусловно, пытался всячески преуменьшить значение побега Гузенко, однако ему не удалось скрыть исчезновения ста секретных документов. И можно предположить, что Центр ГРУ должен был предупредить тех агентов, которые были скомпрометированы Гузенко.

В конце ноября Заботин знал, что и его собственное положение в Канаде весьма непрочное и что ему угрожает опасность. И если он до сего дня не пострадал, то лишь благодаря своему дипломатическому иммунитету. Как и все русские, он, вероятно, боялся, что его могут похитить агенты служб безопасности стран-союзниц. В начале декабря полковник Заботин, заслуженный армейский офицер с превосходным послужным списком, выехал из страны, не поставив в известность канадское правительство, при котором он был аккредитован. На советском корабле «Александр Суворов» он отправился в Нью-Йорк, причем пароход плыл без соблюдения обычных портовых формальностей. А позднее прошел слух, что Заботин умер от «сердечного приступа».

3 февраля американское радио сообщило о раскрытии в Канаде крупной шпионской группы. Через два дня об этом же официально объявила и канадская королевская комиссия. 15 февраля м-р Маккензи-Кинг, который на протяжении предыдущих пяти месяцев находился в незавидном положении человека, вынужденного молчать, наконец, обнародовал основные факты перед канадским парламентом. И после его выступления полиции и в Канаде, и в Англии был дан зеленый свет.

Д-ра Нанна Мея пригласили посетить британское управление по атомной энергии, где его ожидала встреча с подполковником Леонардом Бартом и другими сотрудниками Особого отдела. Мей проинформировали о серьезных утечках информации об атомных разработках, имевших место в Канаде. Ответ Мея звучал так: «Это для меня новость. Впервые слышу об этом».

Подполковник Барт предположил, что есть основание подозревать Нанна Мея в том, что он поддерживал связь с Заботиным и русским офицером, известным контрразведке под псевдонимом Бакстер. Нанн Мей ответил, что не имеет ни малейшего представления, кого имеет в виду контрразведчик. И в дальнейшем категорически отрицал, что когда-либо передавал секретную информацию каким-либо русским агентам. Тогда Барт спросил Нанна Мея, могут ли возникнуть такие обстоятельства, при

которых он был бы готов оказать помощь информацией. Нанн Мей долго молчал. Потом медленно ответил: «Нет, если бы она использовалась для контршпионажа».

Подполковник Барт знал, что перед ним тот, кого он ищет. Последовал обыск на квартире и в кабинете Мей, не давший никаких результатов. Время близилось к полуночи, и Мей разрешили идти домой.

Через несколько дней его вновь допрашивали в офисе на Сэвил Роу. Мей пожаловался на слежку. Тогда Барт обернулся и небрежно бросил своему заместителю, что в будущем им следует быть осторожнее. Нанн Мей явно терял присутствие духа. Его спросили о планировавшейся встрече у Британского музея, и он в конце концов вынужден был признать, что он сам не пошел на встречу, поскольку после возвращения в Англию решил не иметь ничего общего с этим делом. И, наконец, он признал, что передал русскому агенту «микроскопическое количество» урана-233, и согласился сделать соответствующее заявление.

Он сообщил, что год назад в своей квартире в Монреале он встретился с человеком, имя которого Мей назвать отказался, что заставляет предположить, что он точно знал, что могло содержаться в документах, украденных Гузенко.

«Я тщательно обдумал вопрос, чтобы быть уверенным, что развитие атомной энергии не будет ограничено только территорией США. И я принял очень болезненное решение, что необходимо сообщить общую информацию об атомной энергии и удостовериться, что она будет воспринята серьезно. По этой причине я решил принять предложение, сделанное навестившим меня человеком».

Нанн Мей также добавил, что все это дело оказалось для него крайне болезненным, и занялся он им только потому, что почувствовал, что таким образом он сможет внести свой вклад в обеспечение безопасности человечества. Он занимался этим не за деньги, хотя и не отрицал, что в одном случае таинственный советский связник передал ему бутылку виски, в которой находились деньги. Однако это случилось против его желания. И Мей вновь разрешили отправиться домой. И лишь 4 марта он был арестован.

Последовавший суд над д-ром Алленом Нанном Меем вызвал довольно вялую реакцию британской публики, внимание которой в те дни было приковано к репортажам с Нюрнбергского процесса, в которых живописались нацистские зверства.

Когда 1 мая 1946 года в Олд Бейли открылся судебный процесс над Меем, физик был признан виновным в нарушении Закона о государственной тайне посредством «передачи между 1 января и 30 сентября 1945 года неизвестному человеку информа-

ции, которая предназначалась для прямого или косвенного использования врагом».

Следующим распространенным в то время политическим настроениям, генеральный прокурор сэр Хартли Шоукросс, только что вернувшийся после триумфального выступления на Нюрнбергском процессе, поспешил заявить, что ни у кого нет ни малейших мыслей о том, что русские — враги, потенциальные или настоящие.

М-р Джеральд Гардинер, отбросив в сторону официальную казуистику, прямо заявил, что «этим неизвестным был русский». И пояснил, что Нанн Мей был уверен, что научные открытия, подобно открытиям медицинским, должны быть использованы на пользу всего человечества. Он сказал, что Нанн Мей оказался под влиянием сделанного в годы войны заявления Черчилля о том, что Британия готова предоставить своим русским союзникам всю возможную техническую помощь. И его подзащитного охватило негодование, продолжал адвокат, когда он понял, что обещания технической помощи одному союзнику могут кончиться монополией другого.

Однако судья Оливер незамедлительно вернул дело к жесткой реальности, сказав, что Нанн Мей «исключительно из тщеславия и самомнения» присвоил себе право выносить решение по делу, касающемуся одного из главных секретов его страны, ХОТЯ ОН ДАВАЛ ПИСЬМЕННОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО НЕ ДЕЛАТЬ ЭТОГО.

Суд приговорил Нанна Мея к десяти годам тюремного заключения. Он стал образцовым заключенным, однако по-прежнему решительно отказывался сообщить контрразведчикам какие-либо подробности относительно агентурных сетей ГРУ в Северной Америке. После обычного помилования за хорошее поведение, он был освобожден после шести с половиной лет тюремного заключения.

К этому времени отношение к советским шпионам стало куда более жестким, чем было в момент ареста Мея, но Нанн Мей решительно отказался раскаиваться. Один известный человек, который готов был помочь ему, навсегда порвал с ним, узнав, что Мей гордится тем, что поступал честно и добросовестно на протяжении всего своего сотрудничества с ГРУ. Ему предложили работу в промышленности при условии, что он сменит имя. Мей отказался. В конце концов он нашел какую-то второстепенную работу в Кембридже, заключающуюся в создании образцов и моделей, которые использовали ученые. Однако в Кембридже он нашел жену, которая во всем поддерживала его. Он вновь принялся интересоваться физикой и математикой, а также занялся исследованиями по теории усталости металла — жизнен-

но важной для авиапромышленности. Со временем подписанные им статьи стали появляться в «Nature», одном из ведущих научных журналов мира. Нанн Мей словно переживал второе рождение. В начале 1962 года он был назначен специальным профессором физики в университете Ганы, оборудованном построенным русскими реактором для проведения исследований по использованию атомной энергии в мирных целях.

И, главное, Мей по-прежнему отказывался раскаиваться. По словам хорошо информированного научного корреспондента лондонской «Daily Express» м-ра Гарри Чепмена Пинчера: «Он сумел вернуться в научный мир и получить признание, не дав ни малейшего повода заподозрить его в раскаянии или компромиссе с обществом, чьей безопасности он угрожал, когда передавал секреты атомной бомбы русским, политическому делу которых он был тайно предан».

Д-р Аллен Нанн Мей, конечно же, занимает куда более высокое место в списке советских «атомных» шпионов, чем это может показаться стороннему наблюдателю.

Есть свидетельства того, что сеть Заботина оказалась куда более разветвленной, чем это было официально признано. Даже в 733-страничном отчете канадской королевской комиссии, в котором содержалась информация обо всей канадской шпионской сети, главный вопрос так и остался нераскрытым. Эта информация касалась в основном четырех шпионов, упоминания о которых находим в документах, украденных Гузенко. Все четверо фигурируют под псевдонимами, начинающимися с буквы «G». Двое, как утверждалось, были «членами особой дополнительной группы». Это:

1. «Гини» — как утверждалось в документах Гузенко, «еврей» и «владелец аптеки... имевший лабораторию».

2. «Голия» — «молодой художник, работавший у Гини».

Другими двумя шпионами на «G» были:

3. «Галя» — числится в документах Гузенко как «домохозяйка», занимающая квартиру рядом с «Дэви» — псевдоним майора Соколова, официально занимавшего должность торгового атташе в советском посольстве.

4. «Грин» — занимал «ключевую должность» в правительственном департаменте, скрывающемся под вывеской «Монреальский локомотивный департамент».

Специалисты по контршпионажу, изучавшие иносказательный жаргон ГРУ, были уверены, что «Голия» — это молодой физик-ядерщик, работавший в лаборатории и находившийся в контакте с «евреем Гини». «Галя» из квартиры рядом с Дэви, несомненно, была американкой. «Монреальский локомотивный департамент», в котором работал «Грин», не что иное, как американский «Манхэттен проект».

Остальные доказательства давали основания предполагать, что первые двое были БРИТАНСКИМИ учеными, а двое других — американцами. Однако в течение нескольких лет контрразведки союзников пребывали в тупике, и лишь в 1950 году, как сообщают французские источники, сотрудники британской и канадской контрразведок установили, наконец, личности упоминавшихся в документах Гузенко английских ученых.

«Гини» оказался Бруно Понтекорво — итальянский еврей.

«Голиа» — доктор Клаус Фукс, участвовавший в работах по созданию атомной бомбы в Лос-Аламосе в 1945 году, особенно на заключительном их этапе.

Открытия эти, однако, были сделаны лишь ПОСЛЕ того, как Фукс, один из высокопоставленных руководителей британского агентства по атомной энергии в Харвелле, сам признался, хотя и не совсем добровольно, в том, что он был русским «атомным» шпионом. Согласно донесениям французов, сенсационные свидетельства были получены сразу после ареста Фукса, последовавшего 2 февраля 1950 года.

Некоторые из этих доказательств — согласно все тем же французским источникам — были обнаружены в бумагах, найденных при аресте Фукса в его доме в Харвелле, а остальные выдал сам Фукс, якобы «сломавшийся» во время допроса. Какова бы ни была, однако, правда об этих свидетельствах Фукса, ясно, что сразу после его ареста канадские власти перепроверили заново все дело Гузенко, а ФБР в Вашингтоне возобновило поиски шпионов в Соединенных Штатах.

То новое, что удалось выяснить относительно сетей ГРУ и ГБ, действовавших в Северной Америке, конечно, нельзя было бы узнать нигде, кроме как из полудобровольных признаний измученного мозга Фукса. Нельзя понять эти признания, не ознакомившись с некоторыми фактами из жизни человека, буквально укравшего секреты атомных бомб.

Эмиль Клаус Юлиус Фукс родился 20 декабря 1911 года в германской деревушке Руссельхейм, недалеко от Франкфурта-на-Майне в семье необычайно пылкого и зачастую неортодоксально мыслящего лютеранского пастора, сумевшего привить всей семье свой собственный особый взгляд на христианскую этику и мораль — обстоятельство, оказавшее глубокое влияние на его сына. Пастор Фукс внушал членам своей семьи, что они всегда должны поступать так, как считают правильным, не думая о последствиях. Однако недостаточно было знать, что именно правильно. Нет, каждый человек должен действовать согласно своим убеждениям, и справедливо будет сказать, что Клаус Фукс никогда серьезно не отклонялся на пути следования этой доктрине.

В 1931 году, когда Клаусу Фуксу было девятнадцать лет, отец его стал профессором религиозных наук в учительском колледже в Киле, земля Шлезвиг-Гольштейн. В связи с получением отцом кафедры профессора в Киле, вся семья переехала в Северную Германию. Так Клаус Фукс стал жителем портового города Северной Германии, воспитавшего столь много известных в истории современного шпионажа личностей — Зорге, Вольвебера, Шульце-Бойзена, адмирала Канариса... и самого дьявольского из них — Рейнхарда Гейдриха.

Клаус перевелся в Кильский университет, поскольку немецкая система образования допускает подобное, и продолжил изучение физики и высшей математики. Он близко сошелся с любопытной группой, включавшей в себя более радикальных членов СПД и КПГ и открыто ставивших своей целью проникновение в нацистские студенческие организации. Была ли это в действительности скрытая коммунистическая группа, созданная для того, чтобы шпионить за нацистами, точно неизвестно, но представляется вполне вероятным.

По мере развития общегерманского кризиса 1932 года взгляды Клауса становились все более «левыми». И постепенно он понял, что его истинным «духовным домом» является КПГ — Коммунистическая партия Германии. К этому времени он уже стал лидером уличных боев между нацистами и коммунистическими студентами. Бои эти стали в те дни привычным событием в каждом немецком университетском городе. Накануне прихода Гитлера к власти, в конце января 1933 года Фукс сознательно вел себя вызывающе и в результате был однажды сильно избит нацистскими головорезами, едва оставшись при этом в живых. И с этого момента он стал убежденным и преданным коммунистом.

Получив приглашение на тайный коммунистический съезд в Берлине, Фукс, похоже, вытянул счастливый билет: в тот день, когда он уехал из Киле, нацисты объявили его в розыск. Был арестован отец Клауса, всегда решительно придерживавшийся социалистических взглядов. После нескольких месяцев, проведенных в тюрьме, пастор Фукс предстал перед Народным судом. Но поскольку он пользовался широкой международной известностью, то члены английского Общества друзей Германии неожиданно появились в суде. В те дни нацисты были еще чувствительны к мировому мнению и поддавались международному давлению, а потому пастор Фукс был освобожден, однако по-прежнему находился под надзором.

Клаус Фукс несколько месяцев успешно скрывался в Германии от нацистского преследования, а затем, летом 1933 года, ему удалось перейти франко-германскую границу. В карманах у

него не было ни гроша, однако через своих друзей он познакомился с семьей квакеров, жившей на юго-западе Англии. Семья предложила ему кров и возможность продолжить образование. В сентябре 1933 года Фукс высадился в Англии, не имея ничего, кроме холщовой сумки, в которой он держал свои скудные пожитки. Он зарегистрировался как иностранец, не указав, однако, своего членства в Германской коммунистической партии. После выполнения всех формальностей, он отправился в дом своих друзей в Сомерсете, где тихо и незаметно прожил весь следующий год, изучая английский и почти ни с кем не общаясь.

Пройдя через сложные душевные испытания, он стал еще более убежденным и преданным сторонником коммунизма. В 1934 году многие германские коммунисты вынуждены были эмигрировать, и вскоре в Соединенном Королевстве уже образовался весьма активный и деятельный филиал КПГ. Об этом хорошо было известно как MI5, так и нацистским дипломатам и консулам, внимательно следившим за своими политическими противниками и за границей.

Летом 1934 года профессор Мотт с кафедры физики Бристольского университета, узнав о том, что Фукс готовился к экзаменам на получение степени в Кильском университете как раз накануне своего вынужденного бегства из страны, договорился, что Фуксу позволят посещать Бристольский университет бесплатно. После чего германский консул неофициально предупредил главного констебля Бристоля о том, что Фукс — коммунист. Однако руководители британской полиции не симпатизировали нацистским дипломатам и потому не придали особого значения их намекам, проигнорировав также и отчет гестапо, поступивший из Килия. Хотя этот отчет стал единственным документом, свидетельствовавшим о членстве Фукса в коммунистической партии до появления его собственных признаний в начале 1950 года.

Фукс переехал из дома своих друзей в меблированные комнаты в пригороде Бристоля, где в течение трех последующих лет он тихо и методично занимался наукой. Он произвел большое впечатление на физиков Бристольского университета, считавших его скорее очень старательным, нежели блестящим студентом. Сейчас уже можно не сомневаться, что он был одним из самых одаренных ученых из всех, когда-либо учившихся в Бристольском университете. В 1937 году он получил степень доктора философии и одновременно стипендию для проведения исследовательской работы — не очень большую сумму, надо признать, — что дало ему возможность продолжить образование под началом знаменитого профессора Макса Борна в университете Эдинбурга.

Еще в Бристоле у него сложилась репутация упорного, усидчивого студента, что было характерно скорее просто для немца, нежели для студента яркого и блестящего. Однако Фукс начал писать статьи на тему, ставшую впоследствии известной как ядерная физика, и отсылать их в технические журналы, и через два года получил вторую докторскую степень, на этот раз в Эдинбургском университете, а также право именоваться «доктор физико-теоретических наук». Его репутация способного ученого крепла, что подтверждает получение им стипендии фонда Карнеги на проведение исследовательских работ по высшей физике.

Свободное время он посвящал изучению коммунизма, однако в более возвышенном, теоретическом смысле. Когда он не занимался наукой, он изучал труды Маркса, хотя его энтузиазм и не выливался в активные действия. Он так и не записался, подобно многим другим коммунистам, в интернациональные бригады, сражавшиеся в Испании.

Фукс по-прежнему говорил по-английски с немецким акцентом, однако стал привыкать к Англии и принимать английский образ жизни. У него появилось много друзей — англичан и шотландцев, и вполне возможно, что после катаклизма 1939 года он начал отдаляться от коммунизма, подобно многим другим молодым экстремистам тридцатых годов, менявшим свои взгляды под влиянием британского эмпиризма.

Летом 1939 года Фукс решил принять британское подданство. 17 июля он обратился с прошением о гражданстве. За него поручились как квакерская семья, так и его университетские друзья, поскольку жил он в течение предыдущих пяти лет как вполне лояльный гражданин.

Но война успела начаться до того, как его ходатайство было рассмотрено, и Фукс автоматически стал «иностранным из вражеской страны». В ноябре он предстал перед союзным трибуналом в Эдинбурге. Была предано гласности информация о его членстве в Германской социал-демократической партии — однако Фукс ничего не сказал о своем членстве в коммунистической партии Германии. Британские власти дали ему статус беженца от нацистских преследований, и с учетом его блестящего послужного списка ему было предложено вернуться в Эдинбург, чтобы продолжить научные исследования.

Он спокойно жил в Эдинбурге до мая 1940 года, когда немцы вторглись в страны Бенилюкса и Францию. Как результат роли, сыгранной, как утверждалось, нацистской «пятой колонной», британская публика пребывала в состоянии, близком к истерии. Все немцы — плохие и хорошие — были арестованы и отправлены на остров Мэн. И Фукс вместе с ними.

Вскоре была достигнута договоренность о переводе немцев в Канаду. Все документы, касающиеся его членства в партии, с которыми путешествовал Фукс, были потеряны, когда германская подводная лодка потопила лайнер «Драндора». Вскоре Фукс обнаружил, что находится в лагере для фанатичных и нераскаявшихся нацистов. Горечь его была искренна. И в такой психологически трудный для себя момент он обрел друга. В нацистском лагере он встретил ветерана германского коммунистического движения по имени Ганс Каль, которого тоже отправили в этот скверный лагерь из-за головотяпства британских бюрократов. Каль, проводивший некоторое время в России, сражался в Испании, где все считали его сотрудником одной из советских секретных служб.

Каль приехал в Англию в 1939 году и после освобождения из лагеря для интернированных работал в Адмиралтействе. Однако на протяжении всей войны он оставался членом лондонского филиала германской коммунистической партии и почти наверняка был агентом ГБ или ГРУ в Соединенном Королевстве. В конце войны он вернулся в Германию, где занял высокий политический пост в Русской зоне оккупации, который он занимал до самой своей смерти, последовавшей несколько лет спустя.

Позднее Фукс отрицал, что Каль завербовал его для работы в советской шпионской службе. Скрывал ли Фукс таким образом некоторые из своих контактов — неизвестно, однако не вызывает сомнений, что Каль оказал на него глубокое влияние за те шесть месяцев, что они провели в ежедневном общении в канадском лагере для интернированных лиц. Среди любопытных сведений, просочившихся об этом интернировании, находится и тот факт, что некий профессор Канадского университета регулярно присылал Фуксу в лагерь статьи и научные журналы — по какой причине, так и осталось неизвестным. Имя профессора было найдено в документах Гузенко, и ему пришлось предстать перед канадской королевской комиссией, пока он в конце концов не был оправдан канадским судом.

Фукс оставался интернированным вплоть до начала 1941 года, когда, благодаря усилиям профессора Борна и других его друзей из мира науки, он был освобожден и вновь приступил к продолжению научных исследований в Эдинбургском университете.

Фукс пробыл в Шотландии совсем немного — месяц или два, — когда получил письмо от другого германского ученого-беженца, профессора Рудольфа Пирлса из Бирмингемского университета, который просил Фукса быть готовым к выполнению особой работы в Бирмингеме с оплатой в пять фунтов стерлингов в неделю.

Профессор Пирлс уже занимался секретными исследованиями, направленными на поиски возможностей создания атомных бомб. И ему нужен был грамотный помощник для выполнения сложных математических расчетов, которые в наши дни, без сомнения, поручили бы компьютеру. Фукс, получивший самые благожелательные рекомендации от профессоров Мотта и Борна, казался самым подходящим человеком. Побывав в Бирмингеме, он принял предложение. Однако для начала ему пришлось выдержать проверку на благонадежность, которую проводили британские службы безопасности.

Сведения о Фуксе, включая и отчет нацистского консула в Бристоле о том, что Фукс — коммунист, были отправлены в министерство авиационной промышленности, которое в то время отвечало за проведение исследований по атомной проблеме. Однако в начале 1941 года и лично Черчилля, и военный Кабинет интересовал любой человек, который мог бы помочь Англии в ее военных усилиях. А Фукс явно мог. И потому он благополучно прошел проверку и в мае 1941 года приступил к работе.

У него было мало друзей. Из-за того, что он был немцем, семья Пирлса пригласила его жить к себе, и он оставался членом их семьи почти до того момента, когда в 1943 году покинул Соединенное Королевство. Фукс был классическим холостяком-схластиком, совершенно неспособным пришить пуговицу, купить подарок к Рождеству или обслужить самого себя, и семья Пирлса фактически прибрала его к рукам.

Ему доставляло удовольствие жить с ними, поскольку он любил детей и животных и был человеком добрым и мягким. Он был здоров, хотя и анемического типа, однако ел сравнительно мало — главным образом мягкую пищу, поскольку имел очень плохие зубы. Он редко выходил из дома и лишь изредка позволял себе съездить в Лондон. Никто ни в семье Пирлса, ни среди его коллег не имел ни малейшего представления о том, что Клаус Фукс ездит в Лондон, чтобы передать информацию русским.

Вероятно, вскоре после того как Фукс принял предложение поехать в Бирмингем и почти наверняка в результате нападения немцев на Советскую Россию в июне 1941 года, ФУКС НАЛАДИЛ КОНТАКТЫ С СОВЕТСКОЙ СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБОЙ.

Связь с русскими он поддерживал через некоторых немецких коммунистов-беженцев, живших в Соединенном Королевстве. Позднее Фукс сам утверждал, что когда он осознал природу исследований, которыми занимались Пирлс и другие его коллеги в британских университетах, он «решил информировать русских и установил контакт с ними через другого члена германской коммунистической партии».

Его первая встреча с советским представителем состоялась в особняке, расположенном в южной части Гайд-парка, неподалеку от советского посольства. Представителя звали «Александр». Чтобы проверить надежность связника, Фукс, к ужасу всех русских, явился в посольство, где и узнал, что «Александр» на самом деле был второстепенным дипломатом, завсегдаем всех вечеринок с коктейлями, проводившихся в Лондоне в военное время, Семеном Давидовичем Кремером... резидентом «легального аппарата» ГРУ в Соединенном Королевстве.

Впоследствии они встречались на уикендах с интервалами в два-три месяца, начиная с осени 1941 и до конца 1942 года. Поначалу Фукс передавал Кремеру машинописные копии своих собственных ежемесячных отчетов. Однако в 1942 году Пирлс, работавший над проблемой, известной как «газообразный, диффузионный процесс распада урана», посетил Соединенные Штаты, чтобы сравнить полученные результаты с результатами американских коллег, работавшими в том же направлении исследований, и после этого Фукс передал русским длинные отчеты общего характера, написанные им от руки. Конечно, Фукс был неплохо осведомлен о размахе исследований по созданию ядерного оружия, ведущихся по обеим сторонам Атлантики, и факт этот дает основания верить, что эти написанные от руки отчеты Фукса были первыми, достигшими советского политбюро и крупнейших советских ученых, свидетельствами того, что западные союзники уже работают над производством атомной бомбы.

Осенью 1941 года была основана Британская организация прикрытия, известная как «Tube Alloys», созданный для координации работы команды английских ученых, причастных к ядерным исследованиям. Весной 1942 года национальность Фукса вновь стала поводом для расспросов. Однако к этому времени профессор Пирлс и его коллеги уже успели оценить Фукса, как физика выдающихся способностей, которого можно было назвать «человек-компьютер». Как иностранец, прибывший из враждебного государства, он не имел доступа ко многим секретным документам. Однако, заручившись мощной поддержкой дирекции «Tube Alloys», Фукс вновь обратился с просьбой о предоставлении ему британского подданства. И вновь английские власти принялись изучать обстоятельства его биографии, и вновь всплыл отчет нацистского консула из Бристоля. Никаких других компрометирующих его документов обнаружено не было.

Есть основания полагать, что некоторые сотрудники британской службы безопасности, по крайней мере в военное время, придерживались убеждения, что немецкие коммунисты были особенно надежны в смысле безопасности, ибо они будут последними, кто может предать кого-либо нацистам, и подобное мнение,

почти наверняка, было причиной того, что Фукс достаточно благополучно прошел проверку на благонадежность, проведенную властями британской службы безопасности. 7 августа 1942 года Клаус Фукс стал британским гражданином, дав клятву «быть преданным и хранить верность британской короне» в тот момент, когда В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ОН УЖЕ БЫЛ СОВЕТСКИМ АГЕНТОМ. В том состоянии психики, которую он сам позднее описал, как «контролируемая шизофрения», Фукс, вполне возможно, не видел никакого противоречия в этих двух событиях. Советская Россия был союзницей Британской короны, и потому верность короне означала и верность ее союзникам.

К началу 1943 года контакты Фукса с Кремером прекратились — оба явно нарушали незыблемые правила ГРУ, касающиеся конспирации. Впоследствии Фукс стал передавать свои отчеты женщине-«предохранителю», с которой он встречался раз в два-три месяца.

К этому времени Фукс уже знал многие самые сокровенные секреты англо-американского атомного проекта, но попадала ли передаваемая им информация к наиболее выдающимся русским ученым, неизвестно. Нет сомнений, что до начала 1945 года преобладала тенденция, разделяемая многими западными экспертами, описывать атомную бомбу как «пустые, нереальные мечтания» физиков.

К концу 1943 года Фукс сказал «предохранителю», что его отобрали для поездки в Соединенные Штаты вместе с группой британских ученых. В начале декабря он высадился в Нью-Йорке вместе с профессором Пирлсом и другими учеными для продолжения работ по газовой диффузии.

До отъезда из Соединенного Королевства Фукс получил через «предохранителя» точные инструкции относительно налаживания связи с представителем ГРУ в Нью-Йорке. Он не знал, что московский Центр передал его самой фантастической организации советской секретной службы из всех, когда-либо действовавших в иностранном государстве. Сотни агентов ГРУ бродили по Соединенным Штатам и Канаде, а во главе этого обширного комплекса секретных служб стоял русский, называвший себя «Павел Михайлов» — официально занимавший пост советского вице-консула в Нью-Йорке. На самом деле он был генералом Дмитрием Шиниковым, резидентом ГРУ в Северной Америке, контролировавшим более двадцати пяти агентурных сетей, включая, по всей вероятности, и группу Заботина в Канаде.

Некоторые из этих шпионских групп были так называемыми «легальными аппаратами», в которых работали русские граждане, занимавшие в качестве прикрытия дипломатические должности в Соединенных Штатах. Остальные были «нелегальными

сетями», в которых впоследствии работали и такие известные агенты, как Гарри Голд, Этель и Юлиус Розенберги.

Фукс был переведен из Лондона в сеть «атомных» шпионов, действовавшую на востоке Соединенных Штатов, которой в течение нескольких недель должен был руководить майор Анатолий Яковлев, специально присланный из Москвы. Именно с «Раймондом» — таков был псевдоним швейцарского биохимика Гарри Голда, «предохранителем» этой «атомной» сети, Клаус Фукс и вышел на контакт в начале 1944 года в нью-йоркском Ист-Сайде. В течение последующих шести месяцев они встречались по крайней мере шесть раз.

На встрече, состоявшейся близ здания Сити-холла в Бруклине, Фукс передал связнику АМЕРИКАНСКИЙ РАБОЧИЙ ПЛАН СОЗДАНИЯ ПЕРВОЙ АТОМНОЙ БОМБЫ.

Большинство их встреч были предельно краткими. Незаметно для Фукса за ними наблюдал шеф сети Яковлев, который на соседней улице поджидал Голда, чтобы забрать у него переданные Фуксом отчеты, поскольку именно ради Фукса Яковлева и прислали в Соединенные Штаты из московского Центра.

В середине июня 1944 года Фукс и Голд встретились в Централ-парке. На этот раз они ходили по парку около часа, и именно тогда у Фукса сложилось впечатление, что Голд — тоже своего рода ученый и что у него достаточно ограниченные знания о некоторых технических вещах, о которых упоминал Фукс. На этот раз Фукс открыто говорил не только о своей собственной работе, но и обо всем, что он сумел узнать в ходе общения с американцами. Они договорились вновь встретиться в Бруклинском музее искусств, однако Фукс не явился. Яковлев был в панике. Голда отправили на квартиру Фукса на 77-й улице. Там было пусто. Голду сказали, что Фукс уехал. Он знал, что сестра Фукса, Кристель, вышла замуж и эмигрировала в Соединенные Штаты, где теперь жила в Кембридже, близ Бостона. В конце концов Голд вышел на ее след, однако она ничем не могла помочь ему. Когда, наконец, ей удалось что-то узнать о Клаусе, то выяснилось, что он уехал работать «куда-то на юго-запад». Однако Кристель надеялась, что Рождество он проведет с ней. Тогда Голд сказал, что он — старый друг ее брата и что ему необходимо увидеться с Клаусом. Он дал Кристель свой нью-йоркский телефон и попросил позвонить, если Клаус вдруг объявится.

Фукс действительно присоединился к профессору Пирлсу в Лос-Аламосе, штат Нью-Мексико: когда начались предварительные работы по созданию атомной бомбы, Пирлс послал за своим самым лучшим помощником — Фуксом.

У Клауса было педантичное отношение к вопросам безопасности: лаборатория в Лос-Аламосе была совершенно секретным

местом, строго охраняемым от любых вторжений. Клаус принял требования безопасности, и он сознательно принял меры предосторожности, чтобы русские ничего не узнали о местонахождении учреждения, где он работал. Получая немалую большую зарплату и живя в комфортабельном доме в квартале холостяков в Лос-Аламосе, Фукс расслабился. Он возобновил близкие отношения с семьей Пирлса, и миссис Пирлс уговорила его купить подержанный «бьюик», на котором он с удовольствием гонял, обожая высокую скорость.

Шефы сети ГРУ в Нью-Йорке к этому времени были уже глубоко обеспокоены: их главный «атомный» шпион исчез.

Фукс не смог в 1944 году выбраться на Рождество к сестре, однако приехал в Бостон на празднование Нового года. Голд снова нанес визит сестре Фукса, и двое мужчин встретились вновь. Фукс был настроен весьма дружелюбно и по-прежнему готов был сотрудничать. Он признался, что работал в Лос-Аламосе, и согласился написать все, что знает. И вскоре руководитель ГРУ в Москве узнал, что у него есть личный наблюдатель, присутствующий на заключительных стадиях создания атомной бомбы.

Фукс, однако, подчеркнул в разговоре с Голдом, что не может быть и речи о контактах в Лос-Аламосе. И вообще отказался от каких-либо встреч в течение полугода, назначив следующее свидание на 2 июня 1945 года на мосту Кастилло в Санта-Фе.

Вернувшись в Лос-Аламос, Фукс погрузился в депрессию. Он говорил, что беспокоится о сестре. Однако более вероятным представляется то, что он переживал глубокий психологический кризис. Возможно, у него были какие-то сомнения относительно того, стоит ли и дальше сотрудничать с русской секретной службой. Встреча в июне, однако, состоялась, как и было договорено. Фукс выехал из строго охраняемого и «трезвого» поселения в Лос-Аламосе якобы затем, чтобы купить спиртного. Голд прибыл в Нью-Мексико на поезде. Они встретились на мосту Кастилло в четыре часа дня, как и договаривались. Встреча продолжалась не более получаса. Фукс передал Голду толстую пачку документов и заявил, что в Лос-Аламосе достигнут «страшный прогресс» и что ПЕРВАЯ АТОМНАЯ БОМБА ДОЛЖНА БЫТЬ ВЗОРВАНА В ПУСТЫНЕ АЛАМОГОРДО ГДЕ-ТО В СЛЕДУЮЩЕМ МЕСЯЦЕ. Прежде чем расстаться, Фукс и Голд договорились встретиться в следующий раз в 6 часов вечера 19 сентября близ церкви на одной из главных улиц Санта-Фе.

Голд не спешил возвращаться в Нью-Йорк. Вместо этого он сел на местный автобус и направился в город Альбукерке, расположенный в шестидесяти милях от Санта-Фе. Поскольку было у него в Нью-Мексико еще одно дело. У ГРУ был еще один шпион, работавший в лаборатории Лос-Аламоса, и Голд считал небез-

зопасным встречаться в одном месте с людьми, работающими в сверхсекретной лаборатории. Однако, несмотря на протесты Голда, его начальник Яковлев приказал ему встретиться с капралом Дэвидом Гринглассом в квартире последнего в Альбукерке. Поскольку капрал Грингласс работал на сборке атомной бомбы, работы над созданием которой уже были близки к завершению.

Грингласс был младшим братом Этель Розенберг, которая вместе со своим мужем Юлиусом давно стала фанатичной коммунисткой и советским агентом в Соединенных Штатах. Именно Юлиус, действуя по информации, полученной от своего русского руководителя, обнаружил, что его зять, сам того не зная, действительно работает в Лос-Аламосе над созданием атомной бомбы.

Хотя молодой Грингласс и был когда-то членом молодежной коммунистической лиги, но шпионить он согласился неохотно. Яковлев, действуя через Розенбергов, снабдил молодую жену капрала Рут, которую, кстати, капрал страстно любил, достаточной суммой денег, чтобы она могла жить в отеле в Альбукерке, куда Грингласс приезжал к ней на уикенды. В обмен Грингласс ответил на ряд вопросов, которые задали ему русские. Начиная с 1945 года от него стал поступать устойчивый поток информации и грубые, сделанные от руки, наброски. Он стал собирать все возможные обрывки информации и даже ухитрился заполучить так называемые импульсные линзы — жизненно важные части секретного взрывного механизма, о которых ему подружески рассказал ученый, с большим одобрением относившийся к неподдельному интересу, который капрал проявлял к его работе.

Капрал собрал так много сведений, что когда Голд утром в третье воскресенье июня 1945 года появился в его квартире в Альбукерке, Грингласс, вероятно, знал об атомной бомбе столько же, сколько любой из физиков, не входивших, правда, в узкий круг людей, работавших под руководством профессора Роберта Оппенгеймера.

Он знал столько, что Голд настоятельно потребовал, чтобы он напечатал все в виде отчета. И когда «предохранитель» вновь появился после полудня, Грингласс протянул ему толстую пачку отпечатанных заметок. И еще передал кое-что более важное — сделанные от руки наброски импульсных линз с присоединенным к ним детонатором и центральной трубкой, которая и должна была взрываться.

Больше Голд не стал задерживаться в Нью-Мексико, в ту же ночь уехал в Нью-Йорк, где сразу же передал Яковлеву как отчет Фукса, так и заметки и наброски Грингласса. Так что Сталин вполне мог позволить себе продемонстрировать вежливое равнодушие в Потсдаме четыре недели спустя.

После войны у Грингласса была возможность продолжить работу в Лос-Аламосе в качестве гражданского лица, чтобы затем начать ныне хорошо известные атомные испытания на атолле Эниветок, однако он отказался от предложения. Ему не нравилась роль советского шпиона. Более того, он боялся, что не сможет устоять перед настойчивостью сестры. Из-за расхождений во взглядах пути Гринглассов и Розенбергов разошлись и вновь пересеклись в самых драматических обстоятельствах.

Фукс продолжал работать в Лос-Аламосе и был среди тех, кто присутствовал при взрыве первой атомной бомбы. Когда в сентябре он встретился с Голдом в Санта-Фе, его все еще переполняли ужас и удивление от увиденного. Он сумел достать то, что русские отчаянно старались узнать – размеры первых трех бомб, и сумел объяснить технические различия между урановой бомбой, взорванной 6 августа над Хиросимой, и улучшенным плутониевым оружием, использованным против Нагасаки несколько дней спустя. Он также поведал о растущих трениях между Америкой и Великобританией и о том, что несколько отделов лаборатории были теперь недоступны для него.

Фукс предупредил Голда, что в ближайшее время он скорее всего вернется в Англию и продолжит разведывательную работу на русских, хотя он и беспокоится, что сотрудники британской секретной службы могут обнаружить гестаповское досье на него в оккупированном англичанами Киле. Он предложил несколько различных дат для встречи с советским курьером поблизости от сравнительно малолюдной станции метро Морнингтон Крисчен в Лондоне.

В действительности, однако, Фукс пробыл в Лос-Аламосе дольше, чем рассчитывал, и уехал лишь в конце июня 1946 года, предварительно дав согласие занять должность руководителя департамента теоретической физики в новом британском Центре атомной энергии в Харвелле, в Беркшире. В июле 1946 года он приступил к исполнению своих новых обязанностей. Он по-прежнему оставался советским шпионом и однажды даже принял символическую плату в сто фунтов стерлингов. Он оставался одним из ведущих руководителей Харвелла до лета 1949 года – как раз до взрыва первой русской атомной бомбы, – когда американское ФБР получило данные, дающие основания предполагать, что Нанн Мей был не единственным британским шпионом, от которого русские получали секретную информацию.

Когда британская служба безопасности занялась изучением материалов, предоставленных ФБР, Фукс в некотором отношении казался человеком, имеющим отношение к делу. Показания были смутные и скудные, однако было решено изучить личное дело Фукса, чтобы попытаться выявить всю его подноготную. Подполковник

авиации Арнольд, сотрудник службы безопасности в Харвелле, не знал, как ему подступиться к Фуксу с вопросами, однако проблема решилась сама собой, когда в октябре Фукс сам явился к Арнольду, с которым был в дружеских отношениях, и попросил совета. Фукс рассказал Арнольду, что его отец, недавно посетивший Соединенное Королевство и постоянно проживавший в Западной Германии, был назначен профессором теологии в Лейпциге, находящемся в русской зоне оккупации. Не скажется ли сей факт на положении самого Фукса и не следует ли ему уволиться?

Это и стало тем началом, которого так не хватало Арнольду, и в ходе многих душевных разговоров он принялся осторожно расспрашивать Фукса. Во второй половине декабря было принято решение поговорить с Фуксом в открытую, и в Харвелл прибыл сотрудник М15 Уильям Джеймс Скардон, чтобы встретиться с Фуксом. Встреча проходила в сердечной атмосфере, и Фукс очень откровенно рассказывал о своем прошлом, признав, что в 1933 году он оказался в коммунистическом лагере. Однако Фукс категорически отрицал, что во время своей работы в Соединенных Штатах он передавал советским агентам какую-либо секретную информацию.

Он, однако, был явно встревожен происходящим, и у Арнольда появились опасения, что он может попросту сбежать. 10 января сэр Джон Кокрофт заявил Фуксу, что, учитывая новое назначение, полученное его отцом, Фуксу было бы лучше уволиться из Харвелла.

В последующие две-три недели Скардон несколько раз встречался с Фуксом. Стало очевидным, что тот переживает какой-то сильный душевный надлом. Как позднее признавался сам Фукс, он чувствовал, что разрушению подверглась вся нравственная основа его жизни. Впервые он стал беспокоиться о том, что может подвести своих британских товарищей, и вскоре, во время дружеского ланча со Скардоном в одном из деревенских пабов, Фукс выложил ему всю свою невероятную историю.

30 января он отправился в Лондон, и Скардон оформил ему явку с повинной. Показания Фукса были запротоколированы, и Фукс подписал их. Он отказался рассказать, что именно сообщал русским об атомной бомбе, поскольку СКАРДОН НЕ ИМЕЛ ДОПУСКА К СЕКРЕТНОЙ ИНФОРМАЦИИ, КАСАЮЩЕЙСЯ АТОМНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Однако Фукс согласился рассказать обо всем, что он сообщал русским, м-ру Мишелю Перрину, которого знал с 1942 года по совместной работе над атомным проектом. И наконец, 2 февраля подполковник Леонард Барт из Особого отдела Скотленд-Ярда арестовал Фукса.

Через месяц Фукс появился в Олд Бейли и был признан виновным по четырем пунктам, касающимся разглашения сек-

ретной информации в период с 1943 по 1947 год. До самого момента объявления приговора Фукс был уверен, что его ждет максимальное наказание — смертная казнь, и потому с облегчением узнал от своего адвоката, что максимум, что ему грозит — это сорокалетнее тюремное заключение.

Министр юстиции лорд Годдард настаивал именно на таком приговоре. Впоследствии, в другом подобном случае, его преемник лорд Паркер приговорил шпиона к сорока годам тюремного заключения ПО КАЖДОМУ ПУНКТУ ОБВИНЕНИЙ, ВЫДВИНУТОМУ ПРОТИВ НЕГО.

Спустя двадцать четыре часа после признания Фукса его показания были отправлены президенту Трумэну и м-ру Эдгару Гуверу из ФБР, и в США началась новая волна расследований — на этот раз с целью установления всех американских контактов Фукса.

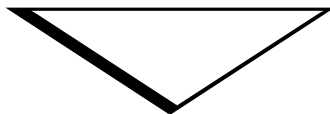
Фукс был повторно допрошен в тюрьме, однако в ходе допроса не смог опознать предъявленную ему фотографию Гарри Голда. ФБР, подозревавшее Голда, организовало обыск в его квартире в Нью-Йорке, во время которого была найдена карта города Санта-Фе, на которой были отмечены места встречи с Фуксом. Голд сознался во всем 22 мая, почти в тот же день, когда находившийся в тюремной камере Фукс опознал его более позднюю фотографию. Признание Голда вывело ФБР на Дэвида Грингласса, а тот, сотрудничая с ФБР, неизбежно привел агентов к своей сестре и зятю.

Голда в конечном итоге приговорили к тридцати годам тюремного заключения, тогда как Грингласс, благодаря сотрудничеству с властями и тому факту, что он не воспользовался возможностью сбежать в Мексику, получил пятнадцать лет тюрьмы. Против его жены Рут никаких действий не предпринималось.

Супруги Розенберг были приговорены к смертной казни и после всемирной, инспирированной коммунистами, кампании в их защиту в июне 1953 года отправились на электрический стул.

Клаус Фукс оставался образцовым заключенным, отсиджавая срок в разных британских тюрьмах. Из своей камеры он в конце 1950 года написал письмо, протестуя против предполагаемого лишения его британского гражданства, которое он нежно возлюбил. Однако принятие такого решения представлялось неизбежным. За хорошее поведение он получил максимально возможное смягчение приговора и в начале шестидесятых был освобожден и препровожден в Лондонский аэропорт, где его посадили на самолет, вылетавший в Восточный Берлин. Там его встретила бывшая подруга. По последним данным, он живет в Восточной Германии и работает заместителем директора германского коммунистического центра ядерных исследований в Дрездене.

ГЛАВА 13

ПОЛКОВНИК АБЕЛЬ

Большую часть крупных достижений советского шпионажа за годы Второй мировой войны можно отнести на счет шпионов ГРУ, самыми известными из которых были Зорге, Росслер и Клаус Фукс. Однако к концу военных действий Советы координировали работу всех своих шпионских организаций через Объединенный разведывательный комитет — так называемый Комитет информации (КИ), в котором председательствовал Молотов. Под эгидой этого объединения, просуществовавшего в течение нескольких лет до того момента, когда исторически сложившаяся взаимная вражда Красной армии и тайной полиции вынудила от него отказаться, какое-то время происходил обмен информацией между сетями ГРУ и ГВ.

Бегство Гузенко нанесло серьезный удар по престижу секретной службы Красной армии, и руководство ГВ — Второго бюро — обеспечило себе доминирующее положение в отношениях с ГРУ, и постепенно агентурные сети ГРУ были поглощены сетями ГВ.

Частично из-за этих событий, частично из-за растущего числа сообщений о разоблачении советских агентов, таких, например, как Алджер Хисс — высокопоставленный чиновник из Вашингтона, между 1946 и 1948 годами произошла коренная реорганизация структуры советского шпионажа в Соединенных Штатах, в ходе которой многие из старых сетей были оставлены «под паром».

В качестве резидента «нелегального» аппарата, действовавшего на Восточном побережье США и в Канаде, было решено отправить в Соединенные Штаты одного из ветеранов заграничной службы полковника Рудольфа Ивановича Абеля. Хотя некоторые специалисты и утверждали, что Абель был офицером ГРУ

и, безусловно, имел контакты с агентурными сетями ГРУ, высокопоставленный перебежчик из ГВ подполковник Петр Дерябин, шеф контрразведки, работавший в Вене и в 1954 году перешедший к американцам, категорически утверждал, что Абель был — и есть — офицером ГВ.

В 1948 году полковник Абель с документами на имя литовского беженца Андрея Кайотиса, которыми он еще раньше пользовался в нацистской Германии, и имея на руках паспорт беженца, изготовленный в департаменте поддельных документов в ГВ в Москве, высадился в Канаде под видом эмигранта, бежавшего из оккупированной Германии. Он был сотрудником секретной службы с более чем тридцатилетним стажем, причем большую часть из этих тридцати лет он провел вне пределов Советского Союза.

Существуют некоторые сомнения относительно подробностей ранней жизни Абеля. Он родился в начале века в России. В одном из отчетов разведки утверждается, что он был сыном богатого еврейского интеллектуала с юга России. Другие говорили, что его отец был печатником в белорусском городе Минске. Но каковы бы ни были факты относительно его семейного прошлого, достоверно известно, что отец Абеля был вынужден бежать из России в 1906 году из-за своих левых взглядов. Сначала семья нашла убежище в Швейцарии, где отец Абеля подружился с советским беженцем левого толка Владимиром Ильичем Ульяновым, вошедшим в историю как Ленин.

Семья переехала из Швейцарии в Германию и осела в Лейпциге. В годы Первой мировой войны Рудольф Абель был самым блестящим учеником в немецкой гимназии для мальчиков и бегло говорил по-немецки, по-русски и на идише. После революции 1917 года Ленин пригласил отца Абеля в Россию, и семья Абелей переехала в Москву, не порывая, однако, полностью своих связей с Германией. Молодой Абель был фанатичным коммунистом и в 1923 году стал членом Коммунистической партии Советского Союза.

Влиятельные фигуры Советской России, с которыми общался его отец, выделяли молодого Абеля как одного из будущих советских интеллектуалов. Троцкий к тому времени уже основал военную шпионскую службу, которая позже превратилась в ГРУ, и Абель со своей способностью к языкам, понятно, был первым кандидатом в разведчики. Его отправили в Берлин для обучения в знаменитой Технической школе, которую он три года спустя закончил со степенью.

После прохождения курса обучения шпионажу в Москве, его отправили обратно в Германию в качестве помощника торгового атташе в советском посольстве, где он работал под псевдо-

нимом Аволкин. Главным полем деятельности для него были тайные операции. В течение некоторого времени он работал в качестве инженера на знаменитом оптическом заводе Цейсса в Йене. Он поддерживал связи с Лейпцигом и в 1923 году женился на немецкой девушке по имени Хельга Пользнер, дочери члена германской коммунистической партии. Через год у них родилась дочь Юлия.

Вскоре, как специалиста-оптика, Абеля вызывают в Россию, чтобы он помог в организации советской оптической промышленности. Однако его способность вести разведывательную работу в Германии столь явно бросалась в глаза, что его отобрали в группу для прохождения специального обучения в школе шпионажа в Москве. Он выучил английский, очевидно с помощью какого-нибудь ирландца, и в последующие годы его почти безупречно поставленный дублинский акцент доставлял особое удовольствие американским сотрудникам ФБР ирландского происхождения.

Абеля стали признавать как выдающегося специалиста по Германии, и именно Третий рейх и стал местом его назначения после прохождения учебы в московской школе шпионажа. В течение некоторого времени он взаимодействовал с коммунистическими группами в Берлине, Лейпциге и Дрездене. Высокий, видный, с худощавым лицом и блестящими черными глазами, Абель совсем не был похож на еврея. Однако форма его носа вызывала подозрения у нацистских фанатиков-антисемитов, так что было решено отозвать его из гитлеровского рейха.

Под видом польского еврея он отправляется в Палестину, чтобы информировать об английских сложностях в отношениях с муфтием Иерусалима, с одной стороны, и сионистами, с другой. Но в конце концов его акцент возбудил подозрения у польско-еврейской общины, и Абелем заинтересовалась британская палестинская полиция. Был ли он депортирован или же просто бежал еще до того, как англичане предприняли какие-то действия, неизвестно, однако нет сомнений, что он вернулся в Москву. И следующим местом его назначения стала Швейцария. По словам бывших восточногерманских агентов советского ГБ, в конце 1942 года Абеля послали на встречу с Александром Радо — официальным резидентом сети Росслера-Фута. Радо был ветераном ГРУ, а Абель — майором ГБ, и приказ о ревизии силами ГБ сетей ГРУ мог прийти только от самого Политбюро.

Как долго Абель пробыл в Швейцарии — неизвестно. Возможно, что он встречался с людьми, которых знал еще с тех времен, когда семья Абеля жила в Швейцарии. С помощью многих хитростей и уловок ему удалось пересечь оккупированную

Европу и добраться до Среднего Востока. В конце 1944 года он уже был в Тегеране, помогая наладить подпольную деятельность, на фоне которой и развивались многие советские интриги в северной Персии.

Когда в 1945 году Красная армия вошла в Берлин, Абель, к тому времени уже подполковник государственной безопасности, получил назначение на работу в страну, которую знал лучше всего. Из штаб-квартиры ГБ в Восточном Берлине он в течение последующих восемнадцати месяцев выполнил ряд секретных заданий в английских и американских оккупационных зонах, во Франции, а также, правда, лишь однажды, в Лондоне, куда он отправился под чужой фамилией. Его общение с англичанами и американцами позволило ему улучшить свой английский — он стал говорить практически безупречно. А вскоре Абеля вызвали в Москву, где он начал готовиться к самому трудному заданию за всю свою карьеру.

Жена Абеля, Хельга, несмотря на долгий период жизни в России, душой оставалась в Германии. После войны она вместе с мужем отправилась в свою родную страну и устроилась на житье в Альтенбурге, неподалеку от своего родного города Лейпцига.

Когда в конце 1947 года Абель отправился на нелегальную работу за границу, его жене позволили остаться в Саксонии, где в течение нескольких лет она преподавала русский язык в школе имени Карла Либкнехта. Семья Абеля не бедствовала: кроме значительных выплат, причитающихся семье полковника ГБ, она получала и германскую зарплату. В течение последующих пятнадцати лет Хельга свободно ездила из России в Германию и обратно. Их единственная дочь ходила в одну из школ для детей советских офицеров в России и в конце концов вышла замуж за русского инженера.

Спустя некоторое время, в 1948 году, Абель под псевдонимом Андрей Кайотис, высадился в Монреале. Он не спешил. Несколько по привыкнув к североамериканскому образу жизни, отправился на юг, в Нью-Йорк, где вскоре наладил связь с людьми из сети Розенбергов. К этому времени он уже стал Эмилем Р. Голдфусом, американским гражданином, в свидетельстве о рождении которого говорилось, что он родился в Нью-Йорке, 4 августа 1902 года — дата рождения ребенка, на самом деле прожившего всего несколько месяцев.

У него была масса других удостоверений личности. По информации, имевшейся у англичан и ставшей доступной в последние годы, одно из них было выдано на имя богатого английского бизнесмена ирландского происхождения по имени Миллс или Милтон, имевшего хорошие связи в американском деловом

мире. Именно под видом этого Миллса-Милтона Абель присутствовал на обеде в Нью-Йорке в феврале 1950 года, состоявшемся на квартире супружеской пары Мориса и Лоры Коэнов. Аренда этой квартиры в то время оплачивалась Розенбергами из средств, предоставленных полковником Абелем.

На самом деле Коэн был старым шпионом ГРУ. После службы в республиканских вооруженных силах в годы гражданской войны в Испании, где он работал на шефа ГРУ «генерала Клебера», Коэн вернулся в Соединенные Штаты, чтобы подобрать себе какую-нибудь работу, могущую служить ему прикрытием. После службы в американской армии он в 1946 году установил связь с сетью Розенбергов.

Контакты полковника Абеля с сетью Розенбергов продолжались сравнительно недолго. Вскоре после признания Фукса и показаний, данных Голдом и капралом Гринглассом, Розенберги были арестованы. Случилось это в середине лета 1950 года. К тому времени, когда ФБР удалось выйти на след Коэнов, пара исчезла. Абель помог им уехать из Соединенных Штатов.

Однако до ФБР не дошло ни малейших слухов не только о местожительстве Абеля в США, но даже о самом его присутствии на территории страны, и это несмотря на подробнейшие допросы членов агентурной сети Розенбергов. Абель поселился в доме из красного кирпича по Фултон-стрит, 252, в деловой части Бруклина. У входа, который вел в не блестящую порядком студию, висела табличка: «Эмиль Р. Голдфус, фотограф».

Случайным знакомым Абель объяснял, что он еще и искусный радиомеханик, что было правдой, и что он якобы получает устойчивый доход, ремонтируя радиоприборы. Чтобы обеспечить дополнительное прикрытия своей деятельности, он сказал своим соседям по квартире, что он является художником-любителем. Он рисовал в несколько небрежной манере, однако достаточно неплохо, чтобы быть принятым в круту художников за своего. Впоследствии один из них признался, что «если бы Эмиль проявил упорство, он мог бы стать действительно хорошим художником». А когда открылось, что он еще и прекрасно играет на гитаре, Абель стал желанным гостем на вечеринках, устраиваемых художниками, жившими по соседству.

Он также любил крепкие напитки и мог много выпить. Но НИКОГДА не напивался. Еще он любил женщин. Его пребывание на Фултон-стрит было отмечено серией коротких романов. Его подружки заметили, что он явно неохотно приглашает их в студию, снимаемую им за тридцать пять долларов в неделю.

Иногда Голдфус начинал говорить на немецком, объясняя это тем, что провел раннее детство в Германии. Несмотря на его мягкий шарм и высокоразвитое чувство юмора, друзья-худож-

ники вскоре пришли к выводу, что он далеко превосходит их всех по интеллекту. Абель объяснял это тем, что всегда любил математику и иногда пытался объяснить друзьям принцип действия атомной бомбы в терминах детских примеров по атомной физике.

Эмиль Голдфус казался неугомонным. Его друзья, выходцы из Богемии, заметили, что он редко остается до конца вечеринок, всякий раз ускользая как раз тогда, когда веселье, казалось, только начиналось, и возвращаясь где-то к утру.

Как бы они удивились, узнав, что почти каждый вечер, между десятью вечера и полночью Абель, пользуясь мощным радиоборудованием, спрятанным под всяким хламом в его квартире, передавал информацию и получал указания из Москвы.

Они удивились бы еще больше, узнав, что в своей подпольной деятельности он пользуется шифром, основанным на специальных знаниях из области дифференциального исчисления. Сообщения были сравнительно несложны для дешифровки, если знаешь, что следует применить именно дифференциальное исчисление и умеешь им пользоваться.

Его главными целями были:

1. Американская водородная бомба, которую, по убеждению русских ученых, уже якобы создали американцы.

2. Секреты американских атомных подводных лодок, таких как «Наутилус», с которых в конечном итоге были запущены ракеты «Поларис».

3. Прогресс в американском ракетостроении, где, как полагали русские, американцы ненамного опередили Россию.

Как много удалось узнать полковнику Абелю и его агентуре — нам неизвестно. Он превосходно умел замечать следы. Но, судя по количеству радиосеансов, состоявшихся между передатчиком на Фултон-стрит и радиостанцией ГВ в Москве, узнал он много.

Он был необыкновенно осторожным. После разгрома сети Розенбергов, Абель, пока это было возможно, воздерживался от каких-либо личных контактов с советскими шпионами. Вместо этого он или его «предохранители» с помощью тщательно отработанной системы «тайников» собирали информацию и передавали инструкции или деньги, полученные из Москвы.

Он даже добился успехов в сочетании одного из своих многочисленных хобби — изготовлении небольших, изящно обработанных металлических вещиц, которые он научился делать, работая на цейссовском заводе в Йене — со страстью к безопасности. В своей студии он выдолбил внутренность у болта, снятого с помеченного фонарного столба в Риверсайд-парке. А через несколько дней поместил его обратно, после чего болт забрал дру-

гой агент. Через день или два Абель получил болт обратно, на этот раз с вложенной в него пленкой микрофильма. Это было одним из его изобретений. Другие отчеты попадали к нему, спрятанными в дырку в деревянной уборной в одном из баров Бруклина или тщательно надрезанную нижнюю часть скамьи в Централ-парке.

Деньги, предназначенные для выплаты агентам, Абель прятал в тайнике на Биер Маунтин, откуда пачки зеленых купюр, уложенных в водонепроницаемый портфель, спустя несколько часов забирал один из членов его сети.

К 1952 году полковник Рудольф Абель зарекомендовал себя как один из величайших мастеров шпионажа, когда-либо действовавших на территории Соединенных Штатах. Сеть его была столь обширна, что он вынужден был сообщить в ГБ, что ему нужен высокопрофессиональный помощник, услугами которого он мог бы пользоваться, когда в этом возникла бы необходимость. Берия был так удовлетворен деятельностью Абеля, что просьба полковника была встречена с пониманием.

Руководители иностранного отдела ГБ остановили свой выбор на подполковнике Рейно Хейханене, офицере тайной полиции с 1939 года, финна по национальности. Именно его предназначили в заместители к Абелю. Однако зарубежный опыт финна не простирался далее работы в контролируемых Советами стран Восточной Европы.

Очень любопытный был выбор. Хейханен говорил по-английски с сильным акцентом, а иногда вообще переходил на какой-то ломаный язык. Он, похоже, не обладал необходимой квалификацией для порученного ему дела. И в довершение ко всему он был необыкновенно обидчивым. Хейханен полагал, что ему должны дать ключевой пост в «легальном аппарате» в советском посольстве, где под видом шофера он следил бы за ортодоксальными советскими дипломатами. А вместо этого ему было велено стать шпионом, действующим самостоятельно в чужой и неизвестной стране.

Хейханен прибыл в Нью-Йорк к концу 1952 года с паспортом на имя Юджина Маки, американского гражданина, родившегося в Финляндии.

И руководители иностранного отдела ГБ в Москве, и полковник Абель были очень осторожны. Хейханену не сообщали ни настоящего имени Абеля, ни адреса его студии на Фултон-стрит. Перед отъездом из Москвы ему сказали, что в Нью-Йорке у него состоится встреча с человеком по имени «Марк», его резидентом в Америке. Эта договоренность действовала в продолжение пяти лет, и Хейханен так никогда и не узнал настоящего имени Абеля.

Спустя несколько месяцев после прибытия Хейханена Абель почувствовал, что все больше разочаровывается в своем коллеге. Хейханен был пьяницей и несколько раз приходил на встречи с Абелем в полупьяном состоянии. Более того, у него были влиятельные друзья в руководстве ГБ. И к большой тревоге Абеля, он вскоре воссоединился со своей второй женой, которая еще меньше подходила к существованию в условиях подполья в Соединенных Штатах, чем ее муж.

Хейханену было велено устроиться в Нью-Йорке. Абель приказал ему открыть, в качестве «крыши», фотостудию и дал достаточную сумму денег, которую снял с одного из многочисленных банковских счетов, открытых им в Нью-Йорке. Однако фотостудия так и не стала явью, и Абель подозревал, что Хейханен истратил деньги на выпивку. Абель еще больше расстроился, когда узнал, что Хейханен присвоил пять тысяч долларов, которые ему выдали для передачи жене одного из арестованных членов сети Розенбергов. Абель также был неудовлетворен контактом Хейханена с бывшим военным служащим американских войск связи, который согласился работать на русских, оказавшись в американском посольстве в Москве, однако ушел в тень, вернувшись в Соединенные Штаты.

В начале 1955 года полковник Абель уже проработал в Соединенных Штатах семь лет без перерыва. Он добился огромных успехов как резидент-«нелегал» Восточного побережья Соединенных Штатов, однако постоянное напряжение измотало его. Его начальство в Москве не возражало, чтобы он сделал перерыв в работе, и Абелю было позволено уехать. Он вылетел в Берлин и, пройдя через Бранденбургские ворота, растворился где-то в Восточной зоне, где и провел некоторое время со своей женой. А затем отправился в Москву повидаться с дочерью и получить новые инструкции от руководства ГБ.

Вполне возможно, что руководство иностранного департамента ГБ решило, что полковнику Абелю следует сменить место назначения. Согласно обычному риску, присущему его профессии, чем дольше он оставался в Соединенных Штатах, тем больше он рисковал. Однако из отзывов Абеля о Хейханене становилось ясно, что заместитель полковника совершенно не подходил для того, чтобы взять на себя руководство американской сетью. И потому Москва пошла на риск и отправила полковника Абеля обратно в Нью-Йорк.

Он вернулся где-то в конце 1955 года, чтобы узнать, что Хейханен использовал его отсутствие для того, чтобы предаваться затянувшемуся запоям. И потому летом 1956 года Абель наметил помощнику, что после четырех лет пребывания в Соединенных Штатах Хейханен заслужил «поездку в Россию».

Хейханен прекрасно знал о недовольстве Абеля и не без основания полагал, что его вернут в Москву по причинам «дисциплинарного характера». Он сделал попытку оттянуть этот черный день, но к середине апреля 1957 года у него уже не осталось предложений для дальнейших проволок с отъездом из США. 24 апреля Хейханен самолетом вылетел в Париж по пути в Россию. В течение 48 часов он должен был выйти на связь с ГБ. Однако не сделал этого. Стало ясно, что Хейханен пропал.

Спустя десять дней он появился в посольстве Соединенных Штатов на площади Согласия в Париже и попросил провести его к сотруднику Центрального разведывательного управления, возглавляемого мистером Алленом Даллесом. Выходил ли он на контакт с ЦРУ, еще находясь в Соединенных Штатах, — неизвестно. Но подобный оборот событий вполне вероятен. Из Парижа Хейханена самолетом доставили обратно в Нью-Йорк и по приезде сразу же допросили.

Москва предупредила Абеля о бегстве Хейханена, и 26 апреля полковник расплатился с владельцем снимаемой им студии, заплатив вперед за два месяца, и сказал, что уезжает «на отдых».

На допросах Хейханен рассказал все, что знал, дав подробную информацию о целях и задачах своей шпионской миссии и о тех данных, которые он передавал в Москву. Он выдал имена всех своих связных, однако он очень мало знал о своем резиденте и мог сообщить лишь то, что его зовут «Марк».

За все пять лет пребывания в Соединенных Штатах полковник Абель сделал одну-единственную небольшую ошибку: во время одной из встреч Хейханен пожаловался, что у него осталось мало фотопринадлежностей, и тогда «Марк» сказал, что может дать ему немного. Дело было вечером. Они вместе поехали в Бруклин, и Абель провел Хейханена в свою студию. Хейханен запомнил этот случай и сказал американцам, что, по его мнению, студия находится где-то рядом с Фултон-стрит. В сопровождении человека из ФБР он ходил от одного дома к другому по Фултон-стрит. На доме под номером 252 он увидел табличку с надписью: «Эмиль Р. Голдфус — фотограф». И через несколько мгновений агенты ФБР уже были в квартире Абеля.

Во время обыска, проведенного в студии Абеля, были найдены многие орудия, необходимые в его профессии. За тяжелой мебелью агенты ФБР обнаружили мощный радиопередатчик. По всей студии были разбросаны шифровальные книги, фотокамеры и пленки для микрофотографий. Дальнейшие поиски дали случайный набор ручек, кисточек для бритья, болтов, запонки и карандашей — все с мастерски выдолбленными внутренностями, которые можно было использовать для передачи секретных сообщений. Однако в доме не было ни малейшего намека на присутствие самого Абеля.

А Абель в это время был во Флориде, наслаждаясь столь необходимым ему отдыхом и внимательно читая американские газеты, стараясь выискать в них хоть какую-то информацию о побеге Хейханена. Американцы, однако, хранили молчание. Они не собирались вспугивать человека, про которого знали, что он является одним из крупнейших русских шпионов в Западном полушарии.

Почему полковник Абель не сбежал в Мексику — остается загадкой. Можно лишь предположить, что для ГБ он был столь ценным агентом, что в Москве надеялись, что через несколько месяцев все уляжется и он вновь сможет возобновить деятельность своей агентурной сети. Возможно, так бы оно и было, однако, пробыв месяц во Флориде, Абель совершил еще одну ошибку. Он вернулся в Нью-Йорк. И 13 июня агенты ФБР, день и ночь следившие за квартирой Абеля, неожиданно увидели в одном из окон студии свет.

А вскоре они увидели и высокого мужчину лет пятидесяти, с худощавым лицом, собиравшегося уходить. Его сфотографировали скрытой камерой и последовали за ним. Сначала он направился к близлежащей станции «подземки» и доехал до Манхэттена. Затем повел своих преследователей к отелю Лэтем, где, как оказалось, он зарегистрировался под именем Мартина Коллинза. А спустя несколько часов Хейханен опознал в человеке на фотографии так долго разыскиваемого «Марка».

Итак, ФБР нашло этого человека. И теперь действовало не спеша. Абеля держали под круглосуточным наблюдением. Агенты ФБР надеялись, что рано или поздно он выйдет на связь с другими членами сети ГБ. Однако полковник Абель ни с кем не встречался. Он был слишком большим профессионалом, чтобы подвергать риску свои связи.

И, наконец, почти в семь часов утра 2 июня три агента ФБР ворвались в спальню Абеля в номере отеля.

«Полковник, — обратились они к нему, — у нас есть сведения, что вы замешаны в шпионаже против Соединенных Штатов».

Абель, выглядевший полным достоинства, даже несмотря на пижаму, лишь слегка поклонился. Он был холоден и казался совершенно невозмутимым. Он не возражал, когда агенты ФБР пригласили в номер чиновника иммиграционной службы, ожидавшего в коридоре, и тот предъявил Абелю то единственное обвинение, которое они могли ему предъявить, — в нелегальном проникновении на территорию Соединенных Штатов.

Абеля доставили в штаб-квартиру ФБР в Нью-Йорке, в течение последующих пяти дней и ночей его безостановочно «поджаривали» сменявшие друг друга сотрудники ФБР и ЦРУ. Он

сообщил, что его настоящее имя — Рудольф Иванович Абель, и что он советский гражданин, хотя у него и есть американский паспорт на имя Эмиля Р. Голдфуса. Но в течение первых пяти дней и ночей и в последующие три недели непрерывных допросов он практически больше ничего о себе не сказал.

Он вел себя как офицер, взятый в плен на поле боя, и готов был, как этого требовала международная конвенция, назвать свое имя и личный номер, и ничего более. Однако при этом он почти не делал попыток опровергнуть то, что следователям уже было известно о нем от Хейханена, а именно, что он является старшим офицером иностранной службы ГБ.

«В конце концов, джентльмены, — якобы заявил он, — мы все профессионалы. И я здесь лишь потому, что мне не повезло».

В его спальне фэбээровцы обнаружили портфель с шестью тысячами долларов и пакет, в котором среди других вещей находилась и фотография людей, которых агенты ФБР смогли идентифицировать как Мориса и Лорну Коэн, разыскиваемых в течение семи лет. Позднее агенты ФБР узнали, что Абель оплачивал счета за хранение мебели Коэнов с момента их исчезновения в 1950 году. Улыбаясь, он отказался дать какие-либо сведения об их нынешнем местонахождении.

Когда встал вопрос о юридических консультациях, Абель дал понять, что он — человек со средствами и может оплатить услуги лучших адвокатов Соединенных Штатах. Он указал ФБР на банк Манхэттен, где у него был счет на 21 000 долларов.

Когда, наконец, он убедился, что следователям ничего не известно о действиях советской разведки в США, он явно испытал облегчение и слегка расслабился. Время шло, и спустя несколько недель сотрудники ФБР и ЦРУ, имевшие дело с Абелем, не только испытывали к нему личную симпатию, но и находились под сильным впечатлением от его личности. Абель согласился подвергнуться процедуре проверки умственных способностей, в ходе которой выяснилось, что его КИ близок к отметке «почти гений».

Конечно, он был самым интересным шпионом из всех, когда-либо попадавших в руки американских спецслужб, и высокопоставленные сотрудники ФБР и ЦРУ лично приходили на допросы, чтобы посмотреть на это «чудо» из русской секретной службы. В ходе приятной личной беседы они отмечали, что он бегло говорит по-русски, по-немецки, по-английски, по-французски и по-итальянски, а также проявляет искренний интерес к физике и даже попросил дать ему работы Эйнштейна, которые он и изучал в своей камере.

Полковник Абель также показал себя знатоком Пушкина и признался в своем давнем восхищении творчеством Хемингуэя.

Один из американских чиновников получил истинное наслаждение от долгой беседы с советским шпионом на тему «значение Макколея в английской истории». Абель попросил разрешения попрактиковаться в своем хобби – в изготовлении прелестных серебряных украшений.

У полковника Абеля не было, по сути дела, настоящей защиты. Однако он был решительно настроен воспользоваться всеми возможностями, предоставляемыми обвиняемому американским законом. Он обратился в нью-йоркскую ассоциацию адвокатов с просьбой прислать ему защитника. Суд назначил ему в качестве защитника известного американского адвоката ирландского происхождения м-ра Джеймса Донована, сыгравшего решающую роль в жизни Абеля. В годы войны Доноvan выступал в роли личного советника как руководителя американской секретной службы – OSS, так и государственного обвинителя от Соединенных Штатов на Нюрнбергском процессе м-ра Джексона, и благодаря этому опыту он неплохо разбирался в деле Абеля. Гонорар в 10 000 долларов, которые Абель согласился заплатить своему защитнику, Доноvan передал на благотворительные цели.

В октябре 1957 года Абель предстал перед судом в Нью-Йорке и был признан виновным в шпионаже против Соединенных Штатов. Помощник генерального прокурора США отозвался о нем как о «настоящем профессионале и гении в области разведки». Во время судебных заседаний Абель, как правило, сидел совершенно спокойно, демонстрируя явное безразличие к происходящему. Большую часть времени он рисовал – иногда судью на скамье, иногда защитника, но обычно на его рисунках можно было увидеть грустного человека средних лет, одиноко сидевшего на скамье в парке.

И лишь в редких случаях Абель позволял эмоциям выйти наружу, как это было в тот момент, когда прокурор зачитал письмо дочери полковника, присланное на микроплентке из Москвы, в котором деду сообщалось о рождении внука. Лицо Абеля стало медленно оживать, и вскоре присутствующие могли увидеть, как полковник медленно смахнул слезу. Он никогда не терял чувства юмора и часто обменивался шутками и остротами как с защитником, так и с прокурором. Так, например, какое-то тяжелое вещественное доказательство чуть не упало на голову Абеля, он улыбнулся помощнику генерального прокурора и сказал: «Не убивайте меня раньше времени». Абель не сомневался, что суд приговорит его к смерти.

Его адвокат доблестно сражался за смягчение приговора. Опираясь на какое-то инстинктивное кельтское предчувствие, м-р Доноvan спорил с судьей, что «возможно, в обозримом будущем

американец такого же ранга будет арестован в Советском Союзе, и в таком случае обмен заключенными может быть произведен в интересах Соединенных Штатов».

Судья, однако, не обладал таким же даром предвидения, какое было у мистера Донована, и полковник Рудольф Иванович Абель был приговорен к казни на электрическом стуле.

Однако ни полковник Абель, ни его американский адвокат не сложили оружия. После того как все возможности, предоставляемые американским законом, были использованы, смертный приговор заменили тридцатью годами тюремного заключения. Окончательное подтверждение этого пришло в мае 1960 года — как раз накануне неудавшейся встречи на высшем уровне в Париже, причиной срыва которой стал сбитый Советами шпионский самолет У-2, пилот которого, капитан Френсис Гэри Пауэрс, оказался в плену у русских.

Спустя несколько недель после срыва Парижской встречи в верхах, на которой мистер Хрущев во всеуслышание заявил, что во всем, что касается шпионажа, у него «руки чисты», сотрудники британской контрразведки раскрыли группу шпионов ГБ, действовавших в Соединенном Королевстве. Советских агентов поймали на передаче в Москву секретов британского оружия для подводных лодок, разрабатываемого в Портленде. В начале 1961 года пять членов группы были арестованы. Среди них:

1. Фредерик Хогтон и Этель Джи, по прозвищу «Пончик», работавшие на портлендской базе и оба впоследствии приговоренные к длительным срокам тюремного заключения.

2. Питер и Элен Крогер, продавец антикварного магазина и его жена, жившие в Кренли Гарденс, в Мидллсексе.

3. Дружелюбно улыбающийся человек лет тридцати, у которого был офис на Варддор-стрит и служебная квартира близ Риджент-парк. У него был канадский паспорт, согласно которому он значился как Гордон Арнольд Лонгсдейл и, без сомнения, был руководителем группы.

Однако, когда у супругов Крогеров сняли отпечатки пальцев, оказалось, что никакие они не Крогеры, а старые друзья полковника Абеля по сети Розенбергов — Морис и Лорна Коэн, которых американское ФБР безуспешно разыскивало более десяти лет. В ходе расследования, последовавшего вслед за этим открытием, были получены доказательства того, что в течение нескольких лет до своего ареста полковник Абель расширил поле своей шпионской деятельности, распространив влияние ГБ и на группы, работавшие в Соединенном Королевстве.

В ходе суда над таинственным Лонгсдейлом — его настоящее имя и по сию пору неизвестно — было установлено, что он — русский майор, не ясно только — ГРУ или ГБ. После службы в

Праге в начале 50-х, он в 1954 году сошел в Ванкувере, Канада, с польского зерновоза. С помощью фальшивого свидетельства о рождении и поддельных документов он получил канадский паспорт и, проведя некоторое время в Ванкувере, приобрел канадский акцент и местный «колорит» и 22 февраля 1955 года отправился в Соединенные Штаты, в Ниагара Фоллз, а спустя неделю отплыл из Нью-Йорка в Великобританию на борту лайнера «Америка». Абель в это время был в Нью-Йорке.

Козны вновь объявились, на этот раз в Вене, в 1954 году. Из Вены они отправились в Париж, где уговорили новозеландского консула выдать им паспорта доминиона, а затем, после неожиданного и загадочного двухнедельного путешествия в Гонконг, они высадились в Англии, РОВНО ЗА НЕДЕЛЮ ДО ТОГО, КАК ЛОНГСДЕЙЛ ПРИВЫЛ В САУТГЕМПТОН.

Совпадение весьма примечательное. Более того, два года спустя у Абеля уже была фотография Кознов, что дает основания предполагать, что он по-прежнему поддерживал связь с ними.

Из-за значительного и, как стало известно, крайне опасного недостатка взаимодействия между британскими и американскими службами безопасности, присутствие Кознов в Соединенном Королевстве оставалось незамеченным в течение трех лет.

Когда советский офицер «Лонгсдейл» и супруги Козны были приговорены в суде Олд Бейли в Лондоне к 25 и 20 годам тюремного заключения соответственно, известный нью-йоркский адвокат Донован получил письмо, отправленное из Восточного Берлина. Говорили, что оно было подписано женой Абеля Хельгой. Она интересовалась шансами мужа получить помилование или хотя бы добиться смягчения нынешнего приговора к пожизненному заключению. М-р Донован взял письмо с собой в Вашингтон, где показал его министру юстиции США Роберту Кеннеди, младшему брату президента.

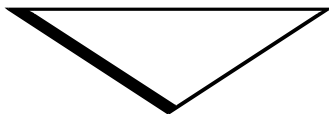
Официальный ответ гласил: «Шансов нет». Однако неофициально м-ра Донована благословили прощупать возможность заключения сделки: Абель на пилота У-2 капитана Пауэрса, который в это время уже отбывал в Советском Союзе тюремное заключение за шпионаж. Почти год м-р Донован продолжал переписку, и к концу 1961 года появились признаки «оттепели» в советско-американских отношениях. С ведома и одобрения м-ра Роберта Кеннеди адвокат Донован вылетел в Восточный Берлин на переговоры с людьми, имена которых не афишировались.

Весь январь 1962 года продолжались переговоры. В среду, 7 февраля, Абеля вывели из его камеры в Атлантской тюрьме. Ему было сказано, чтобы он приготовился к поездке. А на другой день в Вашингтон поступило сообщение из дипломатической миссии США в Берлине: русские готовы освободить Пауэрса. И в тот же

вечер полковник Абель вылетел в Германию. Утром 10 февраля 1962 года, в субботу, Абель, советский мастер шпионажа, был обменян на пилота У-2 Пауэрс. Обмен произошел на мосту Глинике, соединявшем американский сектор Берлина с Советской зоной оккупации в Германии.

Московское радио объявило, что освобождение Пауэрс является собой «акт милосердия» и должно способствовать улучшению советско-американских отношений. Ни слова не было сказано о полковнике Абеле. Через несколько часов после прибытия в Восточный Берлин он вновь встретился со своей женой. А спустя некоторое время из информации, полученной из Восточной Германии, стало известно, что полковник Абель занял высокий пост в советской службе безопасности.

ГЛАВА 14

РИХАРД ЗОРГЕ

Рихард Зорге — величайший шпион времен Второй мировой войны. Сегодняшний СССР, а с ним и вся структура международного коммунизма обязаны, вероятно, своим существованием этому полунемцу-полурусскому, который, будучи тайным русским агентом, писал официальные донесения за германского посла, одновременно проникая в самые сокровенные секреты японского кабинета министров. То, что удалось узнать Зорге летом 1941 года, спасло Москву от захвата немцами и потому вполне могло стать решающим фактором в последовавшей спустя восемнадцать месяцев победе русских под Сталинградом.

Зорге был одним из самых высокопоставленных членов КПСС, когда-либо рисковавших жизнью при выполнении шпионской миссии в иностранном государстве. И единственным из советских агентов, из тех, о ком мы знаем, имевшим прямой личный доступ к верхушке русской власти — Политбюро Советской коммунистической партии.

Среди его личных друзей было несколько членов сталинского Политбюро. Есть основания предполагать, что Сталин лично знал Зорге и даже однажды передал ему личное сообщение. А один из близких друзей Зорге, Отто Куусинен, долго был членом хрущевского Президиума, которое фактически управляло Россией.

Нет уверенности в том, жив Зорге или мертв. И если бы он был жив — а некоторые хорошо информированные специалисты верят, что это так, он, конечно, стал бы одной из главных фигур в шпионской службе России.

Родился этот великий шпион в городе Баку, на юге России 4 октября 1895 года. Его отец, имевший репутацию пьяницы, был немецким инженером, работавшим на Ротшильда, который в те

дни контролировал все кавказские нефтепромыслы. Однако мать Зорге была русской. Его дед, Адольф Зорге, был секретарем Карла Маркса и очень заметной фигурой в «левом» движении, и факт этот оказался очень важным для молодого Зорге четверть века спустя.

Мальчик еще не пошел в школу, когда отец решил вернуться в Германию. В начале XX века семья поселилась на вилле в пригороде Берлина, где стала жить типичной жизнью немецких буржуа в империалистической Германии. Отец Зорге, несмотря на наличие марксистских предков, был настоящим прусским националистом бисмарковской школы. Зорге-старший очень гордился и своим состоянием, и социальным положением, достигнутым им благодаря работе в России. Когда он умер, что случилось вскоре после переезда в Германию, у семьи его не было никаких финансовых забот.

Юный Рихард — или Ика, как звали его мать, брат и сестры — плохо вписывался в обстановку прусской школы времен империалистической Германии с ее почти военными муштрой и дисциплиной. Зорге был слишком большим индивидуалистом, и его неприятие школьных порядков проявляло себя в упрямстве, своенравии и склонности отказываться отвечать учителям.

В подростковом возрасте у Зорге появилась страсть к немецкой классике. Он зачитывался Гете, Шиллером и Лессингом. Тогда же он принялся штудировать Эммануила Канта, интерес к которому, возможно, отражал его растущее восхищение деятельностью своего деда.

Зорге было известно о деятельности деда в левом движении, а вскоре и он сам вступил в рабочий атлетический клуб, чтобы поддерживать контакт с германскими рабочими через непосредственное общение. Однако, по словам самого Зорге, до начала войны 1914 года у него не было каких-то определенных политических взглядов. Он считал свои взгляды близкими к анархическим.

Он был добродушным парнем и пользовался большой популярностью среди своих друзей и знакомых. Летом 1914 года он вместе со школьной компанией отправился в Швецию. В Германию они успели вернуться на последнем пароходе перед самым началом войны.

Восемнадцатилетний юноша сразу же записался добровольцем на военную службу и уже через пару месяцев оказался в траншеях Фландрии. Он был участником первой битвы на Ипре, в которой был сразу ранен, а после выздоровления переведен на русский фронт, где снова был дважды ранен.

Армия произвела на молодого Зорге глубокое впечатление. Конца войне не предвиделось, и Зорге становился все более и более неудовлетворенным установившимся порядком вещей. Ус-

пех большевистской революции в октябре 1917 года оказал глубокое влияние на развитие его левых взглядов.

Когда в начале 1918 года его уволили из армии по медицинским показаниям, Зорге записался студентом в Кильский университет и одновременно окунулся в политическую деятельность левых, вступив в Независимую социал-демократическую партию, где вскоре возглавил работу по обучению молодежи. Это дало ему возможность поближе познакомиться с моряками германского северного флота, запертого на военно-морской базе в Киле. И когда в конце октября в Германии разразилась революция, Зорге стал ее активным участником и одним из ее лидеров, выступая со страстными, зажигательными речами перед группами матросов и портовых рабочих.

В начале 1919 года Зорге переехал в Гамбург. Официально — для получения докторской степени. Однако истинная причина переезда крылась в другом: к тому времени Гамбург стал одним из главных центров германского революционного движения. И когда Независимая социал-демократическая партия Зорге соединилась со Спартаковским союзом, образовав Германскую коммунистическую партию (КПП), Зорге стал одним из ее лидеров.

Безудержное пьянство и многочисленные романы с женщинами приобрели Зорге репутацию необузданного среди более аскетичных лидеров КПП. Однако Зорге никогда не позволял своей личной жизни, местами довольно экзотической, оказывать какое-либо влияние на его политическую деятельность.

Когда Зорге занял должность преподавателя в Аахене, расположенном на границе с Бельгией, Центральный комитет партии в Берлине попросил его взять на себя руководство партией в этом районе.

Германские власти стали следить за Зорге, и когда его избрали делегатом от Рейнланда в состав ЦК КПП, Зорге изгнали из школы за политическую деятельность. Тогда по приказу из Берлина он занялся организационной работой среди шахтеров Аахенского угольного бассейна и, несмотря на недостаток опыта, стал работать шахтером в одной из шахт.

Из-за военных ранений эта работа оказалась ему не по силам, однако Зорге позднее признавался, что никогда не жалел о тех днях, когда лицо его было в угольной пыли. Он распространил свои действия и на соседние датские шахты, где также организовал ячейку коммунистического движения.

К этому времени о его политической активности стало известно и германским властям, пригрозившим Зорге выдачей бельгийским оккупационным властям. Поскольку Зорге был одним из самых доверенных лидеров КПП, ему была предложена оплачиваемая работа в отделе пропаганды в ЦК партии в Берли-

не. Однако Зорге по-прежнему хотел завершить свое академическое образование, и потому вскоре ему нашли работу преподавателя по общественным наукам во Франкфуртском университете. Эта работа обеспечивала отличное прикрытие для его деятельности в качестве шефа пропагандистского филиала КПГ во Франкфурте-на-Майне. Зорге фактически превратился в руководителя всех коммунистических газет в регионе.

Зорге едва успел устроиться, когда компартия, в который уж раз, и далеко не в последний, была запрещена в Германии. Как вновь прибывший, он был хорошо известен франкфуртской политической полиции и мог спокойно продолжать свою деятельность как фактический лидер ныне запрещенной и находившейся в подполье организации.

В первые месяцы 1924 года КПГ переживала кризис, вызванный, главным образом, неуместным вмешательством Сталина во внутренние дела партии в ходе массовых беспорядков, последовавших за французской оккупацией Рура. В начале мая был созван тайный съезд германских коммунистов, который было решено провести во Франкфурте. В штаб-квартире Коминтерна в Москве приняли решение послать на съезд представительную делегацию в составе четырех лидеров, получивших широкую международную известность в последующие годы – Пятницкого, Мануильского, Куусинена и Лозовского.

Их поездка в Германию была связана с риском для них лично, и потому Зорге, отвечавшего за разведывательную деятельность в КПГ, назначили ответственным за безопасность высоких московских гостей. Все четверо коминтерновских лидера много слышали о Зорге, к тому времени уже сделавшему себе имя в КПГ. На них произвел большое впечатление размах разведывательных операций, проводимых Зорге на западе Германии. И когда съезд закончился, все четверо были в наилучших отношениях с Зорге.

Эта франкфуртская встреча оказала решающее воздействие на судьбу Зорге: его стали настойчиво уговаривать отправиться в Москву, чтобы помочь в реорганизации разведывательного отдела Коминтерна и расширении его деятельности. Зорге согласился. И с этого момента он стал профессиональным коммунистом. Отъезд был отложен на несколько месяцев, пока Зорге не закончил организацию тайной разведывательной сети в Рейнланде, однако в начале 1925 года он уже объявился в штаб-квартире Коминтерна в Москве. Зорге прекратил свое членство в КПГ, и Пятницкий предложил ему вступить в Коммунистическую партию России.

В течение следующих двух лет Зорге работал под началом Куусинена, расширяя всемирную шпионскую сеть коммунистиче-

ского движения и изучая основные правила проведения тайных операций. В 1927 году Зорге получил свое первое заграничное задание отправиться в Скандинавию, где он помог местным коммунистическим партиям в создании шпионской сети. За этим последовала поездка в Англию, где Зорге не поддерживал контакта с коммунистической партией Великобритании, однако совершил ряд серьезных поездок в Мидленд, на северо-восточное побережье Англии, где встретился с местными агентами Коминтерна и договорился, что местные коммунистические организации будут давать больше информации о промышленном и политическом развитии Великобритании. Согласно его отчету, жил Зорге в дешевом меблированном пансионе в Блумсбери под своим собственным именем и пользовался настоящим германским паспортом.

Спустя несколько недель после прибытия Зорге в Англию, в его квартире появился посетитель. Человек в гражданской одежде объяснил, что он является офицером Особого отдела Скотленд-Ярда, и далее сказал, что доктор Зорге забыл указать свой адрес в регистрационном листке иностранца, выразив уверенность в том, что это простое упущение. Он извинился за свое вторжение и уже почти собрался уходить, когда, взглянув на заполненный Зорге листок, небрежно заметил, что «герр доктор» указал свой берлинский адрес, а разве он жил не в Гамбурге?

Зорге, который неплохо говорил по-английски, отверг какую-либо связь с крупным портовым городом на севере Германии, и человек из Особого отдела ушел, предварительно расспросив его, как долго он намерен пробыть в Англии.

На Зорге этот визит произвел глубокое впечатление. Он понял, что в Особом отделе прекрасно известно, кто он такой. У англичан было обширное досье на него, включая и гамбургские дни. И впоследствии, уже находясь в Токио, Зорге всегда говорил, что англичане — величайшие в мире мастера шпионажа и контршпионажа.

Зорге многому научился и многое узнал во время этих поездок. А вернувшись в штаб-квартиру Коминтерна в Москву, сделал далеко идущие выводы и предложения, указав на огромный риск, которому подвергает себя посланник Коминтерна и агент советской разведки, вступая в контакт с представителями национальных коммунистических партий. Местная полиция почти всегда знала практически все о функционерах национальных компартий, за которыми велось постоянное наблюдение. Связь между агентом и членом национального ЦК почти неизбежно выводила полицию на след советского агента. И потому Зорге настаивал, чтобы разведывательные операции Коминтерна проводились совершенно независимо от мероприятий политических. Агентам

должно быть запрещено поддерживать какие-либо контакты с местными коммунистическими партиями, которых следует держать в неведении относительно присутствия в стране агентов Коминтерна.

Руководство Коминтерна, воспитанное в классической вере, свойственной начальному периоду мировой революции, не согласилось со взглядами Зорге. А вот секретная служба Красной армии (ГРУ) и иностранный отдел советской тайной полиции (ГБ) — согласились и приняли их как руководство к действию.

Предложения Зорге в целом оказались неприемлемыми для руководителей Коминтерна, однако у Зорге был такой покровитель, как Пятницкий, которому было прекрасно известно, что шеф ГРУ генерал Берзин разделяет взгляды Зорге.

Видимо, в результате этих расхождений зимой 1929 года Зорге формально порвал с Коминтерном и был переведен в секретную службу ГРУ, где и оставался до конца своей жизни.

Несмотря на официальный разрыв с Коминтерном, Зорге продолжает поддерживать близкие отношения со своими старыми друзьями — Пятницким, Мануильским и Куусиненом. Даже в те годы, когда все они уже стали ведущими фигурами в системе советской власти, Зорге по-прежнему оставался их любимым учеником и особым протее в заграничной секретной службе. В один из своих редких приездов в Москву он встречался с ними в самой сердечной обстановке. Накануне войны Зорге именно через этих друзей имел прямой доступ к членам сталинского Политбюро, став, без сомнения, единственным советским шпионом, когда-либо действовавшим на столь высоком уровне.

Как бы в подтверждение своего особого положения в Советской Коммунистической партии, Зорге был переведен в секретный отдел ВКП(б), с которым поддерживал связь на протяжении всей своей карьеры.

Генерал Берзин, старый коммунист, имевший прямой доступ к Сталину, очень высоко оценил проведенный Зорге анализ слабостей, присущих советской системе шпионажа. Выводы, сделанные Зорге, совпадали с выводами самого Берзина, сделанными им на основе собственного горького опыта. Так, например, сети советской агентуры на Дальнем Востоке находились в состоянии хаоса, они кишели иностранными агентами — все это соответствовало выводам Зорге.

Сам Зорге давно был очарован Дальним Востоком. Уже в 1929 году он сумел распознать истинные цели и направления японской политики, и потому Берзин не долго колебался, выбирая Зорге для выполнения спецзадания — восстановления агентурных сетей ГРУ сначала в Китае, а затем в Японии. Главной целью Зорге было обеспечить советскую разведку информацией о наме-

рениях и действиях японцев в Китае. Зорге было велено также докладывать о развитии политических событий в Китае. В то же время ему пришлось выполнять и обычные задания советской военной секретной разведки в связи с усилением японской военной активности на Дальнем Востоке.

Зорге были даны строжайшие указания — с которыми он был целиком и полностью согласен — о недопустимости для него поддерживать какие-либо контакты с коммунистами Мао Цзэдуна или принимать участие в политической деятельности.

Это было большое дело, что подтверждал и сам Зорге. Лет двенадцать спустя он утверждал: «Следует помнить, что моя разведывательная деятельность в Китае — как и позднее в Японии — была делом, не имевшим аналогов».

Зорге по всем параметрам был человеком выдающимся. Доктор философии с высокоразвитым интеллектом, он говорил на полудюжине языков и становился специалистом по каждой стране, в которой ему доводилось работать. Он мог достигнуть выдающихся результатов в любой области. Он был действительно великим шпионом — и он знал это.

Еще с тех пор, когда он фактически руководил всеми коммунистическими изданиями во Франкфурте, он был увлечен журналистикой, а еще раньше написал книгу о германском коммунистическом движении и после переезда в Москву продолжал заниматься как журналистской, так и литературной деятельностью. Он был автором множества политических книг и статей, многие из которых были широко известны в 20-х годах не только в Германии, но и в России. И потому у него не было особых сомнений в том, какое занятие ему следует выбрать в качестве «крыши» — он поедет в Китай в качестве иностранного корреспондента.

В конце 1929 года он отправился в Германию, чтобы договориться об аккредитации в качестве журналиста от германской газеты «Soziologische magazin».

В январе 1930 года Зорге под видом американского журналиста Александра Джонсона прибыл в Шанхай. Его сопровождали два агента ГРУ. Один был старым спецом по китайским делам, выступавший в качестве гида и наставника Зорге, и спустя несколько недель вернувшийся в Москву. Другой — радист по имени Вейнгард.

Появление еще одного случайного американского корреспондента не вызвало особой реакции со стороны китайских властей, и потому Зорге удалось устроиться в Шанхае, не привлекая внимания англичан, контролировавших Центральное разведывательное бюро. Спустя несколько лет британские власти в Шанхае узнали достаточно много о деятельности сети Зорге в Шанхае.

За три месяца работы Зорге удалось создать мощную шпионскую группу, агенты которой были размещены во всех ключевых точках от Кантона на юге до Маньчжурии на севере — районе, агрессивные планы в отношении которого уже давно лежали в японских штабах.

С учетом своего опыта работы в Коминтерне, Зорге действовал в манере, ставшей в последующие годы классической советской шпионской моделью — как для ГРУ, так и для ГБ. Насколько это было возможно, его шпионы никогда не поддерживали связи друг с другом, взаимодействуя — тоже опосредованно, через третье лицо — только с самим Зорге.

На языке ГРУ Зорге назывался «ответственный за Китай». Поначалу большинство агентов Зорге были китайцами, а позднее в группу вошло несколько иностранцев. Один из них, работавший под псевдонимом «Яков», был американским журналистом, у другого был британский паспорт, хотя был ли этот шпион британцем по рождению, установить уже невозможно.

Задание Зорге было рассчитано с дальним прицелом. Советские секретные службы старались работать на годы вперед. Они готовы были выполнять некие неопределенные задачи и тратить массу денег на обустройство своих агентов, десятилетиями готовя агентурную сеть для будущих операций. Уже в 1930 году в Москве почти не сомневались, что главная угроза безопасности СССР исходит из Германии или Японии.

Через несколько недель после прибытия в Китай у Зорге состоялось свидание, о котором договаривался генерал Берзин из Москвы. После обычной советской шпионской пантомимы с опознанием, детской по виду, но достаточно эффективной по сути, Зорге встретился с американской средних лет по имени Агнес Смедли — признанным специалистом по китайским делам и автором многих известных книг о Китае. Она уже давно была коммунисткой и в молодости, как и Зорге, активно работала на Коминтерн. Правда, к 1930 году ее контакты с Коммунистическим Интернационалом отошли в тень, но вряд ли можно сомневаться, что она была агентом ГРУ.

Мисс Смедли уже давно поддерживала связь с зарождающейся Коммунистической партией Китая. Так получилось, что она стала душевным другом и Мао Цзэдуна, и Чжоу Эньлая. После своей смерти в 1951 году она завещала всю свою собственность маршалу китайской коммунистической армии Чжу Дэ. Она была журналисткой и в Китае представляла широко известную германскую либеральную газету «Франкфуртер цайтунг». Ее сотрудничество с Зорге оба использовали ко взаимной выгоде.

После первой же встречи Агнес Смедли согласилась помогать Зорге в расширении его шпионской сети. Она стала связую-

щим звеном между ним и широким спектром коминтерновских организаций, которые использовали Шанхай в качестве своей главной штаб-квартиры в Азии. На одной из вечеринок Агнес Смедли представила Зорге Одзаки – корреспонденту японской газеты в Китае. Это знакомство оказалось очень важным для обоих. Обученный Зорге азам шпионажа, Одзаки впоследствии стал его главным помощником.

Именно в Шанхае Зорге познакомился и с другим членом своей будущей шпионской группы – добродушным немцем по имени Макс Готфрид Францерн Клаузен, который уже работал в Шанхае в качестве радиста ГРУ, когда Зорге прибыл в Китай.

Клаузен был плотным, коренастым немцем с грубоватыми чертами лица и необыкновенно тупым. Одних лет с Зорге, он тоже воевал в Первую мировую войну, служа радистом в германской армии. Поездка в Советский Союз произвела на Клаузена большое впечатление: он восхищался внешними, видимыми приметами большевистских достижений, и к 1927 году вступил в ГКП. А вскоре его пригласили в Москву и направили в радишколу ГРУ, где обнаружилось, что, тупой во всем остальном, Клаузен был необыкновенно способным к радиodelу. В 1927 году Клаузена посылают в Китай.

В январе 1930 года Клаузен получил приказ пойти в отель Анкор, где его будет ждать «старый друг». Этим другом оказался знакомый Клаузена по Гамбургу, бывший немецкий коммунист, а ныне советский радист, который и представил Клаузена его новому шефу – доктору Рихарду Зорге.

Клаузен, работавший для прикрытия механиком в гараже, собрал у себя на квартире очень мощный коротковолновый передатчик, с помощью которого он мог поддерживать регулярную связь с советской ретрансляционной станцией под кодовым названием «Висбаден». Клаузен никогда точно не знал, где именно расположена эта станция, но учитывая склонность ГРУ к аллитерациям в кодовом имени, можно было предположить, что находилась эта станция близ Владивостока, на восточном побережье Сибири.

В то время как Зорге реформировал агентурную сеть ГРУ, Клаузен ездил по всему Китаю, устанавливая передатчики в Кантоне, Мукдене и других крупных городах. Зорге и Клаузен проработали вместе более десяти лет, поддерживая достаточно любезные и дружелюбные отношения. Однако Клаузену никогда не нравился Зорге. А в последние годы его отношение к своему высокомерному и надменному полунемецкому, полурусскому шефу и вообще стало сильно смахивать на ненависть. Клаузена глубоко обижало то, что Зорге, по сути, всегда относился к нему как к обыкновенному лакею. И придет время, когда Клаузен выложит

все обиды, накопившиеся у него в душе, и свою едва сдерживаемую злобу на допросах в японской тайной полиции.

Осенью 1932 года Зорге частично создал заново, частично реорганизовал агентурные сети ГРУ в Китае, и информация от них пошла в Москву. Таким образом, непосредственная миссия Зорге была завершена, и в конце года его вызвали в Москву, где он отчитался как перед ГРУ, так и перед своими личными друзьями из сталинского Политбюро. Происходило это в один из ключевых моментов русской истории.

За те три года, что Зорге провел в Шанхае, ситуация на Дальнем Востоке вполне определилась. Вслед за открытой агрессией Японии в Маньчжурии, японская армия приступила к кампании по установлению полного контроля над богатыми северными провинциями Китая. Вновь вспыхнул исторический русско-японский антагонизм, никогда полностью не исчезавший со времен русско-японской войны начала века. Японские милитаристы глубоко вторглись в пределы советской сферы влияния в Северном Китае. И потому выход японской армии на маньчжуро-сибирскую границу был лишь вопросом времени, и крупномасштабный советско-японский конфликт мог разгореться в любое время. Каковы же были японские намерения — сиюминутные или же рассчитанные на дальнюю перспективу?

Было много вопросов, на которые ГРУ, а в еще большей степени руководители Политбюро, желали бы получить ответ. Ибо от этих ответов могло зависеть будущее Советского Союза. Но ответы эти находились не в Китае, а в Токио. Однако на том уровне, на котором находился в те годы советский шпионаж, невозможно было обеспечить выполнение этой задачи.

Зорге приказали найти и получить ответы на вопросы, интересующие Политбюро.

Он увлеченно занимался подготовкой к своей миссии, когда в начале 1933 года Гитлер захватил власть в Германии. России угрожала война на два фронта, и потому круг задач, поставленных перед миссией Зорге, был немедленно расширен. Он должен был шпионить не только за японцами, но и за немцами, с которыми он, немец, мог бы легко подружиться в Японии.

Цель миссии Зорге — снабжать Сталина совершенно секретными планами японского кабинета. Согласившись на это задание, Зорге изложил ряд условий, которые Москва приняла без возражений:

1. Никаких контактов с японским коммунистическим движением.
2. Никаких русских или японских помощников.
3. Помощники-японцы — Зорге уже тогда имел в виду Одзаки.
4. Как можно меньше контактов с советским посольством в Токио.

После многих дискуссий было решено, что Зорге следует ехать под собственной фамилией и не скрывать свою национальность. Аккредитация в качестве корреспондента ряда немецких газет должна была служить Зорге надежным прикрытием.

Итак, в мае 1933 года Рихард Зорге покинул Москву и отправился в Третий рейх, где ему предстояло договориться о получении аккредитации в качестве корреспондента.

Многое для этого уже было сделано: с помощью Агнес Смедли Зорге получил аккредитацию в Токио в качестве корреспондента крупной немецкой газеты Франкфуртер цайтунг. В те времена, спустя два месяца после прихода Гитлера к власти, газета еще продолжала пользоваться значительной свободой. И даже в период пришествия нацистского министра пропаганды доктора Геббельса, газета могла позволить себе вольности, немислимые для остальной немецкой прессы, — Геббельс считал это вопросом высокой политики. Кроме того, Зорге получил аккредитацию технической «*Technische Rundschau*», после чего отправился в Голландию, где договорился о том, что он будет представлять в Токио хорошо известную амстердамскую газету «*Handelsblad*». Можно констатировать, что Зорге не терял времени даром.

Закончив с прессой, Зорге взялся за решение главного вопроса — оформление своего членства в Германской национал-социалистической партии. (В те бурные первые недели правления нацистов он подал заявление о приеме в партию — и встретил благожелательный прием.) Можно ли это списать за счет общей неразберихи в нацистском хозяйстве, или же все это имело куда более зловещую основу — неизвестно. В той дикой суматохе начала 1933 года бывший член ГКП вполне мог пролезть незамеченным в нацистскую партию. Членство Зорге в НДСАП продолжалось до 1940 года, не вызывая каких-либо вопросов, и это позволяет предположить, что у советского шпиона был какой-то особый защитник, занимавший высокий пост в нацистской партии. Можно с уверенностью утверждать, что Рихард Зорге не мог бы функционировать как нацистский корреспондент в Токио и быть другом германского посла в Японии, не имея особой защиты в высоких сферах.

Завязав связи среди немецких журналистов и, что куда более важно, получив партийный билет нацистской партии, Зорге отправился в Японию через США и Канаду. В Соединенных Штатах он встретился с коммунистическими агентами в Калифорнии и, согласно некоторым сообщениям, женился на американке, прежде чем пересечь Тихий океан на канадском лайнере, который в сентябре, наконец, пришвартовался в Иокогамском порту.

Японская жандармерия, Кемпетай, не проявила особого интереса к личности нового зарубежного корреспондента. Приставив к Зорге шпика, который старательно проходил за ним несколько недель, пока прибывший журналист жил в одном из токийских отелей, Кемпетай оставила Зорге в относительном покое.

Зорге снял квартиру в доме под номером 30 в токийском районе Азабуку и стал отправлять информационные заметки и очерки о положении в Японии в различные газеты Нью-Йорка.

Сразу после прибытия в Японию Зорге нанес официальный визит в германское посольство и как член партии, только что пришедшей к власти в Берлине, был дружески принят представителями дипломатического персонала. Он также вступил в Немецкий клуб и спустя несколько месяцев уже стал известной личностью как в немецкой колонии, так и в среде журналистов-международников, работавших в японской столице.

Поначалу Зорге целиком и полностью сосредоточился на своей журналистской работе, что было весьма существенно, поскольку для целей прикрытия ему необходимо было создать себе репутацию первоклассного журналиста-международника. С помощью своих знакомых из германского посольства Зорге очень скоро стал одним из наиболее информированных и авторитетных журналистов, прекрасно разбиравшимся как в вопросах политического развития Японии, так и в проблемах войны в Маньчжурии.

Еще до того, как Зорге прибыл в Японию, ГРУ уже вовсю занималось подготовкой его миссии в масштабах всего мира. Сразу, как только было принято решение послать Зорге в Японию, испытанным агентам советских секретных служб было велено подготовить почву в Токио для будущего задания.

Вскоре после прибытия Зорге в Токио радист Бернгард познакомил его с коллегой-журналистом югославом Бранко де Вукеличем. Понадобилось несколько минут, чтобы с помощью заранее оговоренных в ГРУ паролей установить, что корреспондент парижского журнала «La Vue» и белградской газеты «Политика» — твой будущий соратник. Высокий, хорошо сложенный, начинающий лысеть Вукелич прибыл в Токио почти за девять месяцев до встречи со своим будущим шефом. За это время он сумел устроиться вместе со своей женой-датчанкой и маленьким сыном в одном из лучших жилых районов Токио и стал уже известной фигурой в среде зарубежных корреспондентов, работавших в Японии. Как и Зорге, он был способным журналистом. И как и Зорге, он был советским шпионом.

Вукеличу было 36 лет. Сын бывшего сербского офицера, он, еще учась в Загребском университете, стал марксистом, но лишь очутившись в начале 30-х годов в Париже, вступил в

коммунистическую партию. Вскоре после этого он начал сотрудничать с разведслужбой Красного интернационала и впоследствии стал советским тайным агентом.

Зорге пришлось заново устанавливать контакт с Одзаки, с которым он не виделся с тех пор, как японский корреспондент покинул Шанхай. Оказалось, что нет ничего проще. Зорге, Одзаки и Вукелич — все были журналистами, и потому что могло быть естественнее, чем то, что югославский журналист устраивает вечеринку, на которой приглашены Зорге и Одзаки?

И тот, и другой появились вовремя, и еще до появления других приглашенных представителей международной прессы циничный доктор Зорге уже был представлен поклонившемуся в ответ Одзаки, который до этого момента был уверен, что его знакомого зовут Джонсон. Группа Зорге стала приобретать некоторые очертания, и в декабре 1933 года в нее вошли еще четверо новых членов.

Между 14 и 18 декабря в англоязычной газете «Japanese Advertiser» появилось рекламное объявление, гласившее, что некто желает купить японские гравюры укее. На объявление откликнулся молодой японский художник, недавно прибывший на родину из Соединенных Штатов. Звали художника Мияги Йотоку. Предполагаемый покупатель — Вукелич, и продавец — художник, встретились в офисе рекламного агентства. Они обменялись неравными половинками долларовой купюры, разорванной еще раньше в штаб-квартире ГРУ в Москве. А через несколько часов Мияги уже представили Зорге.

Уроженец острова Окинава, Мияги жил в Соединенных Штатах с 1919 года. Он прошел курс обучения в художественных школах Сан-Франциско и Сан-Диего, которые закончил в 1925 году. Однако искусство не давало достаточных средств для жизни, и потому с 1926 по 1933 год Мияги был вместе с друзьями хозяином ресторана «Сова» в Лос-Анджелесе. В ресторане часто бывали представители левых группировок, и в 1929 году Мияги вступил в Американскую коммунистическую партию. Очевидно, он выполнял в Калифорнии какое-то задание Коминтерна, поскольку в 1932 году его посетили два незнакомца, одним из которых был Рой — известный коммунистический агитатор того времени, а другой не назвал себя, но был явно агентом ГРУ.

Они спросили Мияги, не выполнит ли он одно небольшое задание в Японии, которое займет «не более месяца». Мияги сначала согласился, но потом вдруг засомневался. В течение нескольких месяцев он все тянул и тянул с отъездом. В конце лета 1933 года Рой пригрозил Мияги самыми серьезными последствиями, если он не выполнит приказа Москвы. И потому в октябре 1933 года Мияги прибыл в Токио.

В течение нескольких недель, до того, как в газете появилось объявление Вукелича, Мияги проводил время, пытаясь приспособиться к жизни в Японии, которая, как выяснилось, стала ему совершенно чуждой.

Теперь группа была почти в полном составе — радист Клаузен еще не появился, чтобы заменить не справлявшегося со своими обязанностями радиста Вейнгартена, и Зорге назначил встречу своих коллег — Вукелича, Одзаки и Мияги, чтобы ввести их в курс дела и поставить перед каждым из них задачу.

Согласно публикациям, позднее появившимся в Токио, прелюдией для этой встречи стала вечеринка с коктейлями, устроенная для прессы и дипломатов в доме Зорге. Вечеринка продолжалась допоздна. Вскоре многие из официальных гостей ушли, а для оставшихся корреспондентов, художников и дипломатов появилось такси, полное девочек. Оргия продолжалась далеко за полночь. А когда девочек отправили домой, в доме Зорге осталась лишь горстка гостей — выпить «еще по одной на дорожку». И конечно же, это были Вукелич, Одзаки и Мияги.

Зорге сразу перешел к делу. До самого рассвета он подробно излагал стоявшие перед их группой задачи. Москва, говорил он, желает получить ответы на следующие вопросы:

1. Нападет ли Япония на Россию в районе границы с Маньчжурией?

2. Какова численность японской армии и мощь ее воздушных соединений, которые могли бы быть брошены против Советского Союза?

3. Насколько близки японо-германские отношения после прихода Гитлера к власти?

4. Какова политика Японии в Китае?

5. Какова политика Японии по отношению к Великобритании и Соединенным Штатам?

6. Какую роль играет японская военная верхушка в принятии решений, касающихся внешней политики страны?

7. Какова степень переориентации японской тяжелой промышленности в сторону военного производства?

Эти семь ключевых вопросов и должны были оставаться главными целями, стоявшими перед группой Зорге в течение почти целого десятилетия.

Зорге также давал и распоряжения оперативного характера, однако в основном он сосредоточился на связях с немцами и японцами, в то время как, например, Вукеличу надлежало работать с французами, с которыми у него были деловые отношения, и с англичанами, с которыми у югослава были отношения дружеские.

Одзаки же должен был добывать информацию о японской внешней и военной политике, используя свои связи в японских верхах, ибо многие из его одноклассников занимали теперь ключевые посты в японском правительстве.

Мияги же отвечал за информацию о внутреннем положении Японии и должен был действовать на более низком уровне, нежели Одзаки. Он также должен был собирать информацию о состоянии японских вооруженных сил, общаясь с военнотрудовыми членами и военными чиновниками.

Зорге велел Одзаки и Мияги обзавестись собственными агентурными сетями, при этом, однако, подчеркнув, что ни один из агентов этих сетей не должен иметь никаких контактов с другими членами группы, и уж тем более что-либо знать о самом Зорге.

Дав общие указания членам группы, Зорге продолжил готовить почву для своих собственных действий. Он знал, что создание шпионской сети высокого уровня — дело не быстрое. И его первой задачей стало установление как дружеских, так и деловых отношений с теми людьми — немцами и японцами, — которые могли помочь ему стать вхожим в самые высокие правительственные и дипломатические круги страны пребывания.

У Зорге были официальные рекомендательные письма к различным чиновникам японского министерства иностранных дел и других министерств. Однако Зорге очень хорошо знал, что ни одному иностранцу никогда не будет позволено проникнуть в высшие сферы японского государства, и потому это поле Зорге намерен был оставить за Одзаки.

Политическая проницательность Зорге, его способность к анализу убеждали его в том, что Германия Адольфа Гитлера непременно постарается сблизиться с полуфашистским правительством Японии, и потому он не жалел усилий, направленных на то, чтобы стать *persona grata* в немецком посольстве.

Он мог быть неотразимо обаятельным, когда хотел. И вскоре Зорге понял, что тогдашний немецкий посол в Японии доктор Герберт фон Дирксен — позднее последний посол довоенной Германии в Лондоне, был весьма расположен к доверительным беседам с известным немецким корреспондентом Рихардом Зорге, который к тому же был еще и членом нацистской партии. Секретари посольства и атташе, как это всегда бывает, брали пример с посла, и потому уже через несколько месяцев Рихард Зорге стал привычной фигурой в коридорах германского посольства, поддерживая самые дружеские отношения с различными сотрудниками дипломатической миссии.

Особенно близкие отношения сложились у него с помощником военного атташе, полковником Эйгеном Оттом, немецким офицером, отличавшимся стойкими антинацистскими взгляда-

ми, из-за которых его друзья в высшей военной верхушке Германии и постарались упрятать полковника от греха подальше в Токио, чтобы уберечь от опасности. Но сколь бы антифашистски ни был настроен сам Отт, взгляды его жены были еще радикальнее. О ее радикализме немало шептались в посольстве, подозревая фрау Отт даже в симпатиях к коммунистам. Но самое удивительное, что она раньше встречалась с Зорге в Германии и была явно к нему равнодушна, а потому крепнувшая дружба между Зорге и ее мужем несколько ее не огорчала.

К середине 1934 года Зорге уже мог наладить устойчивое снабжение Москвы важной информацией. Японские намерения относительно Маньчжурии все более интересовали ГРУ, поскольку страх перед нападением Японии на Советский Союз в Москве становился все сильнее. Зорге заверил Москву, что Япония не нападет на Россию, и в подтверждение этого факта он регулярно отправлял в Центр через курьера пакеты с микрофильмированными японскими документами. Иногда он сам отправлялся в Шанхай, чтобы встретиться с московским курьером в обстановке, свободной от угрозы слежки со стороны японской тайной полиции.

В одну из таких поездок он познакомился с очаровательной американской девушкой, сидевшей в шезлонге на балконе известного шанхайского отеля. Через несколько дней она должна была уехать в Америку, однако Зорге уговорил ее отправиться с ним в Токио в качестве его любовницы. Это был первый из известных пресловутых романов Зорге в его токийский период жизни.

Американка прожила с Зорге три месяца, после чего отплыла в Сан-Франциско. Она еще раз ненадолго появилась в Токио в 1939 году.

За ней последовала череда любовниц. Женщин всегда влекло к Зорге, как мотыльков на огонь. Жена одного английского дипломата якобы признавалась, что он был «так сдержан и настолько не похож на немца», что любая женщина чувствовала, что с ним она может спокойно рискнуть своим целомудрием.

Однако вскоре кутежи и распутство начали сказываться на внешности Зорге, и он стал предметом сплетен. И это, возможно, служило ему лучшей «крышей», ибо никто бы не поверил, что средних лет гуляка и кутила, представлявший в Японии «Франкфуртер цайтунг», на самом деле был советским шпионом.

В последние годы жизни Зорге признавался, что его журналистские обязанности очень утомляли его, но что он ясно сознавал, что его успех как шпиона зависит от его успеха как журналиста. Тем более что у него были явные способности к этим занятиям. Есть нечто общее между «нюхом на новости» и шпионской охотой за секретами. К тому времени, когда Зорге весной

1935 года вызвали в Москву для консультаций, он уже считался самым информированным германским корреспондентом на Дальнем Востоке.

В Советский Союз Зорге добирался через Тихий океан и Соединенные Штаты. В спальне нью-йоркского отеля он встретился с агентом ГРУ, который передал ему фальшивый паспорт, чтобы он мог миновать Западную Европу, не привлекая внимания гестапо к доктору Рихарду Зорге — известному нацистскому корреспонденту.

В Москве, где Зорге пробыл не более двух недель, он обнаружил, что Берзина сменил на посту начальника ГРУ генерал Урицкий, настроенный на самое тесное сотрудничество с Зорге. Новый шеф ГРУ был явно вхож в Политбюро и еще до прибытия Зорге был прекрасно осведомлен о значении этого шпиона с Дальнего Востока.

Зорге предполагал присутствовать на международном конгрессе Коминтерна, собравшемся в то время в Москве, и даже хотел выступить на нем с докладом, однако Мануильский позвонил ему и категорически запретил появляться на конгрессе. После чего в отель к Зорге пришел Куусинен и объяснил, что даже просто появление Зорге на конгрессе среди иностранных коммунистов может поставить под удар всю его токийскую группу.

Зорге сделал доклад для членов ЦК КПСС — предположительно в присутствии Сталина в качестве Генерального секретаря. Отчет этот получил единодушное одобрение. ЦК также выделил отдельные проблемы, которые возникли из-за использования такого видного члена партии, как Зорге, в качестве шпиона ГРУ.

Зорге прекрасно знал, что зачастую именно Политбюро было главным источником требований на информацию военного и политического характера, поступающих в адрес Зорге из ГРУ. И потому неудивительно, что имея столь внушительную поддержку, Зорге встретил в лице генерала Урицкого готового к тесному взаимодействию коллегу. Генерал даже согласился на требование Зорге, чтобы Клаузен, который почти два года пребывал в России в немилощности, был отправлен в Токио в качестве радиста группы.

Урицкий убеждал Зорге не слишком спешить. Ибо, полагал шеф ГРУ, работа Зорге как агента станет по-настоящему ценной, когда отношения между Россией и Японией или Россией и Германией еще более ухудшатся.

В Японию Зорге возвращался воздушным путем, через Сибирь — на одном из первых германских самолетов, отправлявшихся на Дальний Восток. А вскоре за ним последовал и Клаузен.

После возвращения из Москвы в Токио в сентябре 1935 года Зорге стал пожинать плоды своих долгих приготовлений и в течение последующих шести лет обеспечил своих друзей из совет-

ского Политбюро серией сенсационных донесений, содержавших совершенно секретную информацию по военным и политическим вопросам жизни Японии. Имея под рукой Клаузена, способного организовать устойчивую радиосвязь с Центром, а также поддерживая регулярные контакты с курьерами ГРУ из Москвы, Зорге смог оказать глубокое влияние на формирование советской внешней и оборонной политики.

После так называемого Февральского инцидента, когда в феврале 1936 года реакционные элементы в японской армии и ее высшем руководстве пытались поставить страну на грань государственного переворота, в Москве усилились опасения относительно скорого нападения Японии на Восточную Сибирь.

Одзаки, один из ведущих японских специалистов по китайским делам, стал в то время членом «Группы завтраков» — собравшейся вокруг принца Коноэ группы молодых блестящих интеллектуалов, которые еженедельно встречались за завтраком для обсуждения животрепещущих проблем страны. Иногда и сам Коноэ присутствовал на этих завтраках, а личный секретарь принца был постоянным членом группы и другом Одзаки.

Зорге попросил Одзаки попробовать выяснить намерения японского кабинета или, еще лучше, японской армии, поскольку их отношение к одним и тем же вопросам зачастую существенно разнилось.

Как специалист по китайским делам Одзаки время от времени становился как бы неофициальным членом японского кабинета. В один из таких моментов он узнал, что существует набросок плана действий японского кабинета на предстоящие годы. Одзаки попросил позволения взглянуть на этот документ — ничего не записывая. Принц Коноэ хорошо знал Одзаки и был благодарен ему за толковые анализы положения дел в Китае. Одзаки позволили ознакомиться с планом, при условии, что документ не должен покидать пределов здания правительства. Одзаки выделили отдельную комнату, где он, знакомясь с планом, сфотографировал весь план, страницу за страницей. Негативы он спрятал в кладовой в доме Вукелича.

Уже через несколько часов фотографии были у Зорге. Был сделан перевод с японского, и выяснилось, что несмотря на недавнее подписание антикоминтерновского пакта между Японией и Германией:

1. Япония не намерена нападать на Советский Союз в обозримом будущем.
2. Япония намерена совершить военную агрессию против Китая в ближайшие десять месяцев.

Клаузен засел за передатчик, чтобы сообщить в «Висбаден» основные положения этого документа. А через сутки на имя Зор-

ге поступило срочное сообщение из Москвы, подписанное «Директор», что означало генерала Урицкого из ГРУ. Однако Зорге не сомневался, что за именем «Директора» в данном случае скрывался сам Сталин. В сообщении говорилось о необходимости срочного документального подтверждения информации о японских планах войны против Китая.

Зорге поднял по тревоге всю свою агентурную сеть, и через несколько дней Мияги удалось добыть ценную информацию: молодой японский полковник из Генерального штаба, художник-любитель, сказал Мияги, что в одном из авиационных полков был сделан крупномасштабный макет китайской территории. Операции в Китае действительно планировались.

Подтверждение пришло и от самого германского посла. Используя свободу действий, дарованную ему Москвой, Зорге намеркнул Отту о существовании плана. Посол не видел причин не доверять доктору Зорге — известному журналисту-нацисту, и поэтому в ответ сообщил, что тоже получил некоторые намеки от японцев.

К этому времени германская военная миссия, возглавляемая генералом Александром фон Фолькенхаузенем, была реорганизована и теперь занималась обучением армии генерала Чан Кайши, и германский посол поведал Зорге, что японское высшее командование сдержанно намеркнуло Берлину, что было бы целесообразно отозвать германскую военную миссию из Китая.

Для Зорге это сообщение стало решающим: теперь он мог подтвердить информацию Одзакки для Политбюро. Советское правительство полностью приняло его выводы. Япония воспринималась в Москве как главный враг. К концу 1936 года советское военное командование запланировало усилить дальневосточную группировку войск до трех миллионов человек с приданием ей тяжелого вооружения. Успех Зорге в Японии революционизировал советское мышление, и главной угрозой для русских стала Германия, оставаясь таковой на протяжении нескольких лет, несмотря на постоянно тревожную обстановку на Дальнем Востоке. Советское военное присутствие в приморских провинциях Сибири было уменьшено и резервы, которые в противном случае были бы отправлены на Дальний Восток, остались в Европе и Центральной Азии.

Когда в Китае начались военные действия, Зорге направил все ресурсы своей группы на сбор информации о ходе мобилизации в Японии и о прогрессе или отсутствии такового в ходе японских боевых действий в Китае. Покровительствуемый японским военным министром, Вукелич как известный иностранный журналист был допущен в состав группы журналистов, которым позволили побывать на фронте, где Вукеличу удалось узнать многое

из того, что трудно было узнать, находясь в Японии. Вся полученная им информация также была передана в Москву.

Зорге тоже имел возможность бывать на фронте. Он стал кем-то вроде фаворита у группы японских высших военных чинов, и зачастую он был единственным европейцем, присутствовавшим на пьянках японских генералов. Именно благодаря одному из таких запоев Зорге и стал личным другом грозного шефа японской разведывательной службы в Китае.

Вскоре, однако, стало очевидно, что кампания в Китае будет делом долгим. Квантунская армия увязла в глубинных районах Китая, что не могло не вызвать растущей озабоченности в Токио.

Подобно большинству военных клик, командование японской Квантунской армии не желало давать какую-либо информацию относительно истинного положения дел на китайском фронте. И тогда Зорге и Одзаки придумали блестящую уловку, чтобы использовать это обстоятельство. С помощью советских денег Мияги помог поставить члена своей группы во главе неофициального китайского информационного бюро в Ханькоу. Одзаки же в частных беседах принялся говорить о необходимости организовать для Квантунской армии службу по связям с общественностью.

Секретарь принца Коноэ и близкий друг Одзаки подхватил идею. С ним был согласен и премьер-министр. И тогда Одзаки предложил, что было бы совсем неплохо, если бы правительство просто взяло за основу финансируемое до сих пор Зорге Китайское информбюро. Коноэ согласился. Так у Зорге появился филиал собственной группы внутри высшего командования Квантунской армии, а Москва была обеспечена ежедневной информацией о положении дел на китайском фронте, которую ей фактически поставляло командование Квантунской армии.

Ценность Одзаки, как источника совершенно секретной информации, достигла своего пика за полтора года до начала Второй мировой войны. Он превратился в самого эффективного шпиона Зорге в японском правительстве. К этому времени Одзаки фактически стал секретарем японского кабинета. А когда администрация Коноэ была вынуждена временно уйти в отставку, высокопоставленные друзья Коноэ обеспечили ему пост директора отдела разведки, контролирующего Восточно-Китайскую железную дорогу. Благодаря этому назначению Одзаки по-прежнему оставался столь же хорошо информированным, как и члены японского кабинета министров.

В этот момент Зорге подтвердил свое право считаться одним из величайших шпионов в мировой истории, создав второй источник информации, равноценный Одзаки, — Зорге сам стал

правой рукой германского посла. Его друг Эйген Отт занимал пост военного атташе, когда посол Дирксен по состоянию здоровья вернулся в Европу. И к удивлению всех хорошо информированных немцев, Отт, несмотря на свое антинацистское прошлое, был назначен послом гитлеровской Германии в Японии.

Отт был простым солдатом, и политические, а уж тем более дипломатические тонкости были выше его понимания. Зорге же, благодаря своей профессиональной информированности ведущего немецкого корреспондента в Японии, а также знанию японского языка и японского образа жизни, был одним из самых знающих европейцев, живущих в Токио. А кроме того, в его распоряжении находилась еще и шпионская сеть, работавшая намного эффективнее, чем та, что была у германского посла. И потому Зорге обеспечивал Отта информацией, благодаря которой новый посол мог произвести самое благоприятное впечатление на нацистского министра иностранных дел фон Риббентропа. И даже Гейдрих, начальник гестапо и шеф национальной службы безопасности (СД), был уверен, что Зорге шпионил в Японии в пользу германского посольства.

В такой ситуации Зорге стал неизбежно оказывать влияние на Отта. Поначалу Отт сам писал официальные донесения в Берлин после конфиденциальных бесед с Зорге. Однако вскоре Отт отказался от этой практики, и начиная с 1939 года Зорге сам набрасывал черновик донесений германского посла в Токио своим хозяевам на Вильгельмштрассе.

И именно посол Отт вручил Зорге тот ключ, который и привел последнего к крупному успеху.

В начале лета 1939 года во время одного, обычного к тому времени завтрака в посольстве, посол Отт показал Зорге совершенно секретную телеграмму, только что поступившую из Берлина. В ней германский министр иностранных дел фон Риббентроп приказывал Отту немедленно связаться с японским правительством и предложить последнему расширить существующий антикоминтерновский пакт, дополнив его статьями о военном союзе против Англии и России. В то время между Англией и Россией велись какие-то обрывочные, беспорядочные переговоры, и Риббентроп, считая, что заключение англо-советского военного альянса не за горами, хотел бы заручиться поддержкой Японии. В обмен на некоторые германские уступки, фон Риббентроп ожидал, что Япония объявит войну Британии и России в случае, если нацистская Германия начнет военные действия с одной из этих стран.

Отт предпринимал отчаянные усилия, чтобы уговорить японцев, и Зорге о каждом его шаге докладывал в Москву. Однако Коноз был предельно осторожным. И в то время как японское

военное министерство пришло в восторг от предложения немцев, японские адмиралы твердо противились любому секретному договору с Германией, не желая рисковать в морской схватке с Англией, которую при определенных обстоятельствах могут поддержать Соединенные Штаты. И потому Коноэ, сопровождая свой отказ неискренними заверениями в дружбе, отклонил предложение Риббентропа.

Благодаря регулярным донесениям Зорге, Сталин внимательно следил за германо-японскими переговорами. Он еще не решил, поддерживать ли ему союзнические отношения с Англией, или же иметь дело с Гитлером. Зорге помог Сталину принять решение, сообщив об отказе Коноэ принять предложение Риббентропа. Сталин поверил, что война между Англией и Германией неизбежна, и решил принять участие в дележе добычи.

Риббентроп прилетел в Москву и подписал пресловутый пакт Молотова-Риббентропа. Путь к Второй мировой войне был открыт: на какое-то время Гитлер был свободен от угрозы войны на два фронта.

Зорге едко описывали как «человека с тремя лицами». В сентябре 1939 года он действительно был своим в трех лагерях, чего ни до, ни после него не удавалось никакому другому шпиону. Он поддерживал контакты на самом высоком уровне:

1. С советским Политбюро — как руководитель шпионской сети ГРУ в Японии;
2. С Гитлером и его министрами — как доверенное лицо и советник посла Отта;
3. С японским кабинетом принца Коноэ, где у него связующим звеном был Одзаки.

В сентябре 1939 года Отт зачислил Зорге в штат германского посольства в качестве пресс-атташе, после чего друзья Зорге в штаб-квартире нацистской партии в Мюнхене стали в шутку говорить, что с этого момента он является «фюрером нацистской партии в Японии». При этом Зорге по-прежнему оставался корреспондентом «Франкфуртер цайтунг» в Японии.

Этот по-настоящему легендарный, потрясающий человек вел и другую жизнь, которая приобрела ему среди европейской общины в Японии титул «чертов Дон-Жуан». Он был не только шпионом номер один в Токио. Он был также и повесой, распутником номер 1 в японской столице. Один из его бывших коллег, немецкий дипломат описывает его так: «Распутный повеса и авантюрист с блестящим умом и непоколебимым самомнением».

О Зорге и его делах много говорили. Опять объявилась его американская подруга 1934 года, и в течение шести недель вновь разыгрывался страстный роман, прежде чем девица уплыла за океан.

А потом случился скандал с 18-летней американской красавицей-кюжанкой, с которой Зорге познакомился на дипломатическом приеме по случае чьего-то бракосочетания. Какое-то время они болтали, потом решили пойти поесть. Их видели в баре, однако к полуночи девушка домой не вернулась. Родители стали обзванивать всех друзей, однако ни сама девушка, ни Зорге не подавали никаких признаков жизни. Девушка вернулась в Токио лишь на следующий день, проведя ночь с Зорге в пользующемся дурной славой японском отеле в горах. Спустя неделю девушка вместе с родителями покинула Токио.

Самой сенсационной, однако, можно назвать историю с любовницей Вукелича. Шпиону-югославу из группы Зорге наскучила его довольно глупая жена-датчанка. И тогда Вукелич взял за правило проводить вечера в барах, где и познакомился с европеизированной японкой. Она была дочерью богатого японца, воспитывалась и получала образование в Европе и США. Вскоре она стала любовницей Вукелича и даже поселилась в его квартире. И как-то Зорге пригласили к Вукеличу на обед. Японка очаровала Зорге. Осторожные расспросы позволили ему узнать, что его коллега обычно занят большую часть вечеров. И тогда Зорге, несмотря на свои многочисленные дела, нашел время на то, чтобы покатасть девушку на автомобиле. По возвращении она испытывала смешанные чувства интереса, ярости и страха, вызванные цинизмом и высокомерием Зорге.

В конце концов Зорге пригласил девушку к себе домой. На этот раз она прекрасно знала, что ее ждет, и все-таки капитулировала. Три месяца продолжался бурный роман. При этом Вукелич не подозревал, что происходит вокруг, тем более что все ночи девушка проводила с ним.

Зорге не думал о том риске, которому он подвергал всю группу в случае, если Вукелич узнает правду о коварстве своего шефа. В любви и войне для Зорге ВСЕ средства были хороши.

Когда Зорге устал от японки, она вновь стала верной и преданной любовницей Вукелича. В конце концов Зорге удалось договориться о выделении некоторой суммы денег датской жене Вукелича, с тем, чтобы она смогла вернуться в Европу и тем самым дать японке и югославу возможность соединиться.

Таковы были лишь самые известные романы Зорге. Японские власти установили, что кроме двух жен в разных частях света у него было по крайней мере сорок женщин, с которыми он поддерживал отношения только в одном Токио. Как и следовало ожидать, именно женщина и стала причиной его провала.

Была у Зорге и еще одна страсть — скорость. Он был бесшабашно смелым за рулем машины или мотоцикла, которые очень любил водить. И однажды, когда он ехал к Клаузену с

секретными сообщениями для передачи в Москву, Зорге попал в серьезную аварию. Его доставили в госпиталь, куда Клаузен смог попасть лишь через какое-то время, однако успел достать из кармана брюк Зорге зашифрованные сообщения до того, как появилась Кемпетай, чтобы провести обычную процедуру оприходования вещей человека, находящегося в бессознательном состоянии.

За те четыре года, что Макс Клаузен пробыл в Японии в качестве радиста группы Зорге, он передал тысячи зашифрованных сообщений на советскую радиостанцию, известную ему как «Висбаден». По приказу Зорге он основал также высокоприбыльную экспортно-импортную фирму, которая дала Зорге возможность стать идеальным шпионом — с самоокупаемой агентурной сетью.

На протяжении всех этих лет слабое попискивание передатчика Клаузена не привлекало чьего-либо внимания. Японские власти были не в состоянии даже помыслить о возможности наличия какой-либо шпионской сети в стране, находившейся под пятой Кемпетай и тайной полиции. И потому в течение длительного времени радиопередачи, которые вел Клаузен, приписывали забавам любителей.

С ухудшением международной обстановки японцы стали про- верить все радиопередатчики. И таким образом узнали, что в на- правлении Сибири регулярно ведется радиообмен. Специалисты перехватили сообщения Клаузена и обнаружили, что текст за- шифрован пятизначными группами цифр, что заставляло отбро- сить всякую мысль о каких-либо радистах-любителях.

Отныне японское высшее командование уже не сомневалось, что в Токио действует шпионская группа — почти без сомнения, русская. До того времени у японцев, не имевших опыта совре- менного контршпионажа, не было и современного радиолока- ционного оборудования. Тогда как по мнению японцев, немцы были самыми большими в мире специалистами по радиоперех- вату. Поэтому шеф японской военной секретной службы, назы- вавший себя полковником Осаки, обратился за помощью к германскому военному атташе. На вечеринке в германском по- сольстве Осака спросил немецкого атташе, не может ли он уст- роить так, чтобы Япония получила из Берлина самое современ- ное радиолокационное оборудование?

Просьба вызвала большой интерес — и немалые раздумья — среди немцев. Посол услышал о просьбе японца и рассказал о ней Зорге.

Зорге уже давно ожидал, что нечто подобное должно про- изойти. Послу Отту он ответил, что, похоже, японцы страдают шпиономанией, а сам принял дополнительные меры безопасно-

сти внутри своей группы. А также решил, что передатчик Клаузена должен стать передвижным.

Для этой цели он приобрел бунгало на морском побережье примерно в часе езды от Токио, куда и было доставлено все необходимое оборудование. Клаузену было велено найти рыбака, у которого можно было бы взять напрокат большую лодку. Вскоре такой рыбак был найден — за тысячу долларов он был готов предоставить свою лодку и не задавать лишних вопросов. Однако управлять лодкой он отказался, и Зорге пришлось самому научиться этому нелегкому искусству.

На следующий уикенд Зорге и Клаузен отправились в двухдневный «рыбачий» круиз. Выйдя в море, они установили тайный передатчик группы в специально сконструированном ящике в каюте, а Клаузен подключил к передатчику выключатель, повернув который можно было сдетонировать взрыв, который уничтожил бы все улики в случае опасности. Зорге вместе с Клаузеном и дальше продолжали регулярно совершать подобные «рыбачьи» вылазки, во время которых совершенно секретная информация, собранная агентами группы, передавалась по радио в Москву.

Иногда, пока Клаузен, сидя в каюте, выстукивал группы цифр, сам Зорге играл роль радушного хозяина, принимая на лодке гостей из японского министерства иностранных дел, международной прессы, германского посольства и японского высшего командования во время устроенной им вечеринки. В таких случаях, как правило, спиртное всегда лилось рекой.

К тому времени, когда новейшая пеленгаторная установка прибыла в Токио из Берлина, в японской столице уже не осталось следов передатчика, посылавшего таинственные сообщения, составленные из пятизначных цифровых групп. Прошло время, прежде чем японским радистам вновь удалось засечь передатчик Клаузена. Передатчик сменил свои координаты, однако, насколько это можно было установить, сигналы исходили из точек, находившихся на довольно значительном расстоянии от японского побережья — далеко за пределами японских территориальных вод.

Осаки был решителен и упорен, и у него была собственная агентура, а кроме того, в его распоряжении находились все ресурсы японской секретной военной службы по всему миру. Всем агентам было велено сообщать о всех случаях, когда можно было предположить о наличии несанкционированного доступа к секретной информации. И где-то за границей ключ был найден. Существовала сильнейшая вероятность того, что информация пришла через японское посольство в Берлине.

Адмирал Вильгельм Канарис и его подчиненные в абвере долго пребывали в самых сердечных отношениях с японским по-

слом в Берлине генералом Осимой. В архивах абвера почти наверняка были материалы, в которых можно было найти упоминания о давнем коммунистическом прошлом доктора Рихарда Зорге, ныне известного корреспондента «Франкфуртер цайтунг» на Дальнем Востоке. Но так или иначе, Осаки уже почти не сомневался, что человек, который его интересует, — это Зорге. Трудность, однако, состояла в том, чтобы поймать его. Осаки был проницательным и тонким человеком. Он знал о трениях между абвером Канариса и имперским управлением безопасности Третьего рейха, возглавляемого Рейнгардом Гейдрихом. И тогда шеф японской секретной службы попросил атташе, представлявшего его службу в Берлине, шепнуть пару слов о подозрениях Осимы Вальтеру Шелленбергу из германской национальной службы безопасности (СД). Шелленберг в свою очередь передал это Гейдриху. Глава Имперской службы безопасности приказал провести расследование, и Шелленберг, просмотрев доклады полиции тридцатилетней давности о коммунистической деятельности в Германии, осторожно сформулировал мнение, что «архивы выглядят не слишком хорошо для Зорге».

Однако из донесений Отта Гейдрих и Шелленберг знали, что Зорге работал также и на германскую разведку. Друзья Зорге в штаб-квартире нацистской партии нажали на нужные рычаги и тормоза, и Гейдрих, занятый куда более важными делами, приказал оставить Зорге в покое, но при этом не спускать с него глаз.

В этот момент будущее одного из наиболее одиозных гестаповских головорезов, оберштурмбанфюрера Мейзингера, выглядело смутным и неясным и представляло собой проблему, которую следовало решить. В свое время Мейзингер, помогавший «выбивать» доказательства во время гестаповского заговора против германских генералов в 1938 году, вскоре после начала войны был послан в оккупированную Польшу. О его жестокостях там ходили легенды, что было слишком даже для одного из подчиненных Гейдриха.

Чтобы не усугублять ситуацию и предотвратить дальнейшие неприятности, Гейдриху пришлось убрать Мейзингера подальше, и он принимает решение отправить его в Токио в качестве «полицейского атташе». Фактически его сослали в дипломатическую ссылку, и лишь посол Отт на официальном уровне, и Зорге — на личной основе, поддерживали с Мейзингером дружеские отношения. Через несколько недель после прибытия в Японию человек из гестапо уже был одним из самых закадычных дружков-собутыльников Зорге и вскоре докладывал Гейдриху, что подозрения японцев в отношении пресс-атташе — вздор. Когда полковник Осаки осторожно предположил, что они могли бы сотрудничать в слежке за Зорге и Клаузенем, Мейзингер

заверил шефа японской секретной службы, что все его подозрения совершенно беспочвенны.

К тому времени роль Зорге как главного источника совершенно секретной информации для советского Политбюро многократно усилилась.

С падением Франции летом 1940 года будущее поведение Японии стало ключевым фактором в мировых делах. Воспользуется ли она своим положением? Англия, столкнувшись с потенциальной японской угрозой своим владениям в Азии, вела тайные переговоры с японскими представителями. Бирманская дорога была закрыта — и канал поставок западной помощи китайским армиям, воюющим с Квантунской армией, был перекрыт.

В течение этих летних недель 1940 года Зорге оказался в центре дипломатической активности, будучи главным советником Отта в переговорах о заключении тройственного союза между Германией, Японией и Италией. И когда пакт был подписан, благодарный за помощь Отт выразил пожелание, чтобы Зорге, который, в свою очередь, регулярно докладывал о ходе переговоров в Москву, принял участие в церемонии его подписания. Инициатива Отта, однако, встретила холодный прием со стороны специального посланника министра иностранных дел Германии фон Риббентропа, и Зорге пришлось остаться на втором плане.

После неудачной попытки Гитлера осенью 1940 года форсировать Ла-Манш, чтобы захватить Англию, слухи о готовящемся германском нападении на Россию становились все упорнее, и к весне 1941 года уже мало кто сомневался в их достоверности.

В начале мая 1941 года Гитлер пригласил японского посла в Берлине в рейхсканцелярию и объявил, что 22 июня Германия нападет на Россию. Теперь, продолжал Гитлер, наступил момент, когда Япония должна присоединиться к Германии, напав на Советский Союз на Дальнем Востоке.

Осима, скорее солдат, нежели дипломат, не знал, что ответить фюреру. Глубоко поклонившись, он обещал через несколько дней дать ответ от имени своего правительства. Доклад Осимы о встрече с фюрером вызвал едва ли не панику в Токио. Немедленно состоялось заседание кабинета премьер-министра Коноэ, и вскоре стало ясно, что мнения по обсуждаемому вопросу разделились и кабинет переживает глубокий раскол. Сам Коноэ, учитывая мнение императора Хирохито, считал, что Японии следует избегать вовлечения в любой европейский конфликт, особенно направленный против России. Однако представитель японского генералитета генерал Тодзио выразил мнение армии о необходимости присоединиться к Германии и с двух сторон ударить по России. Заседание правительства затянулось, и наконец Тодзио предложил компромисс.

Учитывая мнение императора, правительству следует отклонить предложение Гитлера присоединиться к германскому нападению на Россию. Вместо этого следует дать военным полномочия для выполнения давно вынашиваемого плана удара по Юго-Восточной Азии и Тихоокеанскому региону, не называя, однако, конкретной даты этого наступления.

Одзаки, как руководитель разведывательного отдела Восточно-Китайской железной дороги, почти сразу же узнал о принятом на заседании правительства решении. Но он хотел знать больше и постарался под благовидным предлогом лично увидеться с премьер-министром. Из личной беседы он смог узнать много нового о решениях кабинета и сразу после встречи написал донесение, как всегда на английском, которое на следующее утро презентовал Зорге.

Это сообщение Одзаки было поистине сенсационным. В нем содержалась совершенно секретная информация о точной дате нападения Германии на Россию. Однако Зорге желал бы получить подтверждение этому и из германских источников. В тот же вечер он обедал с послом Оттом и в разговоре упомянул о слухах относительно скорого разрыва пакта Молотова-Риббентропа. И германский посол, беседуя со своим доверенным другом и верным наци, сказал достаточно, чтобы Зорге получил подтверждение информации Одзаки.

Вечером 12 мая Зорге на своей частной лодке устроил рыбалку с выпивкой. Компания была пестрая: немцы, японцы, представители зарубежной колонии в Токио. Шкиперу было велено править в открытое море, где не было опасности слежки со стороны Кемпетаи.

И пока гости веселились, Клаузен в закрытой каюте выступил на передатчике радиосообщение в ГРУ, в Москву. 120 германских дивизий, говорилось в нем, перейдут границу Советского Союза 20 июня. Главное направление удара — Москва. А затем Зорге передал информацию, которую Сталин и его Политбюро ждали несколько месяцев: **ЯПОНИЯ РЕШИЛА НЕ УЧАСТВОВАТЬ В ГЕРМАНСКОМ НАПАДЕНИИ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ.** Подписано «Рамзай» — псевдоним главного шпиона ГРУ в Японии.

Пеленгаторная станция полковника Осаки засекала передатчик. Сигналы шли с моря. И были зашифрованы. И никто не знал, что и кто стоит за этим.

К началу германского нападения на Россию японскому генералитету уже было известно, что в Японии действует крупная шпионская группа. На Осаки давили сверху: поймать шпионов! Недели шли, и ситуация становилась все серьезнее. На весах были брошены положение Осаки и, согласно японской традиции, сама

его жизнь. Полковник по-прежнему был уверен, что Зорге, Клаузен и Вукелич — это те люди, которых он ищет. Он подозревал и Мияги с Одзак, но, увы, ничего не мог доказать. И тогда Осаки пошел на отчаянную хитрость.

Он позвонил Мейзингеру и сказал гестаповскому атташе, что давно мечтает познакомиться с Зорге. Не может ли Мейзингер устроить такую встречу? Как вспоминал сам Зорге, в этот вечер он сидел в баре «Фудзи» в своем обычном старом костюме голубого цвета и старой мятой рубашке.

Бар «Фудзи» был любимым местом сбора японской молодежи из высшего света, придерживающейся прозападной ориентации. И за одним из столиков Зорге увидел Мейзингера и японского офицера. Присоединившись к ним, он обнаружил, что Осаки большой любитель саке — японского национального бренди. И кроме того, полковник был неравнодушен к женщинам. Когда зашла речь о покорении женских сердец, японец принялся слегка поддразнивать Зорге его многочисленными похождениями.

Потом Осаки словно бы невзначай упомянул, что одна из самых красивых девушек в Японии была танцовщицей кабаре. И когда она появилась на сцене, Зорге согласился с таким определением: ее фигура была восхитительной, однако лицо было закрыто маской древнего японского рисового божества.

Зорге был заинтригован. Он стал надоедать Осаки расспросами о девушке. Полковник назвал ее имя, но отказался сообщить что-либо еще. Однако добавил, что она — дочь влиятельной японской семьи и занялась танцами по каким-то весьма экзотическим причинам. Вот почему она скрывает свои лицо и имя.

Однако Осаки сказал не все. Девушка действительно была танцовщицей, но согласно опубликованным позднее данным, была из семьи, принадлежавшей к древнему японскому роду. А кроме того, после разговора с Осаки она согласилась добровольно пойти работать в контрразведку. Осаки тогда же предупредил ее, что в интересах Японии она должна возбудить интерес Зорге. Он напомнил ей о ее древней родословной и долге японской аристократки. И девушка согласилась сделать все, что от нее потребуется. Полковник сказал ей, что Зорге не только подозревается в шпионаже, но и является известным Дон Жуаном, а потому может захотеть узнать ее поближе. Сначала она должна отвергнуть его предложения, а потом постепенно войти к нему в доверие.

В течение последующих трех месяцев Зорге каждый вечер сидел за одним и тем же столиком в Фудзи-клубе. Он посылал девушке записки, умоляя ее о встрече. Но она возвращала ему цветы и рвала его записки. И тем не менее каждый вечер она танцевала словно для него одного.

Однажды вечером она заметила, что столик Зорге пустует. Ее охватила паника. Неужели она зашла слишком далеко в своих отказах и провалила свою миссию? Она поспешила за кулисы, чтобы позвонить Осаки, и тут обнаружила Зорге — в своей уборной. Девушка медленно сняла маску, и Зорге впервые получил возможность увидеть всю ее красоту. Исчез его привычный цинизм. Он нежно склонился к прекрасному крошечному созданию и поцеловал ее в губы. В этот вечер они ужинали вдвоем.

На этот раз полковнику Осаки немножко повезло. Один пожилой японец разоблачил друга своей дочери как коммуниста. Человек этот был арестован и допрошен Кемпетай. После нескольких недель такого обращения, которое вынудило корреспондента Рейтер Джеймса Кокса совершить самоубийство, выпрыгнув из окна штаб-квартиры Кемпетай, заключенный во всем признался, после чего, озлобясь, принялся топить других. И среди тех, кого он предал, была японка, жившая когда-то в США, которая входила в группу Мияги. В конце сентября 1941 года эта женщина была арестована, а за ее связями установлена тайная слежка. Все ее связники встречались с Мияги. И тогда Осаки, который первоначально намеревался проигнорировать предположения, что Мияги — член группы Зорге, осознал, что перед ним — одна из ключевых фигур шпионской группы. С этого момента Зорге, Клаузен, Вукелич и Одзаки — все известные как близкие друзья Мияги находились под постоянным наблюдением.

Зорге быстро заметил, что за ним идут по пятам. Но он хотел знать, как много знает Осаки, и ради этого пошел на весьма характерный для него, циничный шаг. У него был страстный роман с журналисткой из Скандинавии, приехавшей в Японию. Во время свидания в Фудзи-клубе Осаки упомянул об этой девушке, добавив, как сильно влечет его к себе ее белокурая красота. И попросил Зорге представить его девушке. Намерения его были ясны.

После этого разговора Зорге предложил своей любовнице-скандинавке благосклонно принять ухаживания полковника и поехать к нему на квартиру. В постели она должна будет постараться выяснить, как много японская контрразведка знает о самом Зорге.

Блондинка-журналистка чувствовала себя оскорбленной до глубины души. Последовала яростная сцена. В порыве гнева скандинавка обвинила Зорге в том, что он шпион.

Зорге тоже был разъярен: его план расстраивается, и закричал в ответ: «Да, ты права! Я — шпион! И я горжусь этим!»

Девушка на какое-то мгновение смутилась от такого признания, но потом насмешливо обозвала его «наци».

Это было слишком. «Я не немецкий шпион! Я работаю на Россию!» — закричал Зорге. После чего, по его собственным словам, сказанным им коллегам по перу, пришедшим навестить его в камере японской тюрьмы, последовал поток слов, характерных для свойственной ему мании величия. Зорге сказал девушке, что ему наплевать, что будет потом и кто победит или проиграет в этой войне. Но, хвастал он, никто и никогда, ни в одной стране не сделал того, что удалось сделать ему. Генералы и адмиралы по сравнению с ним — мелкая сошка.

«Знай, что это Рихард Зорге — человек, который на деле решал, где будут происходить величайшие битвы этой войны! — кричал он. — Я, и никто другой, вызвал эти битвы!»

Мания величия и хвастовство его произрастали не на пустом месте: когда Зорге делал это свое сенсационное «признание», у него были причины подозревать, что он находится накануне своего величайшего достижения.

Великие битвы у Москвы и Сталинграда еще предстояли России, и группе Рихарда Зорге суждено было сыграть решающую роль в будущих советских победах. В течение лета и в начале осени 1941 года, когда гитлеровские бронированные дивизии рвались к сердцу советской родины, самым главным для Сталина и его маршалов стал вопрос: «Ударит ли Япония с востока?» В Восточной Сибири находилось около двух миллионов советских солдат, по-прежнему удерживающих войска Квантунской армии от наступления.

В руках этих двух миллионов мужчин находился ключ к судьбе Советского Союза. Если бы можно было забрать их из Сибири и бросить в битву с 250 немецкими дивизиями на западе, это могло бы стать решающим фактором в борьбе на советско-германском фронте. Однако советское верховное командование не решилось отозвать ни одной бригады из Сибири до тех пор, пока намерения Японии окончательно не прояснятся.

В начале октября 1941 года Одзаки услышал намеки на то, что некие важные события вот-вот обретут форму — готовилось новое экстренное заседание японского кабинета министров.

Вскоре, во вторую неделю октября, Одзаки узнал о принятых решениях. Они были следующими:

1. Отказаться от каких-либо планов нападения на Россию.
2. В ближайшую неделю ударить на юг и юго-восток, обеспечив двойное нападение, направленное против англичан в Сингапуре и американцев — в Тихом океане.

Направив все свои силы на Юго-Восточную Азию, Япония не оставила резервов, чтобы ударить по России. Зорге знал, что держит в своих руках, и был готов сделать Сталину подарок в два миллиона обученных, вооруженных мужчин.

В этот вечер он обедал с послом Оттом. Осторожно расспросив посла, он к концу обеда уже был уверен, что и у Отта есть похожая информация.

Радостный Зорге выехал на своей старой машине из Токио, направляясь в свое бунгало на побережье. И вскоре вышел в море на зафрахтованной лодке. Клаузен уже несколько дней, как был болен, поэтому Зорге самому пришлось сесть за радиопередатчик, чтобы сообщить новость в Россию. Через неделю он получил ответ из России с выражением благодарности.

Советское высшее командование немедленно перешло к действиям. Сомнения, мучившие его более полугода, были отброшены и за несколько часов отданы приказы на вывод первого контингента советских войск из Восточной Сибири. Эти войска попали на западный фронт как раз вовремя и были брошены в битву за Москву в начале декабря 1941 года, когда маршал Жуков остановил нацистское продвижение на советскую столицу. Навсегда — как показала история.

А в это время Зорге переживал в Японии беспокойное время. В момент наивысшего триумфа группы неожиданно исчез Мияги. Потом Зорге получил секретное сообщение от Одзаки — за ним тоже следят.

Зорге чувствовал, что его миссия была выполнена, и лично он готов был покинуть Японию. 15 октября он обсудил этот вопрос с Клаузеном — стоит ли посылать в Москву сообщение о том, что деятельность группы подошла к концу и она должна быть ликвидирована. Клаузен считал, что это было бы преждевременно, и Зорге согласился подождать еще несколько дней.

Вечером 17 октября Зорге сидел за своим обычным столиком в полутемном помещении Фудзи-клуба. Вскоре к нему присоединилась девушка-танцовщица. И Зорге вновь повторил свою просьбу провести с ним ночь в его бунгало на побережье. Он чувствовал, что это стало бы их прощанием. За несколько часов до этой встречи полковник Осаки предупредил девушку, что наступает решающий момент. И девушка собралась с духом — поскольку к этому времени она успела влюбиться в Зорге. И когда они вместе уже готовы были уйти из ресторана, официант слегка присоснул к Зорге, и крошечная трубочка из бумаги упала в пепельницу. Девушка увидела это, однако ничего не сказала. Зорге поднял бумажку. Послание от Одзаки — последнее перед его арестом, последовавшим через несколько часов.

В послании Одзаки было предупреждение: «Японские военно-воздушные силы скоро нападут на американскую базу в Пёрл-Харборе». Указана была и дата — 7 ноября, на месяц раньше, как выяснилось впоследствии.

Зорге и его девушка выехали из города. На тихой пригородной улочке Зорге остановил машину и обнял девушку. Она ответила на его ласки. Через некоторое время он достал портсигар и закурил. Потом вынул из портсигара крошечный листок бумаги, разорвал его и выбросил в окно машины. Девушка знала, что это должно быть что-то важное и что ей следует предупредить полковника Осаки. Сказав Зорге, что ей нужно сообщить домашним, что ее не будет дома всю ночь, она зашла в телефонную будку и по секретному номеру соединилась с начальником контрразведки.

И едва Зорге с девушкой отъехали от этого места, как появились агенты контрразведки, которые принялись интенсивно обыскивать окрестности в поисках обрывков бумаги, выброшенных Зорге.

Когда Зорге с девушкой добрались до побережья, Зорге на несколько минут оставил девушку, кинулся к лодке, стоявшей на якоре поблизости, и разбудил Клаузена. Он велел ему срочно передать в Россию сообщение о Пёрл-Харборе. Выполнил ли Клаузен его приказ — неизвестно. По крайней мере нет никаких данных, свидетельствующих о том, что такое послание когда-либо поступало в Вашингтон от русских.

На следующее утро, когда Зорге еще лежал в постели рядом со спящей девушкой, в спальню вошел полковник Осаки и молча протянул Зорге листочек бумаги, склеенный из обрывков. Зорге сразу понял, что произошло. У Осаки, наконец, было в руках доказательство — доказательство предательства и выдачи величайшего японского военного секрета.

Зорге поднялся. Двое мужчин любезно поклонились друг другу и пожали руки. Зорге даже не взглянул на лежавшую в постели девушку и вышел, не сказав ни слова. В то же утро были арестованы Клаузен и Вукелич. Крупнейшая шпионская группа, действовавшая в годы Второй мировой войны, была разгромлена — НО ТОЛЬКО ПОСЛЕ ТОГО, КАК ОНА ПОЛНОСТЬЮ ВЫПОЛНИЛА СВОЮ МИССИЮ.

Весть об аресте руководителя шпионской сети Зорге вызвала панику среди членов японского Кабинета. Равно как и в германском посольстве.

Внутри японского правительства многие знали о дружбе премьер-министра принца Коноэ с Одзаки. Последовали немедленные перестановки — глава военной клики генерал Тодзио, позднее преданный военному трибуналу как военный преступник, сменил принца Коноэ на посту премьер-министра.

А в германском посольстве Отт и Мейзингер отчаянно пытались скрыть свои отношения с Зорге. Берлинским властям потребовалось некоторое время, чтобы выяснить многие факты, отно-

савшиеся к этому делу. Отт был уволен, а Мейзингер пережил этот инцидент, чтобы в 1945 году оказаться на виселице как военный преступник.

До мая 1942 года в японской прессе не публиковалось ни строчки о деле Зорге. И первое сообщение появилось лишь после того, как японская контрразведка уже освободила многих второстепенных членов группы Зорге и сосредоточилась на главных. Мияги был слишком болен туберкулезом, чтобы выдержать трибунал. Вукелич в своих показаниях не дал почти никакой информации и был в конце концов приговорен к пожизненному заключению. Клаузен, рассказавший почти все, получил тот же приговор.

Японские следователи сосредоточились на допросах Зорге и Одзаки и были весьма удивлены откровенностью их показаний.

Одзаки с самого начала дал понять, что стал предателем по идеологическим мотивам.

Зорге был столь же откровенным. Он рассказал японцам историю своей жизни и в своих показаниях — своего рода блестящей диссертации по искусству шпионажа — безоговорочно заbraковал женщин, цинично заявив, что они ни черта не годятся для шпионажа.

В сентябре 1943 года Зорге и Одзаки были приговорены Токийским окружным судом к смерти. Они подали апелляцию в Японский Верховный суд, который весной 1944 года отклонил их прошения о помиловании.

И, наконец, 7 ноября 1944 года Одзаки, спокойный, как обычно, вззошел на эшафот и был повешен. Согласно японским архивам, найденным американскими оккупационными силами год спустя, Зорге был казнен на той же самой виселице через полчаса после казни Одзаки.

НО БЫЛ ЛИ? Тайна, окутавшая смерть Зорге, почти столь же сенсационна, как и история его жизни.

Некоторое время между отклонением его апелляции Верховным судом и датой казни Зорге прибег к последнему аргументу. Он спокойно объявил, что он — СОВЕТСКИЙ ГРАЖДАНИН. И поскольку Япония не была в состоянии войны с Советским Союзом, Зорге потребовал помощи советского консула, на которую он имел право согласно международным законам. Встречался ли Зорге с кем-либо из советских дипломатов — неизвестно.

Однако дальше происходили не менее любопытные события:

1. Лучшего портного Токио пригласили в тюрьму, и вскоре, после снятия мерок и подгонки, Зорге доставили новый костюм, который не стыдно было бы надеть и самому императору.

2. Один из лучших токийских дантистов также посетил тюрьму Сугамо для лечения последствий аварии, в которую попал Зорге на мотоцикле.

И, наконец, согласно записям о казни Зорге, имело место серьезное нарушение японского закона, ибо никто из дипломатических представителей страны, гражданином которой являлся обвиняемый, не присутствовал на экзекуции, как того требовал японский уголовный кодекс.

В свое время среди журналистов, работавших в Токио, получили широкое распространение слухи о том, что после многих месяцев торга между Москвой и Токио Зорге все же тайно обменяли на высокопоставленного японского шпиона, захваченного в России. Факты, подтверждающие, что такие обмены имели место в прошлом, ныне широко известны. Однако решающее доказательство того, что Советский Союз готов был пойти на сделку, чтобы выручить своего шпиона, появилось лишь в 1962 году, когда полковника Абея, бывшего резидента ГБ в Соединенных Штатах, обменяли на пилота американского У-2 Гарри Пауэрса.

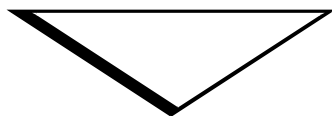
Правда о судьбе Рихарда Зорге никогда не станет известна.

Мы приведем здесь лишь два факта, не делая никаких комментариев:

Западные дипломаты, хорошо знавшие Зорге еще по довоенным годам в Японии, утверждают, что они видели его — несколько поседевшего и более морщинистого — в шанхайском баре в 1947 году. И почти одновременно японская аристократка — танцовщица кабаре, ставшая агентом контрразведки, была найдена мертвой.

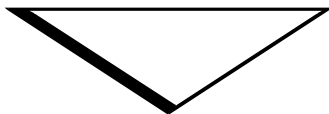
Ходили слухи, что после 1945 года Зорге занимал высокий пост в штаб-квартире ГРУ.

РАЛЬФ ДЕ ТОЛЕДАНО

ШПИОНЫ, ПРОСТОФИЛИ
И ДИПЛОМАТЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Повествование с интересным сюжетом и бойко рассказанное — лучшее средство для распространения исторических знаний, — сказал как-то профессор Алан Невинс. — Без жизни нет правды истории, а без воображения нет жизни».

В этом смысле «Шпионы, простофили и дипломаты» — это история. Но это также и манифест совести. Это документальное изложение той точки зрения, которую безжалостно душили в американских кругах. Это еще одно подтверждение той забытой истины, что человеческие идеалы и воззрения — застывший монолит, но что история человечества — вещь живая и постоянно меняющаяся, и потому писатель, журналист он или профессор, получив доступ к новым материалам, должен либо игнорировать ранее неизвестные ему факты, либо менять свою точку зрения.

Тридцать лет фальсификации, когда думалось одно, а говорилось другое, извратили мышление западного мира, его представления о том, в чем корень зла нашего времени. Два десятилетия однопартийной гегемонии в Соединенных Штатах создали целую школу апологетов — привилегированную группу «официальных» хроникеров и историков, захвативших все места на рынке идей и всячески препятствовавших свободной торговле. Даже самые солидные, предельно документированные научные работы отбрасывались в сторону, если шли вразрез с гладкими, давно обкатанными суждениями придворных фаворитов.

Книга «Шпионы, простофили и дипломаты» была написана как попытка перепроверить, переоценить и заново изложить одну из самых жизненно важных глав современной истории: причины и механизмы самоубийственной американской политики на Дальнем Востоке. И время как никогда благоприятно для этого. Под давлением комиссий конгресса и современных исследователей, правительство, пусть неохотно, но начало публиковать важные

документы, сокрушительные для прежних представлений. В свете новых материалов сегодняшние гипотезы разрушают вчерашние «официальные» постулаты, готовя им участь ошибочных концепций, выброшенных на свалку истории.

Когда это предисловие уже было написано, Объединенные Нации и Совет Безопасности одобрили китайско-советский договор от 1945 года, навязанный Чай Кайши после Ялты, продемонстрировав еще раз неизменное пренебрежение к насилию, чинимому русскими над Маньчжурией, и той военной помощи, которую Россия оказывала китайским коммунистам. Более пяти лет, однако, прикормленные властями историки и влиятельные политики Америки крикливо отвергали эту очевидную истину и нападали на тех, кто пытался ее излагать.

Новые факты по-новому высвечивают старые. И с помощью новых и/или игнорировавшихся ранее документов, в книге «Шпионы, проститутки и дипломаты» делается попытка показать, как в области дальневосточной политики и дипломатии Соединенные Штаты были введены в заблуждение и обмануты, как догматическая наивность вкупе с неприкрытой двуличностью дважды за последние двенадцать лет втягивала народ в вооруженные конфликты на Дальнем Востоке. Но то, что мы послушно следовали губительным советам, — это всем известно. Но то, что некоторые люди именно это и планировали, — становится все яснее. Однако факт обмана — и самообмана — этого повального увлечения нашего времени однажды дойдет до сознания американцев. И то, что самая крупная и свободная пресса в мире проглядела эту историю, и делает эту книгу нужной, если не настоятельной.

Тот, кто пишет о современной истории, имеет дело не со скелетами в шкафу, а с героями во плоти и крови. И потому пишущий должен так обращаться со своими героями, как если бы они были живыми людьми, и аккуратно насаживать их на острие хроники событий. Небрежность в характеристиках героев часто приводит к неприятной переписке, а иногда и к чему похуже. И потому, приступая к изложению этого повествования, я поставил своей целью следовать духу «Закона о доброкачественности пищи и лекарств». Я тщательно отделял овец от «красных» козлиц и аккуратно метил каждую. Потому что до сих пор не придумано слово для описания драматических персонажей нашей несчастной эпохи, и они прошли через эти страницы без какого-либо ярлыка. Я старался не останавливаться на мотивах и иметь дело с поступками, которые оказали воздействие на ход современной истории.

В политике, как и на войне, учитывается поступок, а не мотив. Поскольку мотив важен в выборе наказания, а не в оценке

последствий ошибки. Возможно, что некоторые из тех, кто защищал коммунистов и внутри, и вне правительства, как это следует из моего повествования, делали это по причинам, заслуживающим уважения. Пусть будет так. Но я не испытываю ничего, кроме гнева и презрения, думая об этой так называемой «новой стратегии» либерализма, которая всячески защищает мотив, закрывая глаза на совершенный поступок, пусть даже и подтвержденный свидетельскими показаниями. Задача этой книги — описать подобные действия. А уже потом у нас будет достаточно времени, чтобы обсудить мотивы.

Знаменитого комика Гручо Маркса однажды спросили:

— Где вы живете?

— Я переехал, — ответил он.

В этом диалоге отражена суть подхода госсекретаря Ачесона ко всем вопросам, связанным с вопиющим, разрушительным курсом американской внешней политики. Как действие такая политика неплохо смотрелась бы на сцене Палас-театра. Но на сцене истории она перестает быть смешной. «Шпионы, простофили и дипломаты» и есть попытка честно и откровенно ответить на эти вопросы и вместо Дина Ачесона, и вместо Госдепартамента, и вместо всех остальных стратегов поражения.

Возможно, что все это — ненужные объяснения. Книга говорит сама за себя. Но что решительно необходимо — это указать источники, из которых я черпал свои аргументы. Вот некоторые из них. Важнейшие из них — признание Рихарда Зорге, документ объемом в 30 000 слов; выдержки из показаний и заявлений Ходзуми Одзаки и других участников аппарата Зорге; протоколы суда над членами аппарата, которые были переведены с японского персоналом разведки дальневосточного командования Соединенных Штатов в Токио; переписка с Институтом тихоокеанских отношений (IPR); стенограммы слушаний сенатского комитета по международной безопасности; стенограммы и вещественные доказательства из так называемых слушаний Макартура; аффедевиты коммунистов*, а также документы, которые у меня имеются, и различные воспоминания.

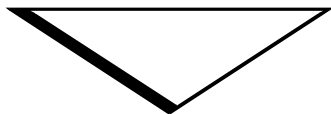
Были и другие источники: донесения разведки «Шпионская группа Зорге», опубликованные министерством обороны в 1949 году; мой собственный обширный архив, касающийся коммунистической деятельности и главных направлений политики коммунистов; доклады различных комитетов Конгресса; статьи и вырезки из газет, а также библиотека Нового/Справедливого Курса по-американски**.

* Письменные показания, данные под присягой.

** Лозунг Трумэна.

Эти предварительные замечания будут неполными без слов признательности бригадному генералу Боннеру Феллерсу, щедро делившемуся со мной бесценными материалами; Роберту Моррису, консультанту подкомитета Маккаррана за материалы по расследованию деятельности Института тихоокеанских отношений; д-ру Карлу Витфогелю, который предлагал, но не навязывал высококвалифицированные советы; а также Норе де Толедано, с юмором и пониманием относившейся к мукам творчества и писательской раздражительности. Этим людям, а также всем остальным, кто ободрял меня на протяжении всего пути, моя огромная благодарность.

ГЛАВА 1

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ — ПАДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ...

Сидя в камере смертников, человек не может не думать о виселице, но при этом не верит, однако, в ее существование. Да, он допускает, что близок час его смерти, но не верит в самую смерть. При мысли об исчезновении и распаде сосет под ложечкой. Осужденный человек живет в подвешенном состоянии, он только думает. И мысли приходят разные — в зависимости от его натуры и состояния души. Меряя шагами тесную камеру или уставясь взором на холодное небо, он не устает вопрошать себя: «Где я ошибся? Когда сделал неверный шаг?» И для него эти вопросы куда более значимы, нежели вопрос: «Неужели я умру?»

В мрачном ряду камер токийской тюрьмы Сугамо, где японская империя изолировала людей надежней, чем на кладбище, Рихард Зорге и Ходзуми Одзаки пытались изложить истории своих жизней, ожидая в любую минуту того стука в дверь, что возвестит о наступлении их последнего часа. Шел 1944 год, ноябрь месяц. Страна, против которой один шпионил, а другой — предал, по-прежнему сражалась против Англии и Соединенных Штатов, но уже неумолимо шла к поражению, которое в конечном итоге свершилось после взрыва над Хиросимой и было официально оформлено генералом Макартуром на палубе американского военного корабля.

Но ни Зорге, ни Одзаки не знали этого. Вышколенная охрана тюрьмы Сугамо извещала их лишь о победах и триумфах жестокого и расчетливого японского империализма. Но для Зорге эти успехи слишком мало значили, чтобы затронуть его чувства. Все эти схватки капиталистических сил означают лишь борьбу за временную гегемонию до величайшего и окончательного триумфа советской власти на всем земном шаре. Могучий интеллект,

способный классифицировать любые факты и разложить все су-
щее по полочкам с помощью своего кредо — ленинской диалек-
тики, Зорге поставил перед собой задачу детально проследить
события своей жизни, работы и достижений. И это неофициаль-
ное жизнеописание он изложил на бумаге, настойчиво поощря-
емый своими тюремщиками-японцами.

Не было особого смысла в этом признании. Поскольку хоть в
документе объемом в 32 тысячи слов и была подробнейшим об-
разом изложена вся его шпионская деятельность в Китае и Япо-
нии, по своему характеру это скорее было своего рода послание
японским язычникам, объясняющее им все величие и целеустр-
емленность советского метода. В нем не было никаких секретов,
еще не известных японской тайной полицией. Там же, где дело
касалось самого Зорге, человека и коммуниста, исповедь его ско-
рее смахивала на послание, адресованное его хозяевам в Кремле.
Видите, казалось, говорил Зорге, хоть я и совершил тяжкий грех,
позволив врагу схватить себя, я по-прежнему остаюсь твердым
ленинцем. Последние слова этого документа — признание своей
юношеской идеологической ошибки в оценке взглядов немец-
кой революционерки Розы Люксембург.

Зорге гордился своим коммунистическим прошлым. Он пе-
решел на орбиту марксизма как молодой солдат, сознательный и
добросовестный, полностью отдающий себе отчет в своей дея-
тельности. Он хорошо послужил Сталину, выполнив одну из не-
вероятно трудных миссий в истории шпионажа, когда, выступая
как доверенное лицо агентов гестапо, этот советский шпион су-
мел проникнуть на самые важные совещания в германском по-
сольстве в Токио и дошел в своей игре до немислимых высот,
помогая, например, нацистским «друзьям» и японским «союз-
никам» готовить проект антикоминтерновского пакта. Через сво-
его агента Одзаки он узнал один из самых охраняемых военных
секретов Японии — о времени и месте готовящегося нападения
на США — о Пёрл-Харборе. И, узнав, передал эту информацию
в Москву за месяц до того дня, когда японские самолеты по сути
уничтожили американский Тихоокеанский флот. Этот небольшой
эпизод в его разведывательной деятельности практически изме-
нил ход мировой истории: сибирские войска отправились на
германский фронт.

Благодаря своей интуиции, неплохо уживавшейся с желез-
ной логикой, Зорге знал, что его работа на Дальнем Востоке по-
прежнему будет иметь огромное значение для воюющих
коммунистических армий. Его агенты — Агнес Смедли и Гюнтер
Штайн — не покладая рук работали над созданием такой атмос-
феры в умонастроениях, когда стало бы возможным преодолеть
присущие американской политике своекорыстие и эгоизм и в

конечном итоге обеспечить зловещую победу китайских коммунистов в послевоенные годы. Путь от камеры Зорге до Белой Книги Государственного департамента* оказался долгим и мучительным, но несокрушимая логика Зорге помогла ему мысленно пройти этот путь.

Возможно, что временами сожаления и вспыхивали в уме Зорге — умирать никому неохота, но сожаления эти носили скорее чувственный, плотский характер. Ибо на протяжении всей своей взрослой жизни он неистово пил и без особых раздумий вступал в многочисленные внебрачные связи. Так, выборочная проверка, проведенная японской тайной полицией сразу после ареста Зорге, принесла улов в виде имен более тридцати женщин, прошедших через его постель на протяжении токийских лет. Среди них были и любовницы-гетеры из коммунистического подполья, и жены и любовницы его коллег-шпионов, и даже жены обитателей германского посольства — то есть людей, малейшее подозрение со стороны которых могло в любой момент уничтожить Зорге. Но и спиртное, способное спровоцировать политическую неосторожность и неблагоразумие, и секс были заранее рассчитанным риском его существования, мерой его темперамента и самонадеянности. И нередко в постели или за бутылкой закаленный и мужественный большевик вдруг исчезал и на его месте оказывался разнузданный тевтон.

Ходзуми Одзаки был совершенно другим человеком. Он пришел к коммунизму из верхов общества, ведомый чувством вины, обыкновенной сентиментальностью и, в очень большой степени, нерассуждающим, беспечным идеализмом. Последовавший вскоре переход к шпионажу произошел совершенно безболезненно, после того как Агнес Смедли удалось убедить его, что в жизни «нужно заниматься чем-то по-настоящему важным». Ходзуми был уверен, что его встреча с Агнес и решение «последовать по узкой дорожке» было «предопределено свыше». Он был захвачен, очарован коммунистическими лозунгами и призывами и попался в ловушку надежд на грядущие тучные зеленые пастбища для всего человечества. Но оказавшись рабом тех средств, которые ему пришлось применить для достижения этой цели, он испытал, наконец, угрызения совести. Ибо прекрасно сознавал, что с точки зрения морали и нравственности его преступление куда тяжелее, нежели вина Зорге: ведь он, Одзаки, предал собственную страну. Предал, имея жену, которую любил, и ребенка.

Одзаки, как и Зорге, тоже писал воспоминания, но не в форме диалектического описания своих деяний и подвигов. Нет, вместо этого он выдал пространные, эмоциональные письма к

* Сборник официальных документов.

жене и апологию для японского суда, в которой делал попытку проследить весь ход своего духовного падения и с печалью признавал справедливость грядущего исчезновения. Написанные по всем правилам японского цветистого слога, письма к жене позднее были опубликованы и их название отражает ту двойственность, что свойственна японскому характеру: «Любовь подобна падающей звезде». А вот апология, где изложены мысли человека, жизнь которого приняла дурной оборот и который знал, что он проживет еще достаточно, чтобы успеть пожалеть об этом, так и лежит где-то похороненной в архивах токийского суда.

«Сейчас я ожидаю окончательного приговора, — писал он на заключительных страницах. — Я достаточно хорошо осведомлен о важности законов, которые я нарушил... Выйти на улицу, жить среди друзей, даже после того, как пройдет много лет, уже невозможно и с точки зрения моей совести, и с точки зрения моих возможностей и сил... Я счастлив при мысли, что родился и умру в этой, моей, стране... Я заканчиваю писать в камере токийской тюрьмы в час, когда тучи низко висят над землей, предупреждая о надвигающейся буре».

Но прежде чем обрести спокойствие и ясность, Одзаки прошел через муки сомнений и темную ночь разрушенных убеждений. «Окруженный справедливостью и милосердием, добротой и любовью... я почувствовал, что я что-то упустил, не обратил внимания на серьезную ошибку в обосновании своих поступков. Поначалу сама мысль о такой возможности была мучительна... Я виновато чувствовал, что утратил веру». Но он отринул от себя эту вину, потому что был таким же «стопроцентным» большевиком, как, скажем, и Фредерик Филд, хотя в свое время он принял «Большую Восточно-Азиатскую войну» как патриотическую. Но что характерно, он никогда по-настоящему не признавал ни политического, ни нравственного значения своих преступлений.

Внезапное изменение его отношения к коммунизму было сугубо эмоциональным и личным. «Моя любовь к семье вновь проявила себя, как неожиданно мощная сила... Поначалу читать письма жены было для меня так болезненно, что я не мог даже взглянуть на фотографию моего ребенка. Иногда я рыдал, а иногда обида переполняла меня, и я думал, насколько все было бы проще, не будь у меня семьи... Профессиональные революционеры не должны иметь семьи... Мысли о будущем моего отца, о котором я обычно так мало думал, также угнетали действовали на меня... Я рисовал его образ в своем воображении — вот он стоит ко мне спиной, склонившись с тревогой и печалью».

Одзаки переполняло чувство благодарности, поскольку после его ареста жена и дочь не были побиты камнями. «Учитель, на попечении которого находился класс моей дочери, специально

нанес визит ко мне домой, — писал он, — чтобы сказать жене, что дочь может посещать школу, как и прежде».

Он даже сумел написать нечто почти безмятежное: «Я не трус, и я не боюсь смерти».

В сентябре 1943 года Токийским окружным судом Зорге и Одзаки были приговорены к смерти. В разгар войны им была предоставлена возможность воспользоваться для защиты гражданским законодательством и обжаловать обвинение в шпионаже в Верховном суде Японии. Аргументы их защиты были типичными, и многими из них шесть лет спустя воспользовались некоторые из самых искусных сподвижников Элджера Хисса. Они-де не совершили ничего противозаконного, утверждали в качестве оправдания Зорге и Одзаки. Они не применяли силу для сбора информации, и те сведения, которые они передавали в Москву, не были добыты в результате каких-то тайных разведывательных операций, но представляли из себя факты, доступные любому интеллигентному человеку.

Апелляция Зорге в Верховный Суд представляла из себя, в некотором роде, классическое коммунистическое оправдание:

«Японские законы — субъект для толкований, и толковать их можно либо широко, либо буквально. И хотя утечка информации может, строго говоря, быть наказуема законом, в практике японской судебной системы вопросы хранения секретов не являются подсудными... Я полагаю, что в обвинительном заключении было уделено недостаточно внимания нашей деятельности и природе собираемой нами информации. Данные, которые получал (один из моих агентов), не являлись ни секретными, ни важными. Он приносил мне лишь те новости, которые были хорошо известны любому корреспонденту-международнику... То, что можно было бы назвать информацией политического характера, добывалось Одзаки и мною.

Я получал информацию в германском посольстве, но и здесь я также считаю, что лишь малую ее часть можно было бы отнести к разряду госсекретов. Ее давали мне добровольно, и, добывая ее, я не прибегал ни к какой стратегии, за которую меня следовало бы наказывать. Я не пользовался ни ложью, ни силой... Я очень доверял той информации, которая предназначалась... для использования в германском генеральном штабе, и я убежден, что японское правительство, сообщая какие-то сведения германскому посольству, учитывало возможность утечки... Даже та информация, которую Одзаки считал важной и секретной, уже таковой не являлась, потому что он получал ее опосредованно, лишь после того, как она покинула секретный источник».

Японский суд действовал достаточно сдержанно. Все второстепенные участники заговора были приговорены к различным срокам тюремного заключения, Зорге и Одзаки — к смерти. В

январе 1944 года Верховный Суд утвердил приговор Зорге, а в апреле — Одзаки. Но никто не знал, в какой именно день приговор будет приведен в исполнение.

В следовавшие за этим месяцы оба попеременно допрашивались военными и полицейскими властями, пытавшимися нащупать все нити их разветвленного заговора. Одзаки давал показания свободно и без сожаления. Зорге же по-прежнему вел себя осторожно и сдержанно. Но хвалился, что Сталин непременно придет ему на помощь — уж слишком ценный он человек для 4-го Управления Красной армии (разведка), чтобы им можно было так легко пожертвовать. СССР и Япония непременно придут к какому-то соглашению на его счет.

Утром 7 ноября 1944 года, как раз в тот момент, когда Одзаки закончил очередное письмо к жене, начальник тюрьмы Сугамо вошел к нему в камеру. Одзаки знал, что это — приглашение на виселицу. Он достал приготовленную для этого случая чистую одежду и переоделся. Начальник тюрьмы церемонно спросил его имя, возраст и местожительство, чтобы официально удостовериться, что Одзаки именно тот, кто приговорен к смерти. Потом через тюремный двор осужденного провели из камеры смертников в небольшую бетонную камеру, предназначенную для исполнения смертных приговоров. В прихожей этого строения находился большой золоченый алтарь Будды, освещенный мерцающим светом тонких восковых свечей.

Старший капеллан, буддийский священник, предложил Одзаки чаю и саке. Он выслушал пояснения Одзаки к его письменному завещанию и спросил, кого уведомить о его смерти, а потом сказал: «И жизнь, и смерть — равнозначны для того, кто достиг блаженства бесстрастности. А блаженство бесстрастности возможно обрести, если положиться во всем на милость Будды».

Одзаки преклонил колени, и священник прочитал «Три обещания вечной жизни» из Книги Сутр. Одзаки зажег благовония, закрыл глаза и поклонился. Поднявшись, поблагодарил тюремных чиновников за их любезность и произнес:

— Я готов.

За алтарем, в комнате без окон, стояла виселица. Одзаки было велено встать под ней, и петля обвила ему шею. Одзаки еще раз дважды повторил незатейливый буддийский ритуал утешения, и в 9:33 трап был выбит у него из-под ног. В 9:51 он был объявлен мертвым.

Через несколько минут начальник тюрьмы нанес еще один визит — в камеру Зорге. Был повторен тот же ритуал обряда идентификации, и Зорге информировали, что министр юстиции приказал казнить его сегодня утром. Не желает ли он добавить что-нибудь к своему завещанию, спросили Зорге.

— Завещание останется таким, каким я написал его, — ответил тот.

— Может, вы хотели бы еще что-нибудь добавить? — спросил начальник тюрьмы.

— Нет, больше ничего. — Зорге повернулся к чиновникам, стоявшим в камере, и поклонился: — Благодарю вас за вашу любезность.

Выйдя из камеры смертников, он пересек тюремный двор и, обогнув серые стены дома смерти, вошел в единственную дверь. Миновав золоченый алтарь, он сразу прошел в комнату с виселицей.

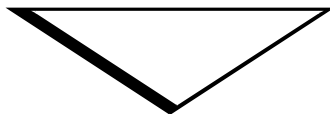
Тюремные записи гласят, что трап был выбит у него из-под ног в 10:20, а мертвым он был объявлен в 10:36.

Но один немецкий карьерный дипломат, прикомандированный к германскому посольству в Токио, хорошо знавший Зорге и говоривший с ним в его последние дни, не верит тюремным записям. В 1949 году, находясь с миссией в Вашингтоне, он остановился в Нью-Йорке.

— Если Зорге и вошел в камеру смерти, — говорил он друзьям, — то вышел он из нее на своих ногах. Зорге не умер. Сталин заключил сделку с японцами. После войны я слышал, что Зорге еще жив. И я этому верю. Тюремные записи? Ну, каждый большевик знает, что записи хранятся лишь для того, чтобы скрыть истину...

Мертвый или живой, но Зорге оставил свой след в истории. И это тот еще след...

ГЛАВА 2

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ БЕЗ ПЕРЕМЕН

История Зорге начинается в Германии. В смысле личном это история риска и заблуждений идеализма, круто замешанного на авантюризме и политическом цинизме. Но, по иронии судьбы, история Зорге — это история самой Германии. Коммунизм наших дней — это российская опухоль, но именно германский организаторский гений создал всемирный коммунистический *apparatus*, в котором Рихард Зорге играл столь выдающуюся роль. Сложная система групп коммунистического фронта, распространившихся, подобно метастазам, по всему земному шару, была задумана и впервые опробована в Германии, немцем Вилли Мюнзенбергом. И языком общения функционеров Коминтерна и агентов 4-го Управления Красной армии на протяжении многих лет был немецкий.

И если мы забыли, то напомним, что «научный социализм», сбитый в форму доктрины из грез и мечтаний цивилизованных европейцев, был детищем Карла Маркса, немца, чья страсть к порядку и легла в основу его веры в жесткое суровое общество, стирающее любые различия между людьми, а также в научный антисемитизм. Американские и английские фабианцы всячески стараются затушевать тот факт, что в годы перед Первой мировой войной самой дисциплинированной социалистической партией в мире — и самой влиятельной — была германская. И когда разразилась мировая война, немецкие социал-демократы, прищелкнув каблучками, легко встали в шеренгу за кайзером Вильгельмом.

Милитаристы провозгласили: «*Got mit uns*». Социалисты ответили: «*Marx mit uns*». Результат был один и тот же. Аргументы, которыми социал-демократы оправдывали свой «пацифизм»,

поразительно напоминали современную сталинскую политику мира. Лишь установление германского «прогресса» во всей Европе могло-де покончить с бесконечными войнами между непрочными союзами европейских государств. Этот аргумент имел смысл, если вы были немцем, но ни французская, ни английская, ни итальянская партии, входившие во II Интернационал, не были достаточно «прогрессивными», чтобы понять это. II Интернационал распался, подготовив почву для ленинского III Интернационала — и лишь непрактичные итальянцы так и остались на антивоенных позициях.

Брак социал-демократии с империализмом был удачным лишь до того момента, пока не кончился медовый месяц и германские армии не двинулись вперед. Но по мере того, как Германия все глубже увязала в трясине позиционной войны на Западном фронте, «супружество» становилось все более обременительным. И на руинах разрушенного до основания германского государства, на мели поражения, перемирия и Версаля брак был окончательно расторгнут. Билль о разводе и беспорядочность последовавшего образа жизни оставили громадный политический вакуум, заполнить который так никому и не удалось до самой победы национал-социализма. (Уже в 20-е годы германские левые заигрывали с национал-большевистскими теориями Карла Радека, и понадобилось срочное вмешательство главы Коминтерна Зиновьева, чтобы убедить их не делать этого.)

Все вышеизложенное важно для понимания истории Германии, ибо объясняет и высокие надежды 1914-го, и сокрушительное моральное банкротство 1918-го, и распространение нигилизма и негативизма среди германских интеллектуалов, потрясавшее разрушение сексуальных норм и, конечно же, переход к политической проституции левых сталинистов. Это объясняет и невыносимый фатализм заклинаний «На Западном фронте без перемен», и перзрелый цинизм *Die Dreigroschenoper*, ярко проявившийся в прославлении сводников, шлюх и воров Бертольдом Брехтом и Куртом Вайлем — двух людей, ярко сиявших на коммунистическом артистическом небосклоне. Но это же объясняет и феномен Рихарда Зорге.

Мужчиной ли, мальчиком — Рихард был немцем до мозга костей. Легкость, с которой ему удавалось дурачить нацистов в конце его карьеры, была фантастической, а его токийские авантюры наглядно показывают, что коммунистических активистов мало что отличало от гестаповских карьеристов, за исключением, пожалуй, лишь выбора хозяев. (Даже антисемитизм, как запоздало узнал мир, был одинаково присущ обоим идеологиям, ибо в любой закрытой системе еврей — существо неприемлемое.)

Первая мировая война застала Рихарда Зорге в восемнадцатилетнем возрасте во время поездки в Швецию. Он вернулся в Германию последним пароходом и, не раздумывая, записался на военную службу, не дав себе труда сдать выпускные экзамены в Высшей окружной школе Берлина или хотя бы поставить в известность мать. Две вещи слегка отличали его от прочих германских парней — он был рожден в Баку, на Южном Кавказе, и был внуком Адольфа Зорге, секретаря I Интернационала при жизни Карла Маркса. Детские годы, описанные в «Признании», демонстрируют черты интеллектуального превосходства и постоянно проскальзывающее чувство своей непохожести на других.

«До войны мое отрочество проходило в сравнительно комфортной обстановке, обычной для класса богатой германской буржуазии. В нашем доме не знали финансовых трудностей... А некоторая необычность семьи Зорге одарила мое раннее детство рядом отличительных черт... Я был плохим учеником, нарушал школьную дисциплину, был упрямым и своенравным, и редко открывал рот. В истории, литературе, философии, политических науках и, конечно, атлетике, я был намного выше уровня своих одноклассников, но был ниже среднего по всем остальным предметам.

В пятнадцать лет у меня появился жадный интерес к Гете, Шиллеру, Лессингу, Клопстоку, Данте и другим трудным авторам, и вдобавок ко всему я тщетно сражался с историей философии и Кантом. Мое любимое время в истории — период французской революции, наполеоновских войн и времена Бисмарка. Современные германские проблемы я знал лучше, чем средний взрослый.

В школе меня называли «премьер-министром». Я знал о вкладе моего деда в рабочее движение, но я также знал, что взгляды моего отца были диаметрально противоположны взглядам деда. Отец был явный националист и империалист и всю свою жизнь не мог избавиться от впечатления, которое в юности произвело на него строительство германской империи в период войны 1870–1871 годов. Он ясно сознавал цену собственности, накопленной им, и социального положения, которого он достиг... В течение многих лет я был членом рабочей атлетической ассоциации, а это означало, что я находился в постоянном контакте с рабочими, но как у любого студента, у меня не было ясной политической позиции. Мне было интересно приобретать политические знания, но я был не способен определить свое собственное отношение к ним».

Конечно, многое здесь — попытка логически осмыслить события задним числом. И запись Зорге в армию, и его отношение к войне точно такие, какие и должны были быть у юноши, яв-

лявшегося частью своего социального окружения — националистического и империалистического, — и какие характерны были для всей германской молодежи, готовой встать под знамена Великой Германии. Он пошел в армию, вспоминал Зорге, из-за «сильного желания приобрести опыт, желания освободиться от школьных занятий, от того образа жизни тогдашних восемнадцатилетних, который я считал совершенно бессмысленным и бесцельным существованием, и из-за всеобщего взрыва восторга, порожденного войной». Это — реакция способного, но угрюмого, со скверным характером, подверженного настроениям подростка, отдающего дань состоянию «мировой скорби», характерному для его возраста, и изголодавшегося по физическим приключениям, а вовсе не рассуждения политически искушенного, но безыдейного ума.

«Совершенно бесполезный шестинедельный курс военной подготовки на полигоне в пригороде Берлина» — вот и весь его курс военной науки. Ну а потом — «я был на корабле отправлен в Бельгию, чтобы принять там участие в грандиозной битве на берегах Изера. Этот период можно кратко описать как «из класса — на поле боя» или «со школьной парты — на эшафот».

Реакцией Зорге на «жестокий и кровопролитный конфликт» стало впервые испытанное им чувство серьезного психологического дискомфорта. Вслед за одним из долгих и ужасно театральных антрактов позиционной войны последовало, наконец, настоящее сражение. Но «после того, как наша жажда бить и приключений была утолена», писал Зорге, «наступили несколько месяцев тишины и печальной пустоты».

Все войны — жестоки, кровопролитны и ужасны, и первый великий европейский конфликт был не более ужасен, чем большинство других, а с точки зрения человеческого страдания он был куда менее страшным, чем, к примеру, американская война между штатами. Но и эта мировая война, на которую столь беспечно отправились молодые люди того времени, ожесточила их души, смешав их с грязью. Если бойня еще терпима, то жизнь в окопах — нет. Сражение — это функция масс, а не индивидуумов. Гигантских, бесчувственных масс людей, убивающих друг друга в споре за несколько ярдов бесполезной земли, превращенной в пыль. Более того, индивидуумы, затерявшиеся внутри этих масс и воспитанные на розовых рассуждениях XIX века о прогрессе и растущем благосостоянии, были не готовы к восприятию действительности. Солдаты сражались лишь за одно — за право вернуться домой. Но многим людям в окопах, похоже, казалось, что дома больше не существует.

«Сколько раз до меня немецкие солдаты воевали в Бельгии, чтобы захватить Францию, а армии Франции, стоявшие здесь,

были готовы нарушить границы Германии, — думал Зорге. — И никто не знал истинной цели этой войны, не говорил о ее тайном смысле. Большинство солдат были людьми среднего возраста, рабочими и ремесленниками по роду занятий. Почти все они состояли в профсоюзах, и многие из них были социал-демократами... Я совсем запутался в своих исторических познаниях». Но так и не успев найти ответы на мучившие его вопросы, Зорге был ранен.

Вернувшись в Германию для лечения ран, он испытал своего рода психологический шок. На месте безудержного патриотизма, который он оставил дома, уходя на фронт, он нашел «новые стандарты», правившие жизнью тыла. «На деньги можно было купить кое-что на черном рынке... В военное время процветали спекуляция и подпольная торговля, а возвышенные мысли и идеалы, характерные для начала этой войны, уходили все дальше и дальше на задний план... Цель — достичь более высокого уровня жизни любой ценой».

Проявлявшиеся повсюду признаки разложения тревожили его, но не настолько, чтобы помешать вовсю пополнять знания в течение всего периода выздоровления. Возвращение к гражданской жизни не сделало его счастливым, да и политические трудности, которые он изучал, могли показаться довольно бессмысленными на фоне войны и опыта, приобретенного им в окопах, ибо были, по его собственным словам, «лишены реального смысла».

Отпуск закончился, и Зорге вновь добровольно вернулся на фронт, но прибыв в свою старую часть, мало кого из друзей нашел он в живых.

На этот раз он оказался на Восточном фронте, где боевой дух был очень высок. Германская армия выигрывала одно сражение за другим у плохо вооруженной и плохо управляемой армии империалистической России. Однако военные действия продолжались, и Зорге не устоял против профессионального риска, подстерегающего всех солдат: «Факт, что хотя мы и поразили Россию в самое сердце, но войне по-прежнему не видно конца, был налицо, и многие стали бояться, что она будет длиться вечно». Все это неожиданно кончилось для него, когда он был ранен во второй раз. После долгой поездки через оккупированную Россию он вернулся домой, чтобы найти ситуацию в Германии в начале 1916 года критической.

Когда после первого выздоровления Зорге добровольно вернулся к исполнению своего воинского долга, он чувствовал, что «для меня было бы лучше погибнуть, сражаясь на чужой земле, чем тонуть в дерьме дома». Но и в армии перед его взором предстала картина распада — неперемennого спутника надвигающегося поражения. «Общая атмосфера в моем полку была еще мрач-

нее и угрюмее, чем прежде, но многие люди проявляли явный интерес к политическим проблемам и вопросам окончания войны. Среди них росло понимание, что резкие и немедленные политические перемены — единственный способ для нас выбраться из этой трясины».

Сначала дискуссии были ограничены обсуждением возможностей окончания войны без полной капитуляции перед врагом. Много говорилось о долговременном решении всех проблем военной победой. Моральный дух в войсках был по-прежнему далек от точки капитуляции, но среди радикалов уже вовсю обсуждалась мысль о революции. Имена Карла Либкнехта, Розы Люксембург, левых социалистов, стоявших на антивоенных позициях, перестали быть пустым звуком для многих немцев. Германское правительство забрасывало войска пропагандистскими материалами, разъясняя долгосрочные цели Германии и подробно разбирая причины германских требований к другим странам. Но растущее число левых агитаторов внутри армии пользовалось каждым листком официальных бумаг, чтобы использовать его в качестве контроружия.

Когда Зорге лежал в госпитале после третьего ранения — два осколка от снаряда пробили кость, отчего у Зорге на всю жизнь осталась легкая хромота, — он был почти готов принять самую активную роль в битве за Германию. Судьба не слепа, и она поручила раненого солдата попечению врача и медсестры — отца и дочери, которые были левыми социалистами. И в течение нескольких месяцев, пока тело его поправлялось, они усердно кормили его книгами и беседами, предоставив подробный анализ революционного развития событий в тылу. Книги Канта и Шопенгауэра перемежались с политическими трактатами и трудами. «Несмотря на серьезность моего ранения и мучительную боль, впервые за много лет я был счастлив», — вспоминал Зорге.

Хотя он по-прежнему оставался солдатом и продолжал лечение, он возобновил учебу в Берлинском университете. «В течение лета и зимы 1917-го я окончательно осознал бессмысленность и разрушительный характер великой войны. Несколько миллионов уже погибли... Хваленая германская экономическая машина превращена в руины... Капитализм распался на составные части — анархизм и массу бессовестных неразборчивых лавочников».

И он находит ответ: спасение — в «единственно новой и эффективной идеологии» — идеологии рабочего движения. Он проводит все свое время в университете, читая труды греческих философов, Гегеля, Маркса и Энгельса; он углубляется в историю рабочего движения. Отречение русского царя и российская

революция февраля 1917 года «обозначили для меня путь, по которому следует направить международное рабочее движение». И он решает стать частью этого движения*.

Демобилизовавшись в январе 1918 года, Рихард Зорге продолжил учебу в Кельнском университете, и в это же время он вступает в Независимую социал-демократическую партию. Второй шаг куда более соответствовал духу времени. Германия находилась в брожении. Подписан Брест-Литовский договор, положивший конец войне с Россией, но бои на Западном фронте продолжались. Из-за восточной границы шли вдохновляющие, возбуждающие известия о рабочих и солдатских Советах, о реющих красных знаменах. Карл Либкнехт, неистовый немецкий социалист, избран почетным членом Петроградского Совета. Революционные брошюры Ленина, Троцкого и Бухарина достигли Германии, а большевистские лозунги и призывы широко распространялись солдатами, возвращающимися с Восточного фронта.

На Западном фронте немцы прорвали линию обороны союзников, но это уже не могло повернуть ход событий в пользу Германии. Повсюду в войсках царил усталость и замешательство. Американские войска, недавно вступившие в войну, поднимались в окопах, чтобы, преодолев нейтральную полосу, встретиться лицом к лицу с усталыми немцами, несшими на своих плечах всю тяжесть военных лет. Германский генеральный штаб рассчитывал на чудо, на компромиссы и, наконец, на почетную смерть. Немецкий народ надеялся на мир — и, похоже, на мир любой ценой. Войска же были охвачены революционной пропагандой, и бунты вспыхивали то здесь, то там.

В такой обстановке Зорге и предпринял свои первые левые действия: организовал молодежное социалистическое движение в Кельне, возглавил учебные группы, «изучавшие историю революционного движения и разницу между революционным и контрреволюционным движениями» и вербовал новых членов партии среди студентов и друзей.

И вновь судьба идет Зорге навстречу. В конце октября моряки германского ВМФ отказались выходить в море, чтобы принять бой с британским флотом, имея при этом мало шансов победить в нем. Адмирал фон Гиппер поспешно отменил планы на «смертельный поход» и приказал Третьей эскадре вернуться на родную

* Это определено «задняя мысль», пришедшая ему в голову уже потом. Революционное правительство Керенского, сброшенное год спустя Лениным, было демократическим правительством среднего класса. Рабочим это правительство могло быть названо лишь в самом широком смысле. Но Советы для удобства предпочли об этом забыть.

базу в Кельн, надеясь, что увольнение на берег поможет успокоить матросов. Этот просчет и спустил курок немецкой революции. Моряки и рабочие братались, встретившись на берегу, митинги из Кельна распространились до Бремена и Гамбурга, где десятки тысяч людей маршировали по улицам, распевая революционные песни и провозглашая республику. Солдаты покидали казармы и присоединялись к шествиям. Красные флаги реяли над большинством военных кораблей. Мятеж все ширился, и 10 ноября Берлин уже был в руках рабочих и солдатских Советов. Германская империя рухнула.

С кельнского восстания началась карьера Зорге как революционного деятеля. Он занимался агитацией, выступая перед мятежными матросами, организовывал митинги, читал лекции по социализму и занимался оргработой в партии.

Его деятельность не осталась незамеченной, и он был приглашен на работу в Берлин, в штаб-квартиру Независимой социалистической партии. Город пребывал в хаосе. Социал-демократическое правительство Фридриха Эберта, поддерживаемое германским официальным корпусом и теми войсками, что остались верны своим командирам, постоянно подвергалось нападкам со стороны «Союза Спартака», возглавляемого Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом, и нерешительной Независимой социалистической партией. В январе 1919 года марш вооруженных рабочих на Берлин был подавлен Эбертом и министром обороны Густавом Носке — как раз в тот момент, когда Зорге прибыл в столицу. Его задержали на вокзале и обыскали на предмет оружия, и, проведя в Берлине несколько дней, Зорге вернулся в Кельн.

ПЕРЕЕХАВ в Гамбург, чтобы подготовиться к экзаменам на степень доктора в Гамбургском университете, Зорге с головой окунулся в революционную деятельность. К тому времени, когда «спартаковцы» и независимые социалисты слились с коммунистической партией, Зорге уже стал одним из активистов партии в Гамбургском регионе. Он выбрал для себя сферу партийной деятельности — оргработа и агитация. Произнесение же речей и парламентские интриги оставались прерогативой такого большого человека в партии, как Вильгельм Пик, которому предстояло стать советским гауляйтером Восточной Германии после окончания Второй мировой войны. ЦК поручил Зорге агитационную и учебную работу в Аахене, в зоне действия союзной оккупации. В качестве прикрытия этой деятельности он выбрал преподавательскую работу.

Преподаватель днем, вечерами он был занят пропагандой среди шахтеров, обучением коммунистических кадров и руководством местным отделением компартии. Пределы его влияния

расширились до Кологуэ, где он посещал тайные митинги и помогал редактировать коммунистическую газету. Как представитель Рейнского региона, его консультировал ЦК компартии. Но пришло время, и двойная жизнь Зорге вышла наружу. Он был уволен с преподавательской должности в Аахене. В камере токийской тюрьмы Зорге писал:

«Посоветовавшись с партией, я решил усилить свою деятельность среди шахтеров и работать вместе с ними в Аахенском угольном регионе, чтобы заработать на жизнь. Я смог устроиться на работу на шахте близ Аахена в качестве подсобника, не обратив на себя внимания. Это была тяжелая жизнь, и я безмерно страдал от серьезных ранений, полученных мною на фронте, но ни разу не пожалел о своем решении. Опыт, который я приобрел, был столь же ценен, как и тот, что я приобрел на полях сражений, а моя новая профессия была очень важна для партии.

За короткое время моя работа среди шахтеров принесла множество полезных результатов. Я организовал коммунистическую группу на I-й шахте, где я работал, и когда увидел, что группа встала на ноги, я перешел на другую шахту. В течение года я еще раз сменил шахту. Но попытка продолжить партийную работу в угледобывающем районе Голландии провалилась — я был немедленно раскрыт, уволен и депортирован из страны. Между тем я стал известен и на аахенских шахтах, и в результате не мог найти работу. Власти пригрозили передать меня военным властям союзников, и я был вынужден оставить оккупированный район».

Зорге вернулся в Берлин за дальнейшими инструкциями ЦК. Ему предложили оплачиваемую работу в аппарате растущей партийной бюрократии. Аппаратчиков постепенно покупали этими заработками, чтобы потом продать под контроль Москвы. Зорге отказался, ссылаясь на то, что у него мало практического опыта и что ему необходимо закончить свое образование. При содействии партии он получил место помощника директора департамента общественных наук Франкфуртского университета, причем ЦК дал ему инструкции держать партийную работу и само членство в партии в тайне. Так началась его секретная работа на Коммунистический Интернационал.

«Я хранил все секретные документы и списки членов партии, поддерживал тайную связь между ЦК в Берлине и парторганизацией во Франкфурте. Партийные средства и пропагандистские материалы также поступали на мое имя, и я прятал большую часть партийной собственности в своей учебной комнате в университете или в библиотеке общественных наук, засовывая большие пакеты в корзины для угля. Со мной работали еще два или

три члена партии, и потому не было нужды опасаться разоблачения. Сохранность этих материалов позволила партии пользоваться ими постоянно, и в результате, несмотря на запрет Коммунистической партии, ее активность во Франкфурте не снижалась.

Тем временем начавшееся в Саксонии вооруженное восстание закончилось провозглашением рабочей республики, с которой, по приказу партии, я поддерживал постоянную связь. Я часто бывал в Саксонии со специальными миссиями, передавая важные первоочередные политические и организационные документы и директивы, которые партия могла переправить через Франкфурт».

Зорге-идеалист и Зорге-активист успешно шел по пути, который привел его к Зорге-шпиону, а господство Коминтерна в Германской коммунистической партии сделало это не только возможным, но и необходимым. Согласно ленинской доктрине, в числе «21 условия» для принятия в Коминтерн было и условие о том, что коммунистические партии должны повсюду «создавать наряду с законными, еще и параллельные нелегальные аппараты». Для этих нелегальных аппаратов подбирались самые деятельные и перспективные товарищи. С образованием Германской коммунистической партии русские агенты внедрялись в нее, чтобы превратить в организацию, призванную впоследствии стать классическим образцом для коммунистических организаций по всему миру.

Принцип революционного подполья «бей-бегги» времен романтического прошлого уже не годился. С первых дней существования Коминтерна его лидеры рассматривали всех членов всех партий как помощников советского государства, резерв для рекрутирования политических и шпионских бойцов. Нелегальная партия была разбита на группы, каждая из которых проходила особую подготовку и выполняла специфические функции:*

М-группа: подготовка кадров, которые в будущем составили бы костяк германской Красной армии. Члены группы получали базовую подготовку, дополненную ночными маршами и тайными маневрами. Имели собственный арсенал.

Н-группа: выступала в качестве *Nachrichten* (разведки). Самое лучшее снабжение и финансирование. Н-группа отвечала за охрану партийных лидеров, поставляла телохранителей для русских агентов, проезжавших через страну. Достаточно окрепнув,

* Для более глубокого ознакомления с подобным разбиением автор отсылает читателя к книге «Сталин и германский коммунизм», Кембридж, 1948, написанной Рут Фишер, сестрой Герхарда Эйслера и члена-основателя австрийской коммунистической партии.

группа приступила к выполнению шпионских функций и проникновению в тыл противника. Со временем стала важнейшей из всех подпольных групп. Именно в этой группе и состоял Зорге.

Т-группа: террористические объединения, предназначенные для диверсий и подрывной деятельности, похищения детей и ликвидации предателей партии и «врагов класса».

З-группа: выступала в качестве *Zersetzung* (подрывники). Это было подразделение N-группы. Задача группы – «подрыв изнутри» вражеских организаций, или их разрушение, или их внутренняя переориентация. Восстание в Саксонии было организовано М и З-группами.

Но каждый член этих групп имел и свою сверхзадачу: помогать советской власти крепко держать бразды правления германской партийной машиной. Руководители групп назначались и получали зарплату в Кремле. Одновременно Коминтерн был полностью протитуирован руководством Германской компартии. Из 135 тысяч членов в начале 20-х годов свыше 4300 получали деньги по русским платежным ведомостям, и если они вдруг осмеливались ставить интересы Германской компартии выше интересов Коминтерна, их вызывали в Москву, где они тихо исчезали во мгле, либо «прозревали». Если же они игнорировали приглашение, у них или похищали детей, или «изобличали» как коммунистов и передавали в руки германской полиции. Таким образом, левая оппозиция в Германской компартии систематически уничтожалась, и «верные» коммунисты-сталинисты исключались из партии за «привет», брошенный на улице члену левой оппозиции.

Поскольку советская тайная полиция забирала все больше и больше власти в Германии, Берлин стал вторым по значению центром подготовки шпионских операций. Эта «невидимая иерархия», «тайная элита» (по словам Рут Фишер и Вальтера Кривицкого, шефа разведки Красной армии в Западной Европе) была строжайше организована, и ее операции были, без сомнения, операциями, проводимыми под руководством ГПУ (позднее НКВД). Ее члены имели определенное звание и соответствующий документ, получали определенную плату и существовали на полуговарной основе.

Зорге, интеллектурал и человек действия, отлично вписался в структуру этой дисциплинированной, невидимой иерархии. Смелый и проверенный, он постепенно поднялся до очень ответственного поста, на что он очень острожно намекнул в своем токийском признании:

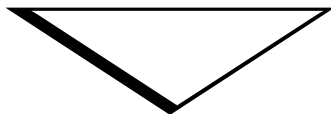
«Поскольку я занимался тайными связями партии, то было неувидительно, что на коммунистическом съезде, прошедшем во Франкфурте-на-Майне в 1924 году, меня выбрали для обес-

печения охраны делегатов советской коммунистической партии, которые представляли Коминтерн и прибыли в страну нелегально».

Учитывая, что Германскую компартию тогда сотрясало от схватки Сталин–Троцкий, Коминтерн прислал руководителей самого высокого ранга – Пятницкого, Мануильского, Куусинена и Лозовского, и потому ответственность Зорге как руководителя «службы безопасности, и доверие, оказанное ему, были огромны.

«Конечно, мои отношения с делегатами Коминтерна были очень близкими, и они с каждым днем становились все более дружескими. На заключительном заседании они попросили меня приехать в штаб-квартиру Коминтерна в Москву, чтобы поработать там». Покровительствуемый этими высокопоставленными советскими руководителями, Зорге перешел из Германской в Советскую компартию, сделав, таким образом, первый шаг к тому, чтобы стать аппаратчиком высокого ранга.

В конце 1924 года Зорге появился в Москве. Начиналась его конспиративная работа.

«СОБАКАМ И КИТАЙЦАМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН»

Создание коммунистического шпионского аппарата требует участия людей многих и разных. В центре – обученный лидер, закаленный, опытный и беззаветно преданный делу победы советского империализма. Рихард Зорге и был одним из таких лидеров. Но бывали при этом задействованы и авантюристы, и идеологические последователи – приверженцы коммунистической идеи, а также невротики и неудачники на ниве секса или человеческого общения, которые, как говорится, «ищут, куда бы приткнуться». Одни, как Агнес Смедли, втянулись в коммунистическую деятельность из-за обиды на мужчин и озабоченности судьбами человечества. Другие, как Элджер Хисс, уступив одному из смертных грехов – гордыне. Но все они поступили на службу коммунизму из глубокого презрения к человечеству сегодняшнему и в попытке нащупать путь человеческого спасения.

А своего рода защитным прикрытием для аппарата служат и политики, и доброхоты-благотетели, и простофили, и обманутые, которые, как правило, не ведают, что творят, а также умные дельцы и мошенники, полагающие, что дьявола можно запрячь в телегу своекорыстных интересов. При этом многие из этих типов убеждены, что они – антикоммунисты, ибо когда последствия их безрассудства или своекорыстных действий становятся публичным достоянием, они бывают искренне изумлены и бурно протестуют, хотя в момент кризиса эти Катилины наших дней неизменно ставят карьеру и свое «я» выше национальных интересов. И в то время как коммунистический аппарат обделяет свои делишки за их широкими юбками, они продолжают упорно твердить, что такового в природе не суще-

ствует. Дело Хисса и так называемое расследование Тайдингса показали этот тип людей во всей его красе.

Вот они-то, похоже, самые опасные, поскольку именно они защищают коммунистические ячейки в тот момент, когда появляется возможность полностью их уничтожить. Однако наиболее эффективно действуют — до того, естественно, как аппарат разоблачат — те, кто искренне любит коммунизм, потому что любит человечество. Те, кто предает свои страны из любви к коммунизму и маскирует и предательство, и коммунизм паутиной морали. Среди таких убежденных, респектабельных «пауков», служавших партии вернее, чем тысяча просто платящих взносы, был и Ходзуми Одзаки, сбитый с толку идеалист, ставший главным сообщником Рихарда Зорге.

Метрические записи гласят, что родился Одзаки в Токио 1 мая 1901 года. Он был еще мальчиком, когда его отец перевез семью на Формозу. Переезд был вызван назначением отца редактором тайваньской газеты «*Nichi-Nichi Shimbun*», и Одзаки провел детство и часть отрочества на острове. Жизнь его была спокойной и вполне упорядоченной, что было обычным для семей японского высшего класса. Формоза, однако, была оккупированной территорией, захваченной у Китая за шесть лет до рождения Одзаки, и «многочисленные примеры дискриминации порабожденного народа со стороны японских захватчиков стали причиной сомнений гуманистического характера, терзавших мой ум», писал Одзаки незадолго до своей смерти.

Японское общество пребывало в смятении. Разбуженная от феодальной спячки американским предпринимательством, небольшая, но сплоченная страна едва ли не в одночасье превратилась в современное индустриальное государство. Экономика, базировавшаяся на разного рода ремеслах и домашних промыслах, была преобразована в громадное массовое производство, почти на равных конкурировавшее с Великобританией на азиатском рынке. С военной и экономической точки зрения разгром России в 1905 году и последовавшая индустриальная революция превратили Японию в Англию Дальнего Востока — Англию 1588 года. Хотя и за единственным исключением, делавшим, однако, ситуацию более взрывчатой и искушающе заманчивой: Японии, в отличие от Англии, не противостояли через Китайское море сильные национальные государства. Лишь слабая и раздробленная Китайская империя тряслась перед ней, и только усилия западных империалистов претраждали Японии путь к установлению гегемонии в Азии.

С начала века японская внешняя политика была направлена на вытеснение западного влияния и свертывание политики открытых дверей — единственного гаранта политического и экономического единства Китая. И эта решимость Японии про-

являлась во всем. Так, следующим шагом после захвата Формозы стала оккупация Кореи. А когда во время Первой мировой войны силы западных держав оказались связаны в Европе, Япония воспользовалась этим обстоятельством, чтобы навязать Китаю свои гнусные «21 требование», которые фактически обеспечивали бы ей контроль и над всем материковым Китаем.

Однако мускулы японской империи были пока накачаны недостаточно, чтобы противостоять давлению Англии, Франции и Америки, требовавших снять условия, выставленные Японией Китаю. Но случавшиеся время от времени покушения на германские интересы в провинции Шантунг стали постоянными — и это был первый шаг на пути к целенаправленному проникновению в китайское государство. И почерк Японии становился все заметнее на изорванной в клочья карте Азии.

Однако в самой Японии издержки индустриализации повсюду бросались в глаза. Лишенный машинами индивидуальности рабочий оказался беззащитен, при том, что жесткое патерналистское общество могучим барьером стояло между ним и профсоюзными организациями. Традиция раболепного, подобоострастного отношения к властям сделала эти организации вялыми и беззубыми. Рабочий день был длинным, плата — ничтожно низкой, широкое распространение получил детский труд. Военщина уже подбиралась к власти, приобретя немалое влияние, а налоговое бремя, взваленное властями на плечи людей, неудержимо росло. Высший класс еще по-прежнему устаивал своим вниманием искусство и литературу, но это был не более, чем фасад, за которым скрывались тревожные реальности современной жестокой эксплуатации.

В такой вот обстановке и вырос Одзак. Конец Первой мировой войны знаменовался ростом надежд на исполнение американской мечты, и как вспоминал Одзак, он находился под влиянием «фривольной американской пропаганды свободы и мира, которая открывала перед ним бескрайние перспективы». Хотя следует сказать, что это была в те годы не пропаганда, и она не была фривольной, но к сожалению, эти проамериканские чувства были очень скоро промотаны циничными эманациями из Версаля, куда президент Вильсон отправился на мирную конференцию в тоге из идеалов и откуда вернулся голым. Сделки и контрсделки, раздел территорий и власти между союзниками-победителями разрушили американское моральное превосходство и влияние. Расчленение Австро-Венгерской федерации, дележка колониальной добычи, возня с перекройкой карт закладывали семена грядущих войн, а закоснелая, вечная аморальность международного сообщества уже готовила почву к тому, чтобы оправдать их. И никто не понимал этого лучше японцев.

Образовавшийся пропагандистский вакуум заполнила ново-рожденная система иллюзий, гальванизировавшая мир, – русская революция. Из пепла войны возродилась «свобода» – и повсюду палец Ленина стучал в людские головы.

Реакция Одзаки на эти события была несколько запоздалой, и внешне его жизнь нисколько не изменилась. В 1919 году он закончил среднюю школу в Тайхоке, и перед отъездом в Токио для поступления в Первую высшую школу (американский аналог начального высшего образования) отец взял его «на поклонение в Тайваньский Храм, где и велел мне стать человеком, служащим своей стране». В тюрьме Сугамо, писал он, «я вспомнил об этом». Но, похоже, он так до конца и не осознал всю иронию подобных воспоминаний.

Именно в Токио и начали закладываться основы его последнего образа жизни. Как студент курса В, литературного отделения, он с головой ушел в изучение европейских классиков. Выучив немецкий, он стал читать немецких философов и поглощать в огромных количествах труды по историческому материализму, без которых марксизм и бессмыслен, и невозможен. В 1922 году он перевелся в Токийский университет, где изучал юриспруденцию, по-прежнему желая стать правительственным чиновником. Но его давно копившееся негодование против японского общества достигло точки кипения, когда он своими глазами увидел первую облаву, устроенную полицией на коммунистов и коммунистически настроенных студентов. Это событие вызвало «справедливое общественное негодование». И на него оно подействовало столь же сильно, как и несчастная любовь, погнавшая его обратно на Формозу в состоянии глубокой депрессии.

Однако сердце Одзаки было лишь слегка разбито, и если это и оказало какое-то влияние на становление его как человека, то весьма незначительное. Дома, выздоравливая от любовной болезни, он проштудировал биографии Фердинанда Лассалья, основателя Германской социал-демократической партии и социалиста немарксистского толка. От Лассалья Одзаки перешел к гегелевской диалектике, к историческому детерминизму, готовя почву для восприятия диалектического материализма и далее – научного коммунизма. Впоследствии в своем признании Одзаки заметил, что он находился «под впечатлением» идей Лассалья.

Мысли о глобальных проблемах помогли смягчить и утишить боль от неразделенной любви, и в 1924 году Одзаки вернулся в Токио, чтобы сдать экзамены на степень доктора политических наук, после чего вновь принялся за изучение юриспруденции в Токийском императорском университете. Однако правительственная служба, к которой он когда-то так стремился, уже не пред-

ставляла для него большого интереса. Выйдя из университета, он сразу же вступил в японский аналог американского Клуба общественных проблем. Такие клубы были организованы коммунистами в колледжах и университетах по всему миру — весьма неглубокий и удобный способ распространения марксистской теории и вербовки новых членов партии. Возглавлял клуб молодой помощник профессора, и именно он познакомил Одзаки с бухаринским «историческим материализмом». «Я посвятил этому больше всего времени», писал Одзаки о своих встречах на коммунистических семинарах.

Он серьезно взялся за систематическое изучение марксистской литературы. «Манифест», «Капитал» и работы более ранних классиков стали для него первыми вехами на пути изучения марксизма. Но вскоре он уже читал ленинскую работу «Государство и революция», «Проблемы социализма» Сталина, полемические работы Карла Радека и всю ту коммунистическую пропаганду, что постоянным потоком шла в коминтерновский «Inprecorr» — издание, которое готовили корреспонденты-международники и которое печаталось в Москве на всех основных языках мира. В 1925 году он получил юридическую степень и примкнул к коммунистической партии на правах ассоциированного члена.

Но Одзаки не замыкался в каком-то сыром углу политической преисподней. В университете он жил веселой жизнью богатого студента. Его любили, им восхищались, у него было много друзей. Так исподволь вкладывал он капитал в свои будущие успехи в качестве советского шпиона.

В докладе, подготовленном Генеральным штабом Дальневосточного командования по группе Зорге, так называемом «Докладе Уиллоби», была дана соответствующая оценка значимости дружеских студенческих связей Одзаки.

Любой выпускник (Токийского императорского университета) мог быть уверен, что подавляющее большинство его однокашников станут в будущем руководителями японского делового, интеллектуального и правительственного мира. Человек из окружения Одзаки, будучи никем в 1925 году, к 1940 году уже мог занять высокий пост, предполагавший огромную ответственность за всю Японию, особенно в управлениях и министерствах императорского правительства. Любой молодой человек, обладающий блеском Одзаки, был просто обязан поддерживать близкие дружеские отношения со многими людьми, которые знали бы в будущем почти все, что можно было знать о жизни страны, и которые всегда могли поделиться своими знаниями с доверенным человеком. И если этот доверенный человек превращался в предателя, секреты его страны непрерывным потоком направлялись к врагу.

Весь следующий год Одзакэ продолжал жить в мечтах и размышлениях — «гулять в тенистых рощах», но в 1926 году, закончив свое образование, поступает на работу в токийскую газету «Асахи Симбун». И тайно вступает в Kanto Publication — союз рабочих, под именем Генкиши Кусано, своим первым псевдонимом, который он позаимствовал у Мерисаки Генкиши, лидера японских сельскохозяйственных рабочих, арестованного вместе с семьей в студенческие годы Одзакэ. В 1927 году он перешел из «Асахи Симбун» в «Осака Асахи» и на следующий год отправился в Шанхай в качестве специального корреспондента. Это был поворотный момент его жизни.

Китай находился в кризисе. В 1911 году революция Сун Ятсена свергла маньчжурскую династию, но страна ни на шаг не продвинулась в направлении демократии, как на то надеялись китайские идеалисты. Военачальники и региональные лидеры раскололи некогда единую нацию на воюющие между собой группы, которые они могли контролировать. И первой партией, достигшей в некотором роде господства в стране, был Гоминдан, возглавляемый доктором Суном, принявшим на вооружение план постепенного, шаг за шагом, реформирования Китая. Три фазы Суня стали официальной программой Гоминдана — и остаются таковыми по сей день.

Это:

- (1) Объединение Китая под началом военного диктатора.
- (2) Период «политической опеки», во время которого стране можно было преподавать методы демократического управления.
- (3) Когда люди научатся пользоваться своими политическими правами — тогда и появится оперившееся конституционное правительство.

Основными лозунгами революции Сун Ятсена были претворение в жизнь трех принципов народовластия. Если говорить кратко, они призывали к сильной китайской политике и культурному национализму, к правительству, облеченному квази-диктаторской властью (сдерживаемой, однако, правом народа на выборы, отзыв политиков, правом на законодательную инициативу и референдум) и к форме кейнсианского социализма для регулирования капитализма, с тем, чтобы уравнивать доходы владельцев земельных наделов и предотвратить любой социальный взрыв как проявление марксистской классовой борьбы. Этим последним пунктом Сун прямо дал понять, что в Китае не должно быть ни диктатуры пролетариата, ни классовой борьбы — в них нет необходимости.

К сожалению, Гоминдан оставался партией свободно ассоциированных членов, без какой-либо жесткой организацион-

ной структуры. И чтобы укрепить организацию, Сун Ятсен совершил одну из величайших ошибок в истории — заключил союз с китайскими коммунистами и III Интернационалом. Якобы для укрепления партийной организации. Коммунисты предоставили Гоминдану своих специалистов и организаторов. Между Сун Ятсеном, представлявшим Гоминдан, и Адольфом Иоффе, представителем Коминтерна, было заключено торжественное соглашение, в котором оговаривалось, что китайским коммунистам будет позволено вступать в Гоминдан на «индивидуальной основе», что помогло бы Гоминдану «укрепить дисциплину». Этот оформившийся в 1924 году «объединенный фронт» между Гоминданом и коммунистической партией Китая, имевшей к тому времени 30-летнюю историю, в 1924 году, оказался для Китая роковым.

Михаил Бородин, представитель Коминтерна, приехал в Кантон, привез с собой массу агентов, организаторов, подпольных активистов, прошедших обучение в Москве. Оставил свой пост в Сибирской Красной армии генерал Блюхер, чтобы заняться обучением китайских вооруженных сил и помочь Чан Кайши в организации военной академии в Вампоа, ставшей китайским аналогом Вест-Пойнта. Под руководством Бородина Гоминдан был реорганизован в соответствии с советской установкой на централизованный контроль, доходивший до самого мелкого подразделения.

В то время как китайские красные постепенно занимали все ключевые посты в Гоминдане, Ли Дачжао торжественно заявлял, что «вступая в Гоминдан, коммунисты... не имеют ни малейшего намерения превратить его в коммунистическую партию. Те коммунисты, которые вступают в Гоминдан, делают это на индивидуальной, а не на партийной основе». И даже в тот момент, когда произносились эти слова, Коминтерн продолжал свои интриги против Гоминдана и упорно продолжал свои посягательства на китайское национальное единство.

Советская тактика предполагала двойной уровень лицемерия. В 1919 году Ленин отказался от всех царских территориальных претензий к Китаю и от экономических концессий. Историк Гарольд Виначе описывает в общих чертах последовавшее за этим предательство («История Дальнего Востока в современном мире», Нью-Йорк, 1941): «Методы, применяемые Иоффе и его преемником Караханом, были следующими: (1) играть на струнах контраста между западным капиталистическим империализмом и неимпериалистическими целями новой [sic] России; (2) Стравливать Китай и Японию на переговорах с обоими; (3) обрабатывать китайскую интеллигенцию, обеспечивая ей поддержку и используя затем эту поддержку для оказания давления на китай-

ское правительство; и (4) установить контакт с Кантоном, местопребыванием властей Гоминдана, и использовать его в качестве рычага давления [на правительство] в Пекине».

К моменту смерти Сун Ятсена в марте 1925 года, коммунисты уже были в состоянии прибрать к рукам центральную партийную машину Гоминдана. И единственной силой, способной противостоять им, был Чан Кайши, который завоевал поддержку некоммунистических профсоюзов, могущественной китайской диаспоры и современного среднего класса в городах. В 1926 году Чан мог с помощью дворцового переворота свалить красную власть в Гоминдане, хотя и поддерживал внешне сердечные отношения с Бородиным. И тут советская высокая стратегия в Китае вдруг резко изменилась.

До сих пор русские противились «северной экспедиции» — кампании против милитаристов в Северном Китае для расширения влияния Гоминдана, и торопили с объединением Китая, ибо русские боялись, что если кантонское правительство станет слишком могущественным до того, как стать полностью коммунистическим, оно может уйти из-под их контроля. Но после успехов Чана Бородин принялся торопить с «северным походом» — мечтой Сун Ятсена с 1917 года.

Чан играл на руку Блюхеру. Пока Чан, следуя кампании, спланированной Блюхером, начал покорение северных территорий, Бородин и коммунисты вновь консолидировали свою власть в Кантоне. И пока Чан отсутствовал, его сместили с поста главнокомандующего гоминдановской армией и вывели из членов постоянного комитета, управлявшего партией.

Но, победив в военной кампании, Чан вернулся, чтобы перейти свой Рубикон. Гоминдан был расколот, и Чан преодолел этот раскол, изгнав коммунистов со всех властных постов. Он перебрался в Шанхай, захватил город и принялся безжалостно истреблять коммунистов, пытавшихся нанести ему удар в спину. К 1928 году Чан фактически завершил объединение Китая, основав столицу в Нанкине и подав в отставку со всех военных и гражданских постов. Однако коммунисты продолжали оставаться страшной угрозой единству и мирному развитию Китая. Изгнанные из городов, они перебрались в сельские районы, придав ленинизму сельскохозяйственный уклон. Мао Цзэдун занял господствующее положение в коммунистической партии, а Лу Синь, настаивавший на военном нападении на городские центры, вернулся в Москву.

Таков был Китай, который приветствовал Одзаки Ходзуми. Шанхай все еще трясло при воспоминании о чистках, проведенных Чаном, и для убежденного марксиста, каковым был Одзаки, новое китайское государство казалось омерзительным. На фоне

триумфов Чана он смог лишь написать: «Недавняя народная революция, породившая национальное правительство в Нанкине, вместе с тем принесла с собой и мощную волну коммунистических настроений». Хотя по общему мнению, настроения эти были свойственны в основном для международных сеттльментов, к тому времени уже кишевших советскими агентами. Одзаки смог также написать об усилении западного влияния: «Пресловутый знак «Собакам и китайцам вход воспрещен» в парке на Шанхайской набережной снят, но англичане по-прежнему здесь истинные хозяева»*.

Работая в Шанхае в качестве корреспондента, Одзаки поддерживал контакт с самыми левыми группами в городе — со студентами и коммунистами, ушедшими в подполье. Время от времени он публиковал свои статьи под псевдонимами в журнале левой литературной группы — творческого общества Sozo Sha, а также встречался с коммунистически настроенными японцами — студентами Восточно-Азиатской школы сценаристов, и при всяком удобном случае посещал книжный магазин «Zeitgeist» (Дух времени), расположенный во французском сеттльменте. Этот магазин, центр коммунистической активности, держала миссис Ирэн Вайдмейер. Осенью 1929 года миссис Вайдмейер представила Одзаки Агнес Смедли, в то время представлявшей газету «Франкфуртер цайтунг» на Дальнем Востоке.

Эти двое — Одзаки и Агнес — стали близкими друзьями и вскоре признались друг другу в своих коммунистических симпатиях. И сначала из журналистской солидарности, а потом и с ясным пониманием того, кто в конце концов будет получателем, Одзаки давал мисс Смедли информацию, которую узнавал в процессе своей журналистской работы. В основном это были сведения, беспечно выбалтываемые знакомыми журналистами из «Асахи», и которые Агнес Смедли была совсем не против узнать.

В 1930 году Кито Гиничи, японец, член американской коммунистической партии, получивший назначение в Шанхай, неожиданно позвонил Одзаки в офис. Кито спросил Одзаки, не хотел бы он встретиться с американским журналистом по имени Джонсон? Одзаки знал, что Кито — коммунистический агент, и потому догадывался, что приглашение означает нечто большее, нежели светскую вечеринку. Отделавшись от Кито, он решил

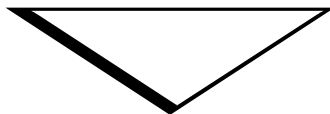
* На самом деле надписи у входов в парки шанхайских международных сеттльментов гласили: «Парки зарезервированы для использования иностранной общиной. Собак в парк не приводить». Но пропаганда убедила весь мир, что надписи гласили: «Собакам и китайцам вход воспрещен».

посоветоваться с Агнес Смедли. Резко, что было вообще характерно для ее манеры, и с легким оттенком страха в голосе, мисс Смедли предостерегла Одзаки от упоминания имени «Джонсон» в дальнейшем*.

Однако через несколько дней Агнес Смедли сама подняла тему «Джонсона». Она могла бы представить их друг другу, сказала она Одзаки, и вскоре в ресторане на Нанкин-роуд был устроен обед. В назначенное время Одзаки был в ресторане. Через несколько минут появилась Агнес и присоединилась к нему. Недолгое ожидание, и вот в ресторан вошел высокий коренастый мужчина. Внимательно осмотревшись вокруг, направился к их столику и приветствовал их на английском языке с грубоватым европейским акцентом. Ходзуми Одзаки встретился с Рихардом Зорге.

* Когда, по предположению Элджера Хисса, Уиттакер Чамберс упомянул имя Ноэля Филда полковнику Борису Быкову, главе советской разведки в Соединенных Штатах, как о вероятно возможном кандидате в шпионы, Быков подобным же образом предупредил Чамберса никогда впредь не упоминать этого имени.

ГЛАВА 4

КОМИНТЕРН ДЛЯ 4-ГО УПРАВЛЕНИЯ

Интересно отметить неожиданную немногословность показаний Рихарда Зорге, когда он переходит к описанию периода 1925–1929 годов в своей шпионской деятельности. Его сдержанность можно объяснить не только желанием быть ближе к делу — он был куда пространней в описаниях своих ранних лет. Похоже, что Зорге знал, что эта эра — одна из опаснейших в истории Коминтерна — была такова, что «охотники за ересью» вполне могли найти свидетельства его идеологических слабостей, независимо от того, какую позицию он тогда занимал. Японцы не собирались проследивать жизнь Зорге со всеми ее европейскими промахами. Они не требовали от него многих фактов, и он позволил себе посвятить лишь несколько абзацев описанию этого периода его жизни.

Слегка коснувшись вопросов становления Коминтерна как организации, Зорге фактически проигнорировал этот богатый период его жизни:

«С течением времени росла необходимость дополнять предварительно полученные данные информацией из первых рук, добываемой агентами разведывательного отдела, действовавшими во всех странах и во все времена [писал Зорге]. Длительное время была распространена практика посылки спец. эмиссаров из орготдела штаб-квартиры Коминтерна на помощь местным партиям в решении стоящих перед ними проблем, и вскоре было принято решение расширить их функции, включив в них и разведывательную работу.

В соответствии с этой политикой я был послан в Скандинавские страны, чтобы заняться разведывательной деятельностью —

как в отношении положения дел в местных коммунистических партиях, так и политических проблем, а также любых вопросов военного характера, которые могли бы возникнуть. Я начал свою деятельность в Дании, заняв, согласно инструкциям, позицию активного руководителя, действовавшего наряду с другими партийными руководителями, и посещая съезды и собрания, бывая в основных партийных организациях страны. [Короче говоря, он был той всемогущей личностью, представителем Коминтерна, который управлял местными компартиями и терроризировал их, во многом подобно тому, как Герхард Эйслер правил американской партией в 30–40-х годах.]

Когда время позволяло, я вел также и разведывательную работу, интересуясь экономическими и политическими проблемами Дании и обсуждая свои наблюдения и открытия с партийными представителями, включая их мнения и оценки в отчеты, которые я посылал в Москву. Затем я из Дании отправился в Швецию, чтобы и там подобным же образом изучать местные проблемы.

[Вернувшись в Москву] в 1928 году, я принял участие в работе полит. комитета на II Всемирном конгрессе Коминтерна, а после конгресса вновь отправился в Скандинавию, на этот раз в первую очередь из-за тяжелой ситуации, сложившейся в компартии Норвегии... Всевозможные партийные проблемы серьезно осложняли мою разведывательную деятельность в экономической и политической областях. Поступил приказ отправиться в Англию, где мне велено было заняться изучением рабочего движения, положения в коммунистической партии, а также политических и экономических условий в Британии в 1929 году. Инструкции предписывали мне оставаться в стороне от внутрипартийных споров, что полностью совпадало с моим личным желанием и давало мне возможность уделять больше внимания политической и экономической разведывательной работе, чем это было в Скандинавии». (Зорге ошибся — VI конгресс.)

Это восхитительно уклончивое описание, возможно, и удовлетворяло японские власти, но все это не более, чем слова. Между 1924 и 1927 годами, когда Зорге напряженно работал в коминтерновском центре в Москве, Советский Союз и все коммунистические партии в мире сотрясала борьба титанов — Сталин объединился с Зиновьевым, главой Коминтерна, чтобы сокрушить Троцкого. А когда Троцкий был убран с дороги — выслан в Алма-Ату, — Сталин объединился с Вухариным, чтобы изгнать Зиновьева. Сцена для московских процессов была установлена в отеле-люкс, где руководителей Коминтерна из других

стран держали в изоляции во время их пребывания в Москве, проводя тайные консультации для «чистых» иностранных коммунистов, в то время как «нечистые» — те, кто находился в опале из-за поддержки антисталинских фракций, — пребывали в смятении и страхе, надеясь вернуть милость.

На московских улицах поднимался мятеж в защиту Троцкого: состоялись тысячи полуподпольных встреч и собраний в его поддержку, о которых известно было тайной полиции, опасавшейся, однако, что-либо предпринимать. В других крупных городах имели место серьезные беспорядки, когда русские коммунисты пытались дать отпор грядущей диктатуре Сталина — идеологического наследника Ленина. Делегаты конгресса Коминтерна и лидеры зарубежных компартий, фланируя из Москвы и обратно, надеялись с помощью лести и жалоб обеспечить поддержку своим фракциям со стороны Сталина. Левые оппозиционеры, хотя и не во всем согласные с Троцким, но выступили против Сталина, стоявшего за сохранение прежнего контроля над местными компартиями со стороны коминтерновского аппарата. Но даже там, где они имели большинство голосов, сталинская тактика нажима с использованием рычагов партийной машины обрела их на поражение.

Как коминтерновский бюрократ, Зорге мог наблюдать эту борьбу за власть в России. Он был достаточно незначительной фигурой, чтобы позволить себе оставаться вне линии огня в разгоревшейся борьбе между Сталиным и старыми большевиками, но и он должен был весьма искусно лавировать, поскольку многие второстепенные служащие Коминтерна бывали изгнаны и за куда меньшие ереси. Зорге, как и большинство немецких коммунистов, склонялся на сторону левых оппозиционеров и Троцкого, но оказался достаточно проницательным и хитрым, чтобы приспособиться к требованиям момента. Он был солдатом, присягнувшим на верность партийной дисциплине, и будучи в Москве, скрывал свои истинные симпатии, точно так же, как позднее скрывал их в Токио.

Когда его послали в Англию и Скандинавию, его целью было не только наладить сбор военной, политической и экономической информации, но и в равной степени чистка компартий от левой оппозиции. В Англии, кроме того, перед ним стояла куда более трудная задача — восстановление британской компартии. Расколотая левым и правым фракционизмом, она понесла также большой урон после налета полиции в мае 1927 года на «Arcos Ltd.» — русскую торговую компанию в Лондоне, во время которого британская полиция обнаружила дискредитирующую инфор-

мацию, убедительно доказавшую, что советские агенты пытались красть британские военные секреты, а советские официальные представители в Лондоне куда больше времени посвящали созданию сложностей для Великобритании и ее колоний, нежели развитию торговли между двумя странами.

Получив задание склеить то, что разбилось, Зорге сделал все, что было в его силах. Но 1927 год оказался плохим годом для Советского Союза. Коммунистов повсюду ловили на том, что они были заняты чем угодно, только не освобождением человечества от золотых цепей капитализма. Во Франции члены муниципальных советов и члены партийного секретариата попались на шпионаже. Жак Дорио, ставший позднее нацистом, был арестован и заключен в тюрьму за революционную деятельность во французских колониях.

Сильнейшим ударом для Сталина и Коминтерна стали новости из Китая. Через неделю после того, как российский лидер публично похвалил Чан Кайши и обменялся с ним портретами, Чан начал чистку Гоминдана от коммунистов. Тысячи их были убиты во время бойни в Шанхае. Еще тысячи — в Ухани. А когда по приказу Сталина китайские коммунисты провозгласили Кантонскую коммуну, бросив тем самым вызов Чану, они были также истреблены. Достигшие Москвы новости были столь ужасны, что некоторое время казалось, что сталинский политический режим вот-вот рухнет. И лишь отсутствие согласия между троцкистской группой и другими левыми оппозиционерами спасло Сталина от поражения. Сталин отступал по всем фронтам, и его политические враги вполне могли бы покончить с ним раз и навсегда. Китайская коммунистическая революция потерпела сокрушительное поражение — и китайская компартия уцелела лишь благодаря гению Мао Цзэдуна и других «красных» дилеров Китая. Коммунисты в Москве видели лишь кровоточащие останки от обещанной им победы.

Таковыми были времена, в которые жил Зорге и которые так скупко описал, позволив себе лишь осторожно включить в свое «признание» похвалу в адрес коминтерновских функционеров — Лозовского, Мануйловского, Пятницкого и Куусинена, которые продолжали поддерживать жизнь в умирающем Коминтерне, в то время как творцы русской революции уничтожали друг друга. Эти люди защитили Зорге, когда ЦКК — комитет по надзору за мыслями и комитет по террору — воспользовалась просчетами Троцкого и принялась за чистку рядов левых оппозиционеров с помощью взяток, подкупа и шантажа, а также долгих страшных допросов, подавлявших волю и способность к борьбе.

Есть некоторые основания предполагать, что у Зорге не было склонности к фракционизму, заполонившему Коминтерн. Докладывая о результатах своей английской миссии Куусинену, возглавлявшему коминтерновскую разведку и оргбюро, Зорге пожаловался, что необходимость вмешиваться в партийные ссоры серьезно осложняла его шпионскую деятельность.

«Я высказал следующие основополагающие предложения, — писал Зорге в своем «признании», — что, выполняя разведывательную программу, следует держаться подальше от внутренних склок, контролируя местные партии... Такое разделение, сказал я, было также настоятельно необходимо из-за требований секретности, зачастую необходимых в разведывательной работе. По возвращении в Москву агентов-шпионов, работавших в зарубежных странах, необходимо было бы держать более обособленно от остальных организаций Коминтерна, чем это было в прошлом». Зорге воочию видел слабость коминтерновского аппарата во время своих миссий в Скандинавию и Англию. Так, например, чтобы передать информацию, он вынужден был перепоручать ее местным компартиям и их собственной курьерской службе, и потому зачастую с материалами чрезвычайной важности ему приходилось возвращаться в Берлин, чтобы самому увериться в надежности передачи. Он понял, что единственным решением в этой ситуации было бы создание шпионского аппарата, действующего по линии военной разведки.

Была у него и куда более тонкая причина практического характера требовать разделения коминтерновской и чисто шпионской деятельности. Сидя в Москве и наблюдая, как сталинская машина приобретает все большую и большую власть, Зорге понимал, что Коминтерн, как независимая коалиция коммунистических партий, обречен. «На примере моей карьеры можно проследить, как менялось руководство революционным рабочим движением со стороны... Коминтерна, — вынужден был написать он, оглядываясь назад. —...Раньше руководящая секция Коминтерна была независима во всех отношениях... Она консультировала в том числе и руководителей русской коммунистической партии... Ныне руководители Коминтерна не могут позволить себе действовать независимо от русской коммунистической партии... как они когда-то действовали, в годы зиновьевского руководства Коминтерном». А русская партия, как это хорошо знал Зорге, это и русское правительство, и Советский Союз.

Руководству Коминтерна не понравились предложения Зорге по разделению полномочий, и оно не одобрило их. Однако Коминтерн более не контролировал ситуацию. Зато 4-е Управле-

ние Красной армии (разведка) сразу же обратило внимание на мысль Зорге, ибо в Китае оно предоставило несколько своих лучших людей в распоряжение Коминтерна и при отступлении красных эти люди были уничтожены. И теперь разведке требовались люди, которые не были бы открыто связаны с коммунистическими функционерами и, укрывшись за поддельные мандаты и занятия, могли бы заниматься исключительно шпионской деятельностью и благополучно пережить любые изменения общественного мнения по отношению к коммунистам, т. е. могли бы перенести все, кроме одного — разоблачения.

Как только предложения Зорге дошли до руководства Красной армии, 4-е Управление немедленно перевело его под свою юрисдикцию, и сам Зорге так никогда и не узнал доподлинно, был ли он членом оргбюро Коминтерна, или же оперативником НКВД, или же просто членом Советской коммунистической партии, отданным на время Красной армии. Однако с того момента в 1929 году, когда он был передан в 4-е Управление, ему пришлось прекратить всяческие контакты с «официальными» коммунистами. Будучи в Москве, он тайно навещал Пятницкого, Куусинена и других функционеров, но контакты эти были светскими и — неофициальными.

«Я начал готовиться к разведывательной деятельности в своем номере в отеле или в домах различного местоположения [предпочтительнее не в штаб-квартире местной компартии]... Свои отчеты я посылал в... 4-е Управление, которое снабжало меня всеми техническими средствами [телеграфная связь, радисты] и оказывало другую помощь, необходимую в моей работе».

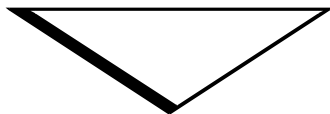
Зорге приступил к вербовке в Европе других агентов-шпионов, выискивая их среди паствы сочувствующих и партийных симпатизантов и отбирая среди надежных коммунистов. Его обаяние и интересная внешность оказались сильным оружием при вербовке женщин, и личный подход зачастую оказывался столь же эффективным, как и идеологический. Именно тогда Зорге завербовал Геду Мэссинг, ставшую впоследствии женой Герхарда Эйслера, и представил ее Игнасио Рейссу, одному из высокопоставленных представителей Красной армии в Европе.

Но Зорге интересовал Дальний Восток. Катастрофа в Китае убедила его в том, что именно здесь и находилось то место, где он мог бы действовать наиболее эффективно и где его таланты пригодились бы более всего. С немецкой дотошностью изучив этот регион, он попросил о назначении его в Китай. Просьба его была немедленно удовлетворена.

Последовали встречи с генералом Берзиным, главой разведки Красной армии, с членами коллегии Министерства иностранных дел и с некоторыми высокопоставленными руководителями Коминтерна, прежде чем Зорге получил задание: собирать всю возможную информацию о японской деятельности, намерениях, боевых порядках и операциях в Китае. Была и второстепенная задача — сообщать обо всем интересном, с чем он столкнется.

В январе 1930 года Рихард Зорге прибыл в Шанхай. У него было ненадежнейшее из прикрытий — удостоверение корреспондента немецкого социологического журнала. Однако в Шанхае, набитом под завязку шпионами, пропагандистами, искателями приключений, авантюристами и идеалистами, этого было вполне достаточно.

ГЛАВА 5

ШАНХАЙСКОЕ ДЕЙСТВИЕ : «КРАСНЫЙ» ВАРИАНТ

В конце 20-х – начале 30-х годов Шанхай напоминал съёмочную площадку своим смешением языков, грозными призраками прекрасных авантюристов, сексом, политиками и полуночным террором. Но в фокусе нашего повествования – значительные события, происходившие за шумом и трескотней туземных районов города, среди дорогих витрин, широких авеню и относительного порядка международных селтльментов, где истинные хозяева Китая раскручивали маховик своего бизнеса. Ибо коммунистические агенты, приехавшие в густонаселенный город, попрятали свои плащи и кинжалы в укромных местах и переоделись в одежды прозаических бизнесменов, газетчиков и усердных благодетелей рода человеческого. Мизансцена, возможно, была экзотической, но сами коммунистические агенты действовали в Шанхае с тем же успехом, что и в Вашингтоне.

Небольшая армия этих агентов была послана 4-м Управлением Красной армии, Коминтерном и другими придатками советской системы подрывной деятельности. И в то время как китайские коммунисты и их разрозненные армии, ведомые Мао Цзэдуном, ушли в сельские районы страны зализывать раны и готовиться к грядущим битвам, их белые товарищи прикрывали береговую линию. Советские агенты, обосновавшиеся вдоль всего побережья Китая, сглаживали свои марксистские разногласия. Они больше не призывали к революции. Их миссия – быть глазами и ушами советского Министерства иностранных дел. А пропаганда и агитация составляли лишь малую толику их работы – так, поверхностная активность, которая вела к образованию таких организаций, как Китайская лига гражданских прав под началом Агнес Смедли или Всекитайская конфедерация труда.

Все они вдохновлялись и финансировались Вилли Мюнзенбергом, создателем методики функционирования коммунистического фронта.

Головной организацией для многих коммунистических ячеек и параллельных групп, процветавших в Шанхае, был секретариат Всетихоокеанского торгового союза (PPTUS), находившийся под контролем Коминтерна. Подобно многим коминтерновским отпрыскам, действовал он, не очень-то оглядываясь на родителя — Дальневосточное бюро, расквартированное в Берлине. Впоследствии эта штаб-квартира избежала гитлеровского террора, разделившись, подобно амебе, на две половинки — одна отправилась во Владивосток, другая — в Шанхай.

Всетихоокеанский торговый союз действовал в Китае на двух уровнях. Первый — организационный. Зорге описал его как поставщика «связных и шифров для связи с Нью-Йорком, Лондоном и Москвой». В своем признании Зорге посвятил несколько страниц собственным попыткам размежевать китайских коммунистов, другие группы и пропагандистские фронты. Сам он при этом действовал как хозяин, посещая шпионских сановников и прелатов и контролируя пеструю толпу разнородных оперативников.

Второй уровень — политический: подрывная деятельность, шпионаж, агитация. Между функциями Коминтерна, 4-го Управления и советской компартии в Китае не было четко проведенной демаркационной линии. В признании Зорге посвятил несколько страниц описанию своих попыток разграничить оперативные границы каждого аппарата, но тщетны были его старания. Все три организации работали независимо друг от друга, и в то же время вместе, с доминирующим организационно Всетихоокеанским торговым союзом и 4-м Управлением Красной армии во главе с генералом Берзиным, руководившим непосредственно шпионской деятельностью. Сам Зорге, хотя и получал приказы из 4-го Управления, являлся также и «главой Дальневосточной группы секретного отдела ЦК КПСС».

Основанный в 1927 году, Тихоокеанский торговый союз возглавлялся рядом высокопоставленных коминтерновских агентов. Первым его руководителем, «избранным» в момент рождения этой организации, был Эрл Браудер, которого в 1929 году сменил Герхард Эйслер, посланный в Китай с заданием выкорчевать троцкизм, пышно расцветший после кровавого поражения китайских сталинистов. В свою очередь Эйслера сменил другой немец, Артур Эверт, который в конце концов оказался в бразильской тюрьме как подпольный лидер подавленного коммунистического путча 1935 года. Преемником Эверта был Юджин Деннис, действовавший под псевдонимом Пол Уолш. Дальневосточное бюро

ежегодно вливало по полмиллиона долларов в казну Тихоокеанского торгового союза, и сумма эта прирастала еще и прибылями от «законного» бизнеса, такого, как, например, огромная экспортно-импортная фирма, основанная комитетом в Шанхае.

Постоянный офис Коминтерна также находился в Шанхае, и функции его были в той же степени политическими, как и у самого Коминтерна. Представляя всемирную коммунистическую организацию, этот офис должен был проводить в жизнь «Тезисы о революционном движении в колониях и полуколониях», основную часть доктрины, провозглашенной на VI Всемирном конгрессе Коминтерна в 1928 году. Пункт 4 этой дерзкой и, по сути, новой программы для Китая, призывал к «свержению милитаристов и Гоминдана». Эйслер был связан с этим филиалом Коминтерна, но руководили им сначала Поль Рутг (псевдоним «Хиллари Ноуленс», псевдоним «Вандеркрайзен» и еще — 10 других имен. Он снимал четырнадцать квартир и имел по крайней мере семь банковских счетов в банках Шанхая) и Карл Лессе, лишь однажды фигурирующий в рассказе Зорге. Эта коминтерновская группа фактически являлась связной между Москвой и китайской компартией.

В Шанхае также действовала и группа Красной армии под руководством генерал-майора Тео (псевдоним «Фролик»), которая установила связь с китайской Красной армией. Группа Тео находилась в тесном контакте с аппаратом 4-го Управления в Харбине, занимавшимся политической и военной разведкой под началом Гломберга-Отта. Харбинская секция служила также в качестве почтового ящика для других шпионских групп, действовавших на территории Китая, а поначалу и для Рихарда Зорге, пока для быстрой передачи данных в Москву не была приспособлена радиосвязь.

Задолго до того как Зорге получил назначение в Шанхай и на Дальний Восток, там уже существовала крупная и достаточно активная группа, выступавшая в качестве связного между Шанхаем и харбинским аппаратом. Руководил ею американец «Джим», а в состав ее входил и американский вице-консул в Харбине Тичо Лиллестром. В группу «Джима» входили исключительно белые, и если в прибрежных городах она могла действовать без особых затруднений, обманывая обитателей иностранной колонии, то среди японцев и китайцев это было невозможно.

В апреле 1929 года, менее чем за год до прибытия Зорге в Шанхай, членом этого аппарата стал Макс Клаузен, крупный немец плотного сложения, не обладавший ни великим интеллектом, ни хитростью и коварством, но знавший, однако, почти все о радио. Он мог передать информацию, установить передатчики и держать все их отдельно, в разобранном виде. И столь

велико было его искусство, что в токийские годы он сумел соорудить достаточно малый передатчик, чтобы его можно было поместить в портфель, но при этом столь мощный, что сигнал доходил до Сибири.

Во многих отношениях он сильно отличался от Зорге и Одзаки, будучи сыном бедного лавочника и получив минимальное образование на одном из небольших островов близ земли Шлезвиг-Гольштейна, где он родился. Когда мальчик подрос, он пошел учиться ремеслу к местному кузнецу, по вечерам посещая ремесленную школу, где неожиданно обнаружил огромные способности к технике. В 1917 году его призвали в армию и направили в радиочасть немецких войск связи на Западном фронте.

«В годы моей ранней юности, — признавался позднее Клаузен, — у меня не было интереса к политике, но попав в армию, я встретил там много солдат, особенно среди своих непосредственных начальников, буквально пропитанных коммунистическим мировоззрением и занимавшихся коммунистической пропагандой. Армейская жизнь... благоприятствовала распространению этой доктрины». А окончательно обратил его в коммунистического симпатизанта кузнец, в мастерскую которого Клаузен вернулся после войны.

Дрейфуя от работы к работе, Клаузен добрался до Гамбурга, где в 1921 году и стал матросом. Портовые города в те времена были «красными» центрами Германии, и в Союзе моряков продолжилось обучение Клаузена. Безработица, политический переворот и послевоенные отчаяние и безысходность — все убеждало Клаузена в том, что коммунизм — единственный выход, а Россия — рай для рабочих.

В 1927 году Клаузен обратился с просьбой о приеме в Германскую компартию. Но к его досаде, пишет он, «мое заявление не кинулись рассматривать немедленно». В течение шести месяцев партия проверяла его, а сам он занимался агитацией и пропагандой среди матросов, пока, наконец, «экзамен», проведенный Карлом Лессе, в те времена главой контролируемого коммунистами германского Союза моряков, окончательно не решил вопрос о членстве Клаузена.

После этого не прошло и года, а Клаузен уже был на полпути к Москве, получив назначение в 4-е Управление Генштаба Красной армии, где после краткого введения в теорию марксизма получил приказ на марш.

«Секретарь генерала Берзина выдал мне 150 американских долларов и билет от Москвы до Харбина и приказал установить контакт с товарищами в Шанхае. Он показал мне фотографию и сказал, что я должен встретить человека, изображенного на ней, который будет приходить в шанхайский Палас-отель каждый втор-

ник в 5 часов вечера. При этом я должен буду держать газету «Шанхай ивнинг пост» в левой руке и трубку — в правой, и когда товарищ скажет мне: «Как Эрна?», я должен ответить: «Шлет свой привет».

В апреле 1929 года Клаузен связался с «товарищем» — Константином Мишиным, который отвел его в дом № 10 по Рю Доу во французской концессии. Здесь находились жилой дом, школа и мастерская для двух человек. В качестве прикрытия Клаузен использовал работу в автомастерской «Белый Русский», в свободное же время выслушивал длинные и насыщенные полезной информацией инструктажи от Мишина. Первым заданием Клаузена стало собрать мощный коротковолновый передатчик и установить радиосвязь с другой станцией с позывными «Висбаден», расположенной, вероятно, в Хабаровске. Передаваемые тексты писались на немецком или английском языке и перед отправкой шифровались.

Когда Клаузен выполнил это задание, ему было велено собрать комплектующие части для другого передатчика и передать их французскому дипломату для тайной переправки в Харбин. В августе 1929 и самого Клаузена послали в Харбин, где в отеле «Модерн» его встретил курьер, представивший его шефу советских агентов в Харбине Гломбергу-Отту. Спустя несколько дней Гломберг-Отт «пришел один и попросил меня отнести мою рацию в частный дом, принадлежавший американскому вице-консулу Лиллестрому — я решил, что это американский швейцарец».

В доме Лиллестрома Клаузена представили другому американцу, который вскоре ушел. «В течение последующих десяти дней я был занят установкой радиопередатчика [в двух комнатах дома Лиллестрома]. Я сделал все так, чтобы Гломберг-Отт мог сразу начать отправлять в Москву сообщения, касающиеся китайской армии».

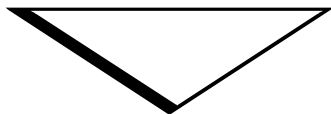
Вернувшись в Шанхай, чтобы продолжить работу в качестве связного группы, Клаузен переехал из дома Мишина в меблированные комнаты с пансионом. Среди обитателей этого дома была и Анна Валлениус, 31-летняя вдова. В Шанхай миссис Валлениус прибыла со своим ныне покойным мужем как беженка из Советов, и хотя она и приходилась невесткой генералу Мартти Валлениусу из генштаба финской армии, денег у нее было совсем немного. После смерти мужа она поначалу зарабатывала на жизнь в качестве белошвейки, а затем устроилась медсестрой в Шанхайскую инфекционную больницу. Обращение, которому она подверглась, находясь в руках большевиков, и ее нынешние стесненные обстоятельства сделали ее непримиримым врагом коммунизма.

Но, по иронии судьбы, Анна Валлениус влюбилась в Клаузена. Он, судя по всему, хороший автомеханик, неплохо зарабатывающий... И Клаузен, хотя и не был полным идиотом, но ответил на ее чувство. И хотя ее политические взгляды были прямо противоположны его убеждениям, как и убеждениям всего шпионского аппарата, Клаузен жил с ней и в конце концов женился на ней, не поддаваясь давлению своих московских начальников, требовавших, чтобы он разошелся с Анной. В показаниях, данных в японской полиции, он говорил о жене пренебрежительно, да и она говорила о муже достаточно зло и враждебно. Но Анна никогда не предавала его. Она отправлялась вместо мужа на несколько опасных заданий и свою ненависть к коммунизму выразила одним, но очень важным, способом: у Макса и Анны не было детей — Анна категорически заявила мужу, что никогда не принесет в мир ребенка от советского агента*.

В январе 1930 года «Джим» передал Клаузена недавно приехавшему Рихарду Зорге. За процедурой, которая последовала, как всегда скрытный и молчаливый «Джим», царь и бог подполья, просто сказал Клаузену: «Твой друг остановился в Анкоре-отеле и хотел бы тебя видеть. Ему удобно встретиться около 10». Этим другом был Джозеф Вейнгарт, которого Клаузен знал еще в Германии. А через неделю Вейнгарт привел Клаузена в другую отель, чтобы «встретиться с человеком, который хочет видеть тебя». Человеком этим был Рихард Зорге. В шпионской карьере Клаузена наступил звездный час. В течение года Зорге стоял во главе всех операций в Шанхае, а Клаузен был шефом радиоподразделения.

* Здесь следует учесть, что Анне в то время было далеко за 30 и что от первого мужа, за которого она вышла совсем молоденькой, у нее тоже не было детей.

ГЛАВА 6

ЗОРГЕ ЗА РАБОТОЙ

Гигантская волна забастовок в Китае уже пошла на убыль, когда Рихард Зорге прибыл в Шанхай, чтобы приступить к выполнению своего задания. Кули, работавшие во французской концессии и международных сеттльментах, похожие на взбесившуюся, сокрушающую все на своем пути машину в попытке сбросить груз белого человека со своих спин, были приведены в чувство китайскими промышленниками, уже почувствовавшими издержки беззакония на своих кошельках. Поначалу эти туземные индустриализаторы поощряли забастовку, предвидя удешевление стоимости рабочей силы, если «белый» бизнес будет изгнан из Шанхая. Но это соединение алчности и «патриотизма» на деле оказалось самоубийственным, и китайцы наконец заставили кули вернуться к работе. Шанхай успокоился до уровня своего обычного бурления.

Прибыв в город сразу вслед за вспышкой гражданской ярости и насилия, Зорге вскоре должен был оставить его. Измученный город вновь был охвачен военным насилием. Однако шанхайский инцидент, предвестник тотальной японской войны в Китае, сделал миссию Зорге вдвое более важной для его хозяев в Москве, что в конечном итоге и привело его в Токио — к успеху и тюрьме Сугамо.

В своей суховатой, немногословной немецкой манере Зорге описывает новую работу под заголовком «Шпионская деятельность журналистов в Китае между январем 1930 и декабрем 1932 гг. А. Организация китайской группы».

«Я приехал в Китай с двумя сотрудниками-иностранцами [«Алекс», глава группы, он вернулся в Россию через шесть месяцев, передав руководство Зорге; Вейнгард, радист, вскоре был

заменен более способным Клаузенем], которые передавали мне приказы и распоряжения, полученные от 4-го Управления Красной армии. Единственным человеком в Китае, на которого, как я знал, могу положиться, была Агнес Смедли. О ней я впервые услышал еще в Европе. Я настоятельно просил ее о помощи в организации моей группы в Китае и особенно в подборе сотрудников-китайцев. Я старался как можно чаще встречаться с ее молодыми друзьями-китайцами, предпринимая специальные попытки поближе познакомиться с теми, кто добровольно хотел бы сотрудничать со мной и работать на иностранцев из-за своих левых убеждений».

Через Агнес Смедли Зорге мог также вербовать белых и японцев. Она же служила и своего рода связным для контактов с теми людьми, с которыми Зорге не мог или не считал для себя возможным встречаться лично.

Миссия Зорге изначально базировалась на уверенности, что «события на Дальнем Востоке неизбежно приведут к серьезным последствиям в великих европейских державах и в Соединенных Штатах, и могут привести к кардинальному изменению существующего баланса сил». В 1945 году Дж. Пауэлл и Д. Истмен сформулировали это более кратко, заявив, что «судьбы мира поставлены на карту в Китае». В 1951 году генерал Макартур рискнул карьерой и репутацией, чтобы сделать этот факт предельно ясным для упрямого, одержимого политикой и «красным» влиянием Госдепартамента времен Трумэна-Ачесона. Что касается Зорге, то еще в 1930 году он осознал важность Дальнего Востока — и получил полное одобрение Москвы. И Зорге оказался прав — он был реалист. А Госдепартамент был неправ — он замечтался.

И в то время как американские дипломаты в Китае приступали к сочинению длинных и энергичных апологий в защиту «аграрных реформ» и «так называемых коммунистов», у Зорге уже был ясный и определенный мандат на то, чтобы «добывать, узнавать и проникать». Обязанности его были четко сформулированы:

«Среди основных вопросов, ответы на которые мы пытались найти с помощью нашей шпионской деятельности, — писал он, — были, например, следующие: какие слои народа поддерживали нанкинское правительство? Какова истинная природа изменений, происшедших в социальной базе правительства? Отношение интеллектуалов было различным, но с расширением правительственных бюрократических структур некоторые из интеллектуалов становились правительственными чиновниками».

Его обширные отчеты, представленные с конца 1930 и до середины 1932 годов, служили основой для осторожного обха-

живания этих классов, особенно правительственной интеллигенции. В конце концов, эти самые люди, неуклонно поднимавшиеся во все более и более высокие эшелоны власти в Гоминдане, и внесли бесценный вклад как в падение националистического правительства Китая, так и в убеждение наивных американцев в том, что именно они, интеллектуалы, и есть самая беспристрастная и «демократическая» оппозиция ужасному тирану, каковым является в глазах общественного мнения Чан Кайши. И когда китайские коммунисты взяли верх, все эти давнишние ниспровергатели тирании гуртом перешли на сторону «красных».

С изгнанием Бородина, Блюхера и других советников китайской национальной армии, Советский Союз утратил главный источник поступления военной информации. И потому эта область деятельности также была передана Зорге. Его попросили собирать:

«... всю возможную информацию о различных дивизиях, поддерживаемых правительством, и о реорганизации китайской армии, проводимой немецкими военными советниками [которые были приглашены еще до эры Гитлера, чтобы вытеснить русских]. Более того, нам пришлось отслеживать все перемещения, происходившие как в высшем военном командовании, так и в вооружении укрепрайонов и военных соединений... Мы постепенно накапливали информацию, касающуюся т. н. дивизий Чан Кайши, оснащенных самым современным оружием, а также дивизий сомнительной надежности... Факты такого рода я получал главным образом через китайцев — членов моей группы, но кроме того важную информацию я получал лично от немецких военных советников и бизнесменов, занятых импортом оружия...

Мне [также] было приказано постоянно собирать информацию, касающуюся внешней политики нанкинского правительства... Было очевидно, что она находилась в большой зависимости от Англии и Соединенных Штатов и что с практической точки зрения подобная внешняя политика выступала в качестве платежного средства.

Было очень интересно наблюдать эту политику опоры на британскую и американскую поддержку во время шанхайского инцидента в 1932 году. Англия и Соединенные Штаты предпринимали отчаянные усилия с целью помочь нанкинскому правительству в его противостоянии с Японией».

В то же время Зорге не спускал глаз с британских и японских сделок с антикитайскими фракциями. Даже в те дни Великобритании «использовала Гонконг как базу для маневров» против Чан

Кайши — то есть проводила политику, которая и увенчалась успехом в 1950 году, когда «антикоммунистическое» лейбористское правительство Англии с неприличной поспешностью признало китайское коммунистическое правительство.

Планы нанкинского правительства разрешить, наконец, извечный китайский сельскохозяйственный кризис, также входили в круг интересов Зорге. Как и вопросы промышленного развития. Китай предпринимал попытки ускоренного развития своей текстильной промышленности — и достаточно успешные, чтобы угрожать интересам японских текстильщиков. Китай также создавал новые арсеналы и обновлял старые в ответ на растущую японскую военную угрозу в Китае и Маньчжурии. «Я был в состоянии точно определить производственные возможности нанкинских и ханькоуских арсеналов, получая официальные диаграммы, стат. отчеты и другие конкретные документы. Мне также приходилось анализировать полученную информацию о китайских воздушных трассах». Эта и другая информация была поистине бесценной для китайских коммунистических армий.

От «молодого сотрудника американского консульства», из осторожности не названного, и от Агнес Смедли Зорге получал информацию о роли США в тихоокеанском регионе.

«Американская деятельность в Китае, состоявшая главным образом в крупных вложениях в радиовещание и авиационную промышленность, систематически направлялась американскими бизнесменами и торговым атташе из шанхайского консульства. Соединенные Штаты развили также дипломатическую активность в связи с проблемой экстерриториальных прав и прекращением военных действий в Шанхае».

В последней области США пользовались поддержкой Великобритании, безнадежно взиравшей на дешевизну японской рабочей силы, японские методы массового производства и растущую агрессивность Японии, все настойчивее выталкивавшую Англию с азиатских рынков. Однако по проблеме экстерриториальности Британия уже не была столь же активным партнером.

Зорге пророчески заметил:

«Соединенные Штаты займут место Великобритании в качестве главенствующей силы на Дальнем Востоке. И признаки этого уже появились в то время. Британская активность в Азии шла на спад, и потому СССР был поставлен в условия, когда он был вынужден придавать большее значение дипломатическим отношениям с Соединенными Штатами».

В то время, когда были написаны эти слова, Советский Союз уже был «союзником» Соединенных Штатов, но в период, о кото-

ром идет речь, президент Рузвельт еще не признал Россию; соглашение Халл–Литвинов, нарушенное коммунистами едва ли не сразу после подписания, пока оставалось кремлевской мечтой.

Что сделало «обсуждения» и «консультации» более неотложными — так это хладнокровное вторжение японских империалистов в Маньчжурию в 1931 году. Похоже, что это была та отправная точка в новой японской военной дипломатии, после которой и Соединенные Штаты, и Россия вдруг осознали, что появился новый растущий центр военной мощи в Азии. Американскому госсекретарю Генри Смитсону пришлось использовать все свое влияние, чтобы удержать неизменную приверженность своей страны политике «открытых дверей» — превосходный пример просвещенного эгоизма. Администрация демократов, придя к власти, выбросила на свалку эту политику с самыми трагическими для страны последствиями.

«Прямое воздействие Маньчжурского инцидента на Советский Союз, — писал Зорге, — состояло в том, что СССР столкнулся лицом к лицу с Японией в обширном приграничном регионе, до того почти не вызывавшем вопросов с точки зрения национальной безопасности... Было также невозможно сказать определенно, пойдет ли Япония на север, в Сибирь, или же на юг, в Китай». Если японское наступление будет развиваться в сторону Сибири, тогда российская политика должна стать политикой примирения с Соединенными Штатами и Китаем — единственными возможными союзниками. Если же наступление пойдет в направлении Китая, тогда Россия сможет списать Японию как военную угрозу и попытаться отхватить для себя кусок побольше от империалистического пирога — Китая. Эта дилемма мучила Советский Союз до самой осени 1941 года. Ею же можно объяснить и колебания советской политики в отношении Чан Кайши и Соединенных Штатов. И Зорге был прекрасно об этом осведомлен. Так же, как и Сталин. А вот отцы-основатели американского послевоенного хаоса совершенно упустили это из виду в своих до-ялтинских обсуждениях.

Шло время, и деятельность Зорге в Китае сфокусировалась на Японии. «Мне пришлось выяснять истинные намерения Японии», — писал он. Через японских членов своего аппарата он принялся зондировать и исследовать эту проблему — сначала, подобно студенту, читая книги по истории, труды политиков и экономистов. Потом его агенты стали доставлять ему специфическую информацию о военной технике и японской политике, о ее целях и намерениях. Своего апогея эта деятельность достигла в годы его работы в Токио.

В таком открытом городе, как Шанхай, у Зорге не было проблем с вербовкой необходимых ему агентов. При этом сам он оставался в тени, пока Агнес Смедли «обрабатывала» кандидата, после чего следовала договоренность о встрече, кандидат осторожно прощупывался и получал задание. Ошибок не было. Возможно потому, что Смедли идеально подходила для этой работы. Ведь большую часть своей жизни она занималась конспиративной работой. Она знала почти все про суды, тюрьмы и заговоры, знала основы подрывной деятельности. Ей знакомо было и позорное «мученичество» беззаветной преданности куда более негодным делам.

В 1918 году она вступила в Нью-Йорке в Индийское революционное общество, финансировавшееся правительством императорской Германии. Мисс Смедли всякий раз не могла удержаться от негодования, вспоминая, как Соединенные Штаты во время войны с бошами сочли ее деятельность несколько незаконной и заточили ее в нью-йоркскую городскую тюрьму Томбс («могила») за нарушение Закона о нейтралитете. Вскоре после подписания перемирия, обвинения против нее были сняты, но она ничего не забыла и так никогда и не смогла избавиться от чувства ненависти к своей родной Америке. И эта ненависть была обращена не только против ее страны, но и против всего человечества. Это ясно проявлялось, например, в том, что она называла «невозможностью склонить меня к сексуальным отношениям». И хотя она и имела мужчин-любовников, но предпочитала одеваться в самые мужские из одежд, какие только существовали. Так, в Китае она приспособила для себя форму бойца Красной армии и носила ее, находясь на территории, контролируемой коммунистами. Ее ранний брак завершился столь же быстрым разводом.

Оказавшись в Берлине, она возобновила отношения с индийским революционером Вирендранатом Чаттопадхая, позднее ставшим коммунистом. Некоторое время она жила с ним, несмотря на его «малый интерес к женщинам». Не раз она оставляла его, но всякий раз возвращалась. В течение почти трех лет в 20-е годы «мое желание жить постоянно угасало и я, наконец, слегка... По целым дням я лежала в бессознательном состоянии, неспособная двигаться или говорить». Однажды она попыталась покончить с собой, но неудачно. «Больше, чем смерти, я боялась сумасшествия», — писала она в одной из своих книг. Спас ее психоанализ, уверена она.

В 1928 году она порывает с Вирендранатом, оставив его для коммунистической работы, и переходит к более захватывающим

областям деятельности. Вооружившись аккредитацией от «Франкфуртер цайтунг», она уезжает в Китай. Через Москву.

Коммунистическое движение пришлось Агнес Смедли как раз по вкусу. Оно соединяло в себе интригу и конспиративную работу, которым она научилась у Вирендраната, с налетом религиозного благочестия, которое она любила. Она готова была поверить всему, что ей говорили, — при условии, что это затрагивало ее чувства человеколюбия и вызывало сердечное волнение, — а затем ясным голосом повторить во всеуслышание на весь западный мир. Так, прибыв в Харбин в первый день нового, 1920 года, она стала очевидцем подъема нового китайского национального флага над Маньчжурией, но это тронуло ее куда меньше, чем известие, которое нашептали ей в уши, о том, что китайский рабочий вынужден трудиться 24 часа в сутки, чтобы прокормить семью. С самой серьезной миной на лице она повторила это обвинение в своей книге «Боевой гимн Китая».

Лицемерие Китая и китайцев доставляло ей почти физическую боль, но она не оставляла попыток полюбить их. Не говоря на китайском и ничего не зная ни о стране, ни о народе, она сразу же принялась «авторитетно» писать о китайской политике. Если китаец был с ней любезен, она делала вывод, что это шпик из полиции. Если же он бывал с ней груб, то это был, по ее мнению, фашист из Гоминдана. Однажды в Харбине она вошла в офис президента Торговой палаты и фактически обвинила его в торговле опиумом. А когда с китайской учтивостью он проигнорировал ее нападки и любезно осведомился о ее здоровье, она восприняла это как признание им своей вины и пример двуличия и лицемерия. Вращаясь почти исключительно среди коммунистов и их симпатизантов, она всякий раз возмущалась тем, что полиция относится к ней с подозрением. Когда однажды культурные китайцы из высших слоев общества пригласили ее на обед, она, напившись за их счет, принялась всячески оскорблять хозяев и потом продолжила бесчинства на улице, крича: «А ну-ка, выходите все сюда, и давайте набьем дом рикшами-кули! Давайте докажем, что в Китае нет классов!»

Когда именно Агнес Смедли присоединилась к коммунистическому подполью, остается неясным. Хотя она и написала о еще одной поездке в Москву в 1928 году в своей книге «Боевой гимн Китая», но так, словно это событие едва заслуживает пары предложений — немногословность, свойственная ей лишь тогда, когда ей было что скрывать. Согласно отчету шанхайской муниципальной полиции за 1929 год, Смедли получала жалование в коммунистическом Дальневосточном бюро. И хотя местные ком-

мунисты находились в глубоком подполье, преследуемые в ходе гигантских чисток Чана, она быстро установила с ними связь. Ее брали в места тайных собраний, она видела их пропагандистские материалы. Так, библиотекарь в Шанхае показал ей книгу, на вид — Евангелие от Иоанна, но после вводных страниц следовал коммунистический пропагандистский трактат. Она была несомненно тем, кто в коммунистическом движении зовется «особый представитель».

То, что она практически сразу после прибытия в Китай «засветилась» как агитатор и пропагандист, не означало, вопреки общепринятой теории, провала. Нет, это был сознательно спланированный курс. Ведь, выступая в роли друга китайских обездоленных, будучи объектом для систематических и злобных нападок со стороны Гоминдана и европейской прессы, она становилась ближе к тем китайцам и японцам, чьи симпатии находились на стороне Советов и их всемирной гегемонии. Задачей Агнес Смедли было заводить друзей и вербовать среди них агентов, помогая при случае местной компартии в ортработе. Она никогда не принимала обвинений в том, что люди обычно считают шпионажем — в сборе секретных документов и добывании информации путем эксплуатации доверия людей. Позднее она могла чистосердечно предъявить свое прошлое в качестве доказательства того, что она никогда не была шпионкой. Маскировка была превосходной.

Хотя, возможно, что «маскировка» — не то слово. Зорге, как и большинство членов его шанхайской группы, время от времени бывал под полицейским наблюдением, однако достаточно редко появлялись показания, которые могли бы привести к аресту. В какой-то момент, между 1935 и 1945 годами, шанхайские полицейские архивы были разграблены, и множество уличающих документов против Зорге, Агнес Смедли, Эрла Браудера, Юджина Денниса и Ирэн Вайдмейер исчезло. Но некоторые отчеты уцелели и находятся сейчас в архивах разведки Соединенных Штатов.

Несмотря на слежку — и несмотря на подозрительность, преследовавшую ее, — Агнес Смедли хладнокровно продолжала заниматься своим делом. Однажды ее арестовали, но быстро освободили. Ей было все равно. Ее псевдонимы, сначала — Элис Берд, потом — миссис Петройкос, были довольно призрачной защитой, но и это ее не волновало. Она подолгу задерживалась в книжном магазине «Цайтгайт» на Бабблинг-уэлл-роуд, где заводила знакомства со впечатлительными радикалами. Ее контакты с инакомыслящими китайцами были бесценны для Зорге, и он использовал их на всю катушку.

Первый завербованный ею радикал, которого она привела к Зорге, оказался и самым ценным. Это был Ходзуми Одзаки. «Одзаки был моим первым и самым ценным сотрудником», — признавался Зорге. «Я познакомился с ним в Шанхае через Смедли. Наши отношения, и личные, и деловые, были превосходны. Его информация была самой точной и интересной из всего, что я получал из любого японского источника, и мы быстро подружились». Именно через Одзаки Зорге завербовал других японцев, работавших на него. Когда в 1933 году Агнес Смедли было велено создать шпионскую группу в Чунцине, она обратилась к Одзаки, уже уехавшему в Японию. И он специально приехал в Шанхай лишь для того, чтобы обсудить этот вопрос и посоветовать, кто может помочь ей в работе.

Но в Китае у Одзаки была всего лишь пора ученичества. Его день пришел позднее. Однако в Шанхае были и другие агенты, в основном китайцы, готовые перейти от Смедли в распоряжение Зорге и Москвы. Они-то и составили настоящую шанхайскую группу.

КОЛЬЦО ВОКРУГ ШАНХАЯ

Для большинства американцев шпионаж — это кража военных и политических секретов, а Мата Хари и Венедикт Арнольд — прототипы всех шпионов. Хорошенькая женщина, соблазняющая генералов; призрачные фигуры, встречающиеся в темных и зловонных притонах; выстрелы в ночи и погони на крышах — все это элементы шпионажа для читателей триллеров и поклонников Хичкока. Но шаги шпионажа — неспешные и тяжелые. Эффективный шпион — это терпеливый, упорный работник; эффективный аппарат — это люди, кропотливо и старательно собирающие крупницы информации, важной и не очень, которые подобно исследователям, тщательно просеивают факты, чтобы потом сложить их воедино и получить целостную картину. Хорошая полицейская работа, хороший шпионаж — это в основном методичная, рутинная и нелегкая работа.

И как обученный оперативник, Зорге знал это. Он не пытался залезть в карман Чан Кайши или вскрыть сейф в японском консульстве. Агнес Смедли создала обширный круг друзей-китайцев — они-то и были теми, с кем Зорге осторожно начал работать. «Мне попался один, который был очень знакомым, и я решил использовать его в качестве переводчика... Пообщавшись с ним два или три месяца, я кратко рассказал ему о своих целях и попросил его работать со мной». Зорге назвал этого человека «Ванг». Ванг познакомил Зорге с многочисленными друзьями и родственниками, включая и свою жену, впоследствии также присоединившуюся к группе.

«Ванг назвал мне имена своих друзей в Кантоне, когда я отправился туда на три месяца, и среди них я обнаружил женщину, урожденную кантонку, которая исключительно подхо-

дила для нашей работы. Она хорошо знала Смедли, и я... успешно завербовал ее.

Ванг приносил самую разнообразную информацию... Когда данные по своей природе требовали более подробных объяснений или отчетов, Ванг или я беседовали с людьми — источниками этой информации... С течением времени стало очевидно, что у каждого агента есть особые пристрастия к определенным темам... и мы стали примерно разбивать разведывательную работу в Шанхае на сферы с учетом индивидуальной специализации каждого агента. Агентам же в Пекине, Ханькоу, Кантоне и других городах приходилось заниматься всеми проблемами подряд. Мы часто встречались по вечерам, используя для встреч людные улицы, когда позволяла погода. Встречались и в частных домах... Я старался время от времени менять места встреч и избегал использовать в этом качестве свой собственный дом, насколько это было возможно... В Шанхае тех дней риск был не очень велик».

Отношения Зорге с японскими членами его группы были не столь просты, однако вовсе не из-за страха перед шанхайской муниципальной полицией. Дело в том, что в городе росло враждебное чувство против японцев, участились случаи нападения китайцев на японцев. Маньчжурский инцидент разжег китайский национализм, а победы Чана воодушевили китайцев, придав им смелости. Более того, коммунисты по-прежнему придерживались своей обычной тактики завоевания поддержки, вызывая беспорядки и возбуждая ярость и ожесточение.

Рихард Зорге писал, что «с японскими членами группы мы встречались в ресторанах, кафе или в доме Смедли [во французской концессии]».

«Поскольку японцам было небезопасно ходить по улицам Шанхая... то обычно я поджидал японца в Гарден Бридж у границы японского сеттльмента, сажал его в машину или сам сопровождал его до места встречи. Чтобы избежать слежки со стороны японской полиции, я почти никогда не посещал японцев в японской концессии. Однако бывали и исключения. Раз или два я встречался с Одзаки в кафе на Ханькоу. Но спокойней всего я чувствовал себя, когда мы встречались в доме Смедли, и я часто приводил туда Одзаки и других японцев... Встречи обычно происходили поздно вечером.

Я избегал ненужных частых встреч и старался проводить их с интервалами в две-три недели, насколько это было возможно. После того как Одзаки сменил другой японец, я отказался от randevu на улицах международного сеттльмента... Даты встреч, установленные заранее, всегда строго соблюдались во избежание

необходимости использования почты или телефона. Бывали случаи, когда мы были в затруднении, решая, что предпринять, когда случалось что-то важное, но все равно решили и впредь не отклоняться от этого правила насколько это было возможно. Когда бы я ни встречался с японцами, я всегда делал это один, не позволяя моим зарубежным помощникам сопровождать меня. Впервые я представил японца «Полю» [эстонец в звании майора Красной армии, ставший преемником Зорге], чтобы договориться о связи после моего отъезда из Шанхая. Мы очень редко обменивались письмами и материалами при встречах; информацию мы передавали устно [хотя бывали и исключения]».

Одзак был способный и уважаемый журналист, надежный друг Зорге и самый ценный член шанхайской — и позднее токийской — группы. Но были в группе и другие японцы, достаточно важные агенты, чтобы 4-е Управление впоследствии пожелало вернуть их в Токио для дальнейшей работы с Зорге. Среди них было несколько коммунистов, несколько сочувствующих, несколько авантюристов, а остальные — смесь авантюриста с коммунистом. Каваи Текиши был именно из этой категории. Он так и не закончил университет и менял одну работу за другой. В начале 1928 года он уехал в Китай и устроился репортером в «Шанхай Уикли», где ухитрился продержаться почти два года. Он открыл книжный магазин в Чунцине, а потом вновь принялся бродить с места на место. В 1939 году этот заслуженный советский агент был завербован японской разведкой, а в 1940-м вернулся в Японию и возобновил свою работу в группе Зорге.

Каваи стал коммунистом вскоре после прибытия в Шанхай, в 1928 году. До октября 1931 года он работал во второстепенной советской группе, когда встретил Одзаки, который и передал его Зорге и Агнес Смедли. Другой член группы, названный Каваи Шайн Ронин, китайский авантюрист, который хотя и был неплохим человеком, никогда не пользовался хорошей репутацией. Его понимание коммунизма было весьма «приземленным», а частная жизнь — «скандальной». Он постоянно нуждался в деньгах и часто просил у Одзаки наличными в долг.

Фунакоси Хисао появился в Шанхае в 1927 году в качестве репортера газеты «Майнити». Вскоре после этого он перевелся в «Rengo Tsushinsha», японское агентство новостей, где стал управляющим его филиалами в Ханькоу и Чунцине. Между 1935 и 1937 годами он представлял в Чунцине газету «Иомиури Симбун», а с 1938 по 1941 год был неофициальным советником в штаб-квартире японской армии в Ханькоу. Коммунистом он стал еще в 1929 году, но лишь в 1932 году его завербовал Каваи, кото-

рый и передал его Зорге и Агнес Смедти. После отъезда Зорге из Шанхая Фунакоши был введен в группу «Поля». Его военные связи давали ему блестящую возможность сообщать о японских боевых порядках, передвижении войск и других вопросах, интересующих разведку.

Другим членом шанхайской группы, который позднее был переведен в Токио, был Мицуно Сиге. Молодой человек из хорошей семьи, он поддался коммунистической пропаганде, когда в 20 лет был студентом Восточно-Азиатской школы сценаристов в Шанхае. Он сразу же с головой ушел в партийную работу, организовав коммунистическую ячейку в школе, возглавив студенческую забастовку и занимаясь агитацией на улицах. Исключенный из школы, Сиге продолжил работу, неуклонно двигаясь к шпионажу. Но его бурная общественная активность слишком бросалась в глаза, чтобы не привести к беде: в 1931 году он был депортирован из Китая и вернулся в Японию.

В 1937 Сиге вновь вступил в группу Зорге в Токио, и хотя его часто арестовывали за коммунистическую деятельность, ему все же было позволено работать на должностях, дававших доступ к общественной и политической информации, представлявшей ценность для России. Одна из таких работ — сбор фактов для ежегодника, выпускавшегося молодежной ассоциацией «Великая Япония». После этой работы он смог подготовить обширные отчеты для Зорге о молодежной партии «Великая Япония», Обществе Черного Дракона и о реорганизациях в других консервативных партиях с давней политической историей. Он сумел также собрать сведения о вооружении двух дивизий, когда шла подготовка к военной кампании в Южной Азии.

В шпионский коллектив Зорге входили также европейцы и американцы. «Встречи проходили очень часто», — пишет Зорге, однако те меры безопасности, которые соблюдались в общении с другими членами группы, здесь не считались обязательными. Белые — члены группы — могли воспользоваться телефоном, чтобы назначить встречу. Они встречались в барах, ресторанах, танц-залах и в домах друзей. «Собираемые материалы и подготовленные документы мы прятали у себя в домах. Отправив сообщения в Москву, я уничтожал или возвращал все материалы, но даже при этом в нашем распоряжении всегда оставалось много документов». Если возникала какая-то опасность, «мы оставляли самые важные документы у друзей. Наши друзья не знали, какого рода документы были оставлены им на сохранение». Рассуждая типично по-коммунистически, они просто просили друзей подержать у себя бумаги.

Зорге не во всем полагался на своих сотрудников. Не удовлетворившись результатами, он «отправлялся и лично собирал все факты и материалы, которые мог достать. В Шанхае не было посольства, но я сразу же стал вхож в немецкие светские круги и там получал информацию разного рода. В этих кругах, вращающихся вокруг германского генерального консульства, я стал очень хорошо известен, и многие люди искали моего расположения. Я общался с немецкими торговцами, военными инструкторами и учеными, но самыми важными поставщиками информации были военные советники нанкинского правительства». От них, от немецких летчиков китайских военно-воздушных сил и из личных наблюдений, сделанных во время частых поездок по стране, Зорге получал массу ценной информации по внутренней деятельности нанкинского правительства, о планах по усмирению мятежных военачальников, а также по вопросам политики и экономики и о положении в японской армии в Китае.

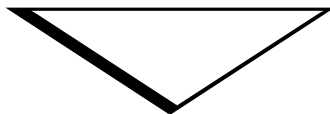
Пока Зорге неустанно качал из своих помощников информацию, в Шанхае продолжалась обычная ежедневная подрывная деятельность коммунистического движения. Книжный магазин «Цайтгайст» Ирэн Вайдмейер, филиал международного союза революционных писателей, организованного и руководимого на расстоянии Вилли Мюнзенбергом в Германии, продолжал оставаться местом встреч для коммунистов и тех, кого им удавалось одурачить.

Эгон Эрвин Киш, агент Коминтерна, организовал Общество друзей Советского Союза, в котором Агнес Смедли была одним из видных членов. Гарольд Исаакс редактировал «Чайна Форум», нападая на империалистов и публикуя, по предложению Смедли, таких «беспристрастных» писателей, как Ходзуми Одзаки. «Хиллари Ноуленс» был арестован, когда нес компрометирующие его документы, заключен в тюрьму, подвергнут пыткам и в конце концов казнен. Исаакс и Смедли были заняты организацией Фонда в защиту Ноуленса, рыдая при этом, что шпион был схвачен по существу вымыслу фашистской полиции, и втягивая в это дело таких ничего не подозревающих людей, как Альберт Эйнштейн и Освальд Вильярд, писателей Теодора Драйзера и Лиона Фейхтвангера, а также мадам Сун Ятсен, чтобы поддержать этот заблаговременно создаваемый коммунистический фронт. Макс (брат коммунистического функционера и писателя Майка Голда. Оба были известны как коммунисты Геде Мэссинг и другим. Позднее он редактировал «Чайна Тудей») и Грейс Грэннич, оба американцы, издававшие «Голос Китая», направленные против властей, получили помощь от американского консу-

ла Джона Винсента, когда шанхайская полиция попыталась было прикрыть их журнал. Зять Молотова, Леон Минстер, американец русского происхождения, обладатель паспорта гражданина Соединенных Штатов, держал радиомагазин, также приспособленный для нужд шпионской работы.

Да, Шанхай был веселым, беспечным и шумным городом, очень удобным для коммунистов, и Зорге наверное не хотелось покидать его, когда из Москвы пришел приказ явиться в штаб-квартиру. Но на Тихом океане назревала война. Япония была на марше. И Шанхай оказался лишь промежуточной станцией. У 4-го Управления имелось для Зорге куда более крупное, интересное, опасное и нужное задание — Токио.

ГЛАВА 8

В ФОКУСЕ — ЯПОНИЯ

«В ночь на 18 сентября 1931 года, — писал Генри Стимсон, — вооруженные силы японской империи оккупировали стратегически важные города и поселки Южной Маньчжурии... Нет нужды доказывать, что широкомасштабная война на Тихом океане, вспыхнувшая у Пёрл-Харбора 7 декабря 1941 года, явилась логическим продолжением событий, начавшихся в Южной Маньчжурии».

Значение маньчжурского инцидента, последовавшего за созданием японского марионеточного государства Манчжоу-Го, состояло не только в том, что Япония отхватила новый кусок территории. Его истинное значение заключалось в нарушении баланса сил на Дальнем Востоке. И Москва, и Вашингтон отреагировали немедленно и с глубокой озабоченностью. Из великих мировых держав одна лишь Великобритания сохраняла спокойствие и невозмутимость. Япония была ее союзником, и британский лев, как и всегда, был слишком озабочен развитием событий в Европе, чтобы беспокоиться о новой авантюре японских империалистов. Так же, как Форин Офис поспешил признать захват Советами Китая в 1950 году, он поспешил согласиться и с образованием японской сферы влияния на Дальнем Востоке. Британское хладнокровие было слегка поколеблено после сражений в Шанхае в 1932 году, но не достаточно сильно, чтобы оказать какое-либо воздействие на политику Англии. И до самого Пёрл-Харбора консерватор Уинстон Черчилль преуменьшал японскую угрозу, пока нажим президента Рузвельта — в частности, намек на прекращение американской военной помощи — не вынудил его отвести глаза от Европы.

В Вашингтоне, однако, яснее представляли себе суть событий. Госсекретарь Стимсон сознавал, что Соединенные Штаты

должны придерживаться политики «открытых дверей», этого традиционного «лоцмана» американского политического мышления в мутных водах Азии, пока дальневосточная группировка рузвельтовско-трумэнзовского Госдепартамента окончательно не похоронила ее. Стимсон рассматривал политику «открытых дверей» как «дальновидный расчет». Он понимал, что если эти открытые двери захлопнутся перед носом у Америки, то японские империалисты в конечном итоге превратятся в господствующую силу в большинстве азиатских регионов и станут угрожать американским интересам в Тихом океане. Президент Гувер согласился с этим выводом. Да и с моральной, нравственной точки зрения, считал мистер Гувер, ясно, что Соединенные Штаты не могут бросить Китай и тем обречь его на расчленение и национальное самоуничтожение в то время, когда под руководством Чан Кайши он пусть медленно, но неуклонно, превращался в современное государство.

Однако между мыслями людей и обстоятельствами, сопутствующими им, порой зияет огромная пропасть. Военный министр Патрик Харли понимал значение и скрытый смысл японской акции, но при этом недвусмысленно заявлял, что ни протесты, ни конференции ничего не дадут, поскольку если что и может остановить Японию, то лишь серьезная угроза экономических и военных санкций. И в этом Стимсон был с ним согласен и потому убедил мистера Гувера занять твердую позицию. Однако в вопросе о демонстрации военной силы Гувер оставался непреклонным. Он не считал, что Соединенным Штатам следует рисковать быть втянутыми в войну. И пацифист, и конституционалист одновременно, он полагал, что его президентские обязанности и полномочия заканчиваются, когда речь идет об обороне страны, и тогда власть и обязанности переходят в руки Конгресса. И если какие-то шаги, которые необходимо предпринять, грозят втянуть нацию в войну, он не может предпринять их. (Согласно марксистским и либеральным теориям, «реакционный» республиканский президент должен был бы воспользоваться любой возможностью, чтобы ввергнуть страну в войну и тем самым ослабить великую депрессию, покончить с безработицей и гарантировать себе второй срок пребывания в Белом доме. Но в этом, как и в других марксистских и либеральных теориях, факты говорят об обратном, ибо по-прежнему мораль в большей степени определяет некоторые человеческие поступки, нежели экономика.)

В 1932 году Соединенные Штаты могли позволить себе политику изоляционизма. Россия — нет. Ее внутреннее положение было шатким и неустойчивым: коллективизация сельского хозяйства встретила упорное сопротивление со стороны крестьян. Троцкий

был сослан, но старые большевики были еще живы, и, по мнению Сталина, даже само их физическое существование угрожало его режиму. Индустриализация и переключение с производства потребительских товаров на развитие тяжелой промышленности застряли в дебрях коррупции, неэффективности, страха и бюрократии. А на уровне внешней политики сталинская авантюра в Азии потерпела банкротство.

Советский Союз неожиданно столкнулся с агрессивной империалистической силой, возможно, жаждущей завершить незаконченное дело русско-японской войны, едва не свалившей царя в начале века.

Неспособные встретить японский лобовой удар на поле боя, лидеры Советского Союза решили воспользоваться хитростью и обманом вместо силы. Интрига, заговор — если о правительстве можно сказать, что оно заговорщицкое, — были средством разумным и, как выяснилось, высокоэффективным. В Китае у русских была китайская Красная армия. Были у них и высокопоставленные подпольные союзники в гоминдановском правительстве, и те, кто саботировал любые действия Чана вплоть до самого его бегства на Формозу. На их стороне были симпатии и поддержка студенчества и профессуры. Вот с этими-то пешками, заложниками Коминтерна и близких к нему аппаратов, русские и начали свое главное дело — разыгрывать карту китайского национализма, призывая Китай к войне с Японией.

Японских солдат и граждан в Шанхае били и оскорбляли. Велась бурная агитация за применение санкций против японских захватчиков. Бойкот Японии, внешне спонтанный, вызвал широкий резонанс в Японии и привел к ответным репрессиям. За всем этим стояли коммунисты, наживавшие себе капитал на законном народном недовольстве и успешно прятавшие московские концы. То, что Китай был не в том состоянии, чтобы противостоять японским милитаристам, не особо волновало коммунистических товарищей. Их бурная деятельность по втягиванию Чана в «горячую» войну нарастала до крещендо и в 1937 году ускорила вступление Китая в войну. Результаты оказались трагическими. И для Китая, и для дела ответственного правительства Чана, и для всего мира.

В самой Японии у Советов не было подходящего механизма для того, чтобы формировать общественное мнение и манипулировать правительством. Было, сравнительно говоря, лишь некоторое число коммунистов. Однако деятельность их была подпольной, и размах по большей части невелик, а средств для общественной работы вообще никаких. Компартия находилась вне закона, и потому с точки зрения пропаганды и агитации она по

сути была выведена из игры. Лишь в развращенной, слабой и дезорганизованной стране нелегальная партия в состоянии воз- действовать на политику — а Япония таковой не являлась. Поэтому максимум, на что мог рассчитывать Коминтерн в Японии — это внедрить несколько своих людей на ключевые посты в каче- стве шпионов и таким образом мутить воду в политике страны. Коминтерн и в самом деле надеялся создать небольшие группы, чтобы по крайней мере знать, что собираются предпринять япон- цы, чтобы будучи предупрежденным, действовать соответствен- но моменту. Как говорится, кто предупрежден — тот вооружен.

Вполне логичным был выбор кандидатуры Рихарда Зорге для создания такой группы. Его успех в Китае был более чем значи- тельным. Ему удалось установить хороший контакт с немцами, работавшими в Китае, и эти связи могли оказаться бесценными в условиях Японии, стремительно продвигавшейся по пути все более тесного сотрудничества с победившими недавно в Герма- нии нацистами. Все его лучшие агенты в Китае, за исключением, пожалуй, Агнес Смедли, были японцами. Так, Одзаки вернулся в Японию и продвигался все выше и выше по служебной лестни- це. Его вполне можно было вернуть к работе на 4-е Управление Красной армии. Имея все это в виду, Зорге и вызвали в Москву в декабре 1933 года для отчета о его работе в Китае.

«Сразу по возвращении из Китая, — заметил Зорге, — я встре- тился с генералом Берзиным, шефом 4-го Управления... который встретил меня крайне доброжелательно. Мне было сказано, что в Москве в высшей степени удовлетворены моей работой в Китае, после чего Берзин попросил меня выслушать подробности моей будущей деятельности. Мне не выделили стол в отделе и не на- значили на другую работу. Время от времени меня вызывали, чтобы обсудить некоторые вопросы, но по большей части Берзин или его заместитель звонили мне в отель».

Как член ЦИК Советской компартии, Зорге также доложил о результатах своей миссии в Китай в секретном отделе, который держал под контролем его связь с партией и где хранился его партийный билет. Эта подотчетность секретному отделу была по- стоянной, не зависящей от того, насколько глубоко был вовле- чен Зорге в дела разведывательного аппарата Красной армии. «И здесь меня также похвалили за хорошую работу, после чего я сделал доклад в присутствии небольшой комиссии и закончил обработку требуемых данных». Зорге также сказали, что у него «очень высокое положение в партии».

Пока он отчитывался о проделанной работе, пока его про- веряли, не испортили ли его контакты с внешним миром, сам Зорге обратился с просьбой дать ему работу, чтобы он мог ос- таться в Москве. Берзин, однако, отклонил его просьбу. «Полу-

шутливо» Зорге высказал предположение, что тогда он мог бы быть полезен в Японии. Его слова были встречены молчанием. Но, очевидно, он попал в точку: именно это и планировало для него 4-е Управление.

Через несколько недель Зорге вызвали и сказали, что высокопоставленные люди в Москве хотели бы, чтобы он отправился в Токио. Ему было велено немедленно приступить к подготовке к этой поездке. «Восточная секция (Коминтерна), очевидно, определила мою миссию заново после обсуждения вопроса с армейским командованием, — писал Зорге. — Планировалось, что я должен буду наблюдать за развитием обстановки в Японии и в первую очередь заняться изучением возможности действовать там, а потом, если необходимо, вернуться в Москву для окончательного решения вопроса о моей будущей работе в Японии. Такая подготовительная работа рассматривалась московскими властями как необходимая, поскольку работу в Японии они рассматривали как самую трудную и крайне необходимую».

Подготовка Зорге к токийскому заданию включала и получение подробного инструктажа от коминтерновских экспертов. Одним из участников этого процесса оказался и Карл Радек, член Исполнительного Комитета, позднее фигурировавший на Московских процессах в качестве обвиняемого. «Алекс» и Зорге «занимались долгим и подробным обсуждением основных политических проблем, включая и проблемы Японии и Восточной Азии. Радек проявлял глубокий интерес к моей поездке. Поскольку я побывал в Китае, а он считался признанным специалистом в вопросах политики, наши беседы были в высшей степени интересны. ... Я встречался также с двумя работниками НКВД, побывавших в Токио, от которых получил подробный отчет о токийской жизни. ... С одобрения Берзина я встретился с моими старыми друзьями — Пятницким, Мануильским и Куусиненом, которые «гордились своим протезом». Пятницкий, которому я поведал о японских планах Берзина, был страшно обеспокоен теми трудностями, с которыми я могу столкнуться, но порадовался моему безрассудно храброму, предприимчивому духу».

Пока Зорге беседовал, наносил визиты и консультировался со специалистами, 4-е Управление активно готовило почву для его поездки, обеспечивая ему прикрытие и приводя в боевую готовность сеть советской агентуры, могущей иметь отношение к миссии Зорге. С захватывающей дух дерзостью было решено, что он появится в японской столице в качестве немецкого журналиста-международника и — для обеспечения свободы передвижения — убежденного нациста, чтобы устроиться по-настоящему, и потому, по иронии судьбы, последние дни в Москве Зорге посвятил «введению в теорию нацизма». По словам Геды Мэс-

синг, которую сам Зорге завербовал для работы на советскую разведку, Зорге прочел несметное количество книг, все, что сумел найти, чтобы быть готовым к возможным дискуссиям по теории нацизма. Он освоил лексикон нацистов и практически выучил наизусть «Майн кампф» Гитлера.

На первый взгляд попытка пропустить Зорге через гестаповское сито, чтобы снабдить его нацистским партбилетом, казалась практически невыполнимой. Но 4-е Управление было колосом в своих попытках и вездесущим в своих контактах. Позднее генерал Вальтер Кривицкий продемонстрировал, что решительный аппарат способен совершить невозможное, когда его оперативники ворвались в рейхсканцелярию иностранных дел и выкрали экземпляр антикоминтерновского пакта и все секретные приложения к нему. Однако в некотором отношении задача, стоявшая перед Зорге, казалась куда более трудной. Его имя было известно — и это было имя внука секретаря Карла Маркса. (В те времена в архивах разведки Соединенных Штатов уже существовало досье на Зорге. Сигнал поступил после заказа, который он через свою германскую подружку разместил в компании «Истмен Кодак» на фотографические принадлежности.) Более того, он оставил широкий след за годы своей ранней коммунистической деятельности. Его имя фигурировало в архивах немецкой полиции; он был связан с Веймарской республикой. А сколько из тех людей, с которыми он имел дело в Китае, принадлежали к субподпольной сети двойных агентов? Продавая информацию всем просящим, один из них вполне мог сообщить имя Зорге кому-либо из немецких агентов.

И все же в мае 1933 года Зорге поехал в Берлин, чтобы подготовить себе «крышу». Ему не составило особого труда обеспечить себе первичную маскировку: редакция газеты «Франкфуртер цайтунг», в которой когда-то в качестве зарубежного корреспондента работала Агнес Смедли, была обильно напичкана коммунистами. Приход Гитлера к власти ликвидировал лицо издания, бывшего когда-то одной из величайших газет на европейском континенте — ни одной клетки из прежнего организма в нем не осталось. Зорге заполучил корреспондентские удостоверения от «Цайтунг», «Bergen Kurier», «the Technische Rundschau» и «Amsterdam Handelsblatt».

Не составило особого труда и вступить в нацистскую партию: гестапо еще не завершило своего организационного оформления, и потому проверки и перепроверки, с помощью которых оно позднее защищалось против шпионов, пока не получили широкого распространения. Многие коммунисты по приказу Москвы вступили в нацистскую партию задолго до ее победы и с энтузиазмом работали над претворением в жизнь ее нацистских

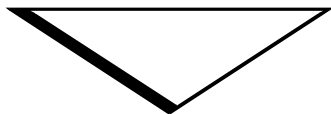
задач, энергично продвигаясь по служебной лестнице этой коричневорубашечной организации. Вот эти-то красно-коричневые партайгеноссен и оказались в нужный момент под рукой, когда возникла необходимость дать ход заявлению Зорге, чтобы ускорить его вступление в партию, удостоверившись при этом, что досье на него похоронено глубоко в архивах. Зорге говорил миссис Мэссинг, что для него было наказанием господним братание с восторженными нацистами, которые почти каждый вечер настойчиво приглашали его на всевозможные встречи с выпивкой. Он притворялся трезвенником, чтобы не пить и не допустить какой-либо неосторожности. «Я никогда не смогу выпить столько, чтобы наверстать упущенное», — говорил он Геде. Возможно, он преувеличивал. Ведь в годы работы в Токио он много пил с сотрудниками германского посольства, но никогда ни единым словом не выдал себя.

Как только в кармане у Зорге оказался драгоценный партбилет, он отбыл в Токио через США и Канаду. Из соображений предосторожности ему не дали исчерпывающих инструкций, пока он благополучно не покинул территорию Германии.

В августе 1937 года Зорге прибыл в Нью-Йорк. Он поселился в Линкольн-отеле и вскоре встретился со связным, который «передал мне инструкции встретиться на Чикагской всемирной выставке с одним из работников «Вашингтон пост». Проведя несколько дней в Нью-Йорке и Вашингтоне, Зорге отправился в Чикаго, где на берегу озера Мичиган он, немецкий агент Советской России, встретился с американским журналистом, который «сообщил мне, что некий японец скоро вернется в Японию, и рассказал, как связаться с ним».

В сентябре Зорге прибыл в Иокогаму. Береговая полиция после обычной проверки позволила ему сойти на берег. Приехав в Токио, он снял дом № 30 на Нагасаки-мачи, по соседству с Асабуку — совсем неплохое соседство, и приступил к выполнению своей первоочередной задачи — знакомству с Японией и формированию шпионской группы. Он посетил немецкий клуб, нанес визит в германское посольство и широко открыл двери своего дома. Его дом — потрясающее место, в котором царил атмосфера богемы. Шпионы и просто мужчины и женщины могли встречаться у Зорге, не утруждая себя объяснениями, зачем они пришли сюда и чем заняты. Идеальная мизансцена для Зорге и 4-го Управления.

ГЛАВА 9

МИССИЯ В ТОКИО

Пока Рихард Зорге не спеша добирался до Токио, 4-е Управление и Коминтерн мобилизовали его помощников. Ходзуми Одзаки, который должен был стать вторым человеком в организации после Зорге, уже находился в Японии. Его знание Китая принесло ему широкую известность. Многие его друзья и однокашники достигли высоких постов в правительственных кругах, а сам Ходзакис считался блестящим молодым человеком с не менее блестящим будущим. Он продолжал поддерживать тайную связь с Агнес Смедли, но, по иронии судьбы, ни он, ни Зорге пока не знали, что их пути опять пересекутся и они вновь будут сотрудничать в конспиративной работе.

Однако, когда Зорге прибыл в Японию, там уже находился еще один человек, которому суждено было сыграть одну из ключевых ролей в организации. Этим человеком был Бранко Вукелич, высокий, плотного сложения югослав. Хотя его обращение в коммунизм было совсем недавним — урожая 1932 года, но флиртовал он с марксистской доктриной уже давно, еще со студенческих лет, проведенных им в Загребе. Он также активно участвовал в хорватском движении за независимость в середине 1920-х годов. Вскоре после вступления в коммунистическую партию, он был представлен в Париже таинственной «прибалтке Ольге». Вукелич так никогда и не узнал, а, возможно, просто не хотел говорить, кем была эта «Ольга». Но достаточно очевидно, что ею была мадам Лидия Чекалов Сталь, советский агент, контактировавшая со всеми сколько-нибудь значительными членами международной шпионской организации. Ее область деятельности простиралась от Франции до Финляндии, Соединенных Штатов, Китая, Германии, захватывая и зону Панамского канала.

«Ольга» завербовала Вукелича, когда он работал в компании «Generale d'Electricite» в Париже. Его работа, похоже, вряд ли могла бы вызвать к нему интерес, как к возможному советскому агенту, но 4-е Управление знало, как выбирать своих людей. Вскоре после этого другой советский агент, тоже неизвестный Вукеличу, но скорее всего Вальтер Кривицкий, сообщил югославу, что он мог бы получить задание в Румынии или Японии. При этом ему было бы позволено взять с собой жену Эдит.

В октябре 1932 года Вукелич получил приказ от шпионского подполья переехать в Японию. Через связных из французской компартии этот бывший юрист и бывший студент-искусствовед, работавший в электрической компании, сумел получить аккредитацию в качестве корреспондента французского киножурнала «La Vue». Подобное назначение для человека, не имевшего ни малейшего журналистского опыта, было устроено не без помощи югославской ежедневной газеты «Политика». Миновав Красное море, через Сингапур, Шанхай и Иокогаму, Вукелич с женой и маленьким сыном прибыл в Токио в феврале 1933 года. 4-е Управление достаточно неплохо их финансировало, так что Вукелич мог позволить себе поселиться в лучшем токийском районе Бунка, где снял роскошный особняк, в котором, не теряя времени, немедленно оборудовал тщательно затемненную комнату под фотолaborаторию.

Радист группы «Бернгард» (псевдоним «Бруно Вендт») тоже всегда был под рукой, чтобы в любой момент выйти на связь с центром. Но оба решили пока потянуть время до прибытия Зорге.

В это же время в Соединенных Штатах коммунист Мияги Итоку, японец, уроженец острова Окинава, также получал последние инструкции. Мияги прибыл в США в 1919 году в разгар антияпонской пропаганды, такой зловредной, что она оставила глубокий незаживающий шрам в его душе. Он перебрался в Сан-Франциско, где открыл ресторан, чтобы выжить, и занялся живописью, чтобы жить. В 1926 году вместе со своими партнерами по ресторану он вступил в группу по изучению марксизма. А когда женился, они с женой столовались у фермера-японца, жене которого, миссис Китабаяси Йосисабуро, суждено было оказаться тем слабым звеном в цепи Зорге, которое и станет причиной его провала и ареста.

Будучи художником с радикальными взглядами, Мияги вскоре вступил в общество пролетарского искусства — одну из многочисленных групп коммунистического фронта, организованных компартией для японцев Западного побережья. И когда после серии правительственных облав в 1931 году была воссоздана японская секция американской компартии, Мияги вступил в нее. Его членству не исполнилось и года, когда два коммунистических

агента передали ему просьбу поехать поработать на них в Токио. Мияги направили за получением исчерпывающих инструкций в Лос-Анджелес, к другому агенту, «Рою».

Мияги, однако, не очень хотелось оставлять жену или покидать Соединенные Штаты. Как многие уроженцы Окинавы, он не питал добрых чувств к остальным японцам, и потому месяц за месяцем тянул с выполнением порученного задания. Он-де слишком занят рисованием, оправдывался он.

Но в 1933 году Мияги неожиданно вызвали и без лишних слов велели ехать в Японию. Появилось конкретное задание, не терпящее отлагательств. Нерешительному кандидату в шпионы также сказали, что уедет он ненадолго, дали 200 долларов на расходы и еще одну долларовую купюру. В Токио, проинструктировали Мияги, он должен следить за определенными рекламными объявлениями в «Japan Advertiser», чтобы потом встретиться с человеком, который поместит там объявление. Этот «связник» покажет ему американский доллар, полностью идентичный тому, что дали Мияги. Распрощавшись с женой, Мияги направил свои стопы на Восток. Нет сомнения, что именно прибытие в Токио Рихарда Зорге и сделало поездку Мияги безотлагательной.

В декабре 1933 года, показывая Зорге в суде, «я позвонил в офис «Japan Advertiser» и, как меня проинструктировал американский связной, попросил дать объявление в «Japan Advertiser» и «Pan Pacific», его еженедельном приложении, о том, что я собираю укийю [гравюры] и книги по искусству и хотел бы получить ответ от заинтересованных людей». Зорге помещал это объявление с 14 по 18 декабря под заголовком «Нужно: купить укийю». Он велел Бранко де Вукеличу «организовать встречу с нашим человеком». Двое встретились у рекламного агентства «Issue Sha» и сравнили долларовые купюры. После чего Вукелич представил Мияги и Зорге друг другу в картинной галерее Вено.

На первой встрече беседа магистрата шпионажа и новобранца была ограничена немногими основными темами, но уже к пятой встрече, где-то в январе 1934 года, Зорге ясно дал понять, что задание Мияги — не коммунистическая пропаганда, а шпионаж.

«Прошло время, прежде чем я принял решение, присоединяться ли мне к организации Зорге или нет, — признавался Мияги после ареста. — Будь я в Соединенных Штатах, моя позиция была бы иной, но какую позицию должен занять японец, работая в Японии? И особенно, не противоречил ли я самому себе, если учесть, что я был заинтересован в расовой эмансипации?» Аргумент, с помощью которого удалось уговорить Мияги, был тот же, которым коммунисты успешно пользуются до сих пор. «Я принял решение участвовать... когда осознал историческую важность нашей миссии — ведь мы помогали избежать войны между

Японией и Россией». Мияги согласился сотрудничать, «хотя я хорошо знал, что то, чем я занимался, было противозаконно и что в военное время я был бы повешен». Ну а когда война, наконец, разразилась, японцы-члены организации Зорге, принялись утешать себя тем, что их страна не воюет с Советским Союзом. И кроме того, рассуждали они, победа Советов послужила бы истинным интересам народа Японии. Это был своего рода косоглазый, однобокий силлогизм, которым почти в то же самое время пользовались и Эдджер Хисс, и Генри Уодли, и другие советские агенты в Америке.

Мияги получил должность главного японского агента в организации Зорге, но едва ли подходил для столь высокого поста. Его связи в Японии были недавними и низкого уровня, и большую часть информации он черпал из «Official Gazette» (Kampo), из газет и журналов, а то и просто из слухов. Военную информацию он брал из «Corporal Koshiro Yoshinobu». Зорге, правда, неплохо использовал Мияги в первые дни своего пребывания в Токио, когда ему необходим был человек, говоривший по-японски. Мияги был также полезен и в качестве связного для вербовки новых членов организации. Однако Зорге не потребовалось много времени, чтобы осознать, что ему нужен другой агент — с друзьями в высших правительственных сферах, в прессе, в деловых и светских кругах. Был лишь один человек, отвечающий этим требованиям — Ходзуми Одзаки.

В начале лета 1934 года незнакомец, назвавшийся «Минами Руичи», позвонил Одзаки в офис «Osaka Asahi» и сообщил, что старый друг Одзаки из Шанхая хотел бы встретиться с ним. Одзаки занервничал и поторопился закончить разговор, поскольку вокруг сидели другие работники редакции, и предложил Минами победать в китайском ресторане. И там Одзаки сообщили, что его старый шпионский начальник «Джонсон» прибыл в Японию и что встреча «Джонсона» (Зорге) и Одзаки назначена на следующее воскресенье в Оленьем парке.

Отойдя подальше от подслушивающих ушей, Зорге тепло приветствовал своего прежнего сотрудника и попросил его о помощи. Он объяснил, почему его направили в Токио, почему Советский Союз считает Японию страной первостепенной важности для себя и что вообще необходимо сделать. Одзаки без колебаний согласился вернуться в организацию.

Такова была организация Зорге в Токио — и сердцевина ее осталась неизменной даже после того, как в 1935 году Зорге побывал в Москве и получил новые инструкции. Команда Зорге — Одзаки была и остается одной из самых необычных комбинаций в истории шпионажа. У нее был двойник лишь в лице связки

Уайтон Чамберс — Элджер Хисс, и между ними можно было бы провести прямую параллель. Хисс был чистокровный американец, как и Одзаки был чистокровным японцем. Оба — выходцы из хороших семей и являли собой образцы respectable среднего класса — того самого класса, который поставлял стране хороших государственных служащих и карьерных дипломатов. Зорге и Чамберс также происходили из хороших семей, но рано окунулись в гущу коммунистического движения, прошли все его грязные и богемные этапы, были активистами, равно как и теоретиками. И оба были жадными до книг и учения. И если бы эти две команды перетасовать, они могли бы удачнее разделиться на пары. Подобно Хиссу, Зорге так и остался убежденным и нераскаявшимся ленинистом в период ареста, следствия и суда. Тогда как Одзаки, подобно Чамберсу, начал, похоже, осознавать зло, которое он причинил. На пороге смерти он обрел свою душу. Но произошел ли этот перелом по его собственной воле — вопрос открытый, об этом можно только догадываться. Он был, конечно, более чувствительным, более тонким и впечатлительным, более искренним человеком в связке Зорге—Одзаки...

В период между 1932 и 1934 годами, когда Одзаки покинул Шанхай и вернулся в Токио и до его новой встречи с Зорге и вступлением в его организацию, он успел стать широко известным как талантливый журналист и специалист по китайским делам. Его статьи в «Chuo Koron» (Central Review) всеми воспринимались как «авторитетные». Втайне, под своим шанхайским псевдонимом «Сирокава Жиро» он переводил книгу Агнес Смедли «Дочь земли» на японский — мисс Смедли предоставила ему права на японские издания всех ее книг — и в конечном итоге опубликовал ее за свой счет. Под его собственным именем вышло пять книг о Китае. Последняя, опубликованная в 1941 году, называлась «Противостояние великих держав в Китае». Хотя Одзаки был страстно предан делу коммунизма, он умело скрывал свои истинные убеждения и так хорошо вел дела, что проникательная и дотошная японская полиция ни разу не заподозрила его.

Зорге захватил с собой в Японию не только свою опытность в методологии шпионажа, но и глубокий интерес к стране и ясное понимание, что лучший шпион не тот, кто самый хитрый, но тот, кто самый трудолюбивый. В период между 1932 и 1935 годами его миссия состояла не столько в том, чтобы добыть как можно больше секретной информации, сколько в том, чтобы узнать как можно больше о стране. И возможно, самые необычные страницы в его признании это те, где он описывает свои ранние занятия в Токио.

«В момент моего ареста полиция обнаружила у меня в доме около 800–1000 книг, что привело полицейских в сильное раз-

дражение. Большая часть этих книг была на японском языке. Собирая свою библиотеку, я приобретал любые изданные на иностранных языках оригинальные японские работы, какие только мог достать, а также лучшие из написанных иностранцами книг о Японии и лучшие переводы основных японских работ. И все эти научные труды были систематически протудированы.

Это была отправная точка для ответа на простой вопрос: как постичь современные японские экономические и политические проблемы. Я очень внимательно изучал аграрные вопросы, потом перешел к малой индустрии, крупной промышленности и, наконец, к тяжелой индустрии... После такого штудирования случайная политическая сцена может сказать сведущему в японской истории человеку намного больше, чем обычному чужестранцу... Кроме книг из моей домашней библиотеки я пользовался библиотекой германского посольства и личной библиотекой германского посла...

Но мое изучение Японии не ограничивалось лишь тем, что можно было почерпнуть из книг и журналов. Здесь, во-первых, я должен упомянуть о своих встречах с Одзаки и Мияги, на которых мы не ограничивались лишь обменом и простым обсуждением информации. Зачастую какие-то настоящие и безотлагательные проблемы заставляли обращаться к подобным феноменам в другой стране... или углубляться в японскую историю. И в этом отношении мои встречи с Одзаки не имели цены из-за его необычайно широких познаний в области японской и зарубежной истории и политики... Я приобрел ясное понимание исключительного положения японской армии в государстве, так же как и природы императорских советников или Генро [старейшин], которые занимались толкованием законов... Более того, я никогда не сумел бы понять японское искусство без помощи Мияги. Наши встречи часто происходили на выставках и в музеях, и не было ничего необычного, если мы от интеллектуальных и политических обсуждений, под воздействием окружающей обстановки переходили к беседам о японском или китайском искусстве».

Этот Зорге мог написать, что «моим личным желанием и радостью было узнавать что-то новое о тех местах, где я оказывался... Я никогда не рассматривал такое изучение чисто как средство для работы. Живи я в мирных условиях и в условиях мирного политического развития, я, вероятно, стал бы ученым, но уж конечно же не шпионом...» Шпион, который пил и менял женщин, и бражничал со своими нацистскими «коллегами» в Токио, который со всей тщательностью и скрупулезностью своего германского и марксистского происхождения относился к задаче сбора информации для России, писал с почти осязаемым вос-

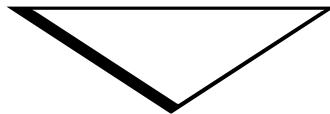
торгом о своих научных занятиях. Он хотел прояснить для читателей, что был не просто «почтовым ящиком» или шифровальщиком в шпионской организации.

Страницы, которые больше связаны с его самообразованием, с его оценкой глубоких политических течений, чем с деталями шпионажа, самые живые в «Признании». Они показывают того Зорге, каким он мог бы стать, не порази его вирус коммунизма.

Он почти по-мальчишески гордится своей репутацией перwokлассного журналиста-международника и не скрывает этого:

«Мои исследования были также важны для меня как журналиста, поскольку без них мне было бы трудно подняться над уровнем заурядных немецких репортеров новостей, который был не особенно высок. Это дало мне возможность приобрести в Германии репутацию лучшего репортера в Японии. «Франкфуртер цайтунг», на которую я работал, часто хвалила меня на том основании, что мои статьи повышают ее международный престиж... Моя журналистская слава принесла мне бесчисленные просьбы о статьях со стороны различных германских периодических изданий, а «Франкфуртер цайтунг» и «Геополитика» [для которой Зорге иногда писал], настойчиво добивались от меня книги о Японии, которую они желали бы получить в самое ближайшее время».

Зорге так никогда и не закончил этой книги. Он успел написать 300 страниц рукописи, когда японская полиция постучала к нему в дверь.

ТОКИЙСКИЙ ПРИКАЗ НА МАРШ

Инструкции, полученные Зорге в отношении его миссии в Токио, открывали для него широкое поле деятельности, но ставили весьма специфические цели. И самая важная среди них, признавался сам Зорге, «это самым внимательным образом наблюдать за изменением японской политики в отношении СССР... Но в то же время внимательно изучать вопрос, планирует или нет Япония напасть на СССР». Вопрос о неизбежности грядущего японского нападения стал для Советского Союза навязчивой идеей, так что «часто выражаемые мною мнения противоположного характера не всегда адекватно воспринимались и оценивались в Москве». Создается впечатление, что Маньчжуро-сибирская граница, подобно трамвайным рельсам, прошла в то время через Кремль.

Модернизация и наращивание мощи японской армии и военно-воздушных сил были для Японии первоочередными задачами. А это «влекло за собой добывание большого количества разведданных по широкому кругу военных вопросов, — писал Зорге, — потому что японские военные, чтобы оправдать свои растущие бюджетные запросы, не уставали указывать на Советский Союз как на главного врага Японии». И укрепление военных гарнизонов в Маньчжурии — лишь часть проблемы. Японская армия в Китае действительно могла бы быстро продвинуться на север, а потому от Зорге требовались едва ли не ежедневные отчеты о текущем состоянии японской военной машины, ее росте, степени механизации и вооружении.

На уровне внешней политики инструкции предписывали Зорге следить за развитием отношений между Восходящей Свастикой и Восходящим Солнцем, ибо в Москве не сомневались, что Япония и Германия и далее будут сотрудничать в любых

антисоветских действиях, как дипломатических, так и военных. Однако до опрометчивого нарушения Германией пакта Гитлер–Сталин и ее вторжения в Россию в Кремле не принимали всерьез мнение Зорге, что японцы готовы выступить против западных держав. Русские всегда втайне боялись, что Япония может объединить силы с Англией и Соединенными Штатами для нападения на Советский Союз. И основывалось это подозрение не на сообщениях советских агентов – нет, просто именно так и поступил бы сам Сталин, управляй он Соединенными Штатами и Англией. Так что подозрения его были скорее основаны на принципах ленинизма, нежели на реализме.

Японская политика в отношении Китая также весьма интересовала Россию, особенно после военного вторжения Японии на материк, когда угроза миру во всем мире серьезно возросла. В некотором смысле китайский вопрос был лишь следствием интереса Советского Союза к Японии как к *vis-a-vis* Германии, Англии и Соединенных Штатов. Куда более важным для Москвы было знать о роли японской армии в определении курса японской внешней политики. После 1931 года русские ясно осознали растущее влияние армии в Токио. Они поняли, что истинным желанием армии было схватиться с господствующей державой в Азии – а именно с Советским Союзом. И когда японские ВМС начали упрочивать свои позиции в правящей верхушке – что являлось прямым результатом японской потребности в нефти, резине и металлах, – Зорге занялся изучением мыслей и желаний морского командования. Это были те самые ВМС, которые в конце концов и взяли верх в Токио, в результате чего Япония двинула свои силы на юг, к европейским колониям и тихоокеанским рубежам Америки.

Проблема наращивания мощностей в японской тяжелой промышленности, как показателя роста военного потенциала страны, также привлекала внимание Зорге. В частности, русским хотелось бы знать, насколько и как именно маньчжурское марионеточное государство Манчжоу-Го вписалось в более крупную японскую индустриальную картину. Но изучение вопросов экспансии на материк было затруднительно для Зорге, поскольку сфера его деятельности была ограничена японской территорией.

В организации Зорге была выработана целая система мер обеспечения безопасности. Согласно донесениям разведки США она состояла из программы в 10 пунктов: (1) все члены организации должны иметь в качестве прикрытия какое-нибудь обычное занятие; (2) члены группы не должны иметь никаких дел ни с японскими коммунистами, ни с сочувствующими им; (3) при каждом радиосеансе связи шифровой код станции должен меняться; (4) радиопередатчик должен храниться в разобранном

виде, упакованным в чемодан, и переноситься в другое место после каждого сеанса связи; (5) сообщения должны посылатся из разных мест, никогда из одного дома в течение долгого периода; (6) связь с «московскими людьми» [советскими курьерами] должна поддерживаться в обстановке высшей секретности, без упоминания каких-либо имен с обеих сторон; (7) каждый член организации должен иметь псевдоним. Настоящие имена никогда не должны были упоминаться по радио или в радиобеседах [кличка Одзаки была «Отто», Клаузена — «Толстяк», Зорге — «Рамзай», Гюнтера Штайна — «Густав»]; (8) названия мест должны быть изменены в шифре, так, «Висбаден» применялся для обозначения Владивостока, а «Мюнхен» — для Москвы; (9) все документы должны немедленно уничтожаться сразу после того, как они были использованы; (10) ни один русский, ни при каких обстоятельствах не может быть принят в члены группы.

Вдобавок к этому Одзаки разработал и свое собственное руководство относительно того, как должен действовать хорошо замаскированный шпион.

«Никогда не производи впечатление человека, страстно желающего получить какую-либо информацию. Тот, кто занят важными делами, откажется беседовать с тобой, если заподозрит, что твой мотив — сбор информации. А если ты производишь впечатление человека, знающего больше, чем твой предполагаемый информатор, он даст тебе ее с улыбкой. Неформальные вечеринки — превосходное место для сбора новостей. И очень удобно быть специалистом в какой-либо области. Что касается меня, я был специалистом по китайским вопросам и ко мне часто обращались люди из разных кругов... Жизненно необходимы связи с влиятельными организациями... Более всего вы должны вызывать доверие к себе со стороны тех, кого используете в качестве информаторов, с тем, чтобы выкачивать из них необходимые сведения, не рискуя показаться неестественным... Ты не сможешь быть хорошим разведчиком, если сам не являешься хорошим источником информации. А этого можно достичь лишь в ходе непрерывного образования и приобретения богатого опыта».

Все эти правила в равной степени относились как к Одзаки, так и к самому Зорге. Для немца Зорге первые годы в Японии были годами поворота к этому самому «непрерывному образованию», когда он становился «специалистом в какой-то области». В те годы он поставил перед собой задачу стать хорошо информированным оксиденталистом, специалистом по японской политике и истории. Он был в состоянии «получать массу информации от людей, приходивших задать мне вопрос» — а именно от служащих германского посольства в Токио, относившихся к нему с полным доверием.

Более того, с персоналом германского посольства он продолжал поддерживать столь же близкие отношения, как и в первые годы своей шпионской деятельности. Его партбилета члена нацистской партии оказалось вполне достаточно, чтобы он стал вхож к германскому послу Герберту фон Дирксену. А это в свою очередь привело к близкой дружбе с полковником Эйгеном Оттом, помощником военного атташе, выросшего к тому времени, когда в Европе разразилась война, до уровня сотрудника дипломатического ранга. («Близкая» — это, вероятно, не совсем верное определение, ибо дружба с Оттом не помешала Зорге завести интригу с его женой.) Военный атташе, военно-морской атташе и шеф гестапо полковник Д. Мейзингер — все привыкли доверять Зорге и пользоваться его феноменальным знанием Японии. Лишь военно-морской атташе держался слегка отчужденно — но не по идеологическим причинам. Скорее, он просто был ревнивым мужем.

В течение всего периода обучения, черновой работы и «вживания» в страну, Зорге параллельно проверял свою систему связей и неторопливо вербовал новых членов. Связь — всегда самая деликатная и жизненно важная проблема любого шпионского аппарата, и в этом отношении организация Зорге была безнадежно слаба. «Вернгардт», радист, совершенно не годился для работы в Японии, и в 1935 году Зорге решает вернуться в Москву, чтобы наладить этот аспект деятельности своей группы, получить новые инструкции и прикоснуться к родной почве. А потому летом того же года он объявляет своим друзьям из германского посольства, что ему необходимо срочно возобновить контракт с «Франкфуртер цайтунг» и что он может сделать это только лично. Используя постоянный немецкий паспорт, Зорге добрался до Нью-Йорка, где другой советский агент позвонил ему в номер отеля и при встрече передал второй паспорт — уже с московской визой.

В 4-м Управлении был другой шеф — генерал Урицкий, давний друг Ленина, Сталина и Ворошилова. Зорге представил ему подробный отчет, который он подготовил, ответил на дотошные вопросы Урицкого и изложил свою просьбу дать ему нового радиста. Урицкий остался доволен работой Зорге и с пониманием отнесся к его просьбе. А потому, когда Зорге попросил для себя Макса Клаузена, своего старого шанхайского радиста, просьба была немедленно удовлетворена. Последовала встреча двух старых друзей, и Зорге остался весьма доволен тем, что отныне его главная проблема решена.

Для Клаузена же назначение в Токио оказалось спасением. Его вызвали в Москву из Шанхая в августе 1933 года. До советской столицы он добирался через Мукден, Харбин и Сибирь.

Несмотря на категорические инструкции 4-го Управления, он настоял, чтобы привезти с собой и свою гражданскую жену, Анну Валлениус. Она согласилась сопровождать его лишь потому, что ошибочно полагала, что ей будет позволено уехать в Германию. Но в их первый же вечер в Москве НКВД показало, как оно к ним относится: их паспорта и вещи неожиданно исчезли.

Очень недолго пребывал Клаузен в милости у 4-го Управления, шеголяя по городу в форме офицера Красной армии. После краткого шестинедельного отдыха он получил назначение в радиошколу предварительной подготовки. И тут на него обрушился удар: чистка коснулась и его. Клаузена выгнали из школы в качестве «наказания за низкую эффективность его работы в Китае» и сослали в небольшой городок на берегу Волги, где в течение двух лет он чинил обувь, пахал землю и принимал покаяние, посещая партийно-пропагандистские занятия. И вот теперь, согласно просьбе Зорге, Клаузен был вызван в Москву генералом Ворошиловым.

Макс был несказанно рад новому назначению.

«С детства, — говорил он в своих показаниях, — я не слышал о Японии ничего, кроме дурного... И потому радостно согласился отправиться туда, чтобы работать на Зорге». Выбор был не его, но Клаузен всей душой готов был отдаться работе. В сентябре 1935 года он попрощался с Анной, с которой встретился в Шанхае, и отбыл, снабженный тремя паспортами на три разных имени. Один паспорт был канадским, другой — итальянским, а третий — германским.

«В штаб-квартире [4-го Управления] имеются тысячи паспортов разных стран, — сообщал Клаузен, описывая свою поездку. — И все подлинные. Лишь имена и фотографии фальшивые. Перед отъездом я получил инструкции относительно использования паспортов и 1800 долларов в валюте США... В Стокгольме я приобрел сертификат моряка и отправился в Нью-Йорк на борту «Бостона». Прибыв на место, я восстановил свой собственный германский паспорт в германском консульстве и зарегистрировался в Линкольн-отеле, как мне и велено было сделать. Туда мне позвонил человек, который представился как «Джонс».

Клаузена спросили, нужны ли ему деньги. Он ответил отрицательно. 28 ноября он прибыл в Иокогаму на борту парохода «Татсута Мару». И хотя он сразу намеревался отправиться в Шанхай за Анной Валлениус, однако денег у него не хватило — в дороге он поиздержался. (Лишь восемь месяцев спустя он сможет приехать в Шанхай, жениться на Анне и вернуться с ней в Японию.)

Первым заданием Клаузена в Токио было встретиться с Зорге и снять для себя легальную квартиру. Место для встречи было

заранее обговорено – вечер любого вторника в баре «Голубая лента», однако уже на следующий день после того, как Клаузен оказался в Токио, он совершенно случайно столкнулся с Зорге в немецком клубе. Оба сделали вид, что никогда раньше не встречались, и заново прошли через все формальности представления друг другу.

Несколько более трудным оказалось для Клаузена устроить себе «крышу». Он не был журналистом и не мог выступать в таком качестве. Он попытался было заняться экспортно-импортным бизнесом, но прогорел. И попытался снова. На этот раз компания «М. Клаузен Shokai» (Shokai – «компания» по-японски) с офисом в КараСумори Билдин, Shiba-Ku, Токио, добилась успеха.

«Клаузен Shokai» производила и продавала печатные станки для светокопировальных работ и флюоресцентные пластины – печатные формы гальванопластики. Среди его покупателей были и несколько крупнейших японских фирм, а также военные заводы, японская армия и японский ВМФ. Станки, которые Клаузен производил согласно имперским спецификациям, воспроизводили также и те самые светокопии, которые воровали агенты Зорге. В течение пяти лет после начала деятельности, «Клаузен Shokai» уже могла быть преобразована в акционерное общество с капиталом в 100 тысяч йен, из которых 85 тысяч были личной собственностью Клаузена. Он открыл филиал в Мукдене с уставным капиталом в 20 тысяч йен, что дало ему не только дополнительный законный доход, но и отличный предлог для получения банковских переводов из Нью-Йорка, Шанхая или Сан-Франциско, поскольку Клаузен совершал торговые операции за границей, а это служило превосходным прикрытием для финансовых переводов, поступающих из-за рубежа в адрес организации Зорге.

Вскоре после возвращения Зорге из поездки в Москву, аппарат подобрал ему еще одного члена группы – это был Гюнтер Штайн, позднее ставший натурализованным британским подданным, а ныне – бывший московский корреспондент «Берлинер тагеблат» и, в течение всего токийского периода, представитель британской «Файненшл ньюс». В 1942 году Штайн принял приглашение Института Тихоокеанских отношений (IPR) стать его корреспондентом в Чунцине. Он много писал для изданий института – статьи и книги, которые получали широкое хождение в Вашингтоне и помогали создавать миф о китайских коммунистах, как непревзойденных и непогрешимых идеалистах. В 1944 году он оказался одним из шести корреспондентов, сумевших проникнуть в столицу красного Китая – Янань. В 1945 году он представлял Великобританию на конференции Института тихоокеанских отношений в Хот Спрингс.

После войны Штайн много ездил по США, читая лекции и пропагандируя идею о том, что по своей ориентации китайские коммунисты — завязтые антисталинисты. Когда в 1949 году в докладе армейской разведки США он был назван «советским агентом», Штайн спешно покинул страну. 14 ноября 1950 года он был арестован во Франции по обвинению в шпионаже, согласно официального сообщения, поступившего в разведку США из французского посольства, и выслан из Франции.

Когда организация Зорге на всех парах двинулась к шпионажу, ее руководитель распределил специфические задачи и обязанности для каждого члена группы. Так, Одзаки действовал на самом высоком правительственном и дипломатическом уровне. Он был уважаемым и активным членом так называемой «Группы завтраков» или «Группы среды» — собрания блестящих молодых людей, своего рода «мозговым трестом» принца Коноэ, уже три раза подряд занимавшего пост премьер-министра.

Среди членов группы был и принц Сайондзи Кинкацу, приемный внук Генро*.

«Группа завтраков», регулярно встречавшаяся для обсуждения проблем японской империи, имела полуофициальный статус. Одзаки, который кроме того был еще и членом китайской секции Shava Kenkuo Kai, научного общества, покровительствуемого принцем Коноэ, завязал особенно тесные связи с Кацами Акиро, ставшим вскоре главой секретариата первого кабинета Коноэ. При содействии Кацами, Одзаки в 1938 году был назначен на официальную должность советника кабинета, получив таким образом доступ к государственным документам. Кроме этого, он занимал и ряд других ответственных постов, таких, как советник токийского офиса Южно-Маньчжурской железной дороги — своего рода холдинговой компании, занимавшейся проверкой всех деловых и промышленных сделок в Северном Китае. Эта ЮМД, вместе с Одзаки, «служившим» в качестве шпиона при ней, вела активный обмен информации с японскими предприятиями тяжелой промышленности, так что Зорге имел почти свободный доступ к высшим промышленным секретам Японии.

Одзаки снабжал организацию Зорге бесценным анализом политики японского руководства. Время от времени ему удавалось украсть особо значимый и серьезный документ и микрофильмировать его. Часто такого рода документы бывали довере-

* Одзаки и Сайондзи встретились как делегаты на конференции Института тихоокеанских отношений в 1936 году в Йосемите. Однако доподлинно неизвестно, сколько потребовалось Одзаки времени, чтобы завербовать Сайондзи в организацию Зорге.

ны ему высокопоставленными правительственными чиновниками в надежде на то, что Одзаки внимательно изучит бумагу и даст совет или поможет обсудить ее. Сайондзи, как консультант министра иностранных дел, взял за правило передавать Одзаки совершенно секретную информацию. Пару раз важнейшие военные секреты Японии попадали в руки Одзаки благодаря японским чиновникам, нуждавшимся в его советах по каким-нибудь китайским делам. «Единственное, чего я не мог получить заранее, это информацию о точном времени возможного нападения Японии на Россию, — признавал Одзаки на суде. — Моя деятельность характеризовалась полным отсутствием специальных методов... Я по натуре человек общительный. ... у меня не только широкий круг друзей, но я поддерживал довольно близкие отношения с большинством из них. Эти друзья и были для меня источниками информации».

Заботой Мияги было составить общую картину из тех кусочков и обрывков информации, которые он получал в своем собственном кругу. Мияги был старым другом личного секретаря Абэ Шу, министра иностранных дел в кабинете Коноэ, ставшего позднее премьер-министром. От этого друга Мияги мог получать огромное количество точнейшей информации как о политических уловках и хитростях, так и по военным вопросам. Сам Мияги достаточно много разъезжал и был кем-то вроде эксперта по мобилизации японских вооруженных сил, постоянно держа Зорге в курсе всех вопросов формирования новых дивизий.

А кое-что из того, что он знал, Мияги получал, используя древнейший шпионский способ — шатаясь по барам и ночным клубам и заговаривая с солдатами на улицах. «Он часто жаловался мне на то количество спиртного, которое ему приходилось выпивать, чтобы узнать самые тривиальные факты», — сказал Зорге о Мияги. Однако эти «тривиальные факты» включали и такие сведения, как подробное описание артиллерии и танков, принятых на вооружение японской армией. Мияги выполнял и другие функции, будучи своего рода шефом для дюжины японских агентов, работавших на группу Зорге. Мияги платил им, направлял их работу и часто сам получал их донесения.

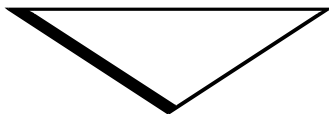
У Бранко Вукелича были две обязанности: он был фотографом группы и, кроме того, собирал информацию. Именно он подготовил множество микрофильмов, тайно вывезенных из Японии. Работал он под прикрытием агентства «Домей», где циркулировала масса информации, никогда не попадавшей в японскую прессу и валявшейся где попало в офисах «Домей». Японские репортеры, которые знали много, но мало о чем могли писать, говорили в агентстве достаточно свободно, и Вукелич не упустил ни одной крупницы информации, услышанной там.

В конце концов Вукелич стал корреспондентом французского агентства «ГАВАС». Так, от своих коллег он очень многое узнавал о ситуации в Индокитае, равно как и о реакции Франции на японский бросок на юг. Иностранные корреспонденты, включая и американцев, считали Вукелича трудягой-парнем и охотно делились с ним новостями.

В какой-то момент участие югослава в шпионской организации — и сама организация — подверглись опасности. Вукеличу наскучила его жена Эдит, и он вступил в связь с далекой от политики женщиной Ямасаки Иосико. Когда он сделал ее своей любовницей, Эдит Вукелич несколько обиделась. Она ушла от мужа, но осталась в Токио, и Зорге буквально затаил дыхание, пытаясь предугадать, будет ли она действовать так, как и положено обиженной женщине? Кризис миновал, когда Бранко и Эдит разошлись. Но Эдит Вукелич не позволили выйти из организации, пока она не обязалась принять обет молчания. Зорге уполномочили уплатить ей пять тысяч долларов, и он добавил еще тысячу от себя, чтобы быть уверенным в ее молчании. Вукелич женился на Иосико, и, как установила японская полиция, она никогда и ни с кем не нарушала брачных обетов. Кроме как с Рихардом Зорге.

У Гюнтера Штайна также были две должности. Первая была связана с тем, что он имел исключительные связи в британском посольстве. Он находился в дружеских отношениях с английским послом, сэром Джорджем Сэнсомом, и военно-морским атташе. Штайн был экономистом, и его умение разбираться в финансовой стороне дела было большим подспорьем для Зорге. Кроме того, информация дипломатического характера, весьма интересовавшая русских, часто попадала в руки Штайна. Он также служил и в качестве курьера, доставляя микрофильмы в Шанхай, а также в качестве ширмы для Макса Клаузена, установившего радиопередатчик в доме Штайна. Ведь чтобы избежать пеленгации, необходимо было иметь как можно больше мест, откуда можно было бы вести передачу, и Клаузен был благодарен Штайну за помощь.

ГЛАВА 11

ЦЕНА — 40 ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ

Методология шпионажа проста и не меняется во времени. Незаконный сбор секретной информации по-прежнему, как и раньше, ремесло, ручная работа, полуартистическое предприятие, в котором неуловимые сочетания индивидуального темперамента, мастерства и грубо эмпирического «метода тыка» диктуют успех или провал. Лишь говоря о связях, можно сказать, что шпионаж четко налажен, поскольку микрофотокамера поставила передачу документов на поток, что позволило, например, «Директору» в Москве, сидя в своем офисе, квалифицированно оценить на досуге то, что в прошлом шпион мог лишь торопливо просмотреть и оценить увиденное через собственное ограниченное понимание. Элизабет Бейли, например, везла сумку, набитую роликами с микроплёнкой во время своей поездки из Сильвермастер-хаус в Вашингтоне в шпионскую расчетную палату в Нью-Йорке.

Однако и микрофильм имеет свои ограничения, ибо превращается в вещественное доказательство, когда его владельца — иностранного агента — вдруг ловят с поличным. И потому аппарат вынужден обращаться к более старому способу связи. Техника вторглась в эту область, но она также и усложнила процесс. Время шпионских посланий, носимых в ботинке, прошло, а письмо между строк невидимыми чернилами или отсылка внешне невинных писем подходит к своему концу. Беспроволочный телеграф поначалу весьма упростил работу шпиона, но до тех пор, пока не появилась техника, основанная на использовании радиопринимающих устройств и логарифмических таблиц, которая методом триангуляции способна достаточно точно определить местоположение подпольной радио-

станции. И чтобы ответить на этот вызов, шпион вынужден был вернуться к использованию человеческого фактора — к коварству, хитрости и изворотливости.

В первые дни работы организации Зорге в Токио проблемы со связью казались второстепенными. Японская полиция, несмотря на ее дурную славу и привычку игнорировать право человека на частное уединение, оказалась неэффективной и довольно беспечной. Ее больше занимала борьба с инакомыслием и политической оппозицией, нежели перспектива возиться со шпионами. И лишь после 1939 года, когда война перекроила карту Европы и китайский инцидент стал для Японии больше, чем просто случайностью, связь группы Зорге с Москвой стала куда более рискованной. До этого группа Зорге передавала добытые ею «драгоценности» через курьеров или по радио практически когда ей вздумается.

«На заранее запланированной встрече курьер из моей организации передавал тщательно упакованный сверток московскому курьеру и в свою очередь получал пакет из Москвы, — писал Зорге. — Этим все и ограничивалось, не считая нескольких общих вопросов и ответов... Запрещалось спрашивать курьера, был ли он в Москве, и если был, то каковы там сейчас условия и как поживают твои старые друзья».

Вскоре после открытия этой шпионской лавочки в Токио, к концу 1933 года, у Зорге состоялась первая встреча с курьером. «Встреча поражала полным отсутствием секретности. Курьер, которого я не знал, прибыл из Шанхая с моим именем и адресом немецкого посольства в качестве места для встречи со мной. Он позвонил в посольство, а также сообщил мне письменно, что договорился со швейцаром «Империял-отеля», который будет ждать меня в холле утром определенного дня, чтобы провести меня к нему. Встреча прошла, как и было намечено. Мы договорились пойти посмотреть достопримечательности в Никко... чтобы там и обменяться тем, что было подготовлено у нас для передачи».

Способы распознавания друг друга оставались традиционными. Зорге так рассказывал о встрече с курьером в Гонконге: «Курьер вошел в заранее определенный ресторан и через полчаса достал из кармана длинную черную манильскую сигару, которую держал в руке, не зажигая. Увидев сигнал, я подошел к ресторанной стойке, вынул из кармана бросающуюся в глаза трубку и стал искать, чем бы ее зажечь. Когда московский курьер увидел, чем я занят, он должен был зажечь сигару, после чего я должен был зажечь свою трубку. После чего курьер покинул рес-

торан, и я не спеша отправился за ним в определенный парк, где мы и смогли поговорить. Он должен был начать словами: «Привет от Кэча», на что мне следовало ответить «Привет от Густава». Были и другие, заранее обговоренные сигналы – так, один человек мог нести желтый пакет, а другой – красный».

После прибытия Клаузена в Токио группа Зорге набрала обороты и стала действовать на полную катушку. На суде в 1942 году Одзаки и Клаузен смогли припомнить свыше ста сообщений высочайшей важности, переданных в Москву через курьера или по радио. Японская полиция с помощью радиоперехвата записала их много больше, но не смогла расшифровать до признания Клаузена. Ведение передач из дома Гюнтера Штайна в Азабу-ку само по себе заслуживает внимания. Клаузен впервые посетил Штайна в декабре 1935 года, «чтобы осмотреть дом... и решил, с согласия хозяина, использовать для сеансов связи две комнаты на верхнем этаже, – давал показания Клаузен, отвечая на вопросы следователей. – Из дома Штайна я передал свыше тридцати сообщений».

В 1936 году Клаузен был послан в Шанхай с двойной миссией: передать связному множество микропленок и встретиться с Анной Валлениус, чтобы жениться на ней. Микропленки были переданы в книжном магазине на Баблинг-уэлл-роуд, игравшем столь заметную роль в деятельности Зорге. Когда Клаузен благополучно вернулся, Зорге ликовал: тысячи кадров микропленки включали в том числе и первую крупную партию документов, которые он лично фотографировал. В германском посольстве. И это было лишь начало. Штайн, его гражданская жена, Клаузен и миссис Клаузен фактически организовали челночную линию между Токио и Шанхаем.

Анна Клаузен совершила четыре поездки одна, переправив свыше тридцати роликов микропленки. По возвращении ей выдали пять тысяч долларов, которые она депонировала на счет «компани» мужа. Но к досаде и раздражению Клаузена, вернулась она, нагруженная дорогими платьями и драгоценностями, которые накупила для себя на деньги «Клаузен Shokai». Анна была ненадежным курьером, действовавшим лишь под угрозой наказания или провала, и ее покупки были своего рода мстью и Клаузену, и организации Зорге. Когда Гюнтер Штайн впервые поехал в Шанхай в качестве курьера, ему передали пакет для миссис Клаузен, в котором находились темно-голубая шаль и большая черная брошь, которые Анна должна была надеть в поездку на китайский материк. Когда она появилась бы в Шанхае в книжном магазине на Баблинг-уэлл-роуд, в «Sun-компани», в

универсальном магазине, в холле отеля «Кэтей» или неспешно прогуливалась бы по авеню Хейг, московский курьер должен был узнать ее по этим шали и броши.

У самого Зорге был забавный предлог для его собственных поездок в Китай. «В конце 1938 года я сам ездил в Маньчжурию и Гонконг в качестве курьера германского посольства, одновременно прихватывая с собой и материалы для передачи в Москву». Доверенный друг германского посла и гестаповского полковника Мейзингера — «зверя Варшавы» — вез конфиденциальные нацистские документы в кармане, а микрофильмированные их копии — под рубашкой. Москва была ближе его сердцу, нежели Берлин.

В конце 1939 года Рихард Зорге решил, что пришло время отказать от курьерской связи с Шанхаем. Береговая полиция в Иокогаме усилила слежку за прибывающими и отъезжающими. И риск потери ценного человека или, еще хуже, провала всего аппарата стал слишком велик. А кроме того, продолжающееся экономическое давление со стороны США, все сильнее сказывающееся на японцах, сделало фактически невозможным для группы использование американских банков для получения денежных переводов. Зорге телеграфировал своему московскому начальству в России, что встречи между его курьерами и «людьми из Москвы» было бы куда эффективнее проводить непосредственно в Токио. После долгих проволочек и ворчания «Директор», наконец, телеграфировал в ответ набор шифрованных инструкций: «Два билета с более высокими номерами для Фрица [одна из кличек Клаузена]. Один с меньшим номером для связного».

Вскоре после этого Макс Клаузен обнаружил в почтовом ящике два билета в японский императорский театр. Один для него, другой — для Анны. В полутемном театре ему передали небольшой пакет с 5000 долларов, а он отдал 38 микропленок «связному» из Москвы. Через несколько месяцев Клаузен вновь получил два билета на оперу «Все девушки» в Такарацука-театр. И вновь они с Анной отправились на представление. За 30 роликов микроплёнки Клаузен получил 3000 долларов и 25 тысяч йен. В обоих случаях человеком, совершавшим этот обмен, был советский консул в Токио Вутокевич. Во время третьей встречи в театре на связь вышел второй секретарь посольства Виктор С. Зайцев. Под псевдонимом «Серж» он около десяти раз встречался с Клаузеном в офисе компании «Клаузен Shokai». В дневнике Клаузена эти встречи были зашифрованы как «S-tr» — «Serge treffen» [«встречался с Сержем»].

Были и другие, выходявшие на связь с группой и передававшие ей инструкции, деньги или слова одобрения и поддержки.

Появился д-р Войдт и некоторое время работал с Зорге. Это был немец, пользовавшийся доверием в посольстве, но группа Зорге подозревала, что Войдт — двойной агент. Была еще «Ингрид», привлекательная блондинка-американка, чье имя всплыло из протоколов токийской полиции. Неясно, была ли она курьером, но по некоторым признакам, ее работа на Зорге носила скорее личный характер, нежели политический.

Связи с курьерами дополнялись сеансами радиосвязи. «Поскольку непрерывная радиосвязь с центром была важнейшим условием нашей работы, то достижение радиоконтакта, поддержание его в постоянной готовности и обеспечение мер против пеленгации радиопередатчика были самой важной частью нашей нелегкой работы, — писал Зорге. — После приезда в Токио Клаузен — а его технические способности и энтузиазм в работе не знали границ — мне разрешили научить его шифровке и передать ему эту часть работы».

«Клаузен установил много радиопередатчиков, так чтобы по возможности быть уверенным в успехе нашей радиодейтельности. Он мог одновременно посылать сообщения из четырех различных мест, и почти всегда по крайней мере три места были задействованы... Мы часто меняли места выхода в эфир, чтобы избежать, по возможности, слежки или пеленгации, которая, как мы считали, со временем должна была стать более точной. Клаузен старался уменьшить свои радиопередатчики в размерах, так чтобы их в разобранном виде можно было носить в сумке, не вызывая никаких подозрений... Обычно радиосвязь использовалась нами, чтобы послать срочное сообщение или наши отчеты [«Директору»] или организации, или принять сообщения из Москвы, касающиеся деятельности нашей группы или отдельных операций... Клаузен всегда мог обеспечить замечательную связь».

В последние годы в проблему превратились и внутренние связи в организации Зорге, ставшие небезопасными. Уже шестнадцать человек было напрямую связано с оперативниками Зорге, и, строго говоря, они не являлись членами одной группы, но представляли собой серию подгрупп внутри одной организации, и все они получали указания от Зорге и снабжали его информацией. «Я был единственным человеком, напрямую связанным с ключевыми членами [полунезависимых групп]... Непосредственные члены группы либо вообще не имели контактов между собой, либо встречались лишь в очень редких случаях». Были, конечно, и некоторые исключения.

«Тот факт, что я общаюсь с Клаузеном, едва ли можно было долго держать в секрете... Но то, что мы с ним оба состоим в

немецком клубе, что Клаузен когда-то занимался мотоциклетным и автомобильным бизнесом и что он очень хорошо ухаживал за мной, когда в 1938 году я получил серьезные ранения в мотоциклетной аварии, должно было развеять возможные подозрения по поводу наших частых встреч. Клаузен приходил ко мне, даже когда моя прислуга была дома, и другие случайные посетители могли видеть его у меня дома. Мы звонили друг другу домой, не обращая внимания на то, прослушивается ли телефонная линия или нет».

Хотя свои отношения с Вукеличем Зорге не афишировал, но он обеспечил себе оправдание, на случай если бы их увидели вдвоем, поставив в известность германского посла о том, что он поддерживает ни к чему не обязывающие отношения с французскими и союзническими журналистами, чтобы иметь возможность прощупывать их на предмет интересной информации. Клаузен, ставший казначеем аппарата, часто посещал Вукелича, так же, как и Мияги. Гюнтер Штайн старался держаться на некотором отдалении от Зорге. Встречались они мало и редко. И Клаузен, и Мияги были для Штайна посредниками, и встречи Штайна с ними проходили, как правило, в ресторанах. Дом Штайна Клаузен посещал лишь для проведения радиосеансов.

Зорге и Одзаки часто встречались в отдаленных ресторанах, а японские второстепенные члены группы редко, если вообще когда встречались с Зорге. Как правило, они передавали информацию Мияги, Клаузену или Одзаки.

После 1940 года «я начал использовать свой дом для встреч с Одзаки и Мияги... Я подумал, что было бы мудро с нашей стороны избегать публичных мест, потому что их (Мияги и Одзаки) все чаще и чаще спрашивали, кто я такой или кто они сами такие». Особые предосторожности предпринимались при подходе к дому Зорге. Члены аппарата прибегали к старому трюку, по нескольку раз «меняя кабриолеты», чтобы удостовериться, что слежки за ними нет. А когда они оказывались, наконец, рядом с домом, то ждали, когда Зорге засветит фонарь на балконе, сигнализируя, что все чисто.

Другой старый прием использовался при ресторанных встречах Клаузена и Вукелича. Оба всякий раз притворялись, что их встреча случайна. Все возможные пленки, деньги и бумаги, которыми они хотели обменяться, держались в полупустой пачке сигарет. Клаузен просил сигарету, Вукелич протягивал ему пачку. Взяв сигарету, Клаузен хотел было вернуть пачку, на что Вукелич говорил: «Оставьте себе. У меня есть другая пачка».

Между 1935 и 1941 годами аппарат Зорге работал стабильно и достаточно спокойно. Это действительно была одна из основных шпионских операций Советского Союза. Но тем не менее с финансовой точки зрения это была дешевая операция. Штаб-квартира главного командования на Дальнем Востоке в докладе о деятельности аппарата в Японии скрупулезно подсчитала его расходы:

«Общие затраты группы Зорге составляли около трех тысяч йен в месяц, или менее ста долларов США в качестве платы за необычайно ценную работу почти двадцати агентов. Поскольку, за одним исключением, все они работали из любви к делу, а не за деньги, плата, которую они получали ежемесячно, могла лишь покрыть их расходы на жизнь и поездки, никак не компенсируя их деятельность. Одзаки, например, никогда не получал ни пенни и даже оказывался в убытке, поддерживая материально некоторых из своих агентов. Зорге, Вукелич и Клаузен имели, конечно, регулярные поступления от своей работы, но у них также были и дополнительные траты».

Клаузен, как казначей, раз в год представлял Зорге отчет о доходах и расходах, который потом микрофильмовали и отправляли в Россию. За время своей службы в качестве казначея с 1936 по октябрь 1941 года Клаузен получил через курьеров 24 500 долларов и 18 300 йен, плюс около 10 000 долларов банковских переводов. То есть всего около сорока тысяч долларов. Конечно, информация, которую отправил в Центр Зорге после 22 июня 1941 года для Советского Союза, стоила дороже миллионов долларов, поскольку оказала громадное воздействие на перидислокацию и развертывание советских войск, позволив остановить немцев в самой критической фазе войны. Такая информация поистине бесценна.

Доклад, подготовленный разведкой США, отнюдь не преувеличил значения деятельности группы Зорге для Советского Союза и его союзников. Токийский аппарат был в состоянии информировать Москву о любых поворотах в дальневосточной политике. Когда Япония, подписав в 1936 году антикоминтерновский пакт, стала членом оси Рим-Берлин, в Кремле нашлись паникеры, уверявшие, что это первый шаг по пути к тройственному военному союзу против России. Зорге, однако, сумел известить Москву, что вопреки многочисленным заявлениям для печати, нацисты были крайне неудовлетворены и разочарованы поведением японцев. Гитлер и Муссолини оказывали массированное давление на Японию с целью побудить ее пойти на заключение военного альянса, однако японцы артачились, отказываясь пойти дальше простых дек-

лараций о необходимости борьбы против мирового коммунизма. Японские резоны, о которых было хорошо осведомлено германское посольство в Токио (а соответственно, и Зорге), заключались в нежелании японцев провоцировать русских. Более того, сам антикоминтерновский пакт не стал сюрпризом для советского Министерства иностранных дел, ибо за два года до его подписания Зорге отправил в 4-е Управление мнение, высказанное фон Дирксеном, о том, что исключение Германии из Лиги Наций станет началом нацистско-японского сближения.

Еще раз, в 1937 году, Зорге информировал Советский Союз о том, что китайский инцидент скорее всего не просто операция по прочесыванию района. Тщательно документированная и обоснованная оценка этого события, подготовленная Одзаки, показала, что Япония, похоже, надолго застрянет в Северном Китае и что борьба будет долгой, дорогостоящей и нерешительной — и что оппозиция Чан Кайши в Китае по прошествии времени скорее укрепитя, нежели ослабнет. Занимая выгодную позицию советника кабинета, Одзаки мог снабжать 4-е Управление подробными отчетами о планах высшего японского руководства и, что еще более важно, посвящать Россию в тонкости политического мышления японских лидеров.

Когда в 1939 году Эйген Отт стал германским послом в Токио, Рихард Зорге занял пост пресс-атташе и в качестве такового, а также близкого друга и личного советника регулярно завтракал с Оттом каждое утро и знакомился со всеми депешами, поступавшими из Германии, помогая готовить ответы и получая таким образом полную сводку того, о чем информировал германского посла японский Форин Офис. Связь Зорге с Оттом, а Одзаки — с принцем Коноэ, позволила двум агентам работать «на обеих сторонах улицы» одновременно, дважды проверяя и перепроверя информацию и предоставляя Москве ее точный синтез. В это самое лето на маньчжуро-монгольской границе произошло военное столкновение между частями Красной армии и японской квантунской армией — так называемый Номонганский (Nomonhan) инцидент, грозивший вылиться в долгожданный второй акт русско-японской войны 1905 года. Однако Красная армия была не готова к большой войне. Ее генеральный штаб и высшие эшелоны офицерского корпуса были истреблены в ходе чистки, начавшейся с ликвидации маршала Тухачевского, одного из самых блестящих умов своего поколения. Да и «польский коридор» был начинен взрывчаткой, грозившей рвануть в любой момент. И внутренних трудностей у советского режима не убавилось. Хотя и не прибавилось.

Но если Кремль и пребывал в тревоге, то Зорге мог многое сделать, чтобы уменьшить ее. Он не только снабжал Москву жизненно важной информацией — о расположении войск, о количестве предполагаемых подкреплений из Маньчжурии и самой Японии, — но и однозначно дал понять Москве, что эта операция была лишь пробным шаром и что японское правительство было полно решимости ограничить ее местным уровнем. Японская армия также не имела намерений провоцировать полномасштабную войну. Япония была слишком занята, пытаясь добить «драконий хвост» в Китае, хотя и слабый, но все еще способный сковать огромное количество японских войск. И тем не менее Зорге был также вынужден доказывать, что японская армия, всегда предпочитавшая войну против России, по-прежнему занимала господствующее положение в обществе. К счастью, Зорге был в состоянии действовать подобно противовесу, воздействуя через посла Отта или других авторитетных для Москвы людей. Армия давно настаивала на заключении военного союза с Германией и Италией — с момента подписания антикоминтерновского пакта. С германской точки зрения такой альянс был хорош во всех отношениях — и Зорге был не в силах переломить это всеобщее желание. Но он оказался под рукой, когда начались предварительные переговоры о тройственном союзе.

Как стало с тех пор известно разведке Соединенных Штатов, Зорге был «главным архитектором» этого союза. Любой военный альянс — заряженное ружье, и Зорге не мог не видеть, что это ружье направлено в большей степени на Соединенные Штаты, чем на Россию. Задуманный, как показал профессор Гарольд Винакл, для того, чтобы одновременно развязать японо-китайский конфликт и новую войну в Европе, что обеспечило бы ситуацию, когда «Соединенные Штаты приняли бы участие в какой-либо войне, выходящей за пределы, определенные подписантами как «локальный военный конфликт» и участники союза в ответ объявили бы о состоянии войны с Соединенными Штатами. То есть если бы Соединенные Штаты использовали бы свой флот в Тихом океане, чтобы предотвратить оккупацию Нидерландских Индий, они могли бы ожидать, что Япония, Германия и Италия объявят им войну и будут вести ее в Атлантике против Соединенных Штатов. Или, если американская помощь Британии превысила бы некий определенный уровень или угрожала бы стать для Англии решающей, Япония могла бы объявить войну Соединенным Штатам на Тихом океане».

Посол Отт выразил Зорге свою благодарность за роль, которую шпион сыграл в подготовке пакта, пригласив его присут-

ствовать на официальной церемонии подписания в Токио. Однако в последний момент личный представитель Гитлера, д-р Хайнрих Стамер, прибывший из Китая, чтобы благословить договор, выразил неудовольствие этим приглашением. Причем руководили им отнюдь не политические мотивы — он просто не желал, чтобы какой-то там ничтожный газетчик присутствовал на торжестве, которое карьерные дипломаты и высокопоставленные нацисты считали своей исключительной заслугой.

* * *

В течение всего 1940 года Зорге, как через курьеров, так с помощью радио, не переставал снабжать Москву текущей информацией о военном производстве Японии, ее воздушных и моторизованных силах. Он информировал 4-е Управление о решимости японской армии реформироваться по германской модели, делая упор на создание высокомеханизированных танковых соединений. Пакт о дружбе, подписанный между Японией и Советским Союзом, не развеял стойкого убеждения Москвы в том, что удар из Маньчжурии по-прежнему не за горами.

20 мая 1941 года Зорге предупредил свое начальство из 4-го Управления о другом, куда более серьезном, чем со стороны Японии, ударе. От посла Отта он узнал, что рейхсвер сконцентрировал от 170 до 190 дивизий вдоль советско-германской границы в разделенной Польше и что германская армия начнет наступление по всему фронту, ставя своей целью быстрое продвижение к Москве. Дата нападения, сообщал Зорге, 20 июня 1941 года. Он ошибся на два дня. Нападение началось утром 22 июня.

Красная армия была раздавлена сокрушительными ударами рейхсвера и пала духом — по-видимому, из-за того, что Советский Союз был не готов к этому нарушению пакта Гитлера-Сталина, ставшего сигналом для развязывания Второй мировой войны.

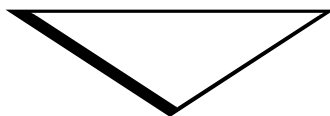
Предупреждение Зорге пришло вовремя, однако оно лишь подкрепило предупреждения, переданные Соединенными Штатами Сталину о том, что Гитлер готовится уничтожить своего бывшего союзника. И первоначальный разгром русского сопротивления был обусловлен в первую очередь изменениями в советской стратегии. Маршал Тухачевский подготовил тщательно продуманный план действий по созданию глубокоэшелонированной обороны, которая, вероятно, могла бы остановить германские танки. Маршал Сталин, стратег-любитель, ликвидировал линию

Тухачевского вместе с самим Тухачевским. Он сконцентрировал свои войска вдоль всей линии фронта, при этом так развернул их, чтобы они оказались наиболее уязвимыми перед лицом германской тактики прорыва и окружения.

Красная армия в беспорядке отступала — ее лучшие соединения оказались разрезаны на куски, — и Кремль в ужасе смотрел из-за ее плеча на надвигающийся крах. Воспользуется ли Япония моментом бегства армии и развяжет ли давно ожидаемую войну против России? Или же Красная армия может снять все свои дальневосточные войска и бросить их в битву за Москву? Зорге было приказано оставить всю остальную разведывательную работу и посвятить себя исключительно поиску ответа на этот жизненно важный вопрос.

Конечно, немцы в Токио желали, чтобы Япония выступила на их стороне, что дало бы возможность нанести окончательный удар по советской власти как в Европе, так и в Азии. И задачей Зорге было держать русских в курсе любых германо-японских действий. Он взял на себя и дополнительную миссию — использовать влияние Одзаки на политико-определяющие круги, чтобы прямо или косвенно, но оказывать на них давление в пользу направления японской агрессии на юг.

Следующая фаза Второй мировой войны зависла в воздухе. Динамизм в истории — это, согласно гегелевской метафоре, узор, который уже соткан заранее, и лишь разворачивается во времени. Возможно, это и оказало влияние на умы таких, как Зорге, Одзаки и их союзники в Вашингтоне и Чунцине. Что тут причина, что следствие — вопрос диалектики. Но результатом оказался Пёрл-Харбор.

ПРЕЛЮДИЯ К ПЁРЛ-ХАРБОРУ

Для большинства американцев история Пёрл-Харбора — закрытая книга. Официальные историки, такие, как Роберт Шервуд и Самнер Уэллес, с помощью благоразумного подбора фактов и теорий, убедили публику, что это трус, подлец и вор напал на Пёрл-Харбор и что тихоокеанская война была неизбежна. Хотя в истории нет ничего неизбежного, кроме последующих утверждений, что события прошлого были неизбежны. Факты, как они явственно прослеживаются в монументальных исследованиях о событиях в Пёрл-Харборе и в японских дипломатических документах, которые сегодня выходят на свет, убедительно доказывают, что войну можно было предотвратить. Трудлолюбивые представители администрации Рузвельта—Трумэна десятки раз переписывали историю и вконец запутали всех, но так и не сумели окончательно похоронить правду.

Сказать, что военный конфликт с Японией можно было предотвратить, вовсе не значит обвинить администрацию Рузвельта в измене или предательстве. Не означает это и попытки представить японцев такими безупречными пацифистами. Партия войны в японском правительстве была могущественной, решительной и жестокой. Но была там и сильная проамериканская партия, поддерживаемая микадо и очень влиятельная, имеющая голос при обсуждениях в высоких сферах, и которую вполне можно было поддержать и поощрить. Близкий к этой группе посол Джозеф Грю постоянно предупреждал Госдепартамент и президента, что если Соединенные Штаты не будут честны и последовательны в своих отношениях с проамериканскими фракциями, войны не избежать. Американская политика, однако, продолжала колебаться между неразумностью и раздражительностью, прежде чем начать игру. А потом на Тихий океан пришла война —

неожиданная, кровавая и ненужная. Япония была разгромлена, но победителями оказались Иосиф Сталин и Мао Цзэдун.

Почему Америка нарвалась на войну — вопрос непостижимый и неясный с точки зрения мотивов и взаимных обвинений. Что нация не смогла действовать в своих собственных интересах — известно всем. Когда все свидетельства смогут вырваться на свободу из архивов Госдепартамента, новые поколения историков сумеют свести их воедино. Пока же поставим себе цель в рамках этого повествования лишь обрисовать, наметить в общих чертах то дипломатическое жульничество, что предшествовало Пёрл-Харбору, и попытаться показать, где искать ответственных за разгром. Если когда-либо группа людей, действующая в одиночку или совместно и вдохновляемая дьяволом или путанными целями изрядно потускневшего и порядком запятнавшего себя идеализма, могла изменить ход истории — то это именно тот случай.

Силы и страсти, которые вели к тихоокеанской войне, были многочисленны и настойчивы. И в момент кризиса, когда весы истории могли склониться к миру, горстка людей склонила их к войне. В Японии гирику подбросили Рихард Зорге и Ходзуми Одзаки. В Китае — Оуэн Латтимор. В Соединенных Штатах — Лачлин Курье, Эдвард Картер и Гарри Уайт. Нити, связующие эти группы, конечно же тонки и непрочны. Так, Зорге, Одзаки и Уайт были советскими агентами. Картер, Латтимор и Одзаки сотрудничали с Институтом тихоокеанских отношений. Курье признался в своей близкой дружбе с советским агентом Натаном Грегори Сильвермастером. Картер, умышленно или нет, но был игрошкой в руках коммунистической ячейки в Институте тихоокеанских отношений. А Латтимор пользовался различной степенью доверия у тех, кто направлял и руководил катастрофической политикой Америки в отношении Китая.

Значение этого трехъярусного цирка — в Чунцине, Вашингтоне и Токио — становится ясным, когда читаешь «бортовой журнал» последних дней мира. На протяжении всей войны некоторые историки уверяли Америку, что миссия адмирала Номуры и посла Куруси была не более, чем обманом, завесой для отвода глаз и что окончательное решение напасть на Пёрл-Харбор было принято в начале осени 1941 года. Истина как раз в обратном. Японскому оперативному авиасоединению, обрушившемуся на Гавайи, не давали зеленый свет до 5 декабря 1941 года, когда позывные «Взойти на гору Ниитака» были переданы в эфир всеми радиостанциями японского военно-морского флота. 21 ноября адмирал Нагано Осами, начальник штаба военно-морских сил Японии, инструктировал японское командование, что «если японо-американские переговоры пойдут успешно, авиации приказут немедленно вернуться». И уже не позднее 2 декабря 1941 года

Нагано доложил высочайшей императорской власти, что если переговоры Номура–Куруси–Халл пойдут успешно, японский флот следует отозвать с задания.

Проамериканская группа в Токио, настаивавшая на урегулировании японо-американских разногласий, продемонстрировала поразительное упорство и настойчивость. На протяжении долгих месяцев ведя дискуссии с госсекретарем Корделлом Халлом, она получала отказ за отказом. То, что Халлу следовало с подозрением относиться к японскому правительству, не только понятно, но и говорит в его пользу, ибо действия Японии, например в Китае, были вовсе не таковы, чтобы вызывать доверие. Но Халлу все-таки не следовало позволять этому подозрению подавить его дипломатическую проницательность или притупить чувство опасности, учитывая, что Соединенные Штаты уже на всех парах неумолимо втягивались в европейский конфликт. И если это суждение не лишено здравого смысла, то нижеприведенная хронология событий может сделать этот смысл более конкретным.

В апреле 1941 года случились два события, которые должны были несколько умерить подозрительность Госдепартамента. Министр иностранных дел Японии Мацуока тайно встретился в Москве с американским послом Лоуренсом Стейнхардом, чтобы попытаться убедить его в том, сколь важно улучшить отношения между двумя странами. В основе текущих разногласий лежал китайский вопрос, и Мацуока высказал предположение, что Япония может пойти на заключение справедливого мира с китайским правительством Чан Кайши. Однако в свою очередь Япония хотела бы получить от Соединенных Штатов обещание содействовать достижению этого мира. Но если Китай отвергнет это предложение, Япония вправе будет ожидать, что США умоют руки в китайском инциденте. Стейнхард был поражен откровенностью Мацуоки и спешно отправил в Вашингтон изложение этой беседы.

9 апреля 1941 года группа частных граждан обеих стран представила Госдепартаменту план сохранения мира. План этот, составленный в сотрудничестве с Номурой и получивший его одобрение, основывался на японских гарантиях целостности китайской территории и экономической интеграции в обмен на признание Китаем марионеточного режима государства Манчжоу-Го. Он включал в себя и вывод японских войск из Китая и, соответственно, восстановление традиционной американской политики открытых дверей. Япония также торжественно обещала не вмешиваться в европейскую войну, если только ее партнеры по тройственному пакту – Германия и Италия, не станут объектами нападения со стороны Соединенных Штатов. Более того, японцы уже давно не принимали всерьез свои обязательства по

этому пакту и ясно дали понять американским представителям, что они охотно сделали бы этот документ чистой формальностью по типу: «не отменяется, но не применяется», если бы убедились, что Соединенные Штаты серьезно настроены на мирные переговоры.

Реакция Госдепартамента и госсекретаря Халла на эти предложения была циничной и враждебной. Соединенные Штаты выдвинули свои контрпредложения, и начались долгие и бессмысленные дебаты. Номура не упускал случая предостеречь Соединенные Штаты, что партия войны в Токио твердо стоит за войну и что любые проволочки на переговорах лишь усиливают «ястребов» и ослабляют антивоенные силы, и что в случае, если какое-то работающее соглашение в переговорах по китайскому инциденту будет достигнуто, это развязало бы США руки для участия в европейских делах.

Для администрации США, все помыслы которой были в первую очередь заняты поражением гитлеризма, это должно было бы казаться достаточно приемлемым выходом из тупика. Но Госдепартамент, и госсекретарь Халл настаивали на том, что стало бы для Японии равносильным безоговорочной дипломатической капитуляции.

В такой атмосфере путаницы и унижения японские милитаристы продолжали свое восхождение к вершинам власти. 24 июля японские силы вторжения высадились в заливе Камрань в Индокитае, легко преодолев сопротивление истощенных и деморализованных французских сил. Президент Рузвельт пригласил Номуру и в присутствии адмирала Старка, начальника военно-морских операций, и исполняющего обязанности госсекретаря Самнера Уэллеса объявил о введении полного эмбарго на торговлю с Японией (в качестве ответного шага). На японцев не произвела впечатление справедливость американской позиции. Они знали, что эмбарго действовало уже со 2 июля — задолго до вторжения. Самнер Уэллес, в своей недавней аполгии рузвельтовской администрации даже не упомянул об этом факте, хотя он искренне заявлял, что адмирал Старк и генерал Маршалл давно предупреждали, что введение эмбарго вполне вероятно может привести к войне.

На требование Соединенных Штатов уйти из Индокитая Номура предложил гарантировать такой уход — в случае, если китайское урегулирование оказалось бы эффективно действующим — с помощью оговорки в соглашении, что никаких японских войск не останется на французской территории. В обмен на это Номура вновь попросил Соединенные Штаты «выступить в качестве посредника для начала прямых переговоров между японским правительством и режимом Чан Кайши с тем, чтобы как

можно скорее урегулировать китайский инцидент». Подобные предложения неуместны, ответил Халл, и свидетельствуют лишь о «недостатке готовности откликнуться на предложение, высказанное президентом».

Но более важными, чем демарши и контрдемарши дипломатов, — и более существенными для этого повествования — были решительные намерения рузвельтовских советников блокировать отчаянные попытки антивоенных фракций договориться о встрече между президентом и принцем Коноэ. Так, Л. Курье был главным советником президента по Дальнему Востоку и проявлял более, чем мимолетный интерес к этому вопросу. 17 августа 1941 года Номура передал настоятельную просьбу премьера Коноэ о такой встрече где-нибудь в центре Тихого океана, с тем чтобы проблемы, поставившие в тупик дипломатов, могли быть обстоятельно обсуждены «в мирном духе». До этого Номура уже дважды делал подобные предложения Госдепартаменту, но также бесполезно. Президенту понадобилось шесть дней, чтобы прийти к решению. И между двумя этими датами он получил личное послание Коноэ. Посол Грю в своем письме также настоятельно советовал Халлу форсировать проведение этой встречи. Он писал:

«Это предложение [о встрече] не только не имеет прецедента в японской истории, но это еще и показатель того, что японские непримиримые пока блокированы полностью благодаря тому факту, что предложение пользуется поддержкой императора и высших властей страны. Польза, которую могла бы принести встреча принца Коноэ и президента Рузвельта, безмерна».

На Халла это не произвело ни малейшего впечатления. Однако Рузвельт клюнул на это предложение и одобрил его, но через несколько дней советники отговорили его. И хотя японский премьер продолжал периодически слать президенту послания с просьбой о встрече, хотя Коноэ и пошел на уступки по вопросу о месте встречи, согласившись — в нарушение всех традиций — встречаться на американской земле, президент продолжал отклонять его просьбы и тянуть время. Грю и Юджин Ду — искусные и проницательные карьерные дипломаты — предупреждали из Токио, что нежелание Соединенных Штатов провести эту встречу поможет свалить умеренное правительство Коноэ и передать Японию в руки империалистов. А кроме того убедит многих японцев в том, что Америке нельзя доверять. Но эти предупреждения так и не сумели пробиться сквозь стену советников президента. И японские, и американские дипломаты в Токио предупреждали, что время уходит, но Госдепартамент по-прежнему настаивал на своей роли оплота упрямства.

1 октября 1941 года кабинет Коноэ пал. Его отставка явилась прямым следствием неудачных попыток добиться встречи с пре-

зидентом Рузвельтом. В ведомстве Марса пробил последний час. И пробил он на фоне последней попытки, предпринятой японцами. В Японии, глубоко увязшей в Китае и ослабленной американским эмбарго на нефть и сталь, усиливалось давление милитаристской клики, и умеренные в японском кабинете оказались перед дилеммой: сейчас или никогда. Или они придут к соглашению с американским госсекретарем, который с самого начала переговоров встал на тропу войны, или им придется сдать страну партии войны, которая заставит ее воевать, пока у Японии будут для этого силы и возможности.

Люди, искавшие средство остановить сползание к войне, пребывали почти в отчаянии, перешедшем в панику после отказа Госдепартамента заключить соглашение, пусть и сколь угодно временное. Их бесило упрямство госсекретаря Халла, требовавшего от Японии дезавуировать тройственный пакт, прежде чем американское правительство соизволит хотя бы обсудить другие альтернативы. Они понимали, что партия войны уже приступила к последним приготовлениям к войне, которые можно остановить лишь достижением взаимопонимания в американо-японских отношениях. Сегодня мы знаем, что Госдепартамент был осведомлен об этой крайней необходимости: Соединенные Штаты сумели дешифровать японский шифр и были в курсе всех радиосообщений, посылаемых из Токио в посольства, военные соединения и дипломатические миссии. Однако ничего не было сделано.

20 ноября 1941 года японцы предприняли последнюю попытку — речь идет о знаменитом предложении *modus vivendi* или 90-дневном перемирии, в течение которого Япония и Соединенные Штаты смогли бы прийти к соглашению по тихоокеанскому региону. Принимая требование Государственного департамента, японцы согласились превратить тройственный пакт в «мертвую букву», толкуя его «свободно и независимо», и дезавуировать свои намерения вступить в европейскую войну, если они не подвергнутся прямому нападению одной из воюющих сторон. Япония также приняла предложение президента Рузвельта о посредничестве в китайско-японском конфликте и обещала вывести все свои войска из французского Индокитая до восстановления мира. В обмен Япония ожидала снятия экономического эмбарго.

С точки зрения американской безопасности, *modus vivendi* являл собою замечательное решение, ибо его соблюдение означало бы, что японские армия и ВМФ, связанные обещанием императору и императорскому кабинету, были бы вынуждены «отозвать собак» и ждать, пока не кончатся 90 дней. Эти три месяца были бы жизненно важными и для Соединенных Штатов.

Генерал Макартур, принявший на себя руководство обороной Филиппин, объявил со свойственным ему оптимизмом, что он сможет удержать их. Однако он умерил свой оптимизм, установив минимальное время в три месяца для подготовки обороны. В то время, когда было сделано предложение о перемирии, Макартура не хватало еще двух месяцев до запланированного ее завершения.

Предложение о *modus vivendi* прошло, как говорится, в дюйме от того, чтобы быть принятым. Но вот 26 ноября Халл сделал шаг, который Грю позднее описал, как «коснулся кнопки, что начала войну». Он отбросил разговоры о соглашении и выдал японцам ультиматум. А десять дней спустя японский флот на всех парах двинулся на Пёрл-Харбор, получив по радио сообщение: «Взойти на гору Ниятака».

Госдепартамент действовал не вслепую. 26 ноября, через день после предъявления ультиматума, Стимсон позвонил Халлу, чтобы спросить его мнение о *modus vivendi*. И тут военный министр впервые узнал, что мирный план отвергнут. Халл важно сообщил Стимсону, что он отказался от этого дела. «Я умываю руки, и теперь все в ваших руках — твоих и [военно-морского министра Фрэнка] Кнокса — то есть армии и флота».

Хотя в раззолоченном особняке, где размещался тогда Госдепартамент, война пока еще не объявлялась, но с мыслью о ней уже примирились. Что же повлияло на президента и его государственного секретаря в этот «нулевой час» истории? Ответ можно найти в Токио, Чунцине и Вашингтоне. А сегодня он может быть найден и в признаниях Зорге, и в многотомных свидетельских показаниях и вещественных доказательствах расследования по Пёрл-Харбору, и в стенографических отчетах слушаний комиссии Маккаррана по Институту тихоокеанских отношений.

С момента нападения нацистской Германии на Советскую Россию в июне 1941 года, усилия коммунистов всего мира были направлены на предотвращение открытия второго фронта в Азии. Проигрывая сражение в Европе, русские нуждались в каждом солдате, каждом танке и в каждой пуле. И тем не менее они не могли позволить себе оставить сибирские границы незащищенными, не имея твердых гарантий, что Япония не ударит им в спину, как ударили они сами в спину Польше в 1939 году. Таким образом, Рихард Зорге от шпионажа и только шпионажа перешел к влиянию на политику Японии и — через германское посольство — Германии.

«Когда в 1941 году призыв к войне с Советским Союзом звучал все настойчивее... я не ограничился лишь определенными маневрами Одзаки внутри группы Коноэ, так как не сомневался в необходимости работать и по Германии», — писал Зорге. Одза-

ки принялся обрабатывать своих друзей, принца Сайондзи и премьер-министра Коноэ. Он предостерегал их, что силу Советского Союза недооценивали, и высказывал предположение, что война с Россией была бы невыгодна для Японии. По словам Зорге, аргументы Одзаки были вкратце следующими:

«Советский Союз ни при каких условиях не намерен воевать с Японией, и даже если бы Япония вдруг вторглась в Сибирь, он стал бы лишь защищаться. И было бы недалековидным и ошибочным для Японии шагом — напасть на Россию, поскольку она не сможет ничего получить в Восточной Сибири или извлечь сколько-нибудь значительную выгоду из этой войны. Соединенные Штаты и Великобритания приветствовали бы открытое выступление Японии против России, чтобы воспользоваться моментом и ударить по самой Японии сразу, как только иссякнут ее нефтяные и железные запасы. Более того, если бы Германия удалось добиться успеха в разгроме Советского Союза, Сибирь могла бы упасть в лапы Японии, и при этом японцам не пришлось бы ударить пальцем о палец. А если Япония стремится к дальнейшей экспансии, не считая Китая, то южные районы Азии куда больше подошли бы для этих целей, поскольку там Япония нашла бы те стратегические ресурсы, столь необходимые ей в военное время, а также напрямую столкнулась бы со своим настоящим врагом [Соединенными Штатами], противостоящим ей в битве за место под солнцем».

Одзаки информировал Зорге о титанических усилиях принца Коноэ в его попытках уладить китайский инцидент и избежать дальнейшей эскалации конфликта. Хотя Одзаки часто встречался с премьером, ясно, однако, что он не мог сколько-нибудь серьезно повлиять на ход мыслей принца Коноэ. Но поскольку дискуссии эти иногда происходили и в присутствии других членов кабинета, то взгляды, выражаемые Одзаки, конечно же, благосклонно воспринимались менее пацифистски настроенными японцами и сказывались таким образом на шагах, которые со всей очевидностью привели к Пёрл-Харбору.

Первые июльские сообщения Зорге о возможности японского нападения на Россию были достаточно пессимистичны. Он радировал в «Висбаден», что посол Отт, ближайший друг Зорге в германском посольстве, информировал его, что Япония нападет на Россию после падения Ленинграда и Москвы и выхода немецких армий к Волге. Но, добавлял Зорге, Тодзио не был заинтересован в нападении на Россию. В последнем своем сообщении за этот месяц Зорге информировал своих русских хозяев, что у японских ВМФ достаточно запасов горючего на два года, а у гражданского населения — на полгода. Это означало, что Япония или будет вынуждена пойти на соглашение с Соединенными

Штатами, величайшей нефтедобывающей страной мира, или же решиться на войну с западными державами, чтобы силой добыть то, чего ей недостает. Это была хорошая новость для России — ну, сколько нефти было там, в Сибири?

К концу августа Зорге отправил в «Висбаден» сообщение, что посол Отт информировал его о намерении Японии твердо придерживаться Пакта о нейтралитете с Россией. Новости становились все лучше. В сентябре 4-е Управление получило сообщение, что Япония не нападет на Россию, если только вдруг Красную армию не постигнет полный крах. И хотя Зорге дал знать в свой родной офис в Москве об огромном размахе летней мобилизации — за которой последовали еще более крупные в декабре 1941-го и январе 1942 года — он мог заверить русских, что японская сила в Маньчжурии уменьшилась до тридцати дивизий — т. е. квантунская армия была совершенно не готовой к боевым действиям.

Одзакі тем временем по-прежнему продолжал пристально наблюдать за японо-американскими переговорами — этого было достаточно, чтобы держать Кремль в нервном состоянии. Хотя Москва, благодаря Зорге, знала, что японский Кабинет принял решение направить главный удар на юг и на Соединенные Штаты в случае провала мирных переговоров, русским было также известно, что дискуссия вполне может закончиться заключением временного или постоянного перемирия. В таком случае Япония получила бы и нефть, и сталь, в которых отчаянно нуждалась, и одновременно набросилась бы на своего старого врага — Россию! Длинные послания от Зорге, когда переговоры продвигались успешно, увеличивали нервную дрожь в Кремле.

«Отто [псевдоним Одзакі] видел предложения Соединенным Штатам... Пункт 4 определяет способ решить китайскую проблему путем временной консервации вопроса о выводе войск, но предполагает, что Япония готова вывести войска из определенных мест в Центральном и Южном Китае. Пункт 5 касается проблемы американских прав на Дальнем Востоке и устанавливает, каким образом они могут быть защищены...»

В начале октября Зорге передал по радио еще одно сообщение в Москву о ходе «американо-японских переговоров».

«По мнению Коноэ, они завершатся успешно, если Япония снизит свое военное присутствие в Китае и Французском Индокитае и приостановит свой план строительства восьми военно-морских и военно-воздушных баз во Французском Индокитае... Но если переговоры провалятся, то будет война, и потому нет сомнений, что Япония делает все возможное, чтобы прийти к их успешному завершению, даже за счет своего германского союзника».

Это сообщение было послано Зорге в то время, когда посол Отт почти ежедневно информировал его о японских военных и дипломатических планах, и после двойной сверки этой информации с тем, что он узнавал от советника премьера Коноэ — Одзаки, Зорге передавал ее в Москву.

Тогда же, в октябре, Одзаки предупредил, что «последующие две-три недели будут решающими в вопросе о движении Японии на юг» и нападения на западные державы. И все же Одзаки был твердо убежден, что столь опасные для них переговоры не станут успешными и никогда не достигнут цели. Ибо он ясно видел горячее желание японского милитаризма развязать войну против США и Англии. Как один из основателей Imperial Rule Assistance Association, наиболее шовинистической из всех влиятельных японских групп давления, Одзаки был прекрасно осведомлен о целях и мощи партии войны. Он поощрял милитаристов и, можно сказать, снабжал их «боеприпасами» для борьбы против антивоенных фракций. Одзаки также читал унылые отчеты обескураженных японских дипломатов из Вашингтона, чувствовал их разочарование при виде неспособности (или нежелания) Госдепартамента понять, наконец, весь драматизм и срочность ситуации и уяснить, что если не произойдет резкого изменения в американской политике, война неизбежна.

В середине октября 1941 года, менее чем за два месяца до Пёрл-Харбора, Зорге и Одзаки направили в 4-е Управление длинный отчет, в котором обосновывалось мнение Зорге, что Япония потеряла надежду достичь согласия с американским правительством и что нападение на США и Англию будет осуществлено в декабре 1941-го или, возможно, в начале января 1942 года. Кремль, которому в свое время передали предупреждение президента Рузвельта о сроках германского нападения на Россию, «отблагодарил» Соединенные Штаты, оставив ценные разведданные при себе. С советской точки зрения причины были чисто прозаические. Воюя с Соединенными Штатами, Япония не рискнет напасть на Сибирь, да и Соединенные Штаты, окунувшись в войну, стряхнут с себя то, что Кремль считал равнодушием, если не легкомыслием, в отношении к ленд-лизу — поставок военно-воздушной продукции и вооружений.

Отправив это послание, Зорге почувствовал, что его миссия выполнена. Более того, он знал, что когда начнется война, возможность вернуться в Россию, не «засветившись», будет для него нулевой. Не было больше никакой нужды оставаться в Японии, и он подготовил черновик шифровки с просьбой о вызове в Москву. Но колесо уже завертелось. И хотя Зорге этого не знал, арест его был делом решенным. По иронии судьбы, на след его группы

японская тайная полиция вышла по чистой случайности. И дело было не в провале или неосторожности кого-либо из членов организации*. Аресты произошли лишь потому, что никакая завеса секретности не может быть абсолютной, всегда остаются упущенные концы, непредвиденные и непредсказуемые, с помощью которых и начинают распутывать весь клубок.

Слабым звеном стал Ито Рицу, в послевоенные годы член ЦК японской компартии и лидер Корпуса молодежных действий. В июле 1941 года Ито был арестован Токкока (токийская тайная полиция) по обвинению в коммунистической деятельности. (Одновременно он выполнял секретные задания по заказу Южно-Маньчжурской железной дороги.) Во время допроса Ито раскололся и признал, что он коммунист. И хотя он не изменил своей идеологической вере, он без промедления принялся топить своих товарищей, возможно, чтобы избежать пыток. И среди названных им людей была и Китабаяси Томо, у которой Мияги Итоку жил в Соединенных Штатах и которую завербовал в организацию Зорге, когда она вернулась в Японию. Ито знал миссис Китабаяси как коммунистку, хотя когда она вступила в подпольную организацию Зорге, она разорвала все свои партийные связи, что заставило Ито решить, что Китабаяси превратилась в изменницу. По иронии судьбы, выдавая ее полиции, Ито просто мстил ей за отступничество.

28 сентября 1941 года полиция напала на след миссис Катабаяси и вскоре арестовала ее. Ей не в чем было особенно признаваться, кроме как в подпольной связи с Мияги, который и был арестован 10 октября.

Человек слабый и болезненный, больной туберкулезом, Мияги сначала пытался покончить с собой, выпрыгнув из окна полицейского участка, но после того, как эта попытка не удалась, его сопротивление было быстро сломлено и он назвал всех своих сообщников. Используя его дом как ловушку, полицейские принялись арестовывать всех, кто приходил к художнику. 14 октября был арестован Одзаки. У арестованных не было никакой возможности предупредить остальных членов группы об опасности, поскольку все встречи были заранее назначены.

15 октября, после обеда, Макс Клаузен появился в доме Зорге, чтобы обсудить с шефом набросок послания в Центр с

* Японская разведка записывала радиосообщения группы Зорге, но несмотря на отчаянные усилия, не могла ни расшифровать их, ни установить местонахождение радиопередатчика. После ареста Зорге и Клаузена, при обыске у Клаузена полиция обнаружила экземпляр книги *Statistisches Jahrbuch fur das Deutsche Reich*. Это и был шифроблокнот группы, и с его помощью японцы смогли, наконец, расшифровать послания, которые они регулярно записывали.

просьбой о возвращении. Он нашел Зорге очень взволнованным. «Джо [Мияги] не пришел на встречу, назначенную на 13-е, — сказал Зорге. — И Отто [Одзаки] не встретился со мной в ресторане «Азия». Полиция могла арестовать их. «В тревожном состоянии они ожидали прихода Одзаки, но он так и не появился. Через два дня Клаузен вновь пришел в дом Зорге. Там уже был Вукелич, глубоко озабоченный исчезновением двоих своих людей. А возвращаясь домой, Клаузен наткнулся на офицера специального отдела Токкоки. Была ли эта встреча случайной? Этого Клаузен не знал, но его уверенность была поколеблена. Первым его побуждением было сжечь все документы, которые у него были, и закопать передатчик, но поразмыслив, он решил пока ничего не предпринимать.

На следующее утро, когда Клаузен еще спал, к нему в комнату вошел тот полицейский, с которым он столкнулся накануне, и арестовал его. Пока Клаузен одевался, полиция окружила дома Зорге и Бранко Вукелича. До конца дня все члены организации Зорге оказались в тюрьме. (В течение шести месяцев 35 подозреваемых были арестованы, из них 16 подверглись пыткам, остальные отпущены как простодушные простофили или случайные сотрудники. Принц Сайондзи был арестован одним из последних. Приговор — три года тюремного заключения — был, несомненно, вынесен с учетом высокого положения его семьи.) Посла Отта и полковника Мейзингера, шефа гестапо, не уведомили об аресте Зорге. Через несколько дней Мейзингер стал тревожиться по поводу необъяснимого исчезновения Зорге. Наконец, он связался с Токкока и с удивлением узнал, что Зорге арестован как советский шпион. Мейзингер набросился на полицию с бранью за ее тупость и неспособность вести дела.

«Зорге — единственный человек в немецком посольстве, которому я действительно доверяю!» — кричал в трубку шеф гестапо. Очень вежливо японцы вкратце поведали ему о доказательствах, которыми они располагают, после чего Отт и Мейзингер доложили об аресте в Берлин, всячески преувеличив степень вины Зорге. Однако в штаб-квартире гестапо в Берлине подняли архивы и обнаружили полное досье на Зорге. Отта срочно заменили д-ром Хайнрихом Стаммером, который, однако, благополучно просидел до конца войны в Пекине.

После краха Германии Мейзингер был пойман в Польше, где предстал перед судом за зверства, совершенные им в Варшаве. Одзаки казнили, тогда как истинная судьба Зорге остается под большим вопросом. Мияги и Вукелич умерли в тюрьме. Макс и Анна Клаузен, как и Каваи, были приговорены к тюремному заключению и находились в тюрьме, пока война не закончилась. Их освободили войска генерала Макарура и, согласно букве

Потсдамского соглашения, они вместе с другими политическими заключенными исчезли в Китае, получив деньги в советском посольстве.

Когда генерал Уиллоби, шеф разведки генерала Макартура, в августе 1951 года предстал перед подкомиссией по международной безопасности, возглавляемой сенатором Маккарти, он обнародовал данные о деятельности Зорге, направленной на то, чтобы втравить Японию в тихоокеанскую войну. Ему, однако, не позволили развить свою мысль и дополнить сведения о роли некоторых американцев в этих попытках. Незадолго до выступления Уиллоби посетил некий генерал-майор, который дал ему особые инструкции относительно того, что можно и чего нельзя говорить, и страна услышала лишь ту правду, которая прошла цензуру президента Трумэна и Пентагона. Однако существуют свидетельства, что давление со стороны Зорге на Токио продолжалось до того самого момента, пока японские бомбы не упали на Пёрл-Харбор, хотя шло ли оно со стороны американцев или со стороны прокоммунистически настроенных японцев — мы по-прежнему не знаем. Но есть один любопытный аспект у этой загадки — это то, что принц Сайондзи, бывший вместе с Одзакэ членом «группы завтраков» и секретарем японского совета в Институте тихоокеанских отношений, поражал своих друзей в правительстве демонстративным отказом от бывшего «либерализма», оказывая всяческое содействие партии войны.

Лишь сегодня мы узнаем, как продолжалось это скоординированное давление из Вашингтона и Чунциня. Но мы, возможно, никогда так и не узнаем, было ли оно вызвано заблуждающимся идеализмом, невежеством или же подлостью, застигнутой на месте преступления. Пусть читатель сам оценит факты, приведенные в этой книге. Дело же писателя — предоставить их ему.

20 ноября 1941 года японская антивоенная фракция приняла свою последнюю попытку сохранить мир, предложив Соединенным Штатам *modus vivendi*. Предложение получило горячую поддержку Объединенного комитета начальников штабов, которые чувствовали, что Соединенные Штаты пока не готовы защитить себя от нападения на Тихом океане. Генерал Макартур не был готов организовать оборону Филиппин, а ВМФ был вынужден держать большую часть своих сил в Атлантическом океане.

В сущности, *modus vivendi* не был сюрпризом для президента Рузвельта и его кабинета — из перехваченных японских шифровок давно стал известным его текст. Госсекретарь Халл и президент долго обсуждали японское предложение. Специалисты Госдепартамента по Дальнему Востоку подготовили памятную записку для Халла, из которой следовало, что «переходное» согла-

шение с Японией было бы выгоднее немедленного и всеобщего соглашения, за которое настоятельно ратовали некоторые члены официальной президентской семьи. Более того, сам президент Рузвельт страстно желал согласиться на еще не предложенный *modus vivendi*. Он также подготовил набросок меморандума, который расширял временной срок японских мирных предложений до шести месяцев и фактически признавал японские интересы в Манчжоу-Го, требуя, правда, от японского правительства не увеличивать численность японских вооруженных сил на маньчжурской границе. До этого момента, в продолжение долгих и мучительных переговоров тех довоенных дней, японские завоевания в Маньчжурии не были ни предметом спора, ни камнем преткновения, что бы там официальные пропагандисты сегодня ни говорили и ни писали.

На заседании кабинета было решено принять *modus vivendi*. Но прежде, чем сделать это официально, следовало, как все понимали, информировать Чан Кайши об условиях мирного соглашения и тех замечательных выгодах, которые разбитый и ослабленный Китай может из него извлечь. Деликатная миссия разъяснения *modus vivendi* была поручена Оуэну Латтимору как лично-му представителю президента в Чуншине.

Казалось, не было причин, по которым Чан мог бы не согласиться на заключение временного перемирия, которое пусть на время, но освободило бы Китай от тяжкого бремени войны и, возможно, привело бы в конечном итоге к умеренно-справедливому миру. Мир никогда не узнает доподлинно, как происходило разъяснение сути соглашения генералиссимусу. Однако то, что Чан так и не понял положений *modus vivendi*, — факт общеизвестный. Халл жаловался Гиттерли, что Чан «не представляет себе реально, каковы факты».

Более того, 25 ноября Лачлин Курье получил в Белом доме радиogramму от Латтимора: «...Я полагаю, вам следует непременно сообщить [президенту] о сильной реакции генералиссимуса... Любые *modus vivendi*, принятые в обход Китая и без учета его интересов, оказали бы разрушительное воздействие на веру китайцев в Америку... Сомнительно, в состоянии ли прошлая помощь или увеличение нынешней помощи компенсировать это чувство покинутости... в такой час... Должен предупредить вас, что остается под вопросом способность генералиссимуса удерживать ситуацию, если доверие китайского народа к Америке будет подорвано сообщением о том, что японцам удалось избежать военного поражения с помощью дипломатической победы». Телеграмма подписана — «Латтимор».

А в это время в Вашингтоне помощник министра финансов Гарри Декстер Уайт был занят «разжиганием огня» под госсекре-

тарем Халлом, с тем, чтобы заставить его отказаться от *modus vivendi*. Член двух советских шпионских организаций, Уайт несколько лет назад продемонстрировал свою любовь к Китаю, передав России доклад о состоянии китайских финансов, достаточно подробный, чтобы позволить враждебной державе разрушить китайскую национальную экономику. Подрезав на корню мирное соглашение, Уайт вызвал Эдварда Картера и других лидеров Института тихоокеанских отношений в Вашингтон и призвал их оказать воздействие на друзей в правительстве с целью убедить их в том, что подобное решение китайского инцидента было бы не чем иным, как предательством. Письмо Картера, написанное 29 ноября 1941 года, само по себе поразительно разоблачительное.

«Могу предположить, что прошедшая неделя была у Курье ужасно беспокойной, — пишет Картер другу. — В течение нескольких дней казалось, что Халлу угрожает опасность отправить и Китай, и Америку, и Англию «вниз по реке» (т. е. в рабство на юг. Амер. идиома. — Ред.). Курье ничего не говорил мне об этом, но я узнал из других высоких источников». (Источники — это официальные документы Госдепартамента, воспоминания людей, документы Конгресса, книга Джорджа Моргенштерна «Пёрл-Харбор: история тайной войны», Нью-Йорк, 1947 год. — Автор).

В показаниях под присягой, данных перед сенатской подкомиссией по международной безопасности, Картер признал, что он ездил в Вашингтон по настоянию Уайта, чтобы «посмотреть, есть ли какие-нибудь частные граждане или правительственные служащие, которые могли бы гарантировать, что дело с *modus vivendi* не будет доведено до конца». «Ходили слухи, — добавил он, — что во время игры в гольф, я полагаю, с адмиралом Номурой, японцы убеждали мистера Халла в своем праве на захват Китая, мотивируя это тем, что Япония, как более цивилизованная страна, выполняет в Китае ту же миссию, что Англия в Индии». Однако Картер продолжал настаивать, что он никогда не оказывал какого-либо давления на Халла, поскольку *modus vivendi* и так был уже отвергнут. Это несколько не совпадало с рассказом Лачлина Курье об «ужасно тревожном времени», но подкомиссия не настаивала.

Если даже Картер и не беседовал с Халлом лично, в Институте тихоокеанских отношений, однако было достаточно друзей и помощников в его деятельности. Был, например, Гарри Уайт, постоянно работавший через министра финансов Генри Моргантау. Был Лачлин Курье, вооруженный телеграммой Латтимора. Госсекретарь Халл неожиданно изменил свое мнение. 26 ноября, не поставив в известность министра обороны Стимсона, но с одобрения президента, он выдал японцам свое знаменитое «вон

из Китая, а иначе... «Нельзя сказать, что этот ультиматум был столь же грубым и бесцеремонным, как некоторые другие, но в качестве основы для переговоров — это была дверь, захлопнутая перед носом у японцев. «У нас не было серьезных оснований полагать, что Япония примет наше предложение», — писал Халл четыре года спустя. 27 ноября 1941 года — на следующий день после ультиматума — агентство Юнайтед Пресс сообщило, что «Соединенные Штаты передали Японии резкое политическое заявление, которое, как сообщили в информированных кругах, фактически покончило со всеми шансами на соглашение». Это была честно сформулированная суть дела.

Поскольку в ультиматуме Халла выдвигалось требование, чтобы Япония фактически ушла со всего азиатского материка — за исключением Кореи — и вернулась к *status quo*, существовавшему для японской империи двумя десятилетиями ранее, нота Халла, оформленная в программу из 10 пунктов, была унижительной до степени, беспрецедентной в дипломатических отношениях двух стран. Комитет по делам армии — один из нескольких официальных органов, определявший степень вины каждого за разгром в Пёрл-Харборе, в осторожной манере привлёк внимание к критической важности этого поступка госсекретаря Халла:

«Ответственность, которую взял на себя госсекретарь, была обусловлена тупиком, в который зашли переговоры между Соединёнными Штатами и Японией... Несомненно, что 26-го утром мистер Халл принял решение согласиться с предложениями, показанными за день до этого министру обороны [Стимсону], в которых содержался план трехмесячного перемирия... На деле решение «опрокинуть все пинком ноги» сопровождалось выставлением японцам контрпредложений из десяти пунктов, который они восприняли как ультиматум... Ударные японские соединения покинули бухту Танкан в ночь с 27 на 28 ноября...»

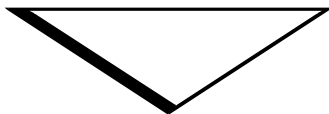
То, что Соединенные Штаты рассматривали заявление Халла как ультиматум, становится ясным и из военного предупреждения, посланного 27 ноября всем американским сторожевым аванпостам. Это было подчеркнуто еще раз и заявлением президента Рузвельта во время обсуждения ноты Халла, что «мы предполагаем атаковать, вероятно, в следующий понедельник». Рузвельт оказался неправ, но лишь в отношении даты.

Японское правительство условилось 19 ноября 1941 года передать сообщение «ветер с дождем с востока» в середине сводок регулярных новостей, передававшихся в коротковолновом радиодиапазоне, в качестве предупреждения японскому дипломатическому персоналу о том, что решение о начале войны принято. Американская разведка, дешифровавшая японский код, знала,

что три слова в этом коротком сообщении означали три предложения: «Война с Англией. Война с Америкой. Мир с Россией». Комитет по делам армии, проводивший расследование обстоятельств нападения на Пёрл-Харбор, сообщил, что «подобная информация [«ветровое» сообщение] была перехвачена станцией слежения. Эта информация была получена 3 декабря, переведена и предоставлена в распоряжение высоких властей». Однако само «ветровое» послание исчезло из архивов ВМФ. Все остальные копии, по словам Комитета по делам армии, также исчезли вскоре после нападения на Пёрл-Харбор. Офицеры ВМФ признавали существование радиоперехвата до 1944 года, а потом вдруг стали страдать прогрессирующей потерей памяти. «Высокое руководство» в армии, ВМФ и Белом доме опровергло, что оно когда-либо видело это сообщение. Может, оно пропало в дороге? Или заблудилось? Или было изъято кем-то более или менее высокопоставленным?

«Ветер с дождем с востока» обрушились на Пёрл-Харбор в тихое воскресенье. И если одним пришлось умереть, то другие оказались победителями.

ГЛАВА 13

ЗВЕНЬЯ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ

Ни один шпионский аппарат не являет собою остров, существующий обособленно, сам по себе. Каждый в нем выполняет свою функцию, но при этом зависит от других. Если сравнить с испорченной железной дорогой, двигающейся по порочному кругу — наоборот, от свободы к рабству, каждый аппарат — это станция. А главный переключатель находится в 4-м Управлении «поездами». Поэтому вольно или невольно, но агенты аппарата постоянно переезжают с места на место, пока их не ликвидируют, не арестуют, или пока им наконец не удастся вырваться на свободу в этом мире, который использует их, а потом отвергает*.

Это постоянное перемещение советских агентов от аппарата к аппарату не только удерживало многих из них от соблазна помчаться к шерифу, но и возбуждало в них ложное чувство, что они — солдаты идеологического фронта, сражающегося в битве за свободу повсюду, где бы ни поднимала голову тирания. Странствующие аппаратчики коммунизма многочисленны. (Большинство из них пишет книги, и полки забиты их «объективными» писаниями.) Хотя руки и души аппарата связаны многими обязательствами, некоторые аппаратчики не являются идейными коммунистами. Так, Гедда Мэссинг, бывшая в течение многих лет советским курьером, не смогла бы объяснить теорию прибавочной стоимости даже под угрозой расстрела. Гарри Уайт, который регулярно передавал американские государственные секреты двум шпионским группам в Вашингтоне, был кейнсианцем. Ноэль

* Раскаявшийся грешник получает благословение Божье. Но либералы в Нью-Йорке и Вашингтоне придерживаются более высокой морали, а именно, что человек, повернувшийся спиной к Сталину, бесконечно греховней того, кто отказался повернуться спиной к Элджеру Хиссу.

Филд, буквально посвятивший свою жизнь Советскому Союзу, проявлял свои коммунистические симпатии, стоя в полночь у погруженного в тишину мемориала Линкольна и распевая «Интернационал» на плохом русском.

Агнес Смедли тоже была одним из таких мнимых идеалистов. Она действительно верила в то, во что не верит ни один профессиональный активист — а именно, что коммунизм — это восторг души и что именно он сделает братьями всех живущих. Ее книги, ее речи, ее интервью полны поклонением несуществующей цели. И хотя она могла желчно пройтись по поведению американских — и русских — коммунистов, она облачала коммунизм и его идеалы в ауру почти религиозного экстаза, и, что еще важнее, был у нее тот исступленный, сбивающий с толку незнакомого с ней человека шарм, характерный для невротиков определенного типа. Это был шарм приведенной в боевую готовность, защищенной зубцами и бойницами политической девственности, пережившей неоднократные попытки насилия со стороны коммунистических функционеров, что и сделало ее столь опасной. Она лгала с такой душераздирающей искренностью, что и она сама, и ее некоммунистические друзья были убеждены, что она говорит правду.

Агнес Смедли прошла предварительное обучение в шанхайском аппарате Рихарда Зорге, а когда Зорге перебрался в Токио, сама окунулась в этот бизнес. Но есть основания полагать, что к 1936 году она стала отдаляться, уходить от этой достаточно примитивной формы «отправки тряпья» в Россию и взялась за бесконечно более деликатную и важную задачу по оказанию влияния на ту небольшую группу американцев в Ханькоу, которые в конечном итоге стали хозяевами американской дальневосточной политики. Нелепо было приписывать одной Смедли ответственность за эту индоктринацию, как неверно было бы отдавать ей и существенную долю вины за пренебрежение некоторыми американцами интересами Америки.

Ее влияние на генерала Джозефа, позднее ставшего одним из главных проводников нерешительной американской политики в Китае, было огромно. И хотя вряд ли ей удалось обратить его в свою веру в то, что китайские коммунисты — безупречные демократы высшей пробы, она, конечно же, демонстрировала все подходящие случаю восторги и восхищения, когда он старался действовать так, словно сам верил в это. Английский посол в Китае в 1933 году сэр Арчибальд Кларк-Керр (впоследствии лорд Инверчепель) считал Агнес Смедли одной из «величайших женщин» на земле, и от нее он воспринял миф о том, что китайские «красные» — милейшие люди, и эти воззрения лорд Инверчепель прихватил с собой, став послом в Вашингтоне.

Эванс Карлсон, выросший до звания бригадного генерала в ВМФ США и посмертно посвященный коммунистической прес-сой в рыцаря партии, был кем-то вроде Трильби мужского рода для Свенгали — Агнес Смедли.

Фреда Атби описывает, как Карлсон «прогуливается по Ханькоу в грязной рубашке с коротко обрезанными и неподрубленными рукавами, стараясь таким образом быть похожим на коммунистического партизана. Его странный вид и восторги в отношении китайских коммунистов были осмеяны... умудренным опытом, искушенным Джоном Дэвисом, впоследствии консулом Соединенных Штатов в Ханькоу. Но хотя Дэвис и опровергал утверждения Карлсона, что коммунисты — «истинные христиане», но Агнес Смедли он называл «невинной чистой душой».

Стилуэлл, Карлсон и Дэвис, поддерживаемые писателями, подобными Эдгару Сноу, Гюнтеру Штайну, Оуэну Латтимору, Т.А. Биссу — все они помогали сбывать дело китайских коммунистов американским интеллектуалам и Госдепартаменту. И все они были друзьями Агнес Смедли. Она даже лично отвозила некоторых из них в Янань, столицу красных повстанцев. И уже через них она оказывала влияние на группу чиновников Международной службы, оставшихся в Китае в течение всей Второй мировой войны и помогавших в проектировании разгрома китайских националистов.

Проверка того, как постепенно, шаг за шагом, с 1943 года и до настоящего времени продолжалось оставление антикоммунистических сил в Азии на произвол судьбы, того, как вопиющий обман насыался на американский народ Госдепартаментом, как практиковались искажения и сокрытия Дальневосточным отделом, утаивалось от китайских националистов оружие и снаряжение в тот момент, когда каждая пуля, выброшенная и сваленная в Тихом океане, могла бы спасти положение, как тактика своеволия использовалась важными дипломатическими чиновниками Соединенных Штатов в попытках выдвинуть коммунистов на господствующее посты в правительстве Чан Кайши, — все это заняло бы «несколько томов энциклопедии». И даже самый приблизительный анализ занял бы целый том. Нет лучшего способа продемонстрировать авгиевы конюшни Госдепа — его архивы, — чем кратко познакомиться с делом Джона Стюарта Сервиса.

Было бы преуменьшением сказать, что именно Джон Сервис вместе с Джоном Винсентом, Джоном Дэвисом, Джоном Эмерсоном* и Раймондом Ладденом — все карьерные диплома-

* В мае 1945-го Эмерсон вернулся из контролируемого коммунистами района, после чего доложил Госдепартаменту, что японских заключенных, содержащихся в американских тюрьмах, следует передавать японским коммунистам для перевоспитания.

ты — состряпали жаркое самоубийственной американской политики в отношении Китая и подали ее горячей Дину Ачесону. Институт тихоокеанских отношений. Нет, Ассоциация внешней политики, журнал «Амеразия» и толпы ученых и публицистов, под предводительством Оуэна Латтимора, Т. А. Биссома, Лоуренса Робинджера, Максвелла Стюарта и Джона Фейербанка также с энтузиазмом поддерживали эту политику. Все, что говорили эти люди в показаниях под присягой, — к делу не относится, все не по существу. Да в долгосрочной перспективе это, возможно, и не столь уж важно — определить, «красные» они или нет. Важнейший вывод, который можно сделать из этого, — тот, что они ввели в заблуждение Соединенные Штаты. В лучшем случае можно сказать, что они были совершенно неправы — факт, который ни они сами, ни Госдепартамент не признают. Однако они придерживались своих позиций еще долгое время после событий, показавших полное безрассудство их деяний.

Джон Сервис заслуживает внимания потому, что находился в Китае во время Второй мировой войны. Его донесения, пребывавшие в гордом одиночестве в небесах «исключительности» (статусом сектора Дальнего Востока в Вашингтоне), использовались для разгрома Чана и водворения Мао Цзэдуна. Особый интерес представляет история одного такого доклада, подготовленного Сервисом. Он прибыл в Вашингтон, имея сопроводительное письмо посла в Чунцине Лейтона Стюарта, в котором посол весьма скептически оценил данные Сервиса и подчеркнул пристрастность последнего. Письмо это ходило по Госдепартаменту наряду со второй сопроводительной запиской, написанной Джоном Винсентом, в котором Винсент утверждал, что Сервис был прав, а посол — нет.

До своего ареста по Закону о шпионаже в 1945 году, Сервис был неизвестен широкой публике. Краткий очерк его жизни и карьеры, изложенный представителями ФБР перед подкомитетом юстиции во время расследования туманных обстоятельств дела «Амеразии», мало что смог прояснить.

«Мистер Гурнеа: Джон Стюарт Сервис родился в Чэнд, Китай, 3 августа 1900 года в семье родителей-американцев... С 23 июня 1933 года работал в Госдепартаменте... Служил в Госдепе на разных должностях — от клерка до 2-го секретаря в Чунцине, Китай... 14 июля 1943 года он был назначен консулом в Кунмине, Китай. 10 октября 1943 года был прикомандирован на службу к генералу Стилуэллу.

1 ноября 1944 года он ненадолго вернулся в Соединенные Штаты и в январе 1945-го уехал в Китай. Вскоре после этого он сопровождал подразделение армейской разведки в Яньань, район, контролируемый китайской Красной армией, после чего

12 апреля 1945 года вернулся в Соединенные Штаты, а 19 апреля 1945 года его видели в обществе Филиппа Яффе [ведущая фигура в документах дела «Амеразии»] в отеле «Статлер» в 6:50 вечера.

Напомним, что в свое последнее возвращение в Соединенные Штаты генерал Патрик Харли, служивший послом Соединенных Штатов в Китае, критиковал теорию Сервиса и считал его политические отчеты пристрастными. Он указывал, что Сервис чувствовал себя свободно в обществе китайских коммунистов, по временам бывая настроен самым недружественным образом по отношению к националистическому правительству генералиссимуса Чан Кайши.

Но это, так сказать, скелет. А плоть можно отыскать в подробных показаниях Сервиса перед Советом по благонадежности и безопасности Госдепартамента, «вычистившего» его из Госдепартамента в 1950 году. Именно перед этим Советом Сервис и предположил, что для того, чтобы сорвать планы русских, Америке следовало бы поддержать китайских «красных». И именно перед этим Советом он обсуждал свое общение с Гюнтером Штайном — не касаясь, однако, тех нескольких лет, когда Штайн сотрудничал с Рихардом Зорге. «Штайн был полезным источником информации, — сказал Сервис, — и в некоторых из моих меморандумов, представленных здесь, содержатся длинные отрывки из его интервью, которые он брал у коммунистических лидеров». Сервис нашел Штайна «весьма консервативным человеком по натуре», но «хорошо информированным». Развивая взгляды Штайна, Сервис, однако, добавил, что «его отношение к коммунизму несколько напоминает отношение Агнес Смедли... Гюнтер Штайн был поражен свежестью и легкостью теории о «безупречных» китайских коммунистах».

Но лучшее представление о Сервисе, однако, дают те донесения, которые он посылал из Китая. 7 апреля 1944 года, например, докладывая о ситуации в Синцзяне, он критикует Чан Кайши за его «безрассудный авантюризм» и «циничное желание подорвать союз Объединенных Наций». Подчеркивая необходимость опасаться возбуждать подозрения русских, Сервис рекомендовал Соединенным Штатам «избегать проявления явной дипломатической поддержки Китая... ограничить американскую помощь Китаю лишь до объемов, необходимых для ведения войны против Японии... спуская на тормозах... грандиозные обещания послевоенной помощи в экономическом восстановлении».

«Необходимо демонстрировать благожелательный интерес к коммунистическим и либеральным группам в Китае, — рекомендует он далее. — Коммунисты, судя по тому немногому, что

нам известно о них, дружески настроены по отношению к Америке и верят, что демократия должна стать следующим шагом в развитии Китая, а также придерживаются мнения, что экономическое сотрудничество с Соединенными Штатами — единственная надежда на скорое послевоенное восстановление и развитие. Националистов следует заставить принять любое отношение, которое мы продемонстрируем им, поскольку они не могут обратиться за помощью ни к какой другой стране, кроме Соединенных Штатов, — продолжает Сервис. — Интерес США к коммунистам стал бы мощной силой, способной убедить гоминдановский Китай в необходимости навести в доме порядок. Таким образом, — советовал он, — мы сможем построить демократический и объединенный Китай», который естественным образом тяготел бы к Соединенным Штатам. (Китай и тяготел — на полях сражений в Корее.)

28 сентября 1944 года Джон Сервис информировал Госдепартамент (доклад № 30), что «в политическом отношении любая ориентация китайских коммунистов на Советский Союз, похоже, дело прошлого. Коммунисты работают над тем, чтобы сделать свою программу и образ мыслей более реалистическими и китайскими и довести до конца демократизацию политики...»

9 октября 1944 года в депеше Сервиса появился набросок «важного вывода», основанного на донесениях, которые он получал с полей сражений, а именно, что коммунисты — непобедимы и что они поддерживают демократию, и потому Сервис советовал, что если националистическое правительство не слямзит программу красных в области «экономических и политических реформ», что вряд ли может быть сделано, замечает Сервис, то через несколько лет коммунисты станут доминирующей силой китайского общества. Попытки Чана уничтожить коммунистов, предупреждал Сервис, «означали бы отказ от демократии».

14 февраля 1945 года в донесении, подписанном Сервисом и Джоном Дэвисом, говорилось, что «существующая в настоящее время в Китае ситуация близка той, что существовала в Югославии до заявления премьер-министра Черчилля о поддержке маршала Тито», и, утверждает в докладе:

«Нравится нам это или нет, но самим нашим присутствием мы стали силой во внутренней политике Китая, и эту силу следует использовать для выполнения нашей первостепенной задачи [поражения Японии]. Вопреки чрезмерным восторгам и публицити, созданному в Соединенных Штатах, Чан Кайши — это не Китай, и своим присутствием и близорукой политикой безоговорочной поддержки его поведения, характерного для собаки на сене, мы зря отрезаем себя от миллионов полезных союзников, многие из которых уже организованы и в состоянии всту-

пить в бой с врагом. Должно быть ясно, что эти союзники не ограничены контролируруемыми коммунистами районами Китая, но могут быть найдены повсюду в стране... Другие значительные группы населения предпочитают ту же программу, что поддерживается так называемыми коммунистами: аграрная реформа, гражданские права, установление демократических институтов, но коммунисты — единственная в настоящее время группа, имеющая силу и достаточно организованная, чтобы поощрять столь «революционные» идеи.

Наша цель ясна... Поддержка генералиссимуса, желательно постольку, поскольку есть конкретные свидетельства, что он хочет и может направить всю силу Китая против Японии... Здесь необходимо срочно откорректировать нашу позицию, с тем чтобы добиться гибкости в достижении нашей главной цели».

Когда Сервис назначили политическим наблюдателем, а на самом деле политическим советником генерала Стилуэлла, ему пришлось работать с человеком хоть и близким ему по духу, но тем не менее не реагирующим на едва уловимые нюансы. Ныне стал известен доклад № 40, написанный им для Стилуэлла, — предельно откровенное изложение взглядов Сервиса. Это поразительный документ. Иди в нем речь о России и будь он написан каким-нибудь второстепенным дипломатом в осажденном войной Советском Союзе, этот дипломат был бы отозван домой немедленно. Доклад № 40 заслуживает обширного цитирования. Озаглавлен он так: «О необходимости большего реализма в наших отношениях с Чан Кайши», и в препроводительном письме Сервис говорит о «прямоте, на которую я решился... принимая во внимание необходимость проведения более сильной политики, к которой, по моему мнению, теперь настало время перейти».

После циничной преамбулы, демонстрирующей его уверенность в том, что националистическое правительство является никудышным вообще и конченным в военном отношении, Сервис продолжает: «[Гоминдан] и Чан будут стоять за нас, потому что наша победа — их единственная надежда на удержание власти. Но наша поддержка не заставит Гоминдан отказаться от своего обычного вероломства в отношениях с врагом и будет лишь поощрять его продолжать сеять семена будущей гражданской войны, плетя интриги с помощью нынешних марионеток против возглавляемых коммунистами сил народного сопротивления ради окончательного поглощения оккупированных территорий... Любое другое правительство, под контролем любых других реакционных сил, будет более склонно к сотрудничеству и будет иметь больше возможностей для того, чтобы мобилизовать страну». Помощь Чану вредит военным усилиям, добавляет Сервис, и лишает нас дружбы китайских «красных».

«Нам не следует поддерживать Гоминдан по причинам политического характера. Наоборот, искусственное возвеличивание Чана лишь прибавляет ему безрассудства... Не следует поддерживать Чана в уверенности, что он представляет проамериканские или продемократические группы...» Коммунисты, настаивал Сервис, были и проамериканскими, и продемократическими. «В конце концов, мы не связаны никакими узами благодарности в отношениях с Чаном. Он сражался, чтобы заставить нас спасти его — с тем, чтобы он мог продолжить захват своей страны, и в ходе этого он обращался с нами так, как мы того заслужили. (Лишь 0,5% американской помощи по ленд-лизу было отправлено в Китай.) Мы, похоже, забыли, что Чан — восточный человек [в отличие от Мао Цзэдуна?].... Мы не можем надеяться на успешное ведение дел с Чаном, не будучи с ним крутыми и жесткими... Мы не можем надеяться решить китайские проблемы... без признания оппозиции — коммунистов, провинциалов, либералов». («Провинциалы» — означает военачальники, «либералы» — горстка интеллектуалов, лишенных политического влияния, опыта или поддержки и — через одного — коммунистов.)

«Нам не следует поддаваться официальным заявлениям об опасности краха Китая. Это старый трюк Чана. Возможен крах гоминдановского правительства... Возможен период некоторого замешательства, но в конечном итоге выигрыш от краха Гоминдана будет больше, чем можно подумать... Кризис — время натиска и энергичных усилий, а не расслабленности».

Давая показания под присягой во время слушаний по проверке его благонадежности, Сервис утверждал, что он настоял на отправке американских наблюдателей в Яньань лишь затем, что это дало бы нам ценную военную информацию, помогая, таким образом, в войне против Японии. Но в докладе № 40 он заявлял:

«Публичное заявление о том, что представитель президента нанес визит в коммунистическую столицу в Яньани, имело бы огромное значение и не прошло бы незамеченным — и меньше всего со стороны генералиссимуса. Эффект был бы даже большим, если бы такой визит стал бы лишь демонстрацией, без проведения каких-либо реальных консультаций... Гоминдановское правительство не может противостоять общественной вере в то, что Соединенные Штаты озабочены отказом в военной поддержке или признанием Гоминдана в качестве лидера китайского сопротивления. Сейчас у нас на руках больше козырей, чем когда-либо, в игре с Чаном. И пришло время воспользоваться ими».

В докладе № 40 речь шла о националистическом правительстве Китая, правительстве, которое в течение нескольких лет противостояло японцам, и об армиях, которые сражались и уми-

рали, защищая свою страну — почти без оружия, почти без еды, почти без надежды. План, изложенный в этом докладе, мог лишь повернуть Китай к коммунистическим и аграрным реформам и — к Москве. И написано это было не в 1945-м, когда война с Японией была окончена. Это было написано 10 октября 1944-го, менее чем через месяц после того, как китайская национальная армия, «разгромленная и деморализованная», по словам политического наблюдателя Сервиса, начала великий поход и захватила «Тенгуен в провинции Яньань, первый крупный город, освобожденный за семь лет».

Когда в 1945 году генерал-майор Патрик Харли давал показания перед сенатской комиссией по международным отношениям, он заявил, что Джон Сервис и «профессионалы из Форин Офис» саботировали все его усилия в качестве посла Соединенных Штатов в Китае, и в качестве примера он приводил доклад № 40. Он детально обосновал это обвинение, заявив под присягой, что Сервис сорвал переговоры, ведущиеся под патронажем Харли, с Чаном и китайскими коммунистами, убеждая «красных» лидеров, что посол говорит лишь от своего имени, но не от имени правительства Соединенных Штатов. Сервис опроверг это заявление в 1950 году вместе с другими обвинениями Харли в том, что усилия античановской группировки были направлены на то, чтобы «свалить правительство Республики Китай».

Так, в депеше от 20 июня 1944 года Сервис настаивает на том, чтобы Соединенные Штаты тихо и спокойно отделались от националистов. «Явно покинув Китай в час нужды, мы бы потеряли международный престиж, особенно на Дальнем Востоке, — писал он. — С другой стороны, если мы идем к освобождению от Гоминдана на его собственных условиях, нам следовало бы поддерживать — но только временно — разлагающийся режим... Такой слабый руководитель, как [Чан], находится не в том положении... чтобы отвергать или противиться по пустякам любой согласованной и позитивной политике, которую мы можем применить в Китае. Все карты в нашу пользу».

В разгар тихоокеанской войны Сервис рекомендует серию шагов, которые могли бы вынудить Чана следовать политическим указаниям Соединенных Штатов:

«Прекратить нянчиться с Китаем, для чего: урезать размер ленд-лиза, уменьшить подготовку китайских курсантов, снизить обучение китайской армии, занять более жесткую позицию в финансовых переговорах или приостановить отгрузку золота. Некоторые или все из этих ограничений могут быть отменены, если генералиссимус и Гоминдан проявят большую волю к сотрудничеству... Перестать способствовать созданию международного престижа генералиссимуса и Гоминдана...»

Он также настаивал на проведении политики поощрения «конструктивной критики» Китая с помощью радио или открыто приглашая прокоммунистически настроенную мадам Сун Ятсен в Белый дом, или вынуждая Чана обнародовать в Китае заявление помощника госсекретаря Самнера Уэллеса, запрещенное на контролируемой националистами территории, потому что в нем выражалась поддержка «красным», или выбирая людей, известных своими либеральными взглядами для выступления от имени Соединенных Штатов в средствах массовой информации.

По мнению Сервиса, ведение официальной пропагандистской войны против Чана было неудачным. В конце концов, полагал он, философ Лин Ютан, Клер Люк, Уэнделл Уилки и республиканские конгрессмены критиковали поведение Госдепартамента именно в Китае и указывали на опасности, скрытые в китайской политике администрации.

Но все это ничего не доказывает в том, что касается Сервиса, а может всего лишь продемонстрировать симптоматичное отсутствие понимания, возможно, объясняемое его тесным общением с Гюнтером Штайном и Соломоном Адлером*.

Сам Адлер категорически отрицал, что он коммунист.

Сервис делил квартиру с Адлером в Китае и прислушивался к его советам. Но в качестве одной истории из многих этот факт становится доказательством номер один в нерассказанной истории американской дипломатии. И связано это до сих пор с до конца неясным делом «Амеразии».

Филипп Яффе, оптовый торговец украденными секретными документами, был редактором «Амеразии». 19 апреля 1945 года — через семь дней после возвращения Сервиса в Соединенные Штаты из Китая и незадолго до развертывания военных действий на Тихом океане на полную катушку — Яффе разыскал его.

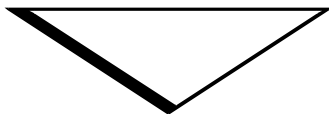
* Показания Элизабет Бейли, курьера советского аппарата в Вашингтоне, перед комиссией по расследованию антиамериканской деятельности:

М-р Стриплинг: Был ли Соломон Адлер членом этой [шпионской] группы?

Мисс Бейли: Да, был.

М-р Стриплинг: Он был достаточно активным участником?

Мисс Бейли: Достаточно пассивным, м-р Стриплинг, потому что в то время, когда я состояла в этой группе, он находился в Китае.

«АМЕРАЗИЯ I»: 1700 УКРАДЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ

Для непосвященного человека дело «Амеразии» кажется озадачивающим, сбивающим с толку отблеском преисподней, когда с легкостью крались совершенно секретные документы, в то время как Министерство юстиции выступало в роли стороннего наблюдателя или брезгливо отмахивалось (фу-фу!) от тяжести ситуации. И многие здравомыслящие люди предпочли вести себя подобным же образом. В США считалось признаком дурного тона высказывать даже мягчайшие обвинения против коммунистов: Россия была нашим доблестным союзником, и предположение, что ее шпион мог бы проникнуть в кабинеты правительства, казалось невыносимым. А то, что дело Амеразии вскрыло лишь малую часть разведывательных операций, контролируемых коммунистами в Соединенных Штатах, похоже, никогда и никому не приходила в голову. Или по крайней мере тем, кто имел какое-либо влияние. И лишь немногочисленные и бескомпромиссные люди, «заблаговременные» антикоммунисты, если так можно выразиться, пытались заставить слушать себя на фоне шума и гвалта страдающих либералов. И молча встречали насмешки и оскорбления, которые по-прежнему — и всегда — их удел.

К большому сожалению для безопасности нации, дело это было провалено, еще не начавшись, администрацией президента, больше обеспокоенной увековечением себя, нежели защитой благосостояния страны.

В статье, написанной для одной из газет, Фредерик Вольтман, лауреат Пулитцеровской премии и прилежный ученик коммунистического движения, писал:

«Многие наблюдатели уверены, что это дело — одно из самых таинственных в истории американской криминалистики — ключ к послевоенному дипломатическому разгрому Америки в Азии.

Многие также уверены, что если бы его расследование шло честно и решительно, то прокоммунистически настроенные элементы в Дальневосточном отделе Госдепартамента были бы вычищены. И что Чан Кайши, вместо того, чтобы быть изгнанным на остров Формозу, повел бы китайскую Красную армию на Сибирь. И что китайский материк, с его 430 миллионами людей, сегодня мог бы управляться правительством, дружественным Соединенным Штатам, а не быть советским сателлитом».

Однако дело «Амеразии» не было только лишь местным, американским, феноменом. Его истоки восходят к неудавшейся сталинской попытке 1927 года сделать Китай советским придатком, к тем тысячам долларов и сотням людей, отправленным в Нанкин, в Чунцин и Токио, и к двадцатилетней кремлевской игре за господство в Азии. Америка участвовала в игре за «голубую фишку» (на крупную карту. — Ред.), но американские дипломаты не знали, какие крупные карты играли здесь наверняка.

«Амеразия» — небольшой журнал с менее чем двумя тысячами подписчиков, но в нем, как в фокусе, отразилось множество вопросов. Это был центр дерзкой и наглой группы, проникшей и в армию, и в ВМФ, и в Управление стратегической разведки (УСР), и в Госдепартамент, и в Бюро военной информации, и в администрацию международных экономических связей, и в цензуру — то есть фактически в каждое учреждение федерального правительства и его вооруженных сил, имевших какое-либо отношение к жизненно важной или секретной информации. И эту информацию, подобно воронке, втягивал в себя офис «Амеразии».

Дело «Амеразии» частично всплыло на свет лишь из-за совершенной беспечности, глупости и нахальства его принципалов — основателей и ведущих. В феврале 1945 года Кеннет Уэллс, аналитик из Дальневосточного отдела УСР, доложил шефу службы безопасности УСР, Арчибальду ван Берену, что он столкнулся со случаем утечки информации в службе безопасности. 26 января, читая очередной номер «Амеразии», он был поражен совпадениями в статье о британо-американских отношениях на Сиаме с секретным докладом УСР, который он сам же и готовил. Сравнив два текста, он обнаружил, что целые куски из «Амеразии» дословно повторяли абзацы из доклада. Было очевидно, что автор статьи не только видел секретный документ, но и имел его перед глазами, когда писал статью.

Обеспокоенный этим проявлением шпионажа, ван Берен вылетел из Вашингтона в Нью-Йорк, где и представил это дело Фрэнку Биляски, руководителю отдела расследований в УСР, и попросил Биляски выяснить, как и почему документ был изъят из архивов УСР. По делу немедленно начато было расследование. Был выделен агент, чтобы держать офис «Амеразии» на 5-й авеню под постоянным наблюдением, в то время как другой агент отправился в Публичную библиотеку, чтобы проанализировать последние выпуски журнала. А сам Биляски сделал запрос в отношении личности Филиппа Яффе, редактора «Амеразии».

В ходе этого предварительного расследования было установлено, что в офисах «Амеразии», в отличие от большинства других журналов, работали день и ночь. Биляски также узнал, что через своих сотрудников журнал поддерживал постоянную и тесную связь с Институтом тихоокеанских отношений. Он обнаружил также, что Яффе был известен как усердный поставщик статей для коммунистической прессы, причем пользовался он при этом псевдонимом Дж. Филиппс, и что он редактировал «Чайна Тудей» — открыто коммунистическое издание, а также владел не входящей в профсоюз типографией. Такие специалисты по Дальнему Востоку, авторы многих газетных статей, как Оуэн Латтимор, Т.А. Биссом, Фредерик Филд, Анна Стронг, Эндрю Рот и Бенджамин Кайзер, сотрудничали как в «Амеразии», так и в Институте тихоокеанских отношений.

Биляски решил, что лучший способ расколоть этот орешек — проникнуть ночью в офисы «Амеразии» и поискать доказательства, которые дадут ход расследованию. Собрав команду крепких ребят, большинство из которых — бывшие агенты ФБР, он ждал ночь за ночью, пока в офисах «Амеразии» не погаснут огни. Наконец, случай представился. 11 марта 1945 года появилась возможность проникнуть в офис. Помощник управляющего зданием впустил их внутрь, и команда УСР приступила к поискам.

Давая показания перед подкомиссией Хоббса 10 мая 1946 года, Биляски сказал:

«Я отправился сам, поскольку не верил, что кто-то может сделать то, чего бы я не смог сделать сам... И я лично занялся обыском прихожей.

Очень скоро я пришел к выводу, что в передней нет ничего, что представляло бы для меня интерес, и сам оставаясь в прихожей, отправил несколько своих агентов осмотреть дальние помещения офиса... Один из них вернулся и доложил: «Нам кажется, что вам лучше пройти туда. Мы нашли там кое-что, что вы должны посмотреть».

И я отправился. Прежде чем зайти в комнату, где они все находились, на правой стороне главного коридора я заметил дверь

в другую комнату, очень небольшую. Я бы сказал, что она вполвину меньше, чем эта. И вся эта комната была отдана для фотокопировальных работ. Там у них стояла фотокопировальная машина и повсюду на полках стояли лотки для проявителя. Место было оборудовано, чтобы делать здесь фотокопии, и делать их в большом количестве.

Я не знал, что это был за род деятельности для такого маленького журнала, как «Амеразия». Но это действительно была копировальная мастерская, и я осмотрелся вокруг.

Я направился в конец коридора. В конце — поворот налево, и небольшая комната помощника редактора, которым тогда была Кейт Митчелл.

Налево находился небольшой офис Филиппа Яффе, редактора... Я вошел в кабинет Яффе. Там стоял стол, почти такой же, как этот...

И он был покрыт оригиналами и свежеделанными копиями документов, каждый из которых был секретным по своему характеру. Некоторые из них были адресованы лично госсекретарю. Другие — от военного атташе в Китае и из других мест, конфиденциальные. И все они были помечены: «Не для показа прессе». Все это были документы конфиденциального характера.

Некоторые бумаги были из морской разведки. Их было очень много на столе. Свежесть копий свидетельствовала о том, что их только что сделали. Вот почему в офисе работали допоздна... Документы Госдепартамента были адресованы лично госсекретарю... Оригиналы находились тут же, как и их фотостатистические копии. Мы все были удивлены этими материалами.

Пока мы все это осматривали, один из наших людей случайно глянул за дверь. И за дверью мы обнаружили чемодан и два портфеля. Чемодан был вот такой толстый [показывает]. Около 18 дюймов. Чемоданы были очень тяжелыми от документов. Я взял с собой специалиста, который открывал все виды замков. Он и вскрыл все замки. Он открыл чемодан, портфели. И когда он открыл чемодан, то оказалось, что он специально сконструирован и в нем сделано 10–15 карманов... Чемодан был буквально набит секретными документами всех сортов, из всех департаментов правительства. И все это были оригиналы. В чемодане не было копий. Было одно исключение: в том чемодане я обнаружил машинописный оригинал и четыре копии особого документа, который я искал. Это был документ Управления стратегической разведки по Сиаму.

Кроме этого, думаю, там было еще пять секретных документов разведки, которые мы пропустили, и один из которых был совершенно секретным, и чрезвычайно ценным и конфиденциальным.

Я достал этот материал и разложил вокруг. Бумаги касались почти каждого из департаментов правительства, за исключением ФБР... Были документы от английской разведки, морской разведки, Госдепартамента, цензуры, стратегической разведки и, вероятно, других... Документов было так много, что мы не могли перелистать их все. Документы были объемом от 3–4 до 150 страниц. Всего было около трехсот документов.

На каждом из них стоял штамп, что обладание этим документом — нарушение Закона о шпионаже. Такой штамп стоял на всех бумагах.

В этот момент один из моих людей, который ходил в библиотеку, вернулся и сказал, что он обнаружил кое-что в библиотеке.

В руках у него был конверт без штампа. Большой манильский конверт. И должен сказать, что в этом конверте было 15 или 20 документов. Я не могу сказать, были ли они mimeографическими копиями или фотокопиями. Они были немного запачканы, но это были не фотостатические копии. Это, должно быть, были фотокопии. Между этими документами, через один, мы обнаружили совершенно секретные документы ВМФ. Я лично видел их. Но я не помню все шесть из них. Жаль, что я не сделал никаких записей об их содержании, но я ясно помню два из них, вероятно, первые два, которые я прочел. Один был озаглавлен, я не помню точное название, но что-то вроде «Программа бомбардировки Японии». Документ был совершенно секретный. Я прочел его. В нем говорилось, как следует бомбить Японию: по нарастающей, по промышленным центрам, и назывались города.

Во втором, который я прочел, перечислялось местонахождение всех судов японского флота, сразу после битвы в Зеуте. Я полагаю, что это был октябрь 1944 года. В нем перечислялись все названия кораблей и указывалось их местонахождение.

Мы вышли и вошли в другую комнату. И там осмотрели весь материал, и я пришел к выводу, что если отсюда отправлюсь в Управление стратегической разведки и там расскажу, что я видел, мне просто не поверят. И потому я решил взять 12–14 документов и принести их, и предъявить в качестве доказательств.

Я выбрал все документы по Управлению стратегической разведки, включая и пять копий одного, который я искал, и еще семь или восемь дополнительных документов. Я выбирал документы, на которых были отметки какого-либо рода, чтобы можно было определить, через чьи руки они прошли.

Я положил документы в левый карман. Я чувствовал уверенность, что там их было так много, что их вряд ли могли бы хватиться, во всяком случае, в течение недели. Я положил бумаги в карман, и мы покинули это место. Мы все сложили обратно, как было. Мы ушли оттуда примерно в 2:30 ночи».

Повторяя этот рассказ перед сенатской подкомиссией по иностранным делам (реабилитационный комитет Тайдингса), Биляски добавил несколько поразительных деталей.

«Есть нечто, о чем я никогда не говорил, ни публично, ни где-либо еще. Но что, я считаю, должен сказать здесь и сейчас. Там был конверт... немного больше, чем этот [показывает]... Конверт лежал открытым на столе, и [в нем] было несколько документов...»

Биляски перелистал совершенно секретные документы, находившиеся в этом конверте. «Третий документ, который я помню, но не настолько, насколько хотел бы, имел отношение к новой бомбе... которая в то время, мне показалось, была просто новой пушкой или орудием. Я уверен в этом, но помню, документ был помечен «А»-бомба или просто большой буквой «А» в кавычках на каждой стороне, и там не говорилось «атомная»... Я не знаю, был ли это отчет о ходе работ, или о плане работ, или что-то еще... Мне показалось, что речь шла просто о бомбе, об А-бомбе, в отличие от В-бомбы или С-бомбы». Другие документы в офисе «Амеразии», заметил Биляски, имели отношение к расположению националистических войск — информация, которая стала бы сущим подарком для китайской Красной армии, а также включали несколько бумаг личного характера, касающихся «интимных» отношений Чан Кайши и мадам Чан, а также депеши от посла в Китае Кристиана Гаусса. И на каждом документе стоял почтовый штамп получателя в Госдепартаменте и предупреждение, что незаконное владение документом есть нарушение Закона о шпионаже.

Через несколько часов Биляски вернулся в Вашингтон и явился в офис Арчибальда ван Берена. С драматическим эффектом он выложил на стол шефа один за одним пригоршню документов, добытых в офисе «Амеразии». В одном из документов речь шла о боевых порядках немецких войск, другой был помечен «Только для руководителя разведки ВМФ», в третьем, согласно отчету ФБР, содержалась совершенно секретная информация о том, что ВМФ расшифровал японский шифр. Что было в остальных документах, ван Берен уже не помнил, когда давал показания подкомиссии Тайдингса в 1950 году. Однако, говоря о документах в целом, сказал: «По моему мнению, хотя я и не могу утверждать это достаточно твердо, все эти документы несомненно пошли бы на пользу врагам Соединенных Штатов и во вред Соединенным Штатам. И я удивлялся все больше и больше, когда [Биляски] рассказывал, при каких обстоятельствах он нашел эти документы».

В тот же самый вечер ван Берен появился в кабинете бригадного генерала Уильяма Донована, шефа Управления стратегической разведки, чтобы сообщить ему плохие новости. «Генерал

Донован решил, что поскольку на всех документах стоит печать Госдепартамента... мистеру Стеттиниусу следует узнать об этом деле как можно скорее. И генерал Донован позвонил м-ру Стеттиниусу домой, в его квартиру в Уордман-парке и спросил, не сможет ли он принять их немедленно. Он также предложил госсекретарю, что если тот решит принять их, он может также попросить присутствовать и помощника госсекретаря [Джулиуса] Холмса. Генерал-майор Монигэн [юрисконсульт Управления стратегической разведки] и я отправились в Уордман-парк», — давал показания ван Берен. Не прошло еще и суток после того, как Биляски вошел в офис «Амеразии».

«Добрый вечер, Эд, — сказал Донован Стеттиниусу. — У меня есть с собой кое-что, что будет тебе очень интересно».

И пока госсекретарь просматривал документы, Донован вкратце объяснил ему обстоятельства, при которых они были найдены. Стеттиниус повернулся к своему помощнику и произнес одно из тех откровенных, хотя и загадочно-таинственных высказываний, которые заставляют задавать вопросы и удивленно поднимать брови.

«Дай бог, Джулиус, чтобы нам удалось докопаться до дна. Тогда мы пресечем множество вещей, докучающих нам».

Элджер Хисс и Лоуренс Дуггэн* по-прежнему работали в Госдепартаменте. Таким же был и Карл Марзани**.

* Лоуренс Дуггэн был одним из тех блестящих и привлекательных молодых людей, собравшихся вокруг Палмера Уэллса. В 1933 году, после неудавшегося коммунистического путча в Бразилии, партийный юрист появился в посольстве Соединенных Штатов в Рио с письмом от Дуггэна, в котором тот убеждал, что необходимо предоставить самые благоприятные условия и все возможности в распоряжение этого защитника революционеров, предупреждая, однако, что «посол не должен быть информирован об этом». Дуггэн был позднее представлен Геде Мэссинг Нозлем Филдом, ставшим впоследствии советским агентом. Как ведущий специалист в Латиноамериканском отделении Госдепартамента, Дуггэн оказался ценным довеском к группе Мэссинг, и потому был немедленно завербован. Как долго он оставался агентом или сколь глубоко был вовлечен, неизвестно, поскольку мисс Мэссинг передала его вскоре другому «связному». Имеющиеся свидетельства дают основания полагать, что он вскоре отошел от дел. В 1948 году, когда дело Хисса-Чамберса заполонило газеты, Дуггэну нанесло визит ФБР. Во время этого визита он так разволновался, что агенты, беседовавшие с ним, предложили продолжить разговор позднее. Но им так и не удалось никогда закончить это интервью: в декабре того же года Дуггэн «выпрыгнул или выпал» из окна своего офиса на 14 этаже в Нью-Йорк-сити.

** Позднее отправившийся в тюремную камеру, потому что скрыл свое членство в коммунистической партии. Карл Марзани был другим блестящим молодым человеком, служившим в совершенно секретной службе стратегической разведки во время войны. Ошибка его заключалась в том,

Ходили слухи и об утечках информации в Госдепартаменте, и о существовании сильной и влиятельной «красной» ячейки в его стенах, и о странном поведении части обложенных доверием чиновников. И даже президент Рузвельт жаловался, что секреты Госдепа имеют привычку находить путь в газеты. Так что так «досаждало» Стеттиниусу? Его замечание так и осталось без разъяснений.

Совещание в квартире госсекретаря подошло к концу, когда хозяин поблагодарил генерала Donovan и заверил его, что примет все необходимые шаги после того, как получит возможность на следующий день посоветоваться с помощниками. Биляски был приглашен в верха Управления стратегической разведки, где ему сообщили, что дело у него забирают.

«[Передавая дело в Госдеп], я сделал лишь одну оговорку, — заявил Биляски, — а именно, что у меня и у моих людей есть дурное предчувствие в отношении всего этого дела, что с ним кто-то что-то должен сделать. Нам не хотелось бы сидеть в стороне и смотреть, как оно движется. Нам хотелось действовать. И действовать побыстрее. Мы считали, что в течение недели необходимо что-то предпринять. И нам пообещали, что в течение недели действия будут предприняты».

Шесть дней спустя, после консультаций с военно-морским министром Джеймсом Форрестолом, дело было передано Эдгару Гуверу. Майору Гурнеа было поручено возглавить расследование. 75 агентов ФБР были задействованы в деле, и 16 марта 1945 года началось круглосуточное наблюдение за Ф. Яффе, редактором «Амеразии». Слежка за ним вывела ФБР на определенное число других людей. Некоторые из них были просто его друзьями или знакомыми, не имеющими никакого отношения к краже правительственных документов. Что касается других, их причастность к гнусной деятельности Яффе — в большей или меньшей степени — была доказана. Из отчета Гурнеа о ходе дела, сделанного им на секретном заседании подкомиссии Хоббса 31 мая 1946 года, становится ясно, как и почему шесть человек были арестованы. Он пришел на это заседание, вооруженный многочисленными вещественными доказательствами — весь урожай, собранный в ходе кражи документов, — и вот его рассказ:

что он под присягой, в заявлении о приеме на работу в Госдепартамент, указал, что никогда не был коммунистом. К сожалению для него, член «Alien Squad» — высокоэффективного антикоммунистического подразделения при департаменте полиции Нью-Йорк-сити, действовавшего под руководством майора Фиорелло Ла-Гуардиа, сумел проникнуть в ту же партийную ячейку, где числился и Марзани. После суда по делу о нарушении присяги Марзани был отправлен за решетку.

«М-р Гурнеа: Учитывая, что Ф. Яффе и Кейт Митчелл были редактором и соредактором соответственно, в отношении этих двух людей расследование был начато немедленно.

У меня с собой краткие биографии этих персон. Не хотели бы вы выслушать их?

Председатель: Думаю, мы хотели бы выслушать их.

М-р Гурнеа: Кейт Луиза Митчелл с 1940 года работала соредактором в «Амеразии», принадлежавшей Ф. Яффе. Проживает по адресу 127 Ист, 54 стрит, Нью-Йорк-сити. Мисс Митчелл родилась 1 сентября 1908 года в семье американцев в Буффало, штат Нью-Йорк. Окончила Брайан-колледж.

После окончания колледжа в 1932 году работала в Институте тихоокеанских отношений с 1933 по 1940 год. С 1934 года по 1940-й была личным секретарем м-ра Эдварда Картера, генерального секретаря ИТО и в этом качестве совершила с ним множество поездок за границу.

С 1940 по 1942 год она продолжала выполнять исследовательскую работу для ИТО на условиях неполного рабочего дня. Она также писала статьи в [коммунистическую] периодическую газету «New Masses». По словам мисс Митчелл, «Амеразия» сейчас целиком принадлежит Ф. Яффе. Раньше это была корпорация, [которая] распалась в 1943 году, когда многие члены редколлегии поступили на правительственную службу. В настоящее время публикация журнала продолжается благодаря объединенным Яффе и ее, мисс Митчелл, усилиям. Мисс Митчелл выступает в качестве советника, но у нее нет каких-либо финансовых интересов в журнале, хотя в 1944 году она предоставила 2,5 тысячи долларов собственных денег для частичного покрытия дефицита журнала. Кроме того, до июня 1945 года она внесла тысячу долларов ее собственных денег для покрытия дефицита этого года. Она заявила, что ни она, ни Яффе не получали какую-либо плату за редакторскую работу.

В январе 1943 года ее внесли в списки приглашенных лекторов Школы демократии, Нью-Йорк-сити. Она также числилась в списках лекторов Школы общественных наук имени Джефферсона, преемницы Школы демократии. Входила она и в Национальный совет американо-советской дружбы.

Филипп Яффе, псевдоним Дж. Филипп, родился 20 марта 1907 года в Могилеве, Россия. В Соединенные Штаты прибыл в 1905 году и был натурализован в Нью-Йорке 4 мая 1923 года. Окончил Колумбийский университет, получив магистерскую степень. Женился на Агнес Ньюмарк. Служил в армии США с 12 октября по 28 ноября 1918 года, после чего вышел в почетную отставку с сохранением знаков отличия.

По крайней мере два раза приобретал паспорта для загран-поездки, один в 1929 году для путешествия в Европу, а другой — в 1937 году для поездки на Дальний Восток.

Яффе был членом множества организаций, среди которых Лига американских писателей, Американский совет по связям с Россией, Американская лига за мир и демократию и Американские друзья китайского народа.

Яффе общался с Эрлом Браудером, Александром Трахтенбергом, главой коммунистического интернационала издателей, Натаном Кохом, псевдоним Натан Росс, главой политической ассоциации Миннесоты, и Эдвардом Барски, президентом Объединенного антифашистского комитета эмигрантов, и другими.

В ходе прямого расследования было установлено, что Яффе контактировал с Эрлом Браудером 16, 22 и 25 апреля 1945 года.

Известно также, что Яффе посещал советское консульство в Нью-Йорке. Главный источник доходов Яффе — «Уоллес Браун Inc.» [его издательская компания], и по его собственному признанию, он издает «Амерасию» при ежегодном дефиците примерно в 6,5 тысячи долларов в год.

Обратившись вновь к результатам проверки прошлой деятельности этих людей, можно узнать, что Яффе в свой предыдущий визит в Вашингтон встречался с Эммануэлем Ларсеном и лейтенантом Эндрю Ротом. После получения этой информации и других вопросов, было начато интенсивное расследование, и началось оно с запросов об их прошлой деятельности.

У меня есть также с собой биографии Ларсена и Рота.

Эммануэль Ларсен, согласно имеющейся информации, родился 27 августа 1897 года в Сан-Рафаэле, Калифорния. Его родители были оба уроженцами Дании и, согласно полученным данным, стали натурализованными гражданами США в Сан-Франциско, Калифорния.

Учился в Китае и Дании. Получив степень в университете в Копенгагене в 1916 году, он отправился в Китай, где работал в Китайской почтовой службе.

10 декабря 1920 года он женился на Леноре Яффе. Насколько нам известно, не родственнице Ф. Яффе. Она была английской подданной, уроженкой Сингапура. У супругов был один сын, Джеймс Ларсен, родившийся 24 октября 1921 года в Фуджоу.

Согласно донесениям военно-морской разведки, Ларсена попросили с [китайской почтовой] службы в 1927 или 1928 году...

С 1928-го до марта 1935 года он служил менеджером по транзитным перевозкам в Англо-американской табачной компании — следил за отношениями между китайскими гражданскими и военными службами и компанией. Утверждают, что он был или уволен, или его попросили уйти из этой компании...

Он заявил, что с октября 1934-го по февраль 1935 года служил в Пекине, в разведслужбе, в качестве исследователя. Утверждают, что он ушел с этого поста, когда японцы угрожали его жизни*.

В вырезке из «Манчестер дейли ньюс» от 16 апреля 1934 года приведено интервью, данное Ларсеном во время работы в Англоамериканской табачной компании, в котором он, как утверждается, в то время с похвалой отзывался о деятельности японцев в Маньчжурии. Приводятся его слова: «Это убедительно доказывает, что местное население Манчжоу-Го в подавляющем большинстве удовлетворено новым положением вещей».

После своего возвращения в Соединенные Штаты, он с сентября по октябрь 1935 года работал в Американском совете научных обществ под патронажем Рокфеллера и в библиотеке конгресса, занимаясь подготовкой биографий китайских персоналий.

С октября 1935-го по август 1944 года Ларсен работал в Управлении морской разведки, где занимался анализом политической и экономической ситуации и оценкой военного потенциала Китая и стран Дальнего Востока.

Эта работа включала в себя сбор информации о вражеских войсках, но также открывала возможности для получения секретной информации ВМФ. Кроме того, Ларсен принимал участие в подготовке молодых офицеров ВМФ к разведывательной работе.

31 августа 1944 года он был переведен в Госдепартамент с заработной платой в 5000 долларов в год как специалист по странам в отдел изучения территорий.

Я думаю, что в настоящее время он безработный и безуспешно ищет работу с тех пор, как оказался замешан в этом деле.

Лейтенант Эндрю Рот родился в Бруклине 23 апреля 1919 года. Его родители, Абель и Берта, уроженцы Венгрии. Отец Рота был натурализован 28 мая 1920 года. Рот окончил городской колледж Нью-Йорка со степенью в 1939 году и получил степень магистра в Колумбийском университете в 1940 году. Тема его диссертации называлась «Труд и национализм в Китае».

3 декабря 1941 года он записался в резерв ВМФ Соединенных Штатов в рамках программы V-12.

В течение 1941 и 1942 годов числился в школе японского языка в Гарварде. В течение этого периода он женился на Рене Луизе Кнайтель из Бруклина, Нью-Йорк. Для начала получил разряд писаря 2-го класса.

* Под присягой Ларсен заявил, что его работа состояла в том, чтобы совать нос в дела других людей и докладывать об их деятельности полиции.

28 августа 1942 года он получил звание лейтенанта и 12 сентября 1942 года был переведен из Кембриджа, Массачусеттс, в Вашингтон, округ Колумбия для выполнения разведывательной работы в Управлении разведки ВМФ*.

В декабре 1943 года Рот был назначен в отдел японского флота в Управлении разведки ВМФ.

1 января 1945 года, находясь на этой должности, Рот был произведен в лейтенанты.

Его последние занятия — чиновник исторического отдела в Городском колледже Нью-Йорка, 1939—1940, научный работник, связанный с международным секретариатом Института тихоокеанских отношений с 1940-го по март 1941 года и сотрудник журнала «Амеразия» под непосредственным руководством Ф. Яффе в течение июля-августа 1941 года.

Он также писал статьи для «Амеразии» в августе и ноябре 1940 года и с июня по октябрь 1941 года.

5 сентября 1943 года он написал письмо в «Нью-Йорк таймс», в котором выступил в защиту комитета «Свободная Германия» в Москве, цели которого были одновременно как военными, так и, после войны, политическими.

Рот участвовал в конференции Института тихоокеанских отношений, проходившей 3 января 1945 года в Хот Спрингс, Вайоминг, в качестве представителя военно-морской разведки.

Первая относящаяся к делу информация, полученная в ходе наблюдения, показывал Гурнеа, была получена 21 марта 1945 года, когда Яффе совершал одну из своих частых поездок в Вашингтон. В вестибюле Статлер-отеля он встретился с Ларсеном, лейтенантом Ротом и миссис Рот. В руках у Ларсена и Яффе были портфели, а у Рота — большой манильский конверт. После ланча миссис Рот ушла, и трое мужчин уехали на машине Джэффе. Ларсена высадили в его офисе, а «Рот и Яффе поехали кружным путем к парковке на восточной стороне библиотеки Конгресса, где и припарковали машину. Наблюдавшие за ними агенты видели, что они заняты беседой и просмотром бумаг. Позднее они поехали на квартиру Рота, где и оставались весь вечер».

После ареста Рот объяснил свое необычное поведение тем, что он якобы показывал Яффе главу из книги, которую он написал. Но когда миссис Рот спросили, просматривал ли Яффе ру-

* Выступая перед Палатой представителей в 1941 году, конгрессмен Дж. Дондеро сказал, что Рот был посажен на ключевую должность офицера связи между разведкой ВМФ и Госдепартаментом, несмотря на «совершенно неблагоприятный отзыв, полученный после окончания расследования, проведенного самим Управлением разведки ВМФ, когда Рота впервые представили на получение офицерского звания».

копись ее мужа, она ответила: «Нет». Яффе сам писал книгу, добавила она, и у него было мало времени, чтобы уделять его книге Рота.

В тот же вечер Яффе и Ларсен встретились вновь и отправились на прогулку. Потом вернулись в отель, где к ним присоединились супруги Рот и мистер и миссис Марк Гейн. Гейны оказались новым ходом для ФБР, сказал Гурнеа. Как выяснилось, Гейн и Яффе часто встречались в Нью-Йорке и Вашингтоне. К тому же Гейн состоял в интимной связи с Кейт Митчелл. ФБР покопалось в прошлом Гейна, и Гурнеа рассказал, что:

«Марк Джулиус Гейн родился 21 апреля 1900 года в Харбине, Маньчжурия [в семье русских]. В 1923 году семья Гейна переехала во Владивосток, Россия, где Гейн посещал советскую среднюю школу. В своей книге «Путешествие с Востока» он с похвалой отзывается о русской системе образования, свободе слова и пуританских отношениях между людьми. В книге Гейн также сообщает, что в 1927 году его семья переехала в Китай, где он общался и работал с китайскими студентами, которые, по его словам, и «должны совершить китайскую революцию».

Гейн прибыл в Соединенные Штаты для учебы в Помона-колледж и Колумбийской школе журналистики. Между 1934 и 1939 годами он работал на «Домей» — японское агентство новостей. В 1944 году он становится гражданином США. До своего ареста работал в газете левых и на «Чикаго Сан». В номере журнала «Кольерс», вышедшем через десять дней после ареста Гейна, опубликована его статья, озаглавленная «Террор в Азии». В примечании редактора утверждается, что статья основана на информации из официальных источников. В статье подробно описываются бомбардировки Японии. Подобные статьи пишутся, как правило, по крайней мере за неделю до публикации. Встает вопрос: видел ли когда-нибудь Гейн документы, которые обнаружил Биляски в офисе «Амеразии»?

ФБР продолжала устанавливать связи Яффе. Рот и Ларсен часто встречались в Институте тихоокеанских отношений, кроме того, миссис Рот часто бывала как в ИТО, так и в книжном магазине Коммунистического фронта в Вашингтоне. 12 апреля 1945 года миссис Рот посетила офис «Амеразии» в Нью-Йорке. Агенты ФБР видели, как она вошла в офис с большим манильским конвертом под мышкой. А когда выходила, конверта у нее не было. После ареста Рота она категорически отрицала, что была в офисе в то время. Но сам Рот признал, что была.

Агенты ФБР отмечали необычно большое количество встреч среди тех, кто был уже под подозрением, причем практически на все встречи один или более людей приходили с большими «манильскими» конвертами, а уходили без них, при этом кон-

верты передавались по несколько раз за день. 19 апреля 1945 года в деле появилась фигура Джона Сервиса, встретившегося с Яффе в вестибюле отеля «Статлер».

Состоялось несколько встреч между Сервисом и Яффе. В одном случае, когда Сервис прибыл в Нью-Йорк, он остановился в доме Гейна, хотя, по его собственному признанию, едва знал его. Один раз Сервис посетил офис «Амеразии». Этот визит он объяснил тем, что Рот свел его с Яффе, которого интересовали коммунисты в Яньани.

«Сервис по-прежнему утверждал, — продолжал свои показания Гурнеа, — что поскольку он, Сервис, был уверен, что Яффе непременно спросит его о деталях политики китайских коммунистов, он захватил с собой [секретный] отчет, подготовленный им для Госдепартамента, о своей долгой беседе с Мао Цзэдуном... Он утверждал, что Яффе невероятно заинтересовала эта тема, и он спросил, нет ли у Сервиса других отчетов по Яньани, которые он мог бы посмотреть. По словам Сервиса, слегка поколебавшись, он согласился показать Яффе некоторые отчеты на следующий день». 20 апреля Сервис провел утро в номере Яффе в отеле «Статлер». По его собственному признанию, он отдал Яффе, человеку, с которым никогда ранее не встречался, копии ряда своих отчетов по Китаю. Когда в 1950 году его спрашивали об уместности передачи секретных документов Яффе, Сервис ответил, что, во-первых, это была достаточно распространенная практика, а во-вторых, документы не были засекреченными, а были его личными экземплярами секретных документов, и в-третьих, что он и сам был несколько обеспокоен и слегка обескуражен требованиями Яффе.

В ходе расследования со стороны ФБР велось не только физическое наблюдение за подозреваемыми. По крайней мере в одном случае были установлены подслушивающие устройства — в номере Яффе в отеле. 8 мая ФБР записало беседу между Сервисом и Яффе о политических и военных делах, в ходе которой Сервис предостерегал: «То, что я рассказал вам о военных планах, конечно же, большой секрет». Вторая запись гласила: Яффе спросил Сервиса, высадимся ли мы на побережье Китая? Сервис ответил: «Не думаю, что это решенный вопрос. Я смогу ответить вам через пару недель, когда вернется Стилуэлл».

Третья запись вызвала вопросы со стороны Теодора Ачилле-са, члена Совета по благонадежности во время проведения слушаний по делу Сервиса в 1950 году. Вопросы касались отчета, который хотел заполучить Яффе. «Вы утверждали, что ответили мистеру Яффе, что получить этот отчет было бы для вас затруднительно, поскольку он хранится в том же отделе, где вы служите». Яффе попросил тогда Сервиса прислать ему отчет почтой.

«Вы ответили мистеру Яффе, — продолжал Ахиллес, — что если и сумеете раскопать экземпляр, то только в Дальневосточном отделе, где могут и не захотеть расстаться с ним. Но вы высказали уверенность, что сумеете стащить экземпляр для него».

Эти записи подслушанного разговора, естественно, не могли быть использованы в суде. Но текст бесед стал известен Совету по благонадежности, который в 1951 году не рекомендовал оставлять Сервиса на государственной службе. Однако со стороны Госдепартамента последовал обоснованный отказ. Очевидно, Госдепартамент не рассматривал человека, обнародующего «совершенно секретные» военные планы, в качестве угрозы для безопасности государства.

Одновременно с расследованием дела по шести подозреваемым, которые позднее были арестованы, ФБР раскопало и множество соучастников, которые вскоре были отпущены — сразу после того, как Министерство юстиции выпустило пар по делу «Амеразии». Одним из тех, кого допрашивало ФБР в надежде поддержать обвинение, была мисс Анетта Блюменталь, машинистка Института тихоокеанских отношений. Она сообщила членам Совета, что Яффе в течение некоторого времени приносил ей печатать бумаги, за которые платил ей по десять центов за страницу. При этом Яффе предупреждал ее, сказала мисс Блюменталь, что материал конфиденциальный. В ходе расследования, проводившегося ФБР и позднее Советом по благонадежности, она опознала несколько секретных документов среди тех бумаг, что давал ей Яффе. Мисс Блюменталь была невинной жертвой и очень ценным свидетелем, и когда бы ни приходили в суд ответчики по делу «Амеразии», мисс Блюменталь вызывали в качестве свидетеля. Интересно, что она вспомнила имя Сервиса как сотрудника Института тихоокеанских отношений и как автора статей и материалов в изданиях Института тихоокеанских отношений, которые он подписывал «Джон Стюарт». Но Сервис отверг это утверждение.

5 июня 1945 года Рот был неожиданно и без объяснения причин отстранен от действующей службы в ВМФ.

6 июня 1945 года Филипп Яффе и Кейт Митчелл были арестованы в офисе «Амеразии» по обвинению в нарушении Закона о шпионаже.

Марк Гейн был арестован в своей квартире в Нью-Йорке. Обвинение — то же.

Джон С. Сервис, Эммануэль Ларсен и Эндрю Рот, уже без мундира, и вследствие чего не подлежа военному суду, были арестованы в Вашингтоне.

За неделю до арестов, показал Гурнеа, возникло препятствие, «поскольку некоторые люди, связанные с конференцией

в Сан-Франциско, настаивали на том, чтобы отложить расследование из-за страха, что это может вызвать трения в отношениях с русскими. (Форрестол также проявил некоторое беспокойство, но воздержался от советов.) Однако препятствия были преодолены после того, как было сделано представление президенту Трумэну, который приказал продолжать расследование.

В ходе арестов в офисах «Амеразии» было обнаружено около четырехсот документов, многие из которых были высочайшей военной и дипломатической важности и охватывали почти все значимые правительственные организации. Не перечисляя их все, следует отметить, что пять лет спустя помощник прокурора генерал Джеймс Макинерни сообщил подкомиссии Тайдингса в показаниях под присягой, что документы, обнаруженные в ходе рассмотрения дела «Амеразии», не были сколько-нибудь значительными: «так, сплетни за чашкой чая». Да, конечно, боевые порядки китайской националистической армии вполне могли сойти в 1950 году за «сплетни за чашкой чая», но были бесценной информацией для китайских коммунистов в 1945-м...

Во время ареста в столе Сервиса была найдена толстая пачка личной переписки. Среди писем было несколько с просьбами доставить сообщения в Чунцин, минуя цензуру. Большинство писем были полны мстительных упоминаний о таких людях, как Патрик Харли, и о законном китайском правительстве, но теплых слов о коммунистических лидерах и отдельных коммунистах. А некоторые письма были явно зашифрованы. По их стилю чувствовалось, что при написании писем использовался шифр, разработанный для личного пользования Сервисом, Л. Девисом и Эммерсоном. Так, слова «белый снег» обозначали мадам Чан, «Гарвард» — коммунистов, «богадельня» — Вашингтон. Шифр, возможно, «детский», сказал Сервис, давая показания Совету по благонадежности.

Документы были найдены и во владениях Марка Гейна, но он утверждал, что они поступили к нему из прессы и что он получил разрешение пользоваться ими. В доме Ларсена оказался второй самый крупный пакет документов — где-то около двухсот.

Хотя в адрес ФБР и раздавалась чрезвычайно необоснованная критика за его деятельность, оно все-таки провело значительную работу по расследованию этого дела. Д. Лэдд, заместитель директора ФБР, ясно продемонстрировал это, когда давал показания перед подкомиссией Тайдингса.

«М-р Лэдд: Во время ареста последнего подозреваемого 6 июня, большое число документов было изъято из офисов «Амеразии». Как показатель тщательности проведенного расследования, была сделана проверка отпечатков пальцев на обнаруженных документах. Лабораторная проверка обнаружила скрытые от-

печатки Кейт Митчелл, Марка Гейна и Эммануэля Ларсена. На одном из документов было обнаружено шесть скрытых отпечатков Марка Гейна, один — Ларсена и один — Яффе, что говорит о том, что все трое держали этот документ в руках. Проверка на идентификацию пишущей машинки показала, что множество документов, находившихся во владении Джэффе, напечатаны Агнес Блюменталь на машинке, принадлежавшей Марку Гейну.

В дальнейшем путем сличения шрифтов было установлено, что статьи, обнаруженные в офисах «Амеразии», были машинописными копиями статей, обнаруженных во владениях Э. Ларсена.

Проверка почерков показала, что три статьи имели отметки, сделанные почерком Эндрю Рота, а на множестве документов присутствовал почерк Э. Ларсена... Все эти документы касались в основном военных и политических вопросов.

Признания, как устные, так и письменные, сделанные участниками дела, показывали, что все они полностью сознавали тот факт, что обладали конфиденциальными правительственными документами. Такие документы, содержавшие секреты военного времени, были обнаружены у...

Сенатор Тайдингс: Кейт Митчелл?

М-р Лэдд: Кейт Митчелл признала, что в ее кабинете находились некоторые правительственные документы*.

Сенатор Тайдингс: А Сервис?

М-р Лэдд: Сервис признал, что он брал лишь то, что он назвал своими собственными экземплярами официальных документов.

Сенатор Тайдингс: Своими собственными?

М-р Лэдд: Своими собственными, во многих случаях для Яффе.

Сенатор Тайдингс: Какое оправдание он привел, если он вообще оправдывался?

М-р Лэдд: Он полагал, что это его собственный, личный экземпляр...

Сенатор Тайдингс: Давал ли он какие-либо секретные документы Яффе?

М-р Лэдд: Да... Но объяснил это тем, что степень секретности определял он сам».

Были свидетельства и против Марка Гейна. Так, во время слежки за ним его видели входящим в офис «Амеразии» с набитым портфелем. За ним последовали, когда он с женой садился в автобус. В салоне он вынул из портфеля несколько бумаг и стал

* По словам конгрессмена Дондеро, один из этих документов — «План боевых операций» — был столь секретным, что армейские офицеры за его утрату подлежали военному суду.

их читать. Агент ФБР, заглядывая через плечо, мог видеть достаточно, чтобы понять, что это такое. Это были секретные документы.

Вот таким было дело, которое ФБР вело энергично и старательно. И это дело Министерство юстиции провалило, и в результате лишь два человека получили незначительные штрафы в качестве наказания. Но это уже другая история. И лучше всего ее можно было бы охарактеризовать, процитировав обмен репликами между Лунсом Николсом, помощником директора ФБР, и сенатором Тайдингсом в ходе расследования «Реабилитация»:

«Сенатор Тайдингс: Есть ли у вас какие-либо сведения, что ФБР или кто-то, связанный с бюро, обращались к кому-либо с целью оказать давление в связи с предъявленным обвинением или судом над теми шестью, которые были первоначально арестованы?

М-р Николс: Я уверен, никто в бюро ни к кому не обращался...

Сенатор Тайдингс: А знаете ли вы о таких случаях вне бюро?

М-р Николс: Этот вопрос, вероятно, следовало бы задать министру юстиции.

Сенатор Тайдингс: А известно ли вам, что было несколько случаев вне бюро?

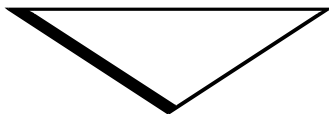
М-р Николс: На этот вопрос мне трудно ответить.

Сенатор Тайдингс: Почему? Вы имеете в виду, что вы не можете ответить на него?

М-р Николс: Очевидно, на него должно отвечать Министерство юстиции.

Сенатор Тайдингс: Не могу понять вас.

Здесь сенатор Макмагон, Ден, Коннектикут, быстро смеялся ему.

«АМЕРАЗИЯ II»: ПРАВОСУДИЕ НАОБОРОТ

Когда 7 июня 1945 года «дело шести» попало в газеты, исполняющий обязанности госсекретаря Джозеф Грю был доволен, что необходимая предварительная работа по наведению порядка в доме наконец-то проделана. Грю был осторожен в своих действиях накануне арестов. Он утверждал, что не знает имен подозреваемых, опасаясь, что личные чувства могут привести его к вмешательству или как-то повлиять на решения Министерства юстиции. Однако сейчас, хотя он и был поклонником Сервиса, считая его ценным специалистом, он настаивал на проведении немедленного расследования. В заявлении для прессы он сказал:

«Сотрудники Госдепартамента в течение определенного времени уделяли особое внимание сохранности секретной информации, когда несколько месяцев назад стало очевидно, что информация секретного характера попадала к неуполномоченным на то людям... Разработана обширная программа с целью жесткого пресечения этой незаконной и предательской деятельности... Решение вопроса теперь в руках Министерства юстиции — оно проводит расследование обвинения».

К его изумлению и ужасу, слова эти были встречены огнем брани и поношений, как если бы раскрытие дела «Амеразии» было преступлением. В ужасающе враждебной обстановке влиятельные представители американской прессы принялись за систематическую обработку публики. Статьи призывали шельмовать тех, кто осмеливался апеллировать к законам страны. Публикации в различных либеральных газетах — «Нью-Йорк пост», «Нью рипаблик» и «Нэшн» хором вторили плачам и воплям коммунистической «Дейли уоркер» по поводу того, что подсуди-

мые невиновны и что само дело — пробный шар реакции, запущенный Грю и Эдгаром Гувером в их «охоте за ведьмами», направленной на самом деле на ограничение свободы прессы».

С поразительным единодушием они категорически утверждали, что аресты — результат злобного заговора Грю против тех комментаторов и писателей, кто не согласен с его политикой. «Дейли Уоркер» утверждала, что арест Рота произошел вскоре после «объявления о выходе его направленной против Грю книги «Дилемма перед Японией». Попутно, со словами «в Вашингтоне все берут бумаги на дом», небрежно отметались в сторону документальные свидетельства.

Этот воинственный дух, казалось, проник и в святилище республиканцев — «Нью-Йорк геральд трибюн». В редакционной статье «Травля красных» эта традиционно консервативная ежедневная газета заявила: «Аресты — серьезный признак, если он означает, что любой в правительстве [должен] вести себя тихо, как мышь, если он политический левый из Госдепартамента. Иностранцы не только бизнес воспитанных в хороших семьях джентльменов в полосатых брюках. Резоны и основания, лежащие в основе нашей внешней политики, не должны утаиваться за словами: «Папа знает все».

«Геральд трибюн», например, проговорила намного больше, чем собиралась, поскольку возгласы возмущения и крики против Грю имели мало отношения к шести арестованным или к тому, насколько серьезен их проступок. Нападавшие на Грю скорее нападали на дальневосточную политику в целом и на его противодействие экспансии Советов в Азии. Публикация дневников Форрестала и показания Юджина Думена, ветерана дальневосточной дипломатии, близкого друга и единомышленника Грю, сделали это предельно ясным. Политика Грю была жупелом для коммунистов, для нью-йоркских и вашингтонских политиков-либералов и для небольшой, но крикливой группы лиц, которые оказывали влияние на политику и которые повсюду протаскивали идеи Нового курса, превратив правительство Соединенных Штатов в свою исключительную собственность.

С самых первых дней войны эта пестрая компания стенала долго и мощно о необходимости изгнать «реакционеров» (читай — «антикоммунистов») из Госдепартамента. Она призывала требовать безоговорочной капитуляции на японском Дальнем Востоке — независимо от того, сколько жизней это может нам стоить, если учесть, что японский народ готов был до последнего солдата защищать свою религию и императора. Но крики, что микадо должен уйти, не прекращались.

Столь же нетерпеливы были и либералы, и все их друзья-хамелеоны, и Оуэн Латимор в 1943 году нарушил ясную и стро-

жайшую директиву Объединенного комитета начальников штабов — безоговорочно поддержанную президентом и британским правительством как способ спасения жизней — в которой содержалось категорическое требование об изъятиях из любых пропагандистских материалов официальных американских организаций и представительство любых нападок на японского императора.

Латтимор настоял на вещании на Дальний Восток речи Сун Фо, прокоммунистического президента китайской провинции Яньань, которая кончалась словами: «Микадо должен уйти». Когда Клей Осборн, начальник японского и корейского отделов в Госдепартаменте, выразил протест, указав на недвусмысленный запрет, он был уволен с подачи Латтимора.

В записи, сделанной 1 мая 1945 Форрестолом в своем дневнике и касающейся политических целей и задач на Дальнем Востоке, он коснулся этой проблемы:

«Я поднял вопрос, не пора ли провести доскональное изучение наших политических целей на Дальнем Востоке, и задал следующие вопросы:

1. Насколько и до какой степени хотим мы разбить Японию? Другими словами, хотим ли мы оккупировать эти острова — и разрушить до основания японский промышленный потенциал?

2. Хотим ли мы обсудить возможность их возвращения в содружество наций после демилитаризации?

3. Какова наша политика в отношении русского влияния на Дальнем Востоке? Нужен ли нам противовес этому влиянию? И должен ли это быть Китай или, может, Япония?*

4. Тщательно ли продуман этот вопрос, коль скоро Америка идет к полному поражению Японии — быстро и дорогой ценой в противовес долгой, затяжной осаде? Я сказал, что хотел бы понять, как люди, которые желают быстрой победы, могут выступать в роли миротворцев в Японии?»

Была и другая альтернатива, предложенная Грю и подчеркиваемая в радиоперехватах японских сообщений, которые мы могли читать, поскольку расшифровали их код. Япония была готова молить о мире, но она бы не сделала этого безоговорочно; ей нужны были гарантии, что император останется на троне, пусть даже как конституционный монарх. С такой гарантией, чувствовал Грю, война на Тихом океане могла бы окончиться без

* Джордж Кеннан, один из величайших мыслителей Госдепа послевоенного периода, написал, что самая мудрая политика для Соединенных Штатов — это избегать войны с Японией, позволив ей оставаться противовесом советскому влиянию на Дальнем Востоке, и что, сокрушая Японию, мы создаем вакуум силы. А фракция анти-Грю как раз и искала, как усилить это тотальное разрушение Японии.

нападения на японскую землю и без вступления Советского Союза в войну — возможность, которой страшились и он, и другие члены Кабинета — и не без причины. В тот же день Форрестол выдвинул свои четыре предложения, заметив при этом, что:

«Помощник госсекретаря Грю несколько прояснил свое представление относительно идеи сохранения японского императора. Он сказал, что его идеи были неправильно поняты и неправильно истолкованы. Он сказал, что он выступает лишь за то, чтобы отложить решение по вопросу о японском императоре, пока не завершим военную оккупацию, и уже тогда сможем решать, где актив, а где — пассив. Он сказал, что согласится лишь с такими действиями, которые помогут сохранить максимум американских жизней».

И Грю, и госсекретарь Стимсон выступали за заявление от имени Соединенных Штатов, в котором было бы сформулировано требование безоговорочной капитуляции и оговорено, какого рода мир могла бы ожидать Япония взамен, а также обещание, что японцам будет позволено оставить их императора и религиозные институты. Но нашлось трое людей, составивших оппозицию идее «компромиссного мира», при котором Япония признает свое полное поражение, но получает в обмен позволение сохранить конституционного монарха, буде японцы того пожелают. Эти трое — помощники госсекретаря Дин Ачесон и Арчибальд Мак-лиш, а также Элмер Дэвис. Все трое обрушились на идею компромисса, метая громы и молнии. И генерал Маршалл, за которым президент Трумэн по необъяснимой причине сохранил последнее слово, был с ними согласен. 29 мая 1945 года формула мира была отвергнута.

Но для Оуэна Латтимора этого было недостаточно. Он был убежден, что Соединенным Штатам следует занять категоричную позицию в пользу свержения микадо, выставив это в качестве главного условия для заключения какого-либо японо-американского мира. Вскоре после встречи Грю-Стимсон-Форрестол и негативной реакции генерала Маршалла на их предложения, тот же Дин Ачесон, который никогда не признавал сколько-нибудь значительной роль Латтимора в формировании высокой политики, устроил ему приглашение на встречу в Белый дом*.

* На этой встрече Латтимор предложил урезать помощь китайскому националистическому правительству. Через год генерал Маршалл обязал Латтимора срочно подготовить «обзор» дальневосточной политики. А через несколько месяцев люди, поддерживавшие старую политику, Думэн и Грю, были изгнаны из Госдепартамента. Визит Латтимора в Белый дом состоялся примерно за неделю до того, как м-р Трумэн отбыл на Потсдамскую конференцию, убежденный, между прочим, что Британия, но не Россия, является главным врагом Соединенных Штатов.

В беседе с президентом Латтимор всячески возражал против любой позиции или решения, которые могли быть приняты этим правительством и которые сделали бы возможным сохранение монархии в Японии. Однако получил отпор от президента.

Почему Ачесон, Маклиш и Дэвис возражали — можно только догадываться. Почему возражали коммунистические восхвалители и либеральные глашатаи — понять легко. Ялтинские соглашения позволили России взять будущее Китая за глотку и получить плацдарм в Японии. Завершилась Тихоокеанская война после того, как Красная армия успела бы внести в нее формальный вклад, этот плацдарм стал бы угрожающим. Грубо говоря, русские не желали иметь никакого «противовеса» своему влиянию на Дальнем Востоке. В случае полного поражения Японии у русских были бы развязаны руки в деле советизации страны. Необходимость свержения императора с точки зрения коммунистов также была очевидной, поскольку микадо мог бы оставаться уравнивающей силой в поверженной стране и блокировать стремительное распространение советской гегемонии. Русские желали тотальной деморализации страны как необходимой предпосылки для захвата ими власти.

За кулисами, однако, шел жестокий мордобой. Юджин Думэн, который был в то время председателем SWINK (Дальневосточный филиал государственного комитета по координации военно-морской политики), дал показания на этот счет в сентябре 1951 года:

«М-р Думэн: Один из людей в офисе сказал мне, что через Госдепартамент шли бумаги [в начале 1945], в которых высказывались просьбы и требования назначить д-ра Латтимора советником в китайский отдел. С бумагами был ознакомлен и шеф китайского отдела.

М-р Моррис: Кто это был?

М-р Думэн: Это был м-р Джон Картер Винсент. Я обсуждал вопрос с м-ром Баллантини, в то время директором Дальневосточного отдела, и указал, что Латтимор и тогда, и за несколько месяцев до этого, использовал всякую возможность для дискредитации исполняющего обязанностей госсекретаря м-ра Грю...

Я также указал, что не подобает человеку, столь откровенно высказывавшемуся в отношении м-ра Грю, работать под началом м-ра Грю... который... приказал, что бумаги эти должны быть уничтожены.

Сенатор Истленд: А что, собственно, мог м-р Латтимор сказать против м-ра Грю?... Может, то, что [Грю] противостоял коммунизму на Дальнем Востоке и хотел мирного договора, который предотвратил бы захват Японии коммунистами?

М-р Думэн: Главная причина недовольства была в том, что м-р Грю защищал политику невмешательства со стороны Соединенных Штатов в отношении формы правления, которую хотели бы установить у себя японцы. Другими словами, если они желали сохранить императора любыми путями, то следовало позволить им сделать это.

Сенатор Истленд: Его оппозиция Грю была в том, что м-р Грю выступал в пользу политики, которая после окончания войны предотвратила бы захват Японии коммунистами? В этом суть, не так ли?

М-р Думэн: Это мое суждение*.

Новый президент пока не освоился, и потому был легкой добычей для людей, занимавших ключевые посты и чья идеология была если и не нелояльной, то вряд ли устойчивой. А потому было решено, что и Грю также должен уйти. Так, по иронии судьбы, дело «Амеразии» стало тем историческим инструментом, с помощью которого его скинули.

Пресса нападала на Госдепартамент за любые предпринятые им необходимые шаги по защите безопасности страны, одурачивая публику и всячески затушевывая в общественном сознании тот факт, что шестеро обвиняемых были арестованы за нарушение Закона о шпионаже. На деле же их арест стал вдруг вопросом свободы прессы, с одной стороны, и политики, проводимой Грю, — с другой. Единственный газетчик, замешанный в деле «Амеразии», Тайан, заявил, что он использовал полученные секретные материалы для своих статей, и отрицал, что когда-либо имел дело с коммунистами. Яффе, выпущенный под залог, сделал заявление, что «характер этого дела — «охоты на красных» — сам по себе скандален и зачастую клеветнический». Но так никогда и не подал в суд на своих клеветников.

Поскольку «дело шести» плавно переросло в дело Джозефа Грю, усилиями левой и либеральной прессы обвиняемые превратились в героев. Эндрю Рот действительно написал серию статей для «Нью-Йорк пост», в которых утверждал, что нынешняя политика Госдепартамента в отношении Китая и Японии сеет семена 3-й мировой войны**. При этом он описал Грю как отца этой политики. Высказанные против помощника Госсекретаря обвинения были столь наглы и неожиданны, что Грю взял экстр-

* Здесь можно отметить, что в июле 1945 года коммунистический теоретический орган, журнал «Political affairs» утверждал: «Существуют влиятельные силы в Госдепартаменте, которые ищут компромиссного мира, который мог бы сохранить после войны власть микадо... направленную против Советского Союза».

** Политика Госдепартамента действительно сеяла семена войны. Но политика, проводимая кликой Ачесона.

раординарный курс на публичные ответы на обвинения. Военные секреты, а не люди, заявил он, лежат в основе этого дела, и было обнаружено вполне достаточно доказательств, для того чтобы поддержать обвинения... Мы-де всего лишь услышали, что кто-то возится в курятнике, и отправились посмотреть, кто бы это мог быть. И что доказательства, которые удалось найти, следовало бы обнародовать в суде.

Дядя Кейт Митчелл, Джеймс Митчелл, бывший президент Нью-Йоркской ассоциации адвокатов, привлек свою фирму к этому делу. Полковник Джозеф Хартфилд, сотрудник фирмы, посетил Вашингтон по крайней мере однажды, чтобы позвонить высокопоставленному чиновнику в Министерстве юстиции. Член палаты представителей Эммануэль Цессер, приверженец Американской демократической рабочей партии, также обратился к генеральному прокурору; а его партнер-юрист выступал в качестве защитника Яффе.

Солидный фонд защиты был основан и для Джона Сервиса с помощью Мортимера Грейвса, секретаря Американского совета научных обществ. Короче, битва началась.

Доказательства против шести арестованных по делу «Амеразии» были представлены Большому жюри, чей вердикт был окончательным. По словам помощника генерального прокурора Макинерни, Министерство юстиции считало, что все это дело «не стоило выеденного яйца, поскольку краденые документы носили вполне безобидный характер». Специальный помощник Генерального прокурора, назначенный вести дело, Роберт Хичкок из Буффало, решил, согласно показаниям Макинерни, что Джон Сервис был невиновен. Макинерни давал показания перед подкомиссией Тайдингса, что Хичкок представил Сервиса Большому жюри, «не устроив ему столь же всесторонней проверки, какую устроил Гейну и [Кейт] Митчелл». Ни слова не сказали членам жюри и о коммунистическом мировоззрении Яффе.

Какие именно остатки доказательств были представлены Большому жюри — упрятано в его протоколах. Макинерни утверждал, что жюри было уверено, что подобные документы «можно было найти в редакции любого журнала и в любом газетном офисе Нью-Йорка». Любопытный, однако, вывод, сделанный из надлежаще представленных фактов... Если согласиться с анализом Макинерни, Министерство юстиции также решило, что единственная вина мисс Митчелл была в том, что она делила офис с Яффе. Где-то по ходу дела версия в заговоре с целью шпионажа была окончательно отброшена и ее место занял заговор о нарушении правил, касающихся незаконного владения правительственной собственностью.

Но поскольку в доме Сервиса не было найдено никаких правительственных документов, уловка автоматически исключала и его из числа обвиняемых. Для вынесения решения Большого жюри требовалось двенадцать голосов. 10 августа Большое жюри проголосовало:

По Сервису: 20 против предания суду, за — нет;

По Гейну: 15 против, 5 — за;

По Митчелл: 18 против, 2 — за;

По Роту: 13 — за, 7 — против;

По Ларсену: 14 — за, 6 — против;

По Яффе: 14 — за, 6 — против.

Через три дня, 13 августа, Раймон Уолш, радиокomentатор СЮ — Рас, так прокомментировал освобождение Сервиса: «Его арест поднял на его защиту некоторых чрезвычайно могущественных людей в правительстве, и любой может легко сделать единственный вывод, что тот, кто начал это дело, вовсе не желал, чтобы они это делали».

Дело, о котором в ходе арестов Министерство юстиции говорило, как о готовом, было с треском развалено.

Сразу за решением жюри о предании его суду, Ларсен узнал, что ФБР обыскало его дом еще до ареста самого Ларсена. Подобный обыск является нарушением Четвертой поправки к Конституции, и, согласно закону, все доказательства, полученные незаконно (так же, как и версии, обоснованные таким образом), считаются в суде недействительными. Адвокаты Ларсена немедленно принялись добиваться признания недействительными всех доказательств, захваченных в доме Ларсена в тот момент, когда он еще не был взят под стражу. ФБР ознакомилось с ходатайством Ларсена об отмене решения о предании суду и подготовило меморандум на 21 странице, который и представило через несколько недель Хичкоку и Дональду Андерсону, другому прокурору Министерства юстиции, назначенному вести это дело. По мнению Андерсона, ходатайство Ларсена не прошло бы в суде просто потому, что дело против него было подкреплено документами, захваченными во время налета на офис «Амеразии», — и эти документы были с его подписью или с его отпечатками пальцев. И его собственным признанием. И тем не менее Хичкок и Макинерни уже пришли к выводу, что их дело против оставшихся троих обвиняемых «лопнуло».

28 сентября Хичкок и Макинерни развили скорость, по существу неведомую прежде среди юристов. Адвокат Яффе предложил внести признание вины своим подзащитным, если в обмен он сможет договориться с правительством. Хичкок и Макинерни с тех пор настаивали, что они были готовы присоединиться к этому требованию, потому что знали, что ФБР обыскивало офи-

сы «Амеразии» незаконно, до предъявления обвинения и ареста. Поскольку ходатайство Ларсена стало достоянием публики, спорили они, Яффе может сделать запрос и узнать об этом «проникновении в дом с целью ограбления», после чего также сможет ходатайствовать об отмене решения Большого жюри о передаче дела в суд.

Даже для несведущего в юридических тонкостях человека доводы Министерства юстиции не были особо логичными. Первоначальные улики в деле «Амеразии» не были «подпорченными»: ведь они были получены законным наблюдением и слежкой. Показания Аннет Блюменталь также имели силу для суда. Более того, незаконное проникновение ФБР не дало никаких новых улик, кроме полученных при аресте Яффе.

Адвоката Яффе пригласили и предложили его подзащитному признать свою вину в незаконном хранении правительственных документов в обмен на рекомендацию Министерства юстиции ограничиться в отношении него штрафом без тюремного заключения. Адвокат согласился, и стороны договорились на пять тысяч долларов штрафа. «Мы спросили, было ли это твердое соглашение, которое ни при каких обстоятельствах не будет нарушено, — сообщил Хичкок подкомиссии Тайдингса. — Адвокат ответил, что да. Он также сказал, что настаивает, чтобы наша рекомендация ограничиться штрафом не была сделана небрежно, но была добросовестно обоснована для суда, с тем, чтобы заставить суд следовать ей. Мы заверили его, что так и будет».

На следующий день была суббота. В отсутствие репортеров дело было рассмотрено судьей Проктором. Можно сказать, что в своем роде это была классика юриспруденции. Когда Альберт Аренд, адвокат Яффе, встретил Хичкока и Макинерни до появления судьи в зале заседаний, он уже успел прочитать в газетах о ходатайстве Ларсена об отмене решения о предании его суду и изъятии незаконно полученных вещественных доказательств.

Хичкок показал, что Аренд сказал им: «Вы сукины сыны!»

«Но вы не собираетесь отказаться от своего слова?» — спросил в ответ Макинерни. «Нет, если вы тоже не возьмете свое обещание обратно», — сказал Аренд. И Хичкок, и Макинерни вспоминали размен с Арендом как свою большую победу: им удалось получить согласие Яффе признать свою вину до того, как он узнал о ходатайстве Ларсена. Однако это освободило и Аренда от каких-либо юридических или моральных обязательств в отношении своих обещаний, хотя Аренд по-прежнему, казалось, был готов заявить о признании вины, как и накануне вечером.

После юридических формальностей Аренд выступил с заявлением, характеризующим редколлегию «Амеразии» — Оуэна Латтимера, Нила Стоуна (впоследствии находился на зарубеж-

ной службе) и проч., в которой упомянул, что Яффе работал в организации, возглавляемой секретарем Стимсоном, а также обрисовал своего клиента как ученого до мозга костей и большого патриота. «Если м-р Яффе и преступил закон, то, похоже, сделал он это от избытка журналистского усердия» и «без намерения подвергать опасности благосостоянием своей страны». Хичкок заявил суду, что он согласен в основном с этим заявлением. А когда его спросили, как много времени заняло изложение правительственных доводов, он ответил: «Не более пяти минут».

Филипп Яффе брал секретные документы для «Амеразии», чтобы «поднять вес журнала и, возможно, ее тираж», — сказал Хичкок. И хотя было использовано несколько сотен документов, нет доказательств, что «было намерение нанести вред стране или поставить правительство в затруднительное положение». Говоря «никаких доказательств», он, возможно, выражался как осторожный юрист. Но он также предположил, что документы брались с намерением «совершенно противоположным» и вполне невинным. И так убедителен был Хичкок и столь осторожен, ни разу не упомянув о какой-либо опасности, которую мог бы представлять собой обвиняемый, что судья Проктор охарактеризовал деятельность Яффе как «явно заслуживающую доверия в своих устремлениях»*.

«Я принял с полным доверием уверения и вашего адвоката, и государственного прокурора, что с вашей стороны не было злого умысла, направленного или рассчитанного на нанесение ущерба правительству, — добавил он. — И дело выглядело бы для меня в другом свете, не прими я ваши заверения и не зная с уверенностью, что они искренние». Затем он приговорил Яффе к штрафу в 2500 долларов — половину от ежегодных взносов Яффе в кассу компартии.

Хичкок сообщил подкомиссии Тайдингса, что ходатайство Ларсена об отмене решения о привлечении к суду и конфискации доказательств не могло бы пройти в суде, хотя проект подобного ходатайства со стороны Яффе и был выдвинут его адвокатом в качестве причины, заставившей власти пойти на сделку с ним. Итог дела, подведенный ФБР, и юридическое заключение Министерства юстиции также показали, что у Ларсена нет аргументов в свою защиту. И все же после «продолжительных переговоров» Хичкок согласился с предложением адвоката Ларсена принять признание *nolo contendere* (отказ от спора) и рекомен-

* В 1950 году Хичкок заявил, что не упомянул о членстве Яффе в компартии из-за того, что был уверен, что судья Проктор читал об этом деле в газетах.

довать суду штраф в 500 долларов. 2 ноября 1945 года Хичкок вновь предстал перед судьей Проктором, заверив его, что «не было никаких элементов нелояльности со стороны обвиняемого», и обвинил того самого Яффе, которого он за несколько недель до этого так оправдывал, в «продажности». Штраф был наложен, и Ларсен вышел из зала суда свободным человеком. От доброты своего сердца Яффе сам оплатил за Ларсена и штраф, и судебные расходы — и это вновь была одна счастливая семья. Дело против лейтенанта Рота было прекращено производством потому, что, согласно мнению департамента юстиции, он был «оправдан» Филиппом Яффе.

Сервис вновь вернулся на работу в Госдепартамент и был восстановлен в должности личного секретаря Бирнса, который тепло поздравил его с «этим счастливым завершением посланного вам тяжкого испытания». Гейн уехал за границу в качестве корреспондента «Чикаго Сан», а также принялся регулярно избивать восточную политику Америки, ведя колонку в «Нэшн». Мисс Митчелл выпала из виду, за исключением редких случаев, когда она время от времени оказывает помощь коммунистическому фронту. Яффе преуспевал, пока в середине 1947 года не рассорился с коммунистической партией из-за своей поддержки бродеризма. Очевидно, он стал кем-то вроде титоиста.

Что до «Амеразии», то журнал выходил еще какое-то время, но потом потерпел крах. Его постоянные подписчики перешли к «Far Eastern Survey» («Дальневосточное обозрение») и к изданиям Института тихоокеанских отношений.

Шум и гвалт по поводу преследования невинных жертв из «Амеразии» стих за несколько недель до этого. В августе Грю был вынужден уйти в отставку, а 25-го числа этого же месяца Дин Ачесон сменил его в должности помощника Госсекретаря, но пост этот он отказывался принять до тех пор, пока не получил от президента обещания свободы рук в кадровых вопросах. И первое, что сделал Ачесон — изгнал из Госдепартамента Думэна, назначив на его место Джона Картера Винсента в качестве председателя Дальневосточной подкомиссии SWINK. «Вскоре после этого, — писал Форрест Дэвис в номере журнала «Фримен» от 5 ноября 1951 года, — персонал Дальневосточного отдела Госдепартамента был подвергнут Ачесоном чистке, и новые люди заступили в караул, которые к этому дню уже вызывали озабоченность как у Советов по благонадежности, так и у комиссий Конгресса».

И в течение нескольких месяцев политика Ачесона-Винсента в отношении Японии, политика, которую Грю и Думэн отвергали, но которую защищали Латтимор и Яффе, была передана на усмотрение генералу Макартуру.

Директива по оккупационной политике в отношении Японии была вчерне написана еще Думэном. Ачесон и Винсент выбросили ее в корзину и заменили другой, по-настоящему разрушительной. Как говорил в своих показаниях перед комиссией Маккаррана Думэн, это было подражание в самых своих основах тому типу политики, которую навязывал своим сателлитам Советский Союз. «Первое, что необходимо было сделать, это повысить налог на капитал с 60 до 90% на любую собственность, превышающую тысячу долларов... Следующее — экспроприировать все земли, размер которых превышает 5 акров в расчете на одного владельца», и эти земли «продать по довоенным ценам — но по курсу, который упал в цене до 1/180 их бывшей стоимости».

«Все акции любого отдельного индивидуума в любых крупных корпорациях, превышающие 3% стоимости пакета, должны быть конфискованы, — продолжал Думэн. — Людей следовало убрать из офисов и вернуть к их основной профессии» — то есть из руководителей — вниз. «Практически весь беловоротничковый элемент». Всех военачальников, «этих милитаристов», учет интересов которого должен был бы стать неотъемлемой частью американской политики, под руководством Ачесона и Винсента планировалось спустить до уровня клерков в брокерских конторах и начальников отделов на фабриках. А в результате, по словам Думэна, в Японии должен был бы возникнуть хаос, который и открыл бы двери советскому проникновению.

Ачесоновский персонал вплотную подошел к победе, и ачесоновская политика вплотную подошла к своему осуществлению в Японии. И лишь генерал Макартур оставался единственным камнем преткновения, чего Ачесон так никогда и не простил ему. А в Китае они победили. И сегодня мы пожинаем плоды этой победы — в Корее, в Индокитае, в Малайе. Конечно, человек, неосторожно давший в руки Ачесону и Винсенту рычаг, с помощью которого они устранили Грю и Думэна, должен быть доволен результатом. После того как их злоключения с «Амеразией» были закончены, Яффе сказал Ларсену:

«Мы, конечно, достаточно пострадали, но как бы там ни было, выгнали Грю».

Есть и постскрипtum к рассказу об «Амеразии», но постскрипtum, который до недавнего времени не мог быть написан с любой степенью завершенности. Писать этот постскрипtum нелегко, поскольку он доказывает, что Программа проверки благонадежности в Госдепартаменте упорно саботировалась по причинам, лучше всего известным самим саботажникам.

Джон Сервис был реабилитирован Госдепартаментом после фиаско с делом «Амеразии». Четыре раза, между 1945 и 1959 годами, ему устраивали проверки на благонадежность как различ-

ными комиссиями, так и Советами по благонадежности. Но это не мешало ему продвигаться по службе. После целенаправленной проверки его личного дела — а это включало и результаты проверки на благонадежность — демократическое большинство подкомиссии Тайдингса заявило, что «мы рассмотрели представленные доказательства и пришли к выводу, что Джон Сервис не является ни нелояльным человеком, ни прокоммунистически настроенным, и не представляет риска для безопасности государства».

После расследования, проведенного подкомиссией Тайдингса, Сервис был подвергнут чистке еще два раза. 13 декабря 1951 года Совет по благонадежности при президенте установил, основываясь на ранее известных фактах, что «существует обоснованное сомнение в отношении его лояльности», и Сервис был тотчас уволен из Госдепартамента. Подводя итог отношениям Сервиса с Филиппом Яффе и цитируя запись подслушанного телефонного разговора, Совет добавил: «Говоря, что его линия поведения не вызывает обоснованного сомнения в отношении собственной лояльности Сервиса, мы вынуждены думать, а не простираем ли мы покров благотворительности слишком широко».

Отставка Сервиса оказалась, конечно, в некотором роде поддержкой сенатору Джо Маккарти, чья битва с Трумэновской бюрократией была в самом разгаре. Но это еще не все — было кое-что в запасе. 3 января 1952 года сенатор Маккарти передал в Ассошиэйтед Пресс, в Международную службу новостей (INS) и Юнайтед Пресс девять страничек убористого текста о заседаниях Совета по благонадежности, проведенных 13 и 14 февраля 1951 года. В течение нескольких дней ни одна газета не напечатала отчета об этом релизе. А когда он, наконец, появился, то был похоронен на последних страницах и так выхолощен, что утратил свою истинную ценность.

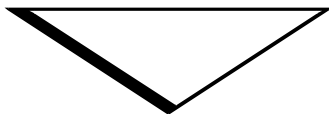
Из дискуссии членов Совета, все из которых были назначены президентом, стало предельно ясно, что постоянные заявления м-ра Трумэна, госсекретаря Ачесона и других ответственных чиновников, касающиеся действенности программы проверки благонадежности, в том виде, как она проводится Госдепартаментом, не согласуются с фактами.

Председатель Совета Хирам Бингхэм привел один исключительный случай. «Был лишь один член Совета по благонадежности в Госдепартаменте, который противился, когда одному из свидетелей не давали говорить. Так, после одного или двух слушаний он был послан за границу с миссией в Гибралтар, или в какое-то другое место, а потом, после следующих слушаний, другому члену совета были поручены какие-то другие обязанности...»

Член Совета по благонадежности признал следом, что практика Госдепартамента принимать на работу тех, против кого существует порочащая информация, насторожила его. Часто такие работники, уволенные из одного места, по его словам, оказывались в других — не менее важных — правительственных учреждениях. При этом не делалось никаких отметок в их личных делах ни об имеющейся информации против них, ни о причинах увольнения.

Вмешивается другой член Совета: «О, вы говорите о Госдепартаменте? Они заняли позу, что шерстят там своих сотрудников и ни в коей мере не защищают правительство. Мы спорим с ними с тех пор, как началась программа проверки на благонадежность». В дальнейшей дискуссии членов Совета по этому вопросу утверждалось, что «мы взяли на себя серьезную ответственность, когда ничего не предпринимали в течение трех лет, хотя и знали, что страна пребывает в спокойствии с ложным чувством безопасности... Мы знаем чертовски хорошо, что [программа проверки на благонадежность] совершенно неэффективна в одном из главнейших департаментов правительства, и нам интересно, следует ли говорить об этом?»

Председатель Бингхэм привел весьма красноречивую статистику, которая придавала особое значение этой жалобе. «Я привлек внимание [госсекретаря] к тому факту, что его совет шел не в ногу с Советами в других организациях. Так, в министерстве почт, например, 10% всего проверенного персонала было найдено заслуживающим отлучения от правительственных должностей. В министерстве торговли — 6,5%. То есть в среднем около 6%. В Госдепартаменте — 0%».

ИНСТИТУТ ТИХООКЕАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ — «КРАСНАЯ ЗАВОДЬ»

Первая благородная попытка трумэнговской администрации почистить дом от идеологически подозрительных элементов создала своего рода прецедент. Ведь дело «Амеразии», кульминацией которого стало подбострастное оправдание высокопоставленных правительственных чиновников, обречено повторяться снова и снова, коль скоро «копченая селедка»* стала основной пищей в президентском меню. Те же силы, что развалили дело «Амеразии», позднее «оправдывали» и Элджера Хисса. И лишь упорство и личная стойкость сенатора Ричарда Никсона, впоследствии члена Палаты представителей, да потрясающее душу мужество и самопожертвование Уиттакера Чамберса помогли нанести поражение этим силам в случае с Хиссом. Но битва началась заново, когда сенатор Джо Маккарти выдвинул свои — так никем и не опровергнутые — обвинения, и когда силы зла, планировавшие смуту и неразбериху, были разбиты наголову, и справедливость восторжествовала. По крайней мере на этот раз.

Дело «Амеразии» многому эти силы научило. И коммунисты, и левые, и либералы поняли, что перед лицом общего врага их внутрисемейные ссоры и дразги следует забыть. Они поняли, что средний чиновник быстро пасует перед надменностью, и что он легко уступает пропагандистским уловкам — даже таким, что не в ладах с логикой. И теперь они держат под своим контролем всю прессу, правительство и интеллектуалов, которые позднее столь щедро дарили своей заботой Элджера Хисса и других членов коммунистической сети.

* Ложные воззрения.

И все же дело «Амеразии» не умерло – и не умрет никогда. Оно пережило и прерванное на середине расследование подкомиссии Хоббса, которая в 1946 году пыталась возложить вину за фиаско на ФБР. Оно вспыхнуло ненадолго, когда Эммануил Ларсен рассказал свою историю в журнале «Plain Talk» – отчет, где каждая строка и каждое слово может быть подтверждено и устно, и письменно, но от которого он позднее отказался в попытке завоевать поддержку администрации, чтобы таким образом вернуться на госслужбу. Его показания перед подкомиссией Тайдингса, когда она вновь открыла это дело (и быстро закрыла), принесли ему то, что он заслужил, – презрение тех, чьей поддержкой он пытался заручиться.

Когда по поручению Сената была сформирована подкомиссия Тайдингса, чтобы провести полное расследование относительно того, не работают ли в Госдепартаменте люди, нелояльные к Соединенным Штатам или бывшие когда-либо таковыми, появился проблеск надежды, что положено начало очистке авгиевых конюшен и подавлению коммуно-лево-либеральной клики. Однако попытка эта была обречена на провал объединенными усилиями демократического большинства подкомиссии. Так, сенатор Теодор Грин из Род-Айленда, старый коренник, плохо представлял себе, о чем, собственно, слушания, но хорошо помнил, что выборы на носу. Сенатор Брайан Макмагон из Коннектикута желал доказать, что он настоящий, проачесоновский либерал, даже если ему пришлось бы для этого избить каждого антикоммуниста. И сенатор Миллард Тайдингс из Мериленда, бывший когда-то мишенью кампании по очернению Нового курса, готов был продемонстрировать, что каким бы запятнанным ни было его прошлое, он все равно способен стать «своим парнем».

С первого дня слушаний, когда сенатор Маккарти только занял место, чтобы изложить свое 81-е дело на заседании Сената, стало очевидно, что коалиция Тайдингса–Макмагона–Грина намерена блокировать любые его попытки докопаться до истины. Ведь если обвинения Маккарти были ложными, как с пеной у рта доказывала либеральная пресса, лучшей стратегией было бы прилежно копать под каждый пункт доказательств, все взвесить и оценить, чтобы позволить фактам разбить голословные утверждения.

А вместо этого Тайдингс бесцеремонно прерывал Маккарти своими высказываниями и замечаниями, мешая ему последовательно изложить дело, а потом заявил на весь мир, что он изучал не столько обвинения Маккарти, сколько самого Маккарти. Это продолжалось и на следующий день, несмотря на протесты республиканского меньшинства. Роберт Моррис, консультант, был назначен, чтобы представлять правительственную точку зрения, однако ему не позволили даже задать вопросы свидетелям, пока

крики протеста не стали так сильны, что Тайдингс был вынужден дать задний ход. Во время выступления важного свидетеля на одном из заседаний, Моррису в грубой форме было велено выйти из комнаты, где проходили слушания, в то время как с коммунистическими лжесвидетелями и проадминистративно настроенными свидетелями обращались сердечно, позволив им превратить заседания подкомиссии в коммунистический форум. К тем же, кто мог представить свидетельства не в пользу Госдепартамента, относились с враждебностью, часто переходившей в злобу и ожесточение. С Эрлом Браудером обходились почтительно, тогда как против экс-коммуниста Луиса Буденза были использованы самые грязные инсинуации из коммунистического склепа, которыми пестрил весь протокол заседания комиссии и которые были потом извлечены из него сенатором Чэвезом, демократом из Нью-Мексико, чтобы повторить их в речи на заседании сената, когда он умудрился заодно осмеять и свидетелей-католиков.

Приведенный ниже типичный обмен репликами между Робертом Моррисом и демократами – членами подкомиссии служит красноречивым примером. После нескольких отчаянных попыток пригласить некоторых важных свидетелей, Моррис в последний день слушаний обратился к Тайдингсу с просьбой:

«М-р Моррис: Сенатор, могу я упомянуть здесь лишь об одном деле?

Сенатор Тайдингс: М-р Моррис, мы можем говорить здесь о делах до Страшного суда.

М-р Моррис: Это необходимо внести в протокол, сенатор. Могу я закончить?

Сенатор Тайдингс: Конечно, хоть вы и не член комитета. А когда нам необходимо выслушать консультанта, мы просим их об этом сами...

М-р Моррис: Существует дело человека по имени Теодор Гейджер. Он служил в Госдепартаменте, а сейчас является одним из помощников Поля Хоффмана [в Администрации Экономического сотрудничества] и занимается работой, исключительно госдеповской по своему характеру. Я собрал нескольких свидетелей, которые все, как один, покажут, что этот Гейджер был членом той же ячейки коммунистической партии, что и они сами, и я считаю, что мы окажемся преступниками, если перед лицом таких показаний, которые уже запротоколированы...

Сенатор Тайдингс: Передайте это дело ФБР или сделайте что-нибудь еще. А мне бы хотелось разобраться с нашим делом. Мы не хотели бы тратить впустую этот вечер».

Довольно любопытно, что 14 страниц протокола, включая и этот отрывок, были ловко изъяты из напечатанной стенограммы

слушаний Тайдингса. И об этом никогда не стало бы известно, если бы не сенатор Генри Кэббот Лодж, республиканец, замечавший отсутствие этих страниц, привлекая к этому внимание Сената и настоявший на их восстановлении в протоколе. Смешно, но под предлогом составления промежуточного протокола подкомитет Тайдингса завершил слушания до того, как они в действительности начались. А уж потом «промежуточный отчет» с помощью парламентских фокусов стал окончательным, который и был одобрен, напечатан и выпущен тремя демократами — членами комиссии без ознакомления и одобрения двух республиканцев — сенатора Лоджа и сенатора Борка Хикенлупера. Игнорируя показания, полученные подкомиссией, протокол обещал Госдепартамент, нападал на сенатора Маккарти и мазал делом всех антикоммунистов подряд, включая и тех, кто не имел никакого отношения к расследованию.

Дело «Амеразии» вспыхнуло ненадолго еще раз, когда Большое федеральное жюри в Нью-Йорке, освободившись от опеки Министерства юстиции, приступило к допросу свидетелей. Члены жюри были взволнованы широким распространением коммунистической подрывной деятельности. Однако Министерство юстиции вновь взяло дело под свой контроль, и в итоге жюри выпустило выдающийся документ, в котором молчаливо признавалось, что да, что-то было в основе своей неверно, что да, не все, дескать, факты были преданы гласности, но тут же следом принялось оправдывать и Министерство юстиции, и ФБР, и Управление стратегической разведки (УСР), и всех остальных, имеющих отношение к этому делу, равно как и всех виноватых. Если ФБР и УСР испортили дело «грязными» доказательствами — как утверждало Министерство юстиции, тогда они были виновны. Но если ФБР и УСР действовали, как положено, тогда дело умышленно саботировалось Министерством юстиции. Большое жюри так никогда и не взяло на себя труд объяснить это противоречие.

Итак, повторим еще раз: дело «Амеразии» было отправлено на дно — вместе с тогдашними попытками «вычистить» из правительства «красных» и им сочувствующих. Расследование было отправлено на дно игнорированием свидетельских показаний и бездействием по отношению к «красным». И публика, которая до этого бурно негодовала и выражала протест, теперь лишь недоуменно наблюдала за происходящим. Поскольку попытки администрации запутать предмет спора, чтобы скрыть важные факты на волне взрыва всеобщей радости от блестящей победы на выборах и в мутных водах несообразностей и полуправды, оказались успешными, но все же средний американец, хоть и запутавшись и не совсем ясно представляя, о чем речь, тем не менее не

был убаюкан заверениями президента, что все прекрасно в этом лучшем из возможных Вашингтонов. Что-то было не так, кардинально не так, и избирателю необходим был прямой разговор, который смог бы развеять его беспокойство и тревогу. Но он не нужен был ученым мужам из администрации. Вместо этого они били в барабаны и распевали «Маккартизм!»*

Однако вопли о «маккартизме» не способны изгнать призраков, и в результате выборов 1950 года сенатор Тайдингс был выставлен из своего офиса, тогда как Маккарти и те, кто вел предвыборную кампанию на полемике с ним или с его помощью, были избраны. Прав он или нет, но для многих американцев Джо Маккарти стал символом казалось бы безнадежной борьбы, которая, однако, заставила администрацию задуматься о внутренних врагах. Ядовитая, злобная, хотя, возможно, и демократическая, пропаганда добилась успеха в создании из сенатора из Висконсина самой спорной фигуры в стране. Нападки журналистов — от грубых, вульгарных нападок антикоммунистической «Нью-Йорк пост» до рафинированной злобы и умышленной, преднамеренной клеветы более «объективных» изданий — лишь укрепляли сторонников Маккарти в вере, что он был самым оклеветанным человеком в Соединенных Штатах, что ни на кого другого так не клеветали. Но при этом они сознавали, что стратегия эта была стара как мир. Она использовалась против каждого, кто осмеливался говорить о коммунистической угрозе в полный голос, а не шепотом.

Кампания, начатая Маккарти, закончилась безрезультатно и не была доведена до конца. Несколько человек, представлявших «угрозу безопасности» и тем не менее спокойно переживших президентские проверки на благонадежность, были тихо, без шума уволены, и, по иронии судьбы, известие об их увольнении пришло одновременно с опровержениями Госдепартаментом обвинений, выдвинутых против них. И все же шум, крики и вздорные страсти имели одно ужасное последствие. В результате кропотливой и неблагодарной «черной работы» Джо Маккарти Сенат Соединенных Штатов создал наконец-то подкомитет по внутренней безопасности в своем Юридическом комитете под председательством сенатора Пэта Маккаррана, а Роберт Моррис был назначен консультантом в прибежище «красных» — Институте тихоокеанских отношений. Осторожный, старательный и кристально честный, обладающий глубокими познаниями в области

* Слово «маккартизм» придумал Оуэн Латтимор. Его на следующий же день после высказываний Латтимора перед подкомиссией Тайдингса подхватила «Дейли уоркер», и за короткое время оно стало частью полемического словаря либералов.

коммунистической подрывной деятельности, обретенными им в период работы в комитете Рэпа-Кудерта и в Законодательном собрании Нью-Йорка, а также во время руководящей работы в военно-морской разведке, он был отличным выбором.

Бенджамин Мандель оставил руководящую работу в Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности Палаты представителей, чтобы поставить свои энциклопедические познания в области коммунизма на службу комиссии Маккаррана. Работа была трудной, опасной и неблагодарной*.

Поскольку Институт тихоокеанских отношений (ИТО), хотя его часто гипотетически, вроде как запуская пробный шар, обвиняли в том, что он дает пристанище подрывным элементам, был переполнен в высшей степени респектабельными подставными лицами — людьми, занимающими видное положение в правительстве (как, например, генерал Джордж Маршалл) или обладающими огромными богатствами и общественным престижем, фактически он был вне подозрений.

И тем не менее ИТО — это был мир, где на государственные дела, на правительство, на благотворительные фонды и пожертвования смотрели через другой конец телескопа. За импозантным фасадом внушительной репутации, благородных научных целей и профессорского величия и титулов скрывалась толпа коммунистов, прокоммунистов, либералов и оппортунистов. ИТО был своего рода гостиной — настоящей, респектабельной гостиной на Парк-авеню, — но сидели в ней шпионы и облапошенные ими простофили. Покончите с ИТО — и вы покончите с Одзаки, Агнес Смедли, Гюнтерами Штайнами, принцами Сайондзи, Генри Уайтсами и Элджерами Хиссами, и тогда доберетесь, наконец, до самого драматического момента в деле Зорге — до истории Пёрл-Харбора, истории «Амеразии», а также до архитекторов американских ошибок и поражений на Дальнем Востоке**. Крупные куши, отстегиваемые фондами Рокфеллера и Карнеги, помогали «сохранять плюш на креслах», которыми был набит ИТО. Представители американского национального корпоративного богатства делились с ним частью заработков — чеками и репутациями. Это те самые упрямые и невинные люди,

* Моррис, например, подвергался грубым и безответственным нападениям журналиста Джозефа Элсопа, который на глазах у широкой аудитории фактически обвинил Морриса в подстрекательстве свидетелей к даче ложных показаний. И это обвинение он позднее отказался взять назад, даже давая показания под присягой.

** Не только большая часть сотрудников «Амеразии» была связана с ИТО, но сам журнал был побочным детищем института, созданным как орудие пропаганды взглядов, открыто прокоммунистических даже для изданий ИТО.

искренне верившие, что отличительными признаками коммуниста должны быть мятые брюки, немые волосы и восточно-европейский акцент.

Институт процветал на протяжении многих лет, и его прокоммунистические авторитетные суждения о политике на Дальнем Востоке, широко распространившись, захватили правительство, прессу, университеты. Это была своего рода политическая моногамия. Без одобрения ИТО ни одна книга по Дальнему Востоку не могла иметь успех. Одобрение института означало научный и финансовый успех. В сотрудничестве с Дальневосточным отделом Госдепартамента ИТО навязал Соединенным Штатам политику, направленную на разгром Чан Кайши и установление власти китайских коммунистов. Институт мучил и корейские воды, помогая начать «Вторую с половиной» войну. ИТО получил полуофициальный статус в отношениях с правительством, превратившись во время войны в своего рода агентство по найму. В письме, написанном как раз перед Пёрл-Харбором, сотрудник института, позднее перешедший на работу в Госдепартамент, Роберт Барнетт, так обрисовал это влияние:

«Отвечая на твою просьбу, я постараюсь изложить в этом письме, как американский совет по ИТО поднялся до требований национальной необходимости.

От армии, ВМФ, Федерального резервного банка и Министерства торговли, Администрации экспортного контроля и Бюро по ценам при администрации поступали неоднократные просьбы о помощи, которые и выполнялись нашим исследовательским персоналом.

...Мы рады, что Министерство обороны признало способности нашего специалиста по Нидерландской Вест-Индии мисс Элен ван Зилл де Лонг, поручив ей последнее задание... Уильям Локвуд, сейчас временно пребывающий в отпуске, работал в качестве секретаря американского комитета международных научных исследований и одновременно у генерала Максвелла и полковника Донована в Вашингтоне, но недавно принял секретарство в американском совете ИТО. И м-р Картер, и я получали приглашения работать в штате Управления по координации информационной политики, но остались здесь, поскольку необходимость в общественном просвещении и частных исследованиях кажется сейчас более настоятельной и необходимой... Это всего лишь примеры того, какого рода задания способен выполнять наш институт, и это также объясняет, почему правительства и нашей, и других стран так жаждут воспользоваться услугами персонала нашего института.

Помощь, оказываемая нами правительствам, к счастью, не приводит к сокращению нашей помощи бизнес-группам, прессе,

университетам и средним школам. Потребность этих кругов в институтских исследованиях в настоящее время более велика, чем когда-либо ранее, ибо мы обеспечивали необходимой информацией редакцию журнала «Форчун», когда он готовил свой дальневосточный выпуск. Мы также помогали преподавательским организациям доводить до ума их дальневосточные программы. Мы провели несколько региональных конференций. Под руководством Кэтрин Портер, Мириам Фарм (посланная Госдепартаментом в качестве политического советника генерала Макартура в Японию, мисс Фарм писала другу в ИТО: «Я приставлена писать политическую часть ежемесячных отчетов Макартура. Есть определенный спортивный интерес — узнать, многого ли я смогу добиться на этом поприще»), Дороти Борг и Курта выходило огромное количество разнообразных дальневосточных обзоров, достигающих все более широкой и все более внимательной аудитории. Мы еженедельно вещаем через CBS и выпускаем недорогие брошюры, среди них, например, «Проба сил в Сингапуре», «Кризис на Филиппинах», «Япония атакует Юг», «Наш дальневосточный дневник», «Американская помощь Китаю» и «Советский Дальний Восток».

В международном плане лишь Франция и Голландия сокращают свое участие в работе института. А королевский институт в Лондоне недавно расширил исследования по Дальнему Востоку, и дальневосточные программы канадского и австралийского институтов сейчас более фундаментальны и лучше обеспечены, чем когда-либо в прошлом.

Я уверен, ты согласишься со мной, что причины, которые привели тебя к поддержке американского совета ИТО в прошлом году, являются вдвое более вескими сегодня... Но в любом случае значительно вырастет ответственность американского совета перед нашим правительством и американским народом».

В письме «мажордома» ИТО вопрос о значении этой организации был разложен по полочкам и рассмотрен куда более обстоятельно:

«Со времени нашей последней встречи правительства четырех стран признали достижения ИТО и высокий уровень нашего персонала, что выразилось в поручении нам следующих заданий:

Ты, без сомнения, знаешь, что по представлению президента Рузвельта, генералиссимус Чан Кайши пригласил Оуэна Латтимоура приехать в Чунцин в качестве его личного политического советника. Латтимоури прибыл в Чунцин 10 дней назад. Другой член международного секретариата, д-р Чжао Тингчи*, велел с нашими наилучшими пожеланиями на том же самолете,

* Агент Коминтерна, позднее отказался от всякого притворства, открыто объявил себя коммунистом и отправился к Мао. — Автор.

чтобы стать генеральным секретарем американо-британо-китайского Фонда стабилизации валюты размером в 95 миллионов долларов. Всегда найдется дело для выдающихся сотрудников института — будь то Латимор, американец в китайском правительстве или Чи — китаец в американском, британском и китайском правительствах. Бывший член секретариата, Ирвинг Фридмен, которому я обеспечил получение задания и возможность изучать Индию в качестве сотрудника индийского правительственного торгового представителя, теперь получил важный исследовательский пост в министерстве финансов в Вашингтоне, пост, для которого он достаточно квалифицирован... Администрация Управления экспортного контроля недавно пригласила к себе на службу на полный день весь американский исследовательский персонал на длительный период, так что нам пришлось убеждать их, что наш персонал, являясь хорошо сбалансированной, опытной исследовательской группой, способен и здесь, на месте, скорее выполнить всю работу, нежели переезжая всем скопом в Вашингтон, где его работа была бы доступна лишь одному-единственному правительственному департаменту.

Просьба другого рода была высказана м-ром Генри Люком, м-ром Уэнделлом Уилки и м-ром Джеймсом Влейном, которые попросили меня стать председателем Комитета по ассигнованиям, ведущим серьезные исследования китайских потребностей, чтобы как можно эффективнее потратить пятимиллионный фонд, если он будет собран, чтобы добиться максимального облегчения для китайцев и одновременно осуществить вложения в перспективную реконструкцию.

Все последующее только между нами, поскольку часть этой информации не для всеобщего пользования...

Пока принц Коноэ был премьером, Ушиба, глава секретариата ИТО в Японии, действовал как его личный секретарь. И пока Ушиба помогал премьеру, Сайондзи (член аппарата Зорге), внук Генро действовал как глава секретариата Института тихоокеанских отношений в Токио, за исключением времени визита Мацуоки в Европу. Сайондзи сопровождал министра иностранных дел в его фантастическом, невероятном турне с визитами к Гитлеру, Муссолини и Сталину.

Брюс Тернер, в течение многих лет секретарь ИТО в Новой Зеландии, только что прибыл в Вашингтон с членом новозеландского кабинета и вскоре отправится в Лондон, прежде чем стать членом новозеландского кабинета.

Королевский институт в Лондоне недавно резко увеличил объем исследований по Дальнему Востоку. Дальневосточная программа Канадского и Австралийского институтов стала более фундаментальной и лучше обеспеченной, чем когда-либо ранее.

Ввиду военной необходимости и большого объема внеплановой работы, которую наш институт просят сейчас выполнить, мне интересно знать, смог бы ты обсудить вопрос о том, чтобы сделать специальный, разовый вклад в размере 250 долларов Американскому совету где-то до 1 сентября?

Искренне твой — Эдвард Картер, исполняющий обязанности секретаря».

На протяжении всего нашего повествования сотрудники ИТО характеризовались соответственно их роли в описываемых событиях. Более или менее полный список личного состава института занял бы многие страницы. Но для ознакомления было бы нелишне взглянуть еще раз в этом контексте на некоторые новые и уже знакомые имена. Среди сотрудников ИТО, авторов его публикаций и членов числились:

Фредерик Вандербильд Филд — в течение нескольких лет исполнительный секретарь Американского совета ИТО, который возмещал его текущие дефициты в общей сумме в 60 тысяч долларов; миллионер-коммунист, лидер подрывной организации «Американская мобилизация за мир»; основатель «Амеразии», автор статей в «New Masses» и «Дейли уоркер».

Гарри Уайт — помощник министра финансов, автор плана Моргентау и член двух советских шпионских групп, нашедший способ передавать высшие военные секреты, для чего договорился с секретарем Моргентау о взаимном регулярном обмене документами по армии, ВМФ, разведке и проч.

Лачлин Курье — помощник администрации из Белого дома и друг советского шпиона Грегори Сильвермастера.

Лоуренс Дугган — глава латиноамериканского отдела Госдепартаamenta и, недолго, член шпионского аппарата Геды Мессинг.

Гюнтер Штайн — корреспондент ИТО в Чунцине, министр без портфеля в шпионской группе Зорге; корреспондент «Крисчен сайенс монитор» и пропагандист достоинств китайских коммунистов, написавший 21 статью для публикации в изданиях ИТО.

Эндрю Рот — протеже Эдварда Картера, главенствующей фигуры в ИТО, пишет для изданий института; арестован по делу «Амеразии».

Лоуренс Розингер — консультант Госдепартаamenta по Дальнему Востоку и получатель двух грантов от ИТО — один от Рокфеллеровского фонда, другой — от Американского совета научных обществ; штатный сотрудник института, автор и лектор в Ассоциации внешней политики.

Джозеф Барнс — одновременно и редактор иностранного отдела «Нью-Йорк геральд трибюн», и редактор злополучной прокоммунистической «Нью-Йорк стар», и одновременно секретарь ИТО, ярый защитник Советского Союза.

Макс и Грейс Грэнич — советские агенты-нелегалы. И м-р, и миссис Грэнич отказались отвечать на вопрос комиссии Маккаррана об их членстве в компартии, ссылаясь на 5-ю поправку к Конституции.

Гарриет Люси Мур — движущая сила ИТО, названа членом коммунистической партии одним из свидетелей. Гарриет Мур сослалась на 5-ю поправку к Конституции, когда комиссия Маккаррана пригласила ее на слушания.

Максвелл Стюарт — редактор «Nation» и «Public Affairs Pamphlets» — популярной серии брошюр, выпускаемой Институтом. В показаниях под присягой назван коммунистом.

Корлис Ламонт — сочувствующий коммунистам и ангел-хранитель всех прокоммунистических организаций. В настоящее время финансирует и поддерживает про-«красный» «Нью-Йорк компасс».

Элджер Хисс — как чиновник высшего эшелона Госдепартамента, один из близких друзей ИТО и как президент Фонда Карнеги за международный мир, следил, чтобы институт исправно получал денежки Карнеги. Советский агент, а ныне обитатель тюремной камеры, осужденный за нарушение присяги.

Бригадный генерал Эванс Карлсон — автор книг, издававшихся ИТО, твердый сторонник китайских коммунистов, близкий друг Агнес Смедли и тайный член коммунистической партии, согласно данным под присягой показаниям.

Израэль Эпштейн — пишет в «Нью-Йорк таймс», автор книг, изданных Институтом, друг коммунистов и враг Соединенных Штатов, если судить по его собственным писаниям, сотрудник советской тайной полиции; покинул Соединенные Штаты во избежание депортации.

Джеймс Аллен — бывший редактор зарубежного отдела в «Дейли уоркер», пишет в издания ИТО.

Менее чем за неделю до начала слушаний комиссии Маккаррана, около пятидесяти человек, более или менее близко сотрудничавших с Институтом, были идентифицированы как советские агенты, коммунисты или столь убежденные прокоммунисты, что разница была несущественной. О роли Института красноречиво свидетельствуют показания Луиса Буденза, экс-коммуниста и бывшего редактора «Дейли уоркер», в которых он процитировал Александра Трахтенберга, комиссара по культуре в коммунистической партии, сказавшего, что ИТО был «небольшой красной школой для обучения некоторых людей в Вашингтоне тому, что следует думать о роли Советского Союза на Дальнем Востоке. «Он был «красный, как роза», — сказал своему курьеру Элизабет Вентли мастер шпионажа Яков Голос. Александр Бармин, бывший бригадный генерал Красной армии, а ныне глава рус-

ской секции «Голоса Америки», объяснил это следующим образом, выступая на слушаниях комиссии Маккаррана:

«Сенатор Фергюссон: Что представлял из себя Институт? Был ли это коммунистический фронт или нечто другое, на ваш взгляд? Что именно?

М-р Бармин: Конечно, у нас бывает иногда то, что мы называем «крышей». Институт был специально создан для достижения узких военных целей. Это была фальшивка, не более, чем финт, подделка. Вместо него мог быть какой-нибудь экспортно-импортный бизнес или какой-нибудь магазин, или туристическая фирма, которые были бы устроены как место для встреч или собраний и в качестве предлога для законного жительства в районе.

Что до Института [ИТО], то здесь был, конечно, план другого рода. Это была организация, которая уже существовала и которая была основана, чтобы идеально подходить не только для какой-то одной страны, но для всего тихоокеанского региона в целом. Эта «крыша» могла позволить им обеспечить передвижение их людей, что открыло бы огромные возможности для разведывательной деятельности. Так что это была не специально созданная конструкция, но такая, что должна была проникнуть всюду и занять ключевые места в государственных учреждениях.

Что до вопроса передвижения людей, должно было быть достаточно сотрудников, которые могли бы докладывать о своих наблюдениях военной сети и спокойно работать внутри организации для сбора информации и вербовки людей и проч.*.

Сенатор Фергюссон: Итак, Институт был последней структурой, которую вы собирались использовать и использовали, так?

М-р Бармин: Так».

«Звездой» Института тихоокеанских отношений был Оуэн Латтимор. Как Эдвард Картер был выдающимся администратором организации, так Латтимор был выдающимся ученым, защитником московских процессов, неутомимым пропагандистом интересов Советского Союза и китайских коммунистов. Латтимора можно описать как человека, который всегда оказывался в нужном месте. В 150 тысячах фрагментов переписки ИТО, кото-

* Во время показаний Оуэна Латтимора было представлено доказательство — письмо ему Эдварда Картера, который, касаясь этого вопроса, писал 11 июля 1939 года: «Мотылев [глава русского филиала ИТО] жаждал получить больше информации об экономической ситуации, а также личных соображений в отношении того, что собираются здесь предпринимать в отношении Китая и Японии... Одна из самых настойчивых просьб Мотылева — об информации, касающейся состояния китайской экономики и финансового положения Китая. Это удачно дополнило бы обзор Чи, подготовленный им для «Инквайери»...»

рые Комитет по внутренней безопасности нашел спрятанными в подвале дома Фредерика Филда и в гараже Картера в Ли, штат Массачусеттс, досье Латтимора было огромно и — бесконечно откровенно.

Сенатор Маккарти обвинил Оуэна Латтимора в том, что он был «архитектором нашей дальневосточной политики» — политики, передавшей Китай в руки коммунистов, пытавшейся убирать умеренную администрацию в Японии и создавшей предпосылки для нынешнего конфликта в Корее. В том смысле, что писатели и корреспонденты, работавшие на институт, делали политику Госдепартамента — факт самоочевидный, и потому все спокойно доверяли этим людям. Да, Латтимор был именно тем, кем считал его Маккарти. Но Маккарти пошел, однако, дальше, обвинив Латтимора в том, что он был «советским агентом высокого ранга»*. Невозможно было определить заранее, насколько серьезно может быть воспринято это второе обвинение. Существуют показания Бармина, служившего когда-то под началом генерала Берзина в 4-м Управлении Красной армии, согласно которым Латтимор «считался своим человеком» в советской разведке. Бармин фактически повторил заявление в том же роде, сделанное генералом Вальтером Кривицким — покойным главой советской разведки в Западной Европе. И Луис Буденз, говоря об источниках получения официальной информации для компартии, которую поставляли ему такие люди, как Джек Стэчель, Эрл Браудер и Фредерик Филд, показал, что Латтимор считался членом международного советского аппарата. Все эти обвинения Латтимор отmel, поставив под сомнение даже сам факт существования генерала Берзина.

Невозможно дать исчерпывающую оценку этим показаниям. Да в некотором смысле это выходит за рамки данного вопроса. Метод Латтимора — метод, которому следовали и в ИТО, — лучше всего изложен в письме, написанном им Картеру в 1938 году:

«Мне кажется, ты человек достаточно себе на уме, если судить по тому, как долго ты думал над темами исследований для китайской секции — для Азиатикуса, Хан-Сенга и Чи [Чжао Тингчи]. [Все трое являлись активными коммунистическими пропагандистами].

Я полагаю, для основных целей данного исследования хорошо бы менять позицию, занимаемую Институтом, в зависимости

* Латтимор, конечно, отверг обвинение. Оно было высказано в Сенате. В то время стояли шум и гвалт, что Маккарти прячется за сенатский иммунитет, чтобы клеветать на Латтимора. Любопытно отметить далее, что поддерживал Латтимора тот самый Дрю Пирсон, который первым и объявил на весь мир имя человека, которого Маккарти-то как раз и стремился не афишировать.

от страны. Что до Китая, я подозреваю, что это окупится, если нам держаться несколько позади официальной позиции китайских коммунистов, на достаточном отдалении, чтобы не рисковать заполучить такой же ярлык, но и несколько впереди от позиции активных китайских либералов, чтобы это было заметно. Что до СССР, следует поддерживать в основном их внешнюю политику, но без использования их лозунгов и ни в коем случае не создавая у них впечатления нашей подчиненности им...»

Такова была та самая техника «себе на уме»: поддерживаем политику, но не лозунги, которая столь эффективно применялась Латтимором, ИТО и прокоммунистически настроенной шайкой интриганов в Госдепартаменте, и теми, кто повсюду всучивал Америке тех, кого сейчас уже повсеместно признали национальными врагами. Метод этот — вести коммунистическую пропаганду в привычных американских терминах — метод тонкий, коварный и психологически точный*.

Подобные статьи влияли на ту часть американской публики, которая в свою очередь оказывала влияние на формирование американской внешней политики. Через таких людей, как помощник госсекретаря Самнер Уэллес, постоянно пребывавшем в близком общении с Эдвардом Картером и другими светилами и знаменитостями ИТО, и Джон Винсент, эта пропаганда прямоком попадала в Госдепартамент. ИТО сделал свои многотомные исследования доступными для правительства. Его издания — «Far Eastern Survey» и «Pacific Affairs» — последний редактировался сначала Латтимором, потом — Мишелем Гринбергсом (членом аппарата Бентли, ставшего помощником личного адъютанта Белого дома Лачлина Курье и впоследствии перешедшего в Госдепартамент, откуда он был уволен в период «сокращения численности вооруженных сил») — являлись фактически обязательным чтением для чиновников зарубежной службы. А это способствовало ловкому и упорному распространению пропаганды. В 1947 году, когда «Незаконченная революция» Эпштейна вышла в свет, Картер написал разоблачительно откровенное письмо директору по рекламе издательства «Литтл, Браун и компани», помеченное «лично и конфиденциально»:

«Пишу в знак признательности за «Незаконченную революцию в Китае» Эпштейна, которую вы столь любезно прислали

* 17 октября 1940 года Латтимор написал Фрэнку Филду в вашингтонский офис коммунистического фронта «Американской мобилизации за мир»: «Посылаю тебе статью, представленную мне на рассмотрение Азиатикусом. Для читателей «Pacific Affairs» это читалось бы как пропаганда, к тому же напыщенная и восторженная пропаганда. Статья слишком длинна, однако мы можем подсократить ее, убрав избыток прилагательных, но сохранив при этом ее реалистическую суть...»

мне несколько дней назад. Я уже прочел 2/3 ее и надеюсь закончить в ближайшие несколько дней.

Думаю, это крайне важно, что вы изобрели подобный способ заставить прочесть ее среди прочих и госсекретаря Джорджа Маршалла, и сенаторов Ванденберга, Морсе и Ивса, и Джона Фостера Даллеса, и Джона Винсента из Госдепартамента. Вам известно лучше, чем мне, как удостовериться в том, что они прочтут ее в ближайшем будущем. Письмо от меня на эту тему может заставить некоторых из них подумать, что я рекомендую книгу, потому что я был поклонником Эпштейна, и они могут слегка скептически отнестись к моей рекомендации.

У меня есть другое предложение. В книге отражено столь глубокое понимание китайского народа и искреннее восхищение им, что, я полагаю, равно важно найти способы и средства, чтобы добиться ее широкого распространения в Китае. Думали ли вы о китайском издании?

Книга, по сути, объединяет в одном томе несколько книг. Это проникновение в историю Китая в годы войны. Это документ общественного значения, и это настольная книга для военных, которая могла бы иметь огромную ценность, например, для маки во Франции и даже для горстки антигитлеровски настроенных немцев в Германии. Она могла бы стать настольной книгой по политическим и военным вопросам и для Вьетнама, и для других азиатских стран, на случай, если империалистические державы попытаются вернуться к до-Пёрл-Харбовровскому господству.

Книга не столь необходима в коммунистических районах Китая, как в районах, контролируемых Гоминданом, и ее авторитетные итоги и выводы могли бы помочь обрести надежду вновь, а также ознакомить с новыми методами миллионы китайцев, недовольных правлением Гоминдана...

Более, чем когда-либо в недавние годы, возросло число людей и в Соединенном королевстве, и в Канаде, а также в Австралии и Новой Зеландии, которые нашли бы книгу познавательной, и не только в отношении Китая, но и в отношении мыслей, высказанных в ней, в отношении ко многим движениям на европейском континенте и повсюду в мире.

Я поздравляю «Литтл, Браун и К», продемонстрировавшего безошибочную мудрость в решении не только опубликовать эту книгу, но и сделать все для ее широкого распространения.

Искренне ваш, Эдвард Картер».

P. S. Я не советовался с Эпштейном в отношении этого письма. Надеюсь, однако, что он с одобрением отнесется к нему и оно вызовет дальнейшие конкретные предложения от него. На этот случай я позволю себе послать ему копию лично.

Р. Р. С. Говоря о генерале Маршалле, я хотел бы, чтобы вам удалось найти кого-то, кто сумел бы заставить его прочитать книгу от начала до конца, а не просто конец с готовым анализом Эпштейна, касающимся деятельности Маршалла. Мне кажется, что ему бы не помешало почувствовать нарастающий эффект предыдущих глав, чтобы заставить себя объективно оценить свою собственную роль.

Я уверен, что Джон Винсент прочел бы книгу непредвзято. Ему, вероятно, знакома большая часть материала, приведенного в книге, но он скорее всего не видел его, организованного столь логично. Если бы он взялся продвигать книгу, он сумел бы убедить генерала Маршалла прочитать ее от корки до корки.

Конечно, многие скажут, что Эпштейн — рьяный защитник коммунизма. Полагаю, что это скорее всего так, но думаю, что он призывает всего лишь к более глубокому и здравому анализу мира, чем это делают многие другие нынешние рьяные защитники. Я слышал, что «Нью-Йорк таймс» обратилась к Оуэну Латтимору с просьбой отрецензировать книгу. Надеюсь, что и другие издания сделают столь же мудрый выбор.

Полагаю, что гоминдановское правительство внесет книгу в список «запрещенных» для ввоза в Китай. Но надеюсь, что вы сумеете передать ее в руки посла Лейтона Стюарта и некоторым американским корреспондентам, таким, как Бенджамин Уэллс, Кристофер Ренд, Арч Стил и Сан Фо, а также мадам Сун Ятсен и некоторым другим до того, как упадет бронзовый занавес».

Рецензия Оуэна Латтимора в «Нью-Йорк таймс» была восторженной. «Израэль Эпштейн бесспорно зарезервировал себе место в... выдающейся компании своей безоговорочной поддержкой китайских коммунистов...», — писал он. В коммунистической «New Masses» Фредерик Филд из Института тихоокеанских отношений заметил, что «иностранные угнетатели сегодня — это в первую очередь американские империалисты». Одна из главных тем в книге, достойных похвалы, писал Филд, это «борьба китайского народа против... американского империализма». Он провел параллель между продажными китайскими чиновниками и некоторыми американскими конгрессменами. Самуэль Сайлен поместил в «Дейли уоркер» корреспондента ИТО Эпштейна «в верх списка». И эту книгу Картер столь энергично хотел всучить генералу Маршаллу, чтобы она направила его на путь истинный в его государственных размышлениях!

В 1945 году Макс Истмен и Т. Пауэлл написали критическую статью для «Ридерс дайджест» об американской политике в отношении Китая. Напечатанная под заголовком «Судьбы мира представлены на карту в Китае», она доказывает опасность прокитай-

ской коммунистической пропаганды и показывает, как использовали ее для того, чтобы изгнать Чан Кайши и, очевидно, Соединенные Штаты. Вскоре после появления этой статьи, Картер написал Латтимору шифрованное письмо о своем визите на «166 улицу» и о разговоре с отцом о сыне. Сын «также подтвердил, как я и предполагал, что отец любит писать сам. Я, однако, был готов через два-три дня послать ему набросок вместе с самым тактичным и убедительным письмом, какое я только мог написать — в слабой надежде, что он выразит готовность что-то сделать». Объяснения этим секретам были найдены в других письмах, хранившихся в архивах ИТО.

Латтимор написал набросок ответа в «Ридерс дайджест» и переслал его Картеру, который пешком отнес его на 166 улицу, в дом Корлисса Ламонта. Ламонт передал письмо своему отцу, банкиру Томасу Ламонту, а тот, в свою очередь, должен был передать его в «Нью-Йорк таймс» как написанное от себя лично. Подобной уловкой Картер надеялся убедить читателей «Таймс» в том, что даже ярые консерваторы были прокитайски настроенными коммунистами. Ответ Томаса Ламонта, хотя в чем-то и соглашавшегося с Картером, тем не менее ясно и лаконично ставит все на свои места:

«Я также был обеспокоен непрекращающимися нападками разных комментаторов на Россию... Я прочел статьи в «Ридерс дайджест» и внимательно просмотрел меморандум. Я полагаю, что вы фактически предлагаете мне написать в «Нью-Йорк таймс» письмо и убедить наше правительство изменить нынешнюю политику, обеспечив доступ так называемых коммунистических армий к помощи по ленд-лизу... Главное здесь, похоже, в том, что я должен изобразить более адекватное знание ситуации, чем у нашего правительства. В вашем меморандуме вы указываете, что Россия в одиночку помогала Чану. Хорошо, если это так, но почему это не дополнительный аргумент для того, чтобы и нам сделать то же самое?»

Картер, державший в своих руках политику и судьбы Института, как-то написал канадской знакомой, характеризуя Эрла Браудера как лектора:

«Он действительно очень хорошо информирован и, вопреки распространенному мнению, 100%-ный американец». В архивах ИТО находилась и пачка с документами, касающимися другого 100%-ного американца — коммуниста Фредерика Филда. В 1940 году Филд подал в отставку с поста исполнительного секретаря Института тихоокеанских отношений, с тем, чтобы возглавить руководство коммунистическим фронтом «Американская мобилизация за мир», функционировавшим в период действия пакта Гитлер—Сталин.

Фронт этот долбил Белый дом, призывая к решительным действиям по прекращению помощи Британии и вел широкую агитацию повсюду, пока Гитлер не вторгся в Россию. Даже Картер вынужден был признать, что поддержка Филдом этого фронта оказалась неожиданным сюрпризом для него. И тем не менее Филипп Джессап, ставший впоследствии председателем ИТО, убеждал попечителей совета Института отклонить предполагавшееся увольнение Филда*.

«Мы считаем, что это отвечало бы интересам [ИТО], если бы м-р Филд по-прежнему близко сотрудничал с нами, насколько это возможно, — писал Джессап. — И мы бы хотели и впредь видеть его в качестве секретаря совета, максимально участвующего в руководстве и определении политики...»

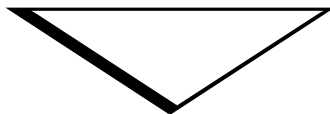
Столь безграничную терпимость разделяли и попечители совета Института, однако Филд настоял на своем переходе в коммунистическую организацию. Через десять дней он телеграфировал о своем уходе из ИТО «ввиду неизбежной критики и неправильного понимания», и попросил Джессапа «не делать поспешных выводов, пока я не смогу поговорить с вами лично. «Оуэн Латтимор рекомендовал Филда на работу в Консультативный совет по обороне. Но после того, как коммунисты отказались впредь считать фашизм «делом вкуса» — перемена, чудесным образом совпавшая с концом медового месяца Гитлер—Сталин, — Филд вновь вернулся в ИТО. В 1942 году он решает, что неплохо бы получить назначение в армейскую разведку США. И Картер с Уильямом Стоуном — когда-то сотрудничавшим с «Амеразией» и ИТО, а впоследствии определявшим политику для «Голоса Америки» при Госдепартаменте, поспешили дернуть за все струны, какие могли, чтобы надеть офицерский мундир на Филда. Однако доклад ФБР предотвратил это, к большому Картера и Стоуна сожалению.

* Посол Филипп Джессап был обвинен сенатором Маккарти в том, что имел «духовное родство с коммунистами». И когда Джессап прибыл на утверждение его назначения в качестве делегата на Генеральную ассамблею ООН, он признал свое членство в одном из коммунистических фронтов, отвергая, однако, членство в других, и признал, что в 1946 году он был убежденным противником американских атомных бомб и выступал за остановку военного атомного производства. И чтобы показать, насколько далек он был от каких-либо коммунистических симпатий, он под присягой утверждал, что в 1939—1941 годах был членом изоляционистской организации «Сначала Америка» — странная характеристика для одного из ключевых сотрудников неизменно интервенционистского Госдепартамента. Сенатская комиссия по иностранным делам отказалась утвердить назначение Джессапа в ООН, однако президент Трумэн назначил его временным членом делегации, проигнорировав таким образом волю Конгресса.

Д-р Карл Витфогель, один из выдающихся ученых, специалистов по Дальнему Востоку, сообщил комиссии Маккаррана о беседе, состоявшейся между ним и Оуэном Латтимором в 1944 году, сразу по возвращении миссии Генри Уэллеса в Китай, Россию и Индию. «Мы говорили о возможных решениях на Дальнем Востоке. [Латтимор] сказал, что для Кореи хорошее консервативное решение было бы лучшим решением, т. е. если бы Советский Союз занялся бы этой страной, которая меня сильно беспокоила. Я, естественно, вышел из себя и подумал, что представителю американского правительства не следовало бы так говорить...»

Латтимор отрицал, что подобная беседа имела место. Отрицал он также и другие высказывания, приписанные ему д-ром Витфогелем. В письме, датированном 20 февраля 1947 года, Латтимор в том числе писал: «Я никогда не спорил, что Америке следует свергнуть [микадо]». Витфогель ответил цитатой из книги Латтимора «Решение в Азии», опубликованной в 1945 году: «Если японцы сами решат действовать без императора, ну и на здоровье. Если нет, нам следует ясно дать понять, что милитаризм потерпел катастрофическое поражение и что мы, победители, не нуждаемся в императоре, и что и он сам, и все мужские претенденты на трон... должны быть интернированы, предпочтительно в Китае. Его имущество и поместья следовало бы использовать для проведения аграрной реформы, ясно, что без его согласия... Вновь возникшие имущественные интересы будут в состоянии предотвратить реставрацию монархии [после его смерти]».

Все это, конечно, отрывочно, фрагментарно. И это лишь небольшая часть свидетельских показаний, которые в свою очередь являются лишь небольшой частью закончившейся истории. Но это говорит о духе, царящем в Институте, круге правил и обязанностей его сотрудников. Из организации, основанной Э. Рутем и другими выдающимися американцами для изучения сложных проблем Тихоокеанского региона — сферы жизненных интересов Америки, ИТО превратился в холдинговую компанию убежденных защитников Советского Дальнего Востока и прибежище наивных простофиль. Хотя наивность объясняет, но не извиняет проступков. Когда Жерар Слоуп, нынешний глава ИТО, готов ручаться за розингеров, эпштейнов и филдов, когда он закрывает глаза на доклады со зловонным душком или отказывается признать результативность воздействия Института на политику Госдепартамента, его добрые намерения приобретают чисто теоретический характер. Дорога в Москву вымощена благими намерениями — и далеко не все, идущие по ней, сознают, куда они идут.

СТРАТЕГИЯ ПОРАЖЕНИЯ

Существует некий временной сдвиг, временная планка, искажающая силу и эффективность разоблачения. Да, Элджер Хисс был пойман, но спустя много времени после того, как зло было совершено. Большинство людей, названных экс-коммунистами, давно ушли из правительства, и их прошлые поступки и предательства — уже история, и потому не кажутся реальными. Пропасть между решением человека порвать с коммунистическим движением и решением открыто высказаться широка, а общественная воля лишь слабеет в долгом ожидании.

История пишется не историками, но людьми, стоящими у власти — имеющими влияние, дарующими места и должности. Факты, которые всплывают в воспоминаниях, — или уже забыты, или выходят на свет Божий тогда, когда политики уж пребывают на приличном удалении от своих триумфов и ошибок. История — это официальная хроника, лишенная признаков жизни, так что американцы живут по пресс-релизам, и если один из них противоречит другому, то об этом знают одни ученые.

Возьмем Госдепартамент. Его склонность к неблагонадежным элементам проявлялась неоднократно, и история с коммунистами это продемонстрировала. А между тем секретари Госдепартамента и их помощники даже не думают признавать свои ошибки, спокойно уверяя всех, что в их заведении отныне все в порядке. Именно это утверждал помощник секретаря Джон Пенрифой, когда сенатор Маккарти выдвинул свои обвинения. И был вознагражден за свою верность посольством в Греции. А потом Эдвард Позняк и Теодор Гейджер — двое из неблагонадежных элементов, взятых на мушку Маккарти на слушаниях комиссии Тайдингса, тихо исчезли с государственной службы. Миссис Эстер Брюнер, также из немаленького списка Маккарти, была времен-

но отстранена, когда ее муж покинул свой высокоответственный пост в ВМФ на время следствия. Другие же с тех пор тихо расслабились.

Вообще администрация Трумэна слишком часто ставила свое политическое будущее выше блага страны — будь то вопросы безопасности, или же покровительство неумехам и нерадивым работникам, а также друзьям из Канзас-сити. Безопасность в современном вашингтонском понимании заключается в засекречивании всех правительственных архивов, которые могут представлять опасность для администрации, и рассекречивании тех, что могут помочь в политической борьбе. Когда в октябре 1947 года Филипп Джессап давал показания перед сенатским комитетом, ему позволили огласить содержание документов, которые могли бы помочь ему в прояснении его позиции. А когда генерал Уиллоби предстал перед комиссией Маккаррана, его руки были связаны правительственным указом о неразглашении имен американцев, участвовавших в советской нелегальной деятельности в Японии. И какой бы документ ни был обнародован впоследствии под давлением общественности — это случается слишком поздно*.

Когда 2 июля 1946 года помощник госсекретаря Дина Ачесона сообщил публике, что обвинения в сокрытии коммунистов в Госдепартаменте были вызваны «скорее тревогой, нежели фактами», это было воспринято как правдивое заявление. Однако публика могла не знать, что 26 июля 1946 года — 24 дня спустя — Госсекретарь Джеймс Бирнс признал в частном письме, что после тщательного просеивания Советом по благонадежности, 284 сотрудника Госдепартамента получили неблагоприятные отзывы, но лишь 79 из них были уволены. Именно это письмо имел в виду сенатор Маккарти в своей речи в Виллинге, Западная Виргиния, когда говорил, что среди оставшихся 205 у него есть показания на 57, как состоящих в компартии или людей, лояльных к коммунизму, но по-прежнему пребывающих в Госдепартаменте, что вызыва-

* 9 августа 1951 года **Сенатор Фергюссон**: Генерал, вы подчиняетесь тому же запрету, что и остальные свидетели, пришедшие сюда, — запрету свидетельствовать о персональных делах и так называемых личных делах по благонадежности?

Генерал Уиллоби: Господин председатель, как гражданин — хотел бы помочь, но как офицер —...

Циркуляр от 21 августа 1948 года «Отглашение личных дел и информации»:

«Никакая информация любого рода, относящаяся к благонадежности сотрудников, и никакие данные расследований любого рода, относятся ли они к благонадежности или другим аспектам записей в личных делах, не могут быть включены в материалы, представленные комитетам Конгресса».

ло взрыв нечистой игры и атак на него со стороны либералов. Эти самые либералы по-прежнему настаивали на том, что утверждения, будто сочувствующие коммунистам остались на службе в Госдепартаменте, не соответствует фактам. Они утверждали также, что единственное, что соответствует истине, это что из 79 уволенных лишь 40 были уволены из-за мании подозрительности.

Публика, однако, не знала, что ФБР подготовило список для Госдепартамента, в котором, по словам одного из их официальных представителей, «были перечислены «агенты», «коммунисты», «симпатизирующие» и «подозреваемые» сотрудники Госдепартамента по состоянию на 15 мая 1947 года.

Из таблицы явствовало, что агентов было 20, коммунистов — 13, симпатизирующих — 14, подозреваемых — 77».

Публика лишь повторяла заверения Ачесона, Пенрифоя и президента, что проникновение коммунистов в правительство — дело прошлого. Доклад же офицера безопасности, аккуратно простампованный «SECRET», лежит, спрятанный в архивах.

Еще раз, уже 10 июня 1947 года, комиссия Сената по ассигнованиям направила письмо госсекретарю Маршаллу, в котором предупреждала, что «под руководством администрации Дина Ачесона «была продумана и реализована программа» защиты персонала Госдепартамента, придерживающегося коммунистических убеждений в Госдепартаменте. Маршалл, однако, не соизволил даже подтвердить получение этого документа.

«Ревизионисты», пересматривающие современную историю, не те несостоявшиеся люди, что не получили признания в академических кругах. Настоящие ревизионисты — это официальные историки, готовые принять за евангельскую истину любые фальсификации правительственных чиновников, ответственных за связи с общественностью или лукавые заявления выше- или нижестоящих чиновников, не согласующиеся с глубоко упрямными в архивах протоколами. И дело Зорге — показательнейший пример этого. В 1949 году Пентагон подготовил так называемый «Доклад Уиллоби» по делу Зорге, Смедли и другим. Доклад был подготовлен сотрудниками армейской разведки и заверен юристами-экспертами.

Однако Агнес Смедли пригрозила генералу Макатуру судебным иском. Угроза явно нелепая, но либеральная пресса истошно разоралась, и министр обороны Кеннет Ройял срочно отозвал доклад и ретировался, поджав хвост. И не успели еще похоронить копии этого доклада в пентагоновских архивах, как уже был создан миф о том, что Министерство обороны «отвергло» доклад, усомнившись в его истинности, чем выдадо Агнес Смедли и другим, обозначенным в нем, своего рода сертификат о безупречной репутации. Миф этот жив и по сию пору, хотя

даже беглый взгляд, брошенный на содержание газеты «Нью-Йорк таймс», способен легко разрушить его.

Вот так обстояли дела с политикой Соединенных Штатов на Дальнем Востоке. Давая показания перед сенатскими комитетами по разведке и международным отношениям, собравшимся на совместное заседание, чтобы установить причины, приведшие к внезапной отставке Макартура с поста главнокомандующего силами ООН в Корее, Дин Ачесон неоднократно повторил две догмы, которых придерживалась правительственная пропаганда в отношении причин тех потрясающих уступок, сделанных Россией, с целью вовлечь ее в войну на Тихом океане в 1945 году.

Ачесон под присягой утверждал, что когда подписывались ялтинские соглашения, погубившие националистический Китай, «мы еще не знали, есть у нас атомная бомба или нет». Хотя генерал Лесли Гроувс недвусмысленно подтвердил тот факт, что еще до Ялты он и министр обороны Симпсон информировали президента Рузвельта о том, что А-бомба была «на 99% — свершившийся факт» и что использование первой такой бомбы — вопрос нескольких месяцев. Полковник Уильям Консидайн из «Манхэттенского проекта» срочно вылетел на Мальту, чтобы перехватить американскую делегацию, направлявшуюся на Крымскую конференцию и уведомить госсекретаря Стеттиниуса о том, что «бомбу можно испытывать и что Гроувс перепроверил утверждения ученых об этом и что вероятная дата — 1 августа [1945]».

Ачесон под присягой утверждал: «Это было мнение военных [во время Ялты], разделявшееся всеми, что взятие Японии потребовало бы массовой высадки на островах и что прогноз этого сражения был крайне неблагоприятен: это была бы кровавая и ужасная битва. И потому было крайне важно, чтобы русские вступили в войну на Дальнем Востоке».

И тем не менее еще за семь месяцев до Ялты, адмирал Нимитц и генерал Макартур* встретились в Гонолулу, чтобы обсудить тихоокеанскую стратегию, и, по словам адмирала Лики, пришли к соглашению, что «Японию можно вынудить принять наши условия капитуляции, используя военно-морские и военно-воздушные силы, но без вторжения на японскую землю». Адмирал Кинг, присутствовавший на переговорах в Ялте, сообщил президенту, что «блокада и бомбардировки могут заставить Японию капитулировать». Вступление русских в войну «ускорило бы эту капитуляцию», сказал он, но высказал при этом мнение, что президенту Рузвельту не следует уступать им больше, чем южную часть Сахалина в качестве «подачки», поскольку русские в лю-

* Макартур, главнокомандующий войсками на Тихом океане, не был проконсультирован Госдепартаментом до Ялты.

бом случае и сами хотели бы вступить в эту войну. Но вместо этого Советскому Союзу была обеспечена военная и экономическая гегемония в Маньчжурии, а также порт Дайрен.

Более того, существовал доклад, подготовленный пятьюдесятью специалистами Министерства обороны — многие из которых были достаточно высокого ранга, — где указывались серьезные военные и политические последствия вступления русских в войну на Тихом океане, и следовал однозначный вывод, что такое вступление следует любым способом предотвратить. И все же Дальний Восток был преподнесен России на блюдечке в качестве платы за ее участие в Тихоокеанской войне, что стало величайшей ошибкой в истории американской дипломатии, и истинная причина Ялты так и остается до сих пор «непостижимой тайной», как писали восемь сенаторов из числа принимавших участие в слушаниях Макартура, и что «итоги Ялты остаются триумфом коммунистической дипломатии».

Кто подтолкнул руку, которая держала перо, подписавшее ялтинские соглашения? Не кроется ли ответ на этот вопрос в истории Зорге, в деле «Амеразии» и Института тихоокеанских отношений? Не было ли там бесконечного повторения политики, которую использовало прокитайское коммунистическое лобби в отношении Госдепартамента начиная с 1943 года, или же мгновенной мобилизации той силы, что торпедировала подписание соглашений с Японией о *modus vivendi* в 1941-м?

Что действительно началось в Ялте — так это настойчивая, осознанная или нет, попытка передать Китай коммунистам, усилившаяся в последующие годы. В 1946 году, когда генерал Маршалл был готов продолжить свою катастрофическую миссию в Китае — то есть катастрофическую для всех, кроме китайских коммунистов, было составлено великое множество инструкций, которыми ему следовало руководствоваться в переговорах о соглашении между Чаном и «красными». И когда он давал показания на слушаниях Макартура, Маршалла спросили: «Вы не могли бы вспомнить, кто приложил руку к подготовке той директивы, которую послали вам в Китай?»

«В то время, — ответил Маршалл, — госсекретарем был м-р Бирнс, и я полагаю, что он приложил руку. М-р Ачесон был его заместителем, и я полагаю, что и он приложил руку. Джон Винсент руководил группой по Китаю в Госдепартаменте — конечно же, он тоже приложил руку... Я — нет». А вот Ачесон вину за эту директиву, призывавшую к «коалиции» националистов и коммунистов, возложил на Маршалла. А на кого же еще!

Все вышесказанное — не более, чем преамбула и комментарий к представленной здесь слишком мизерной, слишком запоздавшей и слишком расстраивающей американскую публику ин-

формации. Нечто вроде свидетельских показаний негативного характера против Дина Ачесона — вольного или невольного пленника своего Дальневосточного отдела, и против генерала Маршалла, и против всех тех людей, которые и подарили большую часть Азии коммунистам. Вся эта информация говорит не в пользу консультантов из ИТО, либеральных, а иногда и коммунистических, советников людей, чья настойчивая политика поставила мир на грань новой войны. Поставьте мифического «среднего американца» на место свидетеля и спросите его в судейской манере: «Какова репутация у Госдепартамента в смысле честности, неподкупности, безукоризненности и надежности?» И ответ, без сомнения, был бы таков: «Плохая репутация. Скверная».

«Средний американец» быстро просматривает газеты и столь же быстро их забывает. Так положите перед ним документы, пусть даже малую их часть, и потом спросите: «Не проясняет ли это, почему Госдепартамент готов пойти на любой трюк, использовать любую уловку, любой обман, для того, чтобы заблокировать тщательную проверку его персонала, его политики и его мотивов?» Может, и здесь ответ будет «да»?

Предлагаю вам доказательство А — заявление Дина Ачесона в шокирующе обескураживающей Белой книге по Китаю. «Это пусть неприятный, но неизбежный факт: зловещие итоги гражданской войны в Китае не зависели от правительства Соединенных Штатов и не были ему подвластны. Ничто из того, что сделала или могла сделать наша страна в пределах своих возможностей, не смогло бы изменить эти итоги; и ничто из того, что не было сделано, не содействовало бы этому».

Доказательство В — письмо Дина Ачесона сенатору Коннэли от 15 марта 1949 года: «Китайские правительственные силы не выиграли ни одной битвы в течение последних нескольких лет из-за недостатка оружия и боеприпасов».

Доказательство С — упорный курс генерала Маршалла на достижение в 1946 году перемирия между китайскими красными и националистами, и именно в то время, когда Чан выбивал коммунистов из одного стратегического района за другим. Сражения возобновились, но после того, как коммунисты подтянули войска, и поражение Чана обернулось победой для Сталина и Мао. Обо всем этом писалось в американской прессе.

Доказательство Д — полмиллиона бесполезных, разукомплектованных противогазов, которые мы вынудили Чана купить у нас по 8 долларов за штуку.

Доказательство Е — эмбарго генерала Маршалла на продажу оружия националистам, которое так и не было отменено до июля 1947 года. Об этом эмбарго адмирал Чарлз Кук, выступая перед подкомиссией Маккаррана, сказал так:

«Сенатор Фергюссон: Вам известно что-либо о военном снабжении националистических войск?

М-р Кук: Да, после отъезда [генерала Маршалла] где-то примерно 1 августа 1946 года снабжение было прекращено.

Сенатор Фергюссон: Генерал Маршалл обсуждал когда-нибудь с вами этот вопрос?

М-р Кук: Он говорил об этом в общем, особо не комментируя, кроме высказанного им мнения, что мы, имеется в виду Соединенные Штаты, вооружили китайцев и теперь мы же разоружаем их. Другими словами, он взял на себя вооружение тридцати с лишним китайских дивизий, снабжение их оружием и прочими подобными вещами, а потом мы вдруг остановили этот поток вооружений и ввели эмбарго. Так что ни мы сами их не снабжали, и не позволяли им купить что-либо на стороне в течение около десяти месяцев, я уверен. Он просто высказал свое мнение, вот и все. Я не просил его высказываться, но он сделал это.

Сенатор Фергюссон: Это равносильно разоружению китайцев, потому что они не могли нигде больше получить боеприпасы для оружия, которым мы снабжали их?

М-р Кук: Да, это так.

Сенатор Фергюссон: Какой эффект дало бы вооружение националистов, насколько это беспокоило коммунистов?

М-р Кук: Конечно, коммунистов в Маньчжурии очень хорошо снабжали русские из японских арсеналов и захваченного японского оружия. И мы были практически уверены, что это будет продолжено, и, конечно, в нашей Белой книге доказывается нашими дипломатическими представителями в Москве, что так оно и было.

Сенатор Фергюссон: Итак, нам известно, что коммунисты получали оружие и боеприпасы, а также что введение эмбарго для националистов — это была наша политика, которую мы и проводили в жизнь?

М-р Кук: Это верно.

Сенатор Фергюссон: И генерал Маршалл говорил вам, конечно, что это равносильно разоружению националистов?

М-р Кук: Да.

М-р Моррис: Отправляли ли Соединенные Штаты какое-либо вооружение китайскому правительству в течение этого периода?

М-р Кук: Никакого боевого снаряжения. Позвольте мне несколько видоизменить тему. Этот вопрос, который подняли здесь, о передаче устаревшего вооружения в Циндао в феврале 1947 года... Количество военных кораблей в Китае постепенно убывало, а боеприпасов у них было больше, чем необходимо для завершения боевых операций, и некоторое количество этого вооружения устарело и не отвечало стандартам, принятым в Соединенных

Штатах. И потому некоторое количество устаревшего вооружения в Циндао подлежало списанию. Я не хотел везти его через весь город Циндао, с тем чтобы погрузить на корабли, и единственный способ избавиться от них, полагал я, это просто выбросить их где-нибудь на свалку или взорвать. Но уничтожение тысяч снарядов — дело непростое. Так что когда я в 1947 году вернулся в Вашингтон, чтобы решить вопрос о множестве судов, скопившихся в Циндао, встал также и вопрос об этих боеприпасах — выбрасывать их или нет...

Сенатор Фергюссон: Почему же вы не отдали их китайским националистам для того оружия, которое у них было?

М-р Кук: Я говорил об этом. Ну, когда у нас была эта конференция с участием Госдепартамента, включая и генерала Маршалла и м-ра Винсента.

Сенатор Фергюссон: Это Джон Картер Винсент?

М-р Кук: Джон Картер Винсент.

Сенатор Фергюссон: Какой пост он занимал в Госдепартаменте в то время?

М-р Кук: Он был помощником госсекретаря по дальневосточным делам, как м-р Раск сейчас.

Сенатор Фергюссон: Вы обсуждали этот вопрос с генералом Маршаллом. Был ли он тогда госсекретарем?

М-р Кук: Он был госсекретарем. Там были министр ВМФ, и шеф штаба ВМФ, и генерал Маршалл, секретарь Маршалла и м-р Винсент.

Сенатор Фергюссон: Вы расскажете нам о беседе, которая у вас состоялась?

М-р Кук: Да. Я придерживался мнения, что нам следовало бы оставить там эти боеприпасы и выбросить их, а националисты могли бы прийти и забрать их. Им тогда отчаянно не хватало боеприпасов. Я считал, что нереально было избавиться от них каким-то другим способом. В споре, который последовал, м-р Винсент высказался против этого.

Сенатор Фергюссон: И что он сказал?

М-р Кук: Он просто сказал, что мы должны поискать способ уничтожить боеприпасы.

Сенатор Фергюссон: И не отдавать их националистам?

М-р Кук: Да. Генерал Маршалл признал, что проблема существует, и сказал, что он считает, что это очень трудная проблема — уничтожить боеприпасы, и одобрил мою рекомендацию.

М-р Моррис: Где состоялась эта конференция?

М-р Кук: В Госдепартаменте.

Сенатор Фергюссон: Привел ли м-р Винсент какое-либо оправдание тому, что не следует передавать китайским националистам оружие предложенным вами способом?

М-р Кук: Он лишь заметил, что было бы нежелательно так поступать... Сейчас я, конечно, могу сказать вам, что там были впоследствии и утаивание вооружений, например, в 1949 году, когда они уже перебрались на Формозу».

Доказательство F — донесение посла Лейтона Стюарта. В июле 1947 года он докладывал, что «существует недостаток вооружений и боеприпасов к ним во всех сражающихся войсках». В феврале 1948 года он сообщал, что «если бы американская помощь материализовалась в адекватной степени... ход событий можно было бы быстро повернуть в нашу пользу».

Доказательство G — неоднократные, на протяжении нескольких лет обращения Чана в Госдепартамент с просьбами позволить ему закупить снаряды калибра 7,42 мм, которые использовались лишь в Китае, были вознаграждены поставками, которых хватило на три недели боевых действий.

Доказательство H — после долгого периода политики под названием «ничего нельзя сделать», Сенат, наконец, принял Закон о помощи Китаю, а Госдепартаменту потребовалось четыре месяца — и угроза принять меры со стороны сенатора Стайлса Бриджеса, чтобы одобрить продажу оружия китайским националистам. 15 мая 1950 года вице-адмирал Рассел Берки сказал: «Китайские «красные» по-прежнему находились бы к северу от Великой китайской стены, если бы специальные виды вооружений, одобренные Конгрессом два года назад, вовремя попали к националистическим силам. По тем или иным причинам понадобилось девять месяцев, чтобы доставить их в Китай. Кто-то где-то в Соединенных Штатах споткнулся, или застрял, или ему помешали».

Как показала Фреда Атли в своем бестселлере «Китайская история», прошло несколько месяцев, прежде чем было проведено «соответствующее изучение». А потом боеприпасы были проданы, как излишки, за границу по цене 4,55 доллара за 1000 патронов, а то, что в прайс-листе числилось по цене 45 долларов, было продано Чану за 85 долларов.

А теперь сравним заявления Дина Ачесона в доказательствах A и B — с другими доказательствами. Обратимся к докладу о Ялте, а потом подбросим еще два доказательства — попытки изгнать Чана на Формозу и признать китайское коммунистическое правительство — две политические акции, предпринятые вопреки воле Конгресса и настроениям американцев. Пометим эти доказательства I и J.

Доказательство I — 6, 7 и 8 октября 1949 года Госдепартамент провел встречу за круглым столом на тему «Американская политика в отношении Китая». Участвовали в ней 25 специалис-

тов по Дальнему Востоку, председательствовал Филипп Джессап. Публике, оплатившей все расходы, не сообщили ни о самой конференции, ни о составе участников. По крайней мере об этом не упоминали до лета 1951 года, когда Гарольду Стэссону удалось вырвать стенографический отчет из цепких лап Госдепартамента. Из 25 участников 15 были связаны с ИТО — или как попечители, или консультанты, или сотрудники, или авторы публикаций. Из этих пятнадцати четверо в показаниях под присягой были впоследствии названы членами коммунистической партии, а один был связан с пресловутым Советом помощи Китаю.

За исключением Гарольда Стэссона и профессора Кеннета Колгроува, среди участников совещания не было ни одного, кто был бы известен своими симпатиями к Чан Кайши. Ведущей фигурой этого совещания был, хотя он скромно отрицал эту роль, Оуэн Латтимор. За столом, в качестве участника, сидел и генерал Маршалл*.

Совещание обсудило многие аспекты китайской проблемы. Беседы сопровождались солидным поглаживанием подбородков сидевших с серьезным и торжественным видом консультантов Госдепа. Но разговор заметно оживился, когда обсуждался вопрос о признании «красного» Китая. Спорили не о том, стоит ли Америке признавать коммунистическое правительство Китая. Спорили о том, когда следует даровать это признание и какую выбрать линию поведения, чтобы сделать этот шаг «съедобным» для американской публики, не разделявшей терпимость участников совещания к коммунизму.

Лоуренс Розингер предложил, что «следует немедленно прекратить нашу помощь остаткам националистов, как только появится такая возможность». Розингер немного запоздал. Ибо госсекретарь Дин Ачесон пошел куда дальше, еще восемь месяцев назад настойчиво торопя с прекращением всякой помощи — как экономической, так и военной — остаткам армий Чан Кайши. Факт, о котором публике не сообщали.

В конце одного из заседаний, в отсутствие Гарольда Стэссона, участники разговорились по душам.

М-р Джессап: Мне бы хотелось предложить, поскольку у нас есть еще несколько минут, обсудить вопрос о признании коммунистического правительства в Китае... Мне кажется, что в некоторых дискуссиях о признании есть определенное несоответствие между краткосрочными и долгосрочными аспектами этого вопроса. С одной стороны, встает вопрос: «Признавать ли коммунистическое правительство и немедленно?» Но с другой

* 22 апреля 1950 года он писал сенатору Тайдингсу: «Я никогда даже не встречался с м-ром Латтимором».

стороны, налицо вероятность повторения ситуации, которая существует благодаря Советскому Союзу практически более пятнадцати лет и о которой мы говорили, что она не существует, тогда как она существовала, и все вы знаете те трудности, что вырастают из этого...

М-р Макнаутон: Сидя в этой комнате, споря и слушая, я подумал, что мне следует сказать, что мы достигли такого состояния ума, в котором нам следует признать правительство Китая. Но генерал Маршалл в течение последних нескольких дней шептал мне на ухо, что множество вещей, о которых мы здесь говорили, вы не сможете прямо сейчас предложить американской публике или Конгрессу, а потому рассуждения в вакууме, здесь, между собой, встретятся с практическими проблемами, и я думаю, что следует продумать линию поведения, понаблюдать и не спешить.

М-р Джессап: Говоря как представитель американской публики из специфического района страны, вы полагаете, что признание потерпело бы неудачу в вашем районе?

М-р Макнаутон: Я думаю, что публика вышла бы из себя.

Бенджамин Кайзер: Это сегодня. Но как они отреагируют завтра — это уже другая история...

Натаниэль Пеффер: Я бы тоже свел этот вопрос к вопросу выбора момента, и я бы подождал. Я подождал бы недели четыре, пять, может, шесть...

Артур Холькомб: Я согласен с теми, кто говорил, и я полагаю, что так думает большинство из нас, возможно, даже все, что вопрос признания — вопрос выбора момента, и я думаю, что большинство из тех, кто говорил так, также добавили бы, что поскольку выбрать нужный момент — исключительно трудно, то было бы лучше сделать это слишком рано, чем слишком поздно.

Оуэн Латтимор: Господин председатель, мне кажется, я определенно воодушевлен той очевидной тенденцией, которая проявилась сегодня утром — а именно, что нам следует исходить скорее из фактов, чем из субъективных суждений. Я надеюсь, что Госдепартамент владеет ситуацией, но... мне кажется, что нам следовало бы еще раз вернуться к проблеме, поднятой генералом Маршаллом, и рассмотреть ее поближе, что проблема выбора момента — это самое важное... Нам следует взглянуть несколько шире и включить сюда и всю остальную Азию... Сумеет ли мы увязать признание нового режима в Китае со множеством позитивных шагов в Азии в целом... чтобы продемонстрировать, что Соединенные Штаты... горячо желают установления самого прогрессивного и либерального режима из всех возможных?..

Лоуренс Розингер: Мне хотелось бы разделить точку зрения, неоднократно высказывавшуюся за этим круглым столом, о том,

что нам следует поторопиться с признанием. Мое личное мнение — признать Китай следует как можно раньше. Но я хотел бы предложить... подготовить общественное мнение как основу для скорейшего признания...

М-р Джессап: Я думаю, что сегодняшнее утро было весьма содержательным и очень полезным...

Эдвин Рейхауэр: Мы, похоже, в основном согласны с мыслями о желательности признания коммунистического правительства в Китае и очень скоро признаем его...

Конечно, именно это имел в виду посол Джессап, когда осенью 1951 года под присягой сообщал сенатскому комитету по международным отношениям, рассматривавшему его назначение членом делегации на Генеральную ассамблею ООН, что Госдепартамент ни разу не «обсуждал» возможности признания красного Китая*.

Доказательство J — 23 декабря 1949 года, когда плохо вооруженные, разбитые и преданные всеми армии Чан Кайши начали свой исход на о-в Формозу, для сотрудников информационной службы Госдепартамента был подготовлен пакет секретных инструкций. За этими документами чувствовалась рука прокоммунистической группировки, настоящего «китайского лобби», работавшего долго и с любовью ради краха националистов. Этому лобби совсем не хотелось ни видеть возрождение антикоммунистической военной силы на Формозе, ни откладывать и дальше великий день победы и признания для китайских «красных».

Документ гласит:

«Формоза и политически, и географически, и стратегически — часть Китая, не имеющая какого-либо особого значения или важности. Если растущий общественный интерес вдруг обратится на Формозу, необходимо предать гласности факты, отмеченные ниже...

Следует использовать любые материалы для противодействия ложному впечатлению, что утрата [Формозы] могла бы серьезно угрожать интересам Соединенных Штатов или любых других стран, противостоящих коммунизму.

* Слушания Макартура 2 июня 1951 года:

Сенатор Брюстер: Вы никогда не рассматривали вопрос? [признания красного Китая]

Госсекретарь Ачесон: Нет. Мы никогда не обсуждали этот вопрос. Бригадный генерал Луис Фортьер под присягой показал комиссии Маккаррана, что в январе 1950 года Филипп Джессап говорил ему, что Соединенные Штаты признают красный Китай «примерно через две или три недели».

Без очевидной чрезмерной и неоправданной озабоченности этим вопросом, выделим, как приемлемые, любые из следующих главных вопросов:

«...Формоза не имеет особого военного значения...»

В отношении настойчивого требования к Соединенным Штатам действовать, особенно в самих Соединенных Штатах, нам следует изредка время от времени прояснять, что поиски баз Соединенных Штатов на Формозе, посылка туда войск, снабжение армий, отправка военно-морских соединений или совершение любых подобных действий не принесли бы никакой существенной пользы ни Китаю, ни его националистическому режиму».

И предостерегающая директива Госдепартамента:

«Избегать: любых ссылок, которые отмечали бы важное стратегическое значение острова или утверждали бы, что остров — субъект политической реальности».

Сразу спустя тринадцать дней после издания приказа, президент категорически утверждал, что «правительство Соединенных Штатов не оказывает военной помощи и не дает советов китайским силам на Формозе»*.

Формоза могла бы пасть, а Госдепартамент продолжал бы говорить американскому народу, что остров не имел никакого стратегического значения — что она находилась вне нашего «периметра обороны» — точно так же, как Госдепартамент до самого начала корейской войны говорил американскому народу, что «пыль должна осесть», прежде чем может быть выработана сильная дальневосточная политика. А до этого весьма отдаленного дня оставить проведение «аграрных реформ», как сказал помощник госсекретаря Раск, «красным» революционерам примерно того же сорта, что и американских времен 1776 года, с Мао Цзэ-дуном в роли Джорджа Вашингтона.

* 17 июля 1949 года Оуэн Латтимор писал в «Нью-Йорк компасс», объясняя подобную политику: «Поскольку становилось все более и более очевидным, что Чан Кайши и Гоминдан потерпели поражение и разбиты наголову, американская политика должна была стать более деликатной. Проблема состояла в том, как позволить им проиграть, не показав при этом, что Соединенные Штаты бросили их... Как надо было также позволить Южной Корее проиграть, не показав при этом, что мы бросили ее...» И тем не менее под присягой во время слушаний Макартура, Ачесон как раз тогда недвусмысленно высказался об американской политике в отношении Формозы:

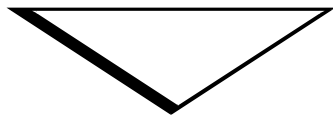
«Прежде всего мы поняли и согласились, что Формоза имела стратегическое значение, поскольку это касалось Соединенных Штатов. Следующим моментом было то, что ее стратегическая важность вызвала необходимость удержать Формозу и не отдавать ее в руки такой власти, которая была бы враждебна по отношению к Соединенным Штатам».

Доказательства эти — лишь небольшая выборка из огромного количества имеющихся в наличии. Имеют ли они какой-то смысл или же бедные, замшелые антикоммунисты, которые ищут скрытый смысл в деле Зорге, которые усматривают параллели между Одзак и некоторыми людьми в нашем правительстве, которые замечают, что «Амеразия» — это отнюдь не законченная глава в довольно загадочной истории — просто обманываются сами и вводят в заблуждение других? Возможно ли для среднего гражданина и для не столь среднего читателя поверить, что американская политика на Дальнем Востоке — результат широко распространенной и глубокой закономерности? Или ее следует приписать непроходимой глупости? И есть ли здесь различия? Ведь глупость может заходить очень далеко, а болванов, которых терпят и превозносят до небес как гениев, хватает в политике... Так какой же вердикт можно вынести на основе всего сказанного?

Если он до сих пор жив — а он вполне может быть жив, — Рихард Зорге мог бы ответить на этот вопрос. Рихард Зорге вполне может смеяться над Америкой, как он смеялся когда-то над своими японскими тюремщиками. «Все идет по плану, — мог бы сказать он, — поскольку падение Китая было запланировано», и уйти, прихрамывая...

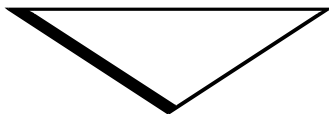
Все идет по плану — но не по плану Америки... Мертвый или живой, Зорге продолжает добывать победу для своих хозяев. И «Зорге» побеждают во всем мире. Время стремительно уходит. А мудрости как не было, так и нет.

Проповедник Колет сказал мне: «Слова мудрости подобны звездам... И кроме того, вовремя, сын мой, предупреждаю тебя: можно писать книги без конца... Но позволь же нам услышать окончательный вывод обо всем этом деле... А уж Господь сам вынесет свою оценку каждой работе, разберется с каждым тайным делом — доброе оно или злое».

ТЮРЕМНЫЕ ЗАПИСКИ
РИХАРДА ЗОРГЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исполнилось 100-лет со дня рождения и 50-лет со дня гибели легендарного советского разведчика Рихарда Зорге (4 октября 1895 г. – 7 ноября 1944 г.). Р. Зорге родился в поселке Сабунчи недалеко от г. Баку в семье коммерсанта Густава Вильгельма Рихарда Зорге и Нины Семеновны Кобелевой. Когда Рихарду было около трех лет, семья переехала в Германию. К концу Первой мировой войны Р. Зорге стал убежденным коммунистом, принимал активное участие в германском революционном движении. С конца 1924 года он работал в Москве в Коминтерне, с 1929 года – в советской военной разведке. С 1925 года Зорге – гражданин Советского Союза и член ВКП(б). Как немецкий журналист Зорге в 1930–1933 годах работал в Китае, а с сентября 1933 года – в Японии, представляя германское информационное агентство «ДНБ» и газету «Франкфуртер цайтунг». С этого времени и до октября 1941 г. под его руководством в Токио успешно функционировала резидентура советской военной разведки «Рамзай» (по инициалам «Р. З.» – Рихард Зорге), куда входили его ближайшие соратники – корреспондент французского агентства «ГАВАС» югослав Бранко Вукелич, владелец фирмы по изготовлению множительной техники немец Макс Клаузен, японские патриоты – журналист, писатель и поэт, специалист по Китаю Ходзуми Одзаки и художник Ётоку Мияги.

Светлый образ Зорге – стойкого антифашиста и интернационалиста, блестящего журналиста-международника, крупного специалиста-востоковеда, талантливого исследователя-аналитика и выдающегося разведчика стал широко известен общественности нашей страны в 1964 году после присвоения ему звания Героя Советского Союза. За это время в нашей печати опубликованы десятки книг и статей, посвященных Зорге¹. Однако многие

¹ Корольков Ю.М. Человек, для которого не было тайн. М., 1965; Будкевич С.Л. Дело Зорге, М., 1969; Голяков С., Понизовский В. Голос Рамзая.

факты жизни и деятельности этого человека остаются неизвестными российскому читателю. Лишь немногие зарубежные монографии переведены на русский язык и изданы в нашей стране². В то же время в Японии и на Западе число публикаций о Зорге весьма значительно;³ изданы японские и американские архивные следственные и судебные материалы о Зорге и его разведывательной группе⁴. Основная часть документальных материалов о деятельности Зорге, хранящихся в сейфах архивов военной разведки, бывшего КГБ и Коминтерна, остается в основном скрытой от исследователей и журналистов.

В то же время многое о своей жизни сообщил Зорге в записках, которые он писал в Токийской тюрьме Сугамо в конце 1941 года после ареста японской тайной полицией 18 октября 1941 года. Одновременно с Зорге были арестованы Б. Вукелич и М. Клаузен. Аресты японских членов резидентуры начались раньше: Ё. Мияги — 10 октября, Х. Одзаки — 14 октября 1941 года. Всего по делу группы Зорге было арестовано 35 человек, но привлечено к суду только 17⁵. Следствие по делу «Рамзай» вели сначала чиновники японской тайной полиции, а затем прокуратуры. Дознание длилось до мая 1942 года. 17 мая 1942 года в японских газетах впервые было сообщено о раскрытии разведгруппы Зорге. При этом особо подчеркивалось, что группа якобы работала на Коминтерн, а Советский Союз и его разведорганы даже не упоминались. Как представляется, сделано это было не для «заигрывания» с СССР, а в целях усиления антикоммунистической истерии внутри страны, поскольку коммунисты выступали против захватнических войн японских милитаристов. Полиция и прокуратура стремились обвинить арестованных в нарушении закона «О поддержании общественного порядка», что позволяло японским властям проще и более жестко расправиться с ними.

М., 1976; Волков Ф.Д. Подвиг Рихарда Зорге. М., 1981; Колесникова М.В., Колесников М.С. Жизнь и бессмертие Рихарда Зорге. М., 1985. Среди последних публикаций следует назвать: Молодяков В.Э. Рихард Зорге: супершпион или суперполитик. — Проблемы Дальнего Востока, 1993, № 5.

² Мейснер Г.О. Кто вы, доктор Зорге? М., 1966; Mader Ю. Репортаж о докторе Зорге. Берлин, 1988.

³ Миякэ Ханако. Нингэн Дзоруге. Токио, 1949; Киносита Дзюндзи. Отто-то «ебарэру нихондзин». Токио, 1963; Одзаки Ходзюки. Дзоруге дзюкэн. Токио, 1963; Каваи Тэйкити. Дзоруге дзюкэн гокуто ки. Токио, 1975; Willoughby, Charles A. Shanghai Conspiracy. The Sorge Spy Ring. New York, 1952; Mader J. Dr. Sorge Funkt aus Tokyo. Berlin, 1966; Chalmers J. An Instance of Treason. California, 1990.

⁴ Гэндайси сире, Дзоруге дзюкэн. Т. I. Токио: Мисудзу Себо, 1962; Warfare C. The Case of Richard Sorge. New York — London: Gerland Publishing, Inc., 1989.

⁵ Гэндайси сире, Дзоруге дзюкэн. Т. I, с. 5.

Судебное разбирательство продолжалось до 15 декабря 1942 года, после чего дело было передано на рассмотрение коллегии Токийского окружного уголовного суда. Приговор суда был объявлен 29 сентября 1943 года Зорге и Одзаки были приговорены к смертной казни, Вукелич и Клаузен — к пожизненному тюремному заключению, Мияги был замучен в тюрьме еще до приговора. Остальные 12 человек, осужденные в качестве соучастников группы Зорге, были приговорены к различным срокам (до 15 лет) тюремного заключения. Верховный суд 20 января 1944 года отклонил кассационную жалобу Зорге под формальным предлогом, что эта жалоба была доставлена в Верховный суд на одни сутки позже установленного срока. 5 апреля 1944 года был оставлен в силе смертный приговор Одзаки, хотя его кассационная жалоба и была представлена вовремя.

Зорге и Одзаки были казнены утром 7 ноября 1944 года, в 27-ю годовщину Октябрьской революции. В печати об этом ничего сообщено не было. Японские власти, кроме заявления от 17 мая 1942 года, никакой информации об этом деле не давали до конца войны.

Отдельные выдержки из тюремных записок Зорге, главным образом автобиографического характера, цитируются некоторыми авторами⁶, однако в полном объеме эти записки в России до сих пор не публиковались. Сотрудники Института востоковедения РАН Г.Ю. Ветров, С.В. Коврижкин, А.А. Прохожев и И.Л. Тимонина перевели с японского языка полный текст этих записок⁷.

Некоторые отечественные авторы ставят под сомнение подлинность тюремных записок Зорге. Их аргументация основана на том, что в японских полицейских и судебных архивах не сохранилось, к сожалению, полного оригинала рукописи записок на немецком языке, как и других подлинных документов по делу Зорге. Все эти документы сгорели вместе со зданием министерства юстиции во время массированного налета на Токио стратегической авиации США 7 марта 1945 года. В огне погибли все оригиналы научных и публицистических работ Зорге, в частности, рукопись монографии «История дипломатии современной Японии», над которой он работал в последние годы жизни. Сгорела также и многотомная библиотека Зорге, конфискованная японской полицией при его аресте. Факт гибели документов был установлен сразу же после войны американскими офицерами из штаба оккупационных войск. Затем ими было выяснено,

⁶ Будкевич С.Л. Указ. соч., с. 74–75, 77–78; Колесникова М.В., Колесников М.С. Указ соч., с. 257–259, 262, 264–266, 269–274, 282–283, 285.

⁷ Гэндайси сире, Дзоруге дзикэн. Т. I, с. 139–222.

что сохранились копии судебных материалов на японском языке, заблаговременно вывезенные из Токио в г. Кофу, префектура Яманаси. Американцы сразу же засекретили все эти материалы. В США они были рассекречены в 1983 году и изданы спустя пять лет⁸.

Подлинность мемуаров Зорге американцам под присягой подтвердили причастные к делу Зорге прокурор М. Ёсикава и профессор Ё. Икома, осуществивший перевод документа с немецкого языка в феврале – апреле 1942 года. Более того, американцы нашли 24 страницы машинописного оригинала записок Зорге с правками автора, случайно сохранившиеся в личном досье Ёсикавы, который вел следствие по этому делу. Ёсикава передал текст в штаб американских оккупационных войск и письменно подтвердил, что это часть записок, собственноручно написанных и исправленных Зорге в его присутствии и переданных ему в следственном помещении Токийской тюрьмы в октябре – ноябре 1941 года.

Иногда отмечается, что текст записок Зорге, возможно, был скорректирован американскими спецслужбами после войны при переводе их на английский язык. Так, даже в наиболее серьезном исследовании о деле Зорге С.Л. Будкевича говорится, что «можно предположить, что текст второго варианта «записок Зорге», опубликованный в «Материалах по современной истории», содержит неточности, поскольку он заимствован из послевоенных публикаций, отредактированных с учетом английского перевода»⁹.

Такие утверждения не выдерживают критики, поскольку, во-первых, перевод записок на английский язык с самого начала имел гриф «совершенно секретно» и уже по этой причине был недоступен японцам, а, во-вторых, что самое главное, записки Зорге сразу же после перевода их на японский язык были опубликованы в закрытых материалах министерства юстиции: первый раздел в феврале 1942 года, а второй – в апреле 1942 года. Экземпляры данных публикаций за № 191 (первый раздел) и № 189 (второй раздел) были обнаружены американцами в хранилищах за пределами Токио. Их вместе с 24 страницами оригинала записок и заявлением Ёсикавы американцы возвратили японской стороне в 1952 году. Эти материалы были переизданы под грифом «совершенно секретно» министерством иностранных дел Японии в октябре 1953 г. и Управлением общественной безопасности в ноябре 1953 года. В январе 1957 года упомянутые документы без изменений были изданы Главным полицейским управлением и после рассекречивания вошли в открытое издание. Поэтому сомневаться в подлинности записок Зорге никаких оснований нет.

⁸Warface C. The Case of Richard Sorge.

⁹Будкевич С.Л. Указ соч., с 70.

Если есть какие-либо неточности в тексте записок, то они объясняются скорее не «происками японских и американских спецслужб», а качеством перевода с немецкого на японский и последующих переводов с японского языка на английский и русский.

В японских и американских материалах к мемуарам Зорге относится также еще один документ, который таковым по сути дела не является: первая часть записок, написанная японскими служащими полиции и прокуратуры как обобщение ответов Зорге на их вопросы в ходе следствия. Мы же к мемуарным запискам Зорге относим только те тексты, которые были написаны им лично.

Как уже отмечалось, записки были написаны в конце 1941 года. Вполне закономерно может возникнуть вопрос, почему нет никаких писем, других воспоминаний или дополнений к данным запискам, написанным Зорге позднее? Ведь он находился в тюрьме еще почти три года в ожидании суда, а затем казни. Дело в том, что по японскому законодательству того времени заключенным разрешалась переписка только с близкими родственниками, находившимися на территории Японии. Зорге, как и супруги Клаузен, таких родственников не имел и был лишен прав на переписку. Однако после вынесения смертного приговора Зорге и Одзаки было разрешено написать предсмертные записки, и оба воспользовались этим разрешением. По заявлению бывшего начальника тюрьмы С. Итидзимы, он прочитал объемные предсмертные записки Одзаки и отправил их в министерство юстиции, сняв для себя копию. Эта копия и сохранилась, а оригинал сгорел вместе с другими материалами в здании министерства юстиции. Такая же судьба, видимо, постигла и предсмертные записки Зорге. Начальник же тюрьмы, не зная немецкого языка, не сумел их прочитать и снять копию. Поэтому о последних записках Зорге известно очень мало, в основном из воспоминаний их переводчика профессора Икомы¹⁰.

Читая записки Зорге, не следует забывать обстоятельства, при которых они были подготовлены. Записки печатались на машинке лично Зорге в присутствии прокурора, который нередко задавал уточняющие вопросы и сразу же отбирал текст. Зорге позволялось только исправить явные опечатки, он не имел возможности просмотреть ранее написанный материал и отредактировать его. Поэтому в тексте имеются повторы, разночтения, отдельные неточности.

В частности, могут вызвать удивление просматриваемые в первых главах записок неопределенность в описании организа-

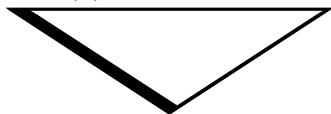
¹⁰ Икома Ёситоси. Дзоруге Кайсо Токио. 1962, с. 19–22.

ции, на которую работала резидентура «Рамзай», и стремление всячески выделить Коминтерн и ЦК ВКП(б) как основных потребителей добывавшейся разведчиками информации. Такая позиция Зорге вполне объяснима, если учесть, что во время написания этих глав он очень боялся, что дело его разведгруппы будет передано военной полиции «Кэмпэнтай», чего та упорно добивалась, подчеркивая военную направленность деятельности разведчиков. Это было бы действительно крайне опасно, поскольку военная полиция немедленно расправилась бы с Зорге и его соратниками без всякого суда. Примеров таких было достаточно: люди, попав в руки «Кэмпэнтай», исчезали бесследно. Только убедившись, что из-за межведомственного соперничества («Кэмпэнтай» подчинялась военному министерству, специальная полиция Токио – министерству внутренних дел, а прокуратура и суд – министерству юстиции) дело группы осталось на рассмотрении министерства внутренних дел и министерства юстиции, Зорге в последующих главах все поставил на свои места.

Язык записок и их стиль отличаются строгостью и лаконичностью. Чувствуется, что Зорге стремился сказать все и в то же время ничего о своей разведывательной деятельности в различных странах, о способах и методах агентурной работы. Более подробно Зорге писал о фактах и особенно о людях, которые и без того были хорошо известны японцам или недоступны для японской полиции. Когда же речь заходит о людях, которым высказывания Зорге могли как-то навредить, в тексте появляются всякого рода оговорки, что за давностью лет он не помнит тех или иных подробностей, связь поддерживал только со своими ближайшими (уже арестованными) соратниками и т. д. Благородство его души проявилось и в том, что он старательно брал на себя всю ответственность, стремясь облегчить участь своих товарищей. В записках Зорге писал о своей разведывательной деятельности в Китае и Японии, о работе в Коминтерне, о детских и юношеских годах, о том, как и почему он стал убежденным коммунистом. Думается, что знакомство российского читателя с личными записками Рихарда Зорге позволит составить более полное представление об этой незаурядной и многогранной личности. Кроме того, данная публикация позволит ввести тюремные записки Зорге в научный оборот в качестве важного исторического источника.

А.А. Прихожаев,
доктор экономических наук, профессор,
зав. лабораторией Института востоковедения РАН

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Глава I

О МОИХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ГРУППАХ В ЯПОНИИ И КИТАЕ

КОМИНТЕРН И ЕГО РАЗВЕДОТДЕЛ
В ПЕРИОД С 1925 ПО 1929 ГОД

Разведывательный отдел Коминтерна¹¹ являлся одним из трех-его крупных подразделений, которые закладывали основу для выработки детального курса по руководству международными коммунистическими партиями как в организационном, так и в политическом плане. Он существовал уже с начала 1925 года. Со временем возникла потребность в расширении этого отдела и превращении его в крупномасштабную организацию. И я активно включился в такую работу.

Задачи разведотдела

В обязанности разведывательного отдела входила регулярная подготовка разнообразной информации о международных коммунистических партиях; рассмотрение специфических партийных проблем, информирование о положении в рабочем движении в какой-либо стране и о политической и экономической ситуации в разных странах, а также подготовка в зависимости от обстоятельств специальных докладов по специфическим проблемам, имеющим важное международное значение. В качестве основных источников для подготовки такого рода сообщений служили материалы, направляемые в Коминтерн представителями

¹¹ Так в японском тексте. Официально он назывался информационным отделом. — Прим. ред.

партий, газеты, журналы и книги из разных стран, а также отдельная информация, получаемая от путешественников, партийных представителей и др.

Структура разведотдела

Заведующим разведотделом мог быть только член партии, обладающий многолетним опытом разведывательной деятельности. Такими были и Куусинен¹², и другие — все, кто какое-то время занимал этот пост. При заведующем разведотдела имелся секретариат, возглавляемый ответственным секретарем. В секретариате осуществлялась вся работа по контролю за разведдеятельностью в каждой стране, которые группировались по регионам — Европа, Британский Союз, Северная Америка, Южная Америка, Восточная Азия (сюда входили все страны и партии Юго-Западной части Тихого океана). В свою очередь каждый регион имел более узкую классификацию. Так, в Европе были выделены германоязычные страны и партии, романоязычные страны и партии (Франция, Италия, Испания), Скандинавские страны и партии, Балканские страны и партии. Регион Восточной Азии подразделялся на Китай, Японию, Корею, Голландскую восточную Индию. И кроме того, отдельное подразделение, ведавшее партиями других стран региона. В случае, если имелся только один информатор, он выполнял все обязанности. Деятельность крупных партий освещалась одним или несколькими сотрудниками. Однако были примеры, когда во многих случаях небольшие партии объединяли по языковому признаку и их дела вел один человек. Когда дело касалось важных международных проблем, из числа сотрудников отдела специально отбирались отдельные информаторы, работавшие затем непосредственно под руководством заведующего отделом или ответственного секретаря. Все сообщения передавались в секретариат. Важные доклады предварительно критически обсуждались на узких совещаниях в составе информаторов и работников секретариата, после чего представлялись заведующему отделом. Совершенно секретные и секретные сообщения проходили специальную обработку в секретариате. К такого рода материалам относились сообщения о повстанческих действиях, крупных забастовках или, например, партизанской войне в Китае.

¹² Куусинен Отто Вильгельмович (1881–1964) — финский и советский коммунист, 1921–1939 гг. секретарь Исполкома Коминтерна, глава Информационного отдела, с апреля 1924 г. — друг Зорге, 1940–1957 гг. председатель Президиума Верховного Совета Карело-финской ССР, зам. Председателя Президиума Верховного Совета СССР, 1957–1964 гг. член Президиума и секретарь ЦК КПСС. — *Прим. ред.*

В особых случаях на секретных совещаниях присутствовали представители Советской коммунистической партии (имеется в виду ВКП(б). — А. П.). В ряде случаев при рассмотрении военных проблем, связанных с партизанским движением, на совещаниях присутствовали представители Красной армии. Со временем число информаторов разведотдела возросло почти до 30 человек. В тех же случаях, когда проводились международные конференции или другие совещания международного характера, число сотрудников отдела значительно увеличивалось.

Непосредственная разведывательная деятельность сотрудников отдела

По прошествии определенного времени оказалось, что собранных ранее базовых данных недостаточно. Поэтому появилась настоятельная необходимость пополнять их за счет информации, получаемой непосредственно от сотрудников разведотдела, непрерывно работающих во всех странах. В организационном отделе штаб-квартиры Коминтерна долгое время существовала практика направлять во все партии специальных эмиссаров для оказания помощи в решении организационных проблем. Затем рамки такой работы расширились, и в их задачи стали включать также и разведывательную деятельность. В соответствии с таким курсом я был направлен в 1927 году. в Скандинавские страны, где занимался разведдеятельностью компартий по проблемам экономики, политики и важных военных вопросов этих стран. Я начал работать в Дании. В соответствии с полученными указаниями, я выполнял функции активного руководителя наряду с руководством партии, присутствовал на различных собраниях и конференциях, а также посещал основные партийные организации в стране. Когда позволяло время, занимался разведработой по политическим и экономическим проблемам Дании. Свои наблюдения и добытые сведения обсуждал с партийными представителями и в свои донесения в Москву включал и их мнения. Из Дании я переехал в Швецию, где таким же образом занимался изучением разнообразных проблем. В 1928 году принимал участие в работе политического комитета II международного конгресса Коминтерна, после чего снова был направлен в Скандинавию. На этот раз главным образом из-за ситуации, сложившейся в компартии Норвегии. И в Норвегии я действовал теми же методами, как в Швеции и Дании. Однако партийные проблемы оказались там далеко не простыми, в результате чего разведдеятельность в политической и экономической областях осуществлялась не так, как замыслилось. В этот период перед возвращением домой пришло распоряжение посе-

тить Англию, где предстояло изучить состояние рабочего движения, позиции коммунистической партии, политическую и экономическую ситуацию в стране в 1929 году и представить соответствующую информацию. Я получил указание никоим образом не вмешиваться во внутрипартийную борьбу. Это вполне совпадало с моим личным намерением и позволило уделить больше, чем в Скандинавии, внимания политической и экономической разведдеятельности.

Вернувшись в Москву, я, разумеется, передал в разведотдел свое очередное сообщение. Кроме того, я откровенно проанализировал и доложил все, что оказалось не совсем удачным в моих поездках по сбору развединформации и в исследованиях в странах, которые посетил. Кроме того, я высказал некоторые существенные предложения. В частности, предлагал, чтобы фундаментальная и всесторонняя разведывательная программа была отделена от внутренних распри в борьбе за власть местных компартий. В случае же необходимости для решения чисто внутренних национальных и частных партийных проблем следует посылать специальных эмиссаров, способных если и не полностью, то хотя бы частично посвятить себя разведдеятельности в области экономики, внутренней администрации, внешней политики, а при необходимости и по военным проблемам в широком смысле. Такого рода разделение в работе, отмечал я, также абсолютно необходимо для сохранения секретности разведдеятельности. Еще определеннее, чем прежде, я предложил также, чтобы лица, ведущие разведдеятельность в других странах, исходя из соображений секретности, были полностью отделены от структуры Коминтерна. После этого в моей работе обозначались некоторые перемены, хотя не ясно, в какой мере это явилось следствием сделанных мной предложений. Тем не менее отчетливо проявились существенные изменения как в организации моей следующей поездки, а это была поездка в Китай, так и в сфере предписанных мне обязанностей. В то же время претерпели полное изменение мои личные отношения с тесно контактировавшими прежде со мной лицами, а также с Коминтерном.

Способы моей связи с орготделом Коминтерна в период моей разведдеятельности в Скандинавских странах и в Англии были простыми. Свою корреспонденцию в Москву я посылал через местные партии или пользовался услугами центрального берлинского отделения связи. Время от времени посылал телеграммы по тем же каналам связи. В большинстве случаев я сам ездил в Берлин, чтобы обеспечить отправку моих сообщений. Другими словами, я совершенно не располагал собственными средствами связи.

КАРДИНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РАЗВЕДДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРИОД С 1929 ПО 1941 ГОД

Отделение от штаб-квартиры Коминтерна

В конце лета 1929 года, когда я возвратился из Скандинавии и Англии, мои официальные отношения с Коминтерном были прерваны. И работал я в своем номере в гостинице и в других помещениях. За исключением служебных, мои контакты с другими товарищами из Коминтерна были прекращены, и я встречался только с двумя-тремя ответственными лицами, которые имели непосредственное отношение к моей работе. В связи с моей поездкой в Китай состоялись совещания с рядом членов Коминтерна и других коммунистических организаций. С самого начала план моей поездки разрабатывался в соответствии с курсом, в основе которого лежали отделение разведработы от других видов деятельности и соблюдение секретности. В результате же проведенных совещаний курс на такого рода разделение стал прослеживаться еще более отчетливо, чем прежде. Среди лиц, принимавших участие в таких совещаниях, были не только представители Советской компартии и ее Центрального комитета, но и Красной армии, а также группа сотрудников четвертого управления – разведывательного органа Красной армии¹³. С этой группой отрабатывалась, главным образом, техническая сторона моей будущей разведдеятельности. На одном совещании присутствовали два сотрудника Народного комиссариата иностранных дел Советского Союза, с которыми обсуждались политические аспекты моей разведработы. После этого два или три раза меня приглашали в так называемое четвертое управление. Там шла речь о технической стороне моей работы в Китае, а затем и в Японии. В результате отделения от Коминтерна отчетливо определились изменения в характере предписанных мне обязанностей. Мне запрещалось вступать в какие-либо отношения с коммунистическими партиями в Китае и Японии: я не мог вступать с ними в контакт, разумеется, по своему собственному усмотрению и не имел права даже помогать им.

Основная задача моей разведдеятельности состояла в анализе и оценке политической обстановки. Вторая задача заключалась в сборе информации по основным аспектам экономики страны, особенно экономики военного времени. Третьей задачей являлся сбор военной информации. Что касается информации по партийным проблемам, то мне предписывалось собирать только особо важную. Причем я не имел права получать ее по партийным каналам, а только из других источников. Полученную информацию

¹³ Разведывательное управление Красной армии – советская военная разведка. В 1924–1935 гг. советскую военную разведку возглавлял Я.К. Берзин. – *Прим. ред.*

периодически отправлял из Китая, в отношении же Японии такого рода разведдеятельностью совершенно не занимался.

Мои отношения с органами в Москве детально не были определены

Мне совершенно не было разъяснено, в каких отношениях я буду находиться с Москвой с организационной точки зрения. Поэтому мне не было ясно, к какому ведомству принадлежу. Разумеется, я не задавал никаких вопросов по этому поводу. Поэтому и по сей день не знаю, относился ли я к штаб-квартире Коминтерна, или был сотрудником так называемого четвертого управления, или был приписан к какой-либо другой организации, например, к Народному комиссариату иностранных дел Советского Союза или к Центральному комитету Советской коммунистической партии. Если же судить по характеру моих обязанностей и получаемых указаний, то можно сделать следующие выводы.

Вероятно, я находился в ведении Центрального комитета Советской коммунистической партии

Путем всесторонних размышлений я пришел к такому выводу. Мне ничего не известно о том, шла ли отсылаемая мной информация в Центральный комитет Советской коммунистической партии, или в его секретариат, или же в какой-либо разведывательный орган, специально созданный Центральным комитетом. Несомненно лишь то, что она использовалась высшими партийными кругами, следовательно, высшими кругами советского правительства. Ниже я попробую рассказать о характере проводимой мной разведдеятельности.

Если говорить о технической и организационной стороне дела, то моя информация посылалась в особый орган, известный в качестве четвертого управления. Из этого четвертого управления я получал технику, необходимую для выполнения своих обязанностей (например, радиоаппаратура, радисты и т. п.), и другую помощь. Время от времени четвертое управление поручало мне выполнение заданий военного характера. Однако главный акцент делался обычно на получение необходимой для партийного руководства политической информации. В связи с этим мои отношения с московскими инстанциями складывались следующим образом. Все посылаемые мною сообщения поступали в четвертое управление. Из этого управления они направлялись руководству Советской коммунистической партии, а разведданные, представлявшие интерес для Коминтерна, направлялись туда. Разумеется, с этой информацией могли знакомиться и другие организации, такие,

как Советская армия¹⁴, Народный комиссариат иностранных дел и др. Короче говоря, по характеру моих донесений я был связан с Коммунистической партией Советского Союза, а по технической части — с четвертым управлением.

Причины перемен в разведдеятельности

После 1929 года произошли перемены в характере моей разведдеятельности. Причины этого кроются в следующем. Во-первых, в связи с изменениями в международном положении центр тяжести сместился от Коминтерна к Советской коммунистической партии и к самому Советскому Союзу. Во-вторых, мои собственные способности в большей мере соответствовали не столько разведдеятельности в целях решения политических проблем партии, сколько деятельности в более широкой сфере экономики и политики, а также в известной мере в области военной разведки.

Короче говоря, я больше подходил для удовлетворения срочных запросов руководства Советской коммунистической партии, нуждающейся в обширной экономической, политической и военной информации, нежели запросов Коминтерна об информации о положении в местных партиях и рабочем движении.

Такого рода обстоятельства, а также то, что с 1925 года я стал членом Советской коммунистической партии, и определили мой перевод на работу в указанном выше широком диапазоне разведдеятельности. При получении такого указания я попросил себе одного технического помощника (радиста), одного сотрудника-японца и одного компетентного сотрудника-иностранца. И мне подобрали Клаузена¹⁵, Мияги¹⁶ и Вукелича¹⁷. В месте назначения я мог в случае необходимости вербовать и других людей.

¹⁴Так в японском тексте. — *Прим. перев.*

¹⁵Кристиансен-Клаузен Макс (1899–1979) — немецкий коммунист, разведчик РККА, радист группы Зорге в Шанхае и Токио. В целях маскировки основал в Токио фирму по изготовлению множительной техники «М. Клаузен сокаи». Арестован японской полицией 18 октября 1941 г., приговорен к пожизненному заключению. Освобожден из тюрьмы 9 октября 1945 г. Проживал в СССР, затем в ГДР. — *Прим. ред.*

¹⁶Мияги Ётоку (1903–1943) — японский художник, выпускник Высшей школы искусств в Сан-Франциско (США), один из основателей «Пролетарского общества искусств», член Коммунистической партии США, член разведгруппы «Рамзай». Арестован в Токио 10 октября 1941 г., при аресте пытался покончить с собой, убит в тюрьме 2 августа 1943 г. — *Прим. ред.*

¹⁷Вукелич Бранко (1904–1945) — югославский коммунист, член Французской коммунистической партии, разведчик РККА, член группы «Рамзай». С 1933 г. корреспондент, затем заместитель руководителя бюро французского информационного агентства «ГАВАС» в Токио. Арестован 18 октября 1941 г., приговорен к пожизненному заключению, умер в тюрьме 13 января 1945 г. — *Прим. ред.*

ПОЛОЖЕНИЕ МОЕЙ РАЗВЕДГРУППЫ ОТНОСИТЕЛЬНО МОСКОВСКИХ ИНСТАНЦИЙ

Отношения между членами моей разведывательной группы и московскими инстанциями были различными. Почти не было ясности ни в их организационном, ни в их служебном положении. Поэтому очень трудно объяснить положение, которое занимал каждый из них в отдельности.

Мое положение

С 1925 года я был членом Советской коммунистической партии. И мое положение, естественно, представляется ясным. Будучи членом партии, я должен был подчиняться партийным директивам и инструкциям. Где и какую бы деятельность я ни проводил, я поступал в соответствии с партийными директивами и инструкциями. О моих отношениях с партией можно составить четкое представление хотя бы по тому факту, что даже в Японии я аккуратно вносил мои партвзносы. За свою деятельность и в Японии, и в Китае я нес ответственность перед Советской коммунистической партией и ее Центральным комитетом. Вместе с тем, будучи главой агентурной группы в Японии, я с технической стороны нес ответственность перед Красной армией, а именно — перед четвертым управлением. Это управление обеспечивало техническую сторону моей связи с Центральным комитетом. Кроме того, это управление решало технические проблемы, с которыми мне приходилось сталкиваться.

После того как я начал работать в Китае и Японии, мои отношения со штаб-квартирой Коминтерна носили исключительно косвенный характер. Для понимания характера этих отношений следует иметь в виду три обстоятельства. Во-первых, исключительную стабильность моих отношений с Коминтерном в прошлом, т. е. в период с 1925 по 1929 год. Во-вторых, дружеские отношения между мной и отдельными руководителями штаб-квартиры Коминтерна. И в-третьих, некоторая часть посылаемых мной информационных сообщений поступала из Центрального комитета в штаб-квартиру Коминтерна и, по-видимому, использовалась там. Однако после того как в 1929 году мои отношения со штаб-квартирой Коминтерна были прерваны, я не мог не принять во внимание, что не являюсь членом Коминтерна. В Коминтерне не было индивидуального членства, и Коминтерн не являлся партией. Он представляет собой объединение всех коммунистических партий в мире, а не всех членов этих партий.

Суть вышеизложенного такова.

Как руководитель агентурной группы в Японии, я был непосредственно и прежде всего связан с Центральным комитетом Советской коммунистической партии. По техническим аспектам своей работы и по некоторым другим вопросам разведдеятельности я принадлежал также к четвертому управлению Красной армии. И, как уже отмечалось выше, мои отношения с Коминтерном носили косвенный характер.

Положение Клаузена

Клаузен был сотрудником московской радишколы, и на работу ко мне его направило четвертое управление Красной армии. Его отношения с московскими инстанциями обусловлены связью с радишколой и четвертым управлением. Мне не известно точно, был ли он членом Советской коммунистической партии. Я знаю только то, что он был давним членом Германской коммунистической партии и направлен в Москву в радишколу, которая находилась в ведении четвертого управления. Он был зачислен четвертым управлением и послан в Китай. Клаузен не являлся членом Коминтерна, так как в Коминтерне не было индивидуального членства. Клаузен никогда не работал для штаб-квартиры Коминтерна. Единственное, что его связывало с Коминтерном, — это определенное идеологическое родство, вытекающее из его членства в Германской коммунистической партии.

Положение Вукелича

У Вукелича не было непосредственных отношений с московскими инстанциями. Другими словами, он никоим образом не был связан ни с Советской коммунистической партией, ни с Коминтерном, ни с четвертым управлением Красной армии. Все его контакты с Москвой носили косвенный характер. Тем не менее те, кто дали ему указание покинуть Францию и работать со мной, находились в Москве. Это означает, что указание об участии в работе моей разведгруппы в качестве ее члена он получил из Москвы. Однако я не знаю, какая московская организация отдала ему такой приказ. Думаю, что он был членом Французской коммунистической партии. Короче говоря, его положение можно определить следующим образом.

Из того факта, что Вукелич состоял членом Французской коммунистической партии, можно полагать, что он был связан с Коминтерном. Он был зарегистрирован и признан в качестве доверенного помощника одним из московских ведомств. При этом не имеет большого значения, какая это была организация — штаб-квартира Коминтерна, Центральный комитет Советской коммунистической партии или четвертое управление Красной армии.

Положение Мияги

Положение Мияги было таким же, как и Вукелича. Он тоже состоял членом Коммунистической партии (США) и также из Москвы получил указание об участии в моей разведдеятельности. Аналогичным образом он был привлечен к работе одной из важных московских организаций и назначен членом моей группы. В случае с ним также не имеет значения, был ли это Коминтерн, руководство Советской коммунистической партии или четвертое управление Красной армии.

Положение Одзаки¹⁸

Положение Одзаки по отношению к Центру во многом отличалось и от положения Вукелича, и от положения Мияги. Он не был послан на работу ко мне московской организацией. Он был назначен и утвержден Москвой по моей личной рекомендации в качестве полноправного члена моей группы. Однако с точки зрения оформления и утверждения Центром его положение было таким же, как у Вукелича и Мияги. Короче говоря, он был причастным к Коминтерну в широком смысле, зарегистрированным и назначенным либо Коминтерном, либо Центральным комитетом Советской коммунистической партии, либо одной из служб Красной армии.

Пояснение в отношении Бернхардта¹⁹

Мой первый радист Бернхардт работал со мной с 1933 по 1935 год. Его положение было таким же, как и Клаузена. Как и Клаузен, он состоял членом Германской коммунистической партии и обучался в московской радиошколе. Как и Клаузена, его направило ко мне четвертое управление Красной армии.

В общих чертах вышеизложенное представляется в следующем виде.

Все отмеченные выше лица являлись членами моей агентурной группы. Это люди, которые в зависимости от занимаемого

¹⁸ Одзаки Ходзуми (1901–1944) – японский политолог, писатель, поэт, журналист. В 1926–1938 гг. сотрудник газет «Токио асахи симбун», «Осака асахи симбун». С 1938 г. советник японского правительства по вопросам Китая, консультант исследовательского бюро Южно-Маньчжурской железнодорожной компании. С 1930 г. – близкий друг Зорге, член разведгруппы «Рамзай». Арестован 15 октября 1941 г., казнен 7 ноября 1944 г. вместе с Зорге. – *Прим ред.*

¹⁹ Бернхардт (настоящее имя и годы жизни неизвестны) – первый радист разведгруппы Зорге в Токио до осени 1935 г. Заменен по просьбе Зорге более опытным специалистом Клаузенем. – *Прим. ред.*

положения находились в прямых или косвенных отношениях с одной или несколькими московскими организациями. Мое положение отличалось от их. Только я как руководитель группы и член Советской коммунистической партии нес прямую ответственность и поддерживал непосредственные отношения с Москвой. И только я полностью отвечал за нашу работу. Клаузен и Бернхардт были связаны с радиошколой и, следовательно, имели отношение к четвертому управлению Красной армии, поэтому их следует выделить отдельно. Отношения между другими членами группы и московскими инстанциями носили специфический характер.

Дополнительно хотелось бы дать следующее объяснение.

В силу отмеченных выше причин представляется затруднительным определить истинное положение Вукелича, Мияги и Одзаки. Из-за того, что в Коминтерне не признается индивидуального членства, нельзя составить ясного представления об отношениях между ними и Коминтерном. Исходя из функции Коминтерна как международной организации, а также из его практической деятельности, нельзя считать его членами отдельных лиц. Членами Коминтерна можно считать только тех людей, которые имеют непосредственное отношение к его органам. И нет никаких оснований считать других отдельных лиц в качестве его членов. Из-за того, что Коминтерн является организацией международного масштаба, его нередко ошибочно рассматривают в качестве партии международного масштаба. Однако, строго говоря, с научной точки зрения такой взгляд на Коминтерн является несостоятельным. Коминтерн скорее одна из международных организаций, в которой объединено множество партий. И как в других такого рода коллективных организациях, между ее структурными составляющими (например, компартиями) имеют место специфические отношения.

Об Анне Клаузен²⁰

Анна Клаузен была женой Клаузена. Я познакомился с ней еще до ее замужества — с шанхайского периода. Будучи женой Клаузена, она только помогала ему в работе и в этом смысле имела отношение к моей группе. Однако она не являлась членом моей группы, ее помощь мужу заключалась в предоставлении их дома для выполняемой мужем работы. Вместо мужа она и в Шанхай ездил для выполнения важных задач в интересах группы. Мы рассчитывали только на ее личную помощь, которую она могла

²⁰ Кристиансен-Клаузен Анна (1899–1978) — урожд. Жданкова, родом из Новониколаевска (Новосибирска), коммунистка. Жена Макса Клаузена, курьер разведгруппы «Рамзай». Арестована в Токио 17 ноября 1941 г., приговорена к семи годам тюрьмы. Освобождена в октябре 1945 г. Проживала вместе с мужем в СССР, затем в ГДР. — Прим. ред.

оказывать Клаузену, как всякая жена помогает своему мужу. Мы и не ожидали, что она станет членом нашей группы. Разумеется, мы тем более не мечтали, что она станет членом компартии. Она не проявляла никакого интереса к политическим делам и была к ним совершенно равнодушна.

О бывшей жене Вукелича Эдит²¹

Эта женщина также не была членом моей группы. Однако вначале она играла ту же роль по отношению к Вукеличу, как Анна Клаузен по отношению к своему мужу Клаузену. После того как разошлась с Вукеличем, она предоставляла свой дом для радиопередач, проводимых Клаузеном, и тем самым помогала нам. Этим и ограничивалась ее помощь нашей группе. Она не проявляла интереса к политике, и не было никакой надежды на то, что она станет на коммунистический путь.

О Мидзуно²²

Мидзуно оказывал содействие моей группе в Китае, а в Японии он был известен как друг Одзаки и его помощник. Сам я встречался с ним только один раз в ресторане. В Японии он ни разу не передавал свою информацию непосредственно мне. Однако, по моему мнению, он оказывал помощь Одзаки.

О Каваи²³

Каваи являлся моим помощником в моей разведгруппе в Китае и непосредственно со мной поддерживал отношения. В Японии Мияги и Одзаки после ряда консультаций со мной взяли его в нашу группу и привлекли к работе. Однако в конечном счете он

²¹ Вукелич Эдит (годы жизни неизвестны) — датчанка, преподаватель гимнастики, член группы «Рамзай». Первая жена Бранко Вукелича с 1929 г. Прибыла с ним в Японию 11 февраля 1933 г. В ее доме в Токио размещалась радиостанция Клаузена. После развода с Вукеличем покинула Японию в сентябре 1941 г. — Прим. ред.

²² Мидзуно Сигэру (1910—1945) — друг Одзаки по Шанхаю, специалист по Китаю, член Коммунистической партии Японии. Одзаки в 1939 г. устроил его на работу в центр исследования Китая. Неоднократно арестовывался японской полицией за левые убеждения. Умер в тюрьме в 1945 г. — Прим. ред.

²³ Каваи Тэйкити (1901—1981) — японский репортер левых убеждений, друг Одзаки по Шанхаю. В 1936 г. впервые был арестован, но не выдал Одзаки и Зорге. После освобождения через 10 месяцев до сентября 1941 г. находился в Китае. По «делу Зорге» был осужден на 10 лет тюремного заключения. Освобожден в октябре 1945 г. — Прим. ред.

почти не пригодился в нашей работе. Сам я никогда не получал непосредственно от него никаких материалов. Вся информация шла ко мне через Оздаки и Мияги. То, что им не были получены удовлетворительные результаты, обусловлено, по-видимому, трудностями, связанными с его личными обстоятельствами.

О Косиро²⁴

Косиро не являлся членом моей группы. Однако был другом Мияги и косвенно помогал группе, чем и был полезен нам. Один или два раза я встречался с ним в ресторане, и он произвел на меня очень хорошее впечатление. С моего согласия Мияги стал поддерживать с ним очень тесные контакты.

О Гюнтере Штейне²⁵

Штейн был самым активным образом связан с работой моей группы. С учетом его идеологических установок и личных качеств можно сказать, что это был подходящий человек для моей группы. Я сообщил в Москву о том, что пока он оставался в Японии, его неплохо бы привлечь в состав моей группы. Однако разрешения на это не последовало.

КОРОТКО О ХАРАКТЕРЕ РАЗВЕДГРУППЫ В ЯПОНИИ

По моему мнению, мою разведгруппу следует рассматривать в качестве особого органа, находящегося в подчинении Центрального комитета Советской коммунистической партии. В этом характерная особенность группы. Другой важной особенностью является то, что в техническом и организационном отношении она была связана с так называемым четвертым управлением Красной армии. Разведгруппа получала указания и от четвертого управления и выполняла для него ограниченный спектр заданий. Поэтому по определенным видам разведывательной информации группа поддерживала отношения с Красной армией. Однако нельзя не видеть, что эти отношения имели второстепенное значение в

²⁴ Косиро — один из информаторов Ётоку Мияги. — *Прим. перев.*

²⁵ Штейн Гюнтер (1900—?) — журналист-международник, коммунист. После прихода к власти в Германии нацистов выехал в Англию и принял британское подданство. В Токио находился в 1936–1938 гг. в качестве корреспондента ряда английских и американских газет. До августа 1938 г. в его доме в Токио размещалась радиостанция Клаузена. В 1950 г. был арестован в Париже по обвинению в шпионаже в пользу СССР, но категорически отрицал эти обвинения, выслан в Англию. — *Прим. перев.*

сравнении с отмеченной выше характерной особенностью разведгруппы. Непосредственных отношений с Коминтерном по разведывательным делам у группы не было. И я не знаю, в какой мере доходила до Коминтерна посылаемая мной информация и как она использовалась. С Коминтерном были только косвенные отношения. И они обусловлены только тем, что два-три члена моей группы являлись прежде членами компартий различных стран. То, что эти люди были приданы моей группе, обусловлено, по-видимому, посредничеством Коминтерна. Однако неизменным остается тот факт, что моя группа является, по существу, организацией Центрального комитета.

ДОПОЛНЕНИЕ К ВЫШЕИЗЛОЖЕННОМУ

Выше я изложил в общих чертах свое мнение о характере моей японской группы. Я уже отмечал, что нет прямых доказательств такого мнения. Однако в основе его лежит мой собственный опыт, и у меня нет сомнений на этот счет. Если же исходить из того, что нельзя принимать во внимание мнение, основанное на формуле «...в то-то верю» и «...в том-то убежден», то мы должны полагаться только на факты, которые я уже излагал. В таком случае определено можно сказать только следующее. С ноября 1929 года мои разведгруппы и я сам в техническом и организационном отношении являлись непосредственной частью разведывательных органов Красной армии, а именно так называемого четвертого управления. И если взять за основу такую ограниченную точку зрения и исходить только из бесспорных фактов, то окончательный вывод должен быть таким: мои разведгруппы в Китае и Японии являлись особыми подразделениями четвертого управления.

Глава II

КОМИНТЕРН И СОВЕТСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

КОМИНТЕРН И СОВЕТСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Моя разведывательная группа в Японии являлась одной из организаций, подчиненных Советской коммунистической партии. Можно чистосердечно признать, что все члены группы работали

во имя продвижения дела коммунизма, а отнюдь не из-за денег и личных интересов. При таких условиях очень важное значение в настоящем деле имеют отношения между Коминтерном и Советской коммунистической партией, а также их роль в международном коммунистическом движении.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ
СОВЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИЕЙ
И КОМИНТЕРНОМ
В ФОРМАЛЬНОМ И ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ПЛАНЕ

Коминтерн не является партией. Это международная организация национальных коммунистических партий. Он состоит из многих секций, представляющих отдельные партии, одной из которых является Советская коммунистическая партия. Замысел Коминтерна как международной организации состоит в деятельности в интересах мирового коммунизма и в объединении мира в единое коммунистическое общество. Короче говоря, в том, чтобы покончить с частной собственностью на средства производства, с классовой эксплуатацией и угнетением с расовой тиранией и объединить все государства на основе единого фундаментального плана. Другими словами, создать Советский Союз во всемирном масштабе. Эта унифицированная объединяющая программа указывает роль, которую разные народы и расы должны играть в процессе своего неуклонного движения в целях достижения мирового коммунизма. Следовательно, глобальная политика Коминтерна не является простым суммированием различных программ всех его секций, а представляет собой гораздо более значимую программу. Без такого рода синтеза, осуществляемого руководством Коминтерна, его секции не смогут создать ничего, кроме пестрой и неравновесной социальной и расовой мозаики. Если не будет международной программы, то не будет и решающего фактора для единения.

В этой связи необходимо обратить внимание на такое обстоятельство. Программа Коминтерна не есть нечто жестко фиксированное. В соответствии с процессом развития ситуации она также претерпевает изменения. И эти изменения сравнимы с эволюцией самой структуры коммунистического общества, которое непрерывно прогрессирует. Таким образом, нельзя не видеть, что природа Коминтерна меняется после значительных сдвигов в обстановке. В настоящее время, например, Коминтерн представляет собой организацию, целью которой является классовая борьба. Однако отчетливо прослеживаются факторы его перехода к организации, целью которой станет построение социализма в от-

дельных странах. В будущем Коминтерн станет главной экономической штаб-квартирой социалистических стран мира. А в дальнейшем — и главной штаб-квартирой строительства коммунистического общества.

На нынешнем этапе коммунистического движения непосредственной и главной целью Коминтерна является активное руководство каждой его секцией по борьбе за захват коммунистическими партиями политической власти в каждой стране. И по форме, и в теоретическом плане Коминтерн является мозгом — генеральным штабом. Его обязанность заключается в руководстве деятельностью секций, осуществляемом для достижения цели на данном этапе развития мирового коммунизма. В своей практической работе Коминтерн анализирует мировую политическую и экономическую ситуацию и на основе результатов анализа определяет необходимые и реально осуществимые цели. Затем каждой секции предоставляется сделать конкретный выбор. Так, например, на основе анализа мировой экономической ситуации в капиталистическом мире Коминтерн должен вынести суждение о том, успешной или нет будет всеобщая забастовка в той или иной стране. Далее, если, например, видно, что объективная ситуация не способствует насильственной революции, то обязанностью Коминтерна является прекращение восстания. Однако в том случае, когда обнаруживаются симптомы глубокого кризиса капитализма, он призван энергично призывать к восстанию. Коминтерн, активизируя политическую и экономическую борьбу в отдельной стране, оказывает помощь коммунистическому движению и партии этой страны, предоставляя прежде всего пропагандистские материалы и финансовые средства, а в случае необходимости направляя туда политических, пропагандистских и организационных советников. Такая помощь была исключительно важной и эффективной. Особенно в тех случаях, когда в качестве советников выступали люди, уже накопившие достаточный опыт аналогичной работы в других партиях. И, наконец, Коминтерн оказывает помощь своим секциям в создании в Москве специальных школ и тренировочных центров по подготовке партийных руководителей среднего и низшего звена.

С формальной стороны Советская коммунистическая партия является одной из секций Коминтерна и в этом смысле не отличается от других секций. Она ни в малейшей мере не отличается от других партий и в преклонении перед волей Коминтерна. Во взаимоотношениях между партиями не установлены прямые контакты, что в одинаковой мере относится и к Советской коммунистической партии. Все взаимосвязи между секциями осуществляются через международные органы, другими словами,

через руководящие органы Коминтерна. За Советской коммунистической партией не признается и права оказания помощи любой партии мира. Всякая помощь и поддержка осуществляется исключительно Коминтерном. Правда, Коминтерн может обратиться к коммунистическим партиям, включая и Советскую коммунистическую партию, с просьбой о предоставлении косвенной помощи. В этом случае необходимо единодушное согласие всех членов — представителей партий в Коминтерне. Однако такого рода помощь не может быть предоставлена иначе как в виде помощи одной партии другой. Поскольку Красная армия и другие вооруженные силы не являются органами партии, они не могут быть использованы в подобных целях. Это потому, что Красная армия и другие вооруженные формирования относятся к государству, другими словами, Советскому Союзу, и не принадлежат Советской коммунистической партии. По просьбе Коминтерна направляет нуждающимся в помощи секциям продовольствие, финансовые средства, советников и помощников из членов своей партии, особенно прошедших специальную подготовку и получивших соответствующую квалификацию. Однако Красная армия никогда не будет серьезно вовлечена в борьбу партий за захват политической власти в своих странах. Оставив в стороне фундаментальный принцип коммунизма о том, что только рабочий класс может совершить коммунистическую революцию, Коминтерн является всемирной организацией, структурные элементы которой образуют партии. Это не всемирная организация со структурными элементами в виде стран с их армиями. Поэтому Коминтерн не может предоставлять непосредственную военную помощь. Конечно, в теоретическом плане имели место и исключения. Например, Внешняя Монголия стала базой при ведении боевых действий с русской белогвардейской контрреволюцией. Однако требования троцкистов о вооруженном вмешательстве Советского Союза в ход революции в других странах полностью противоречили курсу Коминтерна и реальной действительности.

Короче говоря, можно сказать следующее. Теоретически Советская коммунистическая партия находится под руководством Коминтерна. И в этом она ничем не отличается от других коммунистических партий. У нее нет также никаких прямых или особых отношений с другими секциями Коминтерна. Предоставление помощи другим партиям обязательно осуществляется через Коминтерн. Следует лишь обратить внимание на очень большую помощь Советской коммунистической партии Коммунистической партии Китая. Именно в китайскую компартию была направлена группа специальных военных советников. Что же касается других стран, например, Германии, Польши, Балканских стран, то помощь парти-

ям каждой из этих стран ограничивалась посылкой туда небольшого числа членов Советской коммунистической партии, несравнимого с их общей численностью.

РАБОЧИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РУКОВОДСТВОМ СОВЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И ШТАБ-КВАРТИРОЙ КОМИНТЕРНА

В последние годы между теорией по поводу взаимоотношений Коминтерна и Советской коммунистической партии и практическим применением этой теории выявилось значительное несоответствие, в связи с чем в настоящее время роль руководства партии гораздо выше, чем штаб-квартиры Коминтерна. Это руководство, т. е. Центральный комитет Советской коммунистической партии, стало определяющим фактором и в мировом коммунистическом движении, и в самом правительстве Советского Союза. То, что партия достигла такого влияния, стало совершенно очевидно в 1928–1929 гг. Это обстоятельство обусловлено следующими причинами.

1) Штаб-квартира Коминтерна находится в Москве, поэтому между руководством партии и Коминтерном легко могли быть установлены тесные связи. Если принять во внимание трудности поддержания связей с компартиями других стран, широко разбросанных в разных регионах, то легко понять возникновение такого рода тесных отношений в Москве.

2) Советская коммунистическая партия — это наиболее широко известная и крупная компартия в мире. Кроме того, это политическая партия, занимающая господствующее положение в Советском Союзе. Поэтому она располагает значительными финансовыми ресурсами. Следовательно, она в состоянии предоставлять Коминтерну большие средства. И в этом отношении другие компартии не идут с ней ни в какое сравнение. Кроме того, Советская коммунистическая партия, располагая мощной базой в лице советского государства, способна удовлетворять разнообразные потребности Коминтерна во всех областях — технической, организационной, административной, политической. Большим преимуществом Советской коммунистической партии является то, что она может свободно действовать на территории Советского Союза, не испытывая беспокойства в отношении вмешательства со стороны каких-либо военизированных организаций.

3) Советская коммунистическая партия включает в себя представителей от 150 национальностей и рас. В силу этого она в большей степени, чем любая другая компартия в мире, подходит

для поддержания контактов с различными национальными и расовыми группами. И в этой связи необходимо отметить, что до тех пор, пока Советская коммунистическая партия будет продолжать сотрудничество с Коминтерном, она будет весьма активно участвовать в его деятельности, используя такой многообразный расовый фон.

4) Советская коммунистическая партия имеет давнюю историю, поэтому она располагает очень способными и опытными руководителями. Все они ветераны мирового рабочего движения, чей опыт восходит еще к дореволюционной России. Это руководители, имеющие большие заслуги и во время революции, и в строительстве Советского Союза, поэтому их голос очень весом. Их заявления на международных конференциях и совещаниях обладают таким весом, который несравним с декларациями и заявлениями руководителей делегаций других коммунистических партий. Я сам хорошо помню, когда одно только появление на такого рода совещаниях таких старых ленинцев, как Сталин, производило огромное впечатление на зарубежных делегатов.

В силу такого рода факторов Советская коммунистическая партия с самого начала деятельности Коминтерна занимала сильные позиции. И когда возникала дискуссия по какой-нибудь важной проблеме, мнение Советской коммунистической партии всегда признавалось окончательным. Тем более в тех случаях, когда суждение исходило от Ленина и Сталина. В минувшие 10–15 лет такого рода тенденция все больше и больше усиливалась. Из-за внутривнутрипартийной борьбы и гонений у лидеров коммунистических партий стали проявляться колебания, в связи с чем произошли большие качественные перемены в партийном руководстве всех стран, а также изменение и сокращение опыта работы. В результате сложилась такая ситуация, когда руководство Советской коммунистической партии не могло не быть все более причастным к определению курса деятельности Коминтерна.

Можно выделить две причины, в силу которых Советская коммунистическая партия заняла господствующее положение в Коминтерне. Первая причина в том, что, несмотря на противодействие реакционных сил и разного рода трудности, были достигнуты большие успехи в построении социализма в Советском Союзе. Короче говоря, Советская коммунистическая партия успешно осуществила на основе указаний Коминтерна великое дело построения социалистического государства. Вторая причина кроется в изменении основного акцента в развитии международного положения. Короче говоря, он полностью переместился от политического, национального и революци-

онного рабочего движения в сторону политики, проводимой Советским Союзом, выступающим в роли единственного социалистического государства в мировом обществе. Исключительно собственными усилиями Советский Союз занял положение мощной мировой державы, и это обстоятельство не могут не признавать все другие страны. Оба рассмотренных выше объективных фактора представляются исключительно важными для оценки и Коминтерна и места Советской коммунистической партии в Коминтерне.

5) Построение социализма в Советском Союзе.

Советская коммунистическая партия была единственной секцией Коминтерна, которая в качестве первого шага к установлению коммунистического общества возложила на себя миссию по созданию государственного социализма в своей стране на практике. В ходе нынешней германо-советской войны мы впервые в полной мере смогли увидеть, как Советская коммунистическая партия осуществила это предназначение, особенно в экономической области. Реально даже руководители Германии вынуждены были признать, что они недооценили экономическую мощь Советского Союза. Вопрос о возможности построения государственного социализма только в одной стране — это проблема, ставшая объектом теоретической борьбы между группой Ленина и группой Троцкого. И эта проблема была разрешена на практическом эксперименте этих нескольких лет. Установление государственного социализма в Советском Союзе это не только замечательные успехи одной коммунистической партии, но и факт огромной важности для мирового коммунистического движения. В результате таких успехов руководство Советской коммунистической партии усилило свое влияние на мировое рабочее движение. Именно по этой причине образ Коминтерна поблек. И сейчас рабочие всего мира гораздо лучше знают руководителей Советской коммунистической партии, а не руководство Коминтерна.

6) Смещение основного акцента в международной сфере.

Второй объективный фактор заключается в смещении основного акцента в международной сфере от руководства Коминтерна к руководству Советского Союза, выступающего в роли социалистического государства. В период с 1928 по 1929 г. отчетливо обозначился спад волны радикальных революций. Быстро-течные и крупномасштабные революции на некоторое время исчезли из вида. В Китае шла большая война Китайской коммунистической партии против Чан Кайши, Нанкинского правительства и сил мирового империализма. Мировое революционное движение не могло не обращать внимания на проблемы обороны от контрреволюционных сил, особенно фашизма, на-

ционал-социализма и ультранационализма. Рабочее движение было отброшено на оборонительные рубежи. Стало неактуальным прежнее революционное наступление, проводившееся рабочим классом и угнетенными народами. И не только это. Значительно увеличилась опасность возникновения войны между мировыми державами, а также опасность сосредоточения их сил в империалистической войне против России. По этим причинам у рабочего движения возникла важная и неотложная проблема принять во что бы то ни стало соответствующие оборонительные меры.

В то же время возросла важность той роли, которую Советский Союз как государство и мировая сила играл в международных делах. С ростом его политического и экономического могущества и мировые державы не могли не считаться с существованием в мировой политической жизни этого социалистического государства. Это проявилось, когда противостояние фашизму и национал-социализму стало краеугольным камнем внешней политики Советского Союза и Коминтерна и получило практическую реализацию в отношении Франции и Испании. По этой причине революционное рабочее движение охотно стало рассматривать Советский Союз опорой в своей борьбе за самозащиту и существование. Одновременно под влиянием объективной ситуации в мире лидерство Советского Союза становилось более влиятельным, чем международного рабочего движения, выдвигалось на передний план и все более важной становилась роль, которую играло руководство Советской коммунистической партии. Все большую и большую важность приобретал русский социализм, как основа международного, военного и политического положения Советского Союза. Рабочие полагали, что успехи России в борьбе с силами фашизма и национал-социализма обязательно приведут к возрастанию угрозы антисоветского наступления этих сил. Нападут или нет фашисты и национал-социалисты на Советский Союз, будет зависеть от того, в какой мере удастся Советскому Союзу как социалистическому государству создать экономическую мощь. Создание этой экономической мощи стало для Советского Союза и революционного рабочего движения действительно неотложной и крупной проблемой. И как никогда прежде, именно содействием развитию Советского Союза становилось ответственной миссией, возложенной на международное рабочее движение. Исходя из практических задач, широкое признание получила точка зрения, что троцкизм предан забвению и превратился в оторванную от жизни теорию, пригодную лишь для забавы интеллектуалов, и что именно построение в Советском Союзе общества социалистической структуры впервые гарантирует бе-

зопасность международного рабочего движения. Одновременно с этим возникло понимание необходимости защищать Россию от всякого рода направленных против нее атак. Идея о возможности участия Красной армии в пролетарских революциях в других странах является не более, чем большим воображением людей, незнакомых с сущностью международного рабочего движения. Исходя же из сущности международного рабочего движения, высшая миссия Советской коммунистической партии состоит не в отправке Красной армии за пределы своей страны, а в отражении уже просматриваемой империалистической агрессии, в скорейшем создании социалистической экономики, способной защитить Советский Союз, являющийся наиболее реальным капиталом рабочих всего мира.

РЕЗЮМЕ ВЫШЕИЗЛОЖЕННОГО

Таким образом, Советская коммунистическая партия, ставшая значительно превосходящей Коминтерн силой, в настоящее время выполняет функции фактического руководителя коммунистического рабочего движения, что отчетливо проявляется в рабочих отношениях между руководителями Советского Союза и Коминтерна. Прежде Коминтерн был весьма независимой организацией и лишь изредка советовался с партией по отдельным вопросам. Однако со временем ему все чаще требовались советы руководителей Советского Союза, и в настоящее время такие консультации стали почти повседневным делом. Руководство Коминтерна сейчас уже никак не может пренебрежительно игнорировать, как это было ранее, когда во главе Коминтерна стоял Зиновьев, Советскую коммунистическую партию при определении курса международного рабочего движения. В результате того, что Коминтерн признал преимущественное положение Советской коммунистической партии, между руководителями обеих сторон установилось единство. Отражением этого является то обстоятельство, что внешняя политика и лозунги в революционном движении все больше и больше стали входить в орбиту внешней политики и лозунгов Советского Союза. Именно такими были в действительности лозунги в отношении фашизма, империалистической войны, а также внутренней реакции в Испании, Италии и Германии. Я знаю многих из Коминтерна или подобных ему организаций, перешедших в органы Советского правительства или возвратившихся на хозяйственную работу в Советском Союзе. В последнее время много рабочих, которые, будучи эмигрантами из других стран, пошли на работу по строительству советской экономики. В прошлом же

такого рода лица в большинстве стремились идти не на управленческую работу в Советском Союзе, а в Коминтерн или связанные с ним правительственные органы. Не могу утверждать, что это так, но, как мне представляется, среди небольшой части коммунистов проявилось одно новое и ошибочное с политической точки зрения мнение. Эти люди, в результате впечатляющих успехов советского социализма, по-видимому, недооценивают Коминтерн и его деятельность и считают, что он на самом деле отстал от своего времени. Однако появление такого ошибочного политического мнения с точки зрения коммунизма фактически указывает прежде всего на важность того обстоятельства, что строительство Советского Союза сильно продвинулось вперед, а объективно также на то, что в международном рабочем движении руководство Советской коммунистической партии занимает очень важные позиции.

В настоящее время Советская коммунистическая партия играет очень важную роль. Разумеется, такое положение не может быть постоянным и неизменным. И если одна или большее число коммунистических партий придут к власти и приступят к строительству социализма, то может произойти смещение акцентов в положении. Таким образом, нынешнее преимущественное господствующее положение Советской коммунистической партии следует рассматривать как временное явление. Однако в современной ситуации такое ее преимущественное положение вряд ли будет оспорено в последующие десять лет. Во всяком случае, прогресс в Советской коммунистической партии и в строительстве социализма в Советском Союзе оказали большое влияние на деятельность моей группы. И при оценке нашей деятельности нельзя не принимать во внимание отмеченные выше сдвиги в руководящих силах.

ПЕРЕМНЫ В МОЕМ ПОЛОЖЕНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Выше говорилось о смещении центра тяжести в революционном рабочем движении от руководства Коминтерна к руководству Советской коммунистической партии. Это обстоятельство отчетливо проявилось и в моей деятельности. Из структуры Коминтерна я перешел в Советскую коммунистическую партию, но это всего лишь частица такой перемены. Однако из такой перемены отнюдь не следует, что мы (а именно я и члены моей группы) прекратили революционную деятельность в интересах коммунизма. Мы просто переместили область нашей коммунистической деятельности из сферы партийной работы в

Коминтерне в другую не менее важную сферу, а именно в сферу деятельности, нацеленной на процветание и прогресс Советского Союза. В понятие процветание Советского Союза включался ряд проблем: потребности экономического и политического строительства, внешней политики Советского Союза, а также его защита от политической и военной агрессии извне. Откровенно говоря, вместе с переменной направления моей деятельности я получил и новое задание — способствовать развитию внешней политики Советского Союза и укреплять его оборону от внешней агрессии. Такого рода деятельность представляется важным и общим средством выражения коммунистической идеи. И в этом смысле она ничем не отличается от деятельности Коминтерна в интересах отдельных коммунистических партий.

ОБЪЯСНЕНИЕ ТЕРМИНА «МОСКОВСКИЕ ИНСТАНЦИИ»

Когда на первоначальном этапе допросов спрашивали об организации, которая предоставляла мне полномочия и отдавала приказы, я преднамеренно употреблял общее и неопределенное выражение «московские инстанции». Я обдуманно не объяснял, указывает ли этот термин на какой-либо орган Коминтерна или на другую какую-либо важную организацию в Москве. В тех обстоятельствах невозможно было через переводчика объяснить полицейскому офицеру, как я изложил это в предыдущих разделах, всю сложность дела, а именно перемену сферы моей деятельности и сдвиги в коммунистическом руководстве. Во время подробного допроса, проведенного прокурором Ёсикава²⁶, я кое-как с трудом смог объяснить сложные подробности по поводу перемены моего высшего начальства в Москве. Я объяснил затем, что до 1929 года называемой мной «московской инстанцией» являлась организация Коминтерна. После 1929 г. в связи с изменением общей международной ситуации произошли кардинальные изменения и в руководящей мной системе. Если бы в самом начале следствия, проводимого полицейскими чинами, я попытался объяснить всю эту сложную ситуацию, это несомненно затянуло бы допросы и привело к неразберихе.

²⁶ Ёсикава Мицусادا (1907—?) — прокурор Токийской прокуратуры, вел следствие по «делу Зорге» с 24 октября 1941 г. до 27 марта 1942 г. По его разрешению и в его присутствии были написаны Зорге данные записки. Выступал с показаниями о разведгруппе Зорге в Комиссии Конгресса США по расследованию антиамериканской деятельности в 1951 г. — *Прим. ред.*

О своих встречах с такими влиятельными деятелями Коминтерна, как Пятницкий, Мануильский и Куусинен, после моего перехода из Коминтерна в другую московскую организацию я могу дать следующее объяснение. Эти люди были моими давними коллегами и старыми друзьями. Они поручились за меня и были моими учителями в области коммунистического движения. Они поручились также за меня, когда меня назначали на работу по линии Центрального комитета Советской коммунистической партии, и они же были поручителями при моем вступлении в партию. Эти люди обладали большим международным опытом в области революционного движения. Поэтому они давали мне советы по различным вопросам и после того, как я покинул Коминтерн (после моего ухода из Коминтерна я встречался только с этими лицами). Кроме того, они были не только известными деятелями Коминтерна, но и членами Центрального комитета Советской коммунистической партии.

Моя разносторонняя разведывательная деятельность в Китае и Японии носила своеобразный и совершенно новый характер, поэтому встречи с тремя этими старыми друзьями имели для меня особый смысл. Это относится прежде всего к моей деятельности в Японии. Ведь я был самым первым и единственным человеком, которому удалось успешно выполнить там такую обширную миссию. И как мне известно, впервые только мне удалось успешно справиться с такого рода испытанием. Четвертое управление Красной армии являлось единственным органом, имевшим право отдавать мне приказания, именно отсюда поступали ко мне указания и запросы. Мои встречи с работниками Коминтерна и другими лицами носили совершенно неофициальный характер, и я получал от них только дружеские советы, а не директивы или приказы.

КРАТКОЕ РЕЗЮМЕ

Как уже отмечалось выше, наша (моя и членов моей группы) деятельность в Японии свидетельствует о смещении центра тяжести в коммунистическом движении. Нашей работой мы непосредственным образом содействовали процветанию будущего Советского Союза (здесь нет необходимости судить о том, в какой мере мы способствовали этому). Косвенным образом мы способствовали мировой революции. По крайней мере, мы в это верили. И в этом смысле мы работали не только в интересах Советского Союза, но и в интересах мировой коммунистической революции.

Глава III

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК КАК АРЕНА МОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ПОДРОБНОСТИ МОЕГО ОТЪЕЗДА НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

С изменением характера моей работы, короче говоря, с переходом от деятельности в интересах Коминтерна к широкой разведдеятельности в настоящее время в интересах Советской коммунистической партии и четвертого управления Красной армии произошли и другие перемены. Меня спросили, предпочитаю ли я вернуться в Европу и использовать там накопленный опыт, работая с новыми людьми, нуждающимися в моем опыте, или, если позволят обстоятельства, поехать на Дальний Восток. И я в качестве арены моей деятельности выбрал Дальний Восток. Московские инстанции остались очень довольны моим решением.

Почему я сделал отмеченный выше выбор? И почему этот выбор был одобрен? Если сказать коротко, то суть в следующем. До 1920-х годов арена деятельности, в которой были заинтересованы революционное рабочее движение и политика Советского Союза, ограничивалась Европой и частично Америкой. На Дальний Восток не обращалось большого внимания. Однако с началом революции в Китае Коминтерн и Советский Союз стали обращать свои взоры к этому новому региону. Тем не менее опытные и способные кадры в большей или меньшей мере проявляли интерес к Европе и Америке. И только немногие политические наблюдатели почувствовали, что революция в Китае и последовавшее затем продвижение Японии в Маньчжурию являются важными мировыми событиями, обладающими большой силой воздействия. Больше того, весьма мало было таких людей, кто решил бы посвятить Дальнему Востоку все свои силы. Я решил заняться этим делом по двум причинам. Во-первых, потому, что это отвечало моему темпераменту. И, во-вторых, потому, что у меня появился большой интерес к новой и очень сложной политической ситуации на Востоке. Вместе с небольшой группой других я исходил из следующих предположений:

— большие перемены в революционном рабочем движении и внешней политике Советского Союза неизбежно скажутся теперь на новой арене действий — Дальнем Востоке;

— проблема обеспечения собственной безопасности, стоящая перед Советским Союзом в связи с возможностью внешних осложнений и нападений извне, должна быть изучена и пересмотрена в соответствии с новой ролью, которую играет Дальний Восток;

— и, наконец, ситуация на Дальнем Востоке непременно и существенным образом скажется на великих державах в Европе и в Америке и может привести к коренным изменениям существующего баланса сил. Справедливость таких предположений отчетливо подтвердилась ходом событий нескольких последующих месяцев. Это, разумеется, в то время было только моим личным мнением, скорее предположением, однако я считал, что это — достаточное основание для перемещения сферы моей собственной деятельности в Восточную Азию. Таким образом, я осуществил одновременно две перемены. Во-первых, свою деятельность в Коминтерне заменил на деятельность в интересах Советского Союза. Это явилось весьма важным событием для меня лично (вместе с тем это свидетельство важного сдвига в коммунистическом движении). И, во-вторых, произошли большие перемены в арене моей деятельности: из Европы она переместилась на Дальний Восток. Получив предписание, я в январе или феврале 1929 г. выехал в Китай. Там я приступил к новой и разнообразной разведдеятельности.

Глава IV

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЕЙ РАЗВЕДГРУППЫ В КИТАЕ С ЯНВАРЯ 1930 ГОДА ПО ДЕКАБРЬ 1932 ГОДА

ОРГАНИЗАЦИЯ КИТАЙСКОЙ ГРУППЫ

Я прибыл в Китай вместе с двумя соратниками — иностранцами, получившими приказ о переводе от четвертого управления Красной армии. Из находившихся в Китае лиц я рассчитывал только на Агнес Смедли²⁷, о которой слышал еще, когда нахо-

²⁷ Смедли Агнес (1894–1950) — американка левых убеждений, одна из известных авторов, писавших о Китайской революции. Одзакки перевел на японский язык ее книгу «Дочь земли», изданную в Токио в 1934 г. Похоронена на кладбище революционеров в Пекине. — *Прим. ред.*

дился в Европе. Я попросил ее помощи в организации моей группы в Шанхае и особенно в подборе сотрудников-китайцев. Стал насколько возможно чаще встречаться с ее знакомыми из числа китайцев. Прилагал большие усилия, чтобы подружиться с этой компанией, согласной вместе работать и сотрудничать с иностранцем в интересах левого движения. Я заметил одного очень знающего человека, которого взял на работу в качестве переводчика. Постепенно так с ним подружился, что стало возможным вести откровенные разговоры. После двух-трех месяцев общения, в общих чертах рассказал о своих целях и предложил работать вместе. Попросил его познакомить меня со своими знакомыми и друзьями, если среди них есть подходящие для нашей работы люди. Я называл этого китайца Ван, а затем и его жена стала вторым членом нашей группы. Когда я три месяца находился в Кантоне, Ван назвал мне имена своих местных знакомых. Из них я выделил одну женщину, которая родилась в Кантоне и отлично подходила для моей работы. Она была в хороших отношениях со Смедли, постепенно и с ней сблизился и смог успешно включить ее в число своих сотрудников. Ее муж, болевший тяжелой формой туберкулеза, впоследствии тоже присоединился к нашей группе. Из мужчин, с которыми я познакомился через эту женщину, один по имени Тянь тоже стал моим помощником в Кантоне. Женщина из Кантона обеспечивала связь между нами. Вернувшись в Шанхай, я значительно расширил круг моих сотрудников, отбирая подходящих людей среди знакомых Вана и женщины из Кантона, ее звали Тжи. Таким образом и сформировался китайский состав моей группы в Китае. В этой группе все симпатизировали народно-революционному движению, были и такие, кто имел контакты с КПК, но не было ни одного члена этой партии. Следуя указаниям Центра, я уклонялся от установления прямых связей с КПК.

Что касается привлечения в мою разведгруппу сотрудников-иностранцев, то я использовал аналогичные методы. Подыскав прежде всего человека среди друзей Смедли, я просил ее познакомить меня с ним, постепенно сближался и ждал срока, когда можно было вести прямые переговоры. Таким образом вербовал сотрудников из числа иностранцев и довел их до трех человек. Эти трое не были в полном смысле членами группы, они скорее были помощниками и нашими сторонниками. Самым первым обретенным мною другом в Шанхае был Одзаки. Затем через него установил связи и с другими японцами. Сейчас не могу сказать точно, но думаю, что впервые встретился с Одзаки по рекомендации Смедли, но я уверен, что до этого неоднократно просил ее познакомить меня с подходящими японцами. Смедли беседовала со знакомыми китайцами по моей просьбе, и действительно

мои пожелания доходили до соответствующих китайцев и японцев в Шанхае. Таким образом я, видимо, и встретился с Одзаки и думаю, что познакомила нас Смедли. Затем вместе со Смедли часто встречался с Одзаки в ее доме. Как уже говорил, мои воспоминания об этом довольно давнем деле не вполне надежны, но думаю, что первая встреча с Одзаки произошла именно так. Сейчас не помню точно, встретились мы впервые с Одзаки в ресторане или в доме Смедли. Более того, я совершенно не помню, предлагал ли мне Кито²⁸ встретиться с Одзаки. Не могу я вспомнить также, при каких обстоятельствах подружился с Кито. Благодаря встрече с Одзаки стало возможным реализовать мои стремления познакомиться с нужными мне японцами.

КИТАЙЦЫ, КОТОРЫХ Я ИСПОЛЬЗОВАЛ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ

Попробую рассказать только об очень небольшом числе китайцев, находившихся со мной в непосредственных контактах. В Шанхае я был прямо связан только с Ваном, и лишь в исключительных случаях имел дело с другими членами группы. Ван из самых различных источников добывал информацию и материалы, которые мы вместе анализировали. В случаях же, когда возникала необходимость получить особо достоверные пояснения и сообщения, мы вдвоем с Ваном непосредственно встречались и беседовали с человеком, передавшим информацию и материалы. Все указания и поручения по сбору информации шли через Вана, и, кроме исключительных случаев, я непосредственно не встречался для разъяснения своих указаний с отдельными агентами. Однако если агент приезжал в Шанхай из других мест, то я сам встречался с ним в присутствии Вана. С течением времени определилось, к каким проблемам каждый агент имеет особые склонности и способности, в связи с чем работа в Шанхае была в основном распределена так, чтобы использовать сильные стороны каждого человека. Агенты в Пекине, Ханькоу и Кантоне занимались самыми различными проблемами без такого распределения функций. Мы встречались поздно вечером и, если позволяла погода, использовали людные улицы. Встречались и в частных домах: в доме Вана, в домах иностранцев, куда я мог за просто заходить. Места встреч меняли, так как легко бросается в глаза, если встречи проходят в одном месте. По возможности

²⁸ Кито Гинъити (годы жизни неизвестны) — японец американского происхождения, член Коммунистической партии США, дружил в Шанхае с Одзаки. — *Прим. перев.*

мы избегали использовать для встреч мой дом. Работая в такой манере, зачастую перед тем, как начать ту или иную операцию, я вынужден был заранее договариваться и встречаться с Ваном. Однако это не было невозможным, поскольку в то время в Шанхае не было особого риска в подобных делах.

МЕТОДЫ ДОБЫВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ ЯПОНЦАМИ — ЧЛЕНАМИ ГРУППЫ И СПОСОБЫ СВЯЗИ С НИМИ

Для встреч с японцами — членами группы я использовал рестораны, кафе, а также дом Смедли. Ходить по шанхайским улицам во время первого Шанхайского инцидента²⁹ японцам было опасно, поэтому я ожидал их на мосту Гарден Бридж на границе японской Концессии и обеспечивал их безопасность, забирая в машину или лично сопровождая до места встречи. Чтобы избежать внимания со стороны японской полиции, я почти не появлялся в японской Концессии. Как самое большое исключение, я один или два раза встречался с Одзаки в кафе в Хункоу³⁰. Однако, что бы ни говорилось, самым удобным местом встреч был дом Смедли, поэтому я часто и направлялся туда и с Одзаки, и с Каваи. Поскольку встречи зачастую проходили поздно ночью, я часто использовал машину, чтобы их привезти и отвезти. Кроме того, стремясь не встречаться слишком часто, я старался проводить встречи с интервалом самое малое в две недели. После того как вместо Одзаки стал работать другой японец, перенеся места встреч на оживленные улицы иностранного сэттльмента, мы встречались, главным образом, в кафе на Нанкин-роуд или в ресторанах при крупных гостиницах. Поскольку китайцы враждебно относились к японцам, мы избегали заходить в китайские рестораны. Заранее определенные даты встреч строго соблюдались и поэтому обходились без использования телефона и почты. Я строго придерживался этого курса, даже если неожиданно возникало важное дело или я попадал в затруднительное положение, что было не раз. Когда я встречался с японцами, то всегда приходил один без сопровождающих иностранцев. Только один раз я познакомил одного японца с Паулем, так как необходимо было принять меры по обеспечению связи из-за моего отъезда из Шанхая. При встречах мы редко обменивались информацией в письменной форме, передавая ее только устно. Исключение составляли отчеты Каваи.

²⁹ Попытка японских войск в январе — марте 1932 г. захватить г. Шанхай. — *Прим. ред.*

³⁰ Район Шанхая. — *Прим. перев.*

ВСТРЕЧИ С ЧЛЕНАМИ ГРУППЫ — ИНОСТРАНЦАМИ

Когда я встречался с членами группы — иностранцами, то большей частью приходил к ним домой, но часто использовался и мой дом. Встречи организовывались очень часто, договаривались о них обычно по телефону. Впоследствии для встреч стали использовать и дома знакомых членов группы. Иногда ужинали в ресторане или встречались в барах и танцевальных залах. Все предпочитали встречаться во французском сеттльменте, в японскую Концессию ходили редко. Собранные материалы и подготовленные отчеты мы хранили дома. После отправки доклада в Москву материалы я уничтожал или возвращал, но тем не менее у нас в руках всегда имелось много документов. В отличие от Японии, в Шанхае в то время для людей, занимавшихся работой, вроде нашей, было сравнительно безопасно. Наиболее ценные материалы мы просили сохранить своих друзей, но они не знали, какого рода были эти материалы. Мы только объясняли, что это секретные документы, и просили их сохранить.

ДОБЫВАНИЕ ИНФОРМАЦИИ МНОЮ ЛИЧНО

Я не мог быть удовлетворен информацией, представляемой членами группы, поэтому и сам лично насколько было можно собирал различные данные и материалы. Хотя в Шанхае и не было посольства, я сразу же вошел в местную немецкую колонию и ко мне стала поступать всевозможная информация. Центром этой колонии было немецкое генконсульство. Меня там все знали и часто приглашали. Тесно общался с немецкими торговцами, военными инструкторами, студентами, но самой важной для меня была группа немецких военных советников, прикомандированных к Нанкинскому правительству. Из этой группы выборочно общался с теми, кто был осведомлен не только о военных, но и о политических проблемах в Нанкине. Одним из них был старший советник, впоследствии ставший генконсулом, полковник фон Крибель. Военные советники часто приглашали меня в Нанкин или приезжали ко мне в Шанхай. Кроме того, я ездил вместе с ними в Тяньцзинь и Ханчжоу. От них же получал различную информацию о внутренних делах Нанкинского правительства, планах военщины, экономике и политических мероприятиях. Кроме того, во время Шанхайского инцидента в 1932 году они же дали мне достоверные сведения о планах боевых действий японской армии и фактической численности войск. Сблизившись с немецкими летчиками из Евроазиатской авиационной компании, я мог узнавать о положении в глубинных районах Китая.

Кроме того, несколько раз сам летал туда и всесторонне изучал обстановку в Китае. Таким образом, постоянно расширяя свои знания и читая литературу о Китае, я в результате стал знатоком Китая и мог, готовя сообщения, оперативно давать заключения по самым разным проблемам.

ЛЮДИ, СОСТОЯЩИЕ В МОЕЙ КИТАЙСКОЙ ГРУППЕ

Иностранцы

Алекс. Алекс прибыл в Китай вместе со мной по указанию четвертого управления Красной армии. Его задача состояла в обеспечении связи с этим управлением в техническом и организационном отношении и, кроме того, в освещении военных проблем. Однако примерно через полгода после приезда в Шанхай из-за пристального внимания полиции иностранного селтльмента вместе с семьей он вынужден был вернуться в Европу. И хотя я был командирован в качестве его помощника по политическим вопросам, мы на взаимных началах работали самостоятельно. Поскольку он был старше меня по возрасту и имел прямую связь с Москвой, его нужно считать старшим и по службе. Через некоторое время после его отъезда из Шанхая я принял на себя технические, организационные и военные вопросы и стал руководителем группы по всем направлениям.

Себер Вейнгартен. Вейнгартен занимался радиообслуживанием моей группы, он оставался в Шанхае и после моего возвращения в Москву. Будучи выпускником Московской радишколы, он стал работать вместе со мной по указанию Центра.

Агнес Смедли. Американка по национальности, она была корреспондентом немецкой газеты «Франкфуртер цайтунг». Я использовал ее как непосредственного члена группы, и ее стиль работы не вызывал возражений. После того как я вернулся в Москву, она осталась в Шанхае.

Джон. Прибыв в Шанхай по заданию четвертого управления Красной армии в 1931 году, он работал под моим руководством. Через некоторое время в качестве моего заместителя ему были поручены функции по связи, а также важные задачи по шифрованию и фотографированию. Он был поляком по национальности и до этого — членом Коммунистической партии Польши.

Пауль. Он был назначен четвертым управлением Красной армии моим преемником. В период моего пребывания в Шанхае он, будучи военным специалистом, занимался военными проблемами. После моего отъезда стал руководителем группы.

Миша или Мишин. Он был русским белоэмигрантом и привлечен к работе моим предшественником (шефом Клаузена, о котором я расскажу позже) в качестве радиотехника. Он работал со мной в Шанхае и Кантоне.

Иностранцы — помощники

Гамбург. Это — немецкая женщина. Она предоставляла нам свою квартиру, а кроме того, была связной и хранила материалы.

Джекоб. Молодой американец, репортер одной из газет. Он в основном собирал политическую информацию среди иностранцев.

Молодой сотрудник американского консульства. Он предоставлял экономическую и политическую информацию, но вот имени его сейчас уже не помню.

Клаузен. Он прибыл в Шанхай раньше меня и работал радиостом у своего шефа, известного как Джимм, принадлежал к четвертому управлению РККА в Москве. В Шанхае я впервые встретился с ним как с радиотехником. Значительное время он работал под моим руководством в Кантоне, но не был в числе основных членов группы. Затем он был переведен в Маньчжурскую группу. Поскольку я знал его возможности, в 1935 году у Москвы попросил прислать его для работы в Японии.

Китайцы — члены группы в Китае

Ван. О Ване я уже рассказывал. Его настоящего имени я не знаю. Тем не менее он был важным членом моей группы.

Жена Вана. В Шанхае она действительно активно работала на нас. Затем я поручил ей самостоятельную работу в Нанкине, она устроилась в министерство иностранных дел Нанкинского правительства, откуда добывала материалы экономического и военного характера.

Тюи. Она вступила в мою группу в Кантоне. Затем и ее муж стал работать на меня, занимался проблемами Южного Китая и, кроме того, осуществлял связь между Кантоном и Шанхаем.

Чан. Он — кантонец и все время находился в Кантоне, но регулярно присылал информацию о военном и экономическом положении в Южном Китае.

Пай. Это знакомый Вана. Помогая Вану, был связным в Шанхае.

Ли. Он присоединился к нам через Вана и Пая. Затем я послал его в Нанкин, и он стал связным между Нанкином и Шанхаем.

Шин. Он постоянно находился в Нанкине и оттуда присылал сведения о политической обстановке. Потом я нашел хорошего связника в Ханькоу, но наши отношения ни с тем, ни с другим не сложились. Его ввел к нам Ван.

Все эти лица, конечно, основные члены группы, но у них было много знакомых, которые также предоставляли нам информацию. Однако их имена я уже не могу вспомнить.

Японцы — члены группы

Одзаки. Одзаки был моим самым главным соратником. Впервые я познакомился с ним через Смедли в Шанхае. Отношения между нами и с деловой, и с человеческой точек зрения были совершенно безупречными. Его информация была чрезвычайно надежной и наилучшей из той, которую я получал из японских кругов. С ним у меня быстро завязались дружеские отношения. Поэтому, как только я прибыл в Японию, прежде всего принял меры к тому, чтобы установить связь с ним. Он покинул Шанхай в 1932 году, и это была серьезная потеря для нашей группы. Он явно имел тесные связи с Китайской коммунистической партией, но я в то время почти не знал об этом, нет, фактически ничего не знал.

Каваи. Его привел ко мне и познакомил Одзаки. В это время Каваи был действительно активным и к тому же очень хотел работать. Он два раза ездил в Маньчжурию и добывал информацию для меня. Он всегда имел выходы к информации о положении в Северном Китае. Поскольку он не говорил на иностранных языках, то после отъезда Одзаки я стал испытывать трудности в контактах с ним. Помню, что в Шанхае он пригласил меня к своему знакомому Кавамура, но больше с Кавамура я не встречался и личных отношений между нами не возникло. Я никогда не встречался в Пекине ни с Каваи, ни со Смедли.

Мидзуно. С ним меня познакомил Одзаки. Однако я встречался с ним всего несколько раз. От него у меня осталось впечатление, что он скорее ученый, чем политический шпион. В Японии я один раз встречался с ним в ресторане.

Ямаками³¹. Когда Одзаки уезжал из Шанхая, он познакомил меня с ним в качестве своего преемника, но после одной или двух встреч наши отношения прекратились. Однако почему мы так быстро расстались, сейчас не могу вспомнить. Он познакомил меня с Фунакоси.

³¹ Ямаками Масаёси (годы жизни неизвестны) — японский журналист, друг Одзаки, в Шанхае был корреспондентом агентства «Рэнго цусин». — *Прим. перев.*

Фунакоси³². Я часто встречался с ним. Наши отношения продолжались до самого моего отъезда из Китая. Перед этим я познакомил его с моим преемником Паулем, и он затем работал с ним. Мои отношения с Фунакоси с самого начала не были такими тесными, как с Одзаки. Кроме того, он не давал столько информации, как Одзаки.

Пояснения относительно Кито. Он не был членом моей группы и не работал со мной — это я твердо заявляю. Я несколько раз слышал о нем от Смедли и Одзаки, но между нами совершенно не было личных отношений. Хотя я помню о других членах группы, о нем совершенно не помню. По моим предположениям, Смедли имела с Кито прямые или косвенные контакты, и не от нее ли, думается, он узнал о моем желании заполучить японца, которому можно было бы доверять. Если бы Фунакоси был членом моей группы, то мне не было бы нужды просить Смедли познакомить меня с Одзаки. Как я уже писал выше, я познакомился с Одзаки через Смедли и уверяю, что не было никого другого, кто мог бы меня с ним познакомить. И не только это. Если бы Кито был членом моей группы, я бы наверное не стремился познакомиться с Одзаки. Дело в том, что я хотел иметь только одного способного и знающего сотрудника из японцев и никак не собирался создавать большую группу в пять или шесть человек. Кроме того, мне было запрещено Москвой брать в партнеры известных людей, вроде Кито. Если бы я знал, что Одзаки имеет тесные связи с Коммунистической партией Китая, несомненно, я колебался бы, поддерживать ли с ним столь тесные взаимоотношения. И, может быть, оставил бы мысль о дальнейшем использовании Одзаки.

ОТНОШЕНИЯ С КПК

Из Москвы мне было дано указание не иметь прямых контактов с КПК, кроме того, мне и не ставилось задач, которые требовали бы этих контактов. Я собирал информацию о КПК и направлял ее в Москву, но эта информация поступала только время от времени и совершенно открытыми способами. Иногда такого рода информацию добывали Смедли и примыкавшие к нашей группе китайцы. С тех пор, как прекратились мои отношения с Коминтерном и я стал работать на Советскую коммунисти-

³² Фунакоси Хисао (годы жизни неизвестны) — японский журналист, друг Одзаки, в Шанхае был корреспондентом газет «Шанхай дейли ньюс», «Майнити симбун», затем «Йомиури симбун». По «делу Зорге» был арестован в Пекине 4 января 1942 г. и осужден к 10 годам тюремного заключения. Умер в тюрьме в феврале 1945 г. — *Прим. перев.*

ческую партию и четвертое управление РККА, мне было запрещено поддерживать связи с другими компартиями — я это здесь снова утверждаю. Москва непрерывно обращала внимание на недопустимость контактов с другими компартиями, особенно в моей ситуации. Для сбора информации о КПК имелась специальная группа Коминтерна, а кроме того, о Китайской Красной армии иногда информировала еще одна группа. В мою компетенцию не входили доклады по подобным проблемам, и у нашей группы не было полномочий участвовать в функциях КПК. Исходя из моего опыта в Скандинавских странах и Англии, я считал, что разведка должна быть отделена от партии в каждой стране, и это мнение я сообщил московским инстанциям. Я покинул Коминтерн, чтобы профессионально заниматься разведработой. И не было никаких причин именно в Шанхае игнорировать указания Москвы или мой собственный опыт. После того как я стал работать в Японии, я еще более строго, чем в Китае, придерживался этой точки зрения. Более того, я получил указание из Москвы не устанавливать связей с Японской коммунистической партией.

МОИ ОБЯЗАННОСТИ В КИТАЕ

Мои обязанности в Китае можно разделить на две группы. Первая — задачи, поставленные мне перед отъездом из Москвы; вторая — новые задачи, которые появились в связи с изменением обстановки на Дальнем Востоке, то, что я сам выдвигал и изучал.

Мои обязанности, определенные в Москве, состояли в следующем:

- 1) анализ деятельности постепенно усиливавшегося Нанкинского правительства³³ в социально-политической области;
- 2) изучение военной мощи Нанкинского правительства;
- 3) анализ деятельности различных группировок в Китае в социально-политической области, а также их военной мощи;
- 4) изучение внутренней и социальной политики Нанкинского правительства;
- 5) изучение внешней политики Нанкинского правительства в отношении всех стран, особенно Японии и СССР;
- 6) изучение политики Америки, Англии и Японии в отношении Нанкинского правительства и других групп и течений в Китае;
- 7) изучение вооруженных сил других стран в Китае;

³³ Гоминьдановское правительство Чан Кайши, находившееся после контрреволюционного переворота в апреле 1927 г. в Нанкине. — *Прим. ред.*

- 8) изучение проблем экстерриториальности и селтльментов;
- 9) изучение проблем развития сельского хозяйства и промышленности Китая, положения рабочих и крестьян.

Все это — мои обязанности, определенные Москвой. Вместе с тем я сам, по молчаливому согласию московских инстанций, выдвинул следующие проблемы и следил за изменениями обстановки на Дальнем Востоке:

- 1) наблюдение за новой экономической активностью Германии (особенно в связи со все большим разрастанием группы немецких военных советников);
- 2) наблюдение за усилением позиции США в Китае (особенно в связи с новыми американскими капиталовложениями в Шанхае);
- 3) новая японская политика в Маньчжурии и ее влияние на Советский Союз;
- 4) пристальное наблюдение за намерениями Японии в ходе Шанхайского инцидента и дислокацией японских войск;
- 5) наблюдение за ухудшением отношений между Нанкинским правительством и Японией.

Новая политика Японии по отношению к Китаю глубоко заинтересовала меня, и я стал интересоваться японскими проблемами в целом. Находясь в Китае, я не мог глубоко изучить корни этих проблем, но тем не менее их проработка в Китае очень пригодилась потом во время работы в Японии. Центр в Москве одобрил данную сферу научных интересов и выразил удовлетворение по этому поводу.

ПОЯСНЕНИЯ ПО ПОВОДУ МОИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ В КИТАЕ

Попробую дать пояснения относительно двух видов моей разведработы в Китае. Первый — предписанный Москвой, второй — проблемы для изучения, выбранные мной.

А. Обязанности, порученные Москвой.

Анализ деятельности Нанкинского правительства в социально-политической области. Имелось много проблем, о которых нам хотелось достоверно знать в ходе разведработы, в том числе — какие классы твердо поддерживают Нанкинское правительство, какова действительная природа изменений социальной базы правительства. В то время отношение народных масс — рабочих и крестьян — к Нанкинскому правительству было пассивным или отрицательным. В противоположность этому Шанхайские банкиры, финансовые круги Чжэцзяна, крупные землевладельцы, гангстеры, торговцы наркотиками и другие представители крупного бизнеса симпатизировали правительству. Мнение интеллигенции

было различным, были и такие ее представители, которые становились чиновниками расширяющейся правительственной бюрократической системы. Я должен был, изучив все эти проблемы, информировать Москву. Сам собирал надежную информацию, беседуя, главным образом, с членами моей группы, поддерживая отношения с самыми различными людьми или действуя другими способами. В конце 1930 г. и примерно в июне — июле 1932 г. я направил в Москву подробные доклады и несколько раз дополнительные краткие сообщения.

Б. Военные силы Нанкинского правительства.

При выполнении этой задачи необходимо было собирать различную информацию о дивизиях, поддерживающих правительство, и мерах по реорганизации армии, проводимых немецкими военными советниками. Кроме того, мы должны были постоянно следить за перемещениями командного состава, изменениями в системе укреплений, вооружении войск, методах боевой подготовки. Постепенно мы собрали всю информацию об армии Чан Кайши, оснащенной самым современным оружием; о вооруженных силах, стоящих на стороне Нанкинского правительства; о войсках с сомнительной ориентацией. Кроме того, мы могли в целом точно установить состояние современного вооружения и ход реорганизации основных частей. Однако ситуация все время менялась, поэтому иногда было почти невозможно точно охватить обстановку. Я получал данную информацию главным образом от китайских членов группы, но должен был и сам собирать важные сведения и через немецких военных советников, и через импортеров оружия.

В. Анализ социально-политической деятельности группировок, находящихся в оппозиции Нанкинскому правительству.

Важнейшими объектами моего изучения были Кантонская, Гуансийская армии, группировка Фын Юйсяна³⁴ и другие, с первыми двумя я смог досконально разобраться. И в этом случае основное внимание я уделял тем социальным корням, которые составляли базу этих группировок. Хотя и иностранные банки имели с ними отношения, но важнейшую роль скрытно играли китайцы — кантонские банкиры и богачи из Гуанси. Из материалов, полученных группой по этой проблеме, большую часть собрал я лично. И после моего отъезда из Южного Китая мои сотрудники довольно регулярно посылали мне дополнительные донесения.

³⁴ Кантонская и Гуансийская группировки китайских милитаристов господствовали в Юго-Западном Китае во время второй гражданской войны 1927–1936 гг. Генерал Фын Юйсян, возглавлявший группу войск в Северном Китае, с 1931 г. активно выступал против японской агрессии. — *Прим. ред.*

Г. Внутренняя и социальная политика Нанкинского правительства.

Для того чтобы разобраться с этой проблемой, необходимо было изучить различные законы, принимавшиеся Нанкинским правительством официально в интересах рабочих и крестьян, как с теоретической точки зрения, так и с позиций их практического применения. Однако правительство не очень-то было заинтересовано в таком подходе, поэтому мне и докладывать почти нечего было. Мои китайские сотрудники собирали информацию, но что я сообщал, конкретно вспомнить не могу.

Д. Внешняя политика Нанкинского правительства.

Мне было предписано постоянно собирать информацию по внешней политике Нанкинского правительства. Наибольший интерес для меня представляла позиция Нанкинского правительства в отношении СССР, Японии, Англии и Америки. Совершенно ясно, что политика правительства была зависимой от Англии и Америки, но с практической точки зрения эта политика достигала цели. Нанкинское правительство считало, что, проводя политику зависимости от Англии и Америки, оно сможет усилить свои позиции по отношению к СССР, а позднее и Японии. Я получал материалы по этой проблеме от китайцев — членов группы, а также от сотрудников немецкого и американского консульств. Во время Шанхайского инцидента 1932 года я с большим интересом воочию наблюдал эту политику зависимости от Англии и Америки. Англия и Америка горячо поддерживали антияпонскую позицию Нанкинского правительства.

Е. Китайская политика Англии и Америки.

Я уже касался этой проблемы выше. Кроме того, моей задачей было следить за англо-американскими и японскими действиями в отношении античанкайшистских группировок. Англия рассматривала Гонконг как плацдарм для сближения с Кантонской и Гуансийской группировками, а Япония, используя всевозможные средства, стремилась привлечь на свою сторону влиятельные силы в Северном Китае, но пока еще не продвигалась в других направлениях.

Ж. Иностранная военная сила в Китае.

Мы должны были уделять самое пристальное внимание состоянию иностранных экспедиционных войск и флота, и особенно их передвижениям. Как только разразился Шанхайский инцидент, все страны сразу же резко увеличили здесь свои вооруженные силы, и моя работа в этом направлении стала чрезвычайно важной. В связи с этим я обязан был более детально, чем прежде, следить за дислокацией войск всех стран. Материалы большей частью я получал от немецких военных инструкторов.

3. Проблема экстерриториальности в Китае.

Во время эта проблема играла чрезвычайно важную роль во внешней политике. Для Нанкинского правительства это была внутриполитическая проблема, ставящая под угрозу престиж страны, почему по данной проблеме часто и проводились конференции представителей различных держав. Когда в Китай была направлена так называемая миссия во главе с судьей Фессенде-ном³⁵ с тем, чтобы выработать компромиссные предложения об иностранных концессиях в Шанхае, проблема стала взрывоопасной. Миссия имела с собой некий конкретный план, но из американских и немецких источников я узнал его содержание значительно раньше. Америка очень доброжелательно относилась к Нанкинскому правительству, поэтому прилагала усилия для решения проблем экстерриториальности. Англия, как водится, чаще всего следовала за Америкой. Что касается Советского Союза, то интерес представляло лишь только то влияние, которое оказывала эта проблема на взаимоотношения стран, получивших право экстерриториальности, с Нанкинским правительством.

И. Развитие сельского хозяйства и промышленности в Китае.

Нанкинское правительство осуществляло много планов преодоления сельскохозяйственного кризиса, и моя задача заключалась в информировании об их результатах. Сельскохозяйственная политика правительства учитывала, главным образом, интересы зажиточных крестьян и крупных землевладельцев, но ни один из планов успеха не имел.

Я также сообщал о состоянии и развитии промышленности, особенно о планах создания военной промышленности. По моим сведениям, в Китае успешно развивалась текстильная промышленность, были построены два или три военных арсенала, реконструированы старые. Получив чертежи, статистические отчеты и другие достоверные документы об арсеналах в Нанкине и Ханькоу, смог обоснованно оценить их производственные мощности. Различные материалы получал и от китайских членов моей группы и от немцев. Я должен был также добывать сведения о китайских авиатрассах, методах подготовки летчиков и т. п. По этим вопросам получал важную информацию, общаясь с немецкими летчиками. Сельское хозяйство Китая изучал по собственной инициативе и впоследствии длительное время занимался его исследованием. К проблемам сельского хозяйства я имел особый интерес, поэтому смог собрать много полезных материалов.

³⁵Международная миссия, в 30-е годы занимавшаяся проблемами экстерриториальности иностранцев в Шанхае. — *Прим. ред.*

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, ВЫБРАННЫЕ МНОЮ ЛИЧНО

Постараюсь также объяснить по порядку наиболее важные области работы, которые сам взял на себя в связи с новыми обстоятельствами, возникшими после того, как я приступил к выполнению своих задач в Китае.

А. Экономическая деятельность Германии и группа немецких военных советников постепенно набрали силу.

Приступив к выполнению своих задач в Китае, я был изумлен чрезвычайно активной деятельностью немцев. Поэтому решил поднять эту проблему и детально с ней разобраться. Московские инстанции одобрили мои расследования экономической деятельности Германии и рекомендовали сблизиться с немецкими военными советниками. В то время немцы не имели большого политического веса в Китае, но они старались увеличить его путем использования мощной экономической базы своей страны и своего влияния на военную политику Нанкинского правительства. В то время Германия почти не обращала внимания на Японию. Большинство немецких дипломатов считало, что, проводя решительную политику по отношению к Китаю, Германия сможет, естественно, сохранить свои позиции на Дальнем Востоке. Такое мнение было преобладающим и в начальный период японо-китайского конфликта. Прояпонская политика, провозглашенная некоторыми нацистскими руководителями, получила крайне незначительное число сторонников. Даже сегодня многие немцы предпочитают Китай Японии. Немецкие деловые круги возлагают большие надежды на будущее Китая, чем Японии. Другими словами, Германия не только традиционно занимала по отношению к Китаю позицию солидарности, но и рассчитывала на Китай в удовлетворении своих экономических потребностей. Поэтому многие немцы не оставляли надежды на китайско-германское сотрудничество. Германская экономическая и военная деятельность в Китае в то время и замышлялась для создания исходного пункта к заключению пакта о таком сотрудничестве. Нельзя сказать, что эти устремления Германии потерпели крах из-за нынешней японской политики в отношении Китая, но ясно, что их реализация пока невозможна. Кроме того, цель германской деятельности заключалась в том, чтобы контролировать организацию китайской армии. Конкретно Германия, осуществляя поставки военного имущества сухопутным войскам Китая и создав под конец сеть военных мастерских, стремилась внедриться в государственные предприятия. Одновременно Германия намеревалась превратить Китай в испытательный полигон немецкой авиационной промышленности. Такими были общие цели находившихся в Китае немецких военных советников, предпринимателей, дипломатов. Нечего и говорить,

что такая политика Германии в отношении Китая стала предметом серьезного беспокойства для СССР как с экономической, так и с политической точки зрения. Советский Союз досконально знал Чан Кайши, поэтому не считал возможными совместные действия Китая и Германии против Монголии и Туркестана, но тем не менее было необходимо внимательно следить за отношениями этих двух стран. Считаю, что добился больших успехов, выполняя самостоятельно взятую на себя задачу наблюдения и сбора информации по данной проблеме. Я всегда мог получать достоверную информацию от немцев. Говорю так потому, что я общался со многими немцами и поддерживал дружеские отношения с наиболее влиятельными военными советниками.

Б. Новая деятельность Америки в Китае.

Американская деятельность в Китае заключалась, главным образом, в инвестициях в Шанхае и капиталовложениях в радиосвязь и авиационные предприятия. Организационно она направлялась американскими бизнесменами и торговым атташе Шанхайского консульства. Кроме того, Америка проявляла активность и в области дипломатии в связи с проблемами экстерриториальности и перемирия в Шанхае. По всей видимости, Америка стремилась заменить Англию в качестве доминирующей силы на Дальнем Востоке. Тогда уже проявились такие признаки, и деятельность Англии на Дальнем Востоке начала быстро сокращаться. Советский Союз же полагал, что нужно во что бы ни стало установить дипломатические отношения с Америкой. Информацию по этой сложной проблеме я получал главным образом от Смедли и молодых сотрудников американского консульства, информация от Смедли поступала редко и нерегулярно.

В. Новая политика Японии в отношении Маньчжурии.

Положение Японии на Дальнем Востоке изменилось после Маньчжурского инцидента³⁶, вспыхнувшего осенью 1931 года. Захватив контроль над Маньчжурией, Япония стала стремиться играть все более активную роль в Восточной Азии. Были все основания предвидеть, что, как только Япония покорит Маньчжурию, она будет стремиться играть эту роль энергично и единолично. Прямое влияние Маньчжурского инцидента состояло в том, что Советский Союз оказался в непосредственном соприкосновении с Японией в обширном пограничном районе, который до этого в общем-то не принимался во внимание с точки зрения национальной безопасности. Другими словами, возникла новая, непростая для СССР ситуация. Маньчжурские дела были задачей Харбинской группы и не входили в мои обязанности, но я сам

³⁶Оккупация японскими войсками Северо-Восточного Китая (Маньчжурия), начавшаяся 18 сентября 1931 г. — *Прим. ред.*

лично не мог не следить со всей тщательностью за новой обстановкой в Восточной Азии.

Г. Шанхайский инцидент.

Вспышка боевых действий в Шанхае в 1932 году свидетельствовала о том, что в японской внешней политике начал проводиться новый курс. Конечно, в то время нам было не вполне понятно, было ли это случайным единичным столкновением или это было выражением устремлений Японии завоевать Китай вслед за захватом Маньчжурии. Кроме того, было непонятно, двинется ли Япония на север, в Сибирь, или же на юг и вторгнется в Китай. В такой ситуации во время Шанхайского инцидента моя работа стала еще более важной. Я старался вскрыть подлинные цели Японии и в деталях изучить методы боевых действий японской армии в ходе боев в Шанхае.

Д. Японо-китайские столкновения.

В результате Маньчжурского и Шанхайского инцидентов вскрылась новая картина японо-китайских проблем. Отношения между двумя странами, разумеется, не только неизбежно ухудшились, но и совершенно изменился их прежний характер. Китай, как и Советский Союз, стал смотреть другими глазами на новые действия Японии, неизбежно испытывая по отношению к ней новые опасения. Нечего и говорить, что я уделял самое пристальное внимание этому вопросу.

Е. Японская проблема.

Я изучал эту проблему по частям, но вынужден признать, что японскую проблему необходимо рассматривать целиком. И еще будучи в Шанхае, приступил к изучению Японии и намеревался при этом стать знатоком японской истории и внешней политики.

ОБЯЗАННОСТИ ЯПОНСКИХ ЧЛЕНОВ ГРУППЫ

Нечего и говорить, что в изучении указанных проблем наибольшую помощь я получал от японских членов группы. Особенно много мне помогли Одзаки, Каваи и Фунакоси, когда я изучал проблемы, описанные выше в пунктах Б, В, Г и Д. Они были источниками важнейшей информации при моем анализе таких проблем, как новая политика Японии в Маньчжурии, влияние этой политики на Советский Союз, Шанхайский инцидент, японо-китайские столкновения, японская экспансия в целом. Сейчас я ни за что не смогу вспомнить, какую работу поручал каждому члену группы. Однако, говоря в общем, совершенно точно, что это были задачи, связанные с вышеуказанными пунктами Б, В, Г и Д. Если говорить обо всех этих проблемах, Одзаки был моим учителем, а область изучения была очень широкой. Он

разъяснил мне маньчжурскую политику Японии в последние несколько лет и ее планы на будущее. Я попросил его подготовить доклад о планах Японии в отношении пограничного района в Северной Маньчжурии и Сибири и собрать материалы для ответа на вопрос, планирует ли Япония агрессию против Китая и Сибири. Посоветовавшись с ним, я дважды посылал Каваи в Маньчжурию и Северный Китай, чтобы разобраться с этими проблемами и заодно собрать военную информацию. Одзаки представил чрезвычайно полезную информацию о Шанхайском инциденте и связанной с ним японской политике. Я ставил перед ним следующие вопросы. Каковы действительные цели Японии в шанхайских боях? Каковы намерения Японии в отношении Шанхая и его восстановления? Что собирается делать Япония в отношении интересов Англии и Америки в Шанхае? И, наконец, просил его дать пояснения относительно военных целей Японии в Шанхае, вооруженных сил и боевых операций. Стремясь собрать информацию именно по этим проблемам, я сам под различными предлогами посещал районы города, где шли боевые действия. Это было возможно только потому, что Шанхай — совершенно уникальный город. Кроме того, шла различная информация об операциях японской армии от немецких военных инструкторов.

Беседуя с Одзаки, я многое узнал от него, как о прошлой политике Японии по отношению к Китаю, так и о прогнозах будущих действий Японии в свете Маньчжурского и Шанхайского инцидентов. Я уже забыл детали наших бесед с Одзаки по этим вопросам, но смог приобрести общие представления по истории и политике Японии. В частности, он скрупулезно разъяснил мне изменения во внутренней политике Японии до и после начала Маньчжурского инцидента и поделился своими обширными познаниями об ультра националистическом движении Японии в 1931–1932 годах.

Каваи доставлял из Маньчжурии и Северного Китая различную информацию, сообщал об операциях японской армии в Маньчжурии, тактике китайских партизан, политических и экономических целях Японии в Маньчжурии и других проблемах. Думаю, что он предоставлял также различные материалы о японской политике в Северном Китае. Однако сейчас не могу точно вспомнить масштабы его деятельности по сбору сведений и материалов во время Шанхайского инцидента. Каваи передавал информацию через Одзаки. Поэтому фактически я не мог разобраться, что из полученной мной информации поступило именно от Каваи.

Теперь уже не помню, какого рода информацию я получал от Фунакоси. Думаю, что, поскольку Шанхайский инцидент закончился заключением соглашения о перемирии, добываемая им

информация скорее всего ограничивалась только общими вопросами о политике Японии в отношении Китая и Маньчжурии.

Я очень редко встречался с Мидзуно, Кавамура³⁷ и Ямаками, поэтому почти ничего не припоминаю, о чем с ними беседовал.

ДРУГИЕ ГРУППЫ В КИТАЕ

Группа Джимма, или Лемана

Самой первой, работавшей в Шанхае, была группа Джимма. Ее называли также группой Лемана, но я ничего не слышал об этом, пока не приехал в Шанхай. Джимм был командирован четвертым управлением РККА и прибыл в Шанхай немного раньше Алекса и меня. Его задача состояла в том, чтобы организовать радиосвязь между Шанхаем, другими районами Китая и Москвой. Кроме того, в качестве второстепенного задания он должен был направлять информацию в Москву, если бы появилась возможность ее получения. Таким образом, по сути его задачи были, главным образом, технического, подготовительного, экспериментального характера. Когда я прибыл в Шанхай, он уже завершил организацию радиосвязи на линии Шанхай – Москва и создавал ее между Шанхаем и другими районами Китая. Однако, кажется, организация связи с Кантоном шла не очень успешно. Джимм привлёк к работе Клаузена, а затем в Шанхае и русского белоэмигранта Мишу (или Мишина). Позже Джимм передал мне и Алексу налаженную им в Шанхае радиостанцию и собрался к отъезду в Москву. Когда он покинул Шанхай – не помню, но помню, что по возвращении в Москву он стал начальником радиошколы. Я встречал его в Москве в этом качестве. До смерти Мишина я заболел о нем. Он работал для меня в Кантоне, а затем и в Шанхае. Клаузен был в нашей группе короткое время. В 1931 году по указанию Москвы я отправил его в Харбинскую группу. В результате группа Джимма (Лемана) умерла естественной смертью.

Харбинская группа

Еще одной группой, с которой я контактировал в ходе своей работы, была Харбинская группа. Она также была направлена четвертым управлением РККА. Ее задача состояла в сборе военной

³⁷ Кавамура Ёсио (1911–1942) – японский журналист, друг Одзаки, в Шанхае был корреспондентом газеты «Мансю нити-нити симбун». Член разведгруппы «Рамзай». Был арестован 31 марта 1942 г. и умер или убит в тюрьме 15 декабря 1942 г. – *Прим. ред.*

информации в Маньчжурии, но одновременно собиралась также и политическая информация. Харбинская группа служила для меня почтовым ящиком. Мои письма и документы, адресованные в Москву, я отправлял этой группе, а они переправляли их в Москву. Направляемые для меня из Москвы деньги тоже посылались через этот канал. Связь с Харбинской группой осуществлялась следующим образом. Прежде всего из Харбина в Шанхай приезжал кто-нибудь из Харбинской группы и согласовывал технику связи через «почтовый ящик». Затем выделенные для этого члены Харбинской и Шанхайской групп поочередно курсировали между двумя городами, выполняя роль почтальонов. Клаузен несколько раз выполнял для меня такую роль. Я и сам, став «почтальоном», возил документы в Харбин, думаю, что это было весной 1932 года.

С руководителем Харбинской группы Отт-Гломбергом³⁸ я впервые встретился в Шанхае. В следующий раз я встретился с ним, когда он вызвал меня в Харбин, чтобы передать документы. В Харбине я также встречался с работавшим ранее в Шанхае Фролихом, называемым иногда также Тео. Я слышал о радиотехнике Артуре, но, пожалуй, не встречался с ним в Харбине. Тео и Гломберг покинули Харбин в 1932 году. Я встречал их в России в 1933 году, но это была случайная встреча, не связанная с работой. Мои связи с Харбинской группой строго ограничивались «почтовым ящиком», с точки зрения сути работы связей совершенно не было.

Группа Фролиха — Фельдмана в Шанхае

В 1931 году в Шанхае работала также группа Фролиха — Фельдмана. И она была командирована четвертым управлением РККА с задачей установить связи с Китайской Красной армией и собирать информацию о ней. Они имели собственные средства радиосвязи с Москвой, поэтому не использовали нашу радиостанцию. Возглавлял группу Фролих, второе имя было Тео, — генерал-майор сухопутных войск Красной армии. Фельдман был радиотехником и имел звание подполковника. В группе был еще один человек, но кем он был — не знаю. Они не смогли выполнить свою задачу и в 1931 году покинули Шанхай. У меня не было с ними связей по работе, были только случайные встречи. Шанхай, в конце концов, такой маленький город, что трудно было избежать случайных столкновений с людьми. Я не получал указаний из Москвы вступать с ними в контакт. У них были свои инструкции, и между нами не было формальных отношений.

³⁸ Резидент советской военной разведки в Маньчжурии в 30-е годы. — *Прим. ред.*

Группа Коминтерна в Шанхае

Я познакомился с сотрудниками группы Коминтерна случайно в Шанхае в 1931 г. Она состояла из политической и организационной секций. Организационная секция состояла из Ноуленса, ставшего известным после его ареста, и еще двух-трех помощников. Позже в Шанхай прибыл Карл Лессе и занял место Ноуленса. Организационная секция имела разные задачи, но главным было обеспечение связи между Коминтерном, КПК и политической секцией их группы в Шанхае. Связь была трех видов: 1) курьеры, т. е. люди, курсирующие между Москвой и КПК; 2) отправка писем и документов; 3) радиосвязь. Помимо этого оргсекция осуществляла финансовые связи между Москвой, КПК и политсекцией Шанхайской группы; подбирала места встреч и дома для политсекции и КПК; оказывала разнообразную помощь в техническом и организационном отношении в нелегальной работе в Китае; организовывала обмен секретными документами между Москвой и Китаем и, наконец, обеспечивала безопасность членов политсекции. Что касается последнего пункта, секция имела полномочия давать указания членам политической секции, ограничивать их передвижения и т. п.

Политическая секция состояла из Герхарда, которого я знал, когда был еще в Германии, и с которым вместе работал в мой коминтерновский период, и одного-двух помощников. С этими помощниками я не встречался. С Герхардом я случайно встретился в Шанхае и возобновил прошлое знакомство, но по работе мы совершенно не контактировали. Задача Герхарда, а точнее политической секции их группы, состояла в том, чтобы быть представителем Коминтерна и выразителем политического курса в отношении КПК, принятого Конгрессом Коминтерна. Политическая секция выполняла также обязанности посредника в обмене информацией между КПК и Коминтерном и готовила доклады по всем социальным вопросам рабочего движения в Китае. Затем эти доклады через организационную секцию отправлялись в Москву. Мне никогда не приходилось переправлять их донесения нашими радиосредствами и другими способами связи. С арестом Ноуленса положение Герхарда в Шанхае стало опасным, и в 1931 году он вернулся в Москву. Всего я встречался с Герхардом не более трех раз.

ИНЦИДЕНТ С НОУЛЕНСОМ

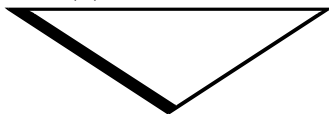
Я впервые узнал, что Ноуленс выполнял секретную миссию в Шанхае, только когда он был арестован. Его арест вызвал большую сенсацию среди иностранцев, проживавших в Шанхае. Арест

произвела полиция Шанхайского иностранного селтльмента по требованию Нанкинского правительства и передала его этому правительству. Нанкинское правительство арестовало руководителей КПК и из их показаний узнало о существовании и деятельности Ноуленса, а в довершение всего и о местах, где Ноуленс встречался с представителями партии. Ноуленс и его семья были арестованы у себя в доме, где были обнаружены и конфискованы в качестве важных улик весьма секретные документы. Ноуленс утверждал, что он швейцарец, но швейцарские власти упорно это отрицали. Он был приговорен к длительному сроку тюремного заключения, но вскоре, благодаря вмешательству Советского Союза, был выслан за границу.

ПОЯСНЕНИЯ О МОИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С РАЗЛИЧНЫМИ ГРУППАМИ

Моя группа, за исключением чисто служебных связей с группами Джимма и Харбинской, не имела отношений с любыми другими группами. Поскольку я прибыл в Шанхай как преемник Джимма, у меня были, естественно, контакты с ним. Харбинская группа выполняла роль почтового ящика между Москвой и мной, но помимо этого никаких других связей не было. Иногда мы выпивали вместе с членами группы Тео — Фельдмана и беседовали о повседневных проблемах, но по работе отношений совершенно не было. Характер нашей работы был совершенно различным. Более того, указаниями из Москвы запрещалось смешивать наши служебные функции. Такими же были и мои отношения с Герхардом. Он был моим другом с 1921 года, когда мы присоединились к коммунистическому движению в Германии, и часто ходили друг к другу, когда оба были в Москве. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в Шанхае мы возобновили наше знакомство. Как я уже говорил раньше, мы встречались очень редко. К тому же совершенно не были связаны по работе. С КПК я лично не вступал ни в какие близкие отношения, — это было запрещено Москвой. Мне и с Герхардом встречаться запрещалось Москвой. Но когда я позже доложил в Москву о моих связях с Герхардом, в Центре совершенно не обратили на это внимания. Итак, я утверждаю, что поскольку задачи, которые выполняли моя группа и группа Герхарда, были различными, они никогда не пересекались по работе.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Глава I

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЕЙ ГРУППЫ В ЯПОНИИ

МЕТОДЫ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЕЙ ГРУППЫ В ЯПОНИИ

Распределение обязанностей и сбор материалов

Вопрос распределения функций по сбору информации и разведывательных сведений, естественно, определялся людьми, составлявшими мою группу. Клаузен был целиком занят выполнением чисто технических задач и поэтому фактически не имел возможности участвовать в сборе информации и сведений. Одзаки добывал главным образом политическую и экономическую информации. Мияги собирал материалы по экономике и военным проблемам и, кроме того, отвечал за перевод всех документов с японского языка. Вукелич получал информацию в основном от иностранных корреспондентов и знакомых французов, а также занимался фотографированием и другой технической работой. Сам я добывал информацию от иностранцев, главным образом от немцев.

Вообще члены группы знали о нашей работе только то, что я сам им рассказывал и только о тех специальных заданиях, которые я им непосредственно давал. В то же время, когда кто-то из моих сотрудников приходил ко мне, мы вместе обсуждали проблемы, которые представляли интерес для него или казались ему важными. Поэтому не только Одзаки, но также Мияги и Вукелич должны были добывать всю возможную информацию по политиче-

ским и экономическим вопросам, а Одзаки должен был делать то же самое в отношении военной информации. При распределении заданий я намеренно поступал гибко, стремясь получать информацию по возможности из самых широких областей. В случае с Мияги, например, для меня самым важным было, чтобы он, уйдя с головой в политические и экономические вопросы, не забывал о военной информации. В принципе каждый член группы все свои усилия сосредоточивал на поставленной разведывательной задаче, однако я сохранил за собой право в случае необходимости вносить в это правило некоторые изменения. Разумеется, я старался насколько возможно не менять правил, однако время от времени прибегал к коррективам.

В некоторых особых случаях, не придерживаясь персонального распределения задач, я всех членов группы нацеливал на ту или иную специальную проблему. Вот несколько подобных примеров.

Когда произошел известный инцидент 26 февраля 1936 года³⁹, я поручил всем членам группы сосредоточить усилия на сборе разнообразной информации, на основе которой я вырабатывал собственные заключения. Во время японо-китайского конфликта 1937 года⁴⁰ я дал указание своим сотрудникам в первые несколько недель особое внимание уделить вскрытию планов первичной мобилизации японской армии. Когда происходили бои на Халхин-Голе, я всех нацелил на выяснение планов военного усиления Японии в районах, прилегающих к государственным границам Монголии, и потребовал материалов, которые позволили бы сделать вывод о возможных пределах расширения конфликта. После нападения Германии на Советский Союз вся группа занималась сбором различных подробных данных о политической позиции Японии в отношении этой войны, а я в это время внимательно следил за масштабами и направлением (север или юг) начинавшейся в Японии ширококомасштабной мобилизации. Когда же у меня созрела уверенность в том, что войны между Японией и СССР не будет, я дал указание всем членам группы переключить внимание на проходившие тогда в условиях обостряющейся обстановки японо-американские переговоры и тенденцию их развития в будущем.

³⁹ Инцидент 26 февраля 1936 г. — неудавшийся фашистский мятеж «молодого офицерства» во главе с генералом Араки, требовавшим расширения японской агрессии против Китая и СССР. Заговорщики убили ряд государственных деятелей, которых они считали «умеренными». Попытка государственного переворота поддержки не получила и была подавлена.

⁴⁰ Японо-китайский конфликт 1937 г. — агрессивная война Японии с целью захвата всего Китая началась нападением японских войск на мост Лугоуцяо под Пекином 7 июля 1937 г.

Когда по информации, собранной членами разведывательной группы и мной лично, возникали вопросы, требовавшие, как представлялось, особого внимания, я нацеливал на них своих коллег. В случаях, когда те или иные проблемы не представляли важности для нашей работы или в результате обсуждения выяснялось, что по некоторым вопросам сообщается противоречивая информация, я дал указания искать более достоверные сведения и стремился вскрыть истинные причины событий.

Кроме того, я определял, какую часть информации, полученной лично мной или собранной по моему распоряжению, нужно сообщить в Москву по радио, какую необходимо после этого отправить курьерской почтой в более подробной письменной форме, а какую — вообще не докладывать.

Я не раскрывал своим сотрудникам, как я использовал полученные сведения и информацию. Только Клаузен, занимавшийся шифрованием, знал, что я передаю в Москву и как я дополняю полученную мною информацию (разумеется, время от времени я совещался с Одзак, чтобы наиболее точно оценить и истолковать разнообразные сообщения и важные политические события). Я полностью засекречивал свои письменные доклады, независимо от характера содержащихся в них сведений. Стремясь придать докладу законченный вид, я просил кого-либо (чаще всего Мияги) собрать дополнительные или уточняющие сведения, но старался не злоупотреблять этим. Я часто просил Одзак и Мияги подготовить сообщения в письменной форме по военным или другим вопросам для моих очередных докладов, но к этому я прибегал, только когда чувствовалось, что Москва проявляет особый интерес к тем или иным специальным проблемам или требуется доложить по какому-то срочному вопросу.

Я не только отбирал информацию, необходимую для доклада в Москву, но и решал, как лучше всего ее использовать. Другими словами, я не отправлял в Москву полученную от своих сотрудников информацию в ее первоначальном виде. Используя в качестве материала для моих донесений по радио и другим каналам различную информацию, я сопоставлял ее с другими данными и проверял степень ее ценности и достоверности. Именно поэтому мои радиogramмы и другие донесения не обязательно дословно повторяли текст сообщений моих коллег. Конечно, это не означает, что я действовал произвольным образом. Я очень добросовестно использовал всю получаемую информацию после ее серьезного изучения.

Я очень редко беседовал со своими сотрудниками об информации и материалах, добываемых мной или другими членами группы. Я делал это только в тех случаях, когда необходимо было выработать четкий курс в отношении способов работы или избе-

жать сбора ложной информации. Были, впрочем, случаи, когда я считал полезным сообщить моим коллегам собранные мной или другими членами группы сведения в связи с общей политической ситуацией.

В общем, я самостоятельно решал вопросы распределения заданий, отбора информации, подготовки донесений в Москву.

**Международные контакты,
которые моя разведывательная группа
поддерживала через каналы связи**

Международные контакты в нашей деятельности сводились исключительно к передаче документов в Москву и обратно. Другими словами, мы поддерживали только техническую связь с Центром через курьеров и не имели непосредственного контакта с какими-либо организациями или отдельными людьми независимо от того, было ли это в Японии или за границей. Курьерская связь между нами и Москвой, как и между Москвой и нами, носила, почти без исключения, чисто технический характер. По предварительной договоренности курьер из моей группы встречался с московским курьером, передавал ему тщательно запечатанный пакет и в обмен получал пакет, присланный из Москвы. Этим их работа заканчивалась; они ничего друг другу не говорили, не передавали никакой информации и только обменивались общими фразами. Беседы о секретных вопросах, связанных с работой, разрешались только в тех случаях, когда заранее было получено согласие Москвы. Впрочем, не воспрещалось спросить у курьера, был ли он недавно в Москве или нет, и, если был, узнать у него о тамошних делах и знакомых. Если мы встречали курьера, который уже несколько раз бывал у нас, мы спрашивали его о ситуации в Советском Союзе, о старых друзьях. Однако, как было отмечено выше, разговоры не касались работы, ее содержания и организации, за исключением специальных случаев.

Курьеры, прибывавшие из Москвы, не были уполномочены давать нам распоряжения. За исключением одного человека все они были нам незнакомы. Мы не знали ни их имен, ни положения, которое они занимали в Москве или за границей. У нас было впечатление, что люди, с которыми мы неоднократно встречались в течение длительного периода времени, были «профессиональными» курьерами, т. е. им была поручена перевозка советской официальной и так называемой «неофициальной» почты (такой, как, например, материалы моей разведгруппы).

В большинстве случаев было непонятно, находился ли их центральный орган в Москве или в какой-либо советской офи-

циальной или неофициальной организации за границей. Курьеры, с которыми мы встречались, в большинстве были сравнительно молодыми людьми, прошедшими, как правило, определенную политическую и прочую подготовку. Связь с ними осуществлялась по предварительной договоренности с Москвой. Место, время и условия встречи согласовывались по радио. Если курьеры не знали друг друга, по радио устанавливались специальные опознавательные признаки, пароли, фразы для взаимного подтверждения. Например, встреча с курьером в одном из ресторанов Гонконга была устроена следующим образом. Курьер, прибывший из Москвы, должен был войти в ресторан в три часа с минутами, достать из своего кармана толстую длинную черную манильскую сигару и держать ее в руках не зажигая. Наш курьер (в данном случае я), увидев этот условный знак, должен был подойти к стойке ресторана, достать из кармана по форме сильно бросающуюся в глаза курительную трубку и безуспешно попытаться ее раскурить. После этого курьер из Москвы должен был зажечь свою сигару, а я в ответ — свою трубку. Затем московский курьер должен был покинуть ресторан, а я, также выйдя из ресторана, медленно идти за ним в один из парков, где находилось место нашей встречи. Он должен был начать со слов: «Привет! Я — Катчер», а я произнести в ответ: «Привет! Я — Густав». После этого все должно было развиваться по плану.

Второй пример — способ, применявшийся в одной из шанхайских кофеен. В качестве условного знака при этом использовались маленькие свертки: у одного из курьеров был сверток желтого цвета, у другого — красного.

Третий способ использовался в крошечном токийском ресторанчике, куда никогда не заходят иностранцы. Курьер, как запоздавший посетитель, должен был заказать какое-нибудь специфическое японское блюдо. Человек, посланный мной, должен был завязать с ним по этому поводу разговор, спросить, сладкое ли это блюдо, и сказать, что его товарищ Пауль тоже всегда его заказывает. Московский курьер должен был ответить, что он слышал об этом блюде от своего друга Джимми. Произнеся эти заранее согласованные пароли, они должны были затем условиться о передаче материалов.

Если регулярно встречались одни и те же курьеры, они договаривались между собой о следующей встрече. Однако, когда возникала необходимость срочно что-то изменить, об этом сообщалось в Москву.

Что бы ни говорилось, с 1933 по 1941 год прошло слишком много времени, поэтому я не могу точно вспомнить количество и даты встреч курьеров из Москвы с представителями моей группы. Но я постараюсь описать то, что помню.

Первая встреча состоялась в конце 1933-го или в начале 1934 года в Токио. Она была назначена еще в Москве, перед моей отправкой. Курьер, незнакомый со мной, прибыл из Шанхая, зная мое имя и рассчитывая на германское посольство в качестве канала для установления связи. Он позвонил в посольство и передал письмо на мое имя. Он писал, что в назначенный день я должен прийти в отель «Империял», где меня по его просьбе будет ждать швейцар и проводит к нему. Встреча состоялась в соответствии с этим планом. На следующий день мы условились отправиться на экскурсию в Никко и обменяться там посылками, предназначенными друг для друга. Пакет курьера содержал главным образом деньги. Он оставил мне номер своего личного почтового ящика в Шанхае для использования в случае необходимости.

Следующая встреча состоялась примерно в мае 1934 года в Шанхае. Этот курьер говорил по-английски, но я понял, что он скандинав. Он стремился создать впечатление очень умного человека. Я не знал, откуда он и кто он такой, и особо не спрашивал его об этом. Пароли, которыми мы должны были обменяться при первой встрече в отеле, были заранее установлены в Москве. Теперь я их забыл, но, думаю, это были имена вымышленных людей.

На очередную встречу в Шанхай я послал жену Бернхардта. В соответствии с предварительной договоренностью утром назначенного дня она остановилась в отеле «Палас». На следующий день, примерно в то же время, в ее номер пришла женщина, с которой и были согласованы последующие действия.

На следующую встречу отправился сам Бернхардт. Встреча также состоялась в Шанхае осенью 1934 года, условия ее проведения были предварительно оговорены по радио. Насколько я помню, в виде опознавательного знака были использованы свертки различных цветов, а в качестве паролей имена двух людей.

Жена Бернхардта в начале 1935 года еще раз ездила в Шанхай. В течение этого года Бернхардт и его жена должны были вернуться в Москву, поэтому мадам Бернхардт, помимо обязанностей курьера, имела также задание сделать для нас различные покупки.

В следующий раз я сам доставил документы прямо в Москву. Это было, как я писал выше, в 1935 году, когда я был в Москве с отчетом.

Мне в принципе не разрешалось самостоятельно перевозить в длительных поездках любые вещи, которые следовало доставлять только через курьеров. Но я сделал фотокопии документов и благополучно довез их. Прибыв в Москву, я обобщил ранее доставленные курьерами мои донесения и сделал подробный устный доклад.

Вернулся я в Токио 26 сентября 1935 года, а весной 1936 года направил курьера в Шанхай. В качестве курьера я направил Клаузена, поскольку он должен был привезти оттуда жену. Условия этой встречи были заранее согласованы по радио.

В августе 1936 года я поехал в Пекин, чтобы отвезти материалы. Человек, которого я встретил на этот раз, не был обычным курьером. Это был мой старый московский друг Алекс (но не тот Алекс, который был в Шанхае в 1930 г., ранее работавший в Секретариате Советской Коммунистической партии, а в настоящее время — в четвертом Управлении РККА). На этой встрече мы обсудили с ним различные проблемы, связанные с нашей работой, в том числе организационные и политические. Как было предварительно условлено по радио, мы должны были в установленный день встретиться в пекинском Храме Неба. Так оно и произошло.

Примерно в то же время к моей группе, действующей в Японии, подключились Гюнтер Штейн и его подруга мадемуазель Гантенбайн. Таким образом, я мог использовать в качестве курьеров несколько людей, а именно: Клаузена, его жену, Гюнтера Штейна и его подругу. С начала 1937-го до лета 1938 года я раз за разом посылал их в Шанхай перевозить документы. До лета 1938 года я отправлял курьеров два или три раза. В конце 1938 года я лично совершал поездки в Манилу и Гонконг в качестве курьера германского посольства и одновременно отвез материалы для передачи в Москву. Встречный курьер, кажется, прибыл в Гонконг самолетом из Чунцина. Место встречи было назначено по радио, опознавательными признаками являлись, как я уже писал, сигара и трубка.

Я не помню точно, в 1939-м или в 1940 году я перестал отправлять курьеров в Шанхай. В 1939 г. я, возможно, один раз посылал в Шанхай жену Клаузена или его самого. Во всяком случае, курьерская связь с Шанхаем стала постепенно осложняться, так как был введен строгий контроль при обратном въезде в Японию. Поэтому я стал изучать возможности организации связи в Токио. Возникли различные сложности для Москвы, но в конце концов были выработаны способы связи в Токио.

Техническая сторона связи была поручена Клаузену. Я точно не знаю, сколько раз он встречался с курьерами в 1940 году, но уверен, что не меньше трех. Возможно, были и другие встречи. Однажды Клаузен был болен, и я лично встречался с курьером в маленьком ресторане около станции Симбаси. Способ связи, который использовался в этот раз, уже описан мною выше. Опознавательным признаком был заказ специфического японского блюда. В 1941 г. встречи стали более частыми. После того как началась война Германии с СССР, мы передавали материалы курьерам

особенно часто — через каждые шесть—восемь недель. Однажды лично я присутствовал на встрече в доме Клаузена, чтобы увидеться с курьером.

Я вспоминаю, что на встречи в Токио приезжали два различных курьера. Один был высокий, крепкого телосложения молодой человек, другой, появившийся позднее, выглядел еще моложе и имел прекрасную фигуру. Однако на фотографии, которую показывал мне полицейский офицер во время расследования, я не смог опознать высокого сильного человека. Человек, с которым я встречался, не носил очков. Мужчина на второй показанной мне фотографии несколько похож на человека, с которым я встречался в доме Клаузена, но у меня нет уверенности, что это тот самый курьер. Человек, с которым я встречался в последний раз, был со всех точек зрения типичный профессиональный курьер, переезжавший из страны в страну. Однако я стался не задавать ему вопросов по этому поводу. Мы расстались с ним, только немного поговорив о войне Германии с СССР.

Последняя перед моим арестом встреча с курьером состоялась, кажется, в начале октября. На встречу ходил Клаузен, поэтому я не помню даты. В этот раз среди материалов, переданных курьеру, не было фотокопий. Это была в основном информация, добытая Мияги, причем в том виде, в каком она от него была получена. Насколько я знаю, следующая встреча должна была состояться в ноябре.

С технической точки зрения материалы, которые мы отправляли в Москву через курьеров, представляли из себя многочисленные ролики фото пленки, заснятой фотоаппаратами типа «Лейка» и других аналогичных марок. Мы туго скручивали пленку, делая ролики насколько возможно маленькими. Когда мы долго (по три—четыре месяца) не отправляли посылки, скапливалось до 25—30 роликов. После начала войны в Европе количество посылаемых нами материалов постепенно сократилось. Это объясняется тем, что мы все шире стали использовать способ передачи результатов нашей работы по радио. Особенно после начала войны Германии с СССР мы заметно уменьшили количество многословных докладов и громоздких документов и стали преимущественно сообщать важные сведения по радио.

Курьеры из Москвы доставляли главным образом деньги. Распоряжения в письменном виде мы получали очень редко, причем обычно они излагались очень простыми фразами. Редко приходили из Москвы и отзывы на информацию, которую мы посылали, а также указания о том, что те или иные данные представляют незначительный интерес или, напротив, чрезвычайно важны. Только иногда от нас требовали представить более подробную информацию по тем или иным вопросам.

Таким образом, внешняя связь через особо доверенных курьеров была единственным средством общения, имевшимся в нашем распоряжении. Лишившись его, мы оказались бы полностью изолированными.

Связь между членами группы

Теоретически принципы связи между членами группы вкратце сводились к следующему: я был единственным, кто имел непосредственную связь с основными членами разведывательной группы. Количество встреч было минимально необходимым, причем они проводились с чрезвычайной осторожностью.

Места встреч должны были, по возможности, каждый раз меняться, а сами встречи выглядеть случайными. Основные члены группы между собой не встречались или встречались только в очень редких случаях. Этот принцип был предложен мной, но соблюдать его с самого начала было не всегда легко. Например, я часто встречался с Клаузенем, и скрывать это в течение длительного времени было невозможно. Необходимо было создать впечатление, что эти встречи являются естественными встречами двух людей, и не возбудить подозрений в их скрытых целях. Поводом к тому, чтобы отвести подозрения от наших частых встреч, было то, что мы оба принадлежали к немецкому клубу, то, что Клаузен прежде занимался торговлей мотоциклами и автомобилями, а также то, что когда в 1938 году я получил тяжелую травму в мотоциклетной аварии, он проявил настоящую заботу обо мне. Клаузен часто бывал у меня, даже когда дома была моя прислуга. Кроме того, при этом ему случалось встречаться и с другими приходившими ко мне немцами. Мы звонили друг другу и по телефону, не беспокоясь о том, что, возможно, телефоны прослушивались.

Мои отношения с Вукеличем держались в тайне. Иногда я говорил германскому послу, что мне, как немецкому журналисту, целесообразно до известных пределов поддерживать отношения с отделением французского информационного агентства «ГА-ВАС», чтобы совершенно не прерывать связей с корреспондентами стран-противников и стран антигерманской ориентации. Однако число наших встреч и способы их проведения мы сохраняли в секрете.

Сначала я часто приходил к Вукеличу домой и обсуждал с ним вопросы, относящиеся к нашей работе. Клаузен тоже в связи с работой нередко бывал у него. Этот дом знал и Мияги, который ходил туда несколько раз, чтобы встретиться со мной, передать материалы Вукеличу для фотографирования или согласовать с ним следующую встречу. Но после того как Вукелич

вторично женился, я прекратил ходить к нему домой. Он приходил ко мне сам, предварительно договорившись о встрече по телефону-автомату. Вукелич поддерживал непосредственную связь с Клаузен, несколько раз бывал у него дома, чтобы вернуть радиоаппаратуру, которую Клаузен хранил в его доме. Первая жена Вукелича нередко бывала у Клаузена дома с аналогичными целями. Я тоже заходил к нему в первое время, но в последние два-три года это бывало очень редко. Однако постепенно взаимоотношения между двумя-тремя иностранцами в группе стали неизбежными. Строгое соблюдение принципа, о котором я писал раньше, стало не только трудным делом, но и просто пустой тратой времени.

Гюнтер Штейн и его подруга во время пребывания в Токио имели связь только с Клаузен и со мной. Клаузен использовал дом Штейна для своей работы. У Штейна не было непосредственных контактов с Вукеличем. В мое отсутствие, или когда я был болен, он устанавливал связь с Мияги или Одзаки, но встречались они не в его доме, а в ресторанах.

В добавление к сказанному отмечу, что я обеспечивал связь раздельно с Одзаки и Мияги. С 1939 по 1940 год мои встречи с ними проходили главным образом в ресторанах. Изредка Мияги посещал дом Вукелича и там встречался со мной. Мы старались использовать рестораны, в которых никогда раньше не бывали или бывали очень редко, однако, спустя некоторое время, стало совсем нелегко найти новый ресторан для новой встречи. Я редко посещал европейские рестораны, и если бывал там, то только с Одзаки. Я избегал отеля «Империял», опасаясь полицейской слежки.

С 1940-го или 1941 года я начал встречаться с Одзаки и Мияги у себя дома. С этого времени иностранцы, которые бывали один на один с японцами в японских ресторанах, стали привлекать внимание. Действительно, у Одзаки и Мияги стали спрашивать, кто я такой, или чем они занимаются, поэтому я рассудил, что будет разумнее избегать мест, посещаемых людьми. Поэтому и решил встречаться с ними у себя дома вечерами, после того как стемнеет. Начиная с этого времени, и Вукелич несколько раз посещал мой дом. Клаузен часто приходил ко мне, когда в доме были Одзаки или Мияги. Естественно, он несколько раз виделся с ними. Я могу ошибаться, но думаю, что Вукелич ни разу не встречался с Одзаки ни у меня дома, ни где-либо еще. Во всяком случае, я не связывал Мияги и Вукелича с другими людьми и строго проводил линию, чтобы они встречались только со мной. С течением времени непосредственное общение между Одзаки и Мияги в ходе их работы стало неизбежным, поэтому я, подходящим предлогом, организовал их встречу в доме Одзаки.

За двумя исключениями у меня не было контактов с рядовыми членами группы. В первом случае это был Мидзуно, с которым я встречался вместе с Одзаки в ресторане, во втором — Косиро, которого я видел один или два раза. Я не мог держать под своим контролем такие вещи, как способы, которые использовали Одзаки и Мияги для связи с рядовыми членами группы. Я не видел другого пути, кроме как доверять им действовать, полагаясь на свой опыт и способности. Но иногда я расспрашивал их о способах связи и обращал их внимание на необходимость соблюдать особые меры предосторожности.

Радиосвязь с центром

Я лично ничего не знаю о радио. Клаузен давал подробные показания по этому вопросу, поэтому ниже я ограничусь общими пояснениями.

Непрерывная регулярная радиосвязь с Центром имела исключительную ценность для нашей работы, поэтому установление радиосвязи, ее постоянное поддержание и тщательное соблюдение предосторожностей от пеленгования были чрезвычайно важными направлениями в нашей нелегальной деятельности. Как я уже писал выше, примерно в конце 1933 года Бернхардт с женой прибыли в Японию. Бернхардт должен был работать в качестве моего радиста. Он развернул одну радиостанцию у себя дома в Иокогаме, другую — в доме Вукелича в Токио. Однако с технической точки зрения его работа была крайне неудовлетворительной, поэтому я мог передавать только очень короткие сообщения и делать это очень редко. И не только поэтому. Бернхардт совершенно растерялся от невозможности защитить обе станции от пеленгации. Когда в Японию приехал Клаузен, положение изменилось. Его способности и энтузиазм в отношении работы поистине не знали границ. При Бернхардте я должен был сам шифровать тексты, в связи с чем это отнимало у меня изрядное количество времени. Но после прибытия Клаузена я с разрешения Москвы обучил его шифру и поручил ему шифровальную работу. По прежним установкам обязанность шифровки возлагалась только на руководителя группы, однако Клаузен был настолько надежным человеком, что разрешение из Москвы было получено беспрепятственно.

Для полной гарантии постоянной радиосвязи Клаузен развернул как можно больше радиостанций. Иной раз он мог вести передачи из четырех различных мест. Обычно в основном он обеспечивал связь по крайней мере из трех точек. Это были дома Клаузена и первой жены Вукелича. Когда Штейн находился в Токио, его квартира тоже использовалась для радиосвязи. Насколько я

помню, Клаузен однажды пытался развернуть радиостанцию и у меня в доме, но у него ничего не получилось, и мы решили использовать этот вариант в крайнем случае, если у нас больше не будет выбора.

Мы полагали, что контроль за радиопередачами рано или поздно ужесточится, и поэтому часто меняли места расположения радиостанций, чтобы избежать обнаружения или ввести контрольные службы в заблуждение. Клаузен постоянно стремился уменьшить размеры радиопередатчика для того, чтобы он не бросался в глаза во время перевозки к месту работы, а также чтобы его можно было легко спрятать. Трудности заключались только в том, что в Японии нелегко было найти хорошие детали. Более того, покупка радиодеталей, особенно иностранцем, была очень подозрительным делом. Поэтому Клаузен приобретал необходимые материалы в Шанхае. Я припоминаю, что он сам лично привозил их из Шанхая.

Радиозузел, видимо, находился во Владивостоке или в его окрестностях, но однажды была предпринята попытка создать пункт связи и в Шанхае. Но он не предназначался для установления самостоятельной связи с Китаем. Однако за исключением двух-трех случаев попытки установить связи с Шанхаем были неудачны. По распоряжению Москвы мы пытались установить прямую связь с Хабаровском, но Клаузен прекратил эти попытки, опасаясь радиоперехвата. Радиосвязь использовалась для передачи в Центр срочной информации и наших донесений по организационным вопросам и получения из Москвы указаний по организационным и оперативным проблемам.

Клаузен, за очень редким исключением, всегда мог установить прекрасную радиосвязь с Центром.

Курьерская связь с Москвой

Я уже достаточно подробно писал о курьерской связи. Среди материалов, которые мы через неравные интервалы времени направляли в Москву с помощью курьеров, были документы по экономическим, политическим и военным вопросам, полученные из германского посольства или добытые Одзаки и Мияги, а также подготовленные ими сообщения по этой тематике (эти сообщения в большинстве случаев представляли собой не больше, чем простую информацию). Я с каждой курьерской почтой посылал также личные отчеты, касающиеся изменений общего состояния японской внутренней и внешней политики за прошедший со времени прошлой связи период. Я отправлял довольно обширные и относительно регулярные доклады о существовании опасности войны между Японией и СССР, подкрепляя их

подробными сообщениями о японо-китайских инцидентах и других японских военных акциях. Позже я посылал сведения о военных приготовлениях Японии, ее авиации, увеличении количества дивизий, механизации сухопутных войск и т. д. Кроме того, я почти каждый раз докладывал об организации моей разведгруппы. Иногда в моих отчетах рассматривались специальные вопросы, такие, как рациональное использование Вукелича или Клаузена. В большинстве случаев я представлял, кроме того, финансовый отчет за очередной период нашей деятельности.

Мы сразу фотографировали добытые документы и материалы, включая японские публикации по военным вопросам. Некоторые из них я лично переснимал прямо в германском посольстве. Часть документов я фотографировал дома, однако чаще это делалось у Вукелича. Доклады я писал непосредственно перед отъездом курьеров. Иногда я поручал Вукеличу и Клаузену подготовить личные донесения по вопросам, которыми они занимались.

Размеры перевозимой курьерами почты были различны. Как я уже говорил, она часто содержала до 30 роликов фото пленки или, в пересчете на отдельные фотокадры, до тысячи кадров. Иногда переправлялось всего около 15 пленок. Когда курьерская почта отправлялась с интервалом в пять-шесть недель, посылки были еще меньше. В последнее время, а конкретнее – в 1941 году, из добываемой информации я направлял только наиболее важные и срочные сообщения. Содержание курьерской почты, получаемой из Москвы, я описывал в разделе, посвященном курьерам.

За некоторым исключением, все материалы отправлялись в центр в виде фотографий. Чтобы быть уверенными в читаемости сделанных снимков, мы сами проявляли пленки. Качество фотосъемки, которую я проводил в сложных условиях прямо в германском посольстве, нередко было неудовлетворительным. Однако в силу обстоятельств, в которых я работал, приходилось довольствоваться и этим. По мере того как пленки накапливались, мы прятали их у меня дома, у Клаузена и, иногда, у Вукелича. В германском посольстве у меня хранились только оригиналы материалов и документов, фото пленок там не было.

Задачи моей разведывательной группы в Японии

Задачи группы могут быть разделены на две части. К первой относятся задачи, поставленные нам в 1933 году в общем виде, и более подробные и конкретизированные – в 1935 году. Ко второй – задачи, которые я сам выдвигал, исходя из различных со-

бытий, происходивших во время моего пребывания в Японии. Эта вторая группа задач была затем признана Москвой как весьма важная и необходимая.

Задачи, поставленные нам в 1933 году и более конкретизированные в 1935 году

В целом они сводились к следующему:

1. Пристально следить за политикой Японии по отношению к СССР после Маньчжурского инцидента, тщательно изучать вопрос о том, планирует ли Япония нападение на СССР.

В течение многих лет это были самые важные задачи, поставленные мне и моей группе. Не будет большой ошибкой сказать, что эта задача вообще была целью моего командирования в Японию. В 1935 году, когда Клаузен и я были с прощальным визитом у генерала Урицкого⁴¹ из четвертого управления РККА, он особенно отмечал важность этой нашей миссии. Считалось, что в случае ее успеха Советский Союз, пожалуй, сможет избежать войны с Японией, а это было объектом повышенного интереса всех московских инстанций. При этом мы должны были помнить о чувстве недоверия в Советском Союзе в отношении Японии. А именно, Советский Союз, видя возрастающую роль японских военных кругов и их внешнеполитический курс после Маньчжурского инцидента, начал испытывать серьезные опасения, что Япония планирует напасть на СССР. Это чувство подозрительности было настолько сильным, что сколько бы я ни посылал противоположных версий, московские власти никогда полностью не разделяли их, особенно во время боев на Халхин-Голе и в период крупномасштабной мобилизации японской армии летом 1941 года.

Кроме главной задачи по выяснению намерений Японии относительно нападения на СССР, на нас была возложена также обязанность следить за различными внешнеполитическими акциями, связанными с японской политикой по отношению к СССР. При этом, однако, Москва проявляла гораздо больше интереса к маньчжуро-сибирским и монголо-маньчжурским пограничным проблемам, чем к вопросам, касающимся рыболовства или Сахалина.

2. Осуществлять тщательное наблюдение за реорганизацией и наращиванием японских сухопутных войск и авиационных частей, которые могут быть направлены против Советского Союза.

⁴¹ Урицкий Семен Петрович (1895–1937) – в 1935 г. сменил Я.К. Берзина на посту начальника разведуправления Красной армии, до 1937 г. лично курировал деятельность Зорге.

Эта задача была связана с первой. Поскольку японские военные круги для оправдания своих требований по разбуханию военного бюджета объявили СССР своим главным противником, для ее выполнения необходимо было добывать секретную военную информацию, охватывающую очень широкий круг вопросов. В соответствии с этим моя разведывательная деятельность не ограничивалась только вопросами наращивания японских вооруженных сил в Манчжоу-Го⁴². Интерес представляли также различные мероприятия, указывающие на планы войны против СССР, и особенно проблемы реорганизации сухопутных войск. Нечего и говорить, что важной частью нашей работы было пристально следить за механизацией и моторизацией японской армии. Общим сюрпризом стали реализация программы значительного роста японских вооруженных сил и их широкая реорганизация, причем считалось, что целью этих изменений был не только Китай, но и СССР. Военная мощь возросла втрое, количество дивизий почти сравнялось с количеством советских, после событий на Халхин-Голе стала быстро развиваться механизация. Это стремительное развитие вместе с публичными заявлениями многих военных лидеров наводило на мысль, что целью приготовлений является СССР, почему и представляло для меня большой интерес. Конечно, я не мог из Японии непрерывно следить за военными приготовлениями в Маньчжурии, поэтому мои наблюдения носили не более, чем случайный характер. Но тем не менее я уделял внимание этой проблеме, поскольку не имел возможности судить, была ли создана в Маньчжурии наша секретная организация и занималась ли она непосредственно данными вопросами. Я обязан был постоянно следить также за японскими войсками в Китае, потому что из его оккупированных районов японская армия имела возможность быстро выдвинуться к советским границам.

3. Скрупулезно изучать японо-германские отношения, которые, как считалось, после прихода Гитлера к власти неизбежно станут более тесными.

Конечно, в середине 1933-го и летом 1935 года было еще слишком рано предсказывать, до какого уровня дойдут в своем развитии постепенно улучшавшиеся японо-германские связи. Однако Москва была уверена, что между этими двумя странами произойдет сближение, к тому же направленное, главным образом, против СССР. В Советском Союзе настолько сильны были подозрения, что внешняя политика Японии и Германии нацеле-

⁴² Маньчжоу-Го — марионеточное государство, провозглашенное японцами в марте 1932 г. после оккупации японскими войсками Маньчжурии. Было признано в мире только членами Антикоминтерновского пакта.

на против СССР, что для Москвы оказалось полной неожиданностью, когда в 1941 году Япония осуществила «большой поворот» в своей государственной жизни и развернула военные действия против Америки и Англии.

Эта особая задача была определена для меня как одна из основных, так как в московском центре, исходя из характера моей работы в Китае, полагали, что я наверняка смогу установить тесные контакты в высших германских кругах в Японии. Конечно, основным объектом, через который можно было бы детально раскрыть эту проблему, было германское посольство, и предполагалось, что я найду там надежный канал получения информации.

4. Непрерывно добывать сведения о японской политике в отношении Китая. Эту задачу можно рассматривать как продолжение моей разведывательной и аналитической деятельности, которую я проводил в Китае. В то время, когда эта задача ставилась мне, никто даже подумать не мог, насколько масштабной она станет летом 1937 года. В Москве лишь полагали, что, если знать японскую политику в отношении Китая, то в определенной степени можно судить о намерениях Японии относительно СССР и, даже более того, делать выводы о будущих отношениях Японии с другими странами.

5. Внимательно следить за политикой Японии по отношению к Великобритании и Америке. Эта задача была особенно важной, потому что до начала японо-китайского конфликта в Москве верили в возможность поворота Японии против СССР при поддержке Великобритании и Америки. В Москве полагали, что идея о совместной войне всех великих держав против СССР была не из тех, от которых так легко можно отказаться.

6. Постоянно следить за ролью военных в определении внешнеполитического курса Японии, уделяя пристальное внимание тем тенденциям в армии, которые влияют на внутреннюю политику, особенно деятельности группы молодых офицеров, и, наконец, внимательно следить за общим курсом внутренней политики во всех политических сферах.

Москва поставила эту задачу в связи с тем, что была достаточно осведомлена о решающей роли, которую играют японские военные во всех областях японской политики, и особенно в иностранных делах. Советские власти хорошо знали, как резко возросло влияние армии после 1931 года. Поэтому они не могли не проявить интереса к тому, будет ли и в дальнейшем расти влияние военных на японских политических лидеров. Этот вопрос действительно имел важное значение для Москвы, так как в течение нескольких десятилетий японские военные лидеры считали царскую Россию, а затем СССР единственным своим реальным

противником. В 1933 году никто не думал, что в будущем возрастет политическое влияние японского военно-морского флота и что необходимое для военной экономики сырье (нефть, резина, металлы) будет приобретаться на юге. Поэтому для Москвы было естественным предполагать, что если влияние армии, обладавшей решающей силой, будет продолжать расти, оно будет направлено против Советского Союза. Следовательно, и эта частная задача была очень важной.

7. Непрерывно добывать информацию о японской тяжелой промышленности, уделяя особое внимание проблемам развития военной экономики. Возможности японской армии эффективно реализовать свою мощь в большой степени определялись уровнем развития тяжелой промышленности, поэтому естественно, что Москва проявляла интерес к этой проблеме. К тому же до 1931 года Япония главные силы направляла на развитие легкой промышленности — основу экономики мирного времени. СССР сам на практике испытал трудности переориентации с легкой промышленности на тяжелую, поэтому опыт решения этих проблем Японией также представлял большой интерес для Москвы.

В эту задачу входило и отслеживание развития экономики Манчжоу-Го, особенно его тяжелой промышленности, однако из Токио не было возможности непрерывно следить за этой проблемой. Поэтому мне удалось только два-три раза собрать информацию по этим вопросам.

Задачи, самостоятельно взятые на себя в Японии

Важнейшие задачи, которые возникали в связи с различными политическими событиями, перечислены ниже (я буду излагать их в хронологическом порядке).

1. Так называемый инцидент 26 февраля, случившийся в 1936 г., и его влияние на внутривнутриполитическую ситуацию. Этот случай подпадает в разряд задач, поставленных Москвой и изложенных в пункте (6) предыдущего раздела. Однако значение «Инцидента 26 февраля» было настолько велико, что изучение как самого события, так и его влияния на внутреннюю политику следует рассматривать как специальную проблему. В течение довольно длительного времени, предшествующего 26 февраля, напряженность во внутренней обстановке все более нарастала, но «взрыв» инцидента и особенно его своеобразное развитие явились крайне неожиданными для других государств и иностранцев. Как бы то ни было, инцидент имел типично японскую специфику, и для выяснения его причин необходимы были особо глубо-

кие исследования. Детальное изучение инцидента и выявленных в ходе его социальной напряженности и внутреннего кризиса дало гораздо больше для понимания японской внутренней структуры, чем материалы или секретные документы по вооруженным силам. Прекрасным материалом стали также результаты масштабных исследований внутренних кризисов, возникавших при кабинетах Хироты⁴³, Хаяси⁴⁴ и первом кабинете Коноэ⁴⁵. С инцидента 26 февраля фактически начался японо-китайский конфликт, что было полностью скрыто, и этот факт оказался очень полезным для понимания японской внешней политики и внутренней структуры. Поэтому естественно, что наша разведгруппа рассматривала инцидент 26 февраля как особую задачу. И Москва проявила к этому большой интерес не только с чисто военной точки зрения, но и по различным политическим и социальным причинам. Нечего говорить о том, что и в дальнейшем мы уделяли внимание вопросам разрешения и подавления этого внутреннего кризиса.

2. Японо-германский союз. Уже на самом первом совещании по так называемому Антикоминтерновскому пакту⁴⁶ стало ясно, что как германские правящие круги, так и влиятельные японские милитаристские лидеры хотят не просто политического сближения двух государств, а, насколько возможно, тесного политического и военного союза. Несомненно, что при этом главным пунктом, связывающим оба эти государства, являлся СССР, или, выражаясь точнее, их противостояние Советскому Союзу. Поэтому задача, поставленная мне Москвой по изучению японо-германских отношений, проявилась в совершенно новом свете. До меня давно доходили слухи о том, что идут секретные переговоры между послом Осимой и министром иностранных дел Риббентропом в Берлине, поэтому

⁴³ Хирота — японский государственный деятель, в 1932–1938 гг. — министр иностранных дел, с марта 1936 г. по февраль 1937 г. — премьер-министр. Его правительство заключило с Германией 25 ноября 1936 г. Антикоминтерновский пакт. Повешен в 1948 г. как один из главных японских военных преступников.

⁴⁴ Хаяси — генерал, с февраля по июнь 1937 г. занимал пост премьер-министра Японии.

⁴⁵ Коноэ Фумимаро (1891–1945) — принц, крупный государственный деятель Японии, в 1933–1937 гг. председатель палаты пэров, трижды занимал пост премьер-министра: с июня 1937 г. по январь 1939 г. — первый кабинет, с июня 1940 г. по июль 1941 г. — второй кабинет, с июля по октябрь 1941 г. — третий кабинет. В 1945 г. покончил жизнь самоубийством.

⁴⁶ Антикоминтерновский пакт — договор между Германией и Японией, подписанный 25 ноября 1936 г., оформил блок этих государств для завоевания мировой гегемонии под флагом борьбы против Коминтерна. В ноябре 1937 г. к Антикоминтерновскому пакту присоединилась Италия.

задача наблюдения за отношениями обоих государств не могла не стать одной из важнейших в моей работе. Тем более, что эти переговоры, как сейчас хорошо известно, проводились о заключении не только Антикоминтерновского пакта, но и подлинного союза. Переговоры проходили через различные этапы, и одновременно менялась международная обстановка, и в течение всего периода моего пребывания в Японии эти проблемы постоянно требовали максимального внимания с моей стороны. Безусловно, значительный интерес для Москвы представляло, насколько сильны антисоветские позиции Германии и Японии на этих переговорах. После начала войны Германии с СССР летом 1941 года наибольший интерес стал представлять вопрос, будет ли Япония предпринимать практические действия в соответствии с ее исходной позицией в начале переговоров о союзе с Германией. Найти ответ на этот вопрос было одной из важнейших задач, которые возникли во время моего пребывания в Японии, и в решении ее моя разведгруппа достигла выдающегося успеха.

3. Японо-китайский конфликт 1937 года. Японо-китайский конфликт явился еще одним непредвиденным событием, выдвинувшим перед нами задачу особой важности. Этот конфликт изменил принципиальную основу японо-китайских отношений и предоставил Японии монопольные права в Китае. Свершилось то, что прежде считалось великими державами невозможным. В результате новой ситуации в японо-китайских отношениях с совершенно новыми проблемами столкнулись не только Великобритания и Америка, но и Москва.

События ограничивались пределами Китая. Но в результате, в период развития конфликта, направление японской экспансионистской политики невозможно было быстро или легко повернуть на север.

Японо-китайский конфликт был очень важен для нас и с экономической точки зрения, потому что именно в это время были осуществлены планы японской военной экономики и поворот к развитию тяжелой промышленности. Наблюдение за переходом Японии к военной экономике было одной из задач, поставленных Москвой, и в результате японо-китайского конфликта мы получили прекрасный шанс для ее выполнения.

Позднее японо-китайский конфликт предоставил нам отличную возможность для детального выяснения способов развязывания войны Японией, структуры и путей укрепления военноморского флота. Этот конфликт явился испытательным полигоном для развития японского вооружения и реорганизации ее армии, в связи с чем было достаточно легко следить за этими процессами. Помимо вышесказанного из-за этого конфликта корен-

ным образом изменилась и советская политика в отношении Китая. Изменилась также обстановка и в самом Китае, который ранее в течение ряда лет был объектом моей работы. Вот таким образом японо-китайский конфликт и поставил перед нами особые проблемы.

4. Разрыв долгосрочных японских отношений с Великобританией и Америкой. Очевидно, что если бы японо-китайский конфликт вылился в полномасштабную войну, в результате или Великобритании и Америка полностью покорились бы Японии, или разразился бы очень серьезный кризис в отношениях между Японией и этими двумя странами. По прошествии нескольких месяцев после начала японо-китайского конфликта отчетливо проявились изменения в обстановке. Неясным оставался только один вопрос: уступят ли Великобритания и Соединенные Штаты японской политике или же все-таки возникнет кризис в отношениях между обеими сторонами. В политике Великобритании просматривалась, как хорошо известно, тенденция поддержки Японии и, скорее, одобрения ее китайской политики. Однако после начала войны в Европе усилилась степень зависимости Великобритании от США и ей ничего не оставалось, как пересмотреть свою японо-китайскую политику и следовать американскому дипломатическому курсу. Отношения Японии с Великобританией и США окончательно испортились, когда в дополнение к конфликту в Китае и политике германо-японского союза Япония взяла курс на экспансию в южном направлении. Великобритания, которая прежде была союзником Японии, и США, поддерживавшие этот союз, теперь стали противниками Японии.

Поскольку японо-китайский конфликт с самого начала содержал в себе отмеченные выше возможности развития обстановки, все внимательные дипломатические наблюдатели проявляли чрезвычайный интерес к отношениям между Японией, Великобританией и США. Дальнейшее развитие событий подтвердило, что я не зря занялся изучением этой проблемы.

5. Позиция Японии по отношению ко Второй мировой войне и к войне Германии с СССР. Теперь уже можно раскрыть характер и значение задачи, полученной мною в связи с этим. Разумеется, ее важность вполне очевидна, если подумать об усилиях, предпринятых Германией в течение последних двух с половиной лет по вовлечению Японии в войну. Непосредственно перед началом войны Германия стремилась заключить союз с Японией, направленный главным образом против Великобритании. В 1940 году Германия успешно сумела убедить Японию в необходимости подписания договора, направленного против Великобритании и США. В 1941 году она принимала все меры для вовлечения Японии в войну с Советским Союзом. Поэто-

му естественно, что отношение Японии ко Второй мировой войне очень интересовало Москву. Нет также необходимости говорить, что после начала войны с Германией Советский Союз проявлял к позиции Японии чрезвычайный интерес. Ничто другое не имело такой непосредственной связи с выполнением моей важнейшей задачи — проблемы войны или мира между Японией и СССР — как отношение Японии к отмеченным выше двум мировым политическим событиям (Вторая мировая война и война Германии с СССР). Исходя из сказанного, можно понять, почему моя разведгруппа имела особую заинтересованность в этой проблеме и активно стремилась выполнить данную задачу. Во всяком случае, мы выполняли эти обязанности до октября 1941 года.

6. Общая мобилизация лета 1941 года. Задачи по этой проблеме частично затронуты в предыдущем разделе. Но так как в течение нескольких месяцев для моей разведгруппы это была проблема чрезвычайной важности, ее можно рассматривать как самостоятельную задачу. Получение достоверных сведений о масштабах и направленности (север или юг) мобилизации делало ясным, стремится или нет Япония к войне с СССР. Крупные масштабы мобилизации и отправка некоторых резервных частей на север сначала дали нам повод для беспокойства, но постепенно стало понятным, что эти действия не имеют главной целью СССР. Поэтому на вопрос, поставленный в пятом пункте, мы наконец-то смогли дать четкий ответ. Короче, можно было сделать вывод, что этим летом или осенью Япония не планирует нападения на СССР, или, выражаясь иначе, нападения не будет, по крайней мере, до весны будущего года.

После такого заключения перед нами непосредственно вставала проблема крупного кризиса в японо-американских отношениях. В декабре этот кризис в конце концов вылился в войну, но мы смогли изучить только начальный его этап и были, к несчастью, лишены возможности завершить свою миссию.

Директивы Москвы, касающиеся специальных задач

В течение многих лет пребывания в Японии я, в добавление к задачам, перечисленным в первой части, получил множество директив из Москвы. Они передавались главным образом по радио, но иногда я получал их и с курьерской почтой. Директивы носили как общий, так и очень специальный характер. Общие директивы содержали инструкции по активизации разведывательной деятельности, требовали подбора более надежных источников информации и время от времени рекомендовали пред-

принимать различные меры предосторожности. Специальные директивы предписывали уточнить те или иные конкретные вопросы, например: существует ли на самом деле та или иная дивизия, где она дислоцируется, какие новые типы самолетов приняты на вооружение в японской армии, какие новые типы танков производятся. Иногда также присылались директивы по политическим вопросам. Например, однажды был получен запрос о возможности достижения взаимопонимания между Японией и США в вопросах, касающихся СССР. Однако я не получал новых заданий, выходящих за рамки обязанностей, определенных Москвой или выбранных мной самостоятельно. По крайней мере, я не помню сообщений, содержавших такие задания. Москва полностью доверяла политическому чутью и политической сознательности моей разведгруппы. Полное описание заданий, возложенных на мою группу, содержится в первом и втором разделах.

Общие замечания

Я хотел бы рассказать немного о том, как выполнялись задачи, о которых шла речь выше.

В период с осени 1933-го по весну 1935 года говорить о реальном выполнении задач почти не приходилось. Это время мы провели в подготовительных работах в условиях очень трудной обстановки в Японии. Надо было организовать разведывательную группу и создать основу для разведывательной деятельности. Будучи иностранцами, мы должны были прежде всего хорошо узнать проблемы, ставшие объектом нашей миссии. Добиться точного понимания различных проблем, которыми мы обязаны были заниматься, сразу было почти невозможно. Даже для Мияги, который долго жил за границей, потребовалось определенное время для того, чтобы войти в курс японских проблем. Нам же, иностранцам, для этого был необходим гораздо больший срок. Начало действительной разведывательной деятельности пришлось на то время, когда я вернулся из своей короткой поездки в Москву летом — осенью 1935 года, а примерно с осени 1936 года группа стала сильной организацией и смогла выполнять свои функции. Предыдущий период следует рассматривать как время изучения ситуации в Японии и подготовки к реальной работе. Критиковать начальный период моего пребывания в Японии значит то же самое, что и критиковать результаты моей плодотворной деятельности. Это означает, что до 1936 года не могли бы быть достигнуты результаты такой же ценности.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ИСТОЧНИКИ, КОТОРЫЕ МОГЛИ ИСПОЛЬЗОВАТЬСЯ НЕПОСРЕДСТВЕННО ЧЛЕНАМИ МОЕЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ГРУППЫ В ЯПОНИИ

Общие замечания

Перед тем как подробно изложить этот вопрос, я хочу пояснить некоторые общие моменты. Я не знаю полностью всех источников информации, которые могли использовать члены группы. Я знаю только те из них, которые были особенно важными, и те, которые пригодились в работе. Я знаю только общий характер источников и не располагаю данными о конкретных людях и их именах. То, что я недостаточно знал об информационных источниках своей группы, объясняется не отсутствием интереса к деятельности и усилиям своих сотрудников и не тем, что я ленился. Характер нашей работы был таков, что большая часть с трудом созданных источников информации быстро «пересыхала», и я не считал источник действительно ценным и пригодным, если он не был проверен в течение длительного времени. Поэтому, если канал информации моих сотрудников не проходил подобной проверки, я считал эти сведения не очень ценными. Моим принципом было не придавать важного значения именам людей, от которых исходила информация. Я делал это умышленно, для того, чтобы на вопрос об этих людях я не мог бы ничего ответить и тем самым доставить им неприятности. Это одно из традиционных правил нелегальной деятельности.

а) Источники информации Одзаки

Самым важным источником информации Одзаки была группа лиц, вращавшихся около принца Коноэ, своего рода «мозговой центр», в который входили Кадзами⁴⁷, Сайондзи⁴⁸, Инукаи⁴⁹,

⁴⁷ Кадзами Акира — генеральный секретарь первого кабинета министров Коноэ и министр юстиции во втором кабинете Коноэ в июле — декабре 1940 г., друг Одзаки. В 1955 г. вступил в Социалистическую партию Японии.

⁴⁸ Сайондзи Кинкадзу — сын принца Сайондзи Киммоти, неофициальный советник кабинета министров Японии, друг Одзаки, арестован по «делу Зорге» 16 марта 1942 г., освобожден из-под ареста 16 мая 1942 г., осужден на три года заключения условно.

⁴⁹ Инукаи Кэн — член японского парламента, экономический советник марionеточного китайского правительства на захваченной японцами территории Китая, друг Одзаки, арестован по «делу Зорге» 4 апреля 1942 г., освобожден из-под ареста 16 мая 1942 г.

Гото⁵⁰ и сам Одзаки. Возможно, там были и другие люди, но я помню только те имена, которые иногда слышал. Когда Одзаки или я сам упоминали этих людей, мы обычно называли их «группа Коноэ». В сообщениях в Москву я называл их «круги, близкие к Коноэ». Я полагаю, что большая часть информации Одзаки по вопросам внутренней и внешней политики, если только ее источником не являлись личные обширные знания и глубокие выводы самого Одзаки, несомненно, поступала через эту группу. Информация, исходившая от группы Коноэ, касалась внутривнутриполитического курса кабинета Коноэ, разнообразных сил, оказывающих влияние на формирование внутренней и внешней политики, а также различных планов, находящихся в стадии подготовки. Иногда Одзаки представлял экономическую информацию и, в очень редких случаях, общеполитическую и военную. Он продолжал получать сведения от этой группы и в то время, когда Коноэ уже не был премьер-министром, но не так часто, и их содержание не всегда было достоверным. Я не могу сказать, кто из членов этой группы давал больше всего информации. Определить это было очень сложно. Возможно, это был Кадзами, с которым Одзаки был в наиболее близких отношениях, а может быть, это был Инукаи. Я хочу подчеркнуть, что это только мои смутные предположения, так как с Одзаки не было специального разговора на эту тему. Так или иначе, с этими двумя людьми Одзаки был наиболее близок. Однако иногда казалось, что их близости наступал конец. Одзаки был очень независимый человек, и не всегда он был в гармонии с ними. По этой причине то различия во взглядах на что-либо, то испорченное настроение оказывали влияние на их отношения.

Одзаки иногда встречался непосредственно с принцем Коноэ, но наедине или нет, не знаю. Информация, получаемая им в результате этих встреч, не представляла собой конкретные политические доклады, а отражала лишь мнения и соображения по общеполитическим вопросам, а иногда даже настроение принца Коноэ. Такая информация, хотя и не отличалась конкретностью, была чрезвычайно важной, так как давала более глубокое понимание политики японского правительства, чем целые горы подробных фактов. У меня в памяти осталось, в частности, очень важное сообщение Одзаки о его встрече с принцем Коноэ в 1941 году. Она ясно показала, как стремился принц Коноэ разрешить японо-китайскую проблему и избежать столкновений на дипломатическом фронте. Эта встреча лучше вереницы политических документов отобразила политику третьего

⁵⁰ Гото Рюносукэ — друг принца Коноэ, основатель в 1936 г. исследовательского общества «Сёва кэнкюкай» — «мозгового центра» принца Коноэ.

кабинета Коноэ по отношению к СССР, Великобритании и США. Однако такие личные встречи между Одзаки и принцем Коноэ происходили очень редко.

Южно-Маньчжурская железнодорожная компания

В связи с работой в этой компании Одзаки мог получать массу информации политического и экономического характера, часть которой можно было использовать для нашей деятельности. Иногда в руки попадали политические и экономические документы, а иногда — чисто военные материалы. Однако военной информации было мало и, по-моему, только очень небольшая ее часть поступала ко мне из этого источника.

Я особо подчеркиваю, что никогда не запрашивал о подобных источниках информации ничего, кроме самых общих обычных сведений. В большинстве случаев для меня было вполне достаточно иметь мнение Одзаки о том, что та или иная информация ценная или средняя, или не представляет интереса. Думаю, что Одзаки ежемесячно готовил доклады экономического и политического характера для этой компании. Кажется, его донесения для меня по экономике и политике готовились на основе информации, которую он получал через компанию, или были частью его докладов для компании.

Очень были кстати поездки, которые совершал Одзаки в интересах компании. Мне доставляло много неудобств его отсутствие, но и от его поездок мы получали очень многое. Он имел связи со многими необходимыми людьми и обладал замечательной наблюдательностью, поэтому всегда возвращался с очень ценной информацией для нашей работы. По поручению Южно-Маньчжурской железной дороги он ездил один раз в Маньчжурию и несколько раз в Китай, и в каждом случае я особо просил его обращать внимание на те или иные политические или военные проблемы, связанные с нашей деятельностью.

Источники военной информации Одзаки

Я думаю, что максимум одно или два сообщения Одзаки содержали общие военные и политические сведения, полученные от действующих офицеров японской армии. По-моему, офицеров интересовало мнение Одзаки как специалиста по Китаю. Конечно, Одзаки тоже пытался получить от них информацию, но как бы там ни было, постоянных источников военной информации у Одзаки не имелось.

Связи Одзаки с газетами

Как широко известный ранее газетчик, Одзаки имел много знакомых среди японских журналистов. Полагаю, что большинство из них были его коллегами, когда он работал в газете «Асахи симбун». От общения с ними он получал много информации, главным образом политического характера. Впрочем, в двух-четырёх случаях прошла политическая информация, связанная с военными вопросами. Думается, что у него были связи и с Информационным бюро кабинета министров, а до этого — и с Информационным департаментом министерства иностранных дел. Полученные из этих источников сведения содержали, главным образом, данные о текущих политических событиях, информация же по вопросам фундаментальной политики была очень редкой.

О самом Одзаки

Одзаки получил прекрасное образование. Обширные знания и твердость взглядов сделали его одним из тех редких людей, которые сами были источником информации. Беседы и дискуссии с ним были очень содержательными. Я часто отправлял в Москву как весьма ценную информацию его многие суждения по тем или иным вопросам будущего развития ситуации. В тех случаях, когда я сталкивался со сложнейшими, специфическими, чисто японскими проблемами и у меня не было полной уверенности в их понимании, я полагался на его мнение. В двух или трех случаях я советовался с ним, окончательно принимая важные решения, касающиеся сути моей работы. Таким образом, Одзаки был исключительной личностью и сам по себе должен рассматриваться как прямой источник информации. Я очень многим обязан ему.

В интересах работы моей разведывательной группы Одзаки использовал двух или трех помощников. Один из них — Мидзуно, которого я знал раньше в Китае. С ним я встречался один раз в ресторане, и, насколько я помню, темой нашей беседы тогда было сельское хозяйство. Помощником Одзаки можно считать также и Каваи, хотя, как я уже говорил раньше, более правильно считать его иждивенцем Одзаки. Наконец, нужно упомянуть одного «специалиста»⁵¹. Он был старым другом Одзаки, и его вовлекли в нашу работу вскоре после моего прибытия в Японию. Он, однако, оказался далеко не тем человеком, на которого мы рассчитывали. Мы сначала рассматривали его как военного специалиста, но он, к удивлению, оказался экспертом по деньгам. Некоторые связи с подобными помощниками Одзаки имел и Мияги.

⁵¹ Синохара Торао. — Прим. Зорге. Торао — фабрикант, приятель Мияги, был арестован по «делу Зорге».

б) Источники информации Мияги

Самой старой связью Мияги был его давний друг, личный секретарь генерала Угаки⁵², с которым он постоянно встречался⁵³. Большая часть информации от этого секретаря касалась внутренней политики, главным образом изменений в японских политических кругах. Кроме того, иногда поступали сведения о японо-советских отношениях и японской политике в Китае, но, разумеется, преобладала информация о проблемах кабинета Угаки. После того как Угаки занял пост министра иностранных дел в кабинете Коноэ, этот источник смог предоставлять разнообразную обширную информацию. Одновременно он сообщил о сильной оппозиции попыткам Угаки сформировать свой кабинет. Когда Угаки был министром иностранных дел, им была передана нам подробная информация о напряженности в отношениях между Угаки и Коноэ по вопросам китайской политики и проблемам создания «сферы процветания Азии».

Мияги имел также давние связи с одним жителем Хоккайдо⁵⁴, который передавал подробную информацию о Хоккайдо и порой о Сахалине. Информация была главным образом по военным вопросам, таким, как масштабы мобилизации в оборонительном районе Хоккайдо, обстановка полного спокойствия в этом районе, переброска отдельных частей на Сахалин, строительство аэродромов на Хоккайдо и Сахалине и т. д. Иногда тот же источник сообщал экономическую информацию о трудностях с материальным снабжением северных территорий, а также сведения о запрещении поездок туда по военным и политическим причинам.

По словам Мияги, этот человек был его старым другом, который многие годы придерживался левых убеждений. Однако, насколько и слышал, он уже давно отошел от политической деятельности и сейчас, похоже, всецело поглощен бизнесом, по крайней мере, я так понял. Кажется, он занимался на Хоккайдо рыболовным бизнесом.

Кроме того, Мияги говорил, что у него имеются также давние связи с несколькими газетчиками, с одним или двумя из которых он был особенно близок. Один из них был человеком с откровенно правыми экстремистскими взглядами⁵⁵. Информация о японских крайне правых организациях поступала к Мияги, глав-

⁵² Угаки — японский генерал и политический деятель, был министром в правительстве Коноэ, предпринимал неудачные попытки занять пост премьер-министра.

⁵³ Ябэ Сю. — *Прим. Зорге.*

⁵⁴ Тагути Угэнда. — *Прим. Зорге.*

⁵⁵ Кажется, Сано Масахико. — *Прим. Зорге.*

ным образом, от него, так же как, похоже, и сведения о внутренней напряженности и экономических трудностях в стране. Еще один репортер⁵⁶, кажется, имел какие-то связи с военными кругами. Известно, был ли он профессиональным газетчиком или работал на временной основе. Он тоже имел правые политические взгляды.

Среди тех, кто снабжал Мияги чисто военной информацией, я довольно хорошо знал Косиро. Кроме того, Мияги время от времени упоминал имена людей, которые только что оставили военную службу или были призваны на нее, но у меня создалось впечатление, что они не были в числе постоянных или регулярных источников информации. Думаю, что они были случайными знакомыми, а не настоящими приятелями.

По-моему, реальным его сотрудником был только Косиро. Когда Косиро вернулся из Маньчжурии, Мияги установил с ним близкие отношения. Решив, что и мне следует познакомиться с ним поближе, я встречался с ним один или два раза в ресторане. Кажется, что информация о мобилизации в Токийской и Уцуномийской дивизиях поступила от Косиро. От него также получены два или три сообщения о формировании смешанных частей на базе личного состава Токийской и Уцуномийской дивизий. Косиро предоставлял Мияги также разнообразные сведения об условиях жизни и деятельности войск на границе с Сибирью. Думается, что от него также были получены фрагментарные данные о новых артиллерийских системах и танках японской армии.

Мияги собирал военную информацию больше в оживленных местах Токио, в ресторанах и барах. В связи с этим он вынужден был часто посещать различные подобные заведения. Он часто жаловался, что ему приходится много выпивать в барах ради получения даже небольшой информации.

Мияги часто ездил в Осаку, но я не знаю, с кем он был там связан. Он говорил только, что посещал там двух или трех знакомых. Иногда он добирался и до Кобе, чтобы разузнать что-либо о ходе или отмене мобилизации размещенных там дивизий. В последнее время Мияги, кажется, часто встречался со своим старым другом, вернувшимся из Америки⁵⁷. По моему впечатлению, Мияги использовал его не в качестве источника информации, а в качестве переводчика и помощника в повседневных делах. Мияги несколько раз говорил мне об Акияме и всегда твердо подчеркивал, что он заслуживает доверия, если я проявлял беспокойство о его дружбе с этим возвратившимся из Америки знакомым.

⁵⁶ Думается, Кикиути Хатино. — Прим. Зорге.

⁵⁷ Акияма Кодзи. — Прим. Зорге.

Кроме того, у Мияги было много случайных знакомых, от которых он время от времени также получал сведения, но нельзя считать кого-либо из них достоверным или регулярным источником информации. Поскольку Мияги переводил информацию Одзаки и раз за разом передавал мне донесения Одзаки, в последние годы я очень тесно сошелся с ним.

Я уже и ранее отмечал, что Мияги поддерживал контакты с помощниками Одзаки — Каваи, Мидзуно, так называемым «специалистом». Поэтому и этих людей иной раз нужно рассматривать в качестве источников информации Мияги. Как и с Одзаки, с Мияги у меня были близкие личные отношения.

в) Источники информации Вукелича

У Вукелича было две задачи. Одна касалась технической стороны нашей деятельности, другая заключалась в сборе информации.

Самым важным источником его сведений было информационное агентство «Домэй». По работе он бывал там каждый день и поэтому мог легко заполучить разнообразную информацию, как опубликованную, так и неопубликованную. Кроме того, он мог узнавать скрытые политические нюансы непосредственно в агентстве «Домэй» и его отделах. Информация, получаемая оттуда, была чисто политической, а некоторая просто отражала политическую атмосферу. Поэтому в принципе важной информации оттуда не поступало, но она была значимой и интересной как дополнение к огромному количеству сведений, полученных моей группой по другим каналам. Это впечатление особенно укрепилось после докладов Вукелича об атмосфере в агентстве в связи со Второй мировой войной и настроениях, связанных с развязыванием войны Германии с СССР. Агентство «Домэй» совершенно не было прогерманским, и такая позиция отражала чувства большинства японцев.

Вукелич часто мог получать сведения, которые были широко известны в «Домэй», но из-за цензуры обычно не публиковались. Благодаря этому мы могли изучать политическую обстановку в Японии и знать позицию правительства. Он также общался с французами из отделения агентства «ГАВАС» и получал от них различные отрывочные сведения. Благодаря этому он мог узнавать позицию своих друзей-французов после падения Франции по отношению к Германии и политику Японии по отношению к Индокитаю и Южным странам. Однако это были скорее материалы, отражающие общую атмосферу событий, чем достоверная информация.

Отделение агентства «ГАВАС» имело контакты с французским посольством, и Вукелич при случае лично бывал там, в связи с чем нас очень интересовали текущие сведения и капитальная информация, которые он там добывал. Вукелич также несколько раз встречался с военным атташе французского посольства, однако информация, полученная по этому каналу, не была особо важной.

В качестве корреспондента информационного агентства «ГАВАС» Вукелич, с разрешения японских военных властей, смог совершить поездку на Халхин-Гол, и нечего говорить, что благодаря этому случаю он собрал информацию для нас.

В последнее время он получал много информации от иностранных, особенно американских, журналистов, среди которой были очень интересные сведения, связанные большей частью с дипломатической политикой. Например, из представленной им информации наиболее важной была речь посла США Грю в 1941 году. В последнее время он, пожалуй, еще более сблизился с американскими журналистами.

г) Источники информации Гюнтера Штейна

Штейн был в Токио с 1936-го до начала 1938 года. Он симпатизировал нам, но никогда не был настоящим членом моей группы. Однако практически он активно сотрудничал с нами.

Штейн был близко знаком с послом Дирксеном, которого знал еще с Москвы. Посол считал его умным человеком и значительной персоной. Кроме того, для нашей работы ценным было то, что у него как представителя британской газеты были связи с послом Великобритании. В Британском посольстве он имел особенно тесные отношения с известным сэром Сэнсомом⁵⁸. Он мог добывать в посольстве информацию, связанную, главным образом, с общей дипломатической политикой. Иногда у него бывала возможность лично побеседовать с послом и военно-морским атташе посольства. Штейн был очень дружен со всеми иностранными журналистами, особенно с английскими и американскими, от которых получал различную интересную информацию. В последнее время он имел тесные связи с информационным агентством «Домэй», в связи с чем через это агентство, как и Вукелич, мог добывать сведения об общей политической атмосфере и различных скрытых политических действиях. К тому же он сам был ценным источником информации, так как очень скрупулезно изучал экономическую ситуацию в Японии и писал прекрас-

⁵⁸ Джордж Бэйли — британский экономист и дипломат, в 1925–1940 гг. торговый атташе при посольстве Великобритании в Токио.

ные книги об этом. Благодаря его исследованиям прояснились многие факты экономической жизни, до тех пор не вполне понятные. В сферу его личных профессиональных интересов входили внешняя торговля и финансы Японии.

Мои собственные источники информации

Общие замечания

О германском посольстве, которое было моим важнейшим источником информации, я подробно расскажу в другом разделе.

Думается, я могу утверждать, что по сравнению с источниками информации, которые были у меня в германском посольстве, и с источниками, которые имелись у членов моей разведывательной группы, другие мои информационные каналы носили второстепенный характер. Информация, поступающая из моих источников, кроме двух вышеуказанных, была только относительно значимой. Получить информацию по этим каналам я стремился лишь только в первое время после прибытия в Японию. После 1938 или 1939 года эти источники не играли никакой роли в моей разведывательной деятельности, и я полностью оставил их и к ним не обращался. Причиной «пересыхания» источников, из которых я ранее получал сведения, были постоянно ужесточавшиеся в связи с японо-китайскими событиями антишпионские законы в Японии. После начала этих событий перечисленные ниже информаторы из-за страха перед законом переставали передавать какие бы то ни было сведения. Объем информации, которой они располагали, также резко сократился.

Наконец, я хочу заявить еще об одном: я убежден, что никто из людей, общавшихся со мной, имена которых появятся ниже, ничего не знали ни о моей подлинной миссии, ни о характере моей работы. Все они считали, что я только известный журналист.

Немецкие предприниматели и инженеры

Впервые приехав в Японию, я слышал много различных высказываний бизнесменов и инженеров об общей экономической ситуации. Однако дело не в том, что все они без исключения рассматривали только общеэкономические вопросы, а в том, что представленная ими информация ограничивалась узким кругом вопросов, которыми они занимались, притом в весьма общем виде. Кроме того, опасаясь, что о содержании наших бесед от меня смогут узнать конкуренты, они уверяли, что не знают каких-либо подробностей. Вообще-то говоря, я предпочитал беседовать с инженерами, которые были не так робки, как пред-

приниматели, и, по крайней мере, знали свою специальность. После 1938 года я уже не имел дела с бизнесменами и инженерами. Работая в германском посольстве, я переключился на изучение еще более, чем раньше, конкретных экономических и особенно военных проблем. Используя собранные в посольстве соответствующие материалы, я готовил донесения и для военного атташе, и для себя. Поэтому для получения информации я больше не полагался на предпринимателей и инженеров.

Главным образом я поддерживал дружеские отношения с инженером Мюллером из Германской машиностроительной компании, а кроме того, у меня были тесные связи с их конкурентом, компанией «Гуден Хоффман», и использовал также г-на Кальбаума, представителя одной химико-фармацевтической компании. Думается, что эти люди покинули Японию перед тем, как разразилась война в Европе. Во всяком случае, я не встречал их в течение долгого времени. От первых двоих я узнал о положении в черной металлургии Японии, от последнего – некоторые данные о японской химической промышленности. Кроме того, я узнал, что Япония закупила в Германии несколько лицензий на производство синтетического горючего, но выяснить подробности мне не удалось. Позже, однако, я обнаружил их в документах германского посольства. Я часто встречался также с инженером, ответственным за сборочные работы в фирме «Хейнкель». Он имел дела с компанией «Ниппон хикоки котё» и прибыл в Японию вместе с упоминавшимся мною ранее Хаагом. Я несколько раз получал от них сведения общего характера о производстве германских авиадвигателей в Нагое. После 1938 года я больше ни с кем из этих инженеров-сборщиков не встречался. Однако позднее в досье аппарата военно-воздушного атташе германского посольства я обнаружил более подробную информацию о производстве этих двигателей японской авиакомпанией и закупке германских самолетов.

Когда несколько германских самолетов совершили прямой перелет из Германии в Японию, я, естественно, расспросил пилотов об обстоятельствах полета и об их планах в Японии. С одним из пилотов, бароном фон Габленцем, я совершил полет из Японии в Маньчжурию и обратно на самолете «Юнкерс», на котором он прилетел в Японию из Германии. Впрочем, переговоры о закупке крупных самолетов «Фокке-Вульф» и «Юнкерс» позже закончились безрезультатно. Я узнал об этом из досье германского посольства. От уже упоминавшегося Мюллера я два или три раза слышал о строительстве завода «Варц» в Маньчжурии одной германской компанией тяжелого машиностроения. Однако, как я уже говорил, с 1938 года поступление подобной информации стало постепенно сокращаться и в начале 1939 года

полностью прекратилось. В результате подготавливаемые мною доклады для военного атташе Матуки⁵⁹ стали готовиться только на основе материалов, которые я мог получить в германском посольстве.

Немецких предпринимателей и инженеров я по большей части встречал в германском клубе и на приемах в посольстве. Как корреспондента немецкой газеты меня иногда приглашали в Германскую торговую палату в Токио. Само собой разумеется, что как журналист я обязан был изучать общие проблемы, вставшие перед германскими коммерсантами в Японии, и, естественно, в ходе моих бесед с предпринимателями и инженерами во время таких встреч в центре внимания оказывались экономические вопросы. В личном плане я был связан с крайне ограниченным числом предпринимателей, и это не имело никакого отношения к моей разведывательной деятельности. Я встречался с ними в семейном кругу, и при этом присутствовали также женщины и другие гости.

В моих записках, посвященных личным друзьям, часто упоминаются имена Мор и Кауфман. Это были предприниматели, с которыми я очень сблизился. Я с обоими подружился и в семейном отношении и поэтому всегда испытывал удовольствие, бывая у них дома. Их семьи общались с семьями сотрудников германского посольства, однако это обстоятельство не только не было связано с моей разведывательной деятельностью, но скорее наоборот. Это были знакомства в обществе, которые я завел отчасти для усиления маскировки, чтобы моя деятельность в Токио выглядела более легальной, отчасти потому, что у меня с ними сложились личные хорошие отношения. Когда я ездил в Китай, а особенно в Шанхай, я непременно посещал там германские дипломатические учреждения. Я подружился с германским посланником Фишером и мог с ним, разумеется, беседовать на различные политические темы. Я получил много подробной информации о японской политике в отношении Китая и германских интересах в Китае, при этом в виде оригинальных документов. Но помимо этого, у Фишера и меня были общие интересы в области истории Китая и древнего китайского искусства.

Я поддерживал дружеские отношения с немецкими предпринимателями в Китае. Приезжая в Шанхай, я всегда встречался с двумя-тремя из них, чтобы побеседовать об экономической ситуации и состоянии германской торговли. Встречался я также с доктором Войдтом, которого рекомендовал Клаузен. Он приезжал в Токио примерно два раза в год, поэтому мы с ним встре-

⁵⁹ Матуки Герхард (1894–1983) – в 1938–1940 гг. полковник, военный и военно-воздушный атташе Германии в Японии и Манчжоу-Го.

чались и здесь. Большинство немецких предпринимателей из Китая, приезжая в Токио, заходили ко мне. Войдт не был членом моей разведывательной группы, но как правительственный чиновник знал очень много в различных областях, поэтому я с удовольствием поддерживал с ним контакты. Безусловно, какую-то часть услышанных от него сведений я использовал в своей разведывательной деятельности. В своих радиосообщениях в Москву я называл его и других немецких торговцев из Китая «коммерсантами». Последний раз мы встречались с Войдтом около года назад. Он и лично мне очень нравился, и был одним из немногих людей, к которым я питал дружеские чувства. Большинство немецких предпринимателей в Китае мне не очень нравились и были для меня неприятны.

Нацистская партия в Токио

Вступив в нацистскую партию по причинам, изложенным в другом разделе, я часто имел контакты с партакцией, ее членами и получал от них различную отрывочную политическую информацию о Германии. Например, я узнал о широкомасштабных приготовлениях Германии к войне и росте антисоветских настроений внутри нацистской партии после начала мировой войны, хотя и был заключен с СССР дружественный пакт. С этого момента я был убежден в том, что, несмотря на заключение пакта, рано или поздно отношения между двумя странами обязательно будут разорваны. Позиции членов нацистской партии относительно Японии разделялись. Одна часть не особенно приветствовала тесные отношения между Германией и Японией, они полагали, что Германия не получит никаких экономических выгод от такого партнерства, а некоторые из них открыто призывали к союзу с Китаем. Даже близкий к министру иностранных дел Риббентропу Штамер, о котором я уже упоминал ранее, после того как были прерваны переговоры 1939 года о японо-германском союзе, стал придерживаться такого же мнения. В последнее время и в нацистской партии уверенность в победе заметно уменьшилась и возникло определенное чувство тревоги за будущее, если война затянется надолго. Кажется, в начале 1938 года, незадолго до удаления маршала Тухачевского, среди нацистов в Токио шли разговоры о том, как бы скрытно организовать сейчас в СССР внутренний распад. В связи с этим упоминались имена Тухачевского и военного атташе в Лондоне Путны. Эта мысль широко распространилась среди членов нацистской партии и ее особенно пропагандировали нацисты, только что вернувшиеся из Германии. Я также слышал от них, что Союз контрреволюционеров в Германии имел связь с Путной, а тот — с Тухачевским.

Голландская колония в Токио

Хотя мои связи с голландской колонией в Токио оборвались в начале 1939 года, ее тоже следует считать моим источником информации. Я посылал корреспонденции в газету «Амстердам Хандельсблатт», поэтому, естественно, имел контакты с голландскими дипломатическими и деловыми кругами. Из этих источников ко мне поступала информация о масштабах сопротивления голландской стороны японской экономической экспансии в Голландскую Восточную Индию. Кроме того, я получал много сведений о голландских, британских, а позднее и американских объединенных усилиях против экономической агрессии Японии в голландских владениях. Из голландских банковских кругов я мог получать отдельные материалы, касающиеся японо-голландской торговли, а также определенную информацию о внешней торговле, состоянии финансов и об общей экономической ситуации в Японии. Однако с 1938 года, когда в результате европейской политики Германии ухудшились ее отношения с Англией и Францией, а также до некоторой степени и с Голландией, поступление сведений из этих источников прекратилось. В это время голландцы уже окончательно отвернулись от немцев и сблизились с англичанами и американцами.

Немецкие журналисты в Японии

Между немецкими журналистами в Японии и мной, естественно, существовала тесная профессиональная связь. Я часто встречался с Виссэ и Каровом из DNB⁶⁰, Шульцем из «Дойче Альгемейне цайтунг», Магнусом из Германского агентства экономических новостей и Зермайером из «Трансоушен пресс». Однако никто из них не имел ни малейшего представления о том, кем я на самом деле был и чем занимался. Разумеется, мы как журналисты обменивались мнениями о различных событиях и политической ситуации, дискутировали о различных проблемах и по журналистской привычке энергично поносили все, связанное с политикой. Среди других журналистов я считался очень хорошо информированным. Они не могли сообщить мне каких-либо стоящих новостей или сведений, а скорее, наоборот, стремились получить новости от меня. Однако, я хочу подчеркнуть, что никогда не сообщал никому из журналистов информацию, полученную от сотрудничавших со мной японцев, и секретные сведения, добытые в германском посольстве. За этим я строго и тщательно следил.

Я пользовался уважением среди других корреспондентов не только как известный немецкий журналист, но и как добрый

⁶⁰Deutsches Nachrichtenburo (DNB) – Германское информационное бюро.

товарищ, всегда готовый в случае необходимости протянуть руку помощи. Например, когда Виссэ уехал на родину в отпуск, я вместо него работал в DNB, или, если происходило что-либо, о чем надо было во что бы то ни стало телеграфировать, а другие журналисты не знали, я ему сообщал об этом. Мы встречались не только в офисе, но и обедали вместе и дома бывали друг у друга. С другой стороны, они, узнав, что я не хочу идти в агентство «Домэй» или в Информационное бюро японского правительства, тут же брали на себя заботу об этом. Меня считали немного беспокойным, роскошествующим журналистом. Конечно, они не знали, что помимо работы в газете я должен был выполнять еще очень многое. По этим причинам у меня были дружеские отношения с немецкими спецслужбами.

Иностранные корреспонденты

Все другие иностранные журналисты были настроены антигермански и считали меня нацистским репортером, поэтому я был отдален от них. Наши отношения никогда не выходили за рамки обычных деловых связей, а в 1939 году вообще прекратились. До 1938 года у меня было несколько профессиональных контактов с представителем агентства «Рейтер» Коксом и американцами Морином и Томпсоном, но по мере постепенного роста напряженности политической ситуации в Европе, и в довершение всего из-за смерти Кокса и высылки Морина и Томпсона из Японии, мои личные связи с иностранными корреспондентами практически сошли на нет. Сейчас в Токио нет почти ни одного иностранного корреспондента, которого бы я знал лично. Я всегда избегал Редмана, потому что он был мне неприятен. Я ничего не знаю о шпионской деятельности, которую приписывают Коксу. Я считал его беспечным и простодушным человеком. Вообще говоря, у меня не было интереса к иностранным корреспондентам. Поскольку Гюнтер Штейн и Вукелич уже имели возможность получать от них информацию, лично мне заниматься этим делом не было необходимости.

Агентство новостей «Домэй» и японские журналисты

По тем же причинам с агентством «Домэй» я поддерживал отношения только первое время после прибытия в Японию, да к тому же они ограничивались всего лишь разовыми контактами. В последующем у меня полностью пропал интерес к агентству, поэтому даже такие отношения прекратились и я полагался, главным образом, на информацию, предоставляемую Штейном и Вукеличем, а также на сплетни со всего мира, которые собирал Виссэ. Он был насмешником и страшно любил всякие слухи. Но говорю это не в плохом смысле, а просто в шутку.

С японцами, кроме тех, кто входил в мою разведывательную группу, в течение последних нескольких лет я старался по возможности не встречаться. До этого вместе с другими немецкими журналистами я общался с коллегами из «Асахи», «Нити-Нити» и «Домэй». В последние годы я приглашал на ланч Мурату, Кумасаки и Мори из «Джапан Адвертайзер», но и это в каких-нибудь особых случаях и обычно вместе с другими немцами. Я приглашал их в рамках своих служебных обязанностей, имея при этом цель не создавать впечатления, что я окончательно оборвал связи с японцами. У меня и в мыслях не было тайных разведывательных целей, так как я хорошо знал, что не смогу получить от них интересной информации, и даже после того, как Мурата перешел в сферу бизнеса, я в отношении него занимал такую же позицию. До этого он по крайней мере давал мне кое-какую информацию о Накано и «Тохокай»⁶¹, но потом все его интересы свелись только к деньгам и выгоде.

Военное министерство

Мои отношения с пресс-группой военного министерства и с армейскими офицерами, с которыми меня знакомили генерал-майор Отт и полковник Матуки, не отличались от описанных выше. Можно сказать, что в последние годы у меня почти не было связей с такими людьми.

Через Отта и Матуки я познакомился с генералом Осимой и неоднократно встречался с ним. А после заключения японо-германского союза я даже брал у него интервью для моей газеты. Кроме того, в то время я познакомился с тогдашним полковником Манаки, майорами Ямагата и Сайго, с теперешним генерал-майором Мутто и с другими офицерами, имена которых я позабыл. Из пресс-группы военного министерства я встречался с тогдашним полковником Сайто, и он часто приглашал меня вместе с другими немецкими журналистами. Я также несколько раз приглашал его как член группы немецких корреспондентов. У меня почти не было дел с его преемником Акиямой, но я встречался несколько раз с полковником Уцуномия и даже посещал его раз или два в Шанхае. В последний раз мы встречались с ним весной 1941 года.

Помимо перечисленных людей, я один раз брал интервью у посла Сиратори (до того как он заболел) и беседовал с ним так долго, как это было только возможно. Я также часто встречался с

⁶¹ Накано Сэйго (1886–1943) — японский журналист, государственный и партийный деятель, в 1933 г. основал фашистскую организацию «Тохокай», с 1940 г. генеральный секретарь «Движения единства за укрепление трона».

Накано — политиком и партийным лидером. Кроме того, мне несколько раз довелось встречаться на приемах с адмиралом Кобаяси. Нынешний министр иностранных дел Того очень давно однажды согласился на мою просьбу дать интервью, а затем мы раз или два виделись на приемах в посольстве.

По обыкновению министры иностранных дел при назначении на должность проводят пресс-конференции для иностранных корреспондентов, где и я присутствовал несколько раз. Но это не выходило за рамки обычных формальных пресс-конференций. Последняя, на которой я был, проводилась по возвращении министра иностранных дел Мацуоки из поездки в Германию и СССР.

МОИ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЯПОНИИ

Предисловие

Я был убежден, что для успешного достижения наших разведывательных целей необходимо глубокое понимание всех вопросов, хотя бы в малой степени связанных с нашей миссией. Другими словами, я полагал, что не следует уходить с головой только в техническую и организационную работу: получить указания, передать их членам группы, а затем отправить сообщения в московский центр. Как руководитель разведывательной группы, работающей за границей, я не мог придерживаться такой поверхностной точки зрения о своей личной ответственности. Я всегда полагал, что человек в моем положении не должен удовлетворяться только сбором информации, а стремиться к исчерпывающему пониманию всех проблем, связанных с такой работой. Я был уверен, что сбор информации сам по себе, несомненно, важное дело, но более важной является именно способность тщательно проанализировать информацию, ухватить суть политики в целом и дать ей оценку.

Хотя задания, которые мы получали из Москвы, не допускали произвольного толкования, думаю, не менее важным было то, что мы находили и информировали о новых направлениях работы, новых проблемах и ситуациях, возникавших в ходе нашей деятельности еще до того, как их замечала Москва. Такая работа, разумеется, требовала непрерывного и исчерпывающего анализа и изучения японских проблем. Если бы я проявил неспособность оценивать возникавшие проблемы и принимал ошибочные решения, я, вероятно, стал бы посмешищем в глазах моих японских сотрудников. Если бы считалось, что я не обладаю аналитическими способностями и обширными знаниями, то я,

пожалуй, никогда не смог бы занять столь прочное положение, какое было у меня в германском посольстве.

Вот почему я с первого же шага по прибытии в Японию стал энергично развивать последовательное изучение ее проблем. Однако, рассматривая через несколько лет результаты моих исследований, можно говорить о потрясающем изъёме. В конце концов, именно недостаточное владение японским языком привело к моему провалу. Оправдывая этот пробел, нужно отметить, что я страдал от недостатка времени, так как был по горло занят работой в газете, в германском посольстве, своими исследованиями, а также тайной деятельностью.

Основа моих исследований

Знания дел работы в Японии, которые я получил в результате самообразования, ничуть не уступали тому, что мог дать немецкий университет. Мне были хорошо знакомы европейская экономика, история, политика; я провел три полных года в Китае, изучал его древнюю и современную историю, его экономику и культуру и занимался обширными исследованиями в области его политики. Кроме того, еще будучи в Китае, я написал несколько работ о Японии, стараясь получить общие представления об этой стране. Я хочу еще добавить, что, нагрузив себя этими предварительными исследованиями и практическими упражнениями, все разнообразные проблемы я рассматривал полностью с марксистской точки зрения. Можно со мной не согласиться, но я убежден, что исследования, основанные на марксистской теории, требуют анализа коренных, базовых проблем — экономических, исторических, социальных, политических, идеологических и культурных. Поэтому, если мы стремимся к пониманию основных проблем той или иной страны, этот метод, естественно, в значительной степени облегчает нашу работу и содействует ей. Используя именно этот метод, я осенью 1933 года приступил к глубокому изучению проблем Японии.

Мое изучение Японии

Во время моего ареста у меня дома было от 800 до 1000 книг, что, похоже, явилось источником значительного раздражения для полиции. Большая часть этих книг была посвящена Японии. Создавая свою библиотеку, я собирал все издания японских книг на иностранных языках, которые мог достать; лучшие книги, написанные иностранцами о Японии, и лучшие переводы основных японских художественных произведений. Например, у меня

были английский перевод «Ниппон сёки» (книга, высоко ценимая коллекционерами), английский перевод «Кодзики», немецкий — «Манъёсю», английский — «Хэйки моногатари», перевод выдающегося, с мировой славой произведения «Минамото-си-моногатари» и др. Я с большим усердием занимался японской древней историей (к которой даже сейчас я испытываю интерес), древней политической историей, а также древней социальной и экономической историей. Я скрупулезно изучал эпохи императрицы Дзингу, Вако и Хидэёси, довольно многое написанное мной основано на материалах истории экспансии Японии с древних времен. В моих исследованиях очень пригодились многочисленные прекрасные переводы по древней японской экономике и политике.

Древнюю Японию изучали многие иностранцы, поэтому не приходилось особо усердствовать при поиске необходимых материалов. Думаю, что я смог собрать гораздо больше материалов, чем обычный иностранец.

Используя все это как отправную точку для исследований, мне было легче взяться за проблемы современной японской экономики и политики. Я тщательно изучил аграрный вопрос, затем мелкое и крупное производство и, наконец, перешел к тяжелой промышленности, хотя плотное покрывало секретности, обусловленной принятыми в последние годы законами, сделало мои исследования недостаточно результативными и даже опасными. Конечно, я также изучал социальное положение японских крестьян, рабочих и мелкой буржуазии, в начальный период у меня была возможность заниматься и этим. Я максимально, насколько мог, использовал оригинальные японские материалы, такие, как экономические журналы и публикации правительственных учреждений.

Прекрасные материалы для исследований предоставили бесчисленные внутриполитические конфликты между парламентской группировкой и правыми экстремистами по поводу недостатка зерна и инцидента 26 февраля 1936 года. Происходившее время от времени политические инциденты были так хорошо ясны человеку, прекрасно знающему старую японскую историю, как не могли и представить в Тайной политической полиции. Можно было легко понять внешнюю политику современной Японии, если рассмотреть ее в свете старой японской истории. Поэтому, зная древнюю историю, можно было сразу дать оценку проблемам японской внешней политики.

Меня интересовало также и развитие японской культуры и искусства, я изучал эры Нара, Киото, Токугава, влияние различных китайских школ, а также современный период с эры Мэйдзи.

Кроме моей домашней библиотеки, я пользовался библиотекой германского посольства в Токио, личной библиотекой посла и библиотекой Восточно-азиатского общества в Токио, располагавшего обширной научной литературой. Общество часто проводило научные собрания и лекции, где большей частью темой обсуждения была японская история. И я в той или иной степени поддерживал контакты и обменивался мнениями с немцами, проявлявшими интерес к этим проблемам.

Вскоре после моего прибытия в Японию для меня были сделаны переводы различных работ по истории Японии. У меня дома было очень много таких рукописей. Кроме того, для меня регулярно готовились выдержки из ряда японских журналов. Благодаря такому способу я мог детально изучать материалы по аграрному вопросу, появляющиеся в японских книгах и журналах.

Другие методы исследований

Мое изучение Японии основывалось не только на материалах, появлявшихся в книгах и журналах. Прежде всего я должен упомянуть мои встречи с Одзаки и Мияги. Эти встречи были не только обменом сведениями или простым обсуждением информации. Когда разговор касался каких-либо конкретных проблем в других странах, например в Китае, я менял тему разговора, распространял его и на историю и общественно-политическую ситуацию в Японии. Познания, которыми обладал Одзаки в области японской и иностранной политики, были чрезвычайно широки, и мои встречи с ним в этом смысле были очень ценными. Благодаря этим двум моим друзьям и сотрудникам я смог ясно понять специфическую роль японской армии в управлении государством, а также статус Совета старейшин «Гэнро» как советников императора, трудно объяснимый с юридической точки зрения. От них я узнал о доминирующей роли в средние века Вако и их влияния в периоды Хидзёси и Токугава. Однако благодаря им я не столько узнавал те или иные факты и исторические аналогии, сколько получал возможность достичь полного представления о предмете исследования и всестороннего его понимания. Так было в случае, когда я особо глубоко изучал инцидент 26 февраля и аграрный вопрос. По этим двум проблемам их частые советы и оценки были очень содержательны. Более того, думаю, что без Мияги я никогда не смог бы настолько, как сейчас, понять японское искусство. Мы часто встречались на выставках и в музеях, и не было ничего необычного, когда наши дискуссии по разведывательной или политической тематике отодвигались в сторону беседами о японском и китайском искусстве. Я делал все возможное, стараясь глубоко разобраться

в важных проблемах, с которыми сталкивается Япония. Поэтому встречи с Одзаки и Мияги составляли важную часть моих исследований.

Частые встречи с послом Оттом и двумя-тремя сотрудниками посольства я также использовал для своего образования в области политики. Мы обсуждали текущую ситуацию, и это было очень важным при рассмотрении общей политической обстановки и выработке соответствующих выводов и при сравнении с предыдущими событиями. Посол Отт был проницательным, способным дипломатом, а его помощник Мархталер истолковывал текущие события, опираясь на историю и литературу. Из бесед с ними я нередко получал полезные идеи для своих исследований. В последнее время я часто встречался с посланником Кортон, который хорошо знал обстановку в Европе и вообще имел прекрасное образование, что и порождало мой живой интерес к разговорам и спорам с ним. В результате мне вздумалось еще раз изучить историю Европы, Америки и Азии.

В заключение я должен сказать, что и мои собственные многочисленные поездки, возможно, в какой-то мере также пригодились для исследования Восточной Азии. В последнее время из-за полицейских ограничений поездки стали совершенно невозможными, но ранее, примерно в 1938–1939 годах, путешествовать по Японии можно было сравнительно просто, поэтому я часто выезжал, но не для обычного осмотра мест, а для обследования важных городов и районов. Однако целью моих поездок была не разведывательная деятельность, а стремление узнать землю и ее народ. Я хотел к тому же сильнее развить в себе способность непосредственного восприятия как базу для изучения истории и экономики. Таким образом, я спланировал поездку на побережье Японского моря и объездил районы от Ниигата на запад. Кроме того, я часто посещал Нара и Киото, подробно осмотрел полуостров Кии. Через Кобе, Осаку, побережье внутреннего Японского моря, Сикоку я совершил турне по побережью острова Кюсю вплоть до Кагосимы. По воскресеньям я часто путешествовал пешком и попутным транспортом из Токио до Атами и западнее. Целью таких пеших походов было выяснение положения с урожаем риса в разных местах в различное время года. Результаты обследования были важны для моей работы в газете «Франкфуртер цайтунг» и журнале «Геополитик».

Я никогда не ездил вместе с кем-либо из членов моей разведывательной группы, так как считал, что это сопряжено с большим риском. Единственным исключением была встреча с Одзаки в Нара с определенной целью, но она была очень кратковременной.

Практическая ценность моих исследований

Получение новых знаний о местах, в которых я бывал, всегда было моей потребностью и доставляло мне удовольствие. Это особенно касалось Японии и Китая. Но я никогда не рассматривал эти исследования как средство для достижения других целей. Если бы я жил в мирных общественных и политических условиях, я, вероятно, стал бы ученым, но, несомненно, не стал бы разведчиком. Но тем не менее мои исследования были очень важны для основной моей работы в Китае и Японии. Как уже отмечалось в начале этого раздела, я вовсе не собирался выполнять роль простого почтового ящика для передачи информации, собранной другими. Напротив, я считал абсолютно необходимым, насколько возможно, полнее разбираться в проблемах страны моего пребывания, а именно Японии. Проведение этих исследований дало мне возможность оценивать важность тех или иных проблем и событий как с позиции советской дипломатии, так и с более широкой политической и исторической точки зрения. Например, между Японией и СССР неоднократно возникали конфликты, связанные с пограничными спорами, но это не беспокоило меня, так как я видел, что они не причинят большого вреда. Однако происшедшие затем японо-китайские инциденты, особенно события лета 1937 года, я расценил как прелюдию большой войны, которая охватит весь Китай. Благодаря изучению японской истории с особенным акцентом на эру Мэйдзи и последующие периоды, мне удавалось избежать сомнений и заблуждений.

В результате этих исследований я мог оценивать достоверность информации и слухов. Обладание такой способностью было исключительно важным в моей секретной деятельности потому, что на Дальнем Востоке к тайной информации примешивалось гораздо больше слухов и предположений, чем в Европе. Если бы я не смог отделять достоверную информацию от ошибочной, я, несомненно, получил бы крупный выговор.

Кроме того, когда возникала та или иная новая проблема, я мог сам принимать общее решение, важна она или нет для Советского Союза. По этому вопросу я получил из московского центра полную свободу действий. Более того, меня ни разу не критиковали за то, что я не разобрался или не изучил какую-нибудь вновь возникшую важную проблему или ситуацию. С момента пребывания в Китае я всегда получал хорошие отзывы Москвы.

Наконец, благодаря исследованиям я мог вырабатывать собственные суждения о положении в экономике, политике и военной сфере, а не только просто получать необходимую информацию, аккуратно ее передавать. Многие мои радиogramмы и пись-

менные донесения содержали не только подлинную информацию, но и результаты анализа, проведенного на основе отрывочных сведений. Я всегда был предельно откровенен. Когда я считал, что моя точка зрения или политический анализ были правильны и необходимы, я без каких-либо колебаний передавал их в Москву. Москва также поощряла подобную практику. Мне даже неоднократно давали понять, что высоко оценивают мои аналитические способности.

Было бы неверно думать, что я без разбору посылал в Москву все собранные материалы. Я лично тщательно просеивал их и отправлял только те, которые не давали повода для критики. Это требовало больших затрат дополнительного труда. То же самое относилось и к анализу политической и военной обстановки. Способность отобрать таким образом материал, дать полную оценку той или иной проблеме, выработать обобщенную картину событий являлoсь необходимой предпосылкой для того, чтобы разведывательная деятельность стала по-настоящему полезной. Только занимаясь серьезными и тщательными исследованиями, можно добиться, чтобы она с самого начала стала такой.

Не нужно думать, что наша работа заканчивалась, как только мы отправляли по радио наши донесения. Это было только одной из сторон нашей разведывательной деятельности, причем определенно не самой главной. Через неравные промежутки времени я направлял в Москву крупные посылки, в которых были не только документы и другие материалы, но и отчеты, написанные мной лично. Я большей частью без каких-либо пропусков докладывал о состоянии за отчетный период внутренней и международной политики, а также о военных проблемах. Эти отчеты представляли из себя обзор и анализ важнейших событий, произошедших со времени последнего сообщения, и в них я старался на основе разнообразной информации и результатов исследований представить точную и объективную картину новых событий и изменений в общей обстановке за последние несколько месяцев. Подобного рода трудоемкие отчеты даже замышлять нельзя без всестороннего изучения и обширных знаний. В отличие от Берлина и Вашингтона, Москва слишком хорошо знала Китай и Японию, чтобы ее можно было легко провести. В СССР уровень знаний о Дальнем Востоке был гораздо выше, чем у правительств США и Германии, и Москва требовала от меня хорошо обоснованных, тщательно спланированных и систематизированных докладов с интервалом в несколько месяцев. Думаю, можно сказать, что с самого начала я хорошо удовлетворял сравнительно высоким требованиям московского центра, и это стало возможным именно благодаря моим исследованиям.

Исследования, как научная работа, не являлись помехой для моего совершенствования в качестве специалиста-разведчика. При необходимости я всегда оперативно, решительно, мужественно и изобретательно выполнял свои задачи.

Но я никогда не был настолько самоуверен, чтобы считать, что смогу ответить на любые вопросы, касающиеся Японии. Я часто полагался на мнение Мияги и особенно Одзаки. Это же относится даже к окончательным формулировкам с точки зрения терминологии результатов анализа важных проблем. Для выработки оценки и описания тех или иных явлений, происходивших в Японии, я часто беседовал с Одзаки или Мияги. Я просил Одзаки без стеснения поправлять меня, когда мои суждения были неверны и особенно когда это тесно касалось политики СССР. Например, я сначала предсказывал, что японо-китайский конфликт страшно затянется и ослабит Японию до такой степени, что ей уже не удастся восстановиться, во время событий на Халхин-Голе я твердо был убежден в том, что Япония не имеет намерений развязывать войну с СССР, а летом 1941 года выдвинул версию о том, что общая мобилизация в Японии не направлена в первую очередь против СССР. Во всех этих случаях хорошо проверил свои мысли и в качестве ответственных выводов сообщил их в Москву. При этом я в определенной степени полагался и на мнение Мияги, но мнение Одзаки было для меня наиболее ценным.

Изучение Японии и мое легальное положение

Изучение Японии имело большое практическое значение для моей разведывательной деятельности, но одновременно оно было абсолютно необходимо и как маскировка для нелегальной работы. Если бы я не занимался изучением Японии, то, вероятно, никогда не смог бы занять то прочное положение, которое было у меня в германском посольстве и среди немецких журналистов. Мое положение в посольстве определялось не только дружескими связями с его сотрудниками. Напротив, некоторые сотрудники возражали против моего влияния в посольстве и даже открыто возмущались по этому поводу. Я занял такое положение в посольстве, главным образом, благодаря большой общей эрудиции, исчерпывающим знаниям о Китае и детальному изучению Японии. Без этих знаний, т. е. без моих детальных исследований, никто из сотрудников посольства не стал бы обсуждать со мной своих проблем или спрашивать моего мнения по конфиденциальным вопросам. Многие из них обращались ко мне именно потому, что знали: эта беседа даст им что-либо пригодное для ре-

шения проблемы. Никто из них не обладал такими знаниями о Китае и Японии, какие я приобрел в результате многочисленных путешествий и многолетних исследований. Многие из них не имели также той общей политической подготовки, которую я получил благодаря своим связям с коммунистическим движением, начиная с 1924 года.

Мои исследования были очень важны и для того, чтобы утвердиться в положении журналиста. Без такого фона мне было бы очень трудно превзойти даже не слишком высокий уровень начинающего немецкого репортера. Благодаря же такому фону я был признан в Германии лучшим немецким корреспондентом, аккредитованным в Японии. Газета «Франкфуртер цайтунг», на которую я работал, часто хвалила меня и заявляла, что мои статьи повысили ее международный престиж. Газета «Франкфуртер цайтунг» в германском журналистском мире отличалась самым высоким уровнем и с точки зрения содержания статей превосходила прочие газеты. Это не только мое мнение. Так же считали и в германском посольстве, и в министерстве иностранных дел Германии, да и все образованные немцы.

Репутация самого видного журналиста влиятельной немецкой газеты, естественно, была исключительно важна для моей разведывательной деятельности. Общее признание моих способностей оказывало благоприятное влияние также и на мое положение в посольстве. Германское министерство иностранных дел, оценив мои возможности как журналиста, предложило мне высокую официальную должность в посольстве. Я отказался, но мой престиж в посольстве постоянно возрастал.

Благодаря такой журналистской репутации я получал бесчисленные заказы на статьи от немецких газет и журналов. Кроме того, газета «Франкфуртер цайтунг» и журнал «Геополитик» заседали на меня с предложением как можно быстрее написать книгу о Японии. Я закончил уже триста страниц рукописи, но мои литературные планы с арестом потерпели крах. Мои очерки, публиковавшиеся в журнале «Геополитик», были довольно объемными и охватывали различные темы, благодаря чему среди немецких читателей утвердилась моя репутация как журналиста и писателя.

Я не стремлюсь хвалить самого себя. Я просто стараюсь показать, что моя исследовательская работа в Японии была абсолютно необходима для разведывательной деятельности в интересах Москвы. Думаю, что, если бы я не занимался этими исследованиями и не имел такого образовательного потенциала, мне не удалось бы выполнить свою секретную миссию и я не смог бы так глубоко укорениться в германском посольстве и в журналистских кругах. Более того, я наверняка не смог бы в течение семи

лет успешно выполнять свою работу в Японии. Наиболее важную роль в этом сыграли даже не способности и не то, что я успешно выдержал экзамены в московской разведшколе, а мои основательные исследования и полученные знания о Японии.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЕЙ ГРУППЫ В ЯПОНИИ

Общие замечания

Мне было строго запрещено Москвой заниматься другой деятельностью, кроме разведки, а именно — пропагандистской и организационной работой, имевшей политический характер.

Поэтому моей группе и мне совершенно не разрешалось предпринимать какого-либо политического воздействия на любых отдельных лиц или на организации. Мы беспрекословно выполняли этот запрет, но допускали одно исключение: мы активно воздействовали на мнение людей в отношении мощи СССР. Пусть даже это нарушение, но совершенно неразумно соблюдать общие ограничения, ничего не предусматривающие в отношении подобных экстраординарных случаев. Если бы Одзаки и я в качестве советников, опытных советников-специалистов по политическим проблемам, приняв мощь СССР, подтвердили общее мнение, тогда низко ее оценивавшее, наша позиция сразу стала бы опасной. Именно поэтому наша группа заняла особую позицию по вопросу оценки мощи Советского Союза. Однако, поступая таким образом, мы не вели пропаганды в пользу Советского Союза. Обращаясь к отдельным людям и к целым слоям общества, мы рекомендовали осмотрительнее оценивать мощь СССР. Мы убеждали их, не умаляя мощи Советского Союза, стараться решать японо-советские проблемы мирным путем.

Одзаки, Вукелич и я на протяжении нескольких лет стояли на этих позициях. Однако с 1941 года стали усиливаться голоса в пользу войны с СССР. Я направил в Москву единственный запрос, поскольку Одзаки выразил уверенность, что сможет, умело обойдя указанные выше ограничения, повлиять на близких ему людей и активно содействовать становлению мирного курса Японии по отношению к СССР. Он был убежден, что, настойчиво пропагандируя теорию против войны с СССР в группе Коноэ, можно добиться поворота японской экспансионистской политики в южном направлении.

Мой запрос был сделан в самой общей форме, чтобы сохранить возможности для активных действий Одзаки и других членов группы, но ответ Москвы был отрицательным. Правда, в нем прямо не запрещались подобные действия, но указывалось,

что в них просто нет необходимости. После начала войны Германии с СССР в 1941 году обстановка стала становиться все более напряженной. В этой ситуации я подумал, что, даже не истолковывая ответ Москвы как необязательно категорический, ничто не мешает действовать в рамках моей компетенции. А рассматривая формулировку «нет необходимости» в более широком смысле, я посчитал, что нам определено не запрещено заниматься вышеуказанной деятельностью.

Поэтому я не препятствовал активным действиям Одзаки в группе Коноэ. Более того, я сам решительно взялся за работу среди немцев, учитывая, что моя позиция по этим вопросам оставалась неизменной в течение нескольких последних лет. Действия, которые намечались моей группой и мной лично, укладывались в рамки ранее указанных ограничений, установленных Москвой в отношении политической деятельности. Никто из нас не предпринимал ничего, что нарушало бы эти ограничения, так как в противном случае подверглась бы опасности наша главная миссия. Я хочу это особо отметить. То, что мы делали, совершенно не относилось к пропагандистской работе.

Деятельность Одзаки

Выше подробно описано, как мы направили в Москву запрос и получили отрицательный ответ, и только при этом я впервые узнал о намерениях Одзаки. Насколько я знаю, он только после обсуждения этого вопроса со мной начал активно работать со своими знакомыми. Аргументы, которые он использовал, в основном сводились к следующему.

СССР не имеет намерений воевать с Японией. Даже если Япония вторгнется в Сибирь, СССР будет только защищаться. Если Япония нападет на Советский Союз, это будет близорукый и ошибочный поступок. Даже если в ходе такой войны Япония захватит Восточную Сибирь или ее западную часть, она не будет иметь никаких политических и экономических выгод. Вероятно, США и Великобритания будут приветствовать то, что Япония втянется в водоворот этой войны, и, после того как она исчерпает свои резервы нефти и железа, нападут на нее, выбрав благоприятный момент. Между тем, если Германия победит СССР, Сибирь, пожалуй, «упадет в карман» Японии, даже если она и пальцем не пошевелит. Если же Япония намерена продолжать экспансию куда-либо еще кроме Китая, то южное направление является выгодным для этого. На юге есть стратегические ресурсы, крайне необходимые для японской военной экономики. Поэтому именно на юге находится действительный противник, стремящийся препятствовать развитию Японии.

Одзакі такими аргументамі стараўся смягчыць напружаную абстаноўку 1941 года. Я не ведаю, выкарыстоўваў ён якія-ліб іншыя спосабы, акрамя гэтых. Думаю, што ён, як і я, пры любым зручным выпадку процістаяў агульнай тэндэнцыі, заклячываўся ў паверхнёваму ацэнцы моцы СССР і пренебрежительному адносіны да яго як да супрацьніка. Несумняйна, ў сваіх беседы з людзьмі ён паказваў на ўрокі Халхін-Гола і прорахуны Гітлера ў вайне з СССР.

Дзейнасць Вукеліча

Вукеліч як прадстаўнік агенства «ГАВАС» наведаў устарапляемыя для замежных карэспандэнтаў прэс-канферэнцыі і падтрымліваў кантакты з агенствам «Домэй» і газетой «Майніты сімбун». Ён таксама ў нейкай-то ступені мог займацца паказанай вышэй дзейнасцю. Думаю, што ён дыскусіраваў з тымі, хто неацэньваў моць СССР, і спрабаваў уцвердзіць курс на мірныя дагавореннасці з Савецкім Саюзам. Ён часта спрашываў мяне, як выкарыстоўваць інфармацыю, адпраўляемую ім па радыё ў Францыю і атрыманую ў ходзе сваіх бесед з супрацоўнікамі агенства «Домэй». У такіх выпадках я большай часткай саветоваў яму быць поасматральней, мы не ссоріліся, нават калі гэта ўспрымалася ім з намахам. Кажэцца, ён умела воспользавался інцыдэнтам на Халхін-Голе. Ён гаварыў таксама аб неабходнасці сбліжэння паміж Японіяй і Савецкім Саюзам, паколькі палітыка ЗША ў адносіны да Японіі паступова становілася ўсё больш жорсткай. Думаецца таксама, што ён, обыгрываў вероломнае парушэнне Германіяй пакта з СССР і жаданне хутка яго праглытці, спрабаваў паказаць, насколькі эгоістычным і неабавязальным было адносіны нацыстаў да абавязнасцяў, прадуманым дагаворам. І, нарэшце, ён пастаянна паказваў на існаванне японо-савецкага пакта аб нейтралітэце і па меншай меры ствараў атмасферу апазіцыі да яго адмены.

Такая лінія паводзінаў Вукеліча неадчаканна поўнасцю супала з пазіцыяй, якой ён павінен быў прытрымлівацца як супрацоўнік агенства «ГАВАС». Адночасна ў гэтым заключалася і замысел супрацьстаяння настойлівай нямецкай прапагандзе, стараўся вцягнуць Японію ў вайну з СССР. Я добра ведаў, што і ў Берліне, і ў пасольстве ў Токіо такая прапагандысцкая дзейнасць вядзецца, так як пасля пачатку Другой сусветнай вайны я абавязаны быў кожны дзень у нямецкім пасольстве займацца работай, звязанай з прапагандысцкімі матэрыяламі і з прысвечанымі гэтаму адчытамі.

Насколько мне известно, именно такова и была деятельность Вукелича. Он не занимался пропагандистской работой в пользу Советского Союза, не говоря уже о пропаганде коммунизма.

Моя собственная деятельность

Свою работу среди сотрудников германского посольства я опишу позднее. Кроме них, я обсуждал советские проблемы с проживающими в Японии немцами, членами нацистской партии и со своими японскими друзьями, придерживаясь ограничений, о которых писал выше.

Взгляды, излагаемые мною своим немецким приятелям, в основном сводились к следующему: Бисмарк говорил, что для реализации фундаментальной немецкой политики противостояния британско-французскому блоку необходимо проводить политику мира по отношению к России, и решительно выступал против действий, хоть в малейшей степени таящих в себе опасность войны с Россией. Справедливость этой мысли Бисмарка наиболее красноречиво подтверждена Первой мировой войной (Бисмарк действительно несравненный дипломат, до сих пор почитается всеми немцами). Советский Союз, в отличие от царской России, ни по своему государственному устройству, ни в силу исторического развития не является агрессивным государством. И даже если бы в ближайшем будущем у СССР возникла такая идея, у него нет для этого возможностей. СССР заинтересован только в собственной обороне. Однако было бы величайшей глупостью считать, что Советский Союз сразу же распадется и в политическом и в военном отношении, если он подвергнется нападению со стороны Германии или Японии. Доказательством тому, что СССР не намерен вступать в войну против Германии, является выполнение им договоренности о поставках в Германию материалов, крайне необходимых для его собственной военной экономики, включая материалы, доставляемые с Дальнего Востока по Транссибирской железной дороге.

Я, ничуть не беспокоясь, выражал свою точку зрения знакомым нацистам. Мои смелые выражения были общеизвестны, но не было ни одного человека, который опроверг бы это мое мнение.

Перед своими японскими знакомыми я высказывался в следующем духе. Для Японии совершенно нет причин опасаться нападения со стороны Советского Союза. Советские военные приготовления, даже в Сибири, носят чисто оборонный характер. Утверждение, что СССР является первым противником Японии,

представляет собой иностранный пропагандистский вымысел, лишенный исторической основы. Великие державы получают выгоду от многолетней враждебности между Японией и СССР. Японская армия, ухватившись за высказывания иностранных пропагандистов, требует все возрастающих с каждым годом бюджетных ассигнований для противодействия этому ужасному монстру — СССР. Однако действительные цели Японии находятся не на севере, а в Китае и на юге. И хотя советские военные приготовления носят чисто оборонительный характер, их ни в коем случае нельзя недооценивать, как показал Халхингольский инцидент.

Я иногда указывал на провал сибирской экспедиции 1918–1921 годов, которая не только не подняла авторитета Японии, а, наоборот, только принесла ей ущерб. Эта точка зрения находила отражение в моих корреспонденциях во «Франкфуртер цайтунг» и статьях в других немецких газетах и журналах в виде мнения вдумчивых, осведомленных японцев. Такая моя позиция отличалась от взглядов других немецких журналистов, поскольку для меня было ясно, что возможность возникновения войны между Японией и СССР просматривается слабо. Я уже писал, что у немцев подобный «оптимизм» не поощрялся. Конечно, нечего и говорить, что, помня о своих читателях — нацистах на родине, я пользовался более осмотрительными выражениями, чем употребляю сейчас.

Время подтвердило справедливость моих мыслей. Говоря так, я не стараюсь утверждать, что дальнейшее развитие обстановки явилось результатом нашей деятельности. То, что Япония взяла курс продвижения на юг, это не наша работа. Это объективный процесс.

В заключение я хочу подчеркнуть, что политическая деятельность нашей группы и моя лично в целом ограничивалась теми рамками, о которых я писал ранее. Вдобавок к этому мы кое-что делали под мою личную ответственность, но Москва не требовала от нас выполнения такой работы. И насколько мне известно, Мияги и Клаузен подобными делами не занимались вообще.

Непосредственные контакты в Центре во время моего пребывания в Москве

Я уже описывал способы связи с Москвой, которые применялись нами в Японии. У меня была курьерская и радиосвязь с четвертым управлением Красной армии, и, как в Китае, так и в Японии, мы не использовали других видов связи, кроме двух указанных, и не поддерживали отношений ни с какой организацией в Москве, кроме четвертого управления.

До зимы 1929 года я находился в Москве и в это время по служебным делам был связан только с органами Коминтерна. Как член партии я имел отношения только с ячейкой этой организации.

Непосредственные контакты зимой 1929 года

Зимой 1929 года я расстался с Коминтерном, доложив, что прекращаю свои отношения с ним в связи с новой работой. Одновременно с этим прекратились мои связи и с партийной организацией Коминтерна. После этого всю служебную деятельность я вел только в четвертом управлении Красной армии. Я стал членом Информационного отдела Центрального комитета Советской коммунистической партии, и мое членство в партии и связи с ней стали компетенцией этого отдела. Даже сейчас как член партии я несу ответственность перед Информационным отделом, и я каждый раз должен был являться туда, когда возвращался в Москву. Любой человек, поддерживающий связь с партией через этот отдел, всегда должен отчитываться перед ним о своих заграничных поездках. Все мои последующие служебные связи ограничивались только четвертым управлением. Я довольно часто встречался с начальником управления генералом Берзиным и его заместителем генерал-майором Давыдовым. Это была основная форма связи между мной и четвертым управлением. Берзин давно слышал от Пятницкого о моих идеях о широкомасштабной политической информационной деятельности, выражал одобрение по этому поводу, и поэтому наши с ним беседы шли успешно. Кроме того, он горел желанием получать с моей помощью военную информацию, крайне необходимую четвертому управлению. Мы договорились, что я буду сопровождать в Китай группу военных специалистов и что мы будем надеяться на точность моих сообщений. В 1929 году в фокусе интересов оказался Китай. Да и мне больше хотелось поехать в Азию, чем в Европу. Таким образом я был командирован в Китай.

От сотрудников восточного отдела четвертого управления я получил конкретные указания о военной стороне моей поездки в Китай. Относительно деталей моего политического и экономического задания генерал Берзин провел со мной консультации иного рода. По его словам, он встречался с руководством Центрального комитета партии и его военного отдела⁶². Берзин по партийной работе долгие годы был хорошо знаком с этими руководителями и поддерживал с ними дружеские отношения. Я сам знаю, что он

⁶² Военный отдел Коминтерна. — *Прим. ред.*

связывался по телефону с крупными фигурами и ЦК и военными руководителями. Нет нужды говорить, что все руководители четвертого управления были членами партии, а он был в личных дружеских отношениях с многими партийными лидерами. Более того, пожалуй, если бы не было этих личных дружеских связей, четвертое управление вряд ли смогло бы так выполнять свои функции. Именно благодаря таким отношениям четвертое управление смогло полностью решить свои задачи, используя и меня как связующее звено с партийным руководством. Такое впечатление особенно усилилось после того, как я начал посылать информацию и донесения из-за границы. Благодаря качествам сотрудников четвертого управления и тесным связям его начальника с важнейшими официальными лицами мои важнейшие сообщения быстро и в полном объеме направлялись советскому руководству.

Непосредственно перед отъездом в Китай я посетил восточный, политический и шифровальный отделы и провел там последние согласования. Я знал, что в четвертом управлении была радиошкола, но я ее не посещал, потому что меня посылали в Китай в сопровождении радиста, с которым я должен был встретиться в Берлине. Этого радиста звали Вайнгартен. Ни во время пребывания в Москве, ни потом я не отчитывался перед четвертым управлением за то, чем занимался в свободное время. Я не был штатным сотрудником четвертого управления. Но мои служебные и партийные контакты ограничивались встречами со специальными лицами из управления и ЦК. По случаю отъезда я встретился с Пятницким, Мануильским и Куусиненом, но это были только личные встречи, встречи друзей.

Посещение Москвы в 1933 году

Вернувшись из Китая, я посетил начальника четвертого управления Берзина и его нового заместителя, которые радушно приняли меня. Они оба были удовлетворены работой, проделанной мной в Китае, и теперь хотели подробно обсудить мою будущую деятельность. У меня не было причин отпираться и, кроме того, не было никаких других занятий. Время от времени меня вызывали, чтобы обговорить некоторые вопросы, но чаще Берзин или его заместитель приезжали ко мне в гостиницу или же приглашали меня к себе домой. Как член партии я сразу сообщил в ЦК о своем возвращении. Я вторично встретился со Смолянским, который курировал мою работу с 1929 года. Я сделал доклад для узкого круга сотрудников Отдела и оформил все необходимые партийные процедуры. Там мою работу тоже похвалили. Смолянский говорил, что в партии сложилось очень хорошее

впечатление обо мне. Он два или три раза посещал меня, пока я был в Москве, и помогал мне в подготовке к новой миссии. Он с большим энтузиазмом занимался моей предстоящей поездкой в Японию и много говорил о ее важности. В его полномочия не входило давать мне указания, однако мы с ним совместно обсуждали проблемы, возникшие между Японией и СССР после инцидента в Маньчжурии. Он, как и большинство других членов партии, опасался нападения Японии на СССР. Ведя со Смолянским такие разговоры, я в то же время завершил отчет для Берзина о своей деятельности в Китае, но мое желание не задерживаться более в Москве не принималось во внимание. Пока же вновь и вновь велись разговоры о зарубежной работе. Даже когда я полущуля спросил, может, найдется для меня какая-нибудь работенка в Японии, Берзин ничего не ответил мне. Однако через несколько недель он сам с воодушевлением поднял эту тему. Он сказал, что руководители ЦК партии, так же как и он, проявили интерес к моей деятельности в Японии, и посоветовал мне немедленно приступить к подготовке. Видимо, после обсуждения военным руководством в Восточном отделе снова решили поручить мне задание в военной области. Берзин после беседы с партийными лидерами самого высокого уровня сообщил мне краткое содержание моих задач в политической сфере. Их план состоял в том, чтобы поручить мне детально разобраться с обстановкой в Японии, непосредственно на месте тщательно изучить возможности разведывательных операций, затем при необходимости кратковременно вернуться в Москву и после этого окончательно решить вопрос о моей будущей деятельности. В московском центре считали работу в Японии чрезвычайно сложной, но важной, и потому рассматривали такой подготовительный этап как абсолютно необходимый.

Радек из ЦК партии с согласия Берзина подключился к моей подготовке. При этом в ЦК я встретился с моим старым приятелем Алексом⁶³. Радек, Алекс и я в течение длительного времени обсуждали общие политические и экономические проблемы Японии и Восточной Азии. Радек проявлял глубокий интерес к моей поездке. Я только что вернулся из Китая, и он рассматривал меня как специалиста по вопросам китайской политики, поэтому наши встречи были полезными и интересными. Ни Радек, ни Алекс не

⁶³Борович Лев Александрович (1896–1938), кадровый сотрудник разведывательного управления Генштаба Красной армии (РУ ГШ РККА). В 1936 г. – заместитель начальника II отдела РУ ГШ ГРКА. Один из ведущих руководителей направления «Рамзай». В 1932–1935 гг. работал в ЦК ВКП(б) под руководством К.Б. Радека. Был ответственным секретарем Информбюро.

навязывали мне своих указаний, они только излагали свои соображения. Я смог встретиться с двумя сотрудниками Наркоминдела, которые бывали в Токио, и услышал от них много подробностей об этом городе. Однако я не знаю ни их фамилий, ни того, чем они занимаются. Наши разговоры ограничились обменом самой общей информацией. Кроме того, я с разрешения Берзина встречался со своими старыми друзьями – Пятницким, Мануильским и Куусиненом. Они узнали от Берзина об обстоятельствах моей работы в Китае и испытывали чувство большой гордости за своего «питомца». Наши с ними разговоры также касались только общей политической ситуации, и мы общались просто как частные лица, как друзья. Пятницкий, услышав от Берзина о моих планах в Японии, сильно беспокоился, что я, возможно, столкнусь с различными трудностями, но, увидев мой волевой настрой, был очень обрадован.

Моя поездка в Москву в 1935 году

Моя поездка была короткой, всего только 14 дней. Я встретился с новым начальником четвертого управления Урицким⁶⁴ и работавшим у него в подчинении Алексом. Я доложил о своем опыте работы в Японии и о перспективах будущей деятельности в этой стране. Я выразил пожелание направить со мной в качестве радиста по возможности кого-нибудь вроде Себера или Клаузена, кого я знал еще с китайского периода работы. Я попросил, чтобы мне была предоставлена полная свобода в установлении любых контактов с германским послом, если в этом будет необходимость. Я намеревался превратить германское посольство в центр моей деятельности. Кроме того, в беседе с Урицким я попросил, чтобы Центр признал Одзаки непосредственным членом моей группы. Урицкий одобрил эти мои требования и другие важные предложения, которые я выдвинул. Он предупредил меня быть всегда крайне осторожным и совершенно не торопиться в работе. По моему впечатлению, Урицкий, как и Берзин, похоже, советовались с руководством партии при утверждении плана моей работы по возвращении в Японию. По крайней мере, несомненно, что я сам и представленные мной материалы, и мои отчеты были тщательно изучены. Чувствуя мое трудное положение, он относился ко мне очень любезно. В четвертом управлении я встретился только с Джимом и Клаузеном из радиошколы, а также с представителями восточного и шифровального отделов. Именно в это время начался Международный конгресс Коминтерна, но

⁶⁴ Урицкий Семен Петрович возглавлял ГУ ГШ РККА с апреля 1935-го по июль 1937 г.

мне было строго запрещено присутствовать на нем, о чем Мануильский твердо сказал по телефону. Куусинен только один раз заходил ко мне. Пятницкий болел, и его не было в Москве. Мне самому очень хотелось присутствовать на конгрессе, но требования конспирации не позволяли делать этого.

Я посетил ЦК и сделал там доклад, и в итоге это оказался мой прощальный визит. Визит был коротким, во время его были решены мои партийные проблемы и одобрен мой доклад. Смоленский по-дружески заходил ко мне. Он уже ушел со своего прежнего поста в ЦК. Во время пребывания в Москве мои контакты были довольно ограниченными. Однако я часто встречался с Клаузеном, и мы обсуждали совместную работу в Японии. Из Москвы я улетел на самолете.

Вообще говоря, по работе я поддерживал связь только с четвертым управлением, а через него и с другими организациями. После 1929 года у меня не было никаких отношений с другими организациями. Конечно, нет сомнений в том, что четвертое управление обсуждало с высшим руководством Красной армии и членами политбюро ЦК все военные и общеполитические вопросы, связанные с моей работой за рубежом. (Не знаю, была ли какая-либо связь с Наркоминделом.) Думаю, что наверняка те доклады и материалы, которые я посылал начальнику управления из Японии, четвертое управление рассылало и другим адресатам. Новый начальник управления, как и его предшественник Берзин, был в тесных отношениях с руководителями партии. Будучи ветераном партии, он гордился, что Ленин, Сталин, Ворошилов были его старыми друзьями.

Почему я относился к четвертому управлению?

Такой вопрос, несомненно, возникнет, если прочитать начальную часть записок и то, о чем я рассказал только что. Кроме того, несомненно, одновременно возникнет вопрос, почему я не подчинялся напрямую ЦК Советской коммунистической партии.

Ответ на второй вопрос очень прост. В ЦК Советской коммунистической партии есть только органы информации по внутренним делам и нет органов международной информации. ЦК полностью опирается на информацию, собираемую другими ведомствами, подчиненными советскому правительству, стараясь таким образом избежать дублирования в работе. Действительно, в ЦК совершенно не думали создавать собственное подразделение международной информации. Информация, которую собирали все правительственные органы, была очень разнообразной, в связи с чем считалось, что этого вполне достаточно.

Внутри Советского Союза пять правительственных органов собирали информацию международного характера по политике, экономике, военным делам в довольно широком диапазоне. Это — ТАСС, Коминтерн, Наркоминдел, ГПУ, четвертое управление Красной армии. Разумеется, были и другие организации, занимавшиеся работой подобного рода, но это были специализированные органы, ориентированные на конкретные области. Следовательно, они не были комплексными или политическими органами, а кроме того, они не собирали секретные материалы и информацию, которой высшие советские руководители придавали первостепенное значение.

Но вышеуказанные пять правительственных информационных органов, что бы ни говорилось, были односторонними, в связи с чем они не могли удовлетворить потребности во всесторонней информации, которая все более становилась необходимой для высших руководителей.

ТАСС имел дело только с официальной информацией для прессы, имевшей поэтому большие ограничения со стороны цензуры других стран. Работники ТАСС, занимавшиеся официальной работой, обязаны были придерживаться этих цензурных правил.

Я уже подробно излагал информационную работу Коминтерна. Ее важнейшими объектами являются социальные проблемы, международное рабочее и коммунистическое движение. Коминтерн не занимается сбором общих сведений по внутренней и внешней политике и секретной информации. Трудно назвать полной также и информацию, получаемую НКВД от советских посольств за рубежом, поскольку она отражает только дипломатическую точку зрения. Не только проблемы, которыми они занимаются, но и сами источники их информации (информационные отделы посольств) — односторонние. В большинстве случаев изолированные советские посольства не могли удовлетворить растущую потребность в секретной информации в широком диапазоне.

Разведдеятельность ГПУ также была односторонней. Оно собирало секретную информацию, но она относилась главным образом к проблемам контрразведки, антисоветских организаций, зарубежных тенденций в идеологической сфере.

Четвертое управление не следует считать узкоспециализированным разведорганом, занимающимся только военной разведкой. Его также нельзя равнять с германскими органами безопасности. К примеру, оно не выполняет контрразведывательных задач, подобно германскому Управлению имперской безопасности. Это разведорган, действующий в достаточно широкой сфере,

постоянно привлекающий к работе прекрасных сотрудников и обладающий высоким техническим уровнем. Собственно военная разведка, будучи всего лишь одним из направлений многообразной деятельности управления, занимается сбором информации по общим военным проблемам, военной политике и военной экономике. В четвертом управлении накапливаются сведения, поступающие от военных атташе посольств за рубежом, военкоматов, экономических моборганов, секретных разведгрупп, агентурных организаций. В управлении ведутся также исследования в области военной политики, собственно военного дела, военной экономики в зарубежных странах, используя большое количество как официальных, так и полуофициальных материалов. Наконец, в управлении имеется политический отдел, который представляет высшему военному и партийному руководству поступающую информацию, переработав ее в прекрасные доклады или, по требованию, в оригинальном виде. Поэтому вполне естественно, что, когда высшему советскому военному руководству срочно требовалась секретная информация, оно обращалось к четвертому управлению. Поскольку потребности в информации все росли и росли, в соответствии с этим необходимо было обеспечить управление персоналом.

Пожалуй, по высокому техническому уровню работы и важности выполняемых задач этот орган не имеет себе равных.

Лидеры партии и Красная армия с самого образования Советского Союза тесно сотрудничали, и многие старые члены партии после революции были направлены в армию. В Красной армии, в отличие от советского правительства и партийных органов, не проводилось столь частых персональных перемещений. Кроме того, в отличие от других организаций так называемые чистки мало затронули костяк армии, состоящий из старых членов партии. Тесные личные связи армейского руководства с Лениным, Сталиным, Молотовым на протяжении долгого времени были неизменно прочными. Легко понять причину, по которой советские политические руководители возложили на четвертое управление задачи и по политической секретной информации, необходимость в которой непрерывно возрастала. Впрочем, нельзя отрицать, что и другие крупные разведорганы вовсю старались улучшить свою работу.

В заключение нужно осветить причины, частично объясняющие мой переход в четвертое управление. Генерал Берзин, который тогда был начальником четвертого управления и, кроме того, близким другом Пятницкого, знал меня еще со времен Коминтерна. По возвращении из Англии, обсуждая с Пятницким будущую работу в Коминтерне, я сказал ему, что имею желание рас-

ширить сферу моей деятельности, но реально вряд ли это возможно, пока я остаюсь в Коминтерне. Пятницкий рассказал об этом Берзину. По мнению Берзина, это могло бы быть прекрасно реализовано через четвертое управление. Через несколько дней после этого Берзин пригласил меня, и мы детально обсудили все проблемы разведывательной деятельности в Азии. К тому же я давно, еще в Германии, лично знал многих сотрудников четвертого управления. Они навещали меня в Рейнланде и Франкфурте. Обсуждая политические, экономические и военные проблемы, они стремились привлечь меня к работе на свое управление. Иными словами, Берзин знал обо мне не только через Пятницкого и мою деятельность в Коминтерне, но и по донесениям двух-трех своих сотрудников в период моей работы в Германии⁶⁵.

Итак, думается, что я достаточно объяснил причины моего перехода в четвертое управление в 1929 году.

Дополнительные пояснения о связи моей группы с четвертым управлением

Поскольку я уже подробно освещал эту проблему в других разделах, то здесь постараюсь рассказать только о разновидностях подписей на указаниях, поступавших ко мне из четвертого управления. В них обычно использовались подписи «Директор», «Дал» и «Организатор». Это имело следующий смысл. Указания, которые исходили лично от начальника управления, подписывались им и касались политических и организационных проблем, имевших важнейшее отношение к моей работе. Так же подписывались и поздравления с днем рождения, чтобы сильнее подчеркнуть личную близость и внимание. Телеграммы, исходившие от других лиц, и особенно сообщения, поступавшие по другим, косвенным каналам связи, подписывались псевдонимами. К тому же по направлявшимся в наш адрес радиogramмам с благодарностями можно было судить, от кого в высшем советском руководстве они исходили. Дело в том, что начальник четвертого управления мог выразить нам свое удовлетворение только тогда, когда получал от высшего руководства заключение, что те или иные донесения или материалы являются ценными или важными. После 1936 года мы получали много благодарностей и поздравлений, и нужно особо подчеркнуть, что все они были направлены от имени начальника управления. Подписи на радиотелеграммах и письмах, которые мы получали, ограничивались только тремя ука-

⁶⁵ К.Б. Радек и Л.А. Борович (Алекс) были в Германии в начале 20-х годов. — Прим. ред.

занными выше псевдонимами. Если это было не так, то мы испытывали беспокойство и разочарование. Но кроме поздравлений мы получали от начальника управления также много сообщений, которые основывались на указаниях руководителей Советского Союза. Приведу два-три примера. В ответ на мой подробный доклад о секретных переговорах об Антикоминтерновском пакте (я уже писал об этом в другом месте) мы получили телеграмму с указанием впредь приложить еще больше усилий в этом направлении. Это свидетельствовало, что высшие политические лидеры проявили глубокий интерес к этой проблеме и моему докладу. Было сказано также, что направлявшиеся мной доклады и обстоятельные письменные разъяснения о внешнеполитической ситуации (что не совсем соответствовало моей основной задаче) всегда с одобрением встречались в высших политических кругах. В результате я получил возможность свободно давать рекомендации и предложения также и по дипломатическим проблемам. Таким образом, у меня не стало препятствий заниматься вопросами, которые, строго говоря, были за рамками моей основной работы в Японии.

Во время событий на Халхин-Голе я высказал Москве мнение о неэффективности советской пропаганды. Согласно ответу из Центра, мое мнение было доложено руководящим органам, и были приняты соответствующие меры для улучшения положения. То же относится и к моим докладам по проблемам чисто Советского Союза. Мои доклады вызывали очень большой интерес среди военных и партийных руководителей, и они, выражая мне благодарность, одновременно просили и в дальнейшем направлять им подобную информацию.

В течение первых нескольких лет сравнительно незначимые сообщения подписывались «Дал». «Дал» по-русски означает Дальний Восток. Затем, точнее с начала 1940 года или немного позже, вместо этого начал использоваться псевдоним «Организатор». Несомненно, что и в тех случаях, когда указания подписывались словом «Организатор», о них знал и начальник управления, но это означало, что данные указания исходят не от него, а от Дальневосточного отдела управления. Доклады и телеграммы, которые я считал особо важными, я адресовал начальнику управления. Так было, когда доклады касались особо серьезных организационных вопросов нашей деятельности или важных политических и военных проблем. Время от времени к адресату я приписывал слова «совершенно секретно», подчеркивая этим важность донесения. Это означало особую важность содержания или что донесение направляется на усмотрение лично начальника управления.

МОЯ БИОГРАФИЯ, КАК ЧЛЕНА ГЕРМАНСКОЙ КОМПАТИИ

Почему я стал коммунистом?

Мировая война, длившаяся с 1914 по 1918 год, оказала глубочайшее влияние на всю мою жизнь. Думаю, что, какое бы влияние я ни испытывал со стороны других различных факторов, только из-за этой войны я стал коммунистом. Когда началась война, мне было всего 18 с половиной лет и я учился в средней школе района Рихтерфельдер в Берлине.

Мои детские и школьные годы

До войны я провел достаточно благополучное детство, присущее классу зажиточной буржуазии. Наша семья не испытывала никаких материальных затруднений. Однако кое в чем я отличался от обычных сверстников. Я остро переживал, что родился я на южном Кавказе и был привезен в Берлин в очень раннем возрасте. И наша семья во многом отличалась от обычных берлинских буржуазных семей. Поскольку наша семья была несколько чуждой для клана Зорге, у меня в детстве была одна странная особенность: я отличался от обычных детей, как и все мои братья и сестры. Я был плохим учеником, недисциплинированным в школе, упрямым, капризным, болтливым ребенком. По успехам в истории, литературе, философии, политологии, не говоря уже о физкультуре, я был в верхней половине класса, но по другим предметам ниже среднего уровня. В 15-летнем возрасте у меня очень развился интерес к Гёте, Шиллеру, Лессингу, Клопштоку, Данте и другим произведениям, а вдобавок пристрастился, даже не понимая ничего, к истории, философии и Канту. Из истории мне особенно понравились периоды Французской революции, Наполеоновских войн и эпоха Бисмарка. Текущие германские проблемы я знал даже лучше, чем обычные взрослые люди. В течение многих лет я детально изучал политическую ситуацию. В школе меня даже прозвали премьер-министром. Я знал, что мой дед участвовал в рабочем движении, но я знал также, что взгляды моего отца были диаметрально противоположны взглядам деда. Отец был ярким националистом и империалистом и всю жизнь не мог избавиться от впечатлений, полученных в молодости при создании германской империи во время войны 1870—1871 годов. Он всегда сохранял в памяти потерянные за рубежом капитал и социальное положение. Мой старший брат стал левым экстреми-

стом. Я помню, что у него были крайне анархистские наклонности, сформировавшиеся под влиянием трудов Ницше и Штейнера. Я долгое время был членом атлетической ассоциации рабочих и поэтому у меня были с рабочими постоянные связи. Но как у школьника, у меня не было никакой четкой политической позиции. Я был заинтересован только в приобретении политических знаний и совсем не думал этим определить как-то свою личную позицию, да и возможностей так поступать не было.

Первая мировая война

Были последние летние каникулы. Побывав в Швеции, последним пароходом я вернулся в Германию. Разразилась Первая мировая война. Не сообщив в школу и не сдавая выпускных экзаменов, я тут же подал заявление в армию и поступил на военную службу. Если говорить о причине, побудившей меня решиться на такое бегство, то это горячее стремление приобрести новый опыт и освободиться от школьных занятий, желание освободиться от бездумной и совершенно бессмысленной жизни 18-летнего юноши, а также всеобщий ажиотаж, порожденный войной. Я не советовался ни со старшими, ни с матерью, ни с другими родственниками (отец умер в 1911 г.). Сразу же после начала войны я прошел неполную шестинедельную подготовку на учебном плацу под Берлином, и тут же был отправлен в Бельгию, и принял участие в сражении на реке Изер. Можно сказать, что это был период перехода «из школьной аудитории на поле сражений», «со школьной скамьи на бойню».

Это кровопролитное, ожесточенное сражение впервые возбудило в сердцах — моем и моих товарищей-фронтовиков — первую и потому особо глубокую психологическую неуверенность. Наше горячее желание драться и искать приключений было быстро удовлетворено. Потом наступило несколько месяцев молчаливых раздумий и опустошения.

Я предавался всевозможным размышлениям, вытягивая из головы все свои исторические познания. Я осознал, что участвую в одной из бесчисленных европейских войн и воюю на поле сражения, имеющем историю в несколько сотен или даже тысяч лет. Я думал: как бессмысленны эти бесконечно повторяющиеся войны! Сколько раз до меня немецкие солдаты сражались в Бельгии, стремясь вторгнуться во Францию! И наоборот, сколько раз войска Франции и других стран делали здесь то же, надеясь разгромить Германию. Знает ли кто из людей, какой же смысл в этих войнах прошлых времен?

Я старался осознать мотивы, которые лежали в основе новой агрессивной войны. Кто заново проявляет интерес к этим землям, шахтам, промышленности? Кто стремится захватить подобную добычу, невзирая на любые человеческие жертвы? Никто из моих товарищей — простых солдат и не думал о каких-то аннексиях и оккупации. Никто даже и не знал, для чего все эти наши усилия. Никто не знал истинных целей войны, и тем более никто не разбирался в вытекающем отсюда ее глубинном смысле. Большинство солдат были людьми среднего возраста, рабочими и ремесленниками. Почти все из них были членами профсоюзов, а большое число — сторонниками социал-демократии. Но только лишь один человек из них был действительно левым. Это был пожилой каменщик из Гамбурга, и он тщательно скрывал свои политические взгляды, не раскрываясь ни перед кем. Мы подружился с ним. Он рассказывал о своей жизни в Гамбурге, о своем опыте преследований и безработицы. Он был первым пациентом, которого я встретил. Погиб он в бою в начале 1915 года, а вскоре после этого и я был впервые ранен. Уже сразу после начала войны я заметил, что мы, простые солдаты, и офицеры живем совершенно отдельной жизнью. За пределами службы мы имели очень мало контактов с офицерами. Офицеры общались только с офицерами. Я совсем не мог иметь чувства какой-то глубокой привязанности к ним.

Я вернулся в Германию для излечения после ранения. В стране становилось все труднее сохранять нормальный уровень жизни. Все определялось двумя вещами: дефицитом и черным рынком. Но если были деньги, на черном рынке можно было купить все что угодно. Бедняки возмущались. Того воодушевления и духа самопожертвования, которые были в начале войны, больше не существовало. Начались обычные для военного времени спекуляции и подпольные сделки, а угар милитаризма постепенно стал улетучиваться. Напротив, полностью раскрылись чисто империалистические цели — прекращение войны в Европе путем достижения корыстных целей войны и установления германского господства.

Используя период реабилитации после лечения, я подготовился к выпускным экзаменам, поступил на медицинский факультет Берлинского университета и даже посетил две-три лекции. Но мне было не очень-то весело после возвращения в Германию, и я не знал, что делать. Я старательно изучал политическую деятельность и политические тенденции, но в условиях войны все это потеряло всякий смысл. И, не дожидаясь завершения срока реабилитации, я снова вернулся на службу.

По возвращении же в часть я увидел, что моих старых товарищей почти не осталось.

Я был направлен на Восточный фронт. Крупное наступление и достигнутые военные успехи позволили нам несколько отвлечься от общей усталости, но, как только появлялись свободные минуты, все мечтали о мире. Однако, несмотря на то что мы проникли далеко в глубь России, конца войны не было видно, и люди стали беспокоиться, что война будет продолжаться бесконечно.

В начале 1916 года я во второй раз был ранен. Возвратившись на родину после длительной трудной поездки через оккупированную Германией русскую территорию, я увидел, что положение в стране критическое. Через семьи моих товарищей-фронтовиков я знал людей различных классов. Среди них были семьи простых рабочих, относящиеся к средней буржуазии мои родственники, состоятельные друзья, поэтому я мог достаточно хорошо наблюдать экономическое положение различных социальных слоев. Буржуазия постепенно опускалась на положение пролетариата, но пыталась как-то избежать своей судьбы, цепляясь за теорию о моральном превосходстве Германии. Я не мог без отвращения относиться к тому, что делалось высокомерными и невежественными представителями так называемого «германского духа». Но среди политических лидеров появились люди, которые начали испытывать беспокойство в отношении войны. Это явилось результатом того, что внутренняя и внешняя политика стала жесткой и жестокой. Иными словами, реакция и империализм повсюду подняли голову. Я убедился, что Германия не может предложить миру ни новых идей, ни новых каких-либо действий, но и Англия, и Франция, и другие страны мира также не имеют возможностей внести свой вклад в дело мира. Никакие дискуссии о духовности и высоких идеалах не могли поколебать моей убежденности. С тех пор я не воспринимал всерьез утверждения об идеях и духе, которыми якобы руководствуются ведущие войну народы, независимо от их расы.

Моя неудовлетворенность выросла по сравнению с периодом первой моей реабилитации. И я вновь сразу же добровольно отправился на передний край. Я считал, что лучше сражаться в других странах, чем еще глубже погружаться в болото в своей стране.

Атмосфера в части стала в целом еще более мрачной, чем раньше. Однако появилось больше людей, проявлявших интерес к проблемам политики и завершения войны. Постепенно укреплялось мнение, что, кроме решительных политических измене-

ний, ничто не может вывести нас из столь тяжелого положения. Я встретил двух солдат, которые были связаны с радикальными политическими организациями Германии. Один из них часто рассказывал о Розе Люксембург и Карле Либкнехте. Однако ни в наших беседах с ними, ни в моих размышлениях проблема прекращения войны не представлялась важной. Гораздо более серьезным был вопрос, как можно было бы устранить причины бессмысленных саморазрушительных и бесконечных войн в Европе. Нам казалось, что эта проблема куда более фундаментальна, чем окончание нынешней войны. Мы не были трусами, которые боялись бы продолжения войны или не отказались бы от любых средств, чтобы только ее закончить. Для нас было достаточно ясно, что, если только просто бросить оружие, это развяжет руки противникам Германии для достижения их империалистических устремлений. Более важным мы считали глобальное решение проблемы, решение в международном масштабе на длительный срок, но мы еще совершенно не знали способов достижения этого. Мы еще были довольно далеки от левого движения в Германии и других странах.

Политические организации националистического и империалистического толка вели бешеную пропаганду и посылали на фронт несчетное количество пропагандистских листовок. Под их воздействием мы вели оживленные дискуссии. Все эти организации пытались поднять моральный дух солдат, стремясь разъяснить обширные цели Германии в войне и раскрыть каждую из претензий, которые Германия должна предъявить другим странам для обеспечения своего постоянного превосходства. Но фактически результаты были абсолютно иными, чем те, на которые они рассчитывали. Что же касается леворадикальных элементов на фронте и внутри Германии, то их усилия были подобны бензину, который плеснули в огонь. Я обычно молча только слушал подобные дискуссии и иногда задавал вопросы, у меня еще не было какой-либо убежденности, знаний, решений. Однако постепенно пришло время, когда надо было отбросить позицию стороннего наблюдателя, которой я придерживался в течение длительного времени, и сделать окончательный вывод. Как раз тогда я был в третий раз ранен. Это было очень серьезное ранение. В меня одновременно впилося много осколков снаряда, а два из них раздробили кости.

В течение нескольких месяцев я вынужден был серьезно лечиться в полевом госпитале. Там я познакомился с интеллигентной и умной медсестрой и ее отцом. Он был врачом. Вскоре я узнал, что оба они тесно связаны с радикальным социал-

демократическим движением. От них я впервые сумел подробно услышать о революционном движении в Германии, различных партиях и течениях, международном революционном движении. Тут впервые также я услышал о Ленине и его деятельности в Швейцарии. Я почувствовал, что если глубоко изучу коренные проблемы империалистической войны, о чем размышлял на фронте, то обязательно сумею найти и ответы на них. И я твердо решил найти эти ответы или хотя бы поставить вопросы. У меня уже появилось желание стать апостолом революционного рабочего движения. Период моего лечения в полевом госпитале оказался полезным и в другом смысле. Я впервые взялся за философию, последовательно изучил Канта и Шопенгауэра, обратился к истории, в том числе истории искусств, и, кроме того, у меня появился интерес к экономическим проблемам. Медсестра и ее отец снабжали меня соответствующей литературой в различных областях, которые я хотел изучать. Моя рана была очень серьезной, из-за чего в процессе лечения я испытывал страшные боли. Однако, несмотря на это, я был счастлив как никогда в последние годы. Моя тяга к исследованиям, которая время от времени проявляется и сейчас, сформировалась именно тогда.

Когда рана в основном затянулась, я, еще будучи солдатом, возобновил занятия в университете, но регулярно посещал полевой госпиталь для лечебных процедур. Я отказался от занятий медициной и решил специализироваться на изучении политологии и экономики. Я считал, что, изучив социальные, экономические и политические изменения в Германии и Европе, смогу удовлетворить свои интересы.

В то время летом и зимой 1917 года я начал особенно остро ощущать, что мировая война бессмысленна и бездумно все обрекает на запустение. С каждой стороны уже погибло по несколько миллионов человек. И никто не скажет, сколько еще миллионов разделят их судьбу. Хваленая экономическая машина Германии лежала в руинах. Я чувствовал это на личном опыте, ощущая вместе с многочисленными пролетариями голод и растущий дефицит продуктов питания. Капитализм распался на свои составные элементы — анархизм и спекулянтов. Я видел крах Германской империи, которая, как считали, имеет прочный и незыблемый политический фундамент. Господствующий класс Германии, столкнувшись с таким положением, безнадежно растерялся и раскололся как морально, так и политически. В культурном и идеологическом плане нация ударилась в пустую болтовню о прошлом, в антисемитизм или романо-католицизм. И военно-фео-

дальний правящий класс, и буржуазия оказались не способны указать курс для государства и способ спасения его от полного разрушения. И в лагере противников Германии было то же самое. Политические требования, выдвигаемые противниками Германии, и на будущее не оставляли другого способа решения конфликта, кроме применения оружия. Свежая и эффективная идеология поддерживалась революционным рабочим движением, и за нее разворачивалась борьба. Эта наиболее сложная, решительная и полезная идеология стремилась устранить экономические и политические причины нынешней и будущих войн путем внутренней резолюции.

Я детально изучил эту идеологию в Берлинском университете, особенно старательно ее теоретический фундамент. Я читал и греческую философию, и оказавшую влияние на марксизм философию Гегеля. Я прочитал Энгельса, а затем и Маркса, что попадало в руки. Я изучал также труды противников Маркса и Энгельса, т. е. тех, кто противостоял им в теории, философских и экономических учениях, и обратился к изучению истории рабочего движения в Германии и других странах мира. В течение нескольких месяцев я приобрел фундаментальные знания и овладел основами практического мышления.

Развитие революции в России указало мне путь, по которому нужно идти международному рабочему движению. Я решил не только поддерживать движение теоретически и идеологически, но и самому стать на практике его частью. И с тех пор, какие бы выводы ни делались о моих личных и материальных проблемах, я встал на этот путь. И сейчас, когда третий год идет Вторая мировая война и развязана война между Германией и Советским Союзом, у меня еще более крепнет убеждение, что решение, принятое мною 25 лет назад, было правильным. Я могу так заявить, даже обдумав все, что случилось со мной в течение прошедших 25 лет, и особенно в последний год.

Моя карьера в германском революционном рабочем движении с 1918 года до конца 1924 года

После демобилизации в январе 1918 года я поступил в Кильский университет, но я никак не думал, что в течение года здесь произойдет германская революция. В Киле я вступил в революционную организацию — Независимую социал-демократическую партию. Я не вступил в группу «Спартак», но только по той причине, что в Киле не смог установить связи с этой организацией.

Как только я вступил в партию, мне сразу же была поручена работа в социалистических студенческих организациях. Вместе с двумя-тремя студентами я создал такую организацию и затем стал ее руководителем. Кроме того, в рамках партийной организации я стал руководителем учебного кружка в районе, где проживал, и преподавал там историю рабочего движения, различия между революционным и контрреволюционным движением и другие предметы. Безусловно, я старался вовлечь в партию новых членов из моих друзей-студентов и выполнял также различные мелкие поручения.

Я тайно читал лекции по социализму группам рабочих порта и матросов. Таким образом, я содействовал и революции в Кильской военной гавани, начатой восставшими матросами. Даже сейчас я помню одну из этих лекций. Одним ранним утром я был вызван и приведен в незнакомое до того место. Придя туда, осмотревшись, я понял, что это была подземная матросская казарма, где меня попросили тайно прочитать лекцию при плотно закрытых дверях.

Сразу после революции моя работа в партии заключалась в разборе бесчисленных заявлений о приеме в партию, пропагандистской и преподавательской деятельности. Помимо этого я должен был главным образом по-прежнему поддерживать связь со студенческими социалистическими организациями, которые набрали в это время большую силу.

В конце того года я с двумя-тремя товарищами с партийным заданием выехал в Берлин, где работал в местном штабе. Развернулась непримиримая борьба между фракцией во главе с Носке и Шейдеманом и революционным движением. Армия же стала на сторону Носке и выступила против революции. Партия нуждалась в помощи, но, когда я приехал в Берлин, было слишком поздно что-либо делать. После жестокого кровопролития восстание «Спартак» было подавлено. Нас загнали в гараж и обыскали, но, к счастью, мое оружие не обнаружили. Тот, кто имел оружие и отказывался отдать его, тут же расстреливался. Пробыв с товарищами несколько дней в здании гаража, мы вернулись в Киль. Но нельзя было назвать это триумфальным возвращением. В начале 1919 года я уехал в Гамбург и стал готовиться к экзаменам на врача.

По приезде в Гамбург я и там создал студенческую социалистическую организацию и стал ее секретарем, а кроме того, выполнял обычную партийную работу по месту жительства. В конце этого года меня назначили руководителем учебной секции партийных руководителей региональной организации Гамбурга. Вскоре

после этого фракции нашей партии так же, как группа «Спартак» и другие революционные организации, автоматически влились в Германскую коммунистическую партию. В течение 1920 года я работал в штабе парторганизации Гамбурга в качестве руководителя учебной секции. В то же время я был консультантом в коммунистических газетах Гамбурга. Однажды меня посетил знаменитый социалист Шейдеман. Он спросил меня, не хочу ли я, как потомок Адольфа Зорге, примкнуть к их движению, но я, конечно, решительно отказался.

Затем, имея желание перебраться в глубь страны, я получил место учителя в высшей школе в г. Аахене и стал готовиться к отъезду туда, но меня вызвали в Берлин в Центральный комитет партии. После доклада о событиях в Гамбурге мне предложили выполнять различную практическую работу для партии в районе Аахена. Там были сильны позиции рабочих и особенно мощными были организации рабочих-католиков. Вскоре после прибытия в Аахен меня назначили членом городского комитета партии, где я стал отвечать за вопросы партучебы. Одновременно я занимался активной пропагандой среди шахтеров. Вскоре я установил связи с партийными руководителями района Рейнланд в Кёльне. Они часто приглашали меня на свои митинги и попросили принять участие, как я делал это в Гамбурге, в коммунистических изданиях этого района. Однажды, когда редактор коммунистической газеты Золингена находился в тюрьме, два месяца во время школьных каникул я даже заменял его и редактировал газету. Кроме того, в качестве представителя района Рейнланда я несколько раз принимал участие в заседаниях ЦК по вопросам руководства партий и расширения состава ЦК.

Однако продолжать в Аахене политическую деятельность в интересах партии и оставаться ассистентом профессора в высшей школе, конечно, было для меня невозможно. Где-то к концу 1922 года я оставил высшую школу, поскольку был втянут в ожесточенные политические дискуссии.

По согласованию с партией, я активнее стал работать среди шахтеров. При этом, трудясь в угольных районах Аахена, я мог покрывать и свои расходы на жизнь. Не вызывая подозрений о своем членстве в партии, я нанялся разнорабочим на шахту недалеко от Аахена. Работа была тяжелой, а из-за последнего ранения, полученного мной на фронте, она порой становилась просто невыносимой. Однако я не отступил от своего решения. Опыт работы шахтером был очень ценен для меня, ничуть не уступая опыту, полученному мной на фронте. К тому же моя новая работа отвечала интересам партии.

Моя работа среди шахтеров вскоре стала приносить некоторые плоды. Я сформировал коммунистическую ячейку на шахте, где я сначала работал, и после того как она окрепла и развивалась, я перешел на другую шахту в окрестностях Аахена. И таким же образом в течение этого года я еще раз поменял место работы.

Я пытался действовать тем же методом в угольных районах Голландии, но эта попытка провалилась. Я был быстро разоблачен, уволен с шахты и выслан за границу.

За это время я стал хорошо известен на всех шахтах Аахена, и в результате стало совершенно невозможным найти там работу. Власти угрожали передать меня Союзной военной администрации, поэтому мне ничего не оставалось делать, как покинуть Аахен и оккупированную зону (тогда война еще только закончилась, и Рейнланд находился под военной оккупацией и управлялся администрацией стран союзников-победителей).

Я уехал в Берлин, и там в Центральном комитете обсудили вопрос о моей будущей партийной деятельности. В ЦК предложили мне оплачиваемую работу в руководящих органах партии, однако я отказался, поскольку предпочитал набрать побольше практического опыта и в то же время хотел закончить образование. Друзья предложили мне должность ассистента на социологическом факультете Франкфуртского университета и одновременно быть там внештатным преподавателем. Руководство партии одобрило эту идею и поручило мне активную работу в парторганизации Франкфурта.

Во Франкфурте я стал членом городского партийного руководства и отвечал, как и раньше, за учебную работу, а кроме того, был консультантом коммунистической печати. Вскоре после этого компартия в Германии была объявлена вне закона. Благодаря тому, что мое имя не было хорошо известно властям во Франкфурте, я имел возможность с большой пользой трудиться для партии. Я вел секретное делопроизводство и регистрацию членов партии, а также обеспечивал тайную связь между ЦК в Берлине и организацией во Франкфурте. Партийные средства и пропагандистские материалы посылались на мой адрес. Крупные посылки я скрывал в учебных аудиториях в ящиках для угля или прятал в моем кабинете и библиотеке социологического факультета университета. Кроме меня там же работали два-три члена партии, поэтому не было нужды бояться разоблачения. Таким образом, мы сохраняли деньги и материалы, поэтому в случае необходимости в них руководящих органов их можно было быстро изъять и использовать. Несмотря на то, что компартия была

запрещена, благодаря такой системе во Франкфурте деятельность партии ничуть не сократилась. Когда в Саксонии в результате вооруженного восстания была установлена рабочая республика, я по решению партии постоянно поддерживал с ней тайную связь. Выполняя специальные задания, я часто посещал Саксонию и доставлял важные указания и распоряжения по политическим и организационным вопросам, которые партия направляла через нас во Франкфурт.

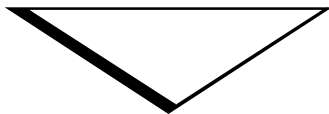
Когда в 1924 года состоялся съезд компартии во Франкфурте-на-Майне, для участия в нем в качестве представителей Коминтерна нелегально прибыли советские коммунисты. По решению руководства мне было поручено осуществлять их личную охрану. Во время съезда я обеспечивал безопасность этих важных делегатов, занимался их размещением и делал все, чтобы они могли спокойно заниматься делами. В это время Германская коммунистическая партия столкнулась с серьезными политическими трудностями, почему Коминтерн и послал к нам четырех человек — Пятницкого, Мануильского, Куусинена и Лозовского. Я был одним из делегатов съезда, а кроме того, выполняя это нелегкое поручение, старался полностью удовлетворить нужды заперленных за нами делегатов. Нечего и говорить, что у меня с представителями Коминтерна установились очень тесные отношения, и день ото дня они становились все более дружественными. При закрытии съезда они предложили мне приехать в этом году в Москву и поработать в штаб-квартире Коминтерна, но я не смог тогда выехать в Москву, так как сразу после Франкфуртского съезда я должен был участвовать в целом ряде совещаний по проблемам организационной и информационной работы. Однако предложения представителей Коминтерна о моей работе в разведотделе Коминтерна были одобрены руководством партии в Берлине, и в конце 1924 года я отбыл в Москву, а в январе 1925 года приступил к работе. В то же время Пятницкий перевел меня из Германской в Советскую коммунистическую партию.

Перед тем как закончить записки, я должен рассказать о моей встрече в 1923 года с делегацией Московского научно-исследовательского института Маркса — Энгельса, возглавлявшейся известным ученым Рязановым. В ходе поездки по Германии делегация собирала материалы для института. Кто-то попросил меня собрать информацию о политическом литературном наследстве Адольфа Зорге, который работал секретарем I Интернационала, созданного Марксом. Рязанов пригласил меня в этот институт в Москву, но руководители Германской коммунистической партии тогда непустили меня.

В заключение я должен добавить, что моя карьера в качестве литератора не ограничивалась только статьями для коммунистических газет и журналов. В 1922 году я написал памфлет под названием «Концентрация капитала и Роза Люксембург», в котором критиковал ее теорию. Я выполнил это теоретическое исследование, но мои методы обращения с трудными вопросами были слишком грубыми и незрелыми. Этот памфлет был полностью сожжен нацистами, и сейчас я рад, что не осталось ни одного его экземпляра. Во время пребывания в Москве я опубликовал «Экономические последствия Версальского мирного договора» и, кроме того, в 1927 году — «Германский империализм». Думаю, что это достаточно зрелые сочинения. Оба они широко читались в Германии и были переведены также на русский язык.

В 1924–1925 годах в связи с моим переездом в Москву и одновременным переходом в Советскую коммунистическую партию моя деятельность для Германской коммунистической партии закончилась. Таким образом, моя связь с Германской коммунистической партией ограничивается периодом с 1918 по 1924 год.

СОДЕРЖАНИЕ

Чарльз Уайтон

ЗНАМЕНИТЫЕ ШПИОНЫ XX ВЕКА

Перевод с английского Н. Ю. Лихачевой

Глава 1	
ШПИОНАЖ СКВОЗЬ МГЛУ ВЕКОВ.....	6
Глава 2	
АДМИРАЛ ХОЛЛ ПО ПРОЗВИЩУ «МОРГУН»	41
Глава 3	
ДРУГИЕ МАТА ХАРИ	65
Глава 4	
ЭРНСТ ВОЛЬВЕБЕР	80
Глава 5	
ГЕРМАН ЛАНГ — ЧЕЛОВЕК, УКРАВШИЙ НОРДЕНОВСКИЙ ПРИЦЕЛ	95
Глава 6	
«ДЖОННИ» — ВАЛЛИЙСКИЙ ШПИОН	105
Глава 7	
«РОБИН» — ШПИОН-ЛЮБИТЕЛЬ	117
Глава 8	
ФРЕЙЛЕЙН, КОТОРАЯ БЫЛА ЯПОНСКОЙ ШПИОНКОЙ	132
Глава 9	
«КРАСНАЯ КАПЕЛЛА»	143
Глава 10	
«ЛЮСИ» ИЗ ЛЮЦЕРНЫ	162

Глава 11	
«ЦИЦЕРОН»	181
Глава 12	
«АТОМНЫЕ» ШПИОНЫ	195
Глава 13	
ПОЛКОВНИК АБЕЛЬ	221
Глава 14	
РИХАРД ЗОРГЕ	236

Ральф де Толедано

ШПИОНЫ, ПРОСТОФИЛИ И ДИПЛОМАТЫ

Перевод с английского Н. Ю. Лихачевой

Предисловие	272
Глава 1	
ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ — ПАДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ.....	276
Глава 2	
НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ БЕЗ ПЕРЕМЕН	283
Глава 3	
«СОБАКАМ И КИТАЙЦАМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН»	295
Глава 4	
КОМИНТЕРН ДЛЯ 4-ГО УПРАВЛЕНИЯ	305
Глава 5	
ШАНХАЙСКОЕ ДЕЙСТВИЕ: «КРАСНЫЙ» ВАРИАНТ	312
Глава 6	
ЗОРГЕ ЗА РАБОТОЙ	
Глава 7	
КОЛЬЦО ВОКРУГ ШАНХАЯ	327
Глава 8	
В ФОКУСЕ — ЯПОНИЯ	333

Глава 9	
МИССИЯ В ТОКИО	340
Глава 10	
ТОКИЙСКИЙ ПРИКАЗ НА МАРШ	347
Глава 11	
ЦЕНА — 40 ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ	356
Глава 12	
ПРЕЛЮДИЯ К ПЁРЛ-ХАРБОРУ	367
Глава 13	
ЗВЕНЬЯ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ	384
Глава 14	
«АМЕРАЗИЯ I»:	
1700 УКРАДЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ	394
Глава 15	
«АМЕРАЗИЯ II»:	
ПРАВОСУДИЕ НАОБОРОТ	412
Глава 16	
ИНСТИТУТ ТИХООКЕАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ —	
«КРАСНАЯ ЗАВОДЬ»	426
Глава 17	
СТРАТЕГИЯ ПОРАЖЕНИЯ	446

ТЮРЕМНЫЕ ЗАПИСКИ РИХАРДА ЗОРГЕ

*Перевод с японского Г. Ю. Ветрова, С. В. Коврижкина,
А. А. Прохожева, И. Л. Тимонина*

Предисловие	460
--------------------------	-----

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Глава I	
О МОИХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ГРУППАХ	
В ЯПОНИИ И КИТАЕ	466

Глава II

КОМИНТЕРН И СОВЕТСКАЯ

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ 479

Глава III

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК КАК АРЕНА МОЕЙ

ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 491

Глава IV

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЕЙ РАЗВЕДГРУППЫ В КИТАЕ

С ЯНВАРЯ 1930 ГОДА ПО ДЕКАБРЬ 1932 ГОДА . 492

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Глава I

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЕЙ

ГРУППЫ В ЯПОНИИ 516